

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2019 / № 5

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 10.01.01 – Русская литература; 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья; 10.02.01 – Русский язык.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philological Sciences: 10.01.01 – Russian literature; 10.01.03 – Literature of the peoples of foreign countries; 10.02.01 – Russian language.

ISSN 2072-8522 (print)

2019 / № 5

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

**Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета.
Серия: Русская филология»**

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор серии:

Шаповалова Т.Е. – д.филол.н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора серии:

Герасименко Н.А. – д.филол.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Самсонов Н.Б. – к.филол.н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В.Н. – доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Болгария);

Алексеева Л.Ф. – д.филол.н., проф., МГОУ;

Аношкина В.Н. – д.филол.н., проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Воропаев В.А. – д.филол.н., проф., МГУ имени М.В. Ломоносова;

Гусман Т.Р. – д.филол.н., проф., Гранадский университет (Испания);

Киселёва И.А. – д.филол.н., проф., МГОУ;

Колларова Э. – д. философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словакия);

Копосов Л.Ф. – д.филол.н., проф., МГОУ;

Моторин А.В. – д.филол.н., проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И.А. – д.филол.н., проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б.Ю. – д.филол.н., проф., Белорусский государственный университет (Беларусь);

Петров А.В. – д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л.В. – д.филол.н., проф., Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского;

Супрун В.И. – д.филол.н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е.Я. – д.филол.н., доц., Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского;

Шаталова О.В. – д.филол.н., проф., МГОУ;

Шеншина В.А. – д.филол.н., науч. сотр., Хельсинкский университет (Финляндия);

Щедрина Н.М. – д.филол.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» – печатное издание, публикующее статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы); литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Русская филология»

по Объединённому каталогу «Пресса России» 40718

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2019. – № 5. – 366 с.

© МГОУ, 2019.

© ИИУ МГОУ, 2019.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University.
Series: Russian Philology»
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

N.A. Gerasimenko – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

N.B. Samsonov – Ph.D. in Philological sciences Sciences, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.N. Avramova – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L.F. Alekseyeva – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.N. Anoshkina – Doctor of Philological sciences, Professor, honored science worker of the Russian Federation;

V.A. Voropayev – Doctor of Philological sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University;

R. Guzmán Tirado – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Granada (Spain);

I.A. Kiseleva – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, MRSU;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia);

L.F. Kopusov – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

A.V. Motorin – Doctor of Philological sciences, Professor, Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University;

I.A. Nagorny – Doctor of Philological sciences, Professor, Jilin University (China);

B.Yu. Norman – Doctor of Philological sciences, Professor, Belorussian State University (Belarus);

A.V. Petrov – Doctor of Philological sciences, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L.V. Ratsiburskaya – Doctor of Philological sciences, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V.I. Suprun – Doctor of Philological sciences, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E.Y. Titarenko – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky;

O.V. Shatalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.A. Shenshina – Doctor of Philological sciences, Helsinki University (Finland);

N.M. Shchedrina – doctor of Philological Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The reviewed scientific journal “Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology” is a printed edition that publishes articles on linguistics (lexicogrammar system of the Russian language, the language of literature); literature study (study of the works of Russian and foreign writers, a comparative analysis of their works).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, PhD students and all those interested in the achievements of philological science.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС 77 - 73348.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library “CyberLeninka” (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2019. – № 5. – 366 p.

© MRSU, 2019.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2019.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АРХИВ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АРХИВ 15

РАЗДЕЛ II. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

- Аллатов В. М.* НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ КОНДРАШОВ И ЕГО УЧЕБНИК «ИСТОРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ» 51
- Базылев В. Н.* ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ НАУКИ: ГЕРМАН ГЮНТЕР ГРАССМАН (ЗАВЕТ Н. А. КОНДРАШОВА: ПРОДОЛЖАТЬ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ) 57
- Вендина Т. И.* «ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС» И СЛОВАЦКО-РУССКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ 63
- Воркачев С. Г.* КОНЦЕПТ «МЗДОИМСТВО» В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ 79
- Дуличенко А. Д.* РУССКИЙ ЯЗЫК: ПОКИДАЯ XX ВЕК (ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ СОЦИОЛИНГВИСТА) 88
- Кретов А. А.* ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ЕДИНСТВЕННОГО, ПРАВДА И СИНГУЛЯРОИДЫ 99
- Лённгрен Т. П.* ВЫНУЖДЕННАЯ ЛАКУНА В ТРУДАХ Н. А. КОНДРАШОВА ПО ИСТОРИОГРАФИИ СЛАВИСТИКИ: НОРВЕЖСКИЙ СЛАВИСТ ОЛАФ БРОК. . 109
- Лифанов К. В.* ПРОФЕССОР Н. А. КОНДРАШОВ И ЕГО ВКЛАД В СЛОВАКИСТИКУ 126
- Никитин О. В.* НЕЗАБЫТАЯ КНИГА Н. А. КОНДРАШОВА «ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ» (ОБ АКТУАЛЬНОСТИ РЕТРОФИЛОЛОГИИ XX ВЕКА) 136
- Супрун В. И.* ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ ПОПУЛЯРИЗАТОР СЛАВИСТИКИ: К ЮБИЛЕЮ НИКОЛАЯ АНДРЕЕВИЧА КОНДРАШОВА 153
- Русен Т.* «НА РУССКОЙ СТОРОНЕ ВСЁ ТИХО»: РУССКИЕ ЛЮДИ И МЕСТА ПО МАТЕРИАЛАМ ШВЕДСКИХ ГАЗЕТ 1700–1721 ГГ. (СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ) 163
- Чернышева М. И.* ВОЗВРАЩАЯСЬ К «ЗАДАЧКАМ СРЕЗНЕВСКОГО» 169
- Шайбакова Д. Д.* ПЛЮРИЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ 175
- Щербин В. К.* АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ СЛАВЯНСКОЙ РАВНИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ 184
- Ягинцева О. Г.* К ЭТИМОЛОГИИ ДИАЛЕКТНОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО БАЙДАК 'РЕЧНОЕ СУДНО' 196

РАЗДЕЛ III. МЕМОРИАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Аллатова Т. А., Беглова Е. И., Боброва Т. А., Введенский В. В., Воштелева Т. М., Голованевский А. Л., Гордеева О. Н., Градинарова А. А., Джанумов С. А., Добродомов И. Г., Ермакова Н. Ф., Инчина Л. Г., Колесникова С. М., Кунарёв А. А., Леденёва В. В.,

<i>Марченкова Л. А., Молчанова О. В., Мурашов А. А., Осипова Е. П., Рупосова Л. П., Третьякова В. С., Халикова Н. В., Шаталова О. В., Щербакова Н. Н.</i> Н. А. КОНДРАШОВ: ПЕДАГОГ, УЧИТЕЛЬ, ЛИЧНОСТЬ (ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ СЛАВИСТА)	203
<i>Беглова Е. И.</i> ДАР МЫСЛИ	204
<i>Архарова Д. И.</i> «ДУМАЙ, ГОЛОВА, КАРТУЗ КУПЛЕН!»	245
<i>Донина Л. Н.</i> МОГУ ЛИ Я ЗАБЫТЬ ТАКОЕ?	250
<i>Герасименко Н. А.</i> ЭТО ПИСЬМО ПЕРЕВЕРНУЛО МОЮ ЖИЗНЬ	256
<i>Горбунова Л. Г.</i> «ПАДАЮЩИЕ ХЛОПЬЯ СНЕГА...» (ВСПОМИНАЯ УЧИТЕЛЯ) ...	263
<i>Жигулина Н. А.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА Н. А. КОНДРАШОВА, ИЛИ КАК НЕ БЫТЬ ИСПУГАННЫМ СТРАУСОМ	267
<i>Жигулина Н. А.</i> «ПОВЕЗЛО НАМ, ЧТО ТОГДА МЫ У НИКИТКИ СОБРАЛИСЬ» (ВСПОМИНАЯ НИКОЛАЯ АНДРЕЕВИЧА КОНДРАШОВА)	271
<i>Журавлев В. П.</i> «ЭНТОМОЛОГ – ЭТО КТО?..»	276
<i>Карлина Н. Н.</i> НАУКА И ЖИЗНЬ НИКОЛАЯ АНДРЕЕВИЧА КОНДРАШОВА (ИЗ СТУДЕНЧЕСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ)	280
<i>Колычева Г. Ю.</i> «ЧУДОТВОРЕЦ» (ВСПЫШКА ПАМЯТИ)	285
<i>Никитин О. В.</i> АВТОГРАФЫ «ДЕДА КОНДРАША»	288
<i>Судаков Г. В.</i> ЭТО БЫЛ НАСТОЯЩИЙ УЧИТЕЛЬ	299
<i>Хроленко А. Т.</i> «ОБРАЩАЮСЬ К ВАМ С ОДНИМ ДЕЛОВЫМ ПРЕДЛОЖЕНИЕМ...» (ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ПРОФЕССОРОМ Н. А. КОНДРАШОВЫМ)	306
<i>Чалов В. П.</i> НАСТОЯЩИЙ ПРОФЕССОР	311
<i>Шпицына Г. М.</i> ЭПИЗОДЫ	317

РАЗДЕЛ IV. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Гладунов И. К.</i> АРХЕТИП ПЛУТА В РОМАНАХ А. С. БАЙЕТТ	323
<i>Маркина О. Ю.</i> ЛИРИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ПОВЕСТВОВАНИЯХ Б. ЗАЙЦЕВА И К. ПАУСТОВСКОГО О ЮНОСТИ	328
<i>Поташова К. А.</i> ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ «НЕТ, НЕ ТЕБЯ ТАК ПЫЛКО Я ЛЮБЛЮ...» В АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА	335

РАЗДЕЛ V. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Ачилова Е. Л., Регушевская И. А.</i> ГИБРИДНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СЛЕНГЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ГЕЙМЕРОВ	342
<i>Федосюк М. Ю.</i> «НЕДАРОМ ПОМНИТ ВСЯ РОССИЯ ПРО ДЕНЬ ... БОРОДИНО», ИЛИ ПОЧЕМУ ПЕРЕСТАЮТ СКЛОНЯТЬСЯ ТОПОНИМЫ НА -ИНО, -ОВО .	350
АНАЛИЗ РУССКОГО ПЕРЕВОДА ЗАГОЛОВКОВ ГЛАВ РОМАНА	
<i>Ху Сюэ, Ху Гумин.</i> «СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ» В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ АДАПТАЦИИ	359

РАЗДЕЛ VI. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Титаренко Е. Я.</i> III МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ» (8–12 ИЮНЯ 2019 Г., ЯЛТА)	366
---	-----

CONTENTS

SECTION I. LINGUISTIC ARCHIVES

LINGUISTIC ARCHIVES15

SECTION II. SCIENTIFIC ARTICLES

- V. Alpatov.** NIKOLAY KONDRASHOV AND HIS TEXTBOOK “HISTORY OF LINGUISTICS”51
- V. Bazylev.** PERSONALITY IN THE HISTORY OF SCIENCE: HERMANN GÜNTHER GRASSMANN (N. A. KONDRASHOV’S TESTAMENT – TO CONTINUE HISTORIOGRAPHICAL RESEARCH)57
- T. Vendina.** “GENERAL SLAVIC LINGUISTIC ATLAS” AND SLOVAK-RUSSIAN LEXICAL ISOGLOSSES.63
- S. Vorkachev.** CONCEPT “BRIBERY” IN LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION 79
- A. Dulichenko.** RUSSIAN: LEAVING THE 20th CENTURY (FROM OBSERVATIONS OF A LINGUIST)88
- A. Kretov.** NOMINATIVE SINGULAR, PRAVDA AND SINGULAROIDS.99
- T. P. Lönngren.** ENFORCED LACUNA IN N. KONDRASOV’S STUDIES ON HISTORIOGRAPHY OF SLAVISTICS: NORWEGIAN SLAVIST OLAF BROCH 109
- K. Lifanov.** PROFESSOR N. A. KONDRASHOV AND HIS CONTRIBUTION TO SLOVAK STUDIES126
- O. Nikitin.** THE UNFORGETTABLE BOOK BY N. KONDRASHOV “GENERAL LINGUISTICS” (THE RELEVANCE OF RETROVIROLOGY OF THE 20TH CENTURY)136
- V. Suprun.** A CONSISTENT PROMOTER OF SLAVIC PHILOLOGY: TO THE ANNIVERSARY OF NIKOLAY KONDRASHOV.153
- T. Rosén.** “ALL QUIET ON THE RUSSIAN FRONT”: RUSSIAN PEOPLE AND PLACES IN SWEDISH NEWSPAPER MATERIALS OF 1700–1721 (SOCIOLINGUISTIC STUDIES)163
- M. Chernysheva.** RETURNING TO “THE SREZNEVSKY’S TASKS”169
- D. Shaibakova.** PLURICENTRIC APPROACH TO LANGUAGE SITUATION ANALYSIS175
- V. Shcherbin.** THE ANALYSIS OF KEY CONCEPTS OF SLAVIC COMPARATIVE LEXICOGRAPHY.184
- O. Yagintseva.** ABOUT THE ETIMOLOGY OF THE DIALECTAL NOUN BAIDAK ‘RIVER BOAT’196

SECTION III. MEMORIAL MATERIALS

Alpatova T. A., Beglova E. I. Bobrova T. A., Vvedensky V. V., Voiteleva T. M., Golovanevskij A. L., Gordeeva O. N., Gradinarova A. A., Dzhanumov S. A., Dobrodomov I. G., Ermakova N. F., Inchina L. G., Kolesnikova S. M., Kunaryov A. A.,

<i>Ledenyova V. V., Marchenkova L. A., Molchanova O. V., Murashov A. A., Osipova E. P., Ruposova L. P., Tret'yakova V. S., Khalikova N. V., Shatalova O. V., Shcherbakova N. N. N. KONDRASHOV: EDUCATOR, TEACHER, PERSONALITY (THE PORTRAIT OF A SLAVIST)</i>	203
<i>D. Arkharova.</i> "THINK, HEAD, CAP WAS BOUGHT!"	245
<i>L. Donina.</i> CAN I FORGET THAT?	250
<i>N. Gersimenko.</i> THIS LETTER TURNED MY LIFE AROUND.....	256
<i>L. Gorbunova.</i> "FALLING SNOWFLAKES" (REMEMBERING THE TEACHER) .	263
<i>N. Zhigulina.</i> LINGUISTIC SCHOOL BY N. A. KONDRASHOV, OR HOW NOT TO BE A SCARED OSTRICH	267
<i>N. Zhigulina.</i> "WE WERE LUCKY THAT THEN WE GATHERED WITH NIKITA..." (REMEMBERING NIKOLAI ANDREEVICH KONDRASHOV).....	271
<i>V. Zhuravlev.</i> "ENTOMOLOGIST – WHO IS IT?.."	276
<i>N. Karlina.</i> THE SCIENCE AND LIFE OF NIKOLAY KONDRASHOV (FROM THE STUDENT'S MEMORIES)	280
<i>G. Kolycheva.</i> THE WONDER WORKER (THE FLASH OF MEMORY).....	285
<i>O. Nikitin.</i> AUTOGRAPHS OF "GRANDPA KONDRASH"	288
<i>G. Sudakov.</i> HE WAS A REAL MASTER	299
<i>A. Khrolenko.</i> "I APPEAL TO YOU WITH A BUSINESS PROPOSAL..." (FROM CORRESPONDENCE WITH PROFESSOR N. KONDRASHOV).....	306
<i>V. Chalov.</i> THE REAL PROFESSOR	311
<i>G. Shipitsyna.</i> EPISODES.....	317

SECTION IV. LITERARY STUDIES

<i>Gladunov I. K.</i> TRICKSTER'S ARCHETYPE IN A. S. BYATT'S NOVELS.	323
<i>O. Markina.</i> THE LYRICAL BASIS IN AUTOBIOGRAPHIC WORKS OF B. ZAITSEV AND K. PAUSTOVSKY ABOUT YOUTH.....	328
<i>K. Potashova.</i> THE CREATIVE HISTORY OF THE POEM "NO, NOT YOU SO ARDENTLY I LOVE..." IN THE ASPECT OF STUDYING THE M. LERMONTOV'S POETIC PERSONALITY	335

SECTION V. LINGUISTIC STUDIES

<i>E. Achilova, I. Regushevskaya.</i> HYBRID VERBAL FORMATIONS IN THE SLANG OF RUSSIAN-SPEAKING GAMERS.....	342
<i>M. Fedosyuk.</i> «NEDAROM POMNIT VSYA ROSSIYA PRO DEN' ... BORODINO», OR WHY TOPONYMS ENDING ON -INO, -OVO STOP TO BE DECLINED ...	350
<i>Hu Siyue, Hu Guming.</i> ANALYSIS OF RUSSIAN TRANSLATION OF CHAPTER TITLES OF "A DREAM OF RED MANSIONS" FROM THE PERSPECTIVE OF ADAPTATION THEORY	359

SECTION VI. SCIENTIFIC LIFE

<i>E. Titarenko.</i> III International symposium "Russian in a multicultural world" (june 8–12, 2019, Yalta)	366
--	-----

К 100-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА НИКОЛАЯ АНДРЕЕВИЧА КОНДРАШОВА (1919–1995)

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Редакция и редколлегия публикуют в настоящем номере подборку научных и мемориальных материалов, приуроченных к 100-летию со дня рождения знаменитого учёного-слависта, доктора филологических наук, профессора МОПИ имени Н. К. Крупской – МПУ (сейчас МГОУ) *Николая Андреевича Кондрашова (1919–1995)*, проработавшего в стенах нашего университета более 30 лет.

Н. А. Кондрашов – выпускник легендарного МИФЛИ, а затем МГУ имени М. В. Ломоносова – крупнейший представитель российской лингвистической школы, автор около 500 научных сочинений по славистике, теории языка и компаративистике, диалектологии и лексикологии, грамматике, методологии и культуре филологического труда, знаток и творец истории науки XX столетия, пропагандист её лучших духовных традиций. Он участвовал в международных съездах славистов, начиная с самого памятного, IV московского, 1958 г., и входил в первый состав редколлегии журнала «Вопросы языкознания». Н. А. Кондрашов – неутомимый издатель, редактор и переводчик фундаментальных работ Пражского лингвистического кружка и зарубежной классики. Он был у истоков формирования послевоенной лингвистики в СССР и был свидетелем многих сенсаций в научной жизни страны, перевернувших сознание современников: от последнего натиска марристов в конце 1940-х до сталинской дискуссии о языке 1950-х, в которую он внёс свою лепту, находясь в самом пекле филологических кульбитов советской

эпохи; от возрожденческих настроений в славянских государствах до печально известных событий 1968 г., а затем международных конфликтов и войн конца XX столетия, шумных процессов деления языков и границ некогда братских народов. Он жил в то непростое время и никогда от него не отворачивался¹.

Неординарная, исключитель-но одарённая, масштабная личность Н. А. Кондрашова – уникальное явление в биографии факультета русской филологии МОПИ – МПУ – МГОУ. Он пришёл в наш институт 44-летним энергичным исследователем со знанием почти всех славянских языков, а также немецкого, английского, французского, венгерского, турецкого и литовского², уже испытавшим немало потрясений. Учёный с разносторонними и глубокими интересами, работавший в кругу первых величин в языковедении 1950-х гг., здесь, в областном пединституте, влился в другую атмосферу учительских традиций и прилагал большие усилия для поднятия уровня лингвистического образования на факультете: организовывал спецкурсы по славянским языкам, ввёл интересные содержательные занятия для студентов по творчеству В. Н. Татищева³

¹ См. подробнее: Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. Т. 80. № 5. С. 81–89.

² Сведения взяты из личного дела профессора Н. А. Кондрашова (Архив Московского государственного областного университета).

³ См.: Кондрашов Н. А. Лингвистические взгляды В. Н. Татищева и язык его произведений: спецкурс.

и И. И. Срезневского¹, готовил новые программы и учебные пособия для лекций по ключевым предметам – «Старославянскому языку», «Исторической грамматике русского языка», «Истории лингвистических учений» и «Общему языкознанию», руководил кафедрой русского языка и диссертационным советом, в котором обсуждались работы, посвящённые исследованию «необычных» тем. Так, А. У. Урусилев, один из первых аспирантов Н. А. Кондрашова, в 1967 г. защитил кандидатское сочинение на тему «Роль русского языка в обогащении и развитии аварского языка». П. А. Сулейманова под руководством молодого слависта-мифлидца написала диссертацию «Глагольные словосочетания пространственного значения с зависимым именем в родительном и винительном падежах и их соответствия в лакском языке», защищённую в 1969 г. А талантливая ученица Н. А. Кондрашова Л. П. Рупосова подготовила оригинальную кандидатскую работу «Русско-словацкие языковые связи (на материале словацкого литературного языка)» (1970 г.), продолжившую традицию изучения славянских языков в русле кондрашовской школы. В 1972 г. учёный выпустил двух аспирантов: А. П. Словягина с темой «Нормализация народно-литературного типа русского языка 2-й половины XVII в. в области фонетической системы (на материале лечебников)» и Л. Ф. Копосова – «Вологодские говоры XVI–XVII вв. по данным местной деловой письменности (фонетика и морфология)». Н. А. Кондрашов брался практически за любую тему, настолько гибок и проницателен был его лингвистический темперамент, способный открыть новую научную идею или целое направление. Приведём ещё несколько имён и названий диссертаций учеников Николая Андреевича 1970-х гг.: Л. Н. Булатникова «Семантика и функция частиц *даже, же, то, таки* в современном русском языке»

М., 1985.

¹ См.: Кондрашов Н. А. Лингвистическое и методическое наследие И. И. Срезневского: учебное пособие. М., 1979.

(1973 г.), П. Ф. Иванушкина «Бессоюзные сложные пояснительные предложения в современном русском языке» (1973 г.), Г. М. Шипицына «Структура семемы качественного прилагательного и методы выделения её компонентов» (1973 г.), Н. В. Боганова «Формирование русской математической терминологии (термины элементарной математики)» (1974 г.), А. Л. Голованевский «Общественно-политическая лексика и фразеология русского языка 1900–1917 гг. (на материале большевистских листовок, печати и пролетарской поэзии)» (1974 г.) и др.²

Полный сил, не знавший усталости, упорный в достижении цели Н. А. Кондрашов, захваченный идеями изучения литературных языков и диалектов Славии, он ездил в славянские страны для сбора материала по словацким говорам и работы над международным лексикографическим проектом «Velký rusko-slovenský slovník» (тт. 1–2. Братислава, 1960, 1963).

Спустя несколько десятилетий после триумфального шествия Пражской школы, её открытий и горячих дискуссий, Н. А. Кондрашов вновь оказался в тех местах, где происходили главные события в мире лингвистики первой половины XX века, а имена Н. С. Трубецкого, В. Матезиуса, С. О. Карцевского, В. Скалички, П. Г. Богатырёва, Н. Н. Дурново и многих других славистов ещё помнили его современники, пересказывая захватывавшие разум молодого советского учёного истории и погружая его в непознанные, порой изувеченные контрасты филологии и жизни XX века. Эти дискуссии и битвы он переживал так, как будто сам участвовал в съёмках документального кино, – то проповедуя классиков славистики В. Караджича, Л. Штура,

² См. подробнее: Перечень кандидатских диссертаций по русскому языку, защищённых в Совете факультета русского языка и литературы МОПИ им. Н. К. Крупской в 1951–1976 гг. // Географические и хронологические пределы распространения русского слова. Лингвистический сборник. Выпуск 13 / МОПИ имени Н. К. Крупской; ред. колл.: Н. А. Кондрашов (отв. ред.) и др. М., 1979. С. 128–138.

Ф. Л. Челаковского и Ф. Миклошича, то выступая настоящим борцом за независимость словацкого языка. На западных границах *lingua Slavia* он отстаивал исторические принципы и культурные традиции самобытности языков и народов, понимал последствия идеологического плена, бесконечно любил и знал обычаи, песни и поэзию этнических славян, сочувствовал им в их нелёгкой судьбе. Находясь в тех местах в общем-то со скромной педагогической миссией, он и там будоражил своих слушателей откровениями, взрывал притихшую под лозунгами эпохи аудиторию и не давал покоя соотечественникам, которые побаивались его нелёгкого нрава и жизненных принципов. Вот один показательный эпизод, сохранившийся в дневниковых записях О. Н. Трубочёва 1958 года: «Отдельным знакомым лицам (А. В. Исаченко. – О. Н., Т. III.) давал обстоятельные характеристики: Кондрашов, по его словам, вёл себя не совсем разумно в Чехословакии; так преувеличенно ругал советское языкознание и выражался, что “славистики – нет” (в самое недавнее время), что многие начали считать его провокатором. Это вызвало, якобы, нездоровый шумок среди студентов, напр., в Оломоуце»¹.

Он открывал своим студентам и преподавателям мир зарубежной науки в лицах, характерах и почти документальных снимках «с природы» – будь то знаменитые чешские, словацкие, польские, сербские, немецкие или русские учёные. А. Белич, Э. Бернекер, И. А. Бодуэн де Куртенэ, О. М. Бодянский, Р. Ф. Брандт, А. Брюкнер, Б. Гавранек, Н. С. Державин, Н. В. Крушевский, И. И. Срезневский, Фр. Травничек, Р. О. Якобсон... Они были для него не только источником проверенной научной информации из первых уст (с одними происходили личные встречи и беседы, постижение других – многолетние архивные разыскания, поиски библиографий и старых журналов, погружённость в переписку), когда остальные каналы нахо-

дились под контролем, но и превратились в необычных героев живых, ироничных, захватывающих рассказов на лекциях и стали предметом его личного интереса как историографа мировой славистики.

После защиты в 1968 г. докторской диссертации «Возникновение и начальный этап словацкого литературного языка» (с тех пор у нас ничего подобного не было) и затем публикации её в сокращённом виде в Братиславе² (невиданное дело в советское время!) Н. А. Кондрашов стал признанным авторитетом в мировой славистике, выразителем наиболее прогрессивных и лингвистически обоснованных идей независимости и особого пути развития словацкого литературного языка, духовную связь с которым он укреплял всю свою пламенную жизнь, оставаясь, подобно его старшим коллегам, борцом за идею и противником коллаборационизма в науке, заступником малых языков и народов Славии.

Николай Андреевич на протяжении более 20 лет был инициатором издания и ответственным редактором кафедральных «Лингвистических сборников», как они тогда назывались, получивших известность далеко за пределами вуза именно благодаря инициативам Н. А. Кондрашова, стремившегося превратить рутинную работу в сотворчество идей представителей разных научных школ. Даже заголовки некоторых из выходявших под его редакцией сборников 1970-х гг. свидетельствуют о высокой дискуссионности и актуальности обсуждавшихся в них тем: «Современный русский язык», «Проблемы исторической лексикологии и семасиологии русского языка», «Географические и хронологические пределы распространения русского слова». В «Лингвистических сборниках» МОПИ вышли также «Материалы VIII конференции преподавателей русского языка педагогических институтов Московской зоны»³.

¹ Академик Олег Николаевич Трубочёв: очерки, воспоминания материалы / гл. ред. Е. П. Чельшев. М., 2009. С. 487.

² Kondrašov A. N. [N.A.] Vznik a začiatki spisovnej slovenčiny. Z rukopisu prel. M. Masárová. Bratislava, 1974 (на обложке перепутаны инициалы автора).

³ См.: Лингвистический сборник. Выпуск 2 (часть первая) / МОПИ имени Н. К. Крупской; ред. колл.:

В далёкие 1960–1980-е гг. в этих локальных кафедральных книжках Н. А. Кондрашов обозначал ключевые проблемы вузовской практики, которая не была для него привычкой что-то делать по указке. Он боролся за науку и мечтал видеть педагогов просвещёнными, грамотными, увлечёнными специалистами! Николай Андреевич действительно создавал новую систему подготовки словесников с углублённым изучением предметов прежде всего *историко-лингвистического цикла* и понимал исключительную важность самостоятельности и в то же время преемственности учительской традиции¹.

Его предложения по улучшению подготовки русистов, высказанные более 40 лет тому назад, и сейчас находятся на вершине филологических мечтаний, но забывать о них нельзя. Приведём эти тезисы:

«1) в курс истории языка необходимо включить по мере возможности материал по исторической лексикологии и словообразованию, которые придадут ему большую привлекательность и эмоциональность;

Н. А. Кондрашов (отв. ред.) и др. М., 1973.

¹ См.: Кондрашов Н. А. О постановке курса «История лингвистических учений» // Материалы VIII конференции преподавателей русского языка педагогических институтов Московской зоны. Лингвистический сборник. Выпуск 2 (часть первая) / МОПИ имени Н. К. Крупской; ред. колл.: Н. А. Кондрашов (отв. ред.) и др. М., 1973. С. 3–10; Кондрашов Н. А. О мерах по улучшению подготовки учителя-словесника // Лингвистический сборник. Выпуск III / МОПИ имени Н. К. Крупской; ред. колл.: Н. А. Кондрашов (отв. ред.) и др. М., 1975. С. 3–13; Кондрашов Н. А. Место старославянского языка в системе историко-лингвистических дисциплин в педагогическом институте // История русского языка. Лингвистический сборник. Выпуск 7 / МОПИ имени Н. К. Крупской; ред. колл.: Н. А. Кондрашов (отв. ред.) и др. М., 1976. С. 17–23; Кондрашов Н. А. Соотношение общелингвистических и историко-лингвистических циклов в системе подготовки учителя-словесника // Географические и хронологические пределы распространения русского слова. Лингвистический сборник. Выпуск 13 / МОПИ имени Н. К. Крупской; ред. колл.: Н. А. Кондрашов (отв. ред.) и др. М., 1979. С. 3–10; Кондрашов Н. А. О принципах филологического образования // Там же. С. 119–127 и др.

2) теснее связать изучение исторических процессов развития языка с современным русским языком;

3) ознакомить студентов с проблемой историзма в преподавании русского языка в средней школе (исторический комментарий современных языковых фактов на материале новых школьных учебников);

4) проведение учебных экскурсий в архивы древней письменности (б<иблите>ка им. Ленина, ЦГАДА) и музей изобразительного искусства с целью привития студентам интереса к культурно-литературному наследию русского народа;

5) проведение вечеров русского языка с включением исторических фактов, способствующих более глубокому познанию родного языка ...»².

Эти сборники, которые теперь воспринимаются в ключе ретрофилологии напутствуют нас и сейчас, а тогда для многих аспирантов Николая Андреевича и его коллег они стали отправной точкой в их педагогической деятельности.

При том, что в МОПИ исследовательская работа часто носила прикладной характер и проблемы «высокой» науки (т. е. той, которой учили Н. А. Кондрашова его педагоги – В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Н. С. Державин, А. М. Селищев, Д. Н. Ушаков и др.) здесь обсуждали редко, он был единственным из уходящей когорты славистов старой школы, который занимался филологическим просвещением с почти славянофильским размахом академика И. И. Срезневского. Его материалы по словакистике, опубликованные в «Учёных записках МОПИ имени Н. К. Крупской» в 1960-е гг., статьи «Казимеж Нитш (к столетию со дня рождения)» (1975), «Историк словацкого языка Ян Станислав» (1976), «Архив славянской филологии» и его роль в истории славистики» (1977), «Народная этимология и системный характер языка» (1977), «Терминология и проблема языко-

² Кондрашов Н. А. О мерах по улучшению подготовки учителя-словесника // Лингвистический сборник. Выпуск III / МОПИ имени Н. К. Крупской; ред. колл.: Н. А. Кондрашов (отв. ред.) и др. М., 1975. С. 8–9.

вого пуризма» (1980), рецензии и обзоры самых авторитетных монографий и словарей и мн. др.¹, издававшиеся не только в местных сборниках, но и в европейских журналах, выходили на мировой уровень славяноведения и показывали их автора как лингвиста-энциклопедиста, хранителя и продолжателя подлинной филологической школы отечественной науки, завещанной отцами-славистами XIX века – А. Х. Востоковым, И. И. Срезневским, Ф. И. Буслаевым, А. А. Шахматовым...

Подобно своим духовным учителям, Н. А. Кондрашов впитывал все важные исторические, этнографические, бытовые факты о жизни славянских народов, особенным филологическим чутьём видел их жаркие споры и культурные потрясения в поисках государственности², по крупицам собирал разбросанные камни диалектов, догадок и теорий прошлого и тут же мог бойко включиться в полемику о волновавших его вопросах современной политики, проникая в самую суть парадоксов и противоречий... Он знал многое не понаслышке, своим тонким наблюдательным умом порой заглядывал в будущее и неповторимыми рассказами о людях и событиях из мира науки разогревал в нас живой интерес к гносеологии, поднимал учеников над серой обыденностью, оживлял их души и сердца.

Н. А. Кондрашов ещё с ранних лет любил именно историю славистики, отлично понимал её культурно-идеологический подтекст, преклонялся перед подвигами Л. Штура и Й. Добровского, монографическими исследованиями биографий учёных³

возрождавший интерес к глобальным проблемам филологии – не к той сиюминутной мелкотемности, которая царила вокруг него и позже захватила почти все печатное пространство, а двигался, часто в одиночестве, к разгадке многих тайн в славистике XIX–XX вв. (борьба идей и идеологий в русской науке вокруг О. М. Бодянского; новаторские эксперименты Н. С. Трубецкого; открытия и заблуждения пражских лингвистов), распахивал для нас двери в непознанные архивы И. И. Срезневского и В. Н. Татищева, учил читать редкие книги и словари, приобщал к забытой классике. Он жил историей науки как её смиренный, но гордый летописец. Даже свои последние статьи, в стилистике которых чувствуется всё тот же бодрый и непокорный голос мифлийца, он посвятил гениям прошлого – П. Шафарика и И. А. Бодуэну де Куртенэ⁴, словно предчувствуя, что о них больше так писать уже не будут.

Николай Андреевич Кондрашов оставил о себе редкую память гуманизмом и твёрдой, подчас непреклонной волей, требовательностью и добротой, глубокими знаниями в области славянских языков и культур, уникальным человеческим и филологическим темпераментом, афористичностью и характерностью, высокими духовными принципами в науке, ярким талантом неподражаемой личности педагога-рассказчика и безусловным подвигом слависта, отстаивавшего всю жизнь подлинные основы науки.

Предлагаемые далее читателям материалы раскрывают малоизвестные факты из научной и личной биографии учёного, позволяют проникнуть в мир его лингвистических интересов и живых идей. В них содержится также анализ трудов

¹ Библиографию трудов Н. А. Кондрашова см.: Архив Московского государственного областного университета. Кондрашов Николай Андреевич. Личное дело; Кондрашов Н. А. Возникновение и начальный этап развития словацкого литературного языка: автореф. дисс. ... док. филол. наук. М., 1968. С. 44–45.

² Ср.: Шахматов А. А. О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами русских племен, населяющих Россию // Московский журнал. История государства Российского. 1999. № 9. С. 21–28.

³ См., например: Кондрашов Н. А. Осип Максимович Бодянский. М., 1956; Кондрашов Н. А. Роман Фёдорович Брандт. М., 1963.

⁴ См.: Кондрашов Н. А. Жизнь и труды Павла Иозефа Шафарика (К двухсотлетию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1995. № 1. С. 97–102; Кондрашов Н. А. Вклад И. А. Бодуэна де Куртенэ в общее языкознание и славистику (К 150-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1995. № 3. С. 96–99.

Н. А. Кондрашова в историко-культурной проекции филологического пограничья эпох и его вклада в языкознание, а рецепция проблем славистики, которые вдохновляли Николая Андреевича в XX веке, нашла отражение во взглядах современных учёных, в чём-то опирающихся на те же самые незыблемые принципы филологии науки: историзм, верность фактам, основательность гипотез и подходов, интерес к документальным открытиям, преданность традиции.

В двух разделах юбилейных материалов: «I. Лингвистический архив» и «II. Научные статьи» – осуществлена републикация статей учёного разных лет, которые могут быть полезны и нынешним исследователям. Здесь помещены и работы славистов из России, Белоруссии, Казахстана, Норвегии, Швеции, Эстонии, так или иначе находящиеся в центре внимания «лингвистических парадигм» профессора Н. А. Кондрашова.

Заключительный раздел «III. Мемориальные материалы» содержит личные воспоминания бывших студентов и аспирантов, «заметки на полях» лекций, сердечные отклики и признания человеку, в судьбе которого жизнь и лингвистика были нераздельны.

Все публикуемые статьи и документы: и научного характера, и мемуарного – без пафосного глянца и жанровых придинок, надеемся, дадут возможность всем нам прикоснуться к человеку-эпохе – Учителю в глубинном, самом высоком смысле этого слова.

Tantum scimus, quantum memoria tenemus¹...

О. В. Никитин, Т. Е. Шаповалова

¹ Мы знаем столько, сколько удерживаем в памяти (перевод с латинского).

РАЗДЕЛ I.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АРХИВ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АРХИВ

Аннотация. В разделе публикуются фрагменты книг и статьи разных лет профессора Н. А. Кондрашова. Представленные материалы показывают интерес учёного к актуальным проблемам славистики и гуманитарного знания: к истории и теории науки, лингвистической персонологии, ключевым вопросам филологического образования, языковому пуризму и др. Кроме полезной историко-культурной информации, работы позволяют проникнуть в круг идей и творческих исканий Н. А. Кондрашова, содержат интересные авторские оценки и наблюдения. Данные материалы могут быть использованы при обучении вузовским курсам «Введение в языкознание», «Введение в славянскую филологию», «История лингвистических учений», «Общее языкознание» и др.

Ключевые слова: история науки, славянская филология, лингвистическая герменевтика, филологическое образование, терминология, калькирование, языковой пуризм, И. В. Ягич, И. А. Бодуэн де Куртенэ

LINGUISTIC ARCHIVES

Abstract. The section publishes fragments of Professor N. Kondrashov's books and articles from different years. The presented materials show the interest of the scientist in the actual problems of Slavistics and Humanities: in history and theory of science, linguistic personology, key issues of philological education, language purism, etc. In addition to the useful historical and cultural information, the works allow entering the circle of ideas and creative searches of N. Kondrashov. They contain the author's engaging assessments and observations. These materials can be used in teaching University courses "Introduction to linguistics," "Introduction to Slavic Philology," "History of linguistic teachings," "General linguistics," etc.

Keywords: history of science, Slavic philology, linguistic hermeneutics, philological education, terminology, calque, linguistic purism, V. Jagich, J. N. I. Baudouin de Courtenay

Из обширного филологического наследия профессора Н. А. Кондрашова мы отобрали работы 1950–1990-х гг., показывающие разные этапы профессионального становления славистических взглядов учёного. Но все они объединены общим историко-культурным замыслом и погружают читателя в самые увлекательные сюжеты «лингвистической библиотеки»: рассказывают о личностях славистов, находившихся у основания этой науки (О. М. Бодянский, Р. Ф. Брандт, И. А. Бодуэн де Куртенэ), приобщают к грандиозным международным проектам «Архив славянской филологии»

И. В. Ягича), говорят об актуальных вопросах филологического образования и освещают многие живые проблемы теории и истории славянского и общего языкознания.

Профессор Н. А. Кондрашов выступает в трудах не только как историограф науки, отлично знавший истоки и традиции формирования филологической мысли в европейских странах, но и как языковед-философ, социолог и даже политик, который своим острым лингвистическим чутьём понимал и предвидел неоднозначные общественные процессы в жизни славян.

А язык, как известно, – зеркало истории, перед лицом которой Н. А. Кондрашов оставался честен.

Почти забытые ныне современными поколениями студентов и преподавателей, его тонкие наблюдения над этногенезом мысли у славян и герменевтические подступы к проникновению в жизнь *слова – культуры – эпохи* ничуть не устарели и сейчас могут быть ориентирами в самообразовании, так как нацеливают читателя на самое главное – любить историю славистики, изучать её по подлинным документам. Они подсказывают, как и что читать из объёмной летописи науки. Все публикуемые далее материалы имеют просветительский характер и далеко выходят за «регламенты» учебных дисциплин и, надеюсь, не оставят никого равнодушным от

прикосновения с благословенной памятью настоящего учёного.

В републикациях оставлены с незначительными поправками и дополнениями авторские ссылки на литературу, сведённые в большинстве случаев к постраничным сноскам. Этот первозданный орнамент ретрофилологии мы сохранили в наборе и подготовке к печати. В ряде случаев, которые нами специально не оговариваются, сделаны сверки и уточнения библиографических источников. Для удобства ознакомления с работами произведена минимальная техническая правка и унификация подачи материала.

О. В. Никитин, Т. Е. Шаповалова

ОСИП МАКСИМОВИЧ БОДЯНСКИЙ (ФРАГМЕНТ ИЗ КНИГИ)¹

[...] В конце 1848 г. над головой Бодянского разразилась гроза. В этот революционный для Европы год, когда венгерская революция дошла до границ России и царское правительство, напуганное событиями, усилило надзор за печатью и преследование её деятелей, в «Чтениях» был напечатан перевод записок Дж. Флетчера «О государстве Русском, или образ правления русского царя...». Англичанин Флетчер, посол английской королевы Елизаветы, приехал в Россию в 1588 г. при царе Федоре Иоанновиче, вскоре после смерти Ивана Грозного. В своём сочинении о России, изданном в 1591 г. в Лондоне, он непочтительно отозвался о некоторых сторонах жизни Русского государства, в частности о духовенстве и внутренней политике правительства. Появление книги вызвало в Англии переполох среди кругов, заинтересованных в торговле с Россией. Английские коммерсанты, боясь, что книга Флетчера дойдёт до России, добились сожжения книги, причём лишь случайно уцелело несколько экземпляров. Карамзин, составляя «Историю государства российского», широко пользовался

книгой Флетчера и почти всю её поместил отрывками в примечаниях. Однако правительство Николая I в 1848 г. испугалось книги Флетчера. По распоряжению царя книга подверглась запрету, Бодянский был удалён с должности секретаря общества, отстранён от кафедры в университете и переведён на службу в Казань. Современники винили в истории с книгой Флетчера Погодина и Шевырёва, которые и донесли министру Уварову об опасности, которую она якобы представляла.

Бодянский, отказавшись повиноваться распоряжению начальства, не выехал из Москвы и подал в отставку. Лишь в конце 1849 г. он приступил к исполнению прежних обязанностей профессора в университете. Однако эпизод с изданием книги Флетчера, наглядно показавший, что николаевская реакция не допускает издания даже исторического памятника XVI в., содержащего некоторую критику в адрес са-

¹ Публикуется по изданию: Кондрашов Н. А. Осип Максимович Бодянский. М.: Изд-во Московского университета, 1956. С. 40–43 (раздел «Учёная и издательская деятельность»). Далее в тексте все ссылки автора.

модержавия (книга Флетчера была издана в России впервые в 1906 г.), отразился на последующей деятельности Бодянского и наложил отпечаток на весь его душевный склад. Он стал более замкнутым, изменил характер своих лекций. Вместо обширных лекций о политической истории славянских народов, содержащих сочувственные характеристики мятежного Гуса, он обращается к грамматическим экскурсам в славянские языки. Изменилась тематика диссертаций его учеников. Так, Новиков, подготовивший работу о гуситском движении, теперь представил в качестве диссертации характеристику лужицких наречий.

Занимаясь обширной издательской деятельностью, Бодянский был близок со многими выдающимися деятелями русской культуры и литературы.

В частности, в конце 40-х годов установились дружеские отношения между Бодянским и Н. В. Гоголем. Гоголь, познакомившийся с Бодянским-студентом в доме Максимовича, у которого тогда жил Бодянский, с первой же встречи заинтересовался планами своего земляка (оба уроженцы Полтавской губ.) и в дальнейшем следил за его работой, передавая ему через Максимовича пожелания «успехов в трудах». После того как Гоголь переехал в 1848 г. в Москву, Бодянский принадлежал к числу наиболее близких ему лиц. Н. В. Берг

пишет в своих воспоминаниях о Гоголе и Бодянском: Гоголь «держал себя большей частью в стороне от всех... Он изменял обыкновенным своим порядкам, если в числе приглашенных вместе с ним оказывался один малороссиянин... Каким-то таинственным магнитом тянуло их тотчас друг к другу: они усаживались в угол и говорили нередко между собой целый вечер, горячо и оживленно, как Гоголь (при мне по крайней мере) ни разу не говорил с кем-нибудь из великоруссов»¹.

Бодянский записал в своём дневнике, когда закончилась история с книгой Флетчера и он был восстановлен на службе в университете, что «часа в три пополудни навел на меня Николай Васильевич Гоголь, пришедший с поздравлением о победе над супостаты: “Максимович был у меня сейчас, сказал Гоголь, и сообщил мне новость о вас и я немедленно же очутился у вас, чтобы вас обнять и поздравить”...»².

Бодянский с замечательной тщательностью собирал и лично переписывал все гоголевские произведения, которые он мог добыть через посредство Аксаковых, Погодина и др. Впоследствии он принял участие в редактировании сочинений великого писателя. [...]

¹ Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 501–502.

² Русская старина. 1888. С. 401.

РОМАН ФЕДОРОВИЧ БРАНДТ (ФРАГМЕНТ ИЗ КНИГИ)⁴

[...] Интерес к поэтическому языку обусловил появление работ Р. Ф. Брандта о Тютчеве, Бенедиктове, И. Северяnine. В связи со столетним юбилеем Тютчева Брандт несколько раз выступал с докладами. Затем намеревался написать монографию о творчестве поэта, но этого замысла не осуществил и напечатал лишь «Материалы для исследования “Федор Иванович Тютчев и его поэзия”» (1911). В этих материалах содержатся текстологические замечания к стихотворениям Тютчева, затем, с точки зрения филолога-поэта, характеризуются некоторые

особенности тютчевского языка и стиха. В статье «Несколько слов о Бенедиктове» (1917) Брандт стремился реабилитировать творчество, особенно поэтические приёмы Бенедиктова, хотя не мог отрицать некоторую напыщенность его слога. Бенедиктов симпатичен Брандту своим новотворчеством: «Смелость Бенедиктова проявлялась также в употреблении редких или даже самодельных слов». Брандту был близок манифест Бенедиктова.

³ Публикуется по изданию: Кондрашов Н. А. Роман Федорович Брандт. М.: Изд-во Московского университета, 1963. С. 50–57 (окончание).

Чтоб выразить отчаянные муки,
 Чтоб весь твой огонь в словах твоих изник,
 Изобретай неслыханные звуки,
 Выдумывай неведомый язык.

При этом Брандт признает, что мыслей в творчестве Бенедиктова действительно мало. «Если б от меня потребовали более точного и сжатого определения авторского облика Бенедиктова, то я подчеркнул бы особенно сильное стремление к свободе творчества, как в области фантазии, так и в области выражения, – то стремление, которое в наши дни стали называть “декадентством”».

В 1916 г. появилась статья Брандта «О языке Игоря Северянина». Прежде всего он отмечает своеобразие языка Северянина, представленное у крайних футуристов как «словоновшество». Затем анализируются основные типы «новотворок» Северянина: 1) приставочные глаголы на *-ить* типа *озадачить: мой путь осветозарь!* (Алтайский гимн); *ома́товить весь лоск германца* (Поэза о гуннах); *я осоловьил Парнос* (Поэза для Брюсова); *он готов осупружиться* (Нелли); 2) ятевые глаголы типа *краснеть: лес заветрел* (Когда ночело); *отчего же я огневею?* (На островах); *заморело!* (Прогулка короля); 3) приставочные и сложные прилагательные типа *безводный и вероломный: в безлистном шелесте страниц, море безволное* и т. п.; 4) существительные на *-ье* типа *распутье: безлучье, чернбровье, безгрёзье, узорье, безнадежье, равнокровье, угрозье, цветочье*; 5) существительные женского рода типа *гладь: хрупь, сонь, смуть, влажь, синь, лиловь*; 6) сложные двукоренные существительные типа *небосвод: лесосон, богомать, лесофея, солнцесвет, альпорозы, грёзофарс*.

Брандт считает нужным оговорить, что он отнюдь не враг новшества в языке, так как сам пытается заменить целый ряд мудрёных и длинных слов более простыми и складными. Одобряя новообразования поэта, построенные по известным моделям, Брандт отрицательно относится к попыт-

кам придать словам новое значение: *моторолёт, летун* в значении самолёт, а не лётчик, *юлят цветы* (по-июльски цветут), к обилию иностранных слов и отступлениям от общепринятой грамматики: *матью* вместо *матерью*, *щекотать просонок вод* и т. п. «При чтении Северянина, таким образом, нередко затрудняешься значением слова, и я совершенно серьезно примыкаю к шуточному желанию Амфитеатрова, чтобы издания нашего поэтика были снабжены списками малоизвестных и не совсем ясных слов – такие словарики, действительно, иногда прилагались к произведениям чешских писателей в пору возрождения чешского языка и литературы, когда насочиняли немало новых слов».

Занимаясь вопросами литературоведения, Брандт, кроме того, длительное время читал в университете курс истории славянских литератур, особенно выделяя среди них польскую. Р. Ф. Брандт еще в детстве слагал стихи, позднее поэтическое творчество занимает важное место в его литературной деятельности. Следует отметить, что собственное творчество и переводы славянских и западноевропейских поэтов для него не были побочным занятием. Брандт знал в совершенстве свыше 20 славянских, классических, романских и германских языков.

Среди московских языковедов он уступал в этом отношении, пожалуй, только Ф. Е. Коршу. На многих из указанных языков Брандт свободно слагал стихотворения (на польском, чешском, латинском и т. п.).

В 1886 г. он публикует первый свой сборник переводов из Анакреона, Байрона, Бернса, Мицкевича и др. под названием «Переложения» под псевдонимом Орест Головинин (ср. «головня» – немецкое Brandt). Позднее появляются два сборника

его басен, как оригинальных, так и переведенных.

Обращение к жанру басни связано с детскими наблюдениями над животными, почерпнутыми в Зоологическом музее его отца, тогда как непосредственный толчок к басенному творчеству дало знакомство Брандта с творчеством польского баснописца Игнатия Красицкого.

В сборнике «Басни переводные, подражательные и оригинальные» (1899) Брандт объясняет причины возникновения своего псевдонима следующим образом: «Еще два слова о моем псевдониме. Я вовсе не желаю за него прятаться, а вполне принимаю на себя ответственность за то, что написал и напечатал, и поэтому сам же раскрываю его в этом предисловии – мне только кажется некрасивым на книге русских стихотворений ставить иностранную фамилию; хотя на этот счет вкусы расходятся: иные литераторы, как

известно, нарочно сочиняют себе иностранные фамилии» (стр. XV). В этом сборнике большая часть басен в сюжетном отношении заимствована у И. Красицкого, Лафонтена, Арно, Лессинга, русских баснописцев Сумарокова, Фонвизина, Хемницера, Измайлова, Дмитриева, иногда используются народные рассказы и анекдоты. Моралистическая концовка в баснях Брандта обычно отсутствует. Содержанием басен, как правило, служат человеческие слабости и пороки, постановка острых проблем отсутствует. Размер басен – разностопный ямб от 13 до 2 слогов, причём, будучи знатоком русского языка, Брандт большое внимание уделял языковой обработке своих переводов и сочинений.

В качестве примера можно привести басню «Дитя и отец», переложенную из Красицкого:

Мальчишку сек отец. Догадлив был сынок –
Он розгу утащил и сжег.
И рад шалун. Да что ж? Конец-то вышел жалкий:
Вновь напроказил сорванец,
И, розги не найдя, отец
Его отделал палкой.

Басня «Советчики» представляет собой переделку известных басен Лафонтена и Красицкого «Мельник, сын его и осел».

Старик-крестьянин, бодрый, но седой,
Вел на продажу лошадишку
И внука взял с собой,
Десятилетнего парнишку.
Прохожий стал трунить над стариком!
«Ну, дедушка, умен! Идти пешком
И весть лошадку порожнем!»
«А ведь совет разумный –
Я, право, полоумный», –
Сказал старик, и сел верхом.
Другая встреча – «Эй, бесстыжий старичишка!
Сам здоровяк на лошади,
А бедный, слабенький парнишка
Пешком бреди!»
Дед принял новую науку
И уступил лошадку внуку.
Но глядь –

Идут прохожие опять,
Опять бранятся:
«Вот времена пошли, – ну, как не возмущаться! –
Уж старости нет чести никакой –
Верхом мальчишка молодой,
Пешком бредет старик седой!»
«А что ж? Ведь в самом деле»,
Решил тут дед,
«При внуке мне пешком идти не след» –
И вот они вдвоем на лошадь сели.
Тут снова встречные, и снова их корят:
«О живодеры», говорят,
«Вдвоем на клячу сели!
Она а так плетется еле-еле –
Она скотинку уморят!»
Дед слез тогда и снял парнишку,
И снова в поводу повел свою клячишку.
«Послушаюсь еще, во уж в последний раз –
Чужое мнение вперед мне не указ.
Нет, если слушать все людские речи,
Еще лошадку взвалят нам на плечи!»

Переработку басни Глейма представляет «Проученный хвастунишка».

К родителям простым на лето
Приехал сын из университета,
И тотчас за столом
Перед папашей и мамашей
Стал хвастаться ученой кашей,
Которой нахватался в нем.
«Великая», он начал, «вещь – науки:
Какие там узнаешь штуки!
Иную так едва-едва
Вместить лишь может голова.
У нас вот два цыпленка на жаркое,
А Логика мне говорит другое:
Я докажу, хоть на пари,
Что их не два, а три.
Тут два цыпленка взор наш замечает,
Но, папа, посмотри –
Ведь два один в себе уж заключает,
А два да плюс один, то будет три.
Теперь и ты, и мать, вы согласитесь сами,
Что три цыпленка перед нами».
Отец сказал: «Конечно, так!
Какой же ты у нас мастак!
Что: значит год проведешь с учеными мужами:
Из двух цыпленков сделал три!
Возьму ж я одного, отдам другого маме,
А ты, брат, третьего бери».

Для иллюстрации басен собственного сочинения Р. Ф. Брандта приведём некоторые из сборника «Басни (свои, перепевы и переводы)» (1910). Первая басня «Пьяница» навеяна анекдотом, приведённым у Досифея Обрадовича.

В избе горевшей спал мужик,
Жестокий пьяница. И вот раздался крик:
«Ребята, не зевайте!
Воды, воды давайте!»
А он кричит, вскочив со сна:
«Воды не надо, мне вина!»

«Упрямая жена» известна из Мицкевича, «Жениться хорошо» и басни Измайлова Лафонтена, а также притчи Ломоносова «Утопленница».

«На помощь поскорей! Жена моя, жена,
Рекой унесена!»
Какой-то человек кричал так в иступленьи.
А сам бежал против течения.
«Куда?!» (твердят ему) «постой!
Иль с горя впал ты в помраченье?
Телá же вниз плывут, с водой».
«Насчет жены вы в заблужденья:
Она, конечно, как везде,
Наперекор пошла воде».

«Страстный старик» (сочинение Брандта).

Перед красоткой молодой
В восторге млеет старик седой.
«Ах! Чем склонить тебя» (воскликнул он) к участию?
О, солнце моего унылого бытья!
Я вновь горю кипучей страстью –
Вернулась молодость моя!»
И вот, хоть дряхлый уж и хилый,
Наш увлеченный старичок
Припал к ногам ей с юной силой.
Припасть-то он припал, но встать уже не мог.

«Небывалое наводнение» – по анекдоту.

Приезжий полон изумленья,
Глядел на дом и метку наводнения.
«А, дворник! – Эй, пойдя сюда!
Скажи: неужто жехватила тут вода
Чуть не до крыши?!»

«Куда!
Но доску шалуны сдирали иногда,
Так я прибил ее повыше».

Большого значения басенное творчество Брандта не имеет, хотя до революции некоторые из его басен и включались в хрестоматию. Как было отмечено, после переезда в Москву Брандт всё больше отходит от языкознания. Широко известной становится в Москве его переводческая деятельность. Кроме упомянутых трёх сборников, стихотворных приветствий и многочисленных переводов он переводит поэму выдающегося итальянского поэта Торквато Тассо «Освобожденный Ерусалим» (два тома, 1911–1912). Близкое знакомство Р. Ф. Брандта со средневековой итальянской поэзией началось с изучения дубровницкой литературы в университете. Поэтому уже тогда Брандт попробовал перевести несколько октав из поэмы Тассо.

Вернулся он к ней вновь в 1904 г. Отрывки из поэмы уже переводили Батюшков, Иван Козлов и Шевырев, полные переводы были сделаны Мерзляковым, Раичем и Мином. Перевод Брандта гораздо ценнее этих переводов, он отличается верностью подлиннику, хотя современному читателю бросается в глаза некоторая архаичность языковых средств и отчасти манерность, свойственная переводчику-филологу. У Тассо представлена женская рифма, в переводе Брандта она нашла отражение в октаве только один раз. Поэтому с внешней стороны подлинника более ясное впечатление оставляет «вступление», сочинённое самим Брандтом.

Поток времен, хоть всё пронесит мимо,
Не надо всеми властен именами:
Четвертый век певец Ерусалима
Сердца пленяет громкими струнами,
И вот меня влечет неодолимо!
Воспроизвесть те песни между нами –
Звучите же, Торкватовы октавы!
Ему как звон, а мне как отзвук, славы.

В самом тексте мы находим преобладание мужских рифм.

Необычайно чисто и светло,
Вспыло солнце новое с Востока,
И с знаменами войско потекло
На поле, что раскинулось широко, –
Всех ненарядней, под броней, влекло
Явиться пред водительское око.
А вождь, на месте став, перед собой
И конный пропускал и пеший строй.

Песнь первая, 35.

Приведём последнюю песнь поэмы:

Так победил Гоффрид; а столько там
Им оставалось свету до захода,
Что в город он вступить велел бойцам,

Свободный от неверного народа.
 Плащей кровавых не снимав, во храм
 Пришел с друзьями высший воевода;
 Над гробом он повесил знак побед
 И, павши ниц, исполнил свой обет.

Некоторые места перевода современная критика находила образцовыми, например:

Царила ночь: безоблачно-ясна;
 Она покров свой распустила.
 И уж лучами хладными луна
 Росы живые капли серебрила.

В последние годы жизни Р. Ф. Брандт перешёл с подлинников «Сонеты»

Шекспира и «Луизиаду» Камюэнса, но не смог издать эти переводы, так как не нашёл издателя.

«АРХИВ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ» И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ⁵

Сто лет тому назад И. В. Ягич начал издавать в Берлине журнал *Archiv für slavische Philologie*. Возникновение этого журнала является важной вехой в истории славянской филологии. 1876 год, когда начал выходить «Архив», можно с полным основанием считать переломным в истории славянских литератур и славянской этнографии. Этот перелом сказался как на масштабах и формах исследовательской работы по славистике, так и на методах научного исследования, что особенно существенно. Журналом Ягича завершился период господства в славистике идей и методов Ф. Миклошича и его русских сверстников Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского и А. А. Потебни и начался период господства младограмматической школы, тесно связанный с Лейпцигским университетом.

Сам Ватрослав Ягич (в России Игнатий Викентьевич) был наиболее известным

учеником Миклошича по Венскому университету. Он родился в 1838 г. в хорватском Вараджине, в 1856 г. закончил гимназический курс в Загребе и с этого времени в качестве стипендиата изучал классическую филологию в Вене. Уже с 3 семестра и до конца курса Ягич слушал лекции Миклошича по славянским языкам, их грамматике и истории славянских литератур. В 1860 г. Ягич становится учителем гимназии в Загребе и до 1870 г. преподаёт классические, хорватский и старославянский языки. За протест против мадьяронской политики местных властей он был уволен со службы. В это же время Петербургский университет присудил Ягичу звание доктора *honoris causa*, что открыло для него двери русских университетов. В 1981 г. Ягич стал экстраординарным профессором сравнительной грамматики Новороссийского (ныне Одесского) университета. В том же году в Лейпциге он защищает докторскую диссертацию о словах с корнем *dě-* в славянских языках. С 1874 г. он переезжает в Берлин профессором славянской филологии и с 1876 г. начинает издавать свой Архив. В дальнейшем научная деятельность Ягича была свя-

¹ Публикуется по изданию: Кондрашов Н. А. «Архив славянской филологии» и его роль в истории славистики // Проблемы исторической лексикологии и семасиологии русского языка: Лингвистический сборник. Выпуск 8 / МОПИ имени Н. К. Крупской; ред. колл.: Н. А. Кондрашов (отв. ред.) и др. М., 1977. С. 3–12.

зана с Петербургом и Веной. После кончины И. И. Срезневского Ягич переезжает в Петербург и занимает кафедру славянской филологии, читая одновременно лекции по истории русского языка на Высших женских курсах, в Петербурге он избирается членом Академии наук. Петербургский период для Ягича длился шесть лет.

В 1886 г., когда Миклошич ушёл на пенсию, Ягич переезжает в Вену, организует при университете славянский семинар, оставивший заметное место в истории славяноведения, и плодотворно работает до выхода на пенсию в 1908 г. Издание «Архива» он не прекращает до своей смерти, последовавшей 5 августа 1923 г. Таким образом, издание журнала охватывает берлинской (1875–1880), петербургский (1880–1886) и венский (1886–1923) периоды жизни Ягича.

Научные интересы И. В. Ягича в области славистики были всеобъемлющи, о чём свидетельствует обилие трудов и разнообразие их тематики. Современные ему слависты говорили: «Ягич знает всё». Энциклопедические познания Ягича были устремлены прежде всего в историко-филологические и литературно-культурные области. Он был филологом в наиболее полном значении этого слова. Изучив в молодости классические языки, он перенёс задачи филологического исследования и критики на старославянские тексты. Ягич всегда стремился воскресить, опираясь на текст, прошлое, понять литературу и культуру, отражённую в памятнике письменности и фольклоре, изучить язык памятника.

Он начал с издания текстов хорватских писателей средневековья. Затем его жизненной целью стало критическое издание памятников старославянской письменности. Он, в частности, издал Зографское евангелие (1879), Мариинское евангелие (1883), Болонскую псалтырь (1907) и множество других ценных памятников. Ему принадлежит обширное издание грамматических сочинений славянского средневековья: «Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке» (1895). В 1886 г. он издаёт текст

древнерусской Минеи. Ягич был крупнейшим палеографом своего времени. Об этом свидетельствуют не только его издания, но и множество статей и заметок, помещённых в «Архиве» и других изданиях. Для «Энциклопедии славянской филологии» Ягич написал «Глаголическое письмо» (1911).

Филологические и палеографические интересы были у Ягича на первом плане, поэтому в нём языковед явно уступал филологу. Этому не скрывал и сам Ягич, когда писал в 1886 г. Бодуэну де Куртенэ: «Вы все же в основном лингвист или языковед, меду тем как я филолог со всем “хламом и обузою” древних рукописей, которых, несомненно, больше тут, чем там»¹ (имеется в виду Россия и Австрия). Несмотря на это обстоятельство, Ягичу принадлежат многие, чисто лингвистические работы. Это его статьи о взаимоотношении славянских архивов («Архив», XVII, 1895), работа о словосложении («Архив», XX–XXI, 1898–1899), «Критические заметки по истории русского языка» – тщательный разбор «Лекций по истории русского языка» А. И. Соболевского (1899), “Beiträge zur slavischer Syntax” (1899) – **заметки по сравнительному синтаксису славянских языков**. Не устарела до настоящего времени его монография “Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache” (2-е изд., 1913), в которой на широком сравнительно-историческом материале окончательно была опровергнута паннонская теория происхождения старославянского языка и дан ценный разбор лексических особенностей старославянских памятников².

Научная деятельность Ягича находилась в полном соответствии с тем пониманием

¹ Письма И. В. Ягича к русским ученым. 1865–1886. М.-Л., 1963. С. 229.

² См.: Ляпунов Б. М. Краткий очерк ученой деятельности академика Игнатия Викентьевича Ягича. Одесса, 1901; Сперанский М. Н. Жизненный труд и историко-литературная деятельность И. В. Ягича // Известия ОРЯС РАН, XXVIII, 1924; Карский Е. Ф. Заслуги И. В. Ягича в изучении старославянского и русского языков. Там же; Кораблев В. Н. Памяти академика И. В. Ягича. К десятилетней годовщине со дня смерти (1883–1923). Л., 1934.

филологии как науки, которое сложилось у него и нашло отражение в его формулировках. «Славянская филология в обширном значении этого слова обнимает совокупную духовную жизнь славянских народов, как она отражается в их языке и письменных памятниках, в произведениях литературных то отдельных личностей, то общей силы простонародного творчества, наконец, в верованиях, преданиях и обычаях. Таким образом, она включает в круг своих занятий: во-первых, научные рассуждения о языках славянских, подвергая разбору как памятники языка, так и все диалектические особенности живых говоров, не обходя молчанием и языков литературных со всеми иногда довольно сложными условиями их происхождения и развития; во-вторых, историю славянских литератур, вдаваясь в объяснение целых эпох и оценку отдельных произведений, доискиваясь источников или зависимости от чужого влияния; в-третьих, историю бытовую, изображающую особенности народной жизни во всех ее изгибах. В этом объеме славянская филология представляет сложный организм различных предметов, сплоченных в одно целое»¹. Такому весьма широкому пониманию филологической науки Ягич следовал всю жизнь. Это же понимание он отстаивал в период основания «Архива», когда в 1876 г. писал А. Кунику: «Я так представляю себе филологию»:

I. Язык: а) грамматическое; б) этимологически-лексическое; в) памятники языка; г) история языка.

II. Литература: а) история литературы; б) отдельные биографии и историко-литературные монографии; в) издания классиков.

III. Фольклор: а) народные песни; б) народные сказки и народные сказания; в) статьи об этом; г) описание народных обычаев.

IV. Древности: а) исторические, например, сочинения, касающиеся праистории;

б) религиозная мифология; в) археологическая, например, раскопки, и т. п.

V. Вспомогательные пособия: а) энциклопедии; б) библиографии; в) описание библиотек.

По этому плану, я считаю, нужно составлять библиографию»².

Будучи в центре славистической науки, работая попеременно в Хорватии, России, Германии и Австро-Венгрии, Ягич внимательно следил за научной деятельностью славянских и неславянских учёных и оценивал все важные работы в своём журнале. Ягич хорошо знал научную деятельность таких корифеев славистики, как Г. Добнер, И. Добровский, Б. Копитар, П. И. Шафарик, В. Караджич. Именно поэтому его «История славянской филологии» (1910) является наиболее полным и лишённым субъективных оценок трудом в этой области.

Наряду с разносторонними научными исследованиями, в центре которых находился всё тот же старославянский язык, Ягич явился организатором и начинателем многих предприятий и изданий общеславянского значения. Эта сторона деятельности Ягича заслуживает особого внимания. Первым таким предприятием и было создание «Архива». «Он стремился к большой научно-организационной работе, к объединению всех живых славяноведческих сил, был организатором первого в истории славянства международного славяноведческого журнала историко-филологического профиля – “Archiv für slavische Philologie”»³. В Петербурге он учреждает серию «Исследования по русскому языку». В Вене создаёт Славянский семинар и Балканскую комиссию для изучения южнославянских языков. В 1893 г. у Ягича возникает идея создания «Энциклопедии славянской филологии», которая позднее была реализована Российской Академией наук при деятельном участии Ягича лишь частично. Он всегда ратовал за общеславянское единство и взаимопонимание,

² Письма... С. 105.

¹ Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 1.

³ Виноградов В. В. И. В. Ягич // Письма И. В. Ягича к русским учёным. 1865–1886. М.-Л., 1963. С. 4.

что нашло наиболее яркое отражение в его письмах к А. А. Шахматову по поводу съезда славистов и союза славянских академий. Воспоминания Ягича представляются большой интерес для оценки науки его времени¹.

Мысль об издании журнала по славянской филологии захватила Ягича ещё во время пребывания в Одессе. В 1873 г. он пишет В. И. Ламанскому: «**Именно я желаю**, чтобы Вам удалось основать для нашей науки особенный ученый орган вроде “Германии” или “Романии”, в чем, по моему убеждению, славянская филология крайне нуждается»². Ягич намерен был выступить в качестве посредника между славянским миром и романо-германским Западом. Его журнал должен был знакомить европейских учёных с состоянием славянской филологической науки и сделать славянскую филологию равноправной с германской и романской филологией. Славянство понималось Ягичем в духе его либерального мировоззрения как нечто единое и цельное. В апреле 1875 г. Ягич сообщает И. И. Срезневскому: «Я нашел издателя, который готов поддерживать журнал для славянской филологии, конечно, на немецком или французском языках, но по содержанию касающийся только славянских языков и литератур. Я хочу назвать его “Archiv für slavische Philologie”, потому что этот орган должен заключать в себе, кроме оригинальных статей, также переводы из всех славянских наречий всего выдающегося по области филологии. Таким образом, “Archiv...” должен сделаться необходимым пособием для всех интересующихся славянской наукой, не понимающих же славянских языков. Да я надеюсь, что и для славян такое предприятие не будет бесполезно»³.

Ягич сознавал некоторую двусмысленность издания журнала на немецком языке,

поэтому в письме Ламанскому стремился найти оправдание: «Пока вы, господа русские, не решитесь в Петербурге основать центральный орган для всех славян, позвольте мне прибегнуть к постыдному, но, к сожалению, до сих пор к практическому средству – языку немецкому. Ведь главное дело не форма, а содержание»⁴. Эти же мысли высказывал Ягич в 1877 г. в письме Я. К. Гроту: «Теперь спрашивается только, считают ли надлежащие факторы в России все еще преждевременными, чтобы такого рода предприятия, как мой “Архив”, выходило не в Германии, а в России, не на немецком, а на русском и остальных славянских языках. Если Россия желает занять в среде славян то место, которое ей принадлежит по природе, – одною военною силою немного поделает, даже денежными пожертвованиями, которыми русские всегда столь щедры были, она не добьется того влияния, которое должна бы во взаимном интересе производить на западных славян. Одно только средство остается – влияние литературы и науки. Согласитесь, что оно пока очень слабо и ничтожно. Не стыдно ли русским славистам при их громадных средствах сравнительно с моими, что я опередил их и в Берлине создал литературный центр; как бы ни чудовищно это последнее казалось, но оно все-таки есть»⁵.

На протяжении полувека «Архив» Ягича был не только хранилищем в области материалов славяноведения, но и прокладывал новые пути в исследовании самых различных филологических дисциплин, возбуждал научные интересы и ставил новые для изучения проблемы. Сам Ягич был живо заинтересован в развитии славянской филологии и зорко следил за всем новым в науке, своевременно подчёркивая в своих оценках перспективы и значения отдельных направлений и областей исследования. Среди многих проблем, в разрешении которых видное место принадлежит «Архиву», отметим важнейшие достижения и чисто организационные мероприятия.

¹ Спомени мојега живота, I-II, Београд, 1930–1934.

² Письма... С. 68. Ежеквартальный для немецких древностей “Germania” выходил в 1856–1892 гг. в Штутгарте и Вене. Журнал “Romania” выходил в Париже с 1872 по 1939 гг.

³ Там же. С. 94.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Там же. С. 120.

1. Проблема происхождения старославянского языка. Паннонская теория Капитара-Миклошича была опровергнута на страницах «Архива» и трудами самого Ягича. Ягич понимал, что истолкование древнейших памятников старославянского языка, столь важных для славянской филологии вообще и истории отдельных славянских языков в частности, имеет первостепенное значение. Развёртывание диалектологической работы и сличение её результатов с фактами старославянского языка показали важность македонских говоров. Труды наиболее одарённого ученика Ягича В. Облака, опубликованные в «Архиве», явились в этом отношении наиболее важными.

2. Издание древних памятников славянской письменности. Ягич начинает борьбу со старой филологической школой, стремится к истолкованию и классификации фактов с помощью сравнительно-исторического метода. В «Архиве» представлена литературно-историческая оценка множества письменных памятников, дано сравнение их с греческими и латинскими оригиналами, объяснение их возникновения и соотношения различных редакций.

3. Изучение литературной и культурной деятельности славянских просветителей Кирилла и Мефодия. Ягич регистрировал и оценивал все новые факты, связанные с кирилло-мефодиевским вопросом. Достаточно указать, кроме трудов самого Ягича, на исследования Ламанского, Голубинского, Лаврова, Вондрака, Пастернака, Брюкнера и др.

4. Роль старославянского языка в истории русского литературного языка. В «Архиве» 16-летний гимназист А. А. Шахматов в 1881 г. напечатал свою первую научную работу о неточностях в издании списка жития Феодосия Печерского (V, 1881). В этой работе, предвосхитившей его многие последующие теории, Шахматов стремится разграничить две группы древнерусских памятников. С одной стороны, церковнославянские тексты, принесённые на Русь вместе с принятием христианства, с другой, – оригинальные произведения

(проповеди, жизнеописания русских святых, некоторые переводы). По мнению Шахматова, эти памятники древнейшего периода заслуживают особого внимания и требуют тщательного издания. Особое место Шахматов отводил деятельности киевского монаха Нестора, автора Киево-Печерского патерика житий как Бориса и Глеба, так и Феодосия. Как монах и автор произведений религиозного содержания, Нестор владел старославянским языком, которым и пользовался в своей литературной деятельности. Это обстоятельство и привело Шахматова к убеждению, что русский литературный язык – это старославянский, перенесённый на русскую почву и постепенно подвергшийся обрусению.

5. Определение круга дисциплин, составляющих славянскую филологию. По мнению Ягича, эта обширная область представляет собой совокупность культурных, литературно-лингвистических и исторических проблем, устремлённых как в славянское прошлое, так и к современным задачам, стоящим перед отдельными славянскими народами. Об этом свидетельствует и программа журнала, намеченная Ягичем: «В состав его должны войти:

статьи по этимологико-грамматическим вопросам, касающимся славянских языков, отдельно исторически или компаративно;

статьи критико-эксегетические по разным вопросам, относящиеся к литературным памятникам славянским;

исследования о народной поэзии, сказках, пословицах и т. п.;

прибавления к науке о славянских древностях, по разным вопросам культурно-историческим;

тексты, еще не изданные, относящиеся к языку и его истории;

обозрение библиографическое – вроде незабвенных Ваших (Срезневского) – извлечений из славянских научных журналов, ученая переписка и т. п.

Направление журнала должно быть строго научное, но вместе славянское»¹.

¹ Там же. С. 94–95.

6. Информационные и критические задачи. В «Архиве» была осуществлена критическая оценка новых работ по славянской филологии. Большинство рецензий и обзоров написаны самим Ягичем. Коллективная работа неизбежно требовала критического отношения и взыскательной оценки всего сделанного. «Архив» в известной мере удовлетворял и культурные запросы всех славянских народов. Поскольку славянская филология не могла находиться вне жизни и политики, то политическая жизнь славянских стран властно врывается на страницы журнала. Наконец, «Архив» разрешал задачу связи славянской науки с европейской как самим фактом своего существования, так и информацией по проблемам германской и романской филологии.

7. «Архив» как объединитель славянских научных сил и база для национальных журналов. Ягич сумел привлечь к участию в своем журнале всех активно работающих в то время ученых-славистов. Достаточно ознакомиться с XXV юбилейным томом «Архива» (1903), в котором помещены фотографии авторов – сотрудников журнала, – чтобы наглядно в этом убедиться. Ягичу были близки А. Лескин, А. Брюкнер, В. Неринг, А. А. Потенба, А. Н. Веселовский, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, И. А. Бодуэн де Куртенэ,

Г. Крек, Я. Гебауэр, В. Вондрак, Ю. Поливка, М. Н. Сперанский, П. А. Лавров, Б. М. Ляпунов, В. Н. Щепкин, Ф. Пастернек, Л. Нидерле, Л. Стоянович, В. Облак, Ф. Е. Корш, П. И. Житецкий и многие другие. Личность Ягича была объединяющей. Это хорошо подметил Ю. И. Поливка в письме к В. Н. Щепкину (1892 г.): «Я думаю, что центр славяноведения должен быть у Вас, это требует и интерес науки и естественные аспирации величайшего славянского народа. У нас центр не будет постоянно, на время, когда здесь такая крупная сила научная, как Ягич, но после него все распадется... Разумеется, я не представляю себе славяноведение тенденционное во вкусе Петербургской школы»¹.

Вполне закономерным явился факт возникновения славистических научных журналов после «Архива», выходящего на немецком языке, в России, Польше, Чехии, Югославии. Имеются в виду: «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук» (Петербург, с 1899 г.), «Русский филологический вестник» (Варшава, с 1885 г.), «Prace Filologiczne» (Варшава, с 1885 г.), «Rocznik Slawistyczny» (Краков, с 1908 г.), «Slavia» (Прага, с 1922 г.), «Јужнословенски филолог» (Белград, с 1913 г.) и др.

¹ Документы по истории славяноведения в России (1850–1912). М.-Л., 1948. С. 161.

О ПРИНЦИПАХ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹⁸

В истории науки понимание предмета филологии и в особенности практические выводы для учебных заведений филологического профиля были разнообразны. Зачатки филологии восходят к эпохе эллинизма, когда александрийские грамматисты во главе с Аристархом, имя которого сделалось нарицательным, установили первоначальный состав гомеровских «Илиады» и «Одиссеи». Однако подлинной эпохой возникновения филологии как науки следует считать эпоху Возрождения. [...]

² Публикуется с незначительными сокращениями по изданию: Кондрашов Н. А. О принципах филоло-

гического образования // Географические и хронологические пределы распространения русского слова: Лингвистический сборник. Вып. 13 / отв. ред. Н. А. Кондрашов. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1979. С. 119–127.

гического образования // Географические и хронологические пределы распространения русского слова: Лингвистический сборник. Вып. 13 / отв. ред. Н. А. Кондрашов. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1979. С. 119–127.

говоров, не обходя молчанием и языков литературных со всеми иногда довольно сложными условиями их происхождения и развития; во-вторых, историю славянских *литератур*, вдаваясь в объяснение целых эпох и оценку отдельных произведений, доискиваясь источников или зависимости от чуждого влияния; в-третьих, историю *бытовую*, изображающую особенности народной жизни во всех ее изгибах. В этом объеме славянская филология представляет сложный организм различных предметов, сплоченных в одно целое».

Указанное понимание филологии как синтетической дисциплины, связанное с изучением языка, литературы и этнографии одного или нескольких родственных по языку народов, наложило определяющий отпечаток на систему филологического образования в дореволюционных университетах. Учебный план историко-филологических факультетов основывался прежде всего на большом и разнообразном наборе изучаемых языков, преимущественно древних. Их хорошее знание открывало путь как для лингвистических, так и для литературоведческих занятий, причём последние ограничивались также преимущественным изучением древних литературных памятников, тогда как новая литература изучалась по образцам и по существу не шла далее Пушкина.

Подобное понимание задач нашей науки, естественно, не могло удержаться в советское время, когда на первых порах интерес к современным проблемам возобладал над историзмом, когда интернационалистические устремления трудящихся пришли в разительный контраст с буржуазной властью почти во всех зарубежных славянских странах, когда, наконец, появилось учебное заведение нового типа – педагогический институт – с факультетом русского языка и литературы. Определение филологии (во 2 изд. БСЭ) едва ли может удовлетворить: «совокупность методов и приемов исследования памятников письменности с точки зрения языка, стиля, исторической и этнической принадлежности» (т. 45). Б. В. Горнунг писал это в 1955 г.

Такое-определение следует считать провизорным и компромиссным, так как оно не учитывает ни развития языкознания, ни развития литературоведения. В частности, в нём совершенно отсутствует упоминание о идеологической стороне литературоведения.

В последние годы возникла некоторая неопределённость по поводу положения языкознания в системе научных дисциплин. В связи с развитием прикладного языкознания, связанным с инженерным использованием его результатов в кибернетических целях, а также с настойчивым стремлением некоторых языковедов дегуманизировать язык, представить его систему в виде кода для порождения грамматически правильных предложений, стремлением фактически вырвать язык из уст говорящего человека обозначалась опасность выведения языка из круга гуманитарных дисциплин. Это обстоятельство неблагоприятным образом сказывается на том, каким путём развивать языкознание сотрудничество с родственными или близкими дисциплинами, которые могут способствовать решению языковедческих проблем и которые, в свою очередь, ждут помощи от языкознания. Не следует думать, что только это мешает сотрудничеству названных дисциплин. Очевидно, в гораздо большей степени влияет чрезмерная специализация в отдельных областях науки и вытекающая отсюда их изоляция. Чтобы представители филологических дисциплин хорошо понимали друг друга, следует быть не только специалистом в своей узкой области, но нужно также владеть хотя бы минимальными познаниями в близких и смежных областях. Это положение особенно касается языковедческих и литературоведческих кафедр педагогических институтов. Мы готовим учителей русского языка и русской литературы, которым приходится преподавать обе дисциплины в Школе. Мы выдаём всем выпускникам одинаковые дипломы, действуем в соответствии с единым учебным планом.

Во всех официальных документах обе наши специальности числятся в одной

графе «родной язык и литература», в нашем случае «русский язык и литература». Эта строчка в номенклатуре школьных предметов не только дань филологическим традициям прошлого, а в значительной степени отражает реальное положение вещей, соответствует будущей работе наших питомцев. Наша задача заключается в более разумном и органичном сочетании подготовки студентов как в области русского языкознания, так и в области литературоведения.

Языкознание, разумеется, не представляет собой какую-то единую науку. Сам факт существования на земном шаре различных языков и языковых семей (а число известных языков достигло 5 тысяч по последним данным) принуждает к дифференциации и специализации на узкие специальности. Эта специализация касается не только, положим, русистов и китаистов, она заметна и в пределах Европы. Всё реже можно встретить слависта, германиста или романиста, который бы специализировался не по одному языку, а обладал бы хорошим знанием других языков соответствующей языковой семьи. Общая тенденция направлена к ещё более дробной специализации.

Не только слабнет (это признано и учебным планом и программами) славистическая подготовка русистов, но специалисты по русскому языку стремятся сосредотачиваться на более узкие области русского языкознания (например, диалектологию, историю русского языка, современный русский язык, стилистику и т. п.). Это не только результат внешних условий, это прежде всего следствие прогресса языкознания, его развития. Один человек оказывается не в состоянии даже уследить за потоком научной литературы и новой информации, изучение её становится не-реальным делом.

Конечно, следует стремиться к тому, чтобы подобная специализация не принимала опасные формы, в этом одна из задач наших кафедр. Особенно это относится к подготовке студентов и аспирантов, в меньшей степени это касается уже рабо-

тающих кадров. В первую очередь следует высоко поднять общезыковедческую подготовку. Общее языкознание должно опираться на марксистско-ленинскую методологию, а не брать напрокат модные буржуазные языковедческие теории. В области языкознания имеются хорошо разработанные области типа фонологии, но более высокие единицы языка, связанные со значением (морфема, слово, предложение) ещё нуждаются в тщательном изучении.

Существует и более принципиальная проблема. Равномерное развитие языкознания и его отдельных составных частей едва ли возможно при отсутствии ясной методологической концепции всего языкознания. До сих пор марксисты-языковеды такой концепции не разработали. Поэтому-то с известным успехом и были восприняты основные положения лингвистического структурализма частью нашей молодёжи. В настоящее время, по крайней мере, у работников пединститутов произошла известная переоценка структурализма. Отметим следующее: 1) **исчезло** нигилистическое отношение к традиционному языкознанию, к трудам и идеям корифеев русской науки от Ломоносова, Востокова, Бушлаева, Потемни, Бодуэна, Фортунатова, Шахматова, которое имело место несколько лет назад; 2) **возникло сдержанное** отношение к крайним проявлениям структурализма, сочетающееся с ознакомлением и использованием некоторых методов дескриптивно-синхронного описания языка; 3) **стала осознаваться большая сложность** языка, чем думают структуралисты, и вследствие этого нерешённость многих проблем, которые нуждаются в анализе предшествующих работ и целых лингвистических направлений; 4) **проявляется** общий крен в сторону создания работ, основанных на большом и тщательно классифицированном материале.

Следует признать, что выводы лингвистической дискуссии 1950 г. были в большинстве случаев негативными. Конечно, справедливо, что язык не культура, что формула «язык – форма национальной

культуры» не охватывает всего многообразия проявлений культуры (ср. архитектура, национальный орнамент, музыка и т. п.). В конце концов наши социологи и философы так и не выработали более или менее приемлемого определения культуры. В таких условиях трудно установить место языкознания в системе наук. Нет сомнения, что в своей сущности языкознание – гуманитарная наука; но не совсем ясно, чем она отличается от других гуманитарных наук, которые также занимаются изучением культуры.

Неприятности с определением места языкознания в кругу других наук обусловлены не только теоретической неразработанностью ряда проблем, но и комплексным характером нашей науки. Языкознание имеет дело со звуковым языком, поэтому оно через фонетику соприкасается с акустикой и физиологией человека (общей и высшей нервной деятельности), у языкознания имеются интимные связи не только с психологией, но и с логикой, проблематика литературного языка, стилистики, метрики, строфики сближает его с литературоведением. В последние годы языкознание вошло наряду с теорией связи и теорией информации в состав семиотики и кибернетики.

Таким образом, несомненно, что язык и культура отличаются друг от друга. Если культура – творчество в результате сознательной деятельности человека, то неизбежен вывод, что язык и по существу не может быть отнесён к культуре. На чём основывается этот аргумент? Основные языковые факты, например, грамматические категории (падеж, род, число, вид, время, залог и т. п.) не могли возникнуть в результате сознательной деятельности человека. Языковые изменения люди замечают, когда они произошли, но обычно языковое развитие не зависит от воли людей. Абстрактная деятельность человеческого ума, приведшая к созданию грамматической системы, была неосознанной. Люди свободно пользуются своим родным языком, но без специальной школьной подготовки почти ничего не знают о

грамматической системе родного языка. Сознательное вмешательство в грамматический уровень языка (в морфологию и синтаксис) практически невозможно. В морфологии человек отбирает одну из дублетных форм, один из вариантов, и отдаёт ему предпочтение. Нового он ничего не может создать сам и один. Это в такой же степени относится к фонетике и лексике.

Языковая культура – это обсуждение преимуществ существующих и уже используемых вариантов. На высоких ступенях цивилизации этот интерес к языку возрастает, однако язык развивался и совершенствовался и до этого. Ф. Энгельс говорил, что когда-то человек возьмёт под контроль и язык, продукт рода. Попытки истолкования этого замечания не вполне удовлетворительны. Некоторые стремились обосновать тезис о зональных языках, которые якобы вберут в себя всё лучшее из существующих языков. Опыт, однако, показывает, что такие гибриды невозможны. Нельзя взять формы склонения из одного языка, а спряжение – из другого. Возникает вопрос: что же в языке лучшее? Самый прогресс в языке не похож на прогресс в науке, технике или искусстве. Если в последнем случае речь идёт о сознательном производстве культурных ценностей, о силе человеческого разума, о воплощении исторически обусловленных идеалов, побуждений и реализации выдвинутых задач, то в языке происходит какой-то механический процесс. Люди, а теперь специалисты-языковеды замечают в этом движении какие-то поверхностные явления, не понимая их структурных обусловленностей и не зная причинных связей. В фонетике происходят изменения. Носовые гласные *o*, *e* в русском языке утратились, но сохраняются в польском, во французском. Этот процесс нельзя объяснить человеческой природой. Двойственное число в русском и многих других славянских языках утратилось (остались лишь реликты его *уши*, *очи*, *два шага*), а в словенском и лужицких живёт. В сербском окончания дв. числа стали выражать мн. число. Можно, кажется, зацепиться за лексику, за словарный запас.

Но современный человек может держать в памяти 7–8 тысяч слов, а что больше того – он забывает. Пушкин использовал 11 тыс. русских и 11 тыс. французских слов. Л. Толстой – 19 тысяч, а Шекспир – 21 тысячу. В русской химической терминологии сейчас 300 тыс. терминов, а неспециалист знает таблицу Менделеева и ещё десяток химических названий.

Вывод может быть только один: развитие языка происходит очень медленно, отклики на общественные потребности наблюдаются только в лексике, в области наименования, а на других уровнях развитие языка по своему существу сближается с естественным развитием. А. Шлейхер не очень ошибался, когда утверждал, что как природа, так и язык управляются двумя принципами: наличием вариантов и отбором более жизненных форм. Жизненная сила варианта обычно поддерживается более массовым использованием. В настоящее время многие знают, что в троллейбусе надо спрашивать «вы выходите?», но чаще говорят «вы сходите»? Последнее, возможно, станет нормой уже через десяток лет. В борьбе вариантов *профессоры* и *профессора* победил в 20-е годы второй. О истинной причине этой победы можно только гадать. Некоторые нормальные слова иногда, напротив, заменяются более эмоциональными, особенно в среде молодёжи, ср. *железно*, *училка*. Правда, в отличие от природы в языке борются не сами виды и индивиды, а всё проходит через уста говорящего коллектива. Наиболее разительным является тот факт, что о существовании некоторых языковых явлений и категорий спорят сами языковеды. Следовательно, языковые изменения обладают тем сходством с развитием органической природы, что они обычно происходят стихийно. Поэтому метод изучения развития языка существенно отличается от метода исследования культуры, искусства, включая и художественное творчество. Таким образом, как предмет изучения, так и методологическая база сближают языкознание до известной степени с естественными науками (в частности, с общей биологией) и уда-

ляют, от гуманитарных наук типа истории, литературы. Для наглядности достаточно сравнить программы курсов исторической грамматики русского языка и древнерусской литературы.

О языке обычно говорится, что это материал, с помощью которого создаются художественные произведения. Трудно сказать, что это неверно. Это означает, что в художественном произведении в сущности нет ничего, что не было бы выражено языковыми средствами, ибо тема, и сюжет, и система образов в конечном счёте передаются языком. Изучением художественных текстов занимается не только литературоведение, но и некоторые языковедческие дисциплины – стилистика, метрика, лингвистический анализ текста, история русского литературного языка. В ряде случаев на изучении художественных текстов строится и вся история языка. В стилистике языковед сближается с литературоведом. Языковед может датировать текст, отнести его к определённой территории или даже социальной среде, может способствовать идеологической интерпретации текста. В нормальных условиях языковедческий разбор ограничивается анализом формально-языковых средств с учётом их значения и функции. Литературовед, напротив, исходит из анализа содержательной и идеологической стороны с учётом выразительных средств.

Если исходить из тезиса, что язык для художественной литературы является материалом, то можно было бы главное различие между языкознанием и литературоведением усматривать в том, что языковед занимается прежде всего языковым материалом без обращения к его художественному исполнению, а литературовед, напротив, занимается изучением прежде всего оформленного материала, с помощью которого создаются художественные ценности. При этом толковании следует подчеркнуть, что языкознание не ограничивается изучением только художественных текстов, историк языка изучает развитие языковой системы во всей её сложности и разнообразии. По своему

характеру языкознание скорее наука формальная. Литературоведение – наука идеологическая. В языкознании имеет перевес объективная констатация, в истории литературы делаются оценки, вершится суд. Мы не можем сказать, почему в русском языке 6 падежей, в немецком – 4, а в болгарском, французском или английском – падежей, очевидно, нет. Историк литературы находится в ином положении. Об общественных условиях возникновения и развития литературного явления он может сказать гораздо больше, чем языковед.

Различие между нашими науками заключено также в знаковости. Под знаком разумеется случай, когда отношение между явлением и его значением условно, обязано традиции (*лошадь – Pferd – cheval – Rose*). В искусстве – это невозможная вещь, это самый дурной артистизм. В нем не может быть условной связи между формой художественного произведения и его содержанием. Это отношение определяется специфическими художественными нормами. В искусстве существует (конечно, в потенции) единство формы и содержания. Поэтому семиотика ничего или почти ничего не может дать литературоведению. Только внешние формальные средства (рифмы, строфика) могут носить условный характер.

При всех отличиях, существующих между нашими науками в объекте изучения, в процессах исторического развития, в соотношении стихийных и рациональных моментов, наконец, в методах изучения, языковедов-русистов и историков русской

литературы объединяет художественная, эстетическая функция языка в обществе, находящая реальное проявление в текстах различного содержания, различной формы, различных эпох и различной целенаправленности. Наибольший интерес, конечно, должны вызывать те художественные произведения, которые включены в программу средней школы, которые формируют языковые и эстетические нормы будущих поколений. Круг этих художественных произведений зафиксирован программами.

Кафедра русского языка в ходе своих занятий провела анализ школьных учебников по русскому языку и соотнесла их содержание с существующим уровнем научного изучения отдельных частей курса. Это дало много пищи для раздумий и для оснащения отдельных разделов читаемых курсов в целях повышения их педагогической и профессиональной направленности. Мы обсуждаем постановку курсов стилистики русского языка, истории русского литературного языка и лингвистического анализа художественного текста, чтобы найти эффективные средства сближения с историками литературы. Однако эта работа в известном смысле односторонняя. Сотрудничество лингвистов и литературоведов особенно актуально в сфере анализа формы художественных произведений, выяснения причин эстетического и эмоционального воздействия образцовых произведений. Эти задачи с необходимостью диктуются всем содержанием нашей работы.

ТЕРМИНОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОГО ПУРИЗМА¹⁹

Русский литературный язык – явление исключительное как по длительности своего существования, так и богатству выразительных возможностей. Он развивается без длительных перерывов почти тысячелетие. Такой многовековой историей не обладает ни один другой литературный язык славянских народов. В частности чешский литературный язык, своими истоками вос-

ходящий к XIII в., в XVII–XVIII вв. практически не использовался, и этот вынужденный разрыв в его истории наложил характерный отпечаток на новочешский литературный язык. Польский литературный язык, восходящий к XIV в., после золотого XVI в. польской литературы только в XIX в. стал вновь полноценным орудием польской культуры. В связи с этим можно

утверждать, что новая эпоха в развитии славянских литературных языков начинается в середине XIX в.

Потребность в устойчивых и нормализованных формах национальных языков, способных удовлетворять многосторонние запросы современных наций, [...] пробуждение национальных чувств, вылившееся в широкое движение славянского национального, культурного и политического возрождения, – все эти факторы привели к возникновению новых и существенной перестройке старых славянских литературных языков. [...]

Оценка предшествующей письменной практики и сложившихся традиций, соотношение народно-разговорной речи и литературного языка, роль и удельный вес различных структурных, генетических и выразительных элементов в системе литературного языка, пути его дальнейшего развития и совершенствования – всё это становится предметом горячей борьбы и оживлённого обсуждения.

За столетие (1750–1850) возникают украинский, сербский, болгарский, белорусский литературные языки. В пределах Австрийской империи происходит становление новочешского литературного языка, сохраняющего прочные связи с древнечешским, возникает словенский, словацкий, хорватская разновидность единого сербскохорватского литературного языка. Восстает из руин польский литературный язык, оживляется языковое творчество лужицких сербов. Только возникновение македонского литературного языка относится ко второй четверти нашего столетия.

В этом процессе языкового творчества русский литературный язык выступал в качестве основного образца для практики, подражания, был языком-эталонем. В особенности это относится к путям пополнения и обогащения словарного со-

става новых литературных языков. Дело не только в том, что русский литературный язык оказал глубокое влияние на лексику украинского, белорусского, болгарского, словенского, словацкого, чешского, сербскохорватского и польского языков. Заимствования из русского языка в названных литературных языках в значительной мере систематизированы и изучены. Гораздо важнее является использование русской языковой практики при решении возникающих проблем. Прежде всего это относится к терминологической области лексики. Опыт решения проблемы «своё – чужое» русским литературным языком XVIII в. стал руководящим началом для новых литературных языков. Плодотворно ведущееся в настоящее время изучение русского литературного языка XVIII в. позволит сделать этот тезис более конкретным.

Пушкин верно заметил, что петровскими реформами «связи древнего порядка вещей были прерваны навеки»². На развитие русской философской и естественнонаучной терминологии оказала бесспорное влияние европейская научная терминология, которую русский литературный язык творчески усвоил и преобразовал. XVIII в. – эпоха постоянных и интенсивных языковых контактов, «век переводов». Переводы с французского и немецкого преобладали, хотя и латынь оставалась международным языком науки, в частности философии. Н. Н. Поповский писал: «Всего досаднее то, что прочим наукам, из которых иные и не всякому могут быть полезны, всякий человек на своём языке обучиться может. Напротив того, у философии, которая предписывает общие пути и средства человеческому благополучию, никто не может потребовать совета, когда не научится латине. Итак, какое философии бесчестие, а нам вред...»³.

¹ Публикуется с незначительными сокращениями по изданию: Кондрашов Н. А. Терминология и проблема языкового пуризма // Географические и хронологические пределы распространения русской лексики: Межвузовский сборник научных трудов / МОПИ имени Н. К. Крупской; отв. ред. Н. А. Кондрашов. М.: Типография имени Ю. А. Тагарина, 1980. С. 3–9.

² Пушкин А. С. Заметки по русской истории XVIII века // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. VIII. М.–Л., 1951. С. 121.

³ Поповский Н. Н. Речь, говоренная в начатии философических лекций... // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. I. М., 1952. С. 90.

С конца XVII – начала XVIII вв. в русский лексикон вошли такие слова, как *материя, идеал, натура, феномен, форма, фигура, метод* и т. д. А. Кантемиру, по словам Белинского, «прямее всех принадлежит честь усилия – найти в русском языке выражения для идей, понятий и предметов совершенно новой сферы – сферы европейской – принадлежит прямее всех»¹. У него уже соседствуют: *идея – понятия, элемент – начало, этика – нравственность, натура – естество, тварь*. М. В. Ломоносов включал в философию наиболее общие теоретические выводы естественных наук. Он резко осуждал философию «мистическую..., где не только не дают объяснений, но даже самые операции производят тайным образом»². Ломоносов внёс огромный вклад в разработку русской научной терминологии, состоящей из корней родного языка. Многие из предложенных им терминов бытуют до сих пор: *земная ось, предложный падеж, преломление лучей, удельный вес, кислота, магнитная стрелка, закон движения, квасцы, северное сияние, маятник, чертёж, опыт, наблюдение, явление, частицы*. Получили его одобрение и были узаконены многие заимствованные термины: *диаметр, квадрат, формула, атмосфера, барометр, горизонт, микроскоп, метеорология, периферия, сулема, эфир, селитра* и др.

Наиболее важным мероприятием в области русской лексикографии в XVIII в. было создание Словаря Академии Российской (САР), который, по словам Пушкина, «останется вечным памятником [попечительской воли Екатерины и]³ просвещённого труда наследников Ломоносова, строгих и верных опекунов языка отечественного»⁴. Словарь (1789–

1794) отразил поиски наиболее точной номинации. В подготовке САР участвовали писатели и учёные (Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, Я. Б. Княжнин, И. Ф. Богданович, И. Н. Болтин, объяснявший старославянские слова, А. И. Мусин-Пушкин, объяснявший древнерусские слова, И. И. Лепехин и Н. Я. Озерецковский, объяснявшие термины естественных наук, С. Я. Румовский, П. Б. Иноходцев, С. Е. Десницкий, объяснявшие термины физики, математики, астрономии, права и т. д.). Составители стремились сохранить самобытность русского языка и избежать неоправданных лексических заимствований. Из САР сознательно были исключены «все иностранные слова, введенные без нужды, и которым равносильны славянские или российские находятся»⁵.

Опыты русских просветителей и переводчиков в передаче новых понятий при помощи словообразовательных средств или готовых слов русского языка «явились практической проверкой того, в какой мере русский язык способен обслужить новые терминологические потребности при помощи своего собственного материала и в какой мере вообще следует заменять своими эквивалентами элементы международной терминологии»⁶.

Приведём некоторые примеры толкования САР философских терминов:

вещество – всё то, из чего какое тело составлено; всё то, что телам даёт протяжение и силу противудействия;

материя – значит вещество, из чего что составлено; содержание, предложение или предмет, о котором говорят или пишут;

следствие – происшествие, приключение из преждебывшего дела проистекшее;

отвлечение – перенесение рассуждения о чём, или отделение в мыслях свойства или части чего-либо, не рассуждая притом о прочих принадлежностях оною;

¹ Белинский В. Г. *Портретная галерея русских писателей*. I. Кантемир // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 8. М., 1955. С. 631

² Ломоносов М. В. *Избранные философские произведения*. М., 1950. С. 186.

³ Заключённый нами в квадратные скобки фрагмент, очевидно, по идеологическим причинам был пропущен и заменен многоточием. – *Прим. ред.*

⁴ Цит. по: Сорокин Ю. С. Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» (1789–1794 гг.)

// Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. 1. М.–Л., 1949. С. 95.

⁵ Предисловие к 1 изд.: Словарь Академии Российской. Т. 1. Одессе, 1971. С. 21.

⁶ Винокур Г. О. *Избранные работы по русскому языку*. М., 1959. С. 131.

понятие – мысль, воображение;
идея – представление какой-либо вещи, действия и предмета в уме, понятие;

представление – 1) действие по глаголу (представление к чину); 2) письменный доклад; философского употребления не отмечено;

природа – естество, вся вселенная;

натура – естество, природа. Ещё А. Кантемир в комментариях к переводу книги Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» аналогичным образом пояснял это слово. «Натура – слово латинское, по-русски естество, значит начало всех сущих вещей, которого силою рождаются, сохраняются и производятся все действующие всякого одушевленного и неодушевленного тела. Также же значит собрание всех созданных вещей...»¹.

Просветительская установка, выражающаяся в стремлении подобрать подходящие и всем понятные русские соответствия иностранным словам, проходит красной нитью в деятельности учёных XVIII в.

Так, Г. Теплов писал: «Я намеренье принял предложить знание, вообще касающееся до философии, на природном нашем языке, надеясь через сие хотя несколько защитить наш язык от того нареkania, будто бы он собою недоволен и весьма неспособен был к предложению философских наук»². Ему вторит Н. Поповский: «Век философии не кончился с Римом, она со всеми народами последующих веков на их языке разговаривать не отречется... Нет такой мысли, кою бы по-русски изъяснить было невозможно. ... Римляне по своей силе слова греческие, у коих взяли философию, переводили по-римски, а коих не могли, то просто оставляли. По примеру их то ж и мы учинить можем. ... оставя грамматическое рассмотрение, будем только толковать их знаменованье и силу, чем мы знания своего не утратим

ни перед самыми первыми греческими философами...»³.

В связи с этой тенденцией в русском литературном языке XVIII в. ещё только устанавливается способ обозначения многих специальных понятий.

Естественным следствием этого было возникновение лексических вариантных рядов. Ср.:

вещество – *материя* – *субстанция* – *вещественность* – *существенность* – *состав*;

явление – *феномен* – *приключение* – *происшествие*; *сущность* – *существенность* – *существо* – *внутренность* – *содержание* – *естество* – *натура* – *природа*;

вид – *образ* – *фигура* – *форма* – *внешность* – *определённость*;

метод – *порядок* – *способ*; *понятие* – *идея* – *представление*; *элемент* – *часть* – *образец* – *основа* – *стихия*; *следствие* – *последствие* – *действие* – *произведение* – *эффект*;

анализ – *раздробление* – *разделение* – *разрешение*; *синтез* – *соединение* – *сложение* – *совокупление* – *сопряжение* и т. п.

В творческой лаборатории XVIII в. процесс отбора не был закончен. Это прекрасно понял Пушкин, когда писал: «...русская поэзия достигла уже высокой степени образованности: просвещение века требует пищи для размышления, умы не могут довольствоваться одними играми гармонии и воображения, но учёность, политика и философия еще по-русски не изъяснялись; метафизического языка у нас вовсе не существует»⁴.

В учебных руководствах XVIII в. (да и не только в них) часто приводятся латинские, немецкие и французские эквиваленты. Почти ко всем заимствованиям были подобраны русские соответствия, однако в большинстве случаев иноязычные варианты стали единственными или главными средствами обозначения понятий. Причина их победы кроется в том,

¹ Фонтенель Б. Разговоры о множестве миров. СПб., 1840.

² Теплов Г. Н. Знания, касающиеся [sic!] вообще до философии. СПб., 1751. С. 150.

³ Поповский Н. Н. Речь, говоренная... С. 90–91.

⁴ Пушкин А. С. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. VII. М.-Л., 1951. С. 31.

что заимствования не были отягощены многозначностью и различными ассоциативными связями, что давало последним преимущество. Ср.: *метод, материя, форма, система, субстанция, анализ, аналитический, синтез, синтетический, субъект, абстракция, принцип, концепция, тема, индукция* и мн. др.

На начальном этапе освоения заимствованного слова отмечается неопределённость объёма его значения. Так, Н. Курганов слово *эссенция* передаёт посредством *истинность, сущность, естественность, бытие вещей, рождение*¹. Употребляясь, однако, в одном вариантно ряду с русскими соответствиями, заимствование уточняло свой смысл, вырабатывало типичные конструкции словообразования. Иноязычное слово могло оказывать обратное влияние на русский эквивалент, заключавшееся в том, что русское слово приобретало в результате параллельного употребления не свойственные ему ранее оттенки значения². В. В. Виноградов это характеризовал следующим образом: «Поиски русских соответствий иностранным словам приводили к более глубокому пониманию значений и оттенков русских слов. Устанавливались национальные русские формы для выражения понятий, выработанных западноевропейскими языками»³.

Калькирование иностранных образцов было важным средством формирования русских терминологических систем. Примеры:

abstractio – отвлечение;

accidentalis – случайный, несущественный, непостоянный; *absolute* – самовластный;

causa – причина, вина, начало, почин;

existencia – бытие;

induction – наведение;

negation – отрицание; прекословие;

¹ Курганов Н. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие. СПб., 1769. С. 393.

² См. тонкие наблюдения над формированием значения слов «эксперимент» и «опыт»: Кутина Л. Л. Формирование физической терминологии в России. Л., 1967. С. 56–57.

³ Виноградов В. В. Толковые словари русского языка // Язык газеты. М.-Л., 1941. С. 261.

objectum – подлежащее, предмет, подлог;

intelligencia – разумность;

Sirmlichkeit – чувственность;

Vorstellung – представление;

Wechselwirkung – взаимодействие;

Impenetrability – непроницаемость;

contradictio, Widerspruch – противоречие и др.

Многие русские соответствия стали актуальными и сохранились до наших дней: *пространство, время, возможность, действительность, случайность, необходимость, содержание, явление, сущность, конечное, бесконечное, особенное, общее* и т. п. Ряд дублетных форм отличается сферой использования: *эксперимент* – *опыт, метод* – *способ, принцип* – *основание, форма* – *образ, материя* – *вещество, субстанция* – *сущность, гипотеза* – *предположение, феномен* – *явление, квалитет* – *качество* и др.

«Совершенно независимо от того, насколько удачными оказались те или иные частные опыты этого рода на практике и как они фактически влияли на словарный состав русского литературного языка, нельзя не отметить, что самое намерение наших первых писателей научиться передавать иностранные понятия средствами русского языка было проявлением их горячей веры в будущее русского языка»⁴.

Опыт составителей САР и шире русских писателей и переводчиков XVIII в. через Й. Добровского и И. Юнгманна оказал решающее влияние на языковую практику чешских будителей, которые воссоздавали новочешский литературный язык в первой половине XIX в.

В результате отталкивания от немецкой внутренней формы с полным или частичным калькированием возникли чешские слова, обозначающие явления современной цивилизации: *poznatek, predstava, pojem, soustava, veda, účel, výsledek, záměr, dojem, nápad, názor, premena, rozbor, časopis, sochar, úvaha, výrok, postupný, totný, posuzovati, cestopis, divadlo* (театр),

⁴ Винокур Г. О. Цит. соч. С. 131.

hudba (музыка), nástroj (инструмент), plyn (газ), dejiny (история), dusík (азот), kyslík (кислород), vodík (водород), kositik (фосфор), kyselina, vterina (secunda), krásoveda (эстетика), mluvnické (грамматика), bájeslovi (мифология), národopis (этнография), zeměpis (география), přírodopis (Naturbeschreibung), vražda (Mord), základ (Grund), obchod (Handel), místo (plac), lis (pres), mech (Sack), chuť (smak), námosti (rynk), blahoprani (vins), citlivka (mimos), názvoslovi (Terminologie), sada (thesis), samohláska (Selbstlaut), spoluhláska (Mitlaut), pojednání (Abhandlung) и т. п.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ КАЛЬКИРОВАНИЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА³⁶

Различные языки по-разному решают проблему своего и чужого, исконных и заимствованных элементов в лексике. Диапазон колебаний в этом отношении весьма велик. С одной стороны, можно выделить мировые языки типа русского и английского, носители которых не опасаются за судьбу своих литературных языков и которые довольно терпимо относятся к проникновению заимствованных слов, широко используют калькирование и в своём лексическом составе отражают все достижения человеческой цивилизации, науки и литературы. С другой стороны, следует отметить языки сравнительно молодых и относительно малочисленных наций, которые сформировались в трудной и длительной борьбе с языками других господствующих наций. Среди славянских языков это чешский, словацкий, польский, сербско-хорватский, словенский языки, создавшие современные лексические слои и терминологические системы в духе пуристических тенденций и отталкивания от господствующих германизмов. К славянским языкам в этом отношении близок венгерский язык, занимающий изолированное положение и находящийся в славяно-немецком окружении. Из этого следует, что пуризм и калькирование иноязычных образов – это, если руководствоваться географическими определениями, прежде всего центральноевропейская проблема. Особо следует остановиться на немецком языке. Как это ни кажется странным, но именно немецкий язык своим пуристическим отношением к заимствованиям стал языком-эталонным для многих славянских языков. В известном смысле будет пра-

вильно утверждение, что славянские литературные языки боролись с германизмами путём калькирования с помощью своих словообразовательных средств немецких образов.

Наконец, находим и такие утрированные формы борьбы с чужим лексическим влиянием, как в исландском языке, в котором заимствования исключены по принципиальным соображениям, но калькирование доминирует, так как специальная комиссия при альтинге одобряет обозначение новых понятий собственными языковыми средствами. Столь же необычное место занимает и мёртвая латынь при Папском Престоле, где языковая форма папских энциклик подвергается тщательному анализу.

В связи с различным отношением к чужеродным лексическим элементам возможна типология пуристического вмешательства в развитие лексики того или иного литературного языка. Вместе с тем хотелось бы напомнить слова В. Эртля, который в полемике с чешскими пуристами писал, что «проникновение иностранных слов – это явление естественное, и его не может избежать ни один язык. Напротив, чем больше ощущается потребность в повышении культурного уровня народа и ценности его литературы, тем более благоприятные условия для проникновения заимствований; отсутствие чуждых элементов является привилегией диалекта,

¹ Публикуется по изданию: Кондрашов Н. А. Основные этапы калькирования в истории русского языка // Вопросы исторической семантики русского языка: Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калининград: КГУ, 1989. С. 100–106.

изолированного от мира и ограниченного в своих средствах узким кругом понятий текущей жизни... Поэтому благоприятную почву для проникновения заимствований создает не эпоха упадка, как иногда думают, а, напротив, эпоха расцвета и подготовки к культурному подъёму»¹. Это означает, что активным и развивающимся является заимствующий язык, а язык-источник заимствований играет роль склада-хранилища лексических единиц, которые необходимы для развития другого языка.

В истории русского языка можно выделить несколько периодов, когда проблема заимствований и калькирования становилась особенно актуальной. Таких периодов, очевидно, было три: 1) X–XI вв., когда русский язык осваивал терминологию христианской цивилизации; 2) XV–XVI вв., когда второе церковнославянское влияние достигло своего апогея; 3) XVIII в., век переводов, когда русскому языку выпала задача использования лексического развития ряда западноевропейских языков, прежде всего французского.

Большая часть калек, появившихся в первый период, обязана старославянскому языку и древнегреческим образцам. Очень часто старославянские слова-кальки рассматриваются как заимствования в русском языке. Однако это возможно лишь с генетической точки зрения. В. М. Истрин в своём словаре к «Хронике Георгия Амартола» приводит свыше 200 образований, которые были созданы на Руси и не имеют старославянских соответствий².

Среди скалькированных слов отметим: *азбука* (позднее: азбуковник, ср. алфавит), *баснословие*, (ср. мифология), *безбожный* (ср. атеист, атеистический), *бездарный* (т. е. не получивший даров или дара), *бездна*, *безумие*, *безобразие*, *безымянный* (ср. анонимный), *бесплодие*, *бесплодный*, *бессилие*, *бесчестие*, *бесчеловечный*, *бесчинство*;

¹ Пражский лингвистический кружок: Сб. статей. М., 1967. С. 13.

² Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 3. Греческо-славянский и славяно-греческий словари. Л., 1930.

множество образований с благо-: *благоволие* (антоним: зловоние), *благодарить*, *благоденствие*, *благодетель*, *благодаяние*, *благодать*, *благополучие*, *благоприятный*, *благодарный*, *благоухание* и т. д.; *богородица*, *боготворить*, *божество*, *вдохновение*, *великодушие* (ср. малодушие), *великолепие*, *величие*, *внушить*, *возмездие*, *восток*, *вселенная*, *добродетель*, *достоверный*, *благовещание*, *естество*, *естественный*, *жестокосердие* (ср. милосердный «жалостливый»), *живопись* (ср. устар. зоография), *жизнеописание* (ср. биография), *землемер* (ср. геометр), *инок* (ср. монах), *ад крошечный*, *летописец* (ср. хронограф), *лицемер*, *лицедей*, *маловажно*, *мнение*, *мужество*, *наперсник*, *насекомое*, *настоятель*, *общество*, *православный* (ср. ортодоксальный), *пророк*, *равнодушный*, *самодержец* (ср. автократор), *совесть*, *сословие*, *сострадание* (ср. симпатия), *торжество*, *троица*, *тишеславие*, *целомудрие*.

Приведённые смысловые или понятийные старославянские кальки, буквальные морфологические снимки с греческих сложных слов были по преимуществу специальными терминами, связанными с богословием, переводом канонических евангельских текстов и богослужением православной церкви. Они быстро были усвоены древнерусскими книжниками, так как их морфемный и нравственно-учительский смысл не представлял для них каких-либо затруднений.

Генетический подход к лексике древнерусского языка и отсутствие определённых и обоснованных мнений о функционировании старославянизмов в древнерусском языке заставляет поддержать мнение А. С. Пушкина, которое он высказал в 1825 г. в заметке «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова»: «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные

обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заемлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно отделиться от книжного, но впоследствии они сблизилась, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей»¹.

В период второго южнославянского влияния наши книжники продолжали использовать накопленный опыт передачи посредством калькирования греческих и латинских слов². Прежде всего постоянно вошла в обиход русская языковедческая терминология: *падеж, склонение, спряжение, части слова (речи), имя существительное, имя прилагательное, местоимение, речь (глагол), наречие, причастие, предлог, союз, междометие, правописание* (ср. *орфография*), *залог* и т. п. По уже освоенным образцам возникают новообразования: *человеколюбие* (ср. *филантропия*), *язычник, доброписец, живописец, иконописец, скорописец, образописец, грехолюбец, кровопивец*. Огромное количество калькированных слов (как в словообразовательном, так и семантическом планах) относится к XVIII в. Составители «Словаря русского языка XVIII века» отмечают: «Выявление и этимологизация калек и семантических заимствований, составляющих значительный пласт новаций XVIII в., осложняется тем обстоятельством, что нет специальных этимологических словарей для этого рода заимствований, да и сам их состав ещё в значительной степени не определён и не зарегистрирован. Поэтому Словарь вынужден ограничиться приведением этимологических данных лишь при наличии в руках составителей соответствующих материалов (прямых указаний на иноязычные соответствия в текстах

XVIII в., высказываний современников, доступных исследований и т. п.)»³. Однако значительный материал собран в ряде изданий сотрудников-составителей этого словаря⁴.

К словообразовательным калькам с французских слов относятся: *блистательный, благосостояние, буквальный, влияние, влить* (на кого-л.), *впечатление* (ср. *импрессионизм*), *влюбление* (Сумароков), *дневник, занимательный, извращение, непроницаемый, обстоятельство, переворот, предрассудок, подразделение, плотность* (Кантемир), *плоский* «пошлый, банальный», *промышленность* (Карамзин), *предприятие* (Новиков), *развлекать, развлечение, рассеянный, сосредоточить, трогать, трогательный, удовлетворять, упоение, уточненный*. В конце XVIII в. растёт число семантических галлицизмов – усвоение русскими словами значений, свойственных французскому языку: *вкус, духи, живой* (*ум, интерес*), *томный* и т. п.

Латинским образцам русский язык обязан следующими кальками: *склонность, естественность, разумность, земледелие, предмет*. Очень интересны кальки терминологического характера, введенные М. В. Ломоносовым: *опыт, частицы, наблюдение, удельный вес, северное сияние, кислород* (ср. чеш. *кислик*), *водород* (ср. чеш. *водик*), *кислота* (ср. чеш. *киселина*). Весьма интересны попытки замен, произведённые составителями Словаря Академии Российской, например: *ботаника – травоведство, арифметика – числословие, минералогия – рудословие, термометр – тепломер, астрономия – звездословие, аудитория – слушальице* и т. п.

Из немецкого языка скалькированы такие слова, как *развитие, вольнодумец, вольнодумство, глазомер, двор* (Hof), *придвор-*

¹ Русские писатели о языке (XVIII–XX вв.). Л., 1954. С. 75.

² Вялкина Л. В. Греческие параллели сложных слов в древнерусском языке XI–XIV вв. // Лексикология и словообразование древнерусского языка. М., 1966. С. 154–188.

³ Правила пользования словарем. Указатель источников // Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984. С. 46.

⁴ Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века). М.; Л., 1964; Биржакова Е. Э., Воинова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Л., 1972.

ный, передник (ср. фартук), полуостров, человечность (Фонвизин), белошвейка, оборот (речи), законодатель, землеописание, понятие, собственноручно и др.

Большой интерес представляют попытки передачи иноязычных слов средствами русского языка, которые в своё время предпринимал первый наш историк В. Н. Татищев. Западноевропейское гуманность он передаёт словом *людскость*, *людкостнее*. О его стремлении подыскать наиболее правильный русский эквивалент свидетельствует передача смысла слова *хронология*. «Хронология у грек точно на нашем языке значит времясказание, но мы обыкли именовать летосказание; правильнее же времяисчисление именовать, мнится, приличнее»¹.

Часто Татищев использует калькирование (поморфемный перевод иноязычного слова на русский язык) и семантический подбор тождественных или близких по значению слов, используя синонимические параллели. К первому способу относятся: *география – землеописание*, *топография – пределописание*, *генеалогия – родословие*, *иерархия – священноначальство*, *козмография – мирописание*, *мораль или нравочение*, *гидрография есть описание вод*, *т. е. сказание о морях, заливах, озёрах и реках*, *их широте, глубине и положении всех вод*, *рефракция или отсвечивание*, *Мономах или Поединицик*, *история – деи или деяния*, *медицина или врачество*.

Синонимические истолкования находим в таких случаях, как: *оракулы*, или *просвещатели*; *безбожие*, или *афеиство*; *шлюзы*, или *запоры*; *драгоманы – межевицки*; *комментарий – примечания*; *республика*, или *вольная земля*; *портал*, или *врата*; *гигант – исполин*; *верфь*, или *плодбище*; *номады*, или *пастыри*; *евнух – спальник*; *еретик – безбожник*; *иероглифия – знаки вещей*; *хронограф – летопись*, *временник*; *диалект – наречие*; *лидо – набережная*; *генеральные, универсальные, партикулярные и специальные – общие, пространные, участные и особенные*; *цезарь «кесарево*

сечение» – выпортыши из брюха матери; рокош – мятеж.

В XIX в. продолжался процесс умеренного калькирования наряду с прямым заимствованием. В известной степени осуществлялся завет Пушкина, выраженный им в письме к И. Киреевскому в 1832 г.: «Избегайте учёных терминов; и старайтесь их переводить, то есть перефразировать: это будет и приятно и полезно нашему младенствующему языку»². Материалом для калькирования служили прежде всего немецкие слова с отвлечённым значением. В частности: *введение*, *выглядеть*, *землеведение*, *мировоззрение*, *миросозерцание*, *надстройка*, *образование*, *новообразование*, *односторонний*, *призвание*, *противоядие*, *прямоугольный*, *потусторонний*, *сверхчеловек*, *саморазвитие*, *самоопределение*, *самосознание*, *целесообразный*. Заимствованными словами явились: *шлагбаум*, *штрейкбрехер*, *ландшафт*, *прейскурант*, *полилот*, *накгауз*, *вундеркинд*, *галстук*, *ватерпас*, *вальдшнеп*, *бюстгальтер*, *бухгалтер*, *бутерброд*.

В XX в. более часты полукальки; ср., например, *водное поло* вместо *ватерполо*, но только *ватерполист*, *гимнастика* от *гимнастер*, *небоскрёб*, но прямое заимствование *скрепер*, *дневальный* (но *дежурный*), *сверхнатуральный* и др.

Что касается пуристических тенденций в истории русского литературного языка, то подобные целенаправленные выступления чаще всего были связаны с идейными позициями их авторов. Известны резкие и в большинстве случаев справедливые замечания А. С. Шишкова, направленные против галлицизмов и галломании. Консервативная позиция Шишкова является общеизвестной. С иных позиций выступал автор знаменитого толкового словаря В. Даль. Его взгляды смыкаются со славянофильством и движением народников.

В настоящее время, когда задачи культуры русской речи выдвинулись на первый план, необходимо внимательное от-

¹ Татищев В. Н. История Российская. М.-Л., 1962. С. 125.

² Русские писатели о языке... С. 86.

ношение к заимствованиям из различных языков и результатам калькирования чужезычных образов. Как никогда требуется широкое обсуждение вновь вводимых иноязычных элементов, анализ их необ-

ходимости и уместности в русском языке, проверка их структурной и семантической ясности для носителей русского языка.

РУССКИЕ НАЗВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Славянский языковой материал свидетельствует, что обычно название народа служит базой для обозначения языка. Этот факт подчёркивается тем обстоятельством, что в древности словом *язык* обозначались как «орган в полости рта; способность говорить; речь, способ выражения», так и «народ, народность, племя». Ср. у Пушкина: «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой и назовёт меня всяк сущий в ней *язык*».

Весьма подробный перечень славянских племён эпохи раннего средневековья приводит автор «Повести временных лет». На заре отечественной историографии он сообщает: «По мнозех же временех сели суть Словене по Дунаеву, где есть ныне Угорская земля и Болгарска. И от тех Словен разидошася по земли, и прозвашася имены своими, где седше, на котором месте. Якоже пришедше, седоша на реце именован Моравы, и прозвашася Моравы, а друзии Чеси нарекошася; а се тиже Словене: Хорвати Белии и Сербь Хорутане. Волохом бо нашедшем на Словены на Дунайския, и седшем в них насилящем им, Словене же ови, прешедше, седоша на Висле, и прозвашася Ляхове, а от тех Ляхов прозвашася Поляне; Ляхове друзии Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне. Также и ти Словене, прешедше, седоша по Днепру, и нарекошася Поляне, а друзии Древляне, зане седоша в лесах; а друзии седоша межю Припетию и Двиною, и нарекошася Дреговичи; ини седоша по Двине, и нарекошася Полочане речки ради, яже втечет в Двину именован Полода, от сея прозвашася

Полочане; Словене же, прешедше с Дуная, седоша около езера Илмеря, и прозвашася своим именем, и сделаша град, и нарекоша и Новгород; а друзии седоша по Десне и по Семи и по Суле, и нарекошася Север. И тако разидеся словенский язык; тем же и грамота прозвася Словенская».

Этническое название *славяне*, *славянский* пока не имеет общепризнанной этимологии. Сближение его со словом *слава* ничем не обосновано, так как корень исконно содержал *слов-* ср. словене, словаки, словенцы и т. п. В связи с этим подобное сближение со словом *слава* следует рассматривать как один из случаев народной этимологии. Часто сопоставляют корень *слов-* с другими индоевропейскими языками, например, греч. **slauos* «народ». Более удачным следует считать связь этого корня со словом. В пользу этого свидетельствует противопоставление *славяне* (т. е. говорящие, которых можно понимать) и *немцы* (т. е. немые, которых нельзя понять). Топонимические и гидронимические предположения до сих пор не дали успешных результатов. Если *славянин* поставить в ряд *римлянин*, *киевлянин*, *огнищанин* и т. п., восходящим к названиям поселений, то нет свидетельств о существовании топонима *слов-*. На гидроним указывает эпитет Днепра *Словутичь*.

Среднелатинская форма *Sclavus* послужила образцом названия невольника во многих западноевропейских языках, а после сближения со словом *слава* в XVI–XVIII вв. приобрела формы *Слава*, *Славия*, *славский*, *славянский* (об этом свидетельствуют сочинения [И. Т.] Посошкова, Я. Коллара, А. С. Шишкова и др.). Этноним *славянский* важен для Европы, так как этот материк заселён в основном тремя этническими группами – славянами, герман-

¹ Публикуется по изданию: Кондрашов Н. А. Русские названия славянских языков // Вопросы исторической семантики русского языка. Лексика и синтаксис: Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калининград: КГУ, 1990. С. 71–76.

цами и романцами. В самом славянском мире этот корень имеет производные во всех трёх ветвях славянства: словинцы в Польше, словаки в Чехословакии, словенцы в Югославии, новгородские словене.

К западнославянским языкам относят польский (с кашубским и вымершим словинским), чешский, словацкий, верхнелужицкий и нижнелужицкий, мёртвый полабский.

Слова *поляк*, *польский* восходят к общеславянскому *поле*. Первичной формой единственного числа был *полянин*, форма *польский* вторична и омонимична: сохраняет значение «полевой». Славянское *поле*, вероятно, обладало значением «равнина», отсюда и западнославянское *polevatъ* «охотиться». Первоначально *поляне* были племенем в Великопольше (в районе Познани), затем это племенное название стало общим обозначением для польского народа. Обозначения *лях*, *ляшский* совершенно устарели, хотя литовское *lenkas* и венгерское *lengyel* свидетельствуют именно об исходном образовании *lęděn-*, которое сближается с *ляда* «пустошь, новь». Об этом свидетельствует и древнерусское прилагательное *лядский*, ср. фамилию Ляцкий.

Обозначения *кашубы*, *кашубский* (язык или диалект) требуют известных пояснений. В настоящее время в славистике принято мнение, что некогда самостоятельный западнославянский язык стал диалектом польского языка. Он распространён к западу от нижнего течения Вислы, в Морском и Картузском поветах, а также в Косцежинском, Хойницком и Гданьском. Число говорящих на этом диалекте достигает 200 тысяч человек. Памятники письменности с элементами кашубской речи появились в конце XVI в. В XIX–XX вв. было мало изданий на кашубском диалекте, так как для этого отсутствовали благоприятные условия (в Пруссии за кашубами не признавали языковых прав, в Польской Республике местная пресса помещает материалы на кашубском диалекте). В языке небогатой кашубской письменности не было единообразия: одни (Цейнова) опи-

рались на северный, другие (Дердовский и Майковский) – на южный диалект, близкий к польскому языку.

В конце XIX в. разгорелась полемика о месте кашубской речи в славянской языковой семье. Некоторые учёные полагают, что следует говорить о кашубском языке (кашуб Ст. Рамулт, немец Фр. Лоренц), который принадлежит к западнославянским языкам; другие лингвисты (А. Ф. Гильфердинг, И. А. Бодуэн де Куртенэ, В. Ягич, Я. Розвадовский, А. М. Селищев) пишут о большей связи кашубского языка с польским; польские учёные (А. Калина, Я. Карлович, многие современные лингвисты) рассматривают язык кашубов в качестве диалекта польского языка.

Несомненно, что некоторые особенности речи кашубов свидетельствуют о том, что в далёком прошлом кашубинский диалект был близок языку тех славян, которые занимали междуречье Одера и Эльбы (Померания), и о котором мы судим по сохранившимся остаткам полабского языка.

Само название *кашубский* язык идёт от среднелатинского *Кассубия* (с XIII в. в связи с проникновением католичества), но это польское название, где *ка-* является приставкой с увеличительным значением, а *шуба* «разновидность одежды». С этим названием можно сопоставить этнографическое название части полабских славян *кабатками* (от чеш. *kabat* «одежда, кафтан»).

Термин *словинский* применяют по отношению к вымершему языку поморских славян (поморяне). Наряду с полабскими славянами это одна из разновидностей славянской речи, ассимилированной на территории Германии.

Наименования *чех* *чешский* не имеют общепринятой этимологии. Обычно конечное *-х* не относят к корню и выдвигают самые различные объяснения: от имени Чеслав, от глагола *чекать* «ждать», от *чадо* «ребёнок», *челядь* «прислуга» и т. п. Возможно, этноним *чех* восходит к глаголу *čechat'* «бить, ударять». Если учесть, что некогда Чехию населяло кельтское племя

боев, то это предположение в известной степени оправдано. В XVIII–XIX вв. вместо названия *чешский* часто использовалось прилагательное *богемский*. Обычно, кроме чехов, мораван и силезцев, сюда включали и словаков. Так, А. М. Селищев ещё в 1914 г. писал: «Нет достаточного основания для положения, по которому говоры чехо-мораван, с одной стороны, и говоры словаков, с другой – это два самостоятельных западнославянских языка, как, например, польский и лужицкий»¹. В труде о западнославянских языках (1941 г.) он располагает материал словацкого языка параллельно чешскому. В подобной трактовке взаимоотношения чешского и словацкого языков имеется своеобразная закономерность. С одной стороны, обращается внимание на близость и переходный характер живых народных говоров, с другой – речь идёт о литературных чешском и словацком языках. Как явствует из предыдущего, Селищев исходит из первого факта, тогда как литературные языки русскими славистами различались давно. Например, М. В. Ломоносов называет *словацкий* язык². До 1948 г. положение словацкого литературного языка со стороны чехов ставилось под сомнение (ср. термин *чехо-словацкий* язык). Это не способствовало нормальному сосуществованию двух близких по языку народов в едином государстве. В настоящее время чешский гегемонизм и словацкий национализм канули в прошлое.

В русском языке на протяжении ряда десятилетий шла полемика по поводу формы прилагательного от имени *словак*. В ранних славистических сочинениях словацкий язык рассматривался как славяно-венгерский в соответствии с географическим распространением (так в Сравнительных словарях Палласа). П. И. Кепшен в своих «Библиографических листах» употреблял термин *венгеро-словенское наречие*. А. Н. Пыпин в своей «Истории славянских литератур» пристальное внимание

обращал на терминологию славяноведения. Он, в частности, отмечал, что от *словак* по местному народному обычаю употребляют прилагательное *словенский*, но по-русски следовало бы говорить *словацкий* (что и делали Срезневский и Гильфердинг). Изобразив в виде уравнения формы *Slovak – Slovenka, Slovenko, slovenský* и *Slovinec – Slovenec*, Пыпин рассуждает следующим образом: «Поэтому народ и язык называются *словенским*, а не *словацким*, как бы следовало от “словак” и как естественнее кажется по-русски. У нас всего чаще и употребляют прилагательное в этой последней форме, тем более что при этом избегается смешение со словинцами, которые также называются словенцами; но чтобы не расходиться с обычной формой, употребляемой у самих словаков и у чехов, мы также примем прилагательную форму “словенский”»³.

В настоящее время форма *словацкий* победила в русском языке. Русское употребление в этом отношении следует за польским. Что же касается названий славянских реалий, то Пыпин призывает соблюдать меру: «Некоторые из наших славистов и пишущих о славянстве стараются ввести у нас названия племен, местностей, городов, лиц, употребляемых самими славянами или даже известные археологически. Например, у них нет венгров и Венгрии – есть угры и Угрия; нет Эльбы и Одера – есть Лаба и Одра; нет Зары, Рагузы – есть Задр, Дубровник и т. д. В основе этого переделывания лежит, конечно, желание удалить ненациональное, чужое и водворить славянское. Против этого можно было бы не спорить, если бы при этом сохранена была мера; но она не сохраняется»⁴. Как мы видели, сам автор этих строк нигде не формулирует названную меру и сам поступает противоречиво. И всё же он настаивает на авторитете источника и учёте привычного употребления. Ср. такие рекомендации: «Если ныне употребительная номенклатура в славян-

¹ Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968. С. 536.

² Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.-Л., 1952. С. 609.

³ Пыпин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 2. СПб., 1881. С. 1000 (Примечания).

⁴ Там же. С. 17.

ских предметах – или книжная, или следующая употреблению господствующей на месте национальности, – стала привычкой литературного языка, то это имеет за собой свои исторические основания», или: «Словом, просто подставлять славянскую номенклатуру огулом нельзя, потому что прежняя есть *usus*, **имеющий историческое основание**. Войдут те славянские названия, для которых найдётся какой-либо новый *авторитет известности*»¹.

Подобные мысли вполне применимы к термину *Лужица*, *лужицкий*, *лужичане*. Ломоносов использует термины *вендский* (*вандалский*). В XVIII в. использовалось несколько терминов для лужицкого языка: *виндский*, *сорабский*, *лужицкий*. Первый восходит к немецкому обозначению лужичан, второй связан с латинизированным этнонимом *Sorabicus* «сербы», третий – с самоназванием *Лужица* «болотистый край», которое через книжную традицию распространилось в славистической литературе.

Полабский язык – от славянского названия реки Эльбы – Лаба «белая». Последние носители этого языка вымерли в конце XVIII в. **Наши сведения о нём основываются** на записях и словариках этого языка, сделанных немецкими любителями фольклора.

К южнославянским языкам относятся болгарский, македонский, сербско-хорватский, словенский и мёртвый старославянский язык.

Термины *болгарин*, *болгарский* являются тюркскими по происхождению. Первоначально означало «метис, человек смешанного происхождения». Это случай переноса названия завоевателей на покорённое население, аналогичный употреблению франков (для Франции), норманов (для Нормандии), лангобардов (для Ломбардии) и т. п.

Македонцы, *македонский* восходят по своему происхождению к названию древнегреческой провинции. В настоящее время там живёт славянская нация маке-

донцев. Македонцы разбросаны по трём балканским странам: большая их часть проживает в Югославии, где составляет особую Народную республику, живут македонцы в Болгарии и Греции. Некоторые болгарские учёные не признают ни македонцев, ни македонского литературного языка, который возник в ходе освободительной борьбы с фашизмом, и полагают, что это отколовшаяся от болгар часть населения, которую поддерживает Югославия.

Термины *серб*, *сербский* восходят к индоевропейскому корню **serb-* «охранять». Сербы известны как в южнославянской, так и в западнославянской областях (ср. лужицкие сербы). Обозначения *хорват*, *хорватский* не имеют общепризнанной этимологии, хотя многие исследователи относят его к иранским заимствованиям. В настоящее время существует единый сербско-хорватский язык с двумя орфографическими вариантами: сербским и кирилловской графикой и хорватским с латиницей. Сербско-хорватский язык обслуживает не только сербов и хорватов, но также боснийцев и черногорцев.

Названия *словенец*, *словенский* продолжают старое племенное имя славян. Они установились не сразу. До сих пор встречается колебание: *словенцы* и *словинцы*. В XIX в. часто употреблялось название *хорутане* (иногда *словинцы*, *винды*, *краницы* *штайерцы*), которое продолжало традицию «Повести временных лет», сочинений П. Шафарика, первого и второго поколения русских славистов (от Каринтия).

Название *старославянский* установилось во второй половине XIX в. Это название употребляли Ф. Ф. Фортунатов и французский лингвист А. Мейе. Оно отражает убеждение, что язык переводов Кирилла и Мефодия имел общеславянский характер. Это действительно так. Он впервые был использован в Моравии и Паннонии, затем распространился на Руси. А. Лескин и некоторые другие лингвисты называли этот язык староболгарским, церковнославянским или староцерковнославянским. Ряд болгарских языковедов выступает за отказ от термина *старославянский* в пользу *ста-*

¹ Там же. С. 18.

роболгарского. Если иметь в виду происхождение термина *болгарский*, то следует признать эти рекомендации необоснованными. Название *старославянский* опирается на хронологические и историко-культурные моменты функционирования этого языка. Оно не указывает на генетическую принадлежность этого языка, так как это слишком узкий взгляд на первый письменный язык славян.

Наиболее древним термином для обозначения языка восточных славян является *русский*. Этимология этого слова весьма туманна. Господствует точка зрения, что древнегреческое *ros* в значении «варяги, норманны» стало названием русов, руси-

чей, русских. В «Повести временных лет» под 911 и 944 гг. говорится о русских полах. Следовательно, название чужеземных князей было перенесено на местное население (ср. Болгария от болгар). Константинопольские патриархи в XII в. ввели административные обозначения Великороссия, Малороссия и Белороссия. Устарели термины *великорусский* и *малорусский*. Сохранился лишь *белорусский* (язык). Украинский стало применяться по отношению к юго-западной окраине Московского государства (Украина – за Окой и Орлом). Это означало «пограничная территория».

ВКЛАД И. А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ В ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И СЛАВИСТИКУ (К 150 ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)¹

I

Польско-русский лингвист под кратким именем Бодуэна вошёл в русское и мировое языкознание как открыватель новых путей в нашей науке, и воздействие его идей ощущается до настоящего времени. Ян Игнацы Нецислав (в России его называли Иваном Александровичем) *Baudouin de Courtenay, как мы видим, имел французские генетические корни*. Он родился 13 марта 1845 г. в Радзымине (25 км к северу от Варшавы) в семье польского землемера, ведущего свой род от участника крестовых походов Болдуина, потомки которого несколько столетий назад осели в Польше.¹

Бодуэн окончил в Варшаве гимназию, а затем и польский университет («Главную школу»), где изучал славянские языки. В это же время он овладел и живым литовским языком. После университета Бодуэн по стипендии русского Министерства народного просвещения отправился в заграничную командировку для продолжения образования. Он учился санскриту в

Берлине, побывал в Праге, в Иене слушал лекции А. Шлейхера и знаменитого естествоиспытателя Э. Геккеля. Бодуэна, ещё в гимназии отличавшегося математическими способностями, а через сорок лет в Дерпте (ныне Тарту) усердно занимавшегося высшей математикой и слушавшего на медицинском факультете курс патологии речи, увлекала идеи близости языкознания и естественных наук.

В 1868 г. Бодуэн проходил подготовку в Петербурге под руководством акад. И. И. Срезневского. В том же году он напечатал свою первую работу «Некоторые случаи действия аналогии в польском склонении», где впервые в мировом языкознании принципы исторического развития были распространены на морфологическую структуру слова.

В 1870 г. Бодуэн в Петербурге защитил магистерскую диссертацию «О древнепольском языке XIV столетия». Работа была посвящена анализу латинских слов и выражений в древнепольских рукописных памятниках и явилась первым опытом исторической фонетики раннепольского дописьменного языка. С этого времени Бодуэн стал читать лекции по сравни-

¹ Публикуется по изданию: Кондрашов Н. А. Вклад И. А. Бодуэна де Куртенэ в общее языкознание и славистику (К 150-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1995. № 3. С. 96–99.

тельной грамматике. Его вступительная лекция «Некоторые общие замечания» о языковедении и языке была чрезвычайно богата по содержанию.

С 1872 г. Бодуэн три года провёл в Австрии и Италии, где изучал говоры славянского языка (долина Резии). На основании работы «Опыт фонетики резьянских говоров» в 1875 году Бодуэн де Куртенэ получил степень доктора сравнительного языковедения. В более поздние годы Бодуэн прославился собственной трактовкой фонетических изменений и выступил создателем фонологии. В истории славянского языковедения важны его полонистические труды и диалектические работы из областей, где произошло языковое смешение.

Варшавский университет подвергся русификации, поэтому в нём не нашлось места для преподавателя-поляка. В Петербурге он стал первым преподавателем сравнительного языковедения. Но и после защиты диссертации он должен был работать за приват-доцентское жалованье. В связи с этим Бодуэн вынужден был поехать в Казань, где он занимал кафедру сравнительного языковедения. В дальнейшем Бодуэн поочерёдно работал в пяти университетах: Казанском (1875–1883), Юрьевском (Тартуском) (1883–1893), Краковском (1894–1900), Петербургском (1901–1918) и Варшавском (1918–1929), куда он переехал после получения Польшей независимости.

В Казани, где 30-летний профессор начал работать в 1875 г., вокруг него образовался кружок из преподавателей и пытливых студентов, которые впоследствии и составили казанскую лингвистическую школу. К ней относятся Н. В. Крушевский, В. А. Богородицкий, С. К. Булич, В. В. Радлов, А. И. Александров и др.

В Дерпте (Тарту) Бодуэн был избран заведующим кафедрой сравнительного языковедения. В 1893 г. он переехал в Краков, где его избрали членом академии. Бодуэн пробыл здесь недолго, так как венское министерство народного просвещения из политических побуждений не возобновило с ним контракта (Бодуэн на этот раз высту-

пил против насильственной мадьяризации словаков в тогдашней Австро-Венгрии), и он возвратился в Россию.

В 1897 г. его избрали членом-корреспондентом Академии наук. Полным академиком он так и не стал: помешали его выступления в защиту притесняемых поляков, украинцев и евреев. Эти выступления обычно сопровождались убеждением в неизбежной гибели царской империи. В. Шкловский пишет в своих воспоминаниях о Бодуэне и его положении: «Создавая новую школу лингвистики, долго скитался он по университетам Запада и России бездомным, прославленным и экстраординарным. Звание “ординарного” считалось по оплате и месту на заседаниях много выше. Ординарное звание Бодуэн получил в 1901 году».

В Петербурге (с 1901 г.) Бодуэн, кроме чтения лекций, много работал над дополнением и редактированием третьего издания «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля.

Четырёхтомный труд под названием «Толковый словарь живого великорусского языка» впервые появился в печати в 1863–1866 гг., а его автор Владимир Иванович Даль был удостоен звания почётного члена Академии наук.

Из 200 тысяч слов, содержащихся в словаре, около 80 тысяч собраны и записаны самим Далем. Это свидетельствует о том, что Даль не отбрасывал достижений русской лексикографии. Даль включил в свой словарь около 30 тысяч фразеологических выражений, пословиц, поговорок и других идиом живой русской речи.

В. И. Даль продолжал пополнять словарь материалами, но до второго издания своего труда ему не суждено было дожить (он скончался 4 октября 1872 г.). С дополнениями и поправками словарь Даля был напечатан вторично лишь в 1880–1882 гг. (это издание было воспроизведено в 1935 г.).

В третий раз словарь Даля печатался в 1903–1909 гг. под редакцией проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ, который дополнил словарь 20 тысячами новых слов

(из своих собственных записей, а также из собраний Я. К. Грота, П. В. Шейна, Л. И. Шренка, С. К. Булича, И. Ф. Наумова и др.).

В 1912–1914 гг. появилось и четвёртое стереотипное издание. Совсем недавно издательская группа «Прогресс» («Универс») осуществила репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг. в **четырёх томах** (тираж 42 тыс. экз.)¹. Бодуэн изменил самое построение словаря, хотя не заменил ни одного слова или предложения из словаря Даля.

Бодуэн писал свои работы на польском, русском, немецком, словенском, чешском, французском, итальянском, литовском и ряде других языков и печатал их в различных журналах. Общего труда с изложением своих лингвистических взглядов он не создал. Да это, очевидно, и трудно было сделать, так как воззрения его на многие проблемы со временем менялись². Из непосредственных учеников Бодуэна по Петербургу следует назвать Л. В. Щербу, Е. Д. Поливанова, Л. П. Якубинского, С. И. Бернштейна, Б. А. Ларина, Б. В. Томашевского, Б. Я. Владимирцова, А. П. Баранникова, В. В. Виноградова.

Бодуэн часто бывал за границей, слушал лекции и был знаком с крупнейшими языковедами своего времени (Шлейхер, Бопп, Лескин, Асколи, Соссюр), но, по словам Л. В. Щербы, «не был ничьим учеником, не принадлежал ни к какой школе, сам себя называл автодидактом» и «всю свою жизнь по всем решительно вопросам занимал – хотя вовсе не старался занимать – собственную, нетрафаретную позицию». В своих слушателях он также стремился вызвать любовь к предмету, самостоятельность и смелость мысли, критическое отношение к устаревшим положениям в науке, интерес к общелингвистическим теоретическим проблемам, склонность

к изучению и наблюдению над живыми языками и диалектами. В своих работах он часто высказывал также положения и теоретические выводы, которые в дальнейшем оказывались основополагающими для целых лингвистических направлений. Именно поэтому изучение работ Бодуэна остаётся актуальным и в настоящее время.

Важно отметить и стремление Бодуэна к пополнению лингвистической терминологии новыми и однозначными терминами. Так, он впервые употребил в современном значении такие термины, как *фонема*, *морфема*, *морфологизация*, *семасиологизация*, *синтагма*, *лексема*, *графема*, *кинема* и др.

II

Можно заметить, что итогом деятельности Бодуэна явился поворот языкознания к изучению собственно языка в его естественном развитии и отход от доисторических туманных формул. Какие же новшества принадлежат Бодуэну?

1. **Бодуэн выдвинул требование принципиального разграничения фонетического (звукового) и графического планов языка.** В период становления компаративизма сложилась ошибочная традиция смешения звуков с буквами, объясняемая отчасти значением древних, зафиксированных на письме, индоевропейских языков для сравнительно-исторического языкознания. От своих учеников Бодуэн требовал чёткого разграничения звуков и букв, подчёркивая значение хорошего знания фонетики живых языков и их диалектов.

2. Признание преимущества данных, полученных из наблюдений над живыми языками и диалектами, по сравнению с фактами, отражёнными в памятниках письменности различных эпох. Это положение выдвигалось и немецкими младogramматиками, но почти вся их практика противоречила выдвинутому постулату. Только у Бодуэна и его последователей оно приобрело характер основополагающего принципа, связанного со всей языковой структурой. Сам Бодуэн, подобно Срезневскому, с котомкой за плечами хо-

¹ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М.: «Прогресс», «Универс», 1994. *Прим. ред.*

² Наиболее полный перечень работ Бодуэна де Куртенэ и оценку его деятельности содержит сборник: И. А. Бодуэн де Куртенэ (К 30-летию со дня смерти). М., 1960.

дил по деревням, собирал материалы по диалектологии. Он таким образом обошёл Литву, Латвию, Словению. Бодуэна следует рассматривать как одного из предшественников метода лингвистической географии. Ещё до появления трудов Ж. Жильерона он читал лекции по лингвистической географии.

Самое обращение к живым языкам у казанских лингвистов и младограмматиков преследовало разные цели: казанцы стремились путём такого изучения познать закономерности развития языка, а младограмматики искали в них пережитки прошлых состояний. Бодуэн неоднократно подчёркивал методологическую важность изучения диалектов для познания законов функционирования языка. Он углублённо изучал фонетическую систему говоров и первым обратил внимание на точную запись живой диалектной речи.

3. Разграничение статики (синхронии) и динамики (диахронии) языка. Это разграничение, вошедшее впоследствии в лингвистическую концепцию Ф. де Соссюра, было выдвинуто впервые Бодуэном и принято его школой. Строгое разграничение описательного (статического) и исторического (динамического) аспектов в языке, однако, не совпадало с пониманием Соссюра. Разграничивая статику и динамику языка, казанцы признавали самостоятельность этих двух подходов к языку и специфику каждого из них, так как имели в виду в первом случае изучение явлений, «совершающихся одновременно в данном состоянии языка» а во втором – изменения, «совершающиеся в истории, на протяжении многих веков и в целом ряду говорящих поколений». Бодуэн, подобно Гумбольдту, считал, что каждая наличная языковая система есть в одно и то же время и средство общения, и один из моментов в историческом развитии языка. В этой системе имеются и относительно устойчивые явления, и отмирающие пережитки прошлого, и способные к развитию зародыши будущей системы. Такое понимание основывалось на исторической ответственности языка и констатации того

факта, что для говорящих гораздо важнее живые, существующие элементы системы языка, которые как говорящий, так и слушающий живо ощущают.

4. Различение физиологических и психологических процессов и явлений в языке. Эта антиномия физического и психического в механизме языка, столь волновавшая младограмматиков, сохраняет свою актуальность и для Бодуэна и его последователей. В борьбе против шлейхеровского натурализма он уже с самого начала своей деятельности подчёркивал, что язык не организм и что его нельзя рассматривать отдельно от человека. Только при таком ошибочном подходе могли возникнуть теория генеалогического древа и теория волн.

Основываясь на этом тезисе, Бодуэн был первым учёным, уловившем разницу между «звуком» (продуктом вибраций органов речи и воздуха) и «фонемой» (чисто лингвистическим элементом, имеющим различительную функцию в фонологическом комплексе слова как грамматической формы и вследствие этого принимающим участие в создании фонетической структуры языка). Тем самым Бодуэн отделил звук от фонемы и создал новый раздел языкознания – фонологию.

5. Учение о фонеме явилось важной вехой на пути понимания языка как системы знаков. Этому содействовали зачатки морфологии (учение о чередованиях), структурной лингвистики, типологический подход к языкам (славянские языки Бодуэн классифицировал по долготе и краткости гласных и ударению), принцип относительной хронологии, типы морфологической перестройки слов (аналогия, дифференциация, опрощение, переразложение). Оба понимания фонемы (Московская и Петербургская школы) и их выделение восходят к взглядам Бодуэна.

6. Бодуэн требовал не навязывать языку чуждых ему категорий. Особенно критически относился Бодуэн к материалу курсов по старославянскому языку, в которых фигурировали «покойники» под именами основ на гласные и согласные.

III

Бодуэн де Куртенэ не был кабинетным учёным. Он всегда был в гуще культурно-языковых споров. Славянские и прочие народы, угнетаемые в царской России, находили в нём заступника и горячего защитника. Конфликты Бодуэна с властями предрежащими обычно были вызваны позицией учёного. Австро-Венгерское правительство расторгло с ним контракт из-за того, что он резко выступил против мадьяризации бесправных словаков. В самом Кракове он наблюдал бесправие поляков и украинцев. В России Бодуэн всегда выступал в защиту угнетаемых поляков, украинцев, евреев, литовцев.

Учёный «резко протестовал против черносотенных выступлений некоторых профессоров Петербургского университета. Эта борьба с “черной сотней” создала Бодуэну де Куртенэ репутацию политически опасного человека. Она помешала ему вступить в члены Академии наук и, несомненно, подготовила ему жестокий суд за брошюру “Национальный и территориальный принцип в автономии” (1913 г.)»¹, направленной на защиту права самоопределения всех народов царской России и расцененной как «призыв к мятежу», он был приговорён к двум годам заключения в крепости.

Только после протестов русской и иностранной интеллигенции его выпустили из Крестов.

В 1918 г. престарелого Бодуэна избрали почётным профессором Варшавского университета. В Польше он продолжал старые песни. В. Дорошевский вспоминал: «В своей вступительной лекции он сказал, что Польша возрождается как государство не для того, чтобы увеличить число государств – империалистических. На эти слова часть аудитории реагировала аплодисментами, часть – свистом». Но этим дело не ограничилось. Бодуэн порвал с католической церковью. В 1922 г. он демон-

стративно согласился быть выдвинутым в президенты Польши (его соперником стал маршал Пилсудский) от угнетённых украинцев и белорусов. Естественно, он собрал мало голосов. Скончался великий лингвист в Варшаве 3 ноября 1929 г.

¹ Чернышев В. И. Воспоминания об И. А. Бодуэне де Куртенэ // Чернышев В. И. Избранные труды. Т. 2. М., 1970. С. 685.

РАЗДЕЛ II

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

УДК 81-11; 8(091)

DOI

НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ КОНДРАШОВ И ЕГО УЧЕБНИК «ИСТОРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ»

Алпатов В. М.

Институт языкознания Российской академии наук

125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется известный учебник профессора Н. А. Кондрашова «История лингвистических учений», выпущенный впервые в 1979 г. и ставший одним из основных пособий по этой дисциплине в педвузах и классических университетах. Подчёркивается, что концепция книги выделялась оригинальностью оценок, смелыми обобщениями и в целом объективно показывала развитие мировой лингвистической мысли от древних цивилизаций до второй половины XX в. Ценность пособия состоит ещё и в том, что автор не прошёл мимо анализа некоторых спорных проблем лингвистической теории и практики: традиции грамматики Пор-Рояля в русском языкознании XIX в., новаторство Пражской школы, дискуссии в советском языкознании 1930–1950-х гг. и др. В книге представлены также краткие очерки по методологии языкознания, даны портреты отечественных и зарубежных лингвистов. Анализ учебника Н. А. Кондрашова введён в общекультурный фон научных исканий и проблем советской лингвистики последней трети XX в.

Ключевые слова: Н. А. Кондрашов, история языкознания, лингвистические традиции, научная дискуссия, персоналии, учебник

NIKOLAY KONDRASHOV AND HIS TEXTBOOK “HISTORY OF LINGUISTICS”

V. Alpatov

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

1, build. 1 Bolshoy Kislovskiy pereulok, Moscow 125009, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the well-known textbook of professor N. Kondrashov “History of Linguistics,” published for the first time in 1979, and that became one of the leading textbooks of this discipline in pedagogical schools and classical universities. It is emphasized that N. Kondrashov’s book was distinguished by the originality of assessments and the bold generalizations. It objectively showed the development of world linguistic thought from the ancient civilizations until the second half of the 20th century. The value of the book is also in the fact that the author didn’t go past the analysis of some controversial issues of linguistic theory and practice: the tradition Port-Royal “Grammar” in the Russian linguistics of the 19th century, the innovation of the Prague School, the discussions in Soviet linguistics of 1930–1950s., etc. The book also presents brief essays on the methodology of linguistics, the portraits of Russian and foreign linguists. The analysis of the textbook by N. Kondrashov entered the general cultural background linguistic scientific searchings and problems of Soviet linguistics in the last third of the 20th century.

Keywords: N. Kondrashov, history of linguistics, linguistic traditions, scientific discussion, personalities, textbook

Николай Андреевич Кондрашов (1919–1995) был лингвистом широких интересов и занимался разнообразной тематикой: это и теория языка, и история литературных языков, и различные области славистики. Но больше всего его интересовала лингвистическая историография [9, с. 81–89]. Я использую этот не слишком распространённый термин, поскольку более стандартный термин «история языкознания» акцентирует внимание на изучении прошлого науки, а в научном наследии Николая Андреевича значительное место занимает и современность. В частности, он много работал в жанрах рецензий и обзоров [Там же].

Интересы совсем тогда молодого учёного оценил академик В. В. Виноградов, поручивший ему ведение отдела критики только что созданного журнала «Вопросы языкознания» (см.: [8]). В первой половине 1950-х гг. Кондрашов также заведовал секцией филологии Издательства иностранной литературы (впоследствии разделённого на издательства «Прогресс» и «Мир»). Но и позднее, сосредоточившись на преподавательской деятельности, он постоянно обращался к историографической тематике.

Среди его трудов особо следует выделить два: составленный им сборник «Пражский лингвистический кружок» (1967) [10] и учебник «История лингвистических учений» [7], выпущенный первым изданием в 1979 г. издательством «Просвещение» (см. рис. 1). Значение первой работы трудно переоценить. В СССР долгое время по внаучным причинам о Пражском кружке знали недостаточно, к 1967 г. были переведены лишь «Основы фонологии» Н. Трубецкого [12], а также отдельные статьи, включённые в хрестоматию В. А. Звегинцева [5]. Благодаря усилиям Кондрашова, советский читатель смог получить достаточно адекватное представление об одном из важнейших направлений лингвистики XX в. И книга оказалась не только первым, но и последним на сегодняшний день изданием такого рода. Если труды русских участников кружка у

нас публиковались и позднее, то не менее значимая его чешская часть до сих пор в основном представлена на русском языке тем, что подготовил к печати Кондрашов.

А по истории лингвистических учений в нашей стране обобщающих публикаций было немного. В 1938 г. по инициативе Р. О. Шор была переведена и издана книга датского языковеда В. Томсена, опубликованная в оригинале ещё в 1902 г. (см.: [11]); даже при сделанных Шор дополнениях она уже тогда не соответствовала современному состоянию науки. В 1955 г. впервые появилась хрестоматия В. А. Звегинцева «История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях», затем в 1960 г. и в 1964–1965 гг. (см., например, изд.: [4; 5]) переизданная в значительно дополненных двухтомных вариантах. Её сильнейшей стороной были «извлечения», то есть важнейшие статьи и отрывки из книг многих видных языковедов XIX и XX вв.; здесь она остаётся непревзойдённой и поныне. А «очерки», содержавшие многие точные характеристики различных учёных, всё же были слишком краткими и отрывочными. Наконец, в 1970-е гг. появились два учебника: помимо книги Кондрашова, несколькими годами раньше вышло пособие Ф. М. Березина [3]. Я не буду систематически сравнивать эти два издания; скажу только, что у Березина детально излагалась история русского языкознания при меньшем внимании как к науке других стран, так и к современной лингвистике. Этого не было в учебнике Кондрашова, где подчёркивается, что при наибольшем количестве русского материала используются и данные из других славянских и из западных языков [7, с. 6].

В отличие от наиболее традиционного подхода, согласно которому до начала XIX в. имел место «донаучный период» развития языкознания, Николай Андреевич отмечает важнейшее значение лингвистических традиций, выходя здесь за рамки Европы. Особо выделена индийская традиция, «колыбель» изучения языка [7, с. 7]; отмечается значение фонетических и морфологических трудов Панини и

других индийцев. Упомянута и арабская традиция, явно излагаемая по публикациям В. А. Звегинцева (см., например: [6]). Однако присутствует явный пробел: ничего не сказано об изучении языка в странах Дальнего Востока, даже в Китае.

Наибольшее внимание, разумеется, уделено европейской традиции, начиная с Древней Греции (римляне, по мнению Кондрашова [7, с. 18], не внесли в её развитие большого вклада). Подчёркнуто, что если индийцы создали традицию, исходя из практических нужд, то греки создали лингвистику не из эмпирии, а из философии. Здесь, пожалуй, автор учебника не вполне был прав в отношении античности. Там действительно о языке сначала велись философские рассуждения, но методы анализа конкретного материала во времена Платона и Аристотеля ещё не были выработаны, возможно, из-за отсутствия практических нужд: на греческом языке тогда говорили лишь греки. Такие методы появились лишь во II в. до н. э. в Александрии

именно по практическим причинам: надо было учить правильному греческому языку носителей других языков. И Кондрашов указывал, что «александрийцы сделали грамматику самостоятельной дисциплиной» [Там же, с. 19].

Средние века в Европе оцениваются в учебнике как «умственный застой», длившийся до открытия Америки в 1492 г. [Там же, с. 20]. Это относится, по мнению автора, и к философским грамматикам XIII–XIV вв., хотя всё же упомянут спор номиналистов и реалистов. Новый этап развития лингвистики несколько прямолинейно связывается с «победой капитализма над феодализмом» [Там же, с. 23]. Особо выделена «Грамматика Пор-Рояля», однако автор учебника сохраняет обычную для XIX в. и первой половины XX в. невысокую оценку этого сочинения. По его мнению, там языку «навязывались законы» [Там же, с. 26]. Пересмотр такого мнения, начавшийся за рубежом с 1960-х гг. (не только у Н. Хомского), видимо, остался ему неизвестным. Но важна формулировка Кондрашова о том, что традиции Пор-Рояля сохранялись ещё долго, в том числе в России, в частности у Ф. И. Буслаева [Там же, с. 27], и были преодолены лишь А. А. Потебнёй (ср.: [8]). В рамках этих традиций рассмотрено и создание международных языков. Здесь чуть ли не единственный раз в книге Кондрашов отступает от строго хронологического подхода и описывает редко затрагиваемую в подобных учебниках историю языка эсперанто, находя единую традицию у Р. Декарта и Л. Заменгофа [Там же, с. 27]. Всё же это – некоторое преувеличение, однако вообще надо отметить, что появление эсперанто и других подобных ему языков трудно находит место в истории языкознания. Они были одно время популярны (эсперанто выиграл конкуренцию с большим числом других проектов), но как раз тогда, когда в мировой лингвистике господствовал популярный по отношению к ним строго исторический подход.

И для лингвистики XVII–XVIII вв., и для более поздних периодов проводится раз-

Рис. 1. Обложка книги Н. А. Кондрашова
«История лингвистических учений»
(М., 1979)

граничение не только иностранной и отечественной науки, что было тогда обычным не только в истории лингвистики, но и науки славянских и других европейских стран. Славистика была специальной областью занятий Кондрашова, и здесь его анализ особенно подробен. Для раннего периода упомянут ряд имён в славянском мире от Я. Гуса до Й. Добровского.

Наука о языке XIX в. отличается от того, что было раньше, по мнению автора учебника, двумя особенностями. В это время она, во-первых, «оторвалась от филологии» [Там же, с. 4]; во-вторых, сложилось сравнительно-историческое языкознание, которое делится на четыре этапа: ранний этап до формирования младограмматической школы, младограмматический, следующий этап до Ф. де Соссюра включительно и современный [Там же, с. 39]. Наряду с этим описана история теоретической лингвистики, причём к теоретикам отнесён не только В. фон Гумбольдт, который «первым обратил внимание на системный характер языка» [Там же, с. 50], но и А. Шлейхер. Отечественные авторы рассмотрены «в едином строю», но надо отметить характеристику И. А. Бодуэна де Куртенэ: он «не был систематизатором фактов. Факты служили ему для рассмотрения теоретических проблем» [Там же, с. 100]. Далее рассматривается критика младограмматизма, поиски новых путей, причём в данную группу лингвистов отнесены как учёные, выдвинувшиеся ещё до появления «Курса» Соссюра (Х. Шухардт, Ж. Жильерон), так и представители уже нового поколения: Ш. Балли, А. Сеше и даже Э. Бенвенист, почти современник учебника. Балли, Сеше, Бенвенист вместе с А. Мейе отнесены к социологическому направлению в лингвистике, что к 1970-м гг. уже выглядело устаревшим, а о Женевской школе фактически говорится дважды: второй раз уже в контексте развития идей Соссюра.

Соссюру посвящена отдельная глава, в которой надо отметить такое справедливое замечание: многие положения его концепции «противоречивы и допускают

неоднозначное толкование», поэтому его последователи не образуют единства [Там же, с. 115].

Трактовка направлений структурной лингвистики в книге до некоторой степени отражает подходы хрестоматии В. А. Звегинцева [4; 5], но резко выделяется глава о Пражской школе. По объёму [7, с. 117–144] она составляет почти половину всего раздела, посвящённого структурализму, и основана на материале составленного Кондрашовым сборника статей [10]. Безусловно, по всем параметрам она является самой содержательной в книге. Можно отметить и весьма положительную по меркам того времени оценку дескриптивизма: она «успешно развивала свои взгляды в 30–50-х годах» [7, с. 156], и её достижения «ценны для прикладной лингвистики», хотя отмечается «безразличие к соответствию концепции языковой действительности» [Там же, с. 161]. В связи с этим упомянуты встречавшиеся в полемике между дескриптивистами идеи о языке как «фокус-покусе», хотя противостоявшая концепция «божьей правды» не упомянута [Там же]. Отмечу, что за рамки структурализма выносятся Э. Сепир, а также вся типологическая проблематика, что не лишено основания: хотя типологией занимались и в Пражском кружке (В. Скаличка), но в целом она находилась на периферии интересов структурной лингвистики, а то и игнорировалась, как в дескриптивизме. Из более частных замечаний отмечу отнесение А. Мартине к учёным, близким к глоссематике [Там же, с. 152]; этот французский лингвист всегда резко полемизировал с Л. Ельмслевом. И, разумеется, ещё в большей степени, чем, например, в последнем издании хрестоматии Звегинцева [4; 5], заметно отставание по времени.

Учебник (исключая упоминание некоторых более поздних советских работ) отражает развитие мировой науки о языке примерно 50-х гг. XX века. Тогда в СССР впервые получили более или менее полное представление о современной зарубежной лингвистике, а потом далеко не все обра-

щали внимание на её последующее развитие. В том числе не отражена генеративная лингвистика (ср.: [1]). В то же время Кондрашов особо выделяет развитие прикладных исследований.

Отдельная глава посвящена советской лингвистике [7, с. 178–212] и наименее оригинальна. Здесь, конечно, автору пришлось следовать определённым шаблонам. Конкретная часть начинается с описания идей Н. Я. Марра (о которых Кондрашов критически писал ещё в начале своей деятельности) и И. И. Мещанинова¹. Далее в самом отборе имён чувствуется влияние В. А. Звегинцева, но оно сочетается с привычной табелью о рангах, особенно заметной в отношении В. В. Виноградова. В то же время отмечу довольно большое внимание к развитию советской социолингвистики, её первоначальным успехам, связанным с языковым строительством, почти полному прекращению к 40-м гг. и дальнейшему возрождению². Бросается в глаза резкая (особенно на фоне благожелательного перечисления заслуг других советских учё-

¹ Ср.: Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм; 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. 282 с.

² Ср.: Алпатов В. М. 150 языков и политика, 1917–1997: Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Институт востоковедения, 1997. 190 с.

ных) оценка «вульгарного социологизма» у Р. О. Шор и Л. П. Якубинского (ср.: [2]).

В заключение Кондрашов выделял существующие в науке о языке методы. Как известно, общепризнанной классификации таких методов (исключая разве что сравнительно-исторический) не существует. Метод всегда трудно отграничить, с одной стороны, от теории, с другой стороны – от предметной области исследований. Николай Андреевич предлагал выделять следующие методы: сравнительно-исторический, типологический, структурно-семантический, таксономический (дистрибутивный) [7, с. 214–216]. Эта классификация спорна, но заслуживает внимания.

В целом для своего времени учебник Н. А. Кондрашова, безусловно, имел существенное значение. Не всё в нём заслуживает положительной оценки с точки зрения современных подходов, но видно стремление выявить основные пути развития мировой науки о языке, выделить главные этапы и научные парадигмы, показать борьбу идей и направлений, нарисовать краткие, но выразительные портреты учёных. Несомненно, в отечественной лингвистической историографии он занимает важное место.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. История лингвистических учений: учеб. пособие. М.: Языки русской культуры, 1998. 367 с.
2. Алпатов В. М. Языковеды, востоковеды, историки. М.: Языки славянских культур, 2012. 374 с.
3. Березин Ф. М. История лингвистических учений: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1975. 304 с.
4. Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях: в 2-х ч. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. 466 с.
5. Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях: в 2-х ч. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. 495 с.
6. Звегинцев В. А. История арабского языкознания: краткий очерк. М.: Изд-во Московского ун-та, 1958. 80 с.
7. Кондрашов Н. А. История лингвистических учений: учебное пособие. М.: Просвещение, 1979. 224 с.
8. Никитин О. В. «Опыт исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева в лингвистической традиции его времени (к 200-летию со дня рождения ученого) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 44–56.
9. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. № 5. С. 81–89.
10. Пражский лингвистический кружок: сборник статей / сост., ред. и предисл. Н. А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967. 559 с.

11. Томсен В. История языковедения до конца XIX века. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1938. 160 с.
12. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 372 с.

REFERENCES

1. Alpatov V. M. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [History of Linguistic Doctrines]. Moscow: Yazyki russkoi culture, 1998. 367 p.
2. Alpatov V. M. *Yazykovedy, vostokovedy, istoriki* [Linguists, Orientalists, historians]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012. 374 p.
3. Berezin F. M. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [History of Linguistic Doctrines]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1975. 304 p.
4. Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaniiya XIX–XX vv. v ocherkakh i izvlecheniyakh: v 2-kh ch. Ch. 1* [History of linguistics of the 19–20th centuries in essays and extracts: in 2 parts. Part 1]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1964. 466 p.
5. Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaniiya XIX–XX vv. v ocherkakh i izvlecheniyakh: v 2-kh ch. Ch. 2* [History of linguistics of the 19–20th centuries in essays and extracts: in 2 parts. Part 2]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1965. 495 p.
6. Zvegintsev V. A. *Istoriya arabskogo yazykoznaniiya: kratkii ocherk* [History of Arabic linguistics: a brief outline]. Moscow, Moscow State University Publ., 1958. 80 p.
7. Kondrashov N. A. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [The history of Linguistic Doctrines]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1979. 224 p.
8. Nikitin O. V. [«The Experience of Historical Grammar of the Russian Language» by F. Buslaev in the linguistic tradition of his time (to the 200th anniversary of the scholar)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2019, no. 439, pp. 44–56.
9. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, no. 5, pp. 81–89.
10. Kondrashov N. A., comp. and ed. *Prazhskii lingvisticheskii kruzhok: sbornik statei* [The Prague linguistic circle: a collection of articles]. Moscow, Progress Publ., 1967. 559 p.
11. Tomsen V. *Istoriya yazykovedeniya do kontsa XIX veka* [The history of linguistics until the end of the 19th century]. Moscow, State Pedagogical Publishing House of the People's Commissar of Education of the RSFSR, 1938. 160 p.
12. Trubetskoy N. S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of phonology]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1960. 372 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алпатов Владимир Михайлович – доктор филологических наук, профессор, академик РАН, заведующий Отделом языков Восточной и Юго-Восточной Азии, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания Российской академии наук; e-mail: v-alpatov@ivran.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir M. Alpatov – Doctor in Philological Sciences, Professor, Academician of the RAS, Head of the Department of Languages of East and South-East Asia, head of the Research center for national-language relations, Institute of linguistics of the Russian Academy of Sciences; e-mail: v-alpatov@ivran.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алпатов В. М. Николай Андреевич Кондрашов и его учебник «История лингвистических учений» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.

FOR CITATION

Alpatov V. M. Nikolay Kondrashov and his textbook “History of linguistics”. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp.

УДК 81-11; 8 (091)

DOI

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ НАУКИ: ГЕРМАН ГЮНТЕР ГРАССМАН (ЗАВЕТ Н. А. КОНДРАШОВА: ПРОДОЛЖАТЬ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Базылев В. Н.

Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, Российская Федерация

Аннотация. Статья написана в жанре «портреты языковедов» и продолжает традиции историографии, заложенные Н. А. Кондрашовым. Представляется личность и творчество филолога Германа Гюнтера Грассмана и три сферы приложения его научного потенциала: компаративистика, акустика и лексикография. Особое внимание уделяется его словарной работе „Wörterbuch zum Rigveda“ в свете влияния на его работу достижений российского филолога О. Н. Бётлингк и его словаря „Sanskrit-Wörterbuch“.

Ключевые слова: история языкознания, лингвистические традиции, компаративистика, лексикография, акустика, Н. А. Кондрашов, Г. Грассман, О. Бётлингк

PERSONALITY IN THE HISTORY OF SCIENCE: HERMANN GÜNTHER GRASSMANN (N. A. KONDRASHOV'S TESTAMENT – TO CONTINUE HISTORIOGRAPHICAL RESEARCH)

V. Bazylev

Moscow State Linguistic University
38 ulitsa Ostozhenka, Moscow 119034, Russian Federation

Abstract. The article is written in the genre of “portraits of linguists” and continues the traditions of historiography laid down by N. Kondrashov. The author presents the personality and work of philologist Hermann Günther Grassmann and three areas of application of his scientific potential: comparative studies, acoustics, and lexicography. Special attention is paid to his dictionary work – „Wörterbuch zum Rigveda“ in light of the influence on his work of the achievements of the Russian philologist O. Böhlingk; and his dictionary „Sanskrit-Wörterbuch“.

Keywords: history of linguistics, linguistic traditions, comparative studies, lexicography, acoustics, N. Kondrashov, G. Grassman, O. Böhlingk

Историография лингвистики – как много говорит это любому филологу. Но сегодня, одновременно – очень мало. Историографические исследования уходят на периферию научных интересов современной лингвистики. Очевидно, как мы об этом писали, они кажутся современным филологам либо «неподъёмными», либо малозначимыми. Может быть потому, что требуют солидного бэкграунда, который не всегда формируется у исследователя

при нынешней системе его профессиональной подготовки [2, с. 47].

Поэтому так важны напоминания об актуальности любых историографических изысканий. А ещё совсем недавно это не вызывало сомнений у целого поколения советских филологов, к славной плеяде которых принадлежал Н. А. Кондрашов.

Именно это отметил О. В. Никитин в исследовании жизни и творчества Н. А. Кондрашова: «Интерес к лингви-

стической историографии не угасал у Н. А. Кондрашова на протяжении всей его жизни. Ему принадлежали десятки статей и обзоров, посвященных интересным, ярким, часто забытым и не оцененным по достоинству личностям – А. Х. Востокову, К. С. Аксакову, Н. В. Крушевскому, Н. С. Трубецкому... В 1960-е гг. учёный много занимался пропагандой мирового лингвистического наследия» [5, с. 85–86].

Историография лингвистики, как мы об этом неоднократно писали, традиционно противопоставляется истории языкознания, то есть описанию процесса развития знаний о языке. Сама историография трактуется как направление исследований, посвящённых теоретическому осмыслению этого развития, анализу теорий и концепций генезиса лингвистической мысли в её отдельных аспектах, традициях, течениях, направлениях, разделах и школах, вплоть до отдельно взятой личности учёного. К этому общему пониманию историографии лингвистики я бы добавил следующее: под историографией лингвистики следует понимать также сознательное выстраивание причинно-следственной цепи событий и лакун между ними в завершённую картину научной мысли.

Со времени выхода в свет монографии Т. Куна стало общим местом: появление новых парадигм научного знания приводит в лингвистике к тому, что многие традиционные для этой науки проблемы предстают в новом свете, и, конечно, в их решении намечаются существенные изменения; не говоря о том, что каждая парадигма знания приносит с собой и новые проблемы и даже порождает «новые реальности» языка. В этой связи представляется целесообразным исследовать не только то новое, что было привнесено существующими сегодня парадигмами знания в анализ вполне определённых проблем, но и то, от чего, собственно, отталкивался подобный анализ, и то, что входило в т. н. предпосылочное знание.

В лингвистической литературе нередки указания на то, что те или иные важные принципы уже были сформулированы

кем-то и когда-то, вплоть до напоминающих высказываний мыслителей глубокого прошлого. Но это лишь фрагменты знания, которые никогда не образуют новой системы. Это могут быть «пророчества», которые не следует приравнивать к тщательной обработке эмпирических данных, приводящих к обнаружению неизвестных ранее свойств языка. Самое интересное во всём этом то, как и из каких фрагментов и «пророчеств» складывается новое знание.

Историографическое исследование – это не просто констатация присутствия тех или иных элементов в научных текстах о языке, а определение их онтологического статуса. Поэтому актуально не только выявление черт сходства и различия в текстах разных лингвистов, сколько исследование текста о языке через понятие развития на основе существующих традиций и вживания текста в историко-культурный диалог. Схематично взаимодействие подобных текстов в историко-культурном диалоге может быть описано следующим образом: взаимосвязь на уровне события, создание научного текста, взаимосвязь на уровне стили (взаимосвязь средств выражения – прецедентность (Ю. Н. Караулов), логоэпистемичность (В. Г. Костомаров), непосредственные текстовые параллели (взаимопроникновение текстов). Дело в том, что научный текст, как любой другой, продолжает некоторые традиции, развивает заложенные в него возможности, не реализованные в момент его первичного восприятия. Научные тексты, особенно лингвистические, содержат большое количество избыточных фрагментов, которыми сам автор нередко пренебрегает, но которые со временем обнаруживают скрытые в них энергию и жизнеспособность. Любой научный текст обладает тем, что М. Н. Липовецкий так удачно назвал «памятью жанра» [1, с. 36–37].

На фоне сказанного внимания, на наш взгляд, заслуживает редко упоминаемая в среде отечественных филологов личность Германа Гюнтера Грассмана (нем. Hermann Günther Grassmann, 1809–1877). Он хорошо знаком в России, преимущественно ма-

тематикам и физикам, практически оставаясь неизвестным для филологов [3; 4].

Три сферы приложения научного потенциала Г. Грассмана могут нас сегодня интересовать: компаративистика, акустика и лексикография. С т. н. законом Грассмана отечественная компаративистика в той или иной степени знакома. Менее востребованными остаются пока его идеи, связанные с акустическими исследованиями. Отдельного внимания требует до сих пор его лексикографическая практика – „Wörterbuch zum Rigveda“ (Leipzig, 1873–1875; 8. Aufl. Wiesbaden 1996). Особенно в свете того, что при подготовке своего словаря Г. Грассман опирался на достижения российского филолога О. Н. Бётлингга и его „Sanskrit-Wörterbuch“. Незаслуженно забыты работы Г. Грассмана по искусственным языкам.

Появление новых идей Г. Грассмана в европейской компаративистике XIX в. было связано с рефлексией исключений из закона Раска-Гримма. Например, непонятными представителями старшего поколения нарушения закономерных соответствий: греч. π, τ, κ – др.-инд. p, t, k; греч. φ, θ, χ – др.-инд. bh, dh, gh; греч. β, δ, γ – др.-инд. b, d, g. Или же убеждение многих современников в том, что санскрит – это древнейший индоевропейский язык. Конечно, не все во времена Грассмана верили в это. Присутствовала альтернативная точка зрения, рядополагающая санскрит с другими и.е. «диалектами»: эллинским, латинским, армянским, германским, славянским, кельтским и др.

В 1863 Г. Грассман, как итог своих компаративистских штудий, постулировал, что в древнегреческом и древнеиндийском языках два соседних слога не могли начинаться на придыхательные: если второй слог начинался на придыхательные (греч. φ, θ, χ, др.-инд. bh, dh, gh), предшествующий слог терял придыхание (греческие глухие придыхательные φ, θ, χ заменялись на простые глухие π, τ, κ, а соответствующие им древнеиндийские звонкие придыхательные bh, dh, gh заменялись на простые звонкие b, d, g), например от индоевропейского корня

*bheudh ‘будить’ (→ греч. *φευθ-, др.-инд. *bhodh-) → греч. πεύθεται, др.-инд. bódhate.

Сегодня мы понимаем, что Г. Грассман, будучи гениальным математиком, одним из первых сумел перенести уликовую парадигму на материал языка. Именно это позволило ему правильно объяснить комбинаторные изменения. Напомним, что уликовая парадигма, связанная в научном мире Европы той эпохи с именами Дж. Манчини («проблема датировки»), Л. Аллаччи («проблема распознавания») и Ж. Мабийона (палеография в целом) позволила разным отраслям научного знания интегрировать морфологический анализ в рамки исторической реконструкции, сделать изучение чисто формального сходства далеко отстоящих друг от друга феноменов – средством выявления глубоко скрытых исторических взаимосвязей, остающихся иначе недоступными, реконструировать посредством установления чисто формальных соответствий исторические феномены, иначе не поддающиеся опознанию. Не последнюю роль в освоении названной парадигмы, предположительно, могло сыграть знакомство с идеей «систематический сбора мелких распознаваний», как их называл И. Винкельман в письме от 30 апреля 1763 г. к Дж. Л. Бьянкони из Рима, и который составил к концу XVIII–началу XIX вв. питательную почву для новой формулировки старинных комплексов знания, в т. ч. филологических [9, s. 316].

Будем справедливы. Говоря о взаимодействии на уровне событий в науке и текстовых параллелях, упомянем тот факт, что на четверть века раньше Рудольф Раумер (1815–1876), также интересовавшийся определением фонетического характера звуков в законе Раска-Гримма, писал в 1837 г.: «Так как в санскрите никогда не встречаются два слога, начинающихся с придыхательных, то первоначальная форма *budh* может трактоваться как *b'ud'*. В этом случае в форме *biudan* мы имеем обычный переход *b'* в *b'*» [цит. 8, p. 74]¹. Идея эта, однако, не была отмечена в то

¹ Перевод наш – В. Б.

время, возможно, потому что, в отличие от Грассмана, Раумер не проработал все соответствующие примеры, чтобы дать компаративистам законченное представление о фонетическом характере этого феномена.

Если говорить во вкладе Грассмана в акустику речи, то он успешно продолжал те исследования, которые были начаты ещё в конце XVIII в., когда было установлено, что физически речь состоит из источника звука и воздушного пространства голосового тракта, служащего резонатором. Впрочем, это было известно из теории и музыкальной практики, в которой духовые инструменты достигали своего отличительного звучания таким же образом: в горне источником звука является вибрация, вызванная в поджатых губах горниста (воздухом, проходящим через них), а длинная металлическая трубка образует резонатор. В горне различные резонансные частоты или ноты достигаются путём изменения характеристик трубки серией клапанов. В музыке существовала давняя традиция обозначать ноты стандартизированным способом, откалиброванным камертонами. Это, однако, не было также легко применимо к звукам речи. На рубеже XVIII–XIX вв. предпринимались неоднократно попытки создания механических устройств, способных имитировать звуки речи. Нет никаких сомнений в том, что эти устройства могли успешно имитировать звуки речи, но они не давали основания для создания теории, которая могла бы ответить на вопрос об акустической структуре звука. В 1830 г. Роберт Уиллис опубликовал отчёт об исследовании, в котором, помимо прочего, описал цилиндрическую телескопическую трубку, соединённую с источником вибрации, длина которой могла изменяться. Он утверждал, что может производить всё разнообразие гласных звуков, просто изменяя длину резонирующей трубки. Примечательно, по его словам, было то, что путём постепенного удлинения трубки можно было услышать гласный ряд *i e a o u*, а затем, удлинив её ещё больше, можно было слышать тот же ряд в обратном порядке. Таково приблизи-

тельно был уровень знания, когда Грассман в 1854 г. публикует свою работу „Übersicht der Akustik und der niedern Optik“. Наиболее впечатляющим аспектом его исследования стало то, что он указал на большое количество гармоник, и на смещение формы голосового тракта при акцентуации различных гармоник, т. е. на избирательное резонирование. Сегодня мы понимаем это как технику, используемую в так называемом горловом пении, иначе, правильнее сказать, гармоническом пении или обертоном пении, которое хорошо известно, например, из тувинской культуры. В своём открытии множественных резонансов для гласных Грассман превзошёл то же открытие Гельмгольца на 9 лет. Гельмгольц в 1863 г., конечно, сделал своё открытие, используя то, что мы сейчас называем «резонаторами Гельмгольца», сферы различных размеров, каждая из которых настроена в основном на одну акустическую частоту.

Обращаясь к лексикографической практике Грассмана, ещё раз обратим внимание на взаимодействие научных текстов в историко-культурном диалоге. Да, Грассман известен как переводчик «Ригведы» на немецкий язык и как составитель „Wörterbuch zum Rigveda“, опубликованного в 1873–1875 гг. Как напишет Грассман в предисловии к словарю, его список слов (т. е. словник) был взят из большого Петербургского словаря Отто Бётлингга Бохтлингга и Рудольфа Рота и из глоссария Теодора Бенфея „Die Hymnen des Sama-Veda“ 1848 г. Текстовая версия Ригведы, на которой был основан его словарь, была транскрипцией Теодора Ауфрехта с исправлениями Макса Мюллера. И, насколько нам известно, Грассман не имел в своём распоряжении полного перевода Ригведы. Напомним также, что главным творением русского индолога и санскритолога Оттона Николаевича Бётлингга (1815–1904) стал именно семитомный санскритский словарь „Sanskrit-Wörterbuch“ 1853–1875 гг.

Разумеется, как мы отметили выше, сегодня актуально не только и не столько выявление черт сходства и различия в текстах разных языковедов, в нашем случае

Грассмана и Бётлингга, сколько исследования текста о языке через понятие развития на основе существующих традиций и вживания текста в историко-культурный диалог. Благодатный материал для этого даёт, с нашей точки зрения, соположение двух словарей. Обратимся в качестве иллюстрации сказанного к одной словарной статье.

Грассман, например, предлагает в словарной статье проиллюстрировать словообразование, отталкиваясь от значения. Для прилагательного *karambhin*, деривата с суффиксом *-in* со значением 'Versehenseins mit', Грассман предлагает значение 'mit Grütze versehen' со ссылкой на жертвенный напиток Индры.¹ Бётлингк же предлагает значение 'von Grütze begleitet'.²

Другим примером может служить прилагательное *kumārīn*, производное от существительного *kumārā* 'Kind, Knabe, Jüngling, Sohn', которому Грассман подбирает эквивалент 'mit Kindern versehen', в то время как Бётлингк предлагает 'mit Mädchen versehen'.³ В отличие от Бётлингга он также принимает значение 'Erde, Erdboden' для женского *kṣā*,

а не только 'Wohnstätte'.⁴ То есть, Грассман в основном нацелен на представление в словарной статье эквивалента, значение которого он извлекает из контекста, из отдельных компонентов словосочетаний. В отличие от Бётлингга, ориентирующегося на формальные приёмы этимологизирования.

Подводя итог, ещё раз хочется указать на актуальность историографических исследований. На примере личности Г. Грассмана прекрасно видно, что его работы до сих пор имеют значение не только для истории науки о языке. Сформулированный им в 1863 г. закон диссимилиации придыхательных в древнегреческом и древнеиндийском языках работает в компаративистике до сих пор [6, с. 412]. Значение его лексикографической практики не подвергается сомнению: вплоть до 1996 г. вышло восемь изданий его „Wörterbuch zum Rigveda“. В 1999 г. вышло первое индийское издание, перепечатка пятого издания, опубликованное в Дели. Оценка Грассмана как филолога, прозвучавшая из уст А. Вебера в 1880 г., по-прежнему точна: „Sein Wörterbuch zum Rig-Veda gehört zu den household-works der Veda-Forscher“⁵ [цит. по: 7, s. 310].

¹ См.: Karambhin // Grassmann G. Wörterbuch zum Rigveda. Wiesbaden: Harrassowitz, 1996. S. 315.

² См.: Karambhin // Бётлингк О. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. Bd. III. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1889. С. 112.

³ См.: Kumārīn // Grassmann G. Wörterbuch zum Rigveda. Wiesbaden: Harrassowitz, 1996. S. 329; Kumārīn // Бётлингк О. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. Bd. III. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1889. С. 338.

⁴ См.: Kṣā // Grassmann G. Wörterbuch zum Rigveda. Wiesbaden: Harrassowitz, 1996. S. 365; Kṣā // Бётлингк О. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. Bd. III. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1889. С. 365.

⁵ «Его словарь – это настольная книга любого индолога» (перевод мой. – В. Б.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылев В. Н. Историография: её место в структуре современных лингвистических исследований // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: межвузовский сборник научных трудов. Бийск: Бийский ГПУ им. В. М. Шукшина, 2008. С. 34–40.
2. Базылев В. Н. Почему трудно стать лингвистом-теоретиком // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2017. № 1. С. 43–49.
3. Бирюков Б. В., Бирюкова Л. Г. Алгоритмические проблемы XX в. и становление аксиоматики фундаментальных алгебраических структур: вклад Германа и Роберта Грассманов. М.: Наука, 1988. 170 с.
4. Грассман Г., Грассман Р. Логика и философия математики. Памятники философской мысли. М.: Наука, 2008. 504 с.
5. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. Т. 80. №5. С. 81–89.
6. Старостин Г. С. К истокам языкового разнообразия. Десять бесед о сравнительно-историческом языкознании. М.: Издательский дом «Дело», 2015. 584 с.

7. Engel F. Grassmanns Leben. Nebst einem Verzeichnisse der von Grassmann veröffentlichten Schriften und einer Übersicht des handschriftlichen Nachlasses. Stettin: Saunier, 1911. 274 s.
8. Lehman W. P. A Reader in nineteenth-century historical Indo-European Linguistics. London: Indiana University Press, 1967. 480 p.
9. Winckelmann J. J. Briefe. Berlin: Diepolder & Rehm, 1954. 520 s.

REFERENCES

1. Bazylev V. N. [Historiography: its place in the structure of modern linguistic studies]. In: *Obshcheteoreticheskie i tipologicheskie problemy yazykoznaniiya: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [General theoretical and typological problems of linguistics: inter-university collection of scientific papers]. Biysk, Biysk State Pedagogical University named after V. M. Shukshin Publ., 2008, pp. 34–40.
2. Bazylev V. N. [Why is it difficult to become an Academician in Linguistics]. In: *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], 2017, no. 1, pp. 43–49.
3. Biryukov B. V., Biryukova L. G. *Algoritmicheskie problemy XX v. i stanovlenie aksiomatiki fundamental'nykh algebraicheskikh struktur: vklad Germana i Roberta Grassmanov* [Algorithmic problems of the 20th century, and the formation of the axiomatics of fundamental algebraic structures: the contribution of Herman and Robert Grassman]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 170 p.
4. Grassman G., Grassman R. *Logika i filosofiya matematiki. Pamyatniki filosofskoi mysli* [Logic and philosophy of mathematics. Monuments of philosophical thought]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 504 p.
5. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.
6. Starostin G. S. *K istokam yazykovogo raznoobraziya. Desyat' besed o sravnitel'no-istoricheskom yazykoznanii* [To the origins of linguistic diversity. Ten conversations about the comparative-historical linguistics]. Moscow, Delo Publ., 2015. 584 p.
7. Engel F. Grassmanns Leben. Nebst einem Verzeichnisse der von Grassmann veröffentlichten Schriften und einer Übersicht des handschriftlichen Nachlasses. Stettin, Saunier Publ., 1911. 274 s.
8. Lehman W. P. A Reader in nineteenth-century historical Indo-European Linguistics. London, Indiana University Press Publ., 1967. 480 p.
9. Winckelmann J. J. Briefe. Berlin, Diepolder & Rehm Publ., 1954. 520 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Базылев Владимир Николаевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории немецкого языка Института иностранных языков имени Мориса Тореза Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: v-bazylev@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Bazylev – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of History of German at The Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University;
e-mail: v-bazylev@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Базылев В. Н. Личность в истории науки: Герман Гюнтер Грассман (завет Н. А. Кондрашова: продолжать историографические исследования) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.

FOR CITATION

Bazylev V. N. Personality in the history of science: Hermann Günther Grassmann (N. A. Kondrashov's testament – to continue historiographical research). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp.

УДК 811.16(084.4)

DOI

«ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС» И СЛОВАЦКО-РУССКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

Вендина Т. И.*Институт славяноведения Российской академии наук**119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу словацко-русских лексических изоглосс. Привлекая материалы «Общеславянского лингвистического атласа», автор считает, что для понимания истинного характера словацко-русских ареальных связей важное значение имеет общеславянская перспектива, так как она даёт возможность выяснить, какие из лексических параллелей отражают и продолжают отношения исходной системы, а какие свидетельствуют о неодинаковой реализации системы связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи.

Ключевые слова: славянские языки, лингвистический атлас, лексическая изоглосса, словацко-русские лексические параллели, диалектология

“GENERAL SLAVIC LINGUISTIC ATLAS” AND SLOVAK-RUSSIAN LEXICAL ISOGLOSSES

T. Vendina*Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences**32-A Leninskij prospect, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the analysis of Slovak-Russian lexical isoglosses. Using materials of “The Slavic linguistic atlas”, the author believes that the general Slavic perspective is essential to understanding the true nature of the Slovak-Russian areal relations. It allows figuring out the following problem: which lexical parallels reflect and continue the relationship of the original system, and which indicate uneven implementation of the system of relations inherited from the Proto-Slavic era.

Keywords: Slavic languages, linguistic atlas, lexical isogloss, Slovak-Russian lexical correspondences, dialectology

В сопоставительных исследованиях, посвящённых проблемам сходств и различий славянских языков, словацко-русским лексическим параллелям отводится довольно скромное место, так как традиционно отмечается лексическая близость прежде всего польского и русского языков.

Исключением является учебное пособие профессора Н. А. Кондрашова «Славянские языки» [10], в котором в разделе, посвящённом словацкому языку, даётся подробное описание лексических заимствований из русского языка с их детальной семантической классификацией

и временной стратификацией, поскольку Николай Андреевич в своей докторской диссертации «Возникновение и начальный этап развития словацкого литературного языка» [9] уделил этой проблеме особое внимание (см. также: [14]).

Сегодня, когда славистика располагает «Общеславянским лингвистическим атласом»², этот вопрос может быть ещё раз рассмотрен, но уже на материале не литературного языка, а диалектов. «Общеславянский лингвистический атлас»

¹ См., например: *Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 6. Домашнее хозяйство и приготовление пищи / отв. ред. Т. И. Вендина. М.: ИРЯ РАН, 2007. 192 с.*

даёт возможность по-новому взглянуть на словацко-русские лексические параллели, так как эти соответствия оказываются довольно интересными как в структурно-типологическом отношении, так и по своим ареальным характеристикам.

Следует сразу сказать, что словацко-русские лексические параллели невозможно рассматривать только в одной плоскости – статистических соответствий, ибо они не укладываются в какой-либо один ареальный сценарий¹, кроме того, происходит отождествление разных по времени изоглосс, которые отличаются друг от друга и по своей древности, и по устойчивости, и по количеству и употребительности охватываемых ими слов, и по своему значению для разных уровней языка (см., напр.: [5, с. 23]).

Для осмысления этой картины простое суммирование выявленных изоглосс мало что даёт. Кроме того, механическая кумуляция этих изоглосс «без учета их возможной хронологической соотнесенности отражает пережившие себя атомистические установки традиционного языкознания, не согласующиеся с принципами системного описания всех уровней языка» [12, с. 15].

Для понимания истинного характера словацко-русских ареальных связей важное значение имеет общеславянская перспектива, так как она даёт возможность выяснить, какие из лексических параллелей отражают и продолжают отношения исходной системы, а какие свидетельствуют о неодинаковой реализации системы связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи.

Попытаемся взглянуть на словацко-русские лексические соответствия именно в общеславянском контексте. Возможность

их исследования в лингвогеографическом аспекте представилась после публикации шестого тома «Общеславянского лингвистического атласа» «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»² (далее – ОЛА), в котором представлен материал **всех** славянских диалектов, включая болгарские, которые долгое время по экстралингвистическим причинам отсутствовали в Атласе³.

Материалы этого тома⁴ свидетельствуют о том, что на картах Атласа наряду с праславянскими лексемами оказались и лексемы более позднего образования, являющиеся свидетельством собственной истории славянских языков и их диалектов, и это несмотря на то, что в основу Вопросника ОЛА был положен принцип диахронического тождества общеславянских корней и лексем. Более того, материалы Атласа содержат многочисленные факты, отражающие не праславянские, а общеславянские процессы, формирование изоглоссных областей в период самостоятельного существования языков славянских народностей. Поэтому истинная картина связей и отношений славянских языков оказалась во многом затемнена более поздними временными напластованиями.

Том содержит карты и диалектные материалы, собранные в полевых условиях на всей территории Славии (в 853 населенных пунктах, расположенных во всех славянских странах, а также в Германии, Австрии, Венгрии, Румынии). В основе их лежат ответы на вопросы из VIII раздела Вопросника ОЛА «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» [4, с. 115–121], которые имеют индекс L (лексика), SL (словообразование), Sm (семантика), а также тематически близкие вопросы с фонетическим

¹ Ср. в связи с этим точку зрения Э. Бенвениста: «Ясно, что исследование, оперирующее соответствиями лишь как количественными величинами ... заранее обречено на неудачу. Ни число сопоставлений, ни число языков, признанных родственными, не может являться предметом математического исчисления. На самом деле мы должны рассматривать степень родства между членами больших семей родственных языков как переменную величину, способную принимать различное значение» [1, с. 44–45].

² Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 6. Домашнее хозяйство и приготовление пищи / отв. ред. Т. И. Вендина. М.: ИРЯ РАН, 2007. 192 с.

³ О причинах отсутствия болгарского материала на картах Атласа см.: [7, с. 315].

⁴ В дальнейшем в нашей статье все ссылки на карты даются по данному тому: Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 6. Домашнее хозяйство и приготовление пищи / отв. ред. Т. И. Вендина. М.: ИРЯ РАН, 2007. 192 с. (далее – ОЛА)

индексом F. Уже само название тома говорит о том, что он состоит из двух самостоятельных частей – «Домашнее хозяйство» и «Пища и ее приготовление», каждая из которых содержит блок карт и материалов к ним, объединённых по тематическому или лексико-семантическому принципу. Эти блоки не равноценны по количеству входящих в их состав карт, однако семантическая связь их не вызывает сомнения.

Внутри раздела «Домашнее хозяйство» условно можно выделить две группы карт:

1) названия посуды и некоторых предметов домашнего быта (вопросы L 1036 'стакан', F(Sm) 1037 *čaša, F(Sm) 1191 *bl'udo, Sl 1184 'ложка', Sl 1185 *dem* 'ложечка', Sl 1101 *dem* 'ножик, ножичек', L 1034 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом', L 1060 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева', L 1029 'коромысло'; сюда же были отнесены карты на вопросы L 1027 'колодец', а также L 1030 'пустой, незаполненный' и F(Sm) 1031 *porzdъpъ);

2) материал, из которого сделана посуда (вопросы F(Sm) 1038 *stъklo, Sl 1172 'сделанный из глины').

Раздел «Пища и ее приготовление» тематически более разнообразен. В нём выделяются следующие группы карт:

1) еда (общее понятие) и всё, что с ней связано (вопросы L 1186 'всё, что употребляется в пищу людьми, еда', L 1039 'желание, потребность пить', FP(Sm) 1040 *žędja, L 1150 'кислый, квашеный' (о капусте), L 1195 'проглотит' (еду), L 1204 'вкусный' (о еде); с точки зрения семантики эта группа довольно разнородна, так как, кроме опорного слова *еда*, она включает названия её признаков – *кислый* и *вкусный*, а также семантически далёкие *жажда* и *проглотит*;

2) мука, тесто, процесс печения (вопросы L 1058 'мука, из которой пекут хлеб', L 1064 'поставит, замесит тесто', L 1065 'подходит, растёт' (о тесте), Sl 1080 3sg praes asp perf 'печет', F(Sm) *rešęnje);

3) хлеб и всё, что с ним связано (вопросы L 1087 'режет' (хлеб), L 1089 'первый

кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка', L 1090 'крошки' (хлеба);

4) названия видов мяса (вопросы Sl 1111 'мясо свиньи', LSl 1112 'мясо коровы или вола', Sl 1113 'мясо телянка', Sl 1114 'мясо барана', Sl 1115 'мясо гуся'); тематически к этой группе карт примыкает вопрос L 1116 'содержащий много жира' (о мясе);

5) сало и продукты его переработки (вопросы L 1117 'подкожный слой жира в свинине', F(Sm) 1118 *sadlo, L 1120 'топлёное свиное сало', L 1121 'пережаренные кусочки сала');

6) молоко и молочные продукты (вопросы L 1129 'молоко коровы сразу после отела', L 1128 'пенка' (на молоке), F(Sm) 1130 *sęra, L 1133 'сырое кислое молоко', L 1135 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока'; L 1136 'густой жирный верхний слой кислого молока', F(Sm) 1138 *sугъ); с этой группой слов тематически, хотя и отдалённо, связан вопрос Sl 1131 'женщина, которая доит коров';

7) яйцо и его части (вопросы F 1139 (j) aje, Sl 1145 'яичко', L 1146 'скорлупа' (яйца), Sl 1147 'белая часть яйца', Sl 1148 'жёлтая часть яйца');

8) приготовление пищи (вопросы L 1164 'варит, готовит' (обед), Sl 1165 3sg praes asp perf 'варит', L 1166 'кипит' (вода), L 1169 'горячий' (о воде), L 1170 'кипящая или вскипевшая вода', L 1174 'кожура, снятая со старой картошки');

9) временные отрезки, связанные с приёмом пищи (вопросы L 1197 'завтрак, утренняя еда', L 1198 'обед, еда в дневное время', L 1199 'ест обед', L 1200 'еда между обедом и ужином, полдник', L 1201 'ужин, вечерняя еда', L 1203 'ест ужин', F (Sm) 1202 *večerja).

Карты, входящие в этот том, имеют своей целью показать в пространственной проекции вариативные звенья одного из древнейших номинативных участков лексической системы славянских диалектов, связанного с ведением домашнего хозяйства и приготовлением пищи.

Ареальные характеристики лексики, представленной в этом томе, часто являются довольно сложными, демонстрирую-

щами наложение и пересечение векторов изоглосс, имеющих различные направления. Поэтому топография словацко-русских изоглосс, их реальная пространственная «наполненность» оказывается не одинаковой, что является свидетельством их разного исторического прошлого и соответственно разной хронологии.

Самыми немногочисленными являются словацко-русские лексические параллели как компоненты **общеславянских** лексических соответствий. Их представляют всего четыре лексемы: *sěr-a*¹ к. 32 'молоко коровы сразу после отёла, молозиво'; *ob-ěd-ъ* к. 59 'обед, еда в дневное время'; *večer-j-a* к. 62 'ужин, вечерняя еда'; *večer-j-a-j-e-tb* к. 64 'ест ужин'.

При этом ни одна из этих лексем равномерно не покрывает всей территории Славии. Как правило, эти немногочисленные лексемы имеют повсеместное распространение на одних территориях и ограниченное – на других (причём две из них – *večer-j-a* к. 62 'ужин, вечерняя еда'; *večer-j-a-j-e-tb* к. 64 'ест ужин' имеют локальные ограничения именно в русских диалектах).

Так, в частности, лексема *ob-ěd-ъ* к. 59 'обед, еда в дневное время' равномерно покрывает территорию восточной и западной Славии, но имеет ареальные ограничения во всех южнославянских диалектах.

Лексема *sěr-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отёла, молозиво' имеет островные или даже точечные ареалы во все славянских диалектах, за исключением польских, где её характеризует повсеместное распространение. В словацких диалектах она локализуется в некоторых восточнословацких говорах (пп. 226, 227, 228).

В русских диалектах лексема *sěr-a* встречается sporadически в севернорусских говорах (вологодских и ярославских), среднерусских (новгородских и тверских),

а также в западной группе южнорусских (смоленских) говоров.

Ареал этой лексемы тянется узкой полосой с северо-запада на юг, и нигде, кроме польских диалектов, не имеет тотального распространения. Такой прерывистый характер ареала свидетельствует, как представляется, о древних трансдиалектных связях, продолжающих отношения исходной системы. При этом не исключено, что в прошлом ареал этой лексемы был значительно шире.

Совсем иной ареал имеют лексемы *večer-j-a* и *večer-j-a-j-e-tb*. Лексема *večer-j-a* к. 62 'ужин, вечерняя еда' имеет плотный ареал в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских и белорусских и латеральный ареал в русских диалектах, где её распространение ограничено в основном южнорусскими говорами (причём преимущественно смоленскими, брянскими и примыкающими к ним с юга белгородскими), тогда как на остальной территории Славии, за исключением польских диалектов, лексема *večer-j-a* имеет повсеместное распространение.

Лексема *večer-j-a-j-e-tb* к. 64 'ест ужин' широко представлена во всех славянских диалектах, за исключением польских и русских, где её локализация ареально ограничена говорами южнорусского наречия.

Таким образом, лексемы *večer-j-a* и *večer-j-a-j-e-tb* характерны в основном для западной группы говоров южнорусского наречия. При этом следует отметить, что они плотно покрывают территорию украинских и белорусских диалектов, а также западно- и южнославянских языков, т. е. совершенно очевидно, что такая ограниченная локализация этих лексем в русских говорах – явление не случайное, а вполне закономерное, если принять во внимание тенденцию к сужению ареалов праславянских лексем.

Следует, однако, отметить, что эти лексемы были известны русскому языку на ранних этапах его развития. Об этом свидетельствуют, прежде всего, памятники древнерусской письменности, в которых они употреблялись в том же значении

¹ Примеры приводятся в морфонологической транскрипции, принятой в ОЛА. Морфонологическая транскрипция позволяет обобщить фонетические записи, сделанные в полевых условиях в том или ином диалекте, с целью их прямого сопоставления с другими славянскими диалектами.

(ср.: *кгда творшии обѣды или вкуерю*. Панд. Ант. XI в.; *Гладька вкуер н сласть, хлѣвъ тн соль, нова дь*. Гр. Наз. XI в.; *Видшии обѣды н вкуера н пнтѣнни н приклетъ н говоръ*. Златостр.; *оуготованъ то вкукрайж*. Остр. Ев.; Панд Ант. XI в.; *вкуерахомъ много же бисѣдовавъшик*. Мин. Чет. февр. 288¹). Значительно позднее, не ранее XVI–XVII вв., появляются в современном значении лексемы *ужин* и *ужинать*²).

Данная ситуация находится в полном соответствии с положениями лингвистической географии: «Когда какое-либо новое языковое явление распространилось до того, что оно охватывает уже почти всю, но не целиком всю территорию данного языка, то понятно, что старое, теперь, так сказать, затопленное другим явлением сохраняется только кое-где в отдаленных углах. Поэтому можно предположить, что одинаковые языковые явления, находящиеся теперь в разных углах данной территории, представляют собой отдельные остатки некоторого старого явления, некогда охватывавшего целую территорию, но теперь отступившего перед наплывом нового» [16, с. 114].

Об этом же свидетельствует и ещё существующее в тех же южнорусских говорах явление конкуренции лексем с корнями *večer-* и *už-*.

Близость украинских и белорусских диалектов, в которых лексемы *večer-j-a* и *večer-j-a-j-e-tb* имеют тотальное распространение, а также наличие межъязыковых контактов поддерживает «витальность» этих лексем в южнорусских говорах и сказывается положительно на их существовании.

В общей картине словацко-русских лексических соответствий эти общеславянские лексемы обладают высоким классификационным весом, так как являются свидетельством тех древних диалектных

отношений славянских языков, которые оказались разрушены их многовековой историей.

К этой группе лексем примыкает небольшая группа словацко-русских лексических корреспонденций, которые являются частью **восточно-южно-(и частично западно-)славянских изоглосс**.

Среди этих лексических корреспонденций следует особо выделить те, которые и в **словацких и русских диалектах имеют обширные ареалы** (например, производные с корнем **glbt-* к. 57 ‘проглотит’ (еду). Помимо словацких (а точнее западно-словацких говоров) и русских диалектов, производные с этим корнем широко распространены в белорусских, словенских, хорватских, сербских, македонских и болгарских диалектах, а также имеют локально ограниченные ареалы в украинских и польских диалектах.

Лексических соответствий подобного типа сравнительно немного³, так как чаще представлены такие, которые в **восточнославянских (и в частности в русских) диалектах имеют обширные ареалы, а в словацких точечные** (ср., например, распространение лексем *куп-i-tb* к. 47 ‘кипит’ (вода); *žed-j-a* к. 9 ‘желание, потребность пить’; *rež-e-tb* (*rež-i-tb*) к. 17 ‘режет’ (хлеб), которые в словацких диалектах зафиксированы лишь в единичных пунктах восточнословацких говоров (как правило, в пп. 228, 232, 233), граничащих с украинскими диалектами, хотя они известны всем южнославянским языкам. Такой ареал этих лексических соответствий позволяет квалифицировать их как контактно-генетические, так как существование этих корреспонденций во многом предопределено контактами с украинскими диалектами.

Нельзя, однако, не отметить, что иногда встречаются и противоположные ареальные сценарии, когда в **словацких диалектах корреспондирующие лексемы имеют обширные ареалы, тогда как в восточ-**

¹ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. М.: Знак, 2003. С. 251–252.

² См.: Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. II. М.: Рус. яз., 1994. С. 285.

³ Ограниченный объём статьи позволил привести лишь некоторые примеры. Более подробные данные содержатся в монографии Т. И. Вендиной «Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика)» [3].

нославянских диалектах (и в частности в русских) **ограниченные** (ср., например, распространение лексемы *soln-in-a* к. 27 'подкожный слой жира в свинине', которая плотно покрывает территорию словацких и польских диалектов, однако в русских диалектах она зафиксирована лишь в старожильческих говорах на территории Латвии (п. 526), в украинских диалектах лексемы *soln-in-a* известна в основном в говорах юго-западного наречия, особенно в закарпатских и гуцульских; в белорусских диалектах эта лексема имеет островные ареалы в северо-восточных говорах, среднебелорусских и юго-западных; кроме того, лексема широко распространена во всех южнославянских диалектах, за исключением словенских, где она локально ограничена; ср. также локализацию описательной конструкции *kys-ěl-o mel ik-o* к. 35 'сырое кислое молоко', которая широко распространена в южнославянских, чешских и словацких диалектах, тогда как в русских диалектах она имеет ограниченный ареал в севернорусских (архангельских, ладого-тихвинских, вологодских и костромских говорах) и южнорусских (курско-орловских) говорах; в украинских и белорусских диалектах это наименование простокваши имеет более обширный ареал, но также локально ограниченный (в белорусских диалектах они локализируются в основном в юго-западных и западно-полесских говорах; в украинских диалектах они также характерны в основном для полесских и юго-западных говоров).

Эти изоглоссы сформировались, по видимому, также в достаточно древний период, когда южнославянские диалекты ещё не были оторваны от севернославянских. Наличие же ареалов в отдельных западнославянских диалектах ещё больше повышает их статус, так как эти ареалы говорят о том, что в прошлом корреспондирующие лексемы были распространены значительно шире.

Такой же древний характер имеют словацко-русские лексические корреспонденции, которые входят в состав изоглосс, связывающих **восточно- и западносла-**

вянские языки с некоторыми южнославянскими. Их представляют лексемы, которые, как правило, **плотно покрывают территорию восточно- и западнославянских** (или некоторых западнославянских, в том числе словацкого языка) и отдельных южнославянских языков. Ярким примером таких соответствий может служить лексема *tok-a* к. 11 'мука, из которой пекут хлеб', которая имеет плотный ареал в восточно- и западнославянских языках, а также в словенских, хорватских и сербских диалектах; лексема *var-i-tb* к. 45 'варит, готовит' (обед), которая широко распространена в восточно- и западнославянских диалектах (в том числе повсеместно в словацких), а также в отдельных южнославянских (в хорватских, сербских и македонских); лексемы *běl-čk-č* к. 42 'белая часть яйца' и *žlt-čk-č* к. 43 'желтая часть яйца': в восточнославянских, словацких, чешских и лужицких диалектах они распространены практически повсеместно; кроме того, они имеют обширные ареалы в болгарских и локально ограниченные в польских, сербских, македонских и словенских диалектах.

Локализация ареалов этих лексем (большая часть которых находится в западнословацких говорах, являющихся, как известно, зоной архаики), а главное – их континуальность являются живым свидетельством диалектальности славянского языкового континуума ещё в праславянскую эпоху. Находясь в разных концах Славии, и представленные часто в виде изолированных «островков», эти соответствия нередко являются собой «осколки» некогда более обширных ареалов.

К этой же группе словацко-русских лексических соответствий примыкают изоглоссы, которые сформировались также в рамках восточно-западнославянских соответствий, но имеют ареальные ограничения в своём распространении. При этом здесь прослеживается несколько ареальных сценариев:

– **обширный ареал в словацких и русских диалектах, но ограниченный в украинских, белорусских, чешских и поль-**

ских (ср. *koryt-o* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева': в украинских диалектах лексема представлена главным образом в говорах юго-западного наречия; в белорусских диалектах она встречается в основном в северо-восточных и среднебелорусских говорах; в польских диалектах она имеет островные ареалы в силезских и малопольских говорах; в чешских диалектах она встречается в отдельных собственно чешских, моравских и ляхских говорах). Кроме того, эта лексема распространена в некоторых словенских диалектах (в частности, в прекмурских и доленских говорах) и в хорватских (в отдельных кайкавских, штокавских и чакавских говорах);

– **обширный ареал в словацких диалектах, но ограниченный в восточнославянских** (ср., например, распространение лексем *//ĕd-j-en-bj-e* к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда': в русских диалектах лексема зафиксирована в отдельных пунктах среднерусских тверских говоров; в белорусских – в юго-западных; в украинских диалектах она имеет островной ареал в юго-западных говорах; в словацких и польских, диалектах она распространена практически повсеместно). Такое же широкое распространение этой лексем наблюдается в македонских и болгарских диалектах;

– **локально ограниченный ареал в словацких диалектах, но обширный в восточнославянских** (ср., например, распространение лексем *sv-met-an-a* к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана', которая локализуется в западнословацких диалектах). При этом она широко распространена в восточнославянских диалектах, а также известна в словенских, сербских и болгарских диалектах;

– **локально ограниченные ареалы и в русских, и в словацких диалектах** (ср., например, распространение лексем *sv-met-an-a* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки': в русских диалектах лексема локализуется преимущественно в южнорусских говорах, особенно в их западной группе, хотя

и встречается в отдельных пунктах севернорусских говоров). При этом она широко представлена в белорусских и западноукраинских диалектах; в словацких диалектах лексема локализуется в основном в западнословацких говорах; кроме того, она имеет локально ограниченные ареалы во всех южнославянских (за исключением македонских) диалектах.

Континуальность ареалов этих лексем, которые связывают три славянских языковых группы, локализация их в основном в западнословацких говорах свидетельствует в пользу архаичности этих ареальных связей

Этим древним словацко-русским лексическим параллелям, которые можно охарактеризовать как генетические, противостоят лексические соответствия, сформировавшиеся значительно позднее, когда южнославянские языки были уже оторваны от севернославянских. Это словацко-русские лексические изоглоссы, которые охватывают лишь **восточно- и западнославянские языки**.

Среди этих соответствий отчётливо выделяются несколько групп лексем.

Первую образуют лексем, которые **плотно покрывают территорию восточно- и западнославянских языков** или восточно- и некоторых западнославянских (включая словацкий), отсекая южнославянские (ср., например, распространение лексем *nož-ik-ъ* к. 20 *det* 'ножик, ножичек', которая имеет обширный ареал и в восточно-, и в западнославянских языках; лексем *baran-in-a* к. 24 'мясо барана', широко распространённой в восточнославянских, польских и словацких диалектах).

Во вторую группу входят лексем, которые имеют **широкое распространение в русских и некоторых западнославянских** (и прежде всего в словацких) диалектах, но отсутствуют в южнославянских (ср., например, распространение лексем *škar-ъk-a (-y)* к. 30 'пережаренные кусочки сала', которая широко распространена в русских, украинских, чешских и словацких диалектах, но имеет ограниченный ареал в белорусских, польских и лужицких

диалектах; или лексемы //aj-ič-ъk-o к. 40 *det* (j)aje, которая имеет плотный ареал в русских, словацких, чешских диалектах и ограниченный в белорусских и украинских; или лексемы //aj-ъc-o к. 39 Nsg (j)aje, которая широко распространена в русских и словацких диалектах и имеет ограниченные ареалы в чешских, польских, украинских и белорусских диалектах).

Третью (самую обширную) группу образуют лексемы, которые в восточно- и западнославянских языках имеют особенности в своём распространении. Среди ареальных сценариев этих соответствий чаще всего прослеживаются следующие:

– **обширный ареал корреспондирующих лексем в восточнославянских диалектах, тогда как в западнославянских (и в частности, в словацких) он имеет ограниченный, а иногда даже точечный характер** (ср., например, распространение лексем.: *lvž-ъk-a* к. 52 ‘ложка’: в словацких диалектах лексема зафиксирована в восточнословацких говорах; кроме того, она имеет островные ареалы в польских (великопольских и силезских) говорах и точечный – в чешских (п. 197); *glin-j-an-ъ* к. 50 ‘сделанный из глины’: в словацких диалектах лексема локализуется в восточнословацких говорах; однако она широко распространена в польских и лужицких диалектах);

– **обширный ареал в словацких диалектах и ограниченный в восточнославянских** (ср., например, распространение лексемы *na-var-i-tъ* к. 46 3sg praes asp perf ‘варит’, которая имеет обширный ареал в словацких диалектах и ограниченный во всех остальных западнославянских, а также в восточнославянских: в русских диалектах эта лексема отмечена в отдельных пунктах севернорусских (архангельских) и среднерусских (подмосковных) говоров; в белорусских диалектах – в некоторых юго-западных и среднебелорусских говорах; в украинских диалектах лексема зафиксирована в закарпатских говорах);

– **ограниченный ареал корреспондирующих лексем и в словацких, и в русских диалектах** (ср., например, распро-

странение таких лексем, как (*smáč*)-ъn-ъ к. 65 ‘вкусный’ (о еде), которая широко распространена в польских, украинских и белорусских диалектах, но имеет ограниченный ареал в русских диалектах (так как локализуется в основном в южнорусских смоленских и брянских говорах) и словацких (а точнее в восточнословацких); *skor-ur-a* к. 41 ‘скорлупа’ (яйца): лексема имеет островные ареалы в восточнославянских, чешских и словацких (восточнословацких) диалектах и довольно обширный в польских; лексема *sъn-ěd-anъ*, *sъn-ěd-an-ъj-e* к. 58 ‘завтрак, утренняя еда’: в русских диалектах лексема локально ограничена, так как встречается в основном в южнорусских говорах (смоленских, брянских) и в отдельных пунктах среднерусских (псковских); в словацких диалектах лексема зафиксирована лишь в п. 208; при этом она широко известна в польских, чешских, лужицких, белорусских и украинских диалектах; *skor-ъk-a* к. 31 ‘пенка’ (на молоке): в словацких диалектах лексема распространена в основном в восточнословацких говорах, кроме того, она имеет островные ареалы в польских (мазовецких и малопольских) говорах и точечный ареал чешских диалектах (п. 207); в русских диалектах она зафиксирована в отдельных пунктах южнорусских говоров (Белгор. п. 841); в белорусских диалектах лексема *skor-ъk-a* встречается в некоторых юго-западных и западнополесских говорах).

Статус этих соответствий разный.

Обширный ареал и целостность общей ареальной картины на значительной части территории лексических соответствий первой и второй группы свидетельствует о том, что эти словацко-русские лексические параллели сформировались, по видимому, в позднепраславянский период. Отсутствие изоглосс в южнославянских языках является свидетельством того, что этот обширный ареал образовался уже после отделения славянского юга от славянского севера, но ещё существовало восточно-западнославянское единство, в рамках которого протекали совместные языковые процессы.

Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что в общей картине межславянских лексических связей, представленных в этом томе ОЛА, отсутствует такая типологически значимая ареальная ситуация, когда лексема равномерно покрывала бы всю восточнославянскую территорию и находила бы такое же яркое продолжение в южнославянских диалектах, тогда как в западнославянских диалектах подобная ситуация наблюдается (ср., например, распространение лексем *pož-ik-ъ* к. 20 *dem* 'ножик, ножичек'). Примечательно, что эти корреспондирующие восточно-западнославянские лексемы представлены производными основами, прозрачная словообразовательная структура которых указывает на их сравнительно позднее образование, а наличие в сравниваемых языках общих инноваций, в соответствии с постулатом лингвистической географии, является свидетельством предшествующего им диалектного континуума, т.е. совместного пути развития, продолжавшегося ещё в относительно позднюю эпоху (подробнее см.: [13, с. 11; 8, с. 127]).

Третий тип соответствий, имеющих ареальные ограничения в словацких и/или русских диалектах, сформировался уже значительно позднее и является, скорее всего, результатом междиалектных контактов, в которых участвовали украинские и белорусские диалекты. Не случайно многие из этих соответствий локализируются в восточнословацких говорах, территориально граничащих с юго-западными украинскими говорами. Их статус можно определить как ареально-генетический.

Интересно, что среди **этих словацко-восточнославянских соответствий** не обнаружено таких, которые в западнославянских языках имели бы распространение **только в словацких диалектах** и при этом **они были бы известны в русских, украинских и белорусских диалектах** (единственный случай отмечен на к. 41 'скорлупа' (яйца): он связан с локализацией лексемы *skor-o-lup-a*, которая зафиксирована в единичном пункте восточнословацких говоров (п. 230), при этом она имеет ши-

рокое распространение в восточнославянских, особенно в русских, диалектах), в то время как среди **польско-восточнославянских соответствий** такие случаи отмечены, причем их довольно много (ср., например, распространение таких лексем, как *podъ-večer-ъk-ъ* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник'; // *aj-ьč-ъk-o* к. 40 *dem* (j)aje; *pust-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный' (например, о горшке) и др.).

В тех редких случаях, когда подобные соответствия всё-таки встречаются, они находят, как правило, продолжение в южнославянских диалектах (ср., например, локализацию словацко-восточнославянской изоглоссы лексемы *gès-ēt-in-a* к. 25 'мясо гуся', которая в западнославянских языках имеет плотный ареал только в словацких диалектах, при этом она встречается в хорватских диалектах; или лексемы *rež-e-tъ, rež-i-tъ* к. 17 'режет' (хлеб), которая в западнославянских языках встречается только в некоторых словацких (и в частности в восточнословацких) говорах, однако она широко распространена во всех южнославянских диалектах; или лексемы *kraj-ьс-ь* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка', которая отмечена в основном в среднесловацких говорах; в русских диалектах она зафиксирована лишь в двух пунктах южнорусских говоров (Смол. п. 771; Курск. п. 830); в белорусских диалектах она имеет дисперсный ареал в некоторых северо-восточных, юго-западных и среднебелорусских говорах; в украинских диалектах она отмечена в единичном пункте полесских говоров (п. 384); кроме того, она имеет довольно плотный ареал в словенских диалектах и точечный в хорватских).

Эти соответствия в общей картине словацко-русских ареальных связей имеют особый статус, так как это, скорее всего, «осколки» некогда более обширных ареалов, в связи с чем они являются ещё одним свидетельством диалектальности славянского языкового континуума ещё в праславянскую эпоху.

Все эти словацко-русские изоглоссы сложились в основном в рамках восточ-

нославянского континуума, и в их возникновении важная роль принадлежала украинским и белорусским диалектам.

Благодаря украинским и белорусским диалектам в русско-словацких ареальных связях наблюдается цепочечное развитие диалектных зон. Образую звенья такой цепочки, украинские и белорусские диалекты являют собой последовательные этапы исторического развития как картографируемого явления, так и самой лингвотерритории. Однако «вклад» украинских и белорусских диалектов в формирование этих лексических параллелей оказывается разным.

Прежде всего следует отметить, что **русско-(украинско-)словацкие** соответствия являются более репрезентативными, чем русско-(белорусско-)словацкие, так как корреспондирующие лексемы нередко характеризуются обширными ареалами, а иногда и повсеместным распространением. Отличительной особенностью этих соответствий является и то, что все они находят продолжение в южнославянском ареале. Яркой иллюстрацией таких русско-(украинско-)словацких соответствий могут служить, например, такие лексемы, как:

– (*fruštik*)-ъ, (*fryštik*)-ъ к. 58 ‘завтрак, утренняя еда’: в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в русских старожильческих говорах Эстонии (п. 527); в украинских она распространена в некоторых закарпатских говорах; **в словацких диалектах она плотно покрывает всю их территорию**; кроме того, эта лексема имеет островные ареалы в польских и некоторых южнославянских (словенских, хорватских и сербских) диалектах;

– производные с корнем **kys*- к. 14 ‘подходит, растет’ (о тесте): в русских диалектах дериваты с корнем **kys*- имеют точечные ареалы в севернорусских (Волог. п. 638), южнорусских (Тул. п. 804) и среднерусских говорах (Новг. п. 634); в украинских диалектах они распространены преимущественно в говорах юго-западного наречия; **в словацких диалектах они плотно покрывают** всю их территорию, кроме того, эта лексема имеет островные

ареалы в польских, чешских и некоторых южнославянских (хорватских, сербских, македонских и болгарских) диалектах;

– *pol-u-dъn-e*, *pol-ъ-dъn-e* к. 59 ‘обед, еда в дневное время’: в русских диалектах лексема зафиксирована в двух пунктах южнорусских говоров (Ряз. пп. 768, 783); в украинских диалектах – в единичном пункте юго-западных говоров (п. 524); **в словацких диалектах лексема отмечена в отдельных пунктах западнословацких говоров** (пп. 214, 215); кроме того, эта лексема имеет островные ареалы в польских и некоторых южнославянских (в частности, в болгарских) диалектах.

В ареальном распределении русско-(украинско-)словацких соответствий прослеживается следующая закономерность: в русских диалектах они локализируются чаще всего в южно- и среднерусских (новгородских) говорах; в украинских – в говорах юго-западного наречия, в словацких диалектах выявленные лексические корреспонденции нередко распространены практически повсеместно (а не только в восточнословацких диалектах, как это наблюдалось в русско-словацких параллелях в рамках восточнославянских языков).

Русско-(белорусско-)словацкие лексические параллели можно проиллюстрировать следующими примерами:

– *krom-ъk-a* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’: в русских диалектах лексема встречается в основном в западной группе русских говоров (тверских, новгородских, ладого-тихвинских); в белорусских диалектах она отмечена в единичном пункте на границе с псковскими говорами (п. 335); в словацких диалектах она локализуется преимущественно **в восточнословацких говорах**; кроме того, эта лексема имеет довольно обширный ареал в польских диалектах (в частности, в великопольских, а также в отдельных кашубских и силезских говорах);

běl-ъk-o к. 42 ‘белая часть яйца’: в русских диалектах лексема зафиксирована в единичном пункте севернорусских говоров (Арх. п. 549); в белорусских диалектах она имеет островной ареал в юго-западной

группе говоров; **в словацких диалектах она имеет дисперсные ареалы в западно-, восточно- и среднесловацких говорах**; кроме того, лексема имеет островной ареал в чешских (моравских) диалектах и обширный ареал в польских диалектах, где её характеризует практически повсеместное распространение;

– *gqs-in-a* к. 25 'мясо гуся': в русских диалектах лексема встречается в отдельных севернорусских (вологодских) и южнорусских (смоленских) говорах; в белорусских она имеет точечный ареал в среднебелорусских говорах (п. 331); в словацких – **в западнословацких говорах** (п. 208); кроме того, лексема имеет островной ареал в чешских (ляшских и моравских) диалектах и обширный ареал в польских диалектах, где она представлена практически повсеместно.

Русско-(белорусско-)словацкие лексические параллели имеют, как правило, ограниченные ареалы: в русских диалектах они локализируются в отдельных северно- и среднерусских говорах; в белорусских они имеют островные ареалы в северо-восточных, среднебелорусских и юго-западных говорах; в словацких диалектах они чаще всего представлены в восточно- или западнословацких говорах.

При этом ни одна из корреспондирующих лексем не выходит за пределы северной Славии, что невольно наталкивает на мысль о позднем образовании этих ареальных связей, в формировании которых важную роль сыграли польские диалекты, которые являлись центром иррадиации этих лексем.

Последнюю группу соответствий образуют **собственно словацко-русские лексические параллели**. Эта группа лексических соответствий представляет собой также неоднородное явление, так как среди них выделяются сепаратные и эксклюзивные связи.

Эти соответствия представляют, несомненно, наибольший интерес. Являясь следствием дивергентного развития славянских языков, они являют собой своеобразную «языковую эрозию» [6, с. 113], т. е.

остатки некогда более обширных ареалов корреспондирующих лексем. Поэтому «в сложном, пестром переплетении изоглосс наиболее показательны, наиболее значимы сепаратные изолексы, т. е. исключительные связи, отличительно характеризующие отдельные диалекты на фоне общеславянских словарных совпадений» [11, с. 28].

Рассмотреть эту уникальную ситуацию в деталях впервые предоставляет возможность «Общеславянский лингвистический атлас», карты которого позволяют преодолеть известную атомарность многих славистических исследований, когда та или иная изоглосса (в силу объективных причин, и, прежде всего, вследствие отсутствия материала) вырывалась из широкого ряда межславянских соответствий и возводилась в ранг определяющей.

Следует, однако, сказать, что в целом таких соответствий (судя по материалам этого тома Атласа) сохранилось сравнительно немного, однако ценность их определяется тем, что они отсутствуют в украинских и белорусских диалектах, что даёт возможность реально оценить характер словацко-русских лексических параллелей.

Русско-словацкие сепаратные изоглоссы представляют следующие лексемы:

– *porzd-yn-ъ, porzd-yn'-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный': в русских диалектах лексемы имеют плотный ареал в севернорусских говорах; кроме того, они широко известны в западной группе среднерусских говоров (новгородских, псковских и тверских); **в словацких диалектах эти лексемы распространены практически повсеместно**; кроме того, эта изоглосса охватывает все западно- и южнославянские диалекты;

– (*traxter*)-ъ к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом': в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в среднерусских (псковских) говорах, а также в русских старожильческих говорах на территории Эстонии; **в словацких диалектах она локализуется в основном в западнословацких говорах**. Кроме того, эта изоглосса проходит в чешских, польских, словенских и хорватских диалектах;

– *ob-škvar-ъk-y, ob-škvar-ъk-y* к. 30 ‘пережаренные кусочки сала’: в русских диалектах лексемы встречаются в отдельных пунктах севернорусских (Яросл. п. 683) и среднерусских говоров (Новг. п. 637; Иван. п. 705); **в словацких диалектах они распространены в основном в западнословацких говорах**; кроме того, лексема представлена в чешских диалектах. Ареал этих лексем вписывается в более обширный ареал лексемы *škvar-ъk-y*, распространённой в русских, белорусских, украинских, польских, лужицких, чешских и словацких диалектах;

– *kož-a* к. 31 ‘пенка’ (на молоке): лексема зафиксирована в отдельных севернорусских говорах (Арх. пп. 532, 535); **при этом она широко распространена в западнословацких диалектах и реже – в среднесловацких**; кроме того, она имеет островные ареалы в лужицких, чешских, хорватских, сербских и македонских диалектах;

– *koryt-ъc-e* к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’: в русских диалектах лексема зафиксирована в отдельных севернорусских говорах; в словацких **она имеет точечный ареал в среднесловацких** говорах (п. 224);

– *kraj-ъ* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’: лексема имеет точечные ареалы в русских (Арх. п. 578; Твер. п. 715), среднесловацких (п. 216), в хорватских и сербских диалектах;

– производные с корнем **dviġ-/*dviž-* к. 14 ‘подходит, растёт’ (о тесте): в русских диалектах дериваты с этим корнем имеют островной ареал в севернорусских говорах (Арх. пп. 542, 543, 575); **в словацких они зафиксированы в западнословацких** говорах на территории Венгрии (п. 154).

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что среди ареальных сепаратных связей словацких и русских диалектов отсутствуют такие, которые имеют тотальный характер, когда репрезентирующие их лексемы равномерно покрывают территорию тех или иных говоров. Исключение составляют лексемы *porzd-ъn-ъ, porzd-ъn'-ъ* к. 3 ‘пустой, ненаполненный’, которые обладают обширными ареалами в западно- и

южнославянских языках и имеют довольно плотный ареал в русских диалектах (в частности, в севернорусских и в западной группе среднерусских говоров). Все остальные соответствия представлены лексемами, не имеющими широкого распространения.

Несмотря на немногочисленность русско-словацких сепаратных соответствий, в их распространении прослеживается определённая повторяемость, а именно: в русских диалектах эти сепаратные соответствия локализуются чаще всего в архангельских и в западной группе среднерусских говоров. **В словацких диалектах они концентрируются в основном в западнословацких говорах.**

При этом хронологическая стратификация этих соответствий разная.

Здесь чрезвычайно важным оказывается фактор пространства. Так, в частности, наличие обширных дистантных ареалов лексем *porzd-ъn-ъ, porzd-ъn'-ъ* к. 3 ‘пустой, ненаполненный’ (рус.-слн.-хрв.-серб.-мак.-блг.-чеш.-слц.-луж.-плс.) является свидетельством диалектальности славянского языкового континуума ещё в праславянскую эпоху, ибо существование изоглосс, связывающих языки, удалённые на очень большое расстояние, говорит о том, что «языковая общность, сосредоточенная первоначально на сравнительно ограниченной территории, с течением времени рассеялась» [15, с. 184]¹.

К архаизмам, по-видимому, можно отнести и лексему *kraj-ъ* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’: несмотря на то, что лексема образует островные ареалы в русских диалектах, а также в хорватских, сербских и словацких, она может рассматриваться как архаизм, так как все эти ареалы являются дистантными и локализуются в трёх славянских языковых группах, кроме того, лексема представляет собой непроектируемую основу, на базе которой образовались много-

¹ Ср. В связи с этим следующий тезис: «Когда в лингвистическом пространстве могут быть найдены два или более ареала с тем же явлением, это указывает на то, что данное явление существовало на промежуточной между ними территории» [2, с. 34].

численные дериваты, расширившие радиус её распространения практически до общеславянского, ср.: рус. *kraj-ux-a*, *kraj-uš-ьk-ъ*; рус.-блр. *kraj-uš-ьk-a*; рус.-блр.-слн.-хрв.-слц. *kraj-ьc-ъ*; рус.-блр.-укр.-плс.-слц. *ob-kraj-ьc-ъ*; блр.-укр. *ob-kraj-ьč-ik-ъ*; хрв.-укр. *sb-kraj-ьc-ъ*; серб.-плс. *sb-kraj-ьk-a*; слн.-слц. *kraj-ik-ъ*; чеш.-слц. *kraj-ič-ьk-ъ*; серб.-мак. *kraj-ьk-a*; мак.-блг. *kraj-itj-ьn-ik-ъ*, *kraj-ьč-ę* и т. д. Значение этой лексемы, являющейся deverбаливом от глагола **krojiti*¹ является первичным, т. е. то, что отрезано, «место отреза или разрыва»², что также указывает на её архаичный характер.

К независимым типологически сходным образованиям следует отнести, по видимому, лексему *kož-a* к. 31 'пенка на молоке', несмотря на наличие у неё островных ареалов в одних диалектах (в частности, в русских пп. 532, 535; в чешских пп. 188, 199, 204; хорватских пп. 40, 148а; сербских пп. 151, 168; македонских п. 105) и довольно плотных – в других, а именно в словацких и лужицких. Переносный характер значения этой лексемы, исходная посессивная семантика которой была 'козья' (шкура) < **kozja*³, свидетельствует о более позднем его развитии.

Поздний характер соответствий имеет и лексема (*traxter*)-ъ к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом', заимствованная из др.-в.-нем. *trahter*, *trihtere*, которая имеет обширные ареалы в чешских, западнословацких кашубских, словенских и хорватских диалектах и точечный – в русских.

Поздними независимыми типологически сходными образования могут быть лексемы *ob-škvar-ьk-y*, *ob-skvar-ьk-y* к. 30

¹ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 12. М.: Наука, 1985. С. 88.

² См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М.: Прогресс, 1967. С. 364; Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I. М.: Рус. яз., 1994. С. 438; Преображенский А. // Этимологический словарь русского языка. Т. I. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Совко, 1910. С. 376.

³ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 12. М.: Наука, 1985. С. 36.

'пережаренные кусочки сала', в пользу чего свидетельствует, прежде всего, производный характер основы этих лексем и их точечный ареал в польских и русских диалектах.

Среди русско-словацких **эксклюзивов**, т. е. таких, которые характерны лишь для русских и словацких диалектов, можно отметить лишь лексему //*ěd-iv-o* к. 54 'еда': в русских диалектах она засвидетельствована в севернорусских говорах (архангельских); в словацких диалектах эта лексема имеет дисперсные ареалы в западнословацких (пп. 210, 213), в среднесловацких (пп. 223, 224) и восточнословацких говорах (п. 225).

Нетрудно заметить, что это эксклюзивное лексическое соответствие так же, как и сепаратные, не имеет ярко выраженных ареалов, хотя нельзя не отметить повторяемость локализации в западнословацких диалектах, а в русских – в севернорусских говорах.

Примечательно, что это эксклюзивное соответствие представлено именем с производной основой, что невольно наталкивает на мысль о его позднем образовании.

Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что существование этого эксклюзива, его так сказать, витальность, была во многом поддержана другими однокоренными лексемами, имеющими в тех же диалектах более широкое распространение. Так, в частности, лексема //*ěd-iv-o* к. 54 'еда' имеет серьезную «поддержку» со стороны лексем //*ěd-a* в русских диалектах и *ěd-l-o*, //*ěd-j-en-vj-e* в словацких.

Итак, как видно из приведённого материала, топография словацко-русских изоглосс, их реальная языковая наполненность и разная пространственная локализация оказывается довольно сложной и не исчерпывается количественным показателем.

Качественные различия словацко-русских изоглосс являются свидетельством их разного исторического прошлого. Поэтому хронологически они интерпретируются по-разному.

Инвентарь русско-словацких лексических соответствий включает в себя, с од-

ной стороны, общеславянские лексемы, а с другой – ареально ограниченные диалектизмы, восходящие и к праславянской эпохе, и к эпохе самостоятельного развития славянских языков. Среди этих сходжений наблюдаются такие, которые детерминированы факторами генетического порядка (они имеют глубокие корни и восходят часто к периоду праславянской языковой общности), и такие, которые определяются факторами пространственно-генетическими (они во многом порождены явлением интерференции словачи, украинских и польских диалектов, расположенных на смежных территориях).

Как свидетельствует проведённый анализ, в большинстве своём словацко-русские ареальные связи сложились в рамках восточнославянского языкового континуума. По сравнению с этими изоглоссами роль сепаратных и эксклюзивных словацко-русских лексических соответствий в общеславянском контексте оказывается менее значительной.

Таким образом, в картине территориального распределения ареальных связей русских и словацких диалектов отчётливо просматривается несколько планов.

На первом плане находятся связи, которые оказались во многом предопределены статусом самого **русского языка как члена восточнославянского языкового континуума.** В формировании этих лексических связей чрезвычайно важную роль сыграли украинские и белорусские диалекты, которые во многом поддерживали эти связи, выполняя функцию своеобразного «моста» между русскими и словацкими диалектами. Благодаря их поддержке сложилось большинство ареальных связей русских и словацких диалектов. Не случайно среди этих связей не отмечено случаев, когда лексема была бы широко представлена только в русских диалектах и при этом находила бы такое же широкое распространение в языках западно- и/или южнославянской группы.

Связи второго плана – это собственно русские ареальные связи. Они играют не менее важную роль в общей картине сло-

вацко-русских языковых отношений, хотя в количественном выражении они представлены довольно ограниченным кругом лексем.

Таким образом, карты «Общеславянского лингвистического атласа» свидетельствуют о том, что эксплицированный на них материал в хронологическом плане оказывается чрезвычайно разнородным, так как изоглоссы межславянских лексических соответствий проецируются в разновременные плоскости.

О том, что эти связи имеют разную хронологическую отнесённость, ярче всего говорит тот факт, что словацко-русские изоглоссы, сформировавшиеся в рамках восточнославянских языков, и изоглоссы, являющиеся принадлежностью собственно русских диалектов (т. е. сепаратные и эксклюзивные) обладают разной ареальной характеристикой (ср., например, локализацию русско-(украинско-белорусско-) словацких лексических изоглосс, для которых ведущим является южнорусский вектор, и распространение сепаратных и эксклюзивных русско-словацких соответствий, которые локализуются чаще всего в севернорусских говорах).

Таким образом, в общей картине словацко-русских лексических соответствий отчётливо просматриваются по крайней мере два хронологических среза – древний, относящийся к истокам формирования славянского языкового единства, и более поздний, связанный с процессами междиалектной интеграции, культурно-языкового взаимодействия словацких, польских, украинских, белорусских и русских диалектов.

Такая неоднозначная картина ареальных связей словацких и русских диалектов согласуется с идеей Э. Бенвениста о том, что степень родства между членами больших семей родственных языков в разные хронологические периоды способна принимать различные значения [1, с. 45], поскольку в истории межславянских диалектных отношений наблюдается действие двух противоположных тенденций: междиалектной интеграции и консервации как

следствия сопротивления инодиалектным влияниям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Классификация языков // Новое в лингвистике. Вып. III. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. С. 36–55.
2. Бородина М. А. Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов // Взаимодействие лингвистических ареалов: Теория, методика и источники исследования / отв. ред. М. А. Бородина. Л.: Наука, 1980. С. 3–36.
3. Вендина Т. И. Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика). М.: Институт славяноведения РАН, 2009. 532 с.
4. Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. М.: Наука, 1965. 270 с.
5. Жирмунский В. М. О некоторых проблемах лингвистической географии // Вопросы языкознания. 1954. № 4. С. 3–25.
6. Журавлев А. Ф. Лексико-статистическое моделирование системы славянского языкового родства. М.: Индрик, 1994. 254 с.
7. Иванов В. В. История и современное состояние диалектов славянских языков на картах Общеславянского лингвистического атласа // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов: доклады российской делегации. М.: Наука, 1993. С. 315–327.
8. Климов Г. А. Основы лингвистической компаративистики. М.: Наука, 1990. 166 с.
9. Кондрашов Н. А. Возникновение и начальный этап развития словацкого литературного языка: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1968. 46 с.
10. Кондрашов Н. А. Славянские языки: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1986. 239 с.
11. Куркина Л. В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1992. 260 с.
12. Макаев Э. А. Проблемы и методы современного сравнительноисторического индоевропейского языкознания // Вопросы языкознания. 1965. № 4. С. 3–19.
13. Мартынов В. В. Язык в пространстве и времени: к проблеме глоттогенеза славян. М.: Наука, 1983. 108 с.
14. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. № 5. С. 81–89.
15. Принципы описания языков мира / отв. ред. В. Н. Ярцева, Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1976. 343 с.
16. Теньер Л. По вопросу о диалектологическом атласе русского языка // Вопросы языкознания. 1966. № 5. С. 110–120.

REFERENCES

1. Benvenist E. [Classification of languages]. In: *Novoe v lingvistike. Vip. III* [New in linguistics. Iss. III]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1963. pp. 36–55.
2. Borodina M. A. [Development of areal research and main types of habitats]. In: Borodina M. A., chief ed. *Vzaimodeistvie lingvisticheskikh arealov: Teoriya, metodika i istochniki issledovaniya* [The interaction of linguistic areas: Theory, methods and sources of research]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. pp. 3–36.
3. Vendina T. I. *Russkie dialekty v obshchieslavyanskom kontekste (leksika)* [Russian dialects in the Slavic context (vocabulary)]. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2009. 532 p.
4. *Voprosnik Obshchieslavyanskogo lingvisticheskogo atlasa* [The questionnaire of Slavic linguistic Atlas]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 270 p.
5. Zhirmunskii V. M. [On some problems of linguistic geography]. In: *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language], 1954, no. 4, pp. 3–25.
6. Zhuravlev A. F. *Leksiko-statisticheskoe modelirovanie sistemy slavyanskogo yazykovogo rodstva* [Lexico-statistical modeling system of the Slavic language relationship]. Moscow, Indrik Publ., 1994. 254 p.
7. Ivanov V. V. [The history and current state of dialects of the Slavic languages on maps of the pan-Slavic linguistic Atlas]. In: *Slavyanskoe yazykoznanie. XI Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov: doklady rossiskoi delegatsii* [Slavic linguistics. 11th international Congress of Slavists: reports of the Russian delegation]. Moscow, Nauka Publ., 1993. pp. 315–327.

8. Klimov G. A. *Osnovy lingvisticheckoi komparativistiki* [The foundations of linguistic comparative studies]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 166 p.
9. Kondrashov N. A. *Vozniknovenie i nachal'nyi etap razvitiya slovatskogo literaturnogo yazyka: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk* [Appearance and initial stage of development of the Slovak literary language: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1968. 46 p.
10. Kondrashov N. A. *Slavyanskije yazyki* [Slavic languages]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986. 239 p.
11. Kurkina L. V. *Dialektnaya struktura praslavyanskogo yazyka po dannym yuzhnoslavyanskoi leksiki* [The dialectal structure of the Proto-Slavic language according to South Slavic vocabulary]. Ljubljana, Slovenska akademija znanosti in umetnosti Publ., 1992. 260 p.
12. Makaev E. A. [Problems and methods of contemporary comparative-historical Indo-European linguistics]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 1965, no. 4, pp. 3–19.
13. Martynov V. V. *Yazyk v prostranstve i vremeni: k probleme glottogeneza slavyan* [Language in space and time: the problem of glottogenesis of the Slavs]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 108 p.
14. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.
15. Yartseva V. N., Serebrennikov B. A., chief ed. *Printsipy opisaniya yazykov mira* [The principles of description of languages of the world]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 343 p.
16. Ten'er L. [On the question of dialectological Atlas of the Russian language]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 1966, no. 5, pp. 110–120.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вендина Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, профессор, руководитель Центра ареальной лингвистики Института славяноведения Российской академии наук;
e-mail: vendit@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tat'yana I. Vendina – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Center of Areal Linguistics, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: vendit@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Вендина Т. И. «Общеславянский лингвистический атлас» и словацко-русские лексические изоглоссы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.

FOR CITATION

Vendina T. I. “General Slavic linguistic atlas” and Slovak-Russian lexical isoglosses. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp.

УДК 811.161.1; 81'374

DOI

КОНЦЕПТ «МЗДОИМСТВО» В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

Воркачев С. Г.

*Кубанский государственный технологический университет
350072, г. Краснодар, ул. Московская, д. 2, Российская Федерация*

Аннотация. Исследуется лексикографическое представление мздоимства и семантические свойства его языковых показателей. Устанавливается, что «взятка» в синонимических словарях советского периода отсутствует, однако российские синонимические словари позволяют выстроить уже достаточно длинный ряд лексических единиц, передающих понятие должностного подкупа, доминантой которого выступает лексема «взятка». В современной речи лексические единицы, передающие значение должностного подкупа, различаются целым рядом дополнительных характеристик. От подкупа вообще взятку отличает обладание её получателя властными полномочиями, отличительной чертой взятки выступает незаконность действий обоих её участников. «Векторность» взятки как указание на участника, от которого исходит её инициатива, позволяет отделить подкуп от вымогательства, однако признак предварительного сговора участников взятки, некогда присутствовавший в значении лексемы «посул», и признак соблюдения-нарушения долга службы, некогда присутствовавший в значении лексем «мздоимство» и «лихоимство», в сознании носителей современного русского языка уже отсутствуют.

Ключевые слова: мздоимство, должностной подкуп, взятка, посул, откат, симония, служебный долг, вымогательство, сговор

CONCEPT “BRIBERY” IN LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION

S. Vorkachev

*Kuban State Technological University
2 ulitsa Moskovskaya, Krasnodar 350072, Russian Federation*

Abstract. The lexicographic representation of bribery and the semantic properties of its verbal signs are investigated. It is established that there is no word “bribe” in the synonymic dictionaries of the Soviet period; however, Russian synonymic dictionaries make it possible to build a rather long series of lexical units that convey the concept of official bribery, the dominant of which is the word “bribe.” In modern speech, lexical units that convey the meaning of official bribery differ in a number of additional characteristics. Bribery is marked by the powerful position of its beneficiary; the distinctive feature of a bribe being illegal for both of its participants. The “vector” nature of a bribe as an indication of the participant from whom its initiative emanates, allows to separate the bribery from extortion, however, the feature of preliminary conspiracy between the bribe participants, which was once present in the meaning of the word “posul”, and the feature of observance-violation of duty, which was once present in the meaning of the words “mzdoinstvo” and “lihoimstvo”, in the minds of speakers of modern Russian, no longer exist.

Keywords: bribery, official bribery, bribe, promise, kickback, simony, duty, extortion, conspiracy

Одной из составляющих идеи воздаяния (см.: [2]), выступает противопоставление сделки – обмена товарно-денежного, связанного с извлечением пользы для

себя, – бескорыстному взаимному обмену чувствами и симпатиями, при котором «материальная часть» сугубо символична – подаркам и дарам. Обмен товарами и ус-

лугами может осуществляться на справедливых началах и признаваться обществом законным, когда обмениваются плодами собственного труда, добытыми личными усилиями. В то же самое время этот обмен может включать получение социальной ренты, связанной с преимуществами, обусловленными положением в социальной иерархии, признаваться незаконным и морально осуждаться.

Взятка и имя для неё существуют, наверное, во всех культурах и языках: *bribe* (англ.), *rôt de vin* (франц.), *sobogno* (исп., португ.), *Schmiergeld* (нем. – «деньги для смазки»), *rüşvet* (турецк.). По-житейски, мздоимство – это один из инструментов борьбы за жизненные блага, который наносит ущерб обществу через нарушение принципа справедливости – воздаяние по заслугам. Естественно, мимо внимания российской лингвистики не прошла такая значимая составляющая идеи воздаяния как взятка (см.: [1; 4; 7] и пр.).

Синонимические словари советского периода взятку не жаловали – какое-либо упоминание о ней, например, отсутствует в двухтомном «Словаре синонимов русского языка». А. П. Евгеньевой. Оно и понятно: согласно идеологическим установкам того времени коррупция, подкуп взятками, продажность должностных лиц и политических деятелей характерны для буржуазного государства и общества и в социалистическом обществе не могут иметь места. В то же самое время российские синонимические словари позволяют выстроить уже достаточно длинный ряд лексических единиц, передающих понятие должностного подкупа: *абиссинский налог, бакшиши, барашек в бумажке, благодарность, взятка, дача, замазка, занос, котлета, леве, магарыч, мзда, нагар, нелегальный (побочный, <безгрешный>) доход, откат, пешкеш, подарок, подкуп, подмазка, посул, слам, хабар, хабара, халтура, хапанцы, цыпа; алтынник, взяточник, живоглот, куроцап, куроед, лихоимец, мздоимец, мздолюбец, подкупной, продажный, хапун, хапала; лихоимствовать, мздоимствовать; хабара (-ы) хватить,*

хаптус гевезен, тяпнуть. Добавить в этот смысловой ряд ещё можно *коррупцию, взяточничество, продажность, лихоимство, мздоимство, подношение, симонию, «спонсорскую помощь»;* фразеологизмы *дать/сунуть/взять на лапу, нагреть руки, подмазать, сунуть, архаизмы взимок, поклон и выворот* – аналог сегодняшнего отката. Владимир Даль включает сюда ещё *срыв, поборы и приношение*. Исторически с взяткой связан фразеологизм *остаться с носом*, где «нос» означает отнюдь не выступающую часть лица, а усечённый «принос», т. е. взятку – подношение, которое дьяк или подъячий отвергал, чаще всего по причине его скудности или уже приняв его от противной стороны (см.: [6]). Тем самым «номинативная плотность» этого лингвокультурного концепта оказывается достаточно высокой, что ещё раз подтверждает его культурную значимость.

По индексу частотности претендентами на статус доминанты этого синонимического ряда выступают лексемы «коррупция» (23.0 вхождения на миллион слов) и «взятка» (21.5 вхождения на миллион слов), превосходящие по частоте употребления в речи где-то на порядок все прочие единицы этого ряда. Тем не менее, по признаку стилистической нейтральности доминантой здесь является, скорее «взятка», поскольку «коррупция» воспринимается как «импортное», «умное» слово, принадлежащее книжному стилю.

Помимо индекса употребимости в современной речи лексические единицы, передающие значение должностного подкупа, различаются целым рядом дополнительных, преимущественно коннотативных характеристик.

Свой микроряд образуют лексемы *коррупция, взяточничество, продажность, лихоимство, мздоимство*, обозначающие моральное и правовое состояние общества, в котором процветает подкуп должностных лиц, где *коррупция* противопоставляется *взяточничеству* по масштабности этого подкупа, поскольку предполагает продажность политиков и общественных деятелей и «срастание с мафиозными структурами».

Часть из них образует эвфемистическую, иронически-камуфляжную группу, куда входят *подарок, поклон, благодарность, спонсорская помощь, нелегальный доход, абиссинский налог*, в другую попадают стилистически маркированные единицы: с одной стороны *лихоимство, мзда, посул, симония*, с другой – *откат*. Значительно число таких единиц образовано путём метафоризации: *замазка, подмазка, занос, котлета, нагар*, как, впрочем, и сама доминанта этого синонимического ряда *взятка* – «Пчелка и та взятку берет». Этимологически метафора лежит в основе образования *коррупции* от латинского глагола *corrumpere* «портить, развращать, извращать», откуда *corruptio* «совращение, подкуп». Большая часть вокабуляра *взятки* – исконно русские слова, как например «мзда», образованная от того же корня, что и «мечь», заимствования относительно немногочисленны: это, конечно, «бакшиш» из фарси и та же «коррупция» из английского языка.

В контекстах современности «посул» употребляется сейчас исключительно в значении обещания вознаграждения – некой «заманухи»: «За *посул* досрочного освобождения наиболее предприимчивые пацаны помогали администрации перевоспитывать себе подобных, особенно тех, кто придерживался воровской идеи» (Савельев); «А вам для кого гроб требуется, господин? – обрадованный *посулом* щедрой платы, спросил я» (Антропов). Однако в древнерусском языке, начиная с XIV в., «посулом» именовалась *взятка*: «А *тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику*» (Псковская Судная грамота). В таком значении он употреблялся вплоть до начала XX в.: «Надумаешь доброе, всем на пользу, глядь, мать царя-батюшки вступится, братаны Салтыковы *посул* возьмут и все дело испортят» (Зарин); «Мишка с меньшей ловкостью спрятал *посул* куда-то в рукав» (Мамин-Сибиряк). В современных словарях русского языка «посул» в значении *взятки* идёт с пометой «устар.»¹

¹ См.: Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 632; Ожегов С. И.

и появляется в текстах, стилизованных под старину, либо в исторических текстах: «Мой вам сказ: стрельцу, кой у трупа того стоит, дайте *посул* – он и отпустит тело» (Чапыгин); «Однако согласно новым законам кара могла теперь постигнуть даже высших должностных лиц и чиновников – бояр и дьяков, посмевших запустить руку в государеву казну или уличенных во *взяточничестве* (“*посуле*”)» (Суд и право в России).

Лихоимство и *мздоимство* в современном русском языке – устаревшие синонимы для *взяточничества*² и часто идут, как это свойственно русскому языку (см.: [3, с. 222]), в парах: «Он так блестяще показал его *мздоимство* и *лихоимство*, что Верес был приговорен и отправился в изгнание, а имущество его было конфисковано» (Басовская); «Я за *лихоимство* и *взяточничество* Алекашку Меньшикова лично и багагом и кулаком бил, – мечтательно вспоминал Петр Первый» (Есин). Однако в текстах даже начала XX в. эти лексические единицы синонимами отнюдь не являлись, поскольку в законодательстве царской России они отправляли к различным уголовным преступлениям: «В последние годы жизни император особенно строго относился к *лихоимству* и *мздоимству*» (Ковалевский, 1910); «В законе за *мздоимство* и *лихоимство* назначались кары, но их почти никто не боялся, и *взятки* брали все или почти все, а кто их не брал, тех звали простофилями и даже дураками» (Лесков, 1869).

Действительно, в «Своде законов Российской империи», утверждённом при Николае I в 1830-е гг., *мздоимство* и *лихоимство* квалифицировались как различные виды *взяточничества*: первое представляло собой получение неправомερных

Словарь русского языка. М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1953. С. 261; Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 5. М-Л.: АН СССР, 1956. С. 1476.

² См.: *Взятка* [Электронный ресурс] // Грамота.Ру. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений : [сайт]. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?ab=x&az=x&word=взятка> (дата обращения: 07.08.2019).

преимуществ за совершение законных действий, в то время как второе – незаконных¹, т. е. противопоставлялись неправомерные действия должностного лица, не вытекающие из его служебных полномочий или совершающиеся вопреки интересам службы, неправомерным действиям, содержащим в себе признаки преступления или иного правонарушения – то, что в современном российском законодательстве квалифицируется по части первой статей 290 и 291 УК РФ и по части второй этих же статей соответственно. Проще говоря, например, секретарь суда, выдавший просителю копию подлинного решения суда только после получения взятки – мздоимец, а он же, выдавший копию решения, в которой существо дело было искажено в интересах взяткодателя – лихоимец. А некогда (до XVII в.) мздоимством на Руси называлась разрешённая коррупция, а лихоимством – неразрешённая.

Эти различия достаточно чётко фиксируются в той части текстов, где речь идёт о квалификации взятки: «При этом Татищев различал “мздоимания” – справедливые частные вознаграждения, стимулирующие служебное рвение и заинтересованность чиновника наилучшим образом решать нужды челобитчиков, и “злоимание”, лихоимство – взятку, провоцирующую нарушение закона со стороны чиновника» (Редин); «Всех пунктов обвинения намечено три: 1) *вымогательство*, когда путем угроз и притеснений чины московской приемной комиссии заставляли поставщиков платить взятки; 2) *лихоимство*, когда подсудимые принимали денежные суммы, как благодарность, и при этом нарушали долг службы, допуская быть принятым плохого качества товар и 3) простое *мздоимство*, т. е. *получение взяток без нарушения долга службы и при добросовестной приемке поставок*» («Новое время», 1911). Лихоимство здесь однозначно связывается с нарушением правосудия и закона: «Когда частные случаи *неправосудия* или *лихоимства* доходили до него, он казнил

виновных и в этом походил на известного доктора Санградо, лечившего все болезни одним и тем же средством» (А. К. Толстой); «Дед не велит судиям лихоимствовать: внук определяет тяжкую денежную пеню за их *лихоимство* и *неправосудие* умышленное, оставляя только неумышленное без наказания: криводушных дяков сажали в темницу, подьячих секли кнутом» (Карамзин).

Мздоимство ассоциируется скорее с обычной бытовой взяткой: «Меня лично больше беспокоит не классическая коррупция, а повальное *мздоимство*, участниками которого являемся все мы, доплачивая друг другу за предоставление тех или иных функций и услуг» (Независимая газета, 2003.06.11). Мздоимство, идущее «от самых древних пищевых рефлексов, которые были даже у анаэробных бактерий» (Лебедь, 2003.10.19), признаётся одним из характерных свойств русского этноса: «Я понимаю, *мздоимство* там или казнокрадство – это наше, исконно русское, от них никуда не убежать, но как можно обойтись так с водкой!» (Дежнев); «Царь-преобразователь повесил за *мздоимство* сибирского губернатора князя Гагарина, а в ответ ближайший “птенец гнезда Петрова”, да к тому же генерал-прокурор Ягужинский якобы сказал: “Ваше величество рискует остаться без подданных”» (Время МН, 2003).

В то же самое время лихоимство, этимологически «имание лихвы» (А. С. Шишков), где «лихва» – «вымогательные барыши»², – с точки зрения религиозной морали представляет собой «греховную страсть», разновидность сребролюбия, любостяжания, «когда под видом некоторого права, а на самом деле с нарушением справедливости и человеколюбия, обращают в свою пользу чужую собственность или чужой труд, или даже самые бедствия ближних». Тем самым лихоимство оказывается самым непосредственным образом связанным с вымогательством: «Как уже было выше

¹ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. СПб: Диамант, 1998. С. 197.

² См.: Шаров С. А. Частотный словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.artint.ru/projects/frqlist.php> (дата обращения: 07.08.2019).

упомянуто, почти за каждым из этих лиц в прошлом было “претерпение”: урядник Иван Ананьев претерпел за *вымогательство* и *лихоимство*, другие – кто за кражу, кто за “захват” чужой собственности и проч.» (Русские Ведомости, 1917); «Неудивительно поэтому, что *лихоимство*, *вымогательство* и дикий произвол этих администраторов не знают иногда удержу, в особенности при голодном аппетите» (Грулев).

Продажа благодати Божьей и торговля церковными должностями, саном, таинствами, священнодействиями и священными реликвиями (святокупство) обозначается словом «симония», отправляющим по сути к достаточно специфической разновидности должностного подкупа: «Выказав себя человеком твердым и властным, к тому же искусным законником, новый папа заявил, что запретит симонию, приносившую кардиналам сказочные барыши» (Парнов); «В 1310–1311 годах на Переяславском соборе снова говорится о пороке симонии, который поразил всю русскую церковь снизу доверху» (Еремеева). Сам термин восходит к имени евангельского волхва Симона, который пытался выкупить у апостолов дар Святого Духа: «Симон же, увидев, что через возложение рук Апостольских подается Дух Святой, принес им деньги, говоря: дайте и мне власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Дух Святаго» (Деян. 8: 18–19). История симонии ещё раз наглядно подтверждает евангельский тезис о том, что «грех не вменяется, когда нет закона» (Рим. 5: 13) – торговля церковными должностями и индульгенциями активно и вполне законно как источник пополнения папской казны велась в Европе с X по XVI вв. Можно заметить, что «светская симония» как торговля должностями и «дарами духовными» – дипломами, учёными степенями и академическими званиями, не имея собственно имени, вполне себе процветает в современном российском обществе.

Семантическое новообразование «откат», калькированное, очевидно, с англий-

ского kickback, отправляющее к скрытой форме взятки и связанное преимущественно с хищением бюджетных средств, заключающееся в том, что должностное лицо при выборе поставщика товаров или услуг выбирает определённое предложение, и за это получает от поставщика вознаграждение в виде фиксированной суммы или процента от суммы сделки (см.: [5, с. 16–17])¹, оказалось востребованным в 90-е гг. прошлого века со становлением новорусского капитализма. Оно отсутствует в последнем словаре-справочнике «Новые слова и значения», однако фиксируется в словарях жаргона с пометами «бизн.» и «торг.» в значении «часть товара, предмета сделки, идущая на оплату услуг посредника» и «доля прибыли»², а также в «Энциклопедическом словаре экономики и права»: «откат – неофициальное название части денежных средств, выделяемых на выполнение работ по государственному заказу, которую исполнитель заказа, работы в благодарность за получение данного заказа, возвращает заказчику в лице чиновника, руководителя государственного органа»³. «Откат» появляется в Национальном корпусе в 2000-м году: «Цель операции, которая, по его словам, была ему поручена одним из руководителей ОПР Бернаром Понсом, заключалась в том, чтобы в несколько раз увеличить так называемый “откат”, или денежную “отстежку”, привлеченных к общественным работам компаний» (Труд-7, 2000.09.28); «Давай так, сто баксов за “откат”, – предложил Иван. – Что значит “за откат”? – не поняла Оксана» (Житков, 2000).

«Откат», безусловно, означает взятку, в одном смысловом ряду с которой он регулярно появляется: «Взятка и откат, как

¹ См.: Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1949. С. 233.

² В качестве иллюстрационного материала в статье использовались данные Национального корпуса русского языка (URL: <http://www.ruscorpora.ru>).

³ См.: Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Астрель-АСТ, 2000. С. 647; Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 10. М.; Л.: АН СССР, 1960. С. 1568.

человеческое соитие, как движение рыбы в воде не оставляет следов» (Есин); «Нет, он получает *“откат”*, на их языке, по-русски, – *взятку*» (Советская Россия, 2003.02.15). В то же время отмечается отличие «отката» от «взятки»: «В *откате*, – пояснил Сергей Николаевич, – всегда имеют место государственные деньги, этим откат отличается от *взятки*» (Есин). Число контекстов с лексемой «откат» в газетном Национальном корпусе русского языка, где счёт идёт уже на сотни, делает двусмысленным название сборника публицистики Юрия Полякова «Россия в откате» – действительно, «откат на откате, откатом погоняет» (Вслух о..., 2003.05.19).

Из немногочисленных «коррупционных» фразеологизмов *дать/сунуть/взять на лапу, нагреть руки, подмазать* в число «крылатых слов» попадает ныне устаревший *барашек в бумажке*, часто употреблявшийся в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина, как эвфемизм взятки, возникший ещё в XVII в. и имеющий канцелярское происхождение – взяткодатели при передаче стыдливо оборачивали деньги бумагой¹: «Думаю, что не обошлось здесь без *барашка в бумажке*, – сунули, должно быть, кому следует» (Куприн); «Придешь, бывало, к секретарю, сунешь ему *барашка в бумажке*: плети, не торопясь!» (Салтыков-Щедрин). Большая часть фразеологизмов «коррупционного толка» так или иначе ассоциативно связаны с основным органом «давания» – рукой: «Я тогда сразу спрашиваю: – А ты не помнишь, сколько этот тип *на лапу брал?*» (Рубина); «Судья сказал, что ему не хватает денег для содержания семьи и он *брал на лапу*, дабы не влезть в долги» (Вслух о..., 2003.06.09); «Берут все. *Нагреть руки*

хотят и чиновники, и врачи, и судебные секретари» (АиФ 2017, №16). Глагол «подмазать» во фразеологизированном значении смазки бюрократического механизма («колеса смазать» – Афиногенов) иногда меняет прямообъектное управление на косвеннообъектное: «Безо всякой надежды мать ходила в домоуправление, и раз паспортистка Зоя Ивановна сжалилась, намекнула, что если участковому *подмазать*, он закроет глаза на то, что квартиры №1 фактически нету, и в ней пропишет» (Дружников).

Если рассматривать взятку как лингвокультурный концепт – многомерное семантическое образование, отмеченное этнокультурной спецификой, то его понятийную составляющую в первом шаге можно извлечь из лексикографических толкований его имени, включённого Владимиром Далем в словарную статью «взывать»².

Так, на родовую принадлежность взятки к идее воздаяния указывает присутствие в составе её словарных толкований лексических единиц «вознаграждение» и «подарок»: «плата или подарок должностному лицу»³; «подарок, вознаграждение должностному лицу»; «плата должностному лицу»⁴.

Уже внутри семантической области идеи воздаяния взятка как разновидность подкупа противостоит благодетению по признаку корыстной заинтересованности, на что указывает присутствие в словарных толкованиях лексем «подкуп», «деньги», «вещи», «материальные ценности», «интерес дающего»: «деньги или что-нибудь ценное»; «деньги или вещи»⁵; «деньги или

¹ См. статьи «Лихоимство» и «Мздоимство»: Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Астрель-АСТ, 2000. С. 74, 208; Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. С. 500, 540; Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 2001. С. 794, 865; Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 6. М.: Л.: АН СССР, 1957. С. 274, 962.

² См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. СПб.: Диамант, 1998. С. 197.

³ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. СПб.: Диамант, 1998. С. 197; Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Астрель-АСТ, 2000. С. 285.

⁴ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 2001. С. 175.

⁵ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1953. С. 66; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1998. С. 81;

материальные ценности», «в интересах дающего»¹. От подкупа вообще взятку отличает обладание её получателя властными полномочиями – его должностной статус, на что указывает присутствие в толкованиях лексических единиц «должностное лицо», «по должности», «чиновник», «кто-либо, имеющий власть»². На должностной статус взяткополучателя указывают и ответы респондентов на стимул «взятка», зафиксированные в «Русском ассоциативном словаре»: «чиновнику», «должностному лицу», «начальнику», «преподавателю», «прокурору», «служащему», «учителю».

Отличительной чертой взятки выступает незаконность действий обоих её участников – дающего и получающего: «незаконное дело»³, «деньги, которые незаконно платят»; «совершение каких-нибудь незаконных действий по должности»; «оплата преступных, караемых законом действий»⁴.

Лишь в словаре Владимира Даля в толковании взятки просматривается целевой признак как её назначение на получение услуг или на «купирование» притеснения: «плата или подарок должностному лицу, во избежание стеснений, или подкуп его

на незаконное дело»⁵. Несколько раз фиксируется дополнительный признак взятки – её «векторность» как указание на участника, от которого исходит её инициатива, что позволяет отделить подкуп от вымогательства: «принудительные поборы с зависимых и подчиненных лиц»; «вынужденные поборы с зависимых и подчиненных представителями власти»⁶.

И, наконец, можно отметить, что в языковом сознании носителей современного русского языка признак предварительного сговора участников взятки, некогда присутствовавший в значении лексемы «посул», и признак соблюдения-нарушения долга службы, некогда присутствовавший в значении лексем «мздоимство» и «лихоимство», уже отсутствуют.

Итак, «взятка» в синонимических словарях советского периода отсутствует, однако российские синонимические словари позволяют выстроить уже достаточно длинный ряд лексических единиц, передающих понятие должностного подкупа. По совокупности признаков доминантой синонимического ряда мздоимства выступает лексема «взятка». В современной речи лексические единицы, передающие значение должностного подкупа, различаются целым рядом дополнительных, преимущественно коннотативных характеристик. На родовую принадлежность взятки к идее воздаяния указывает присутствие в составе её словарных толкований лексических единиц «вознаграждение» и «подарок». Уже внутри семантической области идеи воздаяния взятка как разновидность подкупа противостоит благодеянию по признаку корыстной заинтересованности, на что указывает присутствие в словарных толкованиях лексем «подкуп», «деньги», «вещи», «материальные ценности», «интерес дающего». От подкупа вообще взятку отличает обладание её получателя властными полномочиями – его должностной статус, на что указывает присутствие в толкованиях лек-

Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1. М.: Русский язык, 1981. С. 171.

¹ См.: Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Астрель-АСТ, 2000. С. 285; Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. С. 128; Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1. М.: Русский язык, 1981. С. 171.

² См.: Шушков А. А. Толково-понятийный словарь русского языка: 600 семантических групп: около 16500 слов и устойчивых выражений. М.: АСТ-Астрель-Хранитель, 2008. С. 166; Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Астрель-АСТ, 2000. С. 285; Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. С. 128; Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1. М.: Русский язык, 1981. С. 171; Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 2001. С. 175; Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 2. М.-Л.: АН СССР, 1951. С. 331.

³ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. СПб.: Диамант, 1998. С. 197.

⁴ Шушков А. А. Толково-понятийный словарь русского языка: 600 семантических групп: около 16500 слов и устойчивых выражений. М.: АСТ-Астрель-Хранитель, 2008. С. 166.

⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. СПб.: Диамант, 1998. С. 197.

⁶ Статья // Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 2. М.-Л.: АН СССР, 1951. С. 331.

сических единиц «должностное лицо», «по должности», «чиновник», «кто-либо, имеющий власть». Отличительной чертой взятки выступает незаконность действий обоих её участников – дающего и получающего. Лишь в словаре Владимира Даля в толковании взятки просматривается целевой признак как её назначение на получение услуг или на «купирование» притеснения. Несколько раз фиксируется дополнительный признак взятки – её «векторность»

как указание на участника, от которого исходит её инициатива, что позволяет отделить подкуп от вымогательства, однако признак предварительного сговора участников взятки, некогда присутствовавший в значении лексемы «посул», и признак соблюдения-нарушения долга службы, некогда присутствовавший в значении лексем «мздоимство» и «лихоимство», в сознании носителей современного русского языка уже отсутствуют.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воркачев С. Г. Даров не принимай: мздоимство в тексте Библии // Русистика без границы: Международно научное списание. 2018. Том II. Книжка 3. С. 8–13.
2. Воркачев С. Г. Какою мерою мерите: идея воздаяния в лингвокультуре. Краснодар: КубГТУ, 2019. 372 с.
3. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. 448 с.
4. Марченко О. В. Семантический анализ слова взятка или Сколько лексических лагун может скрывать одно юридическое понятие // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 26–32.
5. Новак Б. В. Взятка и откат. СПб.: Питер, 2008. 144 с.
6. Скрынников Р. Г. Что значит «Остаться с носом»? [Электронный ресурс] // Академия подарка : [сайт]. URL: <http://www.acapod.ru/1160.html#ixzz4jsOIC0Vq> (дата обращения: 07.08.2019).
7. Шипицина Г. М. Историко-лингвистический взгляд на концепт взятчиничество // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. 2016. № 2. С. 296–305.

REFERENCES

1. Vorkachev S. G. [Do not accept a bribe: bribery in the biblical text]. In: *Rusistika bez granitsi: Mezhdunarodno nauchno spisaniye* [Russian studies without border: International scientific Journal], 2018, Vol. II, Iss. 3, pp. 8–13.
2. Vorkachev S. G. *Kakoyu meroyu merite: ideya vozdayaniya v lingvokul'ture* [How do you measure: the idea of retribution in the linguistic culture]. Krasnodar, Kuban State Technological University Publ., 2019. 372 p.
3. Kolesov V. V. *Filosofiya russkogo slova* [The philosophy of the Russian word]. St. Petersburg, Yuna Publ., 2002. 448 p.
4. Marchenko O. V. [Semantic analysis of the word *bribe* or How many lexical lacunae can conceal one legal concept]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya. 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [The Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication], 2014, no. 1, pp. 26–32.
5. Novak B. V. *Vzyatka i otkat* [Bribery and rollback]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 144 p.
6. Skrynnikov R. G. [What does it mean “to stay with a nose”?]. In: *Akademiya podarka* [Academy of gift]. Available at: <http://www.acapod.ru/1160.html#ixzz4jsOIC0Vq> (accessed: 07.08.2019).
7. Shipitsina G. M. [Historical and linguistic view on the concept of bribery]. In: *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost'. Lingvistika kreativa* [Ural Journal of Philology. Series: Language. System. Personality. Linguistics of the creative], 2016, no. 2, pp. 296–305.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Кубанского государственного технологического университета; e-mail: svork@mail.ru; vorkachevsergei@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergei Gr. Vorkachev – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University;

e-mail: svork@mail.ru; vorkachevsergei@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Воркачев С. Г. Концепт «мздоимство» в лексикографическом представлении // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.

FOR CITATION

Vorkachev S. G. Concept “bribery” in lexicographic representation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp.

УДК 81`27

DOI

РУССКИЙ ЯЗЫК: ПОКИДАЯ XX ВЕК (ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ СОЦИОЛИНГВИСТА)

Дуличенко А. Д.

Тартуский университет

50090, г. Тарту, Юликооли, д. 18, Эстония

Аннотация. В статье рассматривается проблема бытования русского языка в конце XX в. на фоне социокультурных и политических изменений в обществе. Автор выделяет три основных лексических цикла в формировании коммуникативного портрета эпохи. Изменение внешнего облика языка связано с процессами, которые получили в XX столетии наиболее развитие: кодирование и кодификация; перекодирование – декодификация – новая кодификация и др. Отмечается возросшая роль административно-территориальной подпарадигмы русского языка в создании новых речевых моделей. Автор подчёркивает, что XX в. повлиял на смену языкового знака. Разбирается вопрос социолингвистического статуса русского языка в дореволюционный период, в советское и постсоветское время. Говорится о потерях позиций русского языка в конце XX столетия. Отмечается его роль в трансэтническом пространстве постсоветской России. Делается вывод о перспективах использования русского языка в Западной Европе.

Ключевые слова: социолингвистика, кодификация и декодификация языка, смена языковых парадигм, трансэтнический язык, глобализация, история культуры

RUSSIAN: LEAVING THE 20TH CENTURY (FROM OBSERVATIONS OF A LINGUIST)

A. Dulichenko

University of Tartu

18 Ülikooli, 50090 Tartu, Estonia

Abstract. The article deals with the problem of the existence of the Russian language at the end of the 20th century against the background of socio-cultural and political changes in society. The author identifies three main lexical cycles in the formation of the communicative portrait of the epoch. The change in the appearance of the language is associated with the processes that have received the greatest development in the 20th century: coding and codification; recoding – decodification – new codification, etc. The increased role of the administrative-territorial sub-paradigm of the Russian language in the creation of new speech models is noted. The author emphasizes that the 20th century influenced the change of language sign. The article deals with the problem of the sociolinguistic status of the Russian language in the pre-revolutionary period in the Soviet and post-Soviet times. The author says about the loss of the position of the Russian language at the end of the 20th century. Its role in the trans-ethnic space of post-Soviet Russia is noted. The author makes conclusions about the prospects of using the Russian language in Western Europe.

Keywords: sociolinguistics, language codification and decodification, change of language paradigms, trans-ethnic language, globalization, cultural history

Имя филолога-слависта Н. А. Кондрашова хорошо известно не только российским, но и иностранным учёным, воспитывавшимся ещё в традициях старой советской школы. По его учебникам

«Славянские языки» [3] и «Общее языкознание» [7; 8] изучали основы лингвистической науки. Он смог привить своим читателям увлечённость языками, уважительное отношение к традициям и куль-

турам других народов. Н. А. Кондрашов особенно был внимателен к истории славистики и выпустил на эту тему ряд книг и множество статей (см., например: [5]), начиная с такого интересного и необычного для тех лет жанра филологических портретов О. М. Бодянского [4] и Р. Ф. Брандта [6] и завершая лингвометодически пособиями о жизни и деятельности И. И. Срезневского [9] и В. Н. Татищева [11]. В них он не замыкался на вопросах сугубо языковедческих, а решал многие острые общественно-политические, социокультурные проблемы становления и развития славянских языков. Профессор Н. А. Кондрашов не мог, конечно, тогда писать откровенно о микроязыках и размышлять о спорных фактах из истории советской лингвистики. Это время – открытый и разоблачений – пришло позже. Но он долгие годы находился в центре самых важных событий европейской лингвистики: отлично знал Пражский кружок [16] и дружил со многими славистами из Чехословакии, Польши и других стран, несколько лет работал в редакции нового журнала «Вопросы языкознания» и по сути был правой рукой академика В. В. Виноградова в славянских делах (см. подробнее о этом: [15]). Широта знаний Н. А. Кондрашова поражала всех, кто хоть однажды сталкивался с ним. Достаточно было двух-трёх слов, и становилось ясно, что перед тобой стоит необычный человек – СЛАВИСТ большой научной школы, знаток многих языков, архивист, историк науки и просто живой ироничный человек.

Представляемые далее размышления по поводу ушедшего XX века в какой-то мере решают и те вопросы, к которым только подступал Н. А. Кондрашов в своих работах, говоря, например, о проблемах пуризма [10] или калькирования [12]. Сквозь призму языковых процессов он видел социальное лицо слова, переживал за его настоящее и будущее и, наверно, мечтал о том, чтобы культура филологического знания победила невежество, лицемерие в науке. Он учил нас ещё и этой – нравственной стороне языкознания.

В 2011 г. в Польше вышел наш объёмный труд «Основы славянской филологии», во втором томе [1] которого мы как раз и коснулись лингвистической проблематики (глотогенез, принципы классификации языков и их современное деление, славянская микролингвистика, утраченные языки и перспективы развития живых славянских языков и др.). Затем, в 2015 г., уже в России вышло наше новое учебное пособие «Введение в славянскую филологию» [2], которое теперь доступно преподавателям и студентам, желающим глубже изучить и понять эту науку: от её истоков до современных этно- и социолингвистических проблем.

Славистика в XXI веке – одна из самых актуальных поликультурных дисциплин. Она сейчас находится на самом острие противоречивых вопросов исторического, экономического, политического развития европейских стран, пропитанных с давних времён языками и диалектами народов, чья биография продолжается в компьютерный век. Давайте попробуем оглянуться немного назад и посмотреть, какие вызовы ждут русский язык в XXI в. Об этом свидетельствует совсем недавняя история. Мы покинули XX столетие снова на переломе духовных и социальных устоев, но его уроки должны помнить.

Окинуть взглядом столетие, спроецировав его (взгляд) на вековую судьбу языка, не так просто. Однако это необходимо сделать для того, чтобы за выявляемыми особенностями конкретных процессов увидеть, с одной стороны, пройденный языком путь в целом, с другой – зафиксировать стратегическое движение языка и его составляющих вперёд.

Поднимаемый вопрос подразумевает рассмотрение по крайней мере двух аспектов *внутреннего* (resp. интралингвального), где речь должна идти о состоянии и развитии именно языковой системы, и *внешнего* (resp. экстралингвального), касающегося социолингвистических при-

знаков языка (расширение или сужение функционального спектра, соотношение с другими языковыми ситуациями и т. д.), при этом мы коснёмся лишь некоторых, но весьма существенных вопросов.

Хорошо известно, что языковые уровни изменяются неравномерно. Если фонетический и морфологический освежаются новыми элементами и отношениями или же что-то утрачивают незаметно и в длительной протяжённости во времени, то лексический уровень можно считать полной им противоположностью. Это, так сказать, «многострадальный» уровень практически любого языка: лексический стержень (так наз. основной словарный фонд) в целом в нём сохраняется веками, в то время как другие лексические пласты находятся в постоянном движении: составляющие их единицы уходят и приходят, сталкиваются, конкурируют или мирно соседствуют десятилетиями и искрами, ярко вспыхивают или, напротив, незаметно бледнеют, а затем и угасают вовсе и т. д. Прежде всего именно этот уровень показывает нам, как живёт язык и куда он идёт в своём движении.

Если отталкиваться от лексического уровня, то можно с большой долей уверенности утверждать, что в течение XX в. процесс лексического покрытия общества, говорящего по-русски, прошёл, по крайней мере, три основных цикла:

а) доживающий **дореволюционный цикл** – до начала XX в. (конкретно до 1917 г.), когда лексикой были закодированы тогдашние социальные отношения, что выражалось в стабильности их использования и в наличии достаточно строгой кодификации, закреплённой словарями, а также узусом (практикой принятого употребления);

б) господствующий **советский цикл** – XX в. (20–80-е – начало 90-х гг.), когда было произведено перекодирование дореволюционной действительности (новые институты и социальные отношения новые слова) и одновременно с этим проведена декодификация «старой» (resp. дореволюционной) лексики, после чего последовала

постепенная кодификация новой, вылившейся в огромную по количеству лексическую парадигму, известную как советизмы, большинство из которых отражает социальную сферу; особенно это было заметно в лексикографии [14];

в) зарождающийся **постсоветский цикл** – конец XX в. (с 90-х гг.), когда вновь было произведено декодирование теперь уже советской действительности новыми или возрождёнными знаками и одновременно с этим проведена декодификация советской лексики и постепенная кодификация нового образца. Процесс декодификации советской лексики ещё в 1994 г. в монографии «Русский язык конца XX столетия», а затем и в последующих публикациях мы предлагали называть лексической десовитизацией.

В пределах трёх названных циклов в течение одного столетия проводились и социально стимулировались следующие процессы, касающиеся не только лексики, но в известной степени и других уровней русского языка: *дореволюционный цикл*: кодирование и кодификация; *советский цикл*: перекодирование – декодификация – новая кодификация; *постсоветский цикл*: перекодирование – декодификация – новая кодификация.

Этот вихрь сменяющих друг друга кодирований и перекодирований, кодификаций и декодификаций обрушился на многие поколения носителей русского языка. На языковое сознание русского человека в XX в. легла огромная нагрузка, потребовавшая не только словесной «переулки», но и психологической переориентации (прежде всего в связи с переоценкой социальных ценностей). Социальное экспериментирование, таким образом, давило и продолжает давить на людей не только физически и морально, но и посредством языковых знаков – ср. ту нагрузку, которую выдерживаем мы ныне, когда вынуждены метаться между «товарищами» советского времени и «господами» времени дореволюционного и нынешнего, каждый раз сомневаясь и мучительно решая, как же обратиться к официальному или иному лицу!

Какие же испытания пережил в XX в. «многострадальный» уровень языка, который в первую очередь был вовлечён в социально стимулируемые процессы кодирования и декодирования действительности? И как влияли на него переходы от одного социального цикла к другому, т. е. от дореволюционного к советскому, он советского к постсоветскому?

Лексический уровень русского языка на протяжении XX в. пережил глобальный процесс, который мы бы назвали сменой лексических парадигм. Речь идёт о том, что каждый из названных циклов формировал свой особый пласт лексикологии, отражавший соответствующие социальные отношения. Исходя из этого, в XX в. можно выделить три важнейшие лексические парадигмы – дореволюционную, советскую и постсоветскую. Заявленную идею о смене лексических парадигм удачнее всего проиллюстрировать на примере крупнейшего пласта, который мы называем **социально чувствительной лексикой**. Это прежде всего номенклатурная лексика, активно реагирующая на социальные перемены: меняются социальные институты и отношения – и это непосредственным образом отражается на состоянии языковых знаков (слов и устойчивых выражений), обозначающих эти институты и отношения. В то же время с такой лексикой в реальной жизни связан каждый человек, поскольку в подпарадигме социально чувствительной лексики отражаются наименования учреждений, в которые вынужден обращаться гражданин, должностей в управленческом аппарате и т. д.

Показательна в этом плане **административно-территориальная лексическая подпарадигма**, прошедшая в русском языке три указанных цикла и демонстрирующая последовательную смену этих подпарадигм. Здесь реализуется **модель смены языкового знака** (слова или устойчивого выражения, по значению приближающегося к слову) **при сохранении референта** (т. е. того, что стоит за языковым знаком, за словом). Поскольку парадигма велика по количеству состав-

ляющих её компонентов, приведём в качестве образца только территориальную номенклатурную серию (см. табл. 1):

В формировании данных лексических рядов, расположенных по вертикали, есть противоречия. Это касается как советской, так и постсоветской парадигм: в советской к территориальным наименованиям было подсоединено наименование административное – ср. *область / край – район*, но – *сельсовет*, в то время как и в постсоветской территориальной парадигме противоречие обнаруживается при её объективно-необходимом расширении в направлении парадигмы административной, – ср. *область / край*, но сначала *глава областной / красной администрации*, а в последнее десятилетие-полтора – *губернатор* при отсутствии даже намёка на возвращение *губернии* (в чём, видимо, заслуга также русской литературы, бичевавшей губернскую жизнь и её порядки, что создало и в советское время негативный образ *губернии!*). Интернационализм *район* в советской и постсоветской парадигмах заменил русский *уезд*, с одной стороны, из стремления новой власти интернационализировать революционный процесс начиная с 1917 г. (для чего более всего подходили именно лексические интернационализмы, или европеизмы), с другой стороны, за *уездами* также закрепились негативные коннотации с дореволюционного времени в виде «захолустье» и под. Под этот социально управляемый процесс смены языковых знаков попала и *волость*.

Между тем хотим напомнить, что дореволюционные *уезд* и *волость* (и не только они) в 90-е гг. XX в. были возвращены к жизни, однако не в метрополии, а в некоторой части, так сказать, «внероссийского» пространства русского языка, которое сформировалось в результате развала Советского Союза в 1991 г. Так, во «внероссийском» русском языке Эстонии возрождена и используется в русских СМИ и в русской среде не только дореволюционная русская (российская) территориальная, но и административная лексическая парадигма (представим их компоненты в одной таблице вместе), ср.:

Таблица 2

**Территориально-административное деление русского языка метрополии
и «внероссийской» подпарадигмы**

русский язык метрополии	«внероссийский» русский язык (Эстонии)
сельский округ	волость
район	уезд
глава (округа)	Староста (волости)
мэрия	горуправа
мэр	городской голова
полиция	милиция
полицейский	милиционер
канцлер...	– ...

Подобное развитие лексических парадигм демонстрирует некоторую регионализацию русского языка вне метрополии, которая отражается и на других лексических парадигмах, а также на других уровнях языка, начиная с элементов синтаксического калькирования и кончая попытками редуцировать морфологию типа *Валентина Иванов, Иветта Петров* или *Жоржета Могилевски*. Совершенно очевидно, что регионализация русского языка за пределами метрополии – явление теоретически важное, но периферийное по своей сути и связанное с местной языковой ситуацией и соответствующей ей языковой политикой. Регионализация не может далеко и глубоко зайти, потому что современные электронные средства связи просто не дадут распасться языку. Ослабление грамматики заметно в постсоветское время и в метрополии. Однако эти

вопросы мы бы здесь детально не рассматривали.

Как видим, внутриязыковой аспект русского языка, рассмотренный нами на примере одного уровня, показывает, как важно видеть и устанавливать не только локальные, но и глобальные процессы и тенденции в движении языка. А теперь обратимся к некоторым социолингвистическим аспектам русского языка XX в.

Социолингвистический статус русского языка, если его рассматривать в парадигматической плоскости, прошёл те же самые три стадии.

В дореволюционное время это был государственный язык Российской империи, обязательный на всей территории страны. Другие языки империи, их письменность и функционирование развивались параллельно, хотя целенаправленной языковой политики, как представляется, – а вопрос

Таблица 1

Административно-территориальная лексическая подпарадигма

Действительность		
дореволюционная	советская	постсоветская
губерния/область →	область/край →	область/край
↓	↓	↓
уезд →	район →	район
↓	↓	↓
волость →	сель[ский] совет →	сельский округ

этот до сих пор слабо изучен – не проводилось (что, правда, не исключало тех или иных запретов по отношению к некоторым языкам, – ср., например, ситуацию с украинским языком, официально удерживавшемся долгое время в статусе наречия русского языка (ср. высказываний академика А. А. Шахматова в конце 1910-х гг.: [18]). Скорее всего большая часть забот по сохранению и развитию других языков была отдана самим носителям. Не забудем также, что владение письмом и литературным языком в дореволюционной России по большей части носило социально узкий характер.

Революция 1917 г. резко изменила языковую ситуацию, что проявилось в так наз. языковом строительстве в 20–30-е гг. Десятки ранее бесписьменных языков получили письменность, шла работа по созданию для них литературных норм, старые письменные языки обновляли нормы и расширяли свой функциональный спектр. Это достаточно хорошо известная страница в истории СССР и в социолингвистике. Ощутимо помешал этому процессу демократизации наметившийся с конца 20-х, а особенно в 30-е гг. директивно-централизаторский подход к вопросам этнического и языкового строительства, в результате чего письменности переводились с арабской на латинскую графику, а затем на кириллицу либо с латиницы на кириллицу. К тому же «кто-то» решил, что не обязательно на всех языках должна строиться новая культура, потому волюнтаристско-административным путём многим языкам вскоре отказали в письменности.

В СССР русский язык по объективным причинам становился языком межнационального общения и в то же время реальным государственным языком, хотя признать за ним статус государственного языка боялись, так как в публицистических работах В. И. Ленина ещё дореволюционного периода понятие *государственный язык окутывалось только негативными коннотациями. В многонациональном государстве, само собою разумеется, единый государственный*

язык просто необходим – этого требует единый экономический (синоним-советизм: народнохозяйственный) организм, армия и т. д. Русский язык с успехом выполнял, выражаясь бюрократическим языком, **возложенные на него обязанности и функции, что способствовало его** широкому распространению за пределами исконного русскоязычного пространства СССР. Достоинно сожаления, что в советское время ни руководство страны, ни социолингвисты глубоко не входили в языковые отношения и проблемы многоязыкового государства, – скорее наоборот, они почти не опускались с директивно-пропагандистского уровня «на землю». Отсюда главная ошибка советской социолингвистики, которая почти как заклинание бесчисленно раз повторяла клише «об окончательном решении этноязыковых проблем в СССР». А раз так, то и не имеет смысла глубоко «копаться» в реальной языковой жизни общества. Такая позиция привела в конечном счёте к тому, что русский язык в значительной степени закрыл собою перспективу другим языкам, что **проявлялось в недостаточном внимании к ним или игнорировании их в тех или иных сферах** жизни. «Прорыв» этой болезни проявился в так наз. «перестройку» второй половины 80-х–начала 90-х гг. XX в., которая не только не решила назревшие проблемы языковой жизни СССР, но и разрушила саму страну, принесла этим неисчислимые страдания миллионам людей.

Достоинно большого сожаления, что «социолингвистика перестройки» не получила всестороннего отражения ни в языкознании, ни в русистике конкретно, – по крайней мере, до сих пор серьезных синтезированных публикаций на эту тему нет. Именно на рубеже 80-90-х гг. языковые проблемы вышли на поверхность, и о них могли уже высказываться открыто. Эта бурная история нашла отражение в нашей книге «Этносоциолингвистика 'перестройки' в СССР. Антология запечат-

ленного времени»¹, в которой почти на 600 страницах представлены свидетельства того периода, в том числе дискуссии о статусе и судьбе русского языка.

На закате советской эпохи, в «перестройку», стала формироваться так наз. **юридическая социолингвистика**, стержнем которой стали законы о языке, – жанр, по существу не известный ранее советской социолингвистике (ср.: [13]). Сначала был принят закон о языках СССР, потом такие законы стали разрабатываться и юридически утверждаться во всех республиках страны. В России русский язык, наконец-то, был объявлен государственным, наряду с которым в автономиях статус государственных (т. е. реально – республиканских) получили и собственные языки. Россия «покрылась» государственными (не республиканскими!) языками. В большинстве бывших союзных республик, ставших самостоятельными государствами, в лингвистических законах утверждены государственными собственные языки, в то время как русский язык был вытеснен из этого уровня и переведён в «другие языки», в «языки национальных меньшинств», в «иностранные языки» и проч. Правда, в некоторых из них русскому придан статус официального, межнационального, а позднее в Белоруссии и Киргизии он получил и статус государственного наряду со своими языками.

Какова же **постсоветская социолингвистическая парадигма русского языка**, формирующаяся с 90-х гг. XX в.? Она состоит из потерь и, как это ни удивительно, из приобретений или так или иначе удерживаемых позиций.

Если говорить о потерях, то они связаны с постсоветским нероссийским пространством. Из них следует указать на:

- 1) сократившееся пространство его официального использования;
- 2) объективное разделение государственными границами и тем самым

отчуждение, в том числе и носителей, от языковой метрополии;

- 3) юридически не закреплённый статус в ряде бывших советских республик с проживающими там носителями языка;
- 4) сократившееся пространство обучения и знания русского языка в рамках бывшего «социалистического содружества»;
- 5) сократившееся число пользовавшихся русским языком;
- 6) сужение в ряде ситуаций вне метрополии его функционального спектра;
- 7) а вместе с этим и ослабление жанрово-стилистических характеристик (в местной публицистике как-то отражается, а, скажем, в официально-деловом стиле не употребляется вообще и т. д.);
- 8) некоторая тенденция к его регионализации (см. выше) и некот. др.

Если говорить о признаках, вселяющих надежду, то можно было бы отметить следующие:

1. Русский язык был и остаётся трансэтническим языком огромного региона, называемого Евразией, о чём писал с оптимизмом ещё в 20-е гг. XX в. Н. С. Трубецкой (см. подробнее: [17]).
2. Таким образом, это единственный реальный язык евроазиатского трансэтнического и трансконтинентального распространения, связывающего Европу с Азией.
3. В мировом масштабе он по-прежнему является одним из языков международного общения.
4. Огромный объём знаний, закодированный и накопленный ранее и кодируемый ныне по-русски, остаётся притягательной силой к его дальнейшему активному использованию как в пределах бывшего СССР, так и в остальном мире.
5. На внероссийском постсоветском пространстве русский язык так или иначе все ещё остаётся (особенно среди старшего и среднего поколе-

¹ Дуличенко А. Д. Этносоциolingвистика «перестройки» в СССР: антология запечатленного времени. München: Sagner, 1999. 583 с. (Slavistische Beiträge. Bd. 378).

ния) средством межнационального (resp. трансэтнического) общения – слишком глубокой и многосторонней была практика культивирования языка, с помощью которого успешно решались прагматические, духовные и интеллектуальные задачи; никакой другой язык здесь его пока так и не заменил.

6. На внероссийском постсоветском пространстве русский язык в конце XX века перестал быть «главным языком», как это было во времена СССР. И в силу этого в некоторых странах он становится своего рода партнёром утверждённых там государственных языков, хотя процесс этот не так прост. Но мы говорим здесь о наметившейся тенденции. В ряде стран, где официально до сих пор не снято языковое противостояние, до языкового партнёрства, понятно, ещё далеко.
7. Рассеянность (resp. дисперсность) за пределами России русских людей и тех нерусских, для которых русский является родным или же они активно им пользуются, как раз и может служить той основой, которая будет удерживать его и в то же время стимулировать использование. Таким образом, диаспора становится хорошей основой для поддержания и использования русского языка.
8. Языки такого социолингвистического ранга, каким в силу объективных причин является русский язык, несут на себе тяжёлую и ответственную ношу по обеспечению общения как между разноязычными народами самой России, так и за её пределами – прежде всего на постсоветском нероссийском пространстве, а затем и шире. Кажется, пришло время и для осознания тяжести этого социолингвистического бремени, лёгшего на русский язык.
9. Мощная система современных СМИ, особенно телевидения, и компьютерная технология, осуществляющиеся

по-русски, связывают русскоговорящих и «русскопонимающих», где бы они ни жили, т. е. речь идёт о непотере, об эффективном сохранении связей, о сближении и т. д. живущих за пределами России с русским языковым и культурным миром.

Хотелось бы обратить внимание на одну тенденцию, наметившуюся с 90-х гг. XX в. и связанную с продвижением русского языка далеко на запад Европы и какой-то мере в Америку. Речь идёт не о европейском пространстве бывшего «социалистического содружества», где до сих пор, как это ни странно, преобладают преимущественно негативные реакции по отношению ко всем русскому, но о Западной Европе в классическом понимании этого культурно-географического понятия. Дело в том, что туда с 90-х гг. не иссякает поток переселенцев из бывшего СССР, например, в Германию в виде репатриантов немецкого происхождения, в Германию и другие страны – специалистов по новейшим технологиям, рабочих дефицитных профессий, студентов и др. Ныне в странах Западной Европы, по разным оценкам, проживает постоянно или временно более 6 миллионов человек, говорящих по-русски. Следует также учесть и еврейскую диаспору бывшего СССР в несколько сот тысяч человек, которую приняла Германия в качестве компенсации за политику Гитлера в период Второй мировой войны.

В рамках Евросоюза, куда на сегодня входят 27 государств, несмотря на прокламируемое равенство всех 27 языков, в реальности лингвистическая ноша лежит на английском языке. Со знанием, например, «равноправных» польского и греческого или, скажем, немецкого и венгерского языков никакой карьеры сделать в Евросоюзе невозможно – с вами просто не будут разговаривать, не будут рассматривать ваши конкурсные документы и т. д. – нужно знать, кроме родного и какого-то другого, ещё и английский. Но и простому гражданину нужно его знать: в Германии, например, в поездах перед каждой станцией объявляют сначала по-немецки, а потом

обязательно по-английски; если поезд направляется, например, в Париж, то сначала объявление подаётся на немецком, за тем на французском и тут же непременно на английском.

Какой же это английский? Разумеется, в большинстве своём это наученный, привнесённый в континентальную Европу без носителей, т. е. англо-американцев, язык, потому в последнее время говорят и пишут о рождении новой формы этого языка – *Euroenglish* ‘евроанглийский’, отходящей от британских и американских норм.

Русский язык, напротив, живёт в Европе в большинстве своём не в наученной форме, а в форме живого общения, поскольку его используют, так сказать, «природные» носители. Речь не идёт о какой-то конкуренции между этими языками мы говорим лишь о различии в некоторых аспектах, связанных с ними.

Какова же *перспектива русского языка в Западной Европе*? По нашему мнению, живая диаспора из бывшего СССР может стать той основой, благодаря которой в Европе будет удерживаться привнесённый туда русский язык даже при том, что из поколения в поколение его знание будет там ослабевать. Впрочем, учитывая кардинально изменившиеся возможности пересечения границ и облегчение поездок, а также электронные средства связи, можно надеяться на максимальную замедленность такого процесса. Это первое.

Второе связано с его статусом, над которым некоторые европейские учёные задумываются уже сейчас. Выдвигается даже идея о том, что русский язык должен стать одним из языков Евросоюза, так как на нём говорит здесь огромное число людей – более 6 миллионов. Добавим, что в Евросоюзе уже длительное время ведутся дискуссии о том, как решать и решить языковую проблему, не обижая «неанглийские» языки? Выдвигаются разные проекты и разрабатываются различные модели языкового развития Европы, в том числе и предложения о делении Евросоюза на языковые зоны, – скажем, германскую, романскую и т. д. с выделением для них

одного-двух крупных языков для межэтнического общения. Некоторые европейские специалисты, занимающиеся языковым правом, раздумывают над идеей сделать русский язык трансэтническим (или региональным) в пределах славянских стран Евросоюза. Вот некоторые аргументы: славянские языки близки друг к другу, что облегчает изучение русского языка другими славянами; во второй половине XX в. этот язык был широко распространён среди всех славян, потому такой опыт терять нельзя, и др. Будущее покажет, насколько перспективна эта идея.

Над приведёнными социолингвистическими аргументами следует ещё, как нам кажется, серьёзно поразмыслить. А что касается внутриязыкового аспекта современного русского языка, то, кроме в целом не столь опасной для нас регионализации (за которой всё же необходимо следить), нужно обратить внимание на интенсивный процесс его англо-американизации, выражающийся не только в лексических заимствованиях, но и отражающийся на русской фонетике (ср. «завывания» некоторых московских дикторов и ведущих на радио и телевидении на английский манер) и частично на грамматике. В монографии «Русский язык конца XX столетия»¹ мы назвали симптомы появления такого гибрида в некоторых изданиях специальными терминами – *интеррусский язык* или *русангл* (ср. «евроанглийский» в Западной Европе и др.).

В XIX в. русский язык страдал от галлицизмов, в веке XX – от англицизмов. В 1873 г. Н. С. Лесков в повести «Захудалый род» рассказал, как бабушка помещица (рассказчица, от лица которой идёт повествование) не любила ездить из своего поместья в Санкт-Петербург: там, мол, все и всё по-французски, а по-русски и поговорить-то не с кем! Наконец, она всё же выбралась навестить обучавшуюся там в институте благородных девиц свою дочь. Преподнося подарок гувернантке, заботливо ухаживавшей за дочерью, в ответ от последней она услышала: «Позвольте, ваше высочество, вашу ручку *померсикать!*».

Бабушка обиделась и руки ей не подала... носителям русского языка *сэнкъюкаты*
 Не придёт ли со временем и нынешним друг друга за что-либо?...

ЛИТЕРАТУРА

1. Дуличенко А. Д. Основы славянской филологии. Том II. Лингвистическая проблематика. Opole: Uniwersytet Opolski, 2011. 640 с.
2. Дуличенко А. Д. Введение в славянскую филологию: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2015. 720 с.
3. Кондрашов Н. А. Славянские языки. М.: Учпедгиз, 1956. 199 с.
4. Кондрашов Н. А. Осип Максимович Бодянский. М.: Издательство Московского университета, 1956. 87 с.
5. Кондрашов Н. А. Людовит Штур и формирование словацкого литературного языка (к столетию со дня смерти) // Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 25. М.: Издательство АН СССР, 1958. С. 16–22.
6. Кондрашов Н. А. Роман Федорович Брандт. М.: Издательство Московского университета, 1963. 68 с.
7. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (курс лекций). Ч. I. **История языкознания**. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1972. 173 с.
8. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (курс лекций). Ч. II. **Проблемы языкознания и методы изучения языка**. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1974. 171 с.
9. Кондрашов Н. А. Лингвистическое и методическое наследие И. И. Срезневского: учебное пособие. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1979. 72 с.
10. Кондрашов Н. А. Терминология и проблема языкового пуризма // Географические и хронологические пределы распространения русской лексики: Межвузовский сборник научных трудов. М.: Типография имени Ю. А. Гагарина, 1980. С. 3–9.
11. Кондрашов Н. А. Лингвистические взгляды В. Н. Татищева и язык его произведений: Спецкурс. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1985. 69 с.
12. Кондрашов Н. А. Основные этапы калькирования в истории русского языка // Вопросы исторической семантики русского языка: Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калининград: КГУ, 1989. С. 100–106.
13. Никитин О. В. Проблемы изучения языка русской деловой письменности в научных воззрениях В. В. Виноградова // Вопросы языкознания. 1999. № 2. С. 113–127.
14. Никитин О. В. Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 195–228.
15. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (к 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. № 5. С. 81–89.
16. Пражский лингвистический кружок: сборник статей / составление, редакция и предисловие Н. А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967. 558 с.
17. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс: Универс, 1995. 797 с.
18. Шахматов А. А. О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племен, населяющих Россию // Московский журнал. История государства Российского. 1999. № 9. С. 21–28.

¹ Дуличенко А. Д. Русский язык конца XX столетия. München: Otto Sagner, 1994. 347 с. (Slavistische Beiträge. Bd. 317).

REFERENCES

1. Dulichenko A. D. *Osnovy slavyanskoi filologii. Tom II. Lingvisticheskaya problematika* [The Foundation of Slavic Philology. Vol. II. Linguistic issues]. Opole, Uniwersytet Opolski Publ., 2011. 640 p.
2. Dulichenko A. D. *Vvedenie v slavyanskuyu filologiyu* [Introduction to Slavic Philology]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2015. 720 p.
3. Kondrashov N. A. *Slavyanskije yazyki* [Slavic languages]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956. 199 p.
4. Kondrashov N. A. *Osip Maksimovich Bodyanskii* [Osip M. Bodyansky]. Moscow, Moscow State University Publ., 1956. 87 p.
5. Kondrashov N. A. [Ludovit Stur and the formation of a Slovak literary language (to century from the date of death)]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta slavyanovedeniya. Vip. 25* [Brief reports of Institute of

- Slavic Studies]. Moscow, USSR Academy of Science Publ., 1958, pp. 16–22.
6. Kondrashov N. A. *Roman Fedorovich Brandt* [Roman Fedorovich Brandt]. Moscow, Moscow State University Publ., 1963. 68 p.
 7. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie. Ch. I. Istoriya yazykoznaniiya* [General linguistics. Part I. The History of linguistics]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya, 1972. 173 p.
 8. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie. Ch. II. Problemy yazykoznaniiya i metody izucheniya yazyka* [General linguistics. Part II. Problems of linguistics and methods of language learning]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya, 1974. 171 p.
 9. Kondrashov N. A. *Lingvisticheskoe i metodicheskoe nasledie I. I. Sreznevskogo* [Linguistic and methodological legacy of I. Sreznevsky]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya, 1979. 72 p.
 10. Kondrashov N. A. [Terminology and the problem of linguistic purism]. In: *Geograficheskie i khronologicheskie predely rasprostraneniya russkoi leksiki: Mezhhuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [The geographical and chronological limits of the spread of the Russian language: inter-university collection of scientific works]. Moscow, Tipografiya imeni Yu. A. Gagarina Publ., 1980. pp. 3–9.
 11. Kondrashov N. A. *Lingvisticheskie vzglyady V. N. Tatishcheva i yazyk ego proizvedenii* [Linguistic views of V. Tatishchev and the language of his works]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya, 1985. 69 p.
 12. Kondrashov N. A. [The main stages of tracing in the history of the Russian language]. In: *Voprosy istoricheskoi semantiki russkogo yazyka: Mezhhuzovskii tematicheskii sbornik nauchnykh trudov* [Issues of historical semantics of the Russian language: the inter-university thematic collection of scientific papers]. Kaliningrad, Kaliningrad State University Publ., 1989. pp. 100–106.
 13. Nikitin O. V. [Problems of learning the language of Russian business writing in the scientific views of V. Vinogradov]. In: *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language], 1999, no. 2, pp. 113–127.
 14. Nikitin O. V. [Forgotten Pages of Russian Lexicography of the 1920s (background of the “Ushakovskiy Dictionary”)]. In: *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2004, no. 1 (7), pp. 195–228.
 15. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.
 16. Kondrashov N. A., comp. and ed. *Prazhskii lingvisticheskii kruzhok* [The Prague linguistic circle]. Moscow, Progress Publ., 1967. 558 p.
 17. Trubetskoi N. S. *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [History. Culture. Language]. M.: Progress, Univers Publ., 1995. 797 p.
 18. Shakhmatov A. A. [On the state tasks of the Russian people in connection with the national tasks of the tribes inhabiting Russia]. In: *Moskovskii zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo* [Moscow Journal. History of Russian Government], 1999, no. 9, pp. 21–28.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дуличенко Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор-эмеритус Тартуского университета;

e-mail: aleksd@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandr D. Dulichenko – Doctor of Philological Sciences, Professor-emeritus University of Tartu;

e-mail: aleksd@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дуличенко А. Д. Русский язык: покидая XX век (из наблюдений социолингвиста) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.

FOR CITATION

Dulichenko A. D. Russian: leaving the 20th century (from observations of a linguist). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp.

УДК 81`36
DOI

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ЕДИНСТВЕННОГО, ПРАВДА И СИНГУЛЯРОИДЫ

Кретов А. А.

Воронежский государственный университет

394018, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1, Российская Федерация

Аннотация. Рассмотрены существительные с наиболее употребительной формой Иед. Установлено: 1) эти слова объединяет семантика *самостоятельного деятеля*, 2) доля форм Иед указывает на меру этой самостоятельности, 3) перед семантической интерпретацией слов грамматически и фразеологически связанные употребления форм Иед должны устраняться, 4) большая часть слов с доминантой Иед – это *сингуляроиды* с экстралингвистической мотивировкой преобладания форм единственного числа, 5) границей между *сингуляроидами* и «нормальными» словами можно считать 85% употреблений, приходящихся на формы единственного числа.

Ключевые слова: русский язык, компьютерная обработка текстов, формальное извлечение лексико-семантической информации о словах из текстов и корпусов; слова *Singularia tantum* и *сингуляроиды*

NOMINATIVE SINGULAR, PRAVDA AND SINGULAROIDS

A. Kretov

Voronezh State University

1 Universitetskaya ploshchad', 394018 Voronezh, Russian Federation

Abstract. The article considers nouns with the most common Nom.Sing. form. It has been established: 1) these words are united with the semantics of the independent actor, 2) the ratio of form Nom.Sing. indicates the extent of this independence, 3) idiomatic and grammatically related use of forms Nom.Sing. should be excluded before semantic interpretation of the words, 4) most of the words with dominant Nom.Sing. – these are *singularoids* with the extralinguistic motivation of the predominance of singular forms, 6) the boundary between *singularoids* and “normal” words can be considered 85% of the uses falling on singular forms.

Keywords: Russian language, computer text processing, formal extraction of lexical and semantic information about words from texts and corpora; words *Singularia tantum* and *singularoids*

Выдающийся отечественный лингвист Н. А. Кондрашов, столетие которого отмечаем мы в этом году, ставил в заслугу О. М. Бодянскому «прежде всего организацию преподавания “живых славянских языков, славянских литератур и истории славянских народов в Московском университете” [4, с. 51]» [7]. Данная статья выполнена в рамках проекта «Живой стилистический словарь русского языка» – по созданию электронного справочника нового поколения, который позволит увидеть

элементы лексики и фразеологии как в их динамике, так и в гендерно-социологическом аспекте [2; 3]. Внедрение в научную и учебную практику такого веб-сервиса позволит пользователям оперативно получать наиболее полную информацию о стилистической характеристике лексики и фразеологии родного языка [1].

Цель исследования состоит в том, чтобы проверить возможности применения теории, изложенной в работах В. Г. Руделёва [8] и А. Л. Шарандина [9; 10] к материа-

лу Национального корпуса русского языка. Данная публикация продолжает исследование, начатое в статье «Процесс плюрализации существительных по данным Национального корпуса русского языка» [6].

Рабочая гипотеза: распределение частот между падежными формами слова зависит от его семантики и может быть использовано для первичной формальной семантизации существительных.

Объектом исследования являются 100 наиболее употребительных существительных по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Исследование частотных характеристик падежных форм имеет более чем полувековую историю, пунктирно прочерченную в статье [5], однако попыток связать их частотность с их семантикой слов нам не известно. Это обстоятельство и всё возрастающие возможности новых информационных технологий позволяют рассматривать данное исследование как **актуальное**.

Парадигма существительного состоит из словоформ, представляющих разные падежные значения. Эти словоформы можно ранжировать в порядке убывания их частот. Сумму частот всех словоформ можно принять за единицу, тогда относительная частота каждой словоформы будет располагаться в интервале между

0 и 1. Словоформу с максимальной относительной частотой условимся называть *доминантной словоформой* или (короче) – *доминантой*.

Доминанта является основанием для (грубой, приблизительной) семантической классификации слов по их формальным характеристикам в одном тексте или множестве текстов.

В предыдущей статье рассматривались 11 слов с доминантными формами множественного числа (см. [6]).

Среди оставшихся 89 слов далеко не все наиболее частотные словоформы однозначны. Некоторые из них обслуживают несколько падежных значений (два и более), что усложняет картину их функционирования и усложняет семантическую интерпретацию соответствующих слов. В связи с этим представляется целесообразным начать анализ со слов, у которых преобладают по частоте семантически однозначные формы, обслуживающие одно падежное значение.

Таких форм оказалось 33. Их распределение относительно доминантных (т. е. наиболее употребительных форм) представлено на рис. 1.

Начнём рассмотрение с наиболее многочисленной группы существительных, у которых наиболее употребительной в па-

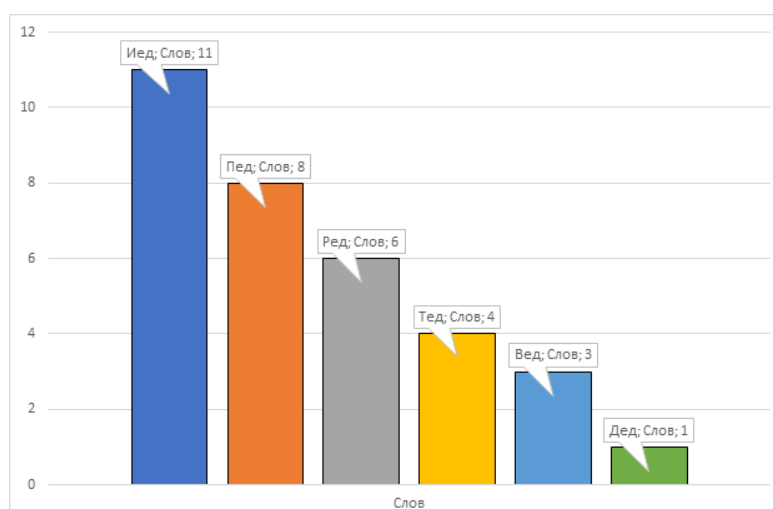

Рис. 1. Распределение существительных по наиболее частотным однозначным падежным формам

радигме является форма Именительного падежа единственного числа (Иед).

Существительные с доминантой Иед

Вот эти существительные: *машина, правда, мама, бог, товарищ, сын, президент, друг, отец, женщина, жена*.

Распределение этих слов по функциональной нагрузке (ФН) на доминантные формы (т. е. по относительной частоте) представлено на рис. 2.

Для проверки рабочей гипотезы проанализируем контексты НКРЯ со словами *правда* и *машина*, начав с *правды*.

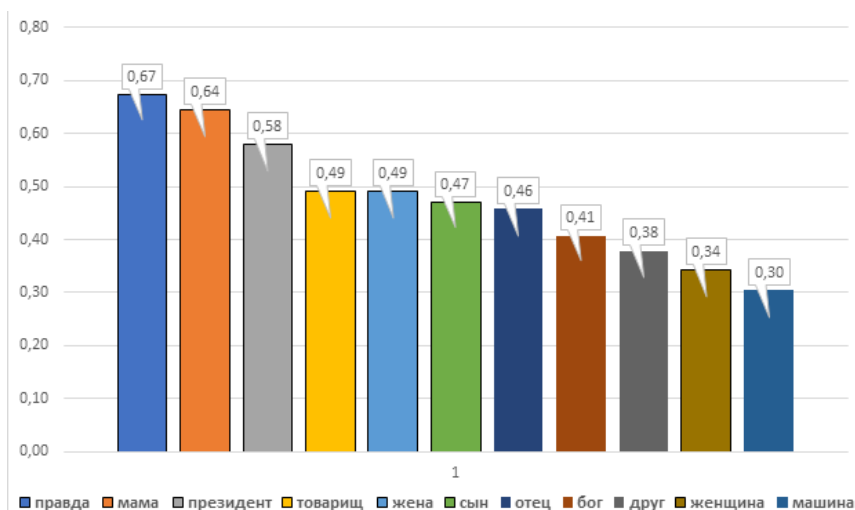

Рис. 2. Распределение слов по значениям относительной частоты Иед

Данные рис. 2 весьма интересны. Максимальную ФН (67%) доминантная форма имеет у абстрактного существительного *правда*, а минимальную (30%) – у конкретного существительного *машина*. Эти два слова явно инородны на фоне остальных, и попадание во множество Иед требует объяснения. Рабочей гипотезой может служить механизм олицетворения (уподобления человеку как *правды*, так и *машины*).

Все остальные слова объединены семантикой ‘самостоятельный деятель’ и (за исключением слова *бог*) – ‘человек’.

Если принять ФН на форму Иед за **меру власти и самостоятельности**, то окажется, что по этому показателю *мама* превосходит *президента* (о *боге* – умолчим). И это не удивительно: ведь *мама* взаимодействует с *ребёнком*, а *президент* – со взрослыми людьми.

Следующее множество составляют слова *товарищ*, *жена* (по 49%), *сын* (47%) и *отец* (46%). Показательно, что слов *подру-*

га, *муж*, *дочь* и *папа* в первой сотне наиболее частотных существительных НКРЯ не оказалось. Это косвенно свидетельствует о преобладании «взрослых» и «мужских» текстов в НКРЯ.

Следующее подмножество составляют слова *бог* (41%), *друг* (38%) и *женщина* (34%). Интересны получившиеся пары: *товарищ-жена* и *друг-женщина*, а также пара *сын-отец*. На фоне *мамы* (которая, конечно, может быть соотнесена с *сыном*, но по ФН нагрузке на 36% превосходит его) близость, почти тождественность ФН в паре *сын-отец* представляет эту пару как реальную, а пару *мать-сын* скорее как умозрительно-логическую.

Проверим, изложенную выше гипотезу, начав со слова *машина* и обратившись к контекстам употребления этого слова в НКРЯ.

Перепроверка распределения частот слова *машина* на большем материале НКРЯ дала результаты, представленные ниже в табл. 1.

Таблица 1

Распределение форм слова *машина* по частоте употребления в НКРЯ

Падеж	СлФорма	Раз	Отн
Ред/Имн/Вмн	машины	878	0,29150
Иед	машина	579	0,19223
Вед	машину	542	0,17995
Рмн	машин	428	0,14210
Дед	машине	364	0,12085
Тед	машиной	80	0,02656
Пмн	машинах	66	0,02191
Тмн	машинами	52	0,01726
Дмн	машинам	23	0,00764
ВСЕГО:		3012	1,00000

Данные табл. 1 свидетельствуют, что слово *машина* не принадлежит ни к числу слов с доминантой Иед (самая употребительная форма – *машины*), ни к числу грамматически однозначных форм (форма *машины* может употребляться в форме Ред: *Шоссе покрыто гладкой ледяной коркой, колеса машины скользят* [Татьяна Толстая. Ураган над Нью-Йорком // «Русская жизнь», 2012]; в форме Имн: *За время теста машины прошли примерно по 700 км.* [Анатолий Карпенков, Юрий Нечетов. Балтийские головастики (2003) // «За рулем», 2003.05.15]; в форме Вмн: *Погрузили в машины ящики с автоматами, винтовками, патронами, гранатами; ... сели в машины и умчались.* [Анатолий Рыбаков.

Тяжелый песок (1975–1977)]; В недельный срок предложено снести гараж – а куда машины деду? [И. Грекова. Дамский мастер (1963)]¹. Следовательно, слово *машина* не принадлежит к рассматриваемому в данный момент множеству и не нарушает логики его семантизации.

Обратимся к анализу слова *правда*. На первый взгляд, наша гипотеза о метафорическом употреблении слова *правда*, основанном на олицетворении, имеет основание. Достаточно привести стихотворение В. Высоцкого, целиком построенное на олицетворении:

¹ Здесь и далее примеры НКРЯ даются в тексте статьи со ссылками на источники и с указанием даты публикации.

Владимир Высоцкий «Притча о Правде и Лжи»

Булату Окуджаве

*Нежная Правда в красивых одеждах ходила,
Принарядившись для сырых, блаженных, калек,
– Грубая Ложь эту Правду к себе заманила:
Мол, оставайся-ка ты у меня на ночлег.*

И легковерная Правда спокойно уснула,

Слюни пустила и разулыбалась во сне,
– Грубая Ложь на себя одеяло стянула,
В Правду впилась – и осталась довольна вполне.

И поднялась, и скроила ей рожу бульдожью:
Баба как баба, и что её ради радеть?!
– Разницы нет никакой между Правдой и Ложью,
Если, конечно, и ту и другую раздеть.

Выплела ловко из кос золотистые ленты
И прихватила одежды, примерив на глаз;
Деньги взяла, и часы, и ещё документы,
– Сплюнула, грязно ругнулась – и вон подалась.

Только к утру обнаружила **Правда** пропажу
– И подивилась, себя оглядев делово:
Кто-то уже, раздобыв где-то чёрную сажу,
Вымазал чистую Правду, а так – ничего.

Правда смеялась, когда в неё камни бросали:
«Ложь это всё, и на Лжи одеянье моё...»
Двое блаженных калек протокол составляли
И обзывали дурными словами её.

Стервой ругали её, и похуже чем стервой,
Мазали глиной, спускали дворового пса...
«Духу чтоб не было, – на километр сто первый
Выселить, выслать за двадцать четыре часа!»

Тот протокол заключался обидной тирадой
(Кстати, навесили Правде чужие дела):
Дескать, какая-то мразь называется Правдой,
Ну а сама – пропилась, проспалась догола.

Чистая **Правда** божилась, клялась и рыдала,
Долго скиталась, болела, нуждалась в деньгах,
– Грязная Ложь чистокровную лошадь украла
– И ускакала на длинных и тонких ногах.

Некий чудак и поныне за Правду воюет,
– **Правда**, в речах его правды – на ломаный грош:
«Чистая **Правда** со временем восторжествует,
– Если проделает то же, что явная Ложь!»

Часто разлив по сто семьдесят граммов на брата,
Даже не знаешь, куда на ночлег попадёшь.
Могут раздеть, – это чистая **правда**, ребята,
– Глядь – а штаны твои носит коварная Ложь.
Глядь – на часы твои смотрит коварная Ложь.
Глядь – а конём твоим правит коварная Ложь.

(1977)

Во-первых, в этом тексте олицетворение орфографически выделено: *Правда*-личность пишется с заглавной буквы. Во-вторых, слово *правда* используется также в синтаксически и фразеологически связанных значениях (ниже такие употребления помечены разрядкой):

Некий чудак и поныне за Правду воюет,

– Правда, в речах его правды – на ломаный грош:

Могут раздеть, – это чистая правда, ребята,

Распределение частот в парадигме слова *правда* по данным НКРЯ представлено в табл. 2.

Таблица 2

Распределение форм слова *правда* по частоте употребления в НКРЯ

Падеж	СлФорма	Раз	Отн	ВводнС	Раз-2	Отн-2
Иед	правда	1851	0,76678	1283	568	0,50221
Вед	правду	254	0,10522		254	0,22458
Ред	правды	147	0,06089		147	0,12997
Дед	правде	99	0,04101		99	0,08753
Тед	правдой	54	0,02237		54	0,04775
Рмн	правд	3	0,00124		3	0,00265
Тмн	правдами	3	0,00124		3	0,00265
Тед	правдою	3	0,00124		3	0,00265
ВСЕГО:		2414			1131	

Употребление слова *правда* во множественном числе составляет 0,00248, т. е. менее ¼%. При этом слово *правда* не относится к словам *Singularia tantum*, но очень близко к этому. Такие слова можно было бы назвать *сингуляроидами* (от *Singular*[ia tantum] + суффикс *-оид* со значением ‘подобный’).

Как видим, более половины употреблений слова *правда* (1283 из 2414) приходится на употребление его в значении вводного слова: *Правда, при таком подходе могут появляться такие формы, как «умерел» вместо «умер», но это всегда можно отнести к особенностям авторского языка.* [В. Э. Карпов, Т. В. Мещерякова. Об автоматизации нетворческих литературных процессов // «Информационные технологии», 2004]; *Берет был заломлен лихо на ухо. Пера, правда, не было. Короче говоря, передо мною стоял Мефистофель.* [М. А. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман) (1936–1937)]; *Был,*

правда, «товарищ Абрам», но он официально проходил как «Крыленко» [Алексей Симонов. Борьба с крайностями (2003) // «Известия», 2003.02.25].

Из оставшихся 1283 употреблений слова *правда* часть употреблений (18) приходится на онимические – названия газет. Например: *Была ли это «Правда», «Сибирская правда» или «Баргузинская правда» (как и была ли это правда вообще) – припомнить не могу* [Дина Рубина. Медная шкатулка (сборник) (2015)].

Типичным контекстом употребления слова *правда* является его употребление в отождествительных контекстах (вопросительных или утвердительных): *Это правда. Надо прямо говорить, жизнь у нас дурацкая...* [А. П. Чехов. Вишневый сад (1904)]; *«Это правда?» – спросила Варя. Не ответил. «Значит, правда?»* Кивнул [И. Грекова. Фазан (1984)]; *Ну так вот, это чистая правда: мой отец всю жизнь сводил женщин с ума* [Вера Белоусова.

Второй выстрел (2000)]; *Это была правда, дядя Миша был щеголь, шил у лучших портных и сапожников и лошадей своих содержал, как никто* [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)].

Ещё один устойчивый контекст употребления этого слова – конструкция «Не правда ли?»: *Ведь она и так страдает, незачем же причинять лишнюю боль там, где это не нужно? Не правда ли? – Правда! – с восторгом согласился Ланэ* [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 2 (1943–1958)]; «– Да, возраст – это наш кошмар, не правда ли?» [И. Грекова. Летом в городе (1962)]; *Простите, но это более таинственное явление! Более или менее, не правда ли? Вы шутите, сэр?* [Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976]; *В этом воспоминании автор уверен, если с человеком случается что-либо экстраординарное, не то, что случается каждый день, он помнит, не правда ли?* [Эдуард Лимонов. У нас была Великая Эпоха (1987)].

Следует отметить, что наряду со «свободными» значениями существительного, слово *правда* (причём, в форме *Иед*) употребляется также в функции других частей и частиц речи: наречия – «Ты знаешь, Мухин *правда* хороший специалист, мы убедились в этом»; частицы – «Чудестный вечер, *правда?*»; вводного слова – «*И правда*, всю свою премию он перечислил в детский фонд»; уступительного союза – «Дом хороший, *правда*, старый»; междометия – «Лиза выходит замуж. – *Правда?* – Она сама мне сказала»¹.

Поскольку частота манифестации в тексте грамматических значений значительно превосходит частоту лексических значений, по-видимому, это и является одной из главных собственно лингвистических причин попадания слова *правда* в класс САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ, мар-

кированных доминантностью формы *Иед* в парадигме.

Тут уместно поставить вопрос о количественной границе между «нормальными» существительными и *сингуляроидами*. Ответ на это вопрос может быть получен только в результате отдельного масштабного исследования. Пока мы можем привести лишь данные, имеющиеся в нашем распоряжении. См. табл. 3 (без представленных выше данных по словам *машина* и *правда*).

Таблица 3

Распределение слов с доминантой *Иед* по доле форм единственного числа (в НКРЯ)

Леммы	_Раз	Ед	Мн
отец	297	0,94949	0,05051
бог	236	0,94492	0,05508
сын	162	0,93827	0,06173
президент	252	0,93254	0,06746
жена	357	0,88796	0,11204
мама	107	0,85047	0,14953
друг	330	0,76970	0,23030
товарищ	175	0,63429	0,36571
женщина	366	0,51009	0,48991

Наглядно данные табл. 3 представлены на рис. 3.

Средняя доля форм ед. числа 9 слов, приведённых на рис. 3 составляет 0,82419. Если принять её за границу между нормой и аномалией, то «нормальных» слов окажется всего три: *друг*, *товарищ* и *женщина*. Остальные придётся отнести к *сингуляроидам*.

При этом попадание в это множество слов *отец*, *Бог*, *президент*, *жена* и *мама* логично – по крайней мере для православно-го человека (не язычника – *Бог* един в трёх лицах) и не мусульманина (*жена* – одна).

¹ См.: Правда // Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. *Большой универсальный словарь русского языка* / под ред. В. В. Морковкина. М.: Словари XXI века: АСТ-ПРЕСС-ШКОЛА, 2016. С. 877.

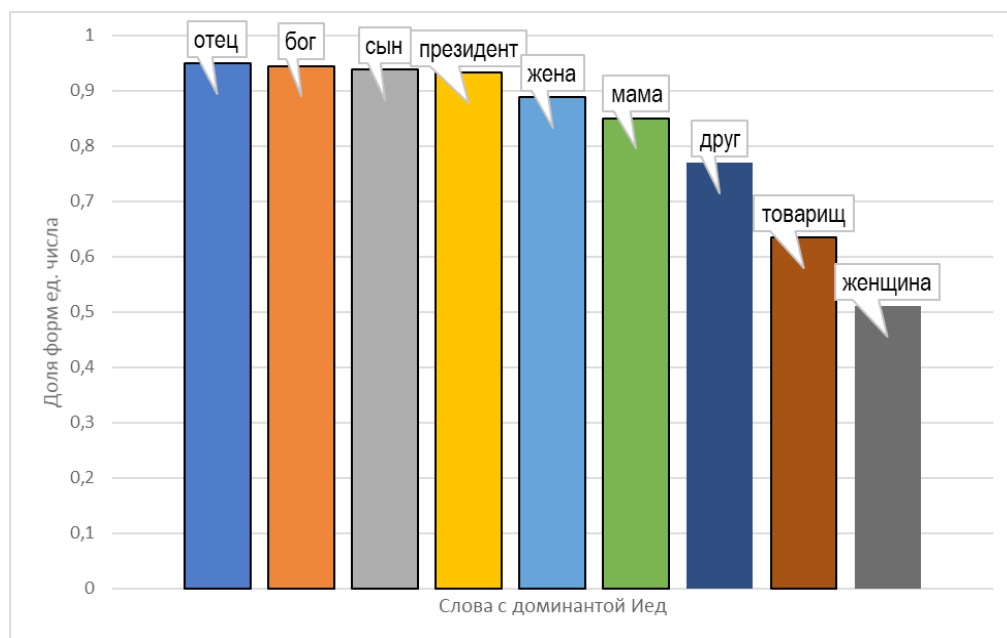

Рис. 3. Распределение слов с доминантой Иед по суммарной доле частот форм ед. числа в НКРЯ

Несколько неожиданно в этом множестве слово *сын* – ведь их может быть несколько. Неужели, это отражение демографической ситуации последнего полувека? Учитывая преобладание в НКРЯ текстов именно этого периода, такое предположение представляется правдоподобным. Тем более, что множественное число тяготеет к метафорическому употреблению типа «*России верные сыны*». Так из 581 примера, выданного НКРЯ, в 468 случаях (а это – более 80%) представлено не прямое, а метафорическое употребление. При этом 55 случаев употреблений – это фразеологизмы: 50 – *сукины сыны*, 3 – *чёртвы сыны*. Часто встречаются *сыны России, Израиля, Родины, Отечества, Отчизны, народа, страны, степей, гор*. Быть может, дело в конкуренции альтернативной формы – *сыновья* (2570 вхождений в НКРЯ против 1089 вхождений формы *сыны*). Эта форма в 22 случаях (3,7%) реализуется в конструкции *годиться в сыновья кому-л.*, (слово *сыны* в этой конструкции встречается гораздо реже: 1 раз на 581 пример (0,17%): *Ты мне в сыны три раза годишься, а ты со мной так разговаривайшь* [Василий Шукшин. Демагоги (1958)]).

Словосочетания типа *сыновья Отчизны* крайне редки: 2 случая из 598, по одному разу встретились *сыновья России, Заведья, Иакова, Хета, помещиков, трёх рек, Закатных Вершин и крылатых волков*. Формы *сыны* и *сыновья* явным образом специализируются: *сыновья* – на прямом значении (94% употреблений), *сыны* – на переносном (81%).

Завершая рассмотрение множества существительных с доминантой Иед, резюмируем: 1) это множество объединяет слова с семантикой *самостоятельного деятеля*, 2) доля форм Иед числа позволяет градуировать меру этой самостоятельности, 3) грамматические и фразеологически связанные употребления форм Иед являются искажающим и затемняющим фактором, который следует устранять перед этапом семантической интерпретации слов, 4) доля форм единственного числа у слов этой группы может существенно приближаться к единице, что превращает их в *сингуляроиды* – слова, занимающие промежуточное положение между «нормальными» словами и словами *Singularia tantum*, 5) **большую часть слов с доминантой Иед** представляют собой *сингуляроиды*

с экстралингвистической мотивировкой преобладания форм единственного числа, б) в рамках рассмотренного материала границей между *сингуляроидами* и «нормальными» словами можно считать 85% употреблений, приходящихся на формы

единственного числа, а границей между словами *Singularia tantum* и *сингуляроидами* 100% словоупотреблений: любая доля в интервале между 100 и 85% характеризует *сингуляроид*.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено в рамках проекта «Лингвистическая подготовка и создание электронного “Живого стилистического словаря русского языка”», поддержанного грантом РФФИ № 17-04-00421.

ACKNOWLEDGMENTS

The study was carried out as part of the project “Linguistic preparation and creation of the electronic “Living stylistic dictionary of the Russian language”, supported by the RFBR, grant No. 17-04-00421.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алгоритмы составления корпусов «Живого стилистического словаря русского языка» и его программная разработка / Авамилова Э. А., Векшин Г. В., Кретов А. А., Максимов Е. С. // Книга в современном мире: место в культурной парадигме общества в условиях цифровой революции: Материалы VII Международной научной конференции, посвященной 155-летию Воронежской областной универсальной научной библиотеки им. И. С. Никитина (Воронеж, 26–28 февраля 2019 г.) / науч. ред. Ж. В. Грачева. Воронеж: ООО «Принт», 2019. С. 4–19.
2. Векшин Г. В., Гейченко С. А. Основы стилистической семантики: учебное пособие. М.: Московский технологический университет (МИРЭА), 2017. 128 с.
3. Векшин Г. В., Шилихина К. М. Об источниках словника «Живого стилистического словаря русского языка» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 16–20.
4. Кондрашов Н. А. Осип Максимович Бодянский. М.: МГУ, 1956. 87 с.
5. Копотев М. В. К построению частотной грамматики: русские падежи по корпусным данным // Инструментарий русистики: корпусные подходы. Хельсинки: Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, 2008. С. 136–151.
6. Кретов А. А. Процесс плюрализации существительных по данным Национального корпуса русского языка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Системный анализ и информационные технологии. 2018. № 4. С. 147–161.
7. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. № 5. С. 81–89.
8. Руделёв В. Г. Динамическая теория частей речи русского языка // Собрание сочинений в 6 томах. Т. 6. Друг мой – язык. Избранные произведения по общему и русскому языкознанию. Тамбов: Издательство ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. С. 36–49.
9. Руделёв В. Г., Шарандин А. Л. Шифрующая роль глагольных грамматических категорий // Теория содержательной формы. Тамбов: ТГПИ, 1981, С. 32–54.
10. Шарандин А. Л. Лексико-семантические разряды русского глагола // Семантика языковых единиц. Т. 2. М.: СпортАкадемПресс, 1998. С. 46–50.

REFERENCES

1. Avamilova E. A., Vekshin G. V., Kretov A. A., Maksimov E. S. [Algorithms for compiling the corps of the “Living stylistic dictionary of the Russian language” and its software development]. In: *Kniga v sovremennom mire: mesto v kul'turnoi paradigme obshchestva v usloviyakh tsifrovoi revolyutsii: Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 155-letiyu Voronezhskoi oblastnoi universal'noi nauchnoi biblioteki im. I. S. Nikitina (Voronezh, 26–28 fevralya 2019 g.)* [The book in the modern world: a place in the cultural paradigm of society in the digital revolution: Materials of the VII

- International Scientific Conference dedicated to the 155th anniversary of Nikitin Voronezh Regional Universal Scientific Library (Voronezh, February 26–28, 2019)]. Voronezh, Print Publ., 2019. pp. 4–19.
2. Vekshin G. V., Geichenko S. A. *Osnovy stilisticheskoi semantiki* [Fundamentals of stylistic semantics]. Moscow, Moscow Technological University (MIREA) Publ., 2017. 128 p.
 3. Vekshin G. V., Shilikhina K. M. [About sources of the wordlist for the “Live stylistic dictionary of Russian language”]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2017, no. 3, pp. 16–20.
 4. Kondrashov N. A. *Osip Maksimovich Bodyanskii* [Osip M. Bodyansky]. Moscow, Moscow State University Publ., 1956. 87 p.
 5. Kopotev M. V. [To the construction of frequency grammar: Russian cases according to corpus data]. In: *Instrumentarii rusistiki: korpusnye podkhody* [Instrumentation of Russian Studies: Corps Approaches]. Helsinki, Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures Publ., 2008. pp. 136–151.
 6. Kretov A. A. [Formal analysis of the noun pluralization process using the Russian national corpus]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sistemnyi analiz i informatsionnye tekhnologii* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Systems analysis and information technologies], 2018, no. 4, pp. 147–161.
 7. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.
 8. Rudelev V. G. [Dynamic theory of parts of speech of the Russian language]. In: *Sobranie sochinenii v 6 tomakh. T. 6. Drug moi – yazyk. Izbrannye proizvedeniya po obshchemu i russkomu yazykoznaniiu* [Collected works in 6 volumes. Vol. 6. My friend – language. Selected works on General and Russian linguistics]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 2002. pp. 36–49.
 9. Rudelev V. G., Sharandin A. L. [The encryption role of verb grammatical categories]. In: *Teoriya sodержatel'noi formy* [The theory of substantial forms]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1981. pp. 32–54.
 10. Sharandin A. L. [Lexico-semantic categories of the Russian verb]. In: *Semantika yazykovykh edinit. T. 2* [The semantics of linguistic units. Vol. 2]. Moscow, SportAkademPress Publ., 1998. pp. 46–50.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кретов Алексей Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, директор научно-методического центра компьютерной лингвистики Воронежского государственного университета;
e-mail: kretov@rgph.vsu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey A. Kretov – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Director of the Scientific and Methodological Center of Computer Linguistics, Voronezh State University;
e-mail: kretov@rgph.vsu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кретов А. А. Именительный единственного, правда и сингуляроиды // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.
DOI:

FOR CITATION

Kretov A. A. Nominative singular, pravda and singularoids. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 5. pp. .
DOI:

УДК 81 (091)
DOI

ВЫНУЖДЕННАЯ ЛАКУНА В ТРУДАХ Н. А. КОНДРАШОВА ПО ИСТОРИОГРАФИИ СЛАВИСТИКИ: НОРВЕЖСКИЙ СЛАВИСТ ОЛАФ БРОК

Лённгрен Т. П.

*Университет Тромсё – Арктический Университет Норвегии
N-9037, г. Тромсё, Норвегия*

Аннотация. В статье излагаются сведения об эпистолярном наследии первого профессора славянских языков Университета Осло Олафа Брока. Одним из научных интересов Н. А. Кондрашова было изучение истории славистики и деятельности видных учёных начала прошлого века. Именно в то время в России были изданы фундаментальные труды норвежского исследователя, которые до сих пор остаются основополагающими в работах по фонетике славянских языков. Однако по политическим причинам Н. А. Кондрашов не мог упоминать об Олафе Броке, поэтому в его исследованиях по историографии славистики образовалась вынужденная лакуна. Заполнение этого пробела одинаково важно как для изучения истории славистики, так и для развития идей и начинаний, заложенных в трудах Н. А. Кондрашова.

Ключевые слова: история славистики, эпистолярное наследие, язык и культура, общее языкознание, социолингвистика, Олаф Брок

ENFORCED LACUNA IN N. KONDRASOV'S STUDIES ON HISTORIOGRAPHY OF SLAVISTICS: NORWEGIAN SLAVIST OLAF BROCH

T. P. Lönngrén

*The University of Tromsø – The Arctic University of Norway
PO Box 6050 Langnes, N-9037 Tromsø, Norway*

Abstract. The article presents facts about the epistolary legacy of Olaf Broch, the first professor of Slavic languages of the University of Oslo. One of the interests of N. Kondrashov was the study of the history of Slavistics and the works of renowned scholars at the beginning of the last century. This was the period when the excellent works of the Norwegian scholar were published in Russia, works that are still fundamental in the study of the phonetics of Slavic languages. However, for political reasons, N. Kondrashov could not mention Olaf Broch, which explains the enforced lacuna his account of the history of Slavic studies. To point out this lacuna is equally essential for the history of Slavic studies as for the correct evaluation of the ideas and initiatives found in the works of N. Kondrashov.

Keywords: history of Slavonic studies, epistolary heritage, language and culture, General linguistics, sociolinguistics, Olaf Broch

Несмотря на то, что одним из научных интересов Н. А. Кондрашова было изучение истории славистики и деятельности её выдающихся подвижников начала прошлого века [6–12; 17], о норвежском слависте Олафе Броке (1867–1961), ученике Ф. Ф. Фортунатова, В. Ягича, А. Лескина, друге и единомышленнике А. А. Шахматова, учёном с мировым именем, внесшем неце-

нимый вклад в развитие науки о славянских языках, в работах московского исследователя не упоминалось никогда.

Тем не менее блестящие работы Н. А. Кондрашова являются неопровержимым свидетельством того, что он не мог не знать о норвежском лингвисте, который по просьбе академика А. А. Шахматова и при хорошей финансовой поддержке

Императорской академии наук в 1902 г. в полевых условиях собрал материал о двух русских говорах и представил их описание в двух солидных трудах [1; 2]. Эти работы Брока, изданные в России в начале прошлого века, были и до сих пор остаются основополагающими в исследованиях диалектологов-фонетистов [4]. Кроме того, по предложению легендарного слависта И. В. Ягича, описанию научной деятельности которого Н. А. Кондрашов посвятил отдельную работу [6], норвежский исследователь принял участие в гигантском по объёму и значимости труде прошлого века «Энциклопедия славянской филологии» и описал фонетический строй всех славянских языков. Новаторская для своего времени работа Олафа Брока, изданная сначала на русском [3], а затем на немецком языке [21], была и остаётся актуальной в славистике [18]. Однако в своих трудах по истории славистики Н. А. Кондрашов был вынужден не упоминать эти фундаментальные труды, потому что их автор, первый профессор славянских языков Университета Осло Олаф Брок, избранный в 1916 г. членом-корреспондентом Императорской академии наук за весомый вклад в развитие науки о русском языке, в 1949 г. был исключен из АН СССР за «антисоветскую деятельность»¹.

Именно политическая обстановка, в которой талантливый учёный Н. А. Кондрашов в постоянной борьбе за выживание неустанно трудился на благо и развитие отечественной филологии [16], была причиной вынужденной лакуны, образовавшейся в его исследованиях по историографии славистики. Заполнение этого пробела одинаково важно как для изучения истории славистики, так и для развития идей и начинаний, заложенных в трудах Н. А. Кондрашова.

За два года до рождения будущего русского слависта Н. А. Кондрашова, под впе-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 132. Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) – ЦК КПСС. Д. 40. Л. 139.

чатлением потрясений в России после октябрьских событий 1917 г. Олаф Брок писал Алексею Александровичу Шахматову: «Как ни бурно время, но нельзя забывать о людях, личностях»². Именно в этих словах заключается основной смысл статьи, в которой речь пойдёт не только и не столько об Олафе Броке как исследователе, лингвисте, диалектологе, но о человеке, жизнь которого является примером безграничной любви к людям, неутомимой службы на благо славистики, международного сотрудничества и сохранения здоровых научных связей и отношений между людьми науки всегда: будь то во время исторических потрясений или в рутине повседневности.

Известно, что наилучшими свидетелями того, что человек чувствует и как реагирует на события в разных жизненных ситуациях, является переписка: именно в письме, а не в мемуарах или воспоминаниях в одно мгновение в определённый момент жизни отражается мысль на бумаге.

Эпистолярное наследие Олафа Брока представлено богатой перепиской, которая в настоящее время хранится в архивах разных стран³. Основная же её часть находится в рукописном отделе Норвежской национальной библиотеки в Осло, в архиве Олафа Брока, фонд Brevs. 337. Описания этого архива нет, но есть картотека, где на каждой карточке указаны имя и фамилия корреспондента, иногда годы его жизни, количество писем и их хронологические рамки. Сейчас силами сотрудников отдела начата работа по дигитализации этой картотеки⁴. Представленная в фонде эпи-

² Из письма О. Брока к А. А. Шахматову от 4.12.1917 (См.: Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН). Ф. 134. Шахматов Алексей Александрович. Оп. 3. Письма разных лиц к А. А. Шахматову. Ед. хр. № 186). Здесь и далее воспроизведение цитат из писем осуществляется в современной орфографии, явные ошибки устранены, авторская пунктуация сохранена.

³ Норвежская национальная библиотека в Осло (NB); Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН); Национальный исторический архив в Киеве (ЦДАК); Институт рукописей ЦНБ НАН Украины; Бахметьевский архив Колумбийского университета в США и др.

⁴ См.: Hanske: Katalog over privatarkiv og

столярная часть архива Брока хранится в тринадцати больших папках. Ещё в шести папках собраны до сих пор не описанные единицы эпистолярной части архива. Эти папки по просьбе исследователя могут быть предоставлены сотрудниками отдела для ознакомления, изучения и возможного описания.

По предварительным подсчётам в тринадцати папках находятся письма, открытки, телеграммы от 458 корреспондентов, писавших на разных языках: норвежском, шведском, датском, немецком, французском, английском, чешском, словацком, польском, сербском, хорватском, болгарском, русском и украинском. Встречается несколько корреспондентов, не придерживавшихся одного языка: одна часть их писем, например, по-русски, а другая – по-английски, немецки или французски. 134 корреспондента писали только на русском языке и четыре – только на украинском [27, s. 35–36].

Круг общения норвежского слависта на русском языке был очень широк: он переписывался с коллегами-филологами, известными учёными из других областей науки, писателями, дипломатами, политиками, родственниками и знакомыми коллег и друзей, разными людьми, обращавшимися к нему за помощью в поисках своих родственников, оформлении визы, оказания материальной помощи, передачи корреспонденции, передачи просьбы Фритьюфу Нансену и др. Не случайно В. Н. Огранович, личный секретарь первой русской женщины-философа В. Н. Половцовой, обращаясь к О. Броку за помощью в оформлении норвежской визы для своего руководителя, писала: «Простите, что беспокою Вас, но уж такая Ваша роль быть другом и помощником человечества»¹. А меткое определение, данное Броку его известным земляком

Кнутом Гамсуном, – «дипломат славянских народов» (из письма В. Крага О. Броку, – очень точно определяет деятельность норвежского слависта во время военных и революционных потрясений, обрушившихся на Европу в первой половине прошлого века.

В общении с филологами особое место занимает переписка с А. А. Шахматовым. В Норвежской национальной библиотеке в Осло хранится 104 письма академика Шахматова, адресованных Броку, а в Санкт-Петербургском филиале архива РАН – более 180 посланий Брока к Шахматову. В их корреспонденции, прежде всего, речь шла о научных делах, идеях, мыслях. Так, например, в мае 1899 г., после выхода первых работ в престижном «Архиве» Ягича [24; 25], а затем в Норвегии [22; 23], Брок писал Шахматову: «...я даже начинаю бояться, что никто меня не понимает и не хочет читать эти, конечно, не совсем легкие, работы... Но мне самому кажется, вне всякого сомнения, что если лингвистика движется вперед, будет время, когда и славяне будут пользоваться моими исследованиями, не только “шутя”»

В январе 1904 г. по поводу участия Брока в «Энциклопедии славянской филологии» Шахматов писал: «На Ваши наблюдения возлагаю так много надежд. Они должны послужить началом строго научного фонетического описания русского языка. И теперь такая радость. Очень доволен, что Вы примите деятельное участие в Энциклопедии. Доволен также Фортунатов, настаивавший на том, чтобы Вам, в области физиологии звуков, была предоставлена руководящая роль»².

После выхода книги «Очерк физиологии славянской речи» [3] Шахматов не скрывал восторга: «Ваша книга очень много читается и изучается. Меня это сильно радует. Вы в Ваших работах роднее и понятнее для меня, чем многие из современных фонетиков, вроде нашего Щербы»³.

Но не только мыслями о науке делился русский учёный со своим норвежским дру-

musikkmanuskripter [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nb.no/hanske/signaturfunn.php> (дата обращения: 13.09.2019).

¹ Норвежская национальная библиотека в Осло (далее – NB). Olaf Broch, Brevs. 337. Незарегистрированное письмо Н. В. Огранович О. Броку от 07.02.1927.

² NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 27.06.1924.

³ NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 08.11.1911.

Норвежский славист Олаф Брок (1867-1961).

гом: в марте 1905 г. он писал: «Как все мрачно, как пока мало надежды на мирное разрешение всей необъятной смуты! А наши дела на востоке, Мукден и Порт-Артур! Многие мечтают о победе, а я – только о мире! Победа заведет нас в Манчжурию, пожалуй, в Корею и даже в самый Китай: мы будем расти и своим ростом, потребностью роста оправдывать всякие внутренние безобразия»¹.

Во время Первой мировой войны переписка Брока и Шахматова превратилась в своеобразный почтамт организации международного сотрудничества учёных, оказавшихся изолированными в условиях войны: «Прошу не гневаться, что ... пользуюсь Вами в качестве почтамта. Уж время такое...»², – писал своему русскому другу О. Брок.

¹ NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 27.03.1905.

² СПФ АРАН. Ф. 134. Шахматов Алексей Александрович. Оп. 3. Письма разных лиц к А. А. Шахматову. Ед. хр. № 186, 04.12.1914.

Вот только несколько примеров из переписки этого времени, но уже они позволяют представить, насколько активной была деятельность учёных-славистов двух стран во время военного лихолетия:

«Вас прошу, как представителя нейтральной страны, сообщить о смерти Фортунатова Ягичу, Лескину, Брукману, Паулю, Боуеру, Бернекеру, а также другим, кого вспомните» (из письма А. А. Шахматова О. Броку, 26.09.1914)³;

«По просьбе Ягича, от которого я только что получил открытку, [...] передаю Вам следующее его желание: чтобы Вы на его месте занимались печатанием как собственной Вашей работы о старорусском языке, так и окончанием палеографии Лаврова и Калужняцкого» (из письма О. Брока А. А. Шахматову, 05.10.1914)⁴;

«Прилагаемое письмо от Ягича считаю себя в праве переслать прямо в Академию Наук, так как Ягич состоит академиком, и его письмо [...] касается телеграммы, дошедшей к нему со стороны Русского Министерства Иностранных дел. Прошу Вас просмотреть письмо и сообразить, что можно делать. При обращении к Министерству Иностранных дел, куда Вам, вероятно, надо будет заехать лично, прошу пользоваться – если не имеется у Вас лучших связей – моим личным знакомством и дружбой с Вице-директором II департамента Владимиром Александровичем Березниковым, передать ему сердечный поклон от меня и попросить его – необычайно дельного и умного человека – помочь нам» (из письма О. Брока А. А. Шахматову, 16.10.1914)⁵;

«Прошу Вас исполнить следующие две мои просьбы. Во-первых, напишите Ягичу, что Министр Военный по ходатайству нашего Президента предложил раненому или остаться в Харькове, или переехать в Ташкент, Пятигорск, Владикавказ. Во-

³ NB. Olaf Broch, Brevs. 337. Из письма А. А. Шахматова О. Броку, 26.09.1914.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 134. Шахматов Алексей Александрович. Оп. 3. Письма разных лиц к А. А. Шахматову. Ед. хр. № 186, 05.10.1914.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 134. Шахматов Алексей Александрович. Оп. 3. Письма разных лиц к А. А. Шахматову. Ед. хр. № 186, 16.10.1914.

Академик А. А. Шахматов (1864–1920).

вторых, переправьте заказным прилагаемое письмо профессора Львовского университета Господина Калленбах его жене. Он в совершенном отчаянии, что не имеет от нее известий. Успокойте Ягича насчет Энциклопедии» (из письма А. А. Шахматова О. Броку, 16.11.1914)¹;

«Письмо госпожи Калленбах, конечно, немедленно отправлено по адресу, заказным. Ягичу и Решетару я уже написал, очень радуюсь их радости! Современное с настоящим отправляю открытое же письмо господину Евграфу Ковалевскому, от которого имел письмо для пересылки господину Максиму Ковалевскому» (письмо О. Брока А. А. Шахматову на почтовой открытке со штампом досмотра цензурой, 04.12.1914)²;

«Ягич просит спросить Вас согласия войти на место Фортунатова, как сотрудника Архива. Даже в кружках науки ужасная

война привела как будто к потере уравновешенности. Я уверен в Вас, Алексей Александрович, и вообще в своих русских друзьях, что они не заразились этой дикой горячкой, против которой мы, дети нейтральных стран, будем бороться всеми силами, и поэтому прошу Вас от себя не отказываться от предложения Ягича. Ради указанной высшей цели устраняю свои личные чувства, вызванные разрывом между Ягичем и Лескиным несколько лет и т. п. [...] Когда призывает человечество, я не могу противостоять. [...] Мне кажется, что все то, что имеет хотя и мельчайшее соприкосновение с научным миром и его людьми, имеет также известное право обратиться именно к нам в это ужасное время. Пока не услышу от Вас другое мнение, я потому буду продолжать, как раньше, взывая к Вашему доброму сердцу и распорядительности» (из письма О. Брока А. А. Шахматову, 19.12.1914)³.

С окончанием войны жизнь в советской республике легче не стала. В предпоследнем письме Шахматов открыто пишет о тяжести существования, голоде, безысходности: «Живется у нас тяжело; не хватает денег, несмотря на увеличение жалованья. И каких может хватать денег, когда пуд ржаной муки стоит 800 р[ублей]; [...] Вообще мы голодаем [...]. Не приложу ума, что нас выведет из того ужаса, который мы переживаем»⁴.

В тяжелое время Олаф Брок всеми силами старался помочь Шахматову: «...смотрю очень мрачно на предстоящую России зиму; боюсь, что окажется Вам трудным, не только работать – кто может работать над наукой в такое время! – но просто питать себя и семью. Прошу не забыть, что есть у Вас друг. [...] Дайте в случае знать, я выхлопочу – уверен в том – разрешение переехать сюда; а то, что мы имеем, будем делить с Вами, пробиваясь таким образом до лучших дней»⁵.

¹ NB. Olaf Broch, Brevs. 337. Из письма А. А. Шахматова О. Броку, 16.11.1914.

² СПФ АРАН. Ф. 134. Шахматов Алексей Александрович. Оп. 3. Письма разных лиц к А. А. Шахматову. Ед. хр. № 186, 04.12.1914.

³ СПФ АРАН. Ф. 134. Шахматов Алексей Александрович. Оп. 3. Письма разных лиц к А. А. Шахматову. Ед. хр. № 186, 19.12.1914.

⁴ NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 09.02.1919.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 134. Шахматов Алексей Александрович.

В последнем письме Шахматов писал Брокку: «Я виноват перед Вами за то, что редко писал Вам в последнее время, но на душе было в последние месяцы так невыносимо тяжело, что письменная беседа даже с близким и дорогим человеком казалась невозможной. Мы теперь уже допиваем чашу позора до дна»¹.

Уже во время своей первой поездки в Москву в 1887 г. двадцатилетний студент Брок познакомился со своим будущим учителем и наставником Ф. Ф. Фортунатовым и находился в переписке с ним в течение 14 лет (1893–1907). В СПбФ АРАН сохранилось шесть писем Брока к Фортунатову, и три письма Фортунатова к Брокку находятся в Норвежской национальной библиотеке. Сравнение этих писем с перепиской Фортунатова с Шахматовым² свидетельствует о том, что русский профессор с одинаковой серьёзностью, интересом и строгостью относился к обсуждению научных проблем с обоими молодыми лингвистами и не делал никакой скидки на то, что для одного из них русский язык был неродной.

Олаф Брок переписывался со многими русскими лингвистами, литературоведами, писателями, поэтами. В его архиве хранятся письма В. А. Богородицкого, И. А. Бодуэна дэ Куртенэ, И. А. Бунина, К. Я. Грота, Ф. Е. Корша, Б. Ляпунова, Д. С. Мережковского, С. Ф. Ольденбурга, М. Д. Приселкова, Е. Перфецкого, П. Н. Сакулина, А. М. Селищева, П. Струве, В. И. Чернышева, В. Ф. Шишмарева, Р. О. Якобсона и др.

В трудные 1920-е гг. Брок вместе со скандинавскими учёными всячески старался поддержать своих собратьев-учёных в молодой советской республике. В архиве хранится ответ А. В. Луначарского Брокку о том, какую поддержку от государства получают советские учёные, и копия бла-

годарственного письма Луначарскому, написанного Брокком в июле 1921 г. от имени группы скандинавских учёных. В 1922 г. Брок получил два письма от И. П. Павлова, отправленных из Хельсинки, в которых великий русский физиолог благодарит норвежского коллегу за помощь, а в одном из писем горестно замечает, что только в письмах из-за границы можно избавиться от «рыбьего языка», которым вынуждены пользоваться в сообщениях, отправляемых из советской России [14, с. 88–91].

Благодаря стараниям Брока, его упорству, широкому кругу контактов на всевозможных уровнях, политехнический институт и институт Герцена в Ленинграде, а также институт в Воронеже получили микроскопы, о чём идет речь в письмах благодарных коллег.

В годы Первой мировой войны Брок принимал активное участие в деятельности Красного Креста, через который русским военнопленным было отправлено несколько тысяч книг на русском языке. В архиве Брока сохранились благодарности военнопленных с приложенными списками полученных книг, а также письмо из петроградского отделения Красного Креста о том, что впредь посылки из Норвегии русским военнопленным передаваться не будут.

Как и в переписке с Шахматовым, военные годы внесли свои коррективы в содержание общения Брока с другими коллегами-славистами: наряду с обсуждением лингвистических проблем они всё чаще обращаются друг к другу с просьбой разыскать место нахождения военнопленного, позаботиться о его пребывании, передать деньги или послать продукты. Так, например, из переписки Брока и В. А. Богородицкого³ (сохранилось одно письмо и одиннадцать почтовых открыток О. Брока В. А. Богородицкому, написанных в период 1915–1922 гг.) видно, как тематика обсуждения фонетических проблем сменяется просьбами о помощи и поддержке военнопленным.

Оп. 3. Письма разных лиц к А. А. Шахматову. Ед. хр. № 186, 09.06.1918.

¹ NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 24.07.1919.

² См.: Шахматов А. А. Избранная переписка в трех томах. Том 1. Переписка с Ф. Ф. Фортунатовым, В. Н. Пертцем, В. М. Истриным. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. С. 27–412.

³ См.: СПбФ АРАН. Ф. 898. Богородицкий Василий Алексеевич. Оп. 2. Письма. Ед. хр. № 14.

Вот пример из довоенного письма профессора Казанского университета Олафу Броку: «Многоуважаемый Коллега! Весьма благодарен Вам за присылку Вашего прекрасного труда по физиологии славянской речи¹, которым я намерен широко воспользоваться при своих будущих работах. Не говоря уже о богатстве содержания, он отличается редкой объективностью и изяществом изложения»². И далее В. А. Богородицкий продолжает обсуждать достоинства и достижения исследования своего норвежского коллеги и намечает конкретный план использования результатов этой работы в своих дальнейших исследованиях.

За следующие пять лет корреспонденция Брока и Богородицкого не сохранилась. Из более поздних сообщений Брока, написанных пять лет спустя на почтовых карточках с отметкой военной цензуры, видно, что тема переписки в этот период была очень далека от лингвистических проблем. Так, 3 апреля 1915 г. Брок обращается к Богородицкому за помощью совсем другого рода:

«Многоуважаемый Коллега, здешний мой коллега проф[ессор] Гольдшмидт³ обратился ко мне по следующему делу. Профессор минералогии Черновицкого (а раньше Венского) университета Михаил Старк попал в плен к русским 27 ноября, в качестве поручика 3-ей роты 22-го ландштурмского пехотного полка. Его перевели в Канск Енисейской губ[ернии]; потом известный шведский физик Аррениус и Петроградская академия выхлопотали для него позволение переехать в Казань, чтобы дать ему случай заниматься наукой. Мой коллега, который был в свое время учеником Старка, узнал, что последний находится в затруднительном экономическом положении; а так как семье Старка не удалось до сих пор послать ему денег, то

¹ Речь идёт о работе [3].

² NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 30.11.1910.

³ Гольдшмидт Виктор Мориц (1888–1947), норвежский геохимик, один из основоположников геохимии. Учился в Кристиании (Осло) и в Вене. С 1914 г. профессор минералогии и геологии университета в Осло.

Профессор В. А. Богородицкий (1857–1941).

Гольдшмидту вздумалось отправить ему отсюда. Он спрашивает меня, как устроить это. Зная по опыту Вашу большую любезность, я позволил себе указать ему на Вас и дал ему Ваш адрес. Он сегодня вышлет сумму – и так Вы будете знать, на что сумма назначена. Я уверен, что не рассердитесь! Теплые поклоны также от Ягича, с которым я в постоянной переписке»⁴.

На этой карточке есть запись, сделанная рукой В. А. Богородицкого: «Деньги переданы Старку под расписку у казанского командира генерала Н. В. Комарова 4 мая 1915 г.».

В следующем сообщении от 16 мая 1915 г., тоже написанном на почтовой карточке с отметкой военной цензуры, Брок пишет:

«Глубокоуважаемый Коллега! Получил сегодня карточку с вопросом, что делать с Гольдшмидтовыми деньгами, и сегодня карточку, что наконец узнал о назначе-

⁴ СПФ АРАН. Ф. 898. Богородицкий Василий Алексеевич. Оп. 2. Письма. Ед. хр. № 14.

нии суммы и передал, куда следует. Очень благодарит Вас Гольдшмидт через меня. Вероятно, Вы получили письмо от него, а через несколько дней получите еще открытку, заказную, все о тех же деньгах, которые, очевидно, привели Вас в большое недоразумение. Можно ли узнать через Вас, как поживает про[фессор] Старк? Гольдшмидт очень желал бы слышать об этом. А просит он меня еще передать г[осподину] Старку через Вас, что наконец, две недели т[ому] н[назад], родные С[тарк] а в Вене получили от него известия; пусть он успокоится по этому поводу! Как я желал бы переселиться с Вами на волжскую дачу – я сильно скучаю по России, хотя и у меня есть прелестная своя избушка в лесу, около фьёрда. Сердечные поклоны от меня и от сына Jens [Енса]. Весь Ваш Олаф Ив[анович]¹ Брок».²

До обнаружения этой переписки Брока с Богородицким из их биографий не было известно о том, что они знали друг друга.

С просьбой о розыске и оказании помощи родственникам-военнопленным обращались к Броку не только коллеги-учёные, но и совсем незнакомые люди. Красноречивым в этом отношении является письмо отчаявшейся матери трёх сыновей, соседки Шахматова по губаревскому имению Анны Ивановны Вязовской от 5 сентября 1919 г.:

«Многоуважаемый Олаф Иванович! Это письмо удивит Вас, что из какой-то Вязовки и Вязовская знает Вас там далеко в Норвегии. Мы сию минуту сидим с Алексеем Александровичем Шахматовым и разговариваем о Вас; он только что вернулся из Петрограда за семьей; 8 сентября выедет опять из Губаревки. В бытность Вашу в Губаревке³ мы виделись с Вами, но то уже было давно. Алексей Александрович

много говорил о Вашей доброте душевной и отзывчивости, и по совету его я к Вам и обращаюсь с большой просьбой: нет ли в Германии у Вас знакомых лиц, при посредстве которых можно было бы навести в лагерях военнопленных справку, не числится ли мой сын прапорщик 151 пехотного Пятигорского полка, пропавший без вести 11 июля, Сергей Сергеевич Вязовский. Если возможно, во имя всего святого прошу Вас.

Есть и другая просьба: сын доброволец 18 Сибирского стрелкового полка Александр Сергеевич Вязовский находится в германском плену, лагерь Güstrow in Mecklenburg. Varacke I. Ему посылалось несколько переводов на деньги, но до 2 августа он ещё не получал. Есть одно выражение в его письме: «Деньги я не получал, но если их обратно не услали, получу». Эта фраза меня наводит на мысль, что, вероятно, его некоторое время в Гюстрове не было, думаю, где-нибудь пленные были на работах. В каждом письме сын убедительно просит прислать ему что-нибудь съестного. По рассказам убежавших из плена солдатиков и вернувшихся инвалидами, жизнь в плену – это медленный измор голодом. За эту войну я потеряла убитым сына, пропавшим сына без вести, о котором прошу навести справки, и сына в плену.

Вы теперь поймете наше, родителей, душевное состояние. Сыну, томящемуся в плену, не можем помочь. Думали, думали я и Алексей Александрович и надумали обратиться к Вам. Алексей Александрович решительно убежден, что всё, зависящее от Вас, Вы исполните. По совету его я с этим письмом перевожу на Ваше имя 10 р[ублей] 42 [копейки], т. е. 20 крон, и прошу Вас на эти деньги купить что-нибудь из мучного, главным образом хлеба (удобнее в сушеном виде), сухарей и подобного тому и отослать посылкой в Германию. (Мы, русские, без хлеба голодаем). Я бы просила Вас не сразу на всю сумму закупить и отослать, а частями, дней через 5 или 6. Если Вам возможно и удобно исполнить мою просьбу, не отказывайте мне ответить по

¹ Так всегда подписывался Олаф Брок в неофициальных письмах, адресованных русским: несмотря на то, что у скандинавов нет отчества, русские уважительно называли Брока Олафом Ивановичем.

² СПФ АРАН. Ф. 898. Богородицкий Василий Алексеевич. Оп. 2. Письма. Ед. хр. № 14.

³ По личному приглашению Шахматова Брок посетил Губаревку дважды: будучи студентом, в 1891 г., и вместе с супругой Нини в 1902 г. [15].

следующему адресу [...]. Шахматовы и мы, Вязовские, шлем почтение с пожеланием всего хорошего. Анна Вязовская. PS: Не найдете ли возможным переслать прилагаемое письмо?»¹.

Эта просьба, как и большинство других, завершившихся письмами благодарности, была исполнена норвежским профессором.

Много писем, адресованных Броку, содержат просьбы о помощи в оформлении визы: просили не только друзья, знакомые, друзья друзей, но часто и сами дипломаты.

О том, что у Брока был широкий круг общения с российскими посланниками, в литературе уже упоминалось², но к этому следует добавить, что он был близок не только с С. В. Арсеньевым, В. А. Березниковым и К. Н. Гулькевичем, но и с А. М. Коллонтай. В архиве Брока сохранилось шесть её писем, полученных норвежским профессором в течение семнадцатилетней переписки (1929–1946), а также копии ответов Брока советской посланнице. Гражданская позиция норвежского профессора особенно отчётливо прослеживается в письмах к Коллонтай, написанных в феврале 1940 г., где речь идёт о событиях в Финляндии³:

«Многоуважаемая Александра Михайловна, как ни расходимся, вероятно, в политических взглядах, я не могу себе представить, чтобы мы были столь же удалены друг от друга по части гуманитарных чувств. А сколько ни различается Советская Россия от той, с которой я был знаком и близко связан, не могу себе представить, чтобы совсем исчезли те чувства

альтруизма и человечности, которые я видел и осязал много именно у покойных своих русских друзей. Потому и отважился на вопрос – прошу смеяться, если он чересчур наивен.

Как, со стороны наших кругов, и каким кругам Советской России Вы считали бы возможным дойти с обращением, рассказывающем о жестокостях и вызывающем к оказанию хоть некоторой гуманности по отношению к финляндскому народу? Не касаюсь вопроса о самом походе на Финляндию, имею в виду лишь бомбардировку беззащитного населения, нападения с воздуха на местности вне всякого отношения к военному делу. Не в интересах ли оно самой Советской России и всех нас, чтобы это прекратилось?

Жена кланяется.

В совершенном уважении О. Брок»⁴.

Незамедлительно пришёл довольно резкий ответ из Стокгольма:

«Уважаемый профессор, я получила Ваше письмо от 7 февраля. Понимаю вполне чувства, которыми это письмо продиктовано, но позвольте себе дать Вам совет, что намеченное Вами обращение едва ли принесло бы пользу делу. По-моему, весь вопрос в том, чтобы конфликт возможно

Чрезвычайный и полномочный посол СССР в Швеции А. М. Коллонтай (1872–1952)

¹ NB. Olaf Broch, Brevs. 337

² См., например: Гулькевич К. Н. Письма к Олафу Броку (1916–1923). М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 7–9.

³ Если верить воспоминаниям Коллонтай, в это время, 5.2.1940, она встречалась с министром иностранных дел Финляндии Таннером, приехавшим в Стокгольм. В любое время суток была вхожа в кабинет министра иностранных дел Швеции Гюнтера и посылала бесконечные срочные депеши, телеграммы, шифровки в Москву, стремясь во что бы то ни стало, как можно скорее приступить к мирным переговорам и прекратить кровопролитие (См.: Коллонтай А. М. Дипломатические дневники. 1922–1940. Том 2. Москва: Academia, 2001. С. 493–502).

⁴ См. копию письма: NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 07.02.1940. В то время Коллонтай была посланником советской республики в Швеции, в Стокгольме.

скорее закончился, а для этого нужна добрая воля не только с нашей стороны.

Я невольно думаю, где же были все друзья мира, когда мы в течение многих лет упорно пытались проводить в Женеве решения, которые предупреждали военные конфликты.

Еще одно: до Скандинавии, как и до всего мира, доходят только односторонние газетные сообщения и, при этом, естественно, пристрастные.

Прошу Вас, уважаемый профессор, передать мой привет Вашей супруге. С искренним уважением А. Коллонтай»¹.

Олаф Брок, вежливо поблагодарив Коллонтай за ответ, в лучших традициях дипломатического политаеса написал такой разгромный комментарий действиям советских вождей на территории Финляндии, что вряд ли могли остаться сомнения в его правоте у любого здравомыслящего человека, а не только у неординарной советской посланницы:

«Многоуважаемая Александра Михайловна, за Ваш ответ я очень обязан, прошу принять мою благодарность. Я склоняюсь к мысли, что обращение от тех норвежских рабочих кругов, которые раньше были в довольно близких сношениях с советским рабочим миром, не останется, может быть, без благотворного влияния. Следуя Вашему совету, откажусь пока от такой мысли.

Не кончить на этом? На что вообще частные слова отдельного лица в эпоху, которая приносит Ваальские жертвы своим лозунгам о классах, партиях, государствах, а забывает вполне о человеке, его правах и обязанностях. Однако, по старой привычке, не могу отказать себе в паре заметок на таковые же от уважаемого собеседника.

Безусловно примыкаю к Вам, что весь вопрос в том, чтобы конфликт возможно скорее закончился. По-вашему, для этого “нужна добрая воля не только с нашей стороны”. По-моему, нужно меньше того, нужна просто воля, и только с советской стороны. Воля на основании уразумения у советских

вождей, что есть у цивилизованных народов, также маленьких таковых, сознание права на известные условия жизни, которые им дороже самой жизни, и на которые поэтому никому не надо посягать. Признай советский режим это, и конфликт кончен. Молотову вряд ли трудно найти подходящую “формулу”; ведь до сих пор советская власть как будто не “в войне” с финляндским народом или государством? Или как это?

Вы спрашиваете “где же были все друзья мира, когда мы в течение многих лет упорно пытались проводить в Женеве решения, которые предупреждали военные конфликты.” Не может быть Вам неизвестно, Александра Михайловна, что нигде столь душевно и столь многочисленно не относились с сочувствием и доверием к этим попыткам, как тут у нас. Тем горче и разочарование, вызванное поступком нынешних Ваших вождей по отношению к Финляндии.

Да, если бы Вы не принадлежали к дипломатии этих вождей, я бы посочувствовал Вам как образованной русской женщине из бывшего освободительного движения, такой вопрос: не шепчет ли где-то в душе Вашей голос против этого поступка и жертвования на него страшной массы жизней, не только “Маннергеймской шайки”, но также и добрых русских людей, не говоря о невинном населении деревень и хуторов.

Конечно, сообщения вообще, как Вы говорите, односторонни и пристрастны. Стараюсь держаться наглядных фактов и судить по ним. А и те рассказывают, не правда ли, более чем достаточно о всём ужасе и сраме нашего времени. Невольно выныривает ежедневно, ежечасно вопрос: “Что делать?”

Жена отвечает приветом же. С совершенным уважением О. Брок».²

В архиве Брока хранятся документы, не только адресованные самому Броку, но и другим его корреспондентам, находившимся с Броком в регулярной переписке. Так, например, известно, что Брок переписывался с Гулькевичем³ [26, р. 41]. Несколько писем,

² См. копию письма: NB. Olaf Broch, Brevs. 337; 14.02.1940.

³ Гулькевич К. Н. Письма к Олафу Броку (1916–1923). М.: Новое литературное обозрение, 2017. 288 с.

¹ NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 10.02.1940.

Профессор Олаф Брок.
С фотографии 1947 г.

адресованных дипломату-невозвращенцу, тоже хранятся в архиве норвежского профессора. Как следует из работы Карелина В. А. «Профессор Олаф Брок – «агент» русского влияния в Норвегии? (из истории русско-норвежских общественных связей начала XX столетия)» [5], этот исторический материал может представлять большой интерес для исследователей российско-норвежских отношений начала прошлого века.

Олаф Брок высоко ценил интересы науки и международного сотрудничества. В биографии Брока до последнего времени никогда не упоминалось ни о том, что он был членом НАН Украины, ни о его научных связях с украинскими учёными. Именно из недавно найденного письма Михаила Сергеевича Грушевского Олаф Брок узнал, что в 23 июня 1924 г. он был единогласно избран членом-корреспондентом НАН Украины [26, р. 38]. В архиве Брока в Осло сохранилось девять писем Грушевского, восемь из них было написано украинским учёным в период эмиграции.¹ В последний день марта 1923 г. Грушевский писал: «[...] только

что получил Ваше письмо и чек на 100 швейцарских франков для украинской интеллигенции. Большое спасибо за лепту Вашу, и еще большее за тот теплый интерес, который Вы проявили по этому делу. Нансену при случае передайте, что я лично и мои друзья чрезвычайно ценим его помощь».

Менее чем через две недели Грушевский снова обращается к Броку: «Было бы очень желательно, чтобы Нансен нашел возможность передавать через свой аппарат продукты, деньги и вещи нашим коллективам по морю. [...] Надеюсь, что Вы не будете сердиться на меня, что я обременяю Вас этими нашими заботами; думаю, что они не трудны Вам, как не чужды страдания и русской интеллигенции и науки [...]».²

Но не только за продовольственной помощью обращался Грушевский к Броку: «Прошу сделать все возможное, чтобы через миссию Нансена наладить обмен книгами и пособиями. Мы – Украинский Институт и я – хотели передавать наши издания в Россию и Украину и получать оттуда, я думаю, что тоже хотел бы и Ягич, и много других, а иным путем, как через Вас и Нансена, это едва ли удастся. [...] В Киев в НАН нужно послать фонограф и пластинок для фольклорных записей, но нужна уверенность, что не пропадут».³

Видимо, по просьбе Грушевского фонограф так и не был доставлен в Киев, поскольку с новой просьбой о фонографе к Броку обратился заведующий Музыкально-этнографическим кабинетом Украинской Академии Климент Васильевича Квитка: «Так как мне известно об оказываемой Вами помощи научной работе Восточной Европы по Вашей близости к комитету Нансена, то я решаюсь покорнейше просить Вас иметь в виду нашу нужду в хорошем фонографе, а также, в случае если доктор Торнбостер при нынешних русско-германских трениях не сможет выслать сюда купленный им фонограф, оказать содействие к пересылке аппарата нашей Академии кружным путем, через нейтальную Норвегию».⁴

² NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 13.04.1923.

³ NB. Olaf Broch, Brevs. 337, без даты, предположительно: май, 1923 г.

⁴ NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 16.06.1924.

¹ См. подробнее письма М. С. Грушевского О. Броку, 1923–1927 гг.: NB. Olaf Broch, Brevs. 337.

В переписке норвежского слависта с украинскими коллегами речь шла не только об организации помощи через миссию Нансена. Среди специалистов хорошо известно о сотрудничестве Брока с Иваном Зилинским [3, с. 115, 223; 19].

На протяжении десятилетий продолжалась переписка Владимира Гнатюка и Брока: «Многоуважаемый добродетель! Поскольку я по происхождению галицкий русин, я давно интересуюсь и другими русинами [...]. Ваши работы меня убедили, что Вы заинтересовались угорскими русинами. Поэтому я решил познакомиться с Вами, думая, что это может принести нам общую пользу».¹ Как известно из истории науки, знакомство это было полезным: благодаря установившемуся сотрудничеству между двумя учёными в течение многих лет осуществлялись научные и культурные связи между Украиной и Норвегией [13].

Интереснейшая дискуссия по вопросам развития языка украинско-белорусского пограничья прослеживается в переписке Брока с украинским лингвистом Еленой Курило (сохранились четыре письма Е. Курило О. Броку²).

В течение долгой жизни Брока у его современников никогда не возникало вопросов об отношении норвежского профессора к Украине, украинскому языку и культуре, о чём свидетельствуют строки из писем не только украинцев, находившихся в родной стране, но и пребывающих далеко за её пределами. Так, например, Н. Левицкий, находясь в Стокгольме, писал: «Мне Ваше первое письмо очень хорошо запомнилось, где Вы, между прочим, писали, извиняясь, что пишете по-русски, хотя и знаете наш украинский язык, но не настолько, писали Вы тогда, чтобы свободно писать и высказываться. Я об этом много раз говорил и писал в прессе, приводил Ваши слова, как показатель высокой культуры Вашего отношения ко всему украинскому народу и его культуре, чего часто нет у тех людей, которые живут в Украине, не говоря ничего уже о России».³

Из Канады писал профессор Я. Рудницкий: «Благодарю Вас сердечно за Ваше ценное письмо. Оно свидетельствует о Вашем объективном подходе к проблемам Восточной Европы, и я чрезвычайно рад, что благодаря Вам проблема украинского языка нашла место в академической программе в Осло».⁴

По случаю юбилея Олаф Брок получил благодарственное письмо от Комитета украинцев Канады в Виннипеге: «Украинцы Канады будут всегда благодарны Вам за Ваше внимание к проблемам Украины. А Ваши мысли, которые по этому поводу Вы высказали профессору Рудницкому, надолго останутся в нашей памяти».⁵

Во время военного лихолетья начала прошлого века Олаф Брок обратился к коллегам-славистам с призывом: «Пользуйтесь мною, если могу быть к услуге. Ведь при общем разрыве всех связей даже такое слабенькое звено, как я, может принести известную пользу» (из письма О. Брока А. А. Шахматову от 16.10.1914⁶). Это обращение норвежского «дипломата славянских народов» остаётся актуальным и в наши дни.

В завершение экскурсии в эпистолярное наследие норвежского слависта нельзя не упомянуть ещё об одном интересном факте из его жизни.

Как было сказано выше, в июне 1902 г. по официальному приглашению Императорской академии наук Олаф Брок отправился в Россию для сбора диалектных материалов. Поехал он не один, а со своей женой Нини. После экспедиции в Мосальский уезд и короткого визита к Шахматову, который с семьёй в летнее время находился в своём имении в Губаревке, Нини уехала в Норвегию, а Олаф задержался ещё на месяц в Ярославской губернии.

В марте 1903 г., т. е. через девять месяцев после диалектологической экспедиции в Россию, в семье Броков родилась дочь Марианна, которую друзья в письмах так и называли «русская девочка».

¹ См. письмо В. Гнатюка О. Броку от 31.03.1898: NB. Olaf Broch, Brevs. 337.

² NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 18.12.1924, 04.02.1925, 23.02.1925, 09.04.1925.

³ NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 14.08.1927.

⁴ NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 04.12.1957.

⁵ NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 09.12.1957.

⁶ NB. Olaf Broch, Brevs. 337. Ср. также высказывания А. А. Шахматова по украинскому вопросу [20]).

В четырнадцатой папке, среди незарегистрированных писем, хранится письмо Брока к дочери Марианне, написанное в Осло в феврале 1928 г. Нелегко найти слова, чтобы описать любовь норвежского слависта к России, её народу и языку, а тот факт, что он по-русски переписывался со своей дочерью, норвежской «русской девочкой», – явление совершенно уникальное и в словах вряд ли нуждается.

В найденном письме Брока к дочери наглядно проступает образ любящего отца, который старается передать своему ребёнку всё самое лучшее и самое ценное, что он приобрёл в жизни: любовь к русскому языку и к той России, в которую он влюбился двадцатилетним студентом и был верен этой любви до конца жизни.

В нём Брок очень мягко и тактично комментирует ошибки, допущенные дочерью в письме к нему, и доходчиво, с методичной последовательностью объясняет грамматические вопросы и правила правописания: «Дорогая, милая дочка, мне очень забавно читать твоё русское письмо. Оно показывает, что ты работаешь не без успехов, хотя в нём, конечно, много ошибок, но оно везде вполне понятно. Я думаю, что тебе будет полезно, чтобы я указывал и поправлял все

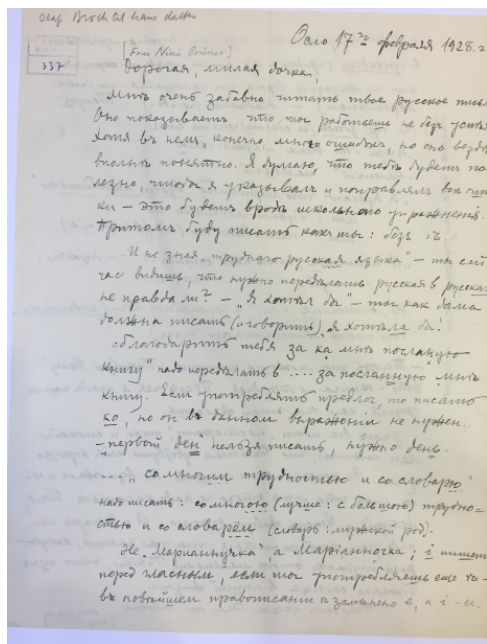
ошибки – это будет вроде школьного упражнения. Притом буду писать, как ты: без *ъ*. И не зная «трудного русская языка» – ты сейчас видишь, что нужно переделать русская в русский, не правда ли? – «Я хотел бы» – ты как дама должна писать (и говорить) «я хотела бы»; «благодарить тебя за посланную ко мне книгу» надо переделать в ...за посланную мне книгу. Если употребить предлог, то писать ко, но он в данном выражении не нужен. «Первый ден» нельзя писать, нужно день. «Со многим трудностью и со словарю» надо писать: со многую (лучше: большую) трудностью и со словарём (словарь: мужской род).

Не Марианнучка, а Марианночка: *i* пишется перед гласными, если ты употребляешь еще *ъ* – в новейшем правописании *ъ* заменено *e*, а *i* – *и*.

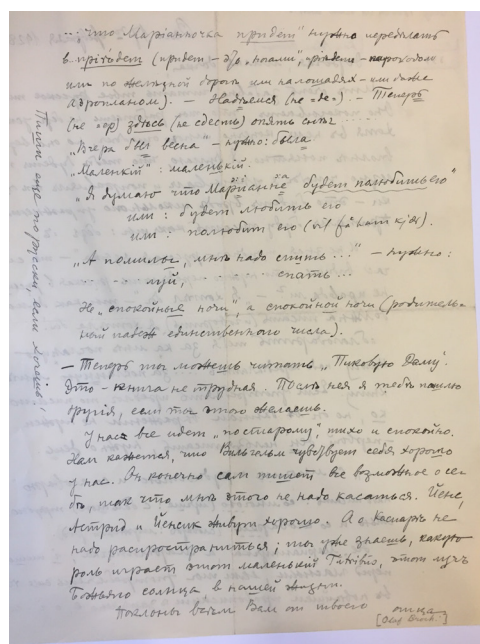
... «что Марианночка придет» нужно переделать в приедет (придет – это «ногами», приедет – парходом или по железной дороге или на лошадах или даже аэропланом).

Надѣмся (не «де»). – Теперь (не «ер») здесь (не сдесь) опять снег... «Вчера быд весна» – нужно: была. «Маленкий»: маленький.

«Я думаю что Мари(и)анне(а) будет полюбить его» или: будет любить его или: полюбит его (vil få ham kjær).

Письмо О. Брока дочери Марианне на русском языке. Автограф. Осло, 17 февраля 1928 г. [NB. Brevs. 337]

Письмо О. Брока дочери Марианне на русском языке (окончание). Автограф. Осло, 17 февраля 1928 г.

«А помилы, мне надо сплить...» – нужно: ...луй, ...спать ...не «споклойные ночи», а споклойной ночи (родительный падеж единственного числа).

Теперь ты можешь читать «Пиковую Даму». Это – книга не трудная. После нее я тебе пошлю другие, если ты этого желаешь. [...]

Поклон всем Вам от твоего отца Olaf Broch [подпись]. Пиши еще по-русски, если хочешь».¹

Подводя итог сказанному о составе архива Олафа Брока, который хранится в Норвежской национальной библиотеке в Осло, следует подчеркнуть, что здесь была представлена только эпистолярная его часть. Необходимо также указать на то, что описание материала имеет предварительный характер.

К сожалению, в настоящее время архивные документы как в России, так и в Норвегии крайне редко привлекают внимание филологов и зачастую находятся за пределами ис-

следовательских интересов, поскольку при современном развитии технологий можно проводить исследования на материале миллионов национальных корпусов, не покидая уютного кабинета и не отходя от компьютера. Трудоёмкому изнурительному поиску архивных материалов, без которых немислимо полноценное изучение истории науки, отдают свои силы, здоровье и время только единицы филологов, которые по-другому жить и работать не могут. Но ведь занимаясь наукой, преступно не изучать наследие и не чтить память тех, кто стоял у её истоков, ссылаясь на обстоятельства или другие приоритеты, потому что «как ни бурно время, но нельзя забывать о людях, личностях».

Отмечая юбилей историографа науки филолога-слависта Н. А. Кондрашова важно не только вспомнить о его вкладе в славяноведение, но и наметить новые пути в развитии идей учёного, изложенных как в изящных формулировках его блестящих трудов, так и читаемых между строк.

¹ NB. Olaf Broch, Brevs. 337, 17.02.1928.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брок О. Говоры к западу от Мосальска. Петроград: типография Императорской Академии наук, 1916. 128 с.
2. Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. Сборник Отделения русского языка и словесности. Т. 83. № 4. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1907. 151 с.
3. Брок О. Очерк физиологии славянской речи // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 5:2 / под ред. И. В. Ягича. СПб.: Издание Императорской АН, 1910. 262 с.
4. Дьяченко С. В. Труды Олафа Брока и современное исследование архаического южнорусского вокализма // Слов'янський світ Олафа Брока: Збірник за матеріалами доповідей семінарів до 150-річчя від дня народження першого професора слов'янських мов Університету Осло. Львів: НТШ ім. Шевченка, Університет Осло, НАН України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2018. С. 49–59.
5. Карелин В. А. Профессор Олаф Брок – «агент» русского влияния в Норвегии? (из истории русско-норвежских общественных связей начала XX столетия) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. Вып. 1. С. 5–15.
6. Кондрашов Н. А. «Архив славянской филологии» и его роль в истории славистики // Проблемы исторической лексикологии и семасиологии русского языка: Лингвистический сборник. Вып. 8. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1977. С. 3–12.
7. Кондрашов Н. А. Вклад Бодуэна де Куртенэ в общее языкознание и славистику (К 150-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1995. № 3. С. 96–99.
8. Кондрашов Н. А. Жизнь и труды Павла Иозефа Шафарика (К двухсотлетию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1995. № 1. С. 97–102.
9. Кондрашов Н. А. Изучение западнославянских языков в России и СССР // Вопросы славянского языкознания. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 153–173.
10. Кондрашов Н. А. Казимеж Нитш (К столетию со дня рождения) // Лингвистический сборник:

- сборник трудов МОПИ им. Н. К. Крупской. Вып. 4. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1975. С. 3–10.
11. Кондрашов Н. А. Николай Сергеевич Трубецкой (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1990. № 2. С. 98–103.
 12. Кондрашов Н. А. Славянские языки. 3-е изд. М.: Просвещение, 1986. 239 с.
 13. Кузьменко О. Наукова та організаційна діяльність Володимира Гнатюка в Науковом Товаристві ім. Шевченка: взаємими з Олафом Броком // Слов'янський світ Олафа Брока: Збірник за матеріалами доповідей семінарів до 150-річчя від дня народження першого професора слов'янських мов Університету Осло. Львів: НТШ ім. Шевченка, Університет Осло, НАН України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2018. С. 60–89.
 14. Лёнгрен Т. П. «Друг и помощник человечества»: переписка норвежского слависта Олафа Брока // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 12. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. С. 82–97.
 15. Лёнгрен Т. П. «...Собрал ряд наблюдений над настоящим состоянием России»: Путевые заметки Олафа Брока // Брок О. Диктатура пролетариата. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 2018. С. 169–173.
 16. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. Т. 80. № 5. С. 81–89.
 17. Пражский лингвистический кружок: сборник статей / сост., ред. и предисл. Н. А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967. 559 с.
 18. Тер-Аванесова А. В. Книга Олафа Брока «Очерк физиологии славянской речи» и ее значение для изучения фонетики славянских языков // Слов'янський світ Олафа Брока: Збірник за матеріалами доповідей семінарів до 150-річчя від дня народження першого професора слов'янських мов Університету Осло. Львів: НТШ ім. Шевченка, Університет Осло, НАН України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2018. С. 226–245.
 19. Хобзей Н. Українське тло лінгвістичних студій Олафа Брока // Слов'янський світ Олафа Брока: Збірник за матеріалами доповідей семінарів до 150-річчя від дня народження першого професора слов'янських мов Університету Осло. Львів: НТШ ім. Шевченка, Університет Осло, НАН України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2018. С. 246–262.
 20. Шахматов А. А. О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племен, населяющих Россию // Московский журнал. История государства Российского. 1999. № 9. С. 21–28.
 21. Broch O. Slavische phonetik. Heidelberg: Carl Winter, 1911. 347 p.
 22. Broch O. Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn. Kristiania, 1897. 76 p. (= Videnskabselskabets Skrifter. II. Historisk-filosofiske Klasse, No. 5).
 23. Broch O. Weitere Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn. Kristiania: Grøndhal & Søns Bogtrykkeri, 1899. 104 p.
 24. Broch O. Zum Kleinrussischen in Ungarn // Archiv für slavische Philologie. 1895. Bd. 17. S. 321–415.
 25. Broch O. Zum Kleinrussischen in Ungarn. II. Der Dialekt von Ublya // Archiv für slavische Philologie. 1897. Bd. 19. S. 1–21.
 26. Lönngren T. «...прошу не забыть, что есть у Вас друг»: Олаф Брок и Алексей Александрович Шахматов // Slovo: Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures. 2015. Vol. 56. P. 37–57.
 27. Lönngren T. Архив профессора Олафа Брока в Норвежской Национальной Библиотеке // Slovo: Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures. 2016. Vol. 57. P. 35–47.

REFERENCES

1. Broch O. *Govory k zapadu ot Mosal'ska* [Dialects to the West of Mosalsk]. Petrograd, tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1916. 128 p.
2. Broch O. *Opisanie odnogo govora iz yugo-zapadnoi chasti Totemskogo uezda. Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti. T. 83. №4* [The description of one dialect from the South-Western part of the Totema district. The collection of the Department of Russian language and literature. Vol. 83. No. 4]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1907. 151 p.
3. Broch O. [Essay on physiology of Slavonic speech]. In: Yagich I. V., ed. *Entsiklopediya slavyanskoi filologii. Vip. 5:2* [Encyclopedia of Slavic Philology. Iss. 5:2]. St. Petersburg, Izdanie Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1910. 262 p.
4. D'yachenko S. V. [The works of Olaf Broch and the modern study of the archaic southern Russian vocalism]. In: *Slov'yans'kii svit Olafa Broka: Zbirnik za materialami dopovidei seminariv do 150-richchya*

- vid dnya narodzhennya pershogo profesora sloveyans'kikh mov Universitetu Oslo* [The Slavic World of Olaf Broch: Collection of Proceedings from Seminars to the 150th Anniversary of the First Professor of Slavic Languages at Oslo University]. Lviv, Shevchenko Scientific Society, Oslo University, National Academy of Science of Ukraine, Institute of Ukrainian Studies named after I. Krypiakevich Publ., 2018, pp. 49–59.
5. Karelin V. A. [Professor Olaf Broch – an “Agent” of Russian Influence in Norway? (a Glimpse of the Russian-Norwegian Cultural and Sociopolitical Relations in the Early 20th Century)]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [“Vestnik of Northern (Arctic) Federal University”. Humanitarian and Social Sciences], 2013, no. 1, pp. 5–15.
 6. Kondrashov N. A. [“Archive of Slavic Philology” and its role in the history of Slavic studies]. In: *Problemy istoricheskoi leksikologii i semasiologii russkogo yazyka: Lingvisticheskii sbornik. Vip. 8* [Problems of historical lexicology and semasiology of the Russian language: Linguistic collection. Iss. 8]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1977, pp. 3–12.
 7. Kondrashov N. A. [Contribution of Baudouin de Courtenay to General Linguistics and Slavic Studies (to the 150th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 1995, no. 3, pp. 96–99.
 8. Kondrashov N. A. [Life and works of Pavel Joseph Shafarik (to the 200th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 1995, no. 1, pp. 97–102.
 9. Kondrashov N. A. [Study of West Slavic languages in Russia and in the Soviet Union]. In: *Voprosy slavyanskogo yazykoznavaniya. Vip. 2* [Questions of Slavic linguistics. Iss. 2]. Moscow, USSR Academy of Science Publ., 1957, pp. 153–173.
 10. Kondrashov N. A. [Kazimierz Nitsch (to the 100th anniversary)]. In: *Lingvisticheskii sbornik: sbornik trudov MOPI im. N. K. Krupskoi. Vip. 4* [Linguistic collection: collection of works of Krupskaya Moscow Region Pedagogical Institute. Iss. 4]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1975, pp. 3–10.
 11. Kondrashov N. A. [Nikolai Sergeevich Trubetsky (to the 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 1990, no. 2, pp. 98–103.
 12. Kondrashov N. A. *Slavyanskie yazyki* [Slavic languages]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986. 239 p.
 13. Kuz'menko O. [Volodymyr Hnatyuk's Scientific and Organizational Activity in the Shevchenko Scientific Society: in a relationship with Olaf Broch]. In: *Slov'yans'kii svit Olafa Broka: Zbirnik za materialami dopovidei seminariv do 150-richchya vid dnya narodzhennya pershogo profesora sloveyans'kikh mov Universitetu Oslo* [The Slavic World of Olaf Broch: Collection of Proceedings from Seminars to the 150th Anniversary of the First Professor of Slavic Languages at Oslo University]. Lviv, Shevchenko Scientific Society, Oslo University, National Academy of Science of Ukraine, Institute of Ukrainian Studies named after I. Krypiakevich Publ., 2018, pp. 60–89.
 14. Lönnngren T. P. [“Friend and helper of mankind”: correspondence of the Norwegian Slavic Olaf Broch]. In: *Vestnik «Al'yans-Arkheo». Vip. 12* [Bulletin of the Alliance Archeo. Iss. 12]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo Publ., 2015, pp. 82–97.
 15. Lönnngren T. P. [“... Collected a number of observations on the current state of Russia”: Travel notes by Olaf Broch]. In: Broch O. *Diktatura proletariata* [The dictatorship of the proletariat]. Moscow, Izdatelstvo imeni Sabashnikovykh Publ., 2018. pp. 169–173/
 16. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.
 17. Kondrashov N. A., ed. and comp. *Prazhskii lingvisticheskii kruzhok: sbornik statei* [The Prague linguistic circle: a collection of articles]. Moscow, Progress Publ., 1967. 559 p.
 18. Ter-Avanesova A. V. [The book of Olaf Broch “Essay on the physiology of Slavic speech” and its significance for the study of the phonetics of Slavic languages]. In: *Slov'yans'kii svit Olafa Broka: Zbirnik za materialami dopovidei seminariv do 150-richchya vid dnya narodzhennya pershogo profesora sloveyans'kikh mov Universitetu Oslo* [The Slavic World of Olaf Broch: Collection of Proceedings from Seminars to the 150th Anniversary of the First Professor of Slavic Languages at Oslo University]. Lviv, Shevchenko Scientific Society, Oslo University, National Academy of Science of Ukraine, Institute of Ukrainian Studies named after I. Krypiakevich Publ., 2018, pp. 226–245.
 19. Khobzei N. [Olaf Broch's Ukrainian Linguistic Studio Background]. In: *Slov'yans'kii svit Olafa Broka: Zbirnik za materialami dopovidei seminariv do 150-richchya vid dnya narodzhennya pershogo profesora sloveyans'kikh mov Universitetu Oslo* [The Slavic World of Olaf Broch: Collection of Proceedings from Seminars to the 150th Anniversary of the First Professor of Slavic Languages at Oslo University]. Lviv, Shevchenko Scientific Society, Oslo University, National Academy of Science of Ukraine, Institute of

- Ukrainian Studies named after I. Krypiakevich Publ., 2018., pp. 246–262.
20. Shakhmatov A. A. [On the state tasks of the Russian people in connection with the national tasks of the tribes inhabiting Russia]. In: *Moskovskii zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo* [Moscow Journal. History of Russian Government], 1999, no. 9, pp. 21–28.
 21. Broch O. *Slavische phonetik*. Heidelberg, Carl Winter Publ., 1911. 347 p.
 22. Broch O. *Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn*. Kristiania, 1897. 76 p. (= Videnskabselskabets Skrifter. II. Historisk-filosofiske Klasse, No. 5).
 23. Broch O. *Weitere Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn*. Kristiania, Grøndhal & Søns Bogtrykkeri Publ., 1899. 104 p.
 24. Broch O. *Zum Kleinrussischen in Ungarn*. In: *Archiv für slavische Philologie*, 1895, Bd. 17, S. 321–415.
 25. Broch O. *Zum Kleinrussischen in Ungarn. II. Der Dialekt von Ublya*. In: *Archiv für slavische Philologie*, 1897, Bd. 19, S. 1–21.
 26. Lönngren T. [“... please do not forget that you have a friend”: Olaf Broch and Aleksej Aleksandrovič Šachmatov]. In: *Slovo: Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures*, 2015, vol. 56, pp. 37–57.
 27. Lönngren T. [Professor Olaf Broch’s archive in the National Library of Norway]. In: *Slovo: Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures*, 2016, vol. 57, pp. 35–47.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лённгрен Тамара Павловна – доктор филологических наук, профессор кафедры языка и культуры Университета Тромсё – Арктического Университета Норвегии;
e-mail: tamara.lonngren@uit.no

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tamara P. Lönngren – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Department of Language and Culture, University of Tromsø (UiT) – The Arctic University of Norway;
e-mail: tamara.lonngren@uit.no

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лённгрен Т. П. Вынужденная лакуна в трудах Н. А. Кондрашова по историографии славистики: норвежский славист Олаф Брок // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.

FOR CITATION

Lönngren T. P. Enforced lacuna in N. Kondrasov’s studies on historiography of slavistics: Norwegian slavist Olaf Broch. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp.

УДК 81.115-811.16

DOI

ПРОФЕССОР Н. А. КОНДРАШОВ И ЕГО ВКЛАД В СЛОВАКИСТИКУ

Лифанов К. В.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируются труды Н. А. Кондрашова по словацкому языку и словакистике в целом: освещаются проблемы диалектологии, развития литературного языка и деятельность видных учёных. Подчёркивается их значение для словакистики. Автор обращает внимание на оригинальность и новизну общелингвистической проблематики трудов Н. А. Кондрашова. Особое внимание уделено анализу его диссертаций «Категория личности в словацком языке» (1949) и «Возникновение и начальный этап развития словацкого литературного языка» (1968), до настоящего времени являющихся непревзойденными в своей области.

Ключевые слова: Н. А. Кондрашов, словакистика, словацкая диалектология, кодификация словацкого литературного языка, среднесловацкий диалект, Людовит Штур

PROFESSOR N. A. KONDRASHOV AND HIS CONTRIBUTION TO SLOVAK STUDIES

K. Lifanov*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie gory, 119991 Moscow, Russian Federation*

Annotation. The article analyzes the works by N. Kondrashov on the Slovak language and Slovak studies in general, dedicated to the problems of dialectology, the history of literary language, as well as the activities of prominent Slavists. The importance of these works for Slovak studies is emphasized. The author draws attention to the originality and novelty of general linguistic problems of N. Kondrashov's works. Particular attention is paid to the analysis of his dissertations "The category of personality in the Slovak language" and "The emergence and initial stage of development of the Slovak literary language," which to date are unsurpassed in their field.

Keywords: N. Kondrashov, Slovak studies, Slovak dialectology, codification of the Slovak literary language, Middle Slovak dialect, Ludovít Štúr

Проф. Николай Андреевич Кондрашов отличался чрезвычайно широкими научными интересами, включавшими такие научные области, как славянская филология, теория языка и история лингвистических учений, история славистики, методика преподавания славянских языков в инославянской среде. Тем не менее он прежде всего был словакистом, стоявшим у истоков советской российской словакистики и преподавания словацкого языка в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. Знакомство Николая Андреевича со словацким язы-

ком, вероятно, произошло во время обучения в Московском институте истории, философии и литературы, «единственного по сути в то время вуза, готовившего специалистов по славистике, германистике, компаративистике, литературоведению с учетом традиций обучения филологов-классиков» [11, с. 82]. Судьбоносными для Николая Андреевича, однако, стали трагические исторические события – Великая Отечественная война. В 1943 г. Н. А. Кондрашов был призван в ряды вооружённых сил и принял участие в боевых действиях. «Его часть стояла в горных мас-

словацкой Словакии, где были живы народные верования и обряды, а дух и язык братского народа свидетельствовали об общих корнях и культурных традициях разбросанных на карте Европы соседей-славян» [11, с. 82]. Пребывание в Словакии и предопределило главный научный интерес молодого учёного и его любовь к Словакии и словацкому народу на протяжении всей его жизни.

После демобилизации Н. А. Кондрашов поступает в аспирантуру кафедры славянской филологии и под руководством проф. С. Б. Бернштейна работает над кандидатской диссертацией, посвящённой категории личности имён существительных в словацком языке, которая была блестяще защищена 14 июня 1949 г. Несколько позже основные положения диссертации были опубликованы в статье с одноимённым названием [4].

Обосновывая важность изучения данной проблематики, автор подчёркивает значение сравнительно-исторического языкознания и отмечает, что основные усилия славистов в это время были направлены на изучение дописьменного периода истории славянских языков. Вместе с тем многие их особенности возникли уже в исторический период, поэтому их исследование документировано примерами памятников письменности. Одним из наиболее интересных явлений в истории отдельных славянских языков является развитие категории одушевлённости-неодушевлённости, характеризующееся спецификой в разных языках. Для словацкого языка изучение этой категории является особенно значимым, поскольку, с одной стороны, её реализация является одним из дифференциальных признаков словацкого языка, а с другой – явлением, отличающим словацкие диалекты друг от друга.

Категория личности в словацком языке, входящая в более общую категорию одушевлённости-неодушевлённости, рассматривается в работе в широком контексте. Богатейший языковой материал в работе даётся на широком историко-культурном фоне, который представляет подроб-

ное описание важнейших этапов истории словацкой письменности, роли чешского языка в Словакии и всех кодификаций словацкого литературного языка, включая последние на то время «Правила словацкого правописания», вышедшие в 1940 г. и выполнявшие функцию кодификации словацкого литературного языка¹ [24].

В связи с этим автор описывает классификацию словацких диалектов и входящих в них говоров, что в то время было практически не известно советскому читателю², а также освещает все наиболее существенные моменты в истории словацкого литературного языка, в которых происходили изменения в парадигмах рассматриваемых существительных. Это оказывается тем более обоснованным, так как в дальнейшем приводятся примеры употребления слов, обозначающих наименования лиц и животных в памятниках словацкой письменности, в разных кодификациях словацкого литературного языка и в произведениях художественной литературы. Статья содержит богатые сведения о распространении разных диалектных форм и о специфике их функционирования в разных контекстах: при нейтральном употреблении, олицетворении, сравнении, в пословицах. Особую ценность представляет карта Словакии с указанием распространения тех или иных форм, выражающих категорию личности. Также подробно рассматриваются средства выражения данной категории в словацком литературном языке и их изменения.

Н. А. Кондрашов, возможно, не собирал диалектный материал непосредственно в полевых условиях, так как в то время это было невозможно (если не считать пер-

¹ В 1953 г. вышли новые «Правила словацкого правописания» [23], которые ещё не были известны Н. А. Кондрашову, тем более если учитывать то, что диссертация была защищена в 1949 г. В них, однако, не было изменений относительно склонения и употребления форм одушевлённых существительных.

² Подробные описания диалектов словацкого языка издавались в России ещё в XIX в. [12; 15], однако к тому времени они уже стали библиографической редкостью; кроме того, классификация говоров словацкого языка к тому времени изменилась.

вое погружение в словакистику во время Великой Отечественной войны). Материал был экцерпирован из монографических описаний отдельных говоров, диалектных текстов и словарей отдельных говоров, сгруппирован в соответствии с принадлежностью говоров к диалекту, строго систематизирован и представлен в виде синтетического полного описания данной категории в словацком языке. Несмотря на выход «Атласа словацкого языка» [16], работа не утратила значения и в настоящее время и является наиболее полным изложением распространения форм личных существительных в словацких диалектах, их фиксации в памятниках словацкой письменности и функционирования в литературном языке.

Доскональное изучение личных форм существительных в говорах словацкого языка предполагало изучение всех существующих работ по данной проблематике и накопления солидного материала из области изучения словацких диалектов. Обобщив и изложив материал в хронологической последовательности, Н. А. Кондрашов публикует специальную работу, посвящённую истории словацкой диалектологии [9].

Сразу же после защиты кандидатской диссертации у Н. А. Кондрашова возник замысел написания труда, посвящённого истории словацкого литературного языка [18, с. 7]. **Первым значительным результатом** исследования в этой области стала статья, опубликованная в 1960 г. [8]. В ней даётся общая картина формирования словацкого литературного языка с древнейших времён до периода после Второй мировой войны. Следует заметить, что излагать историю словацкого литературного языка в это время было совсем не просто, потому что во второй половине 50-х гг. XX в. происходил процесс пересмотра существовавшей ранее словацкой концепции формирования словацкого литературного языка, представленной в работах С. Цамбела (под псевдонимом Влколинский) [29], Л. Новака [20], молодого Э. Паулини [21; 22] и др. В это время

Э. Паулини выдвигает концепцию о существовании в докодификационный период в Словакии трёх культурных языков, начиная таким образом непосредственную историю словацкого литературного языка с кодификации А. Бернолака. Поскольку данная концепция быстро получила распространение в Словакии, принял её и Н. А. Кондрашов. Кроме того, в конце 1950-х гг. в славистике было широко распространено определение литературного языка, данное перед съездом славистов в Москве А. В. Исаченко [1], которое подразумевало обязательную кодификацию литературного языка и полностью коррелировало с новой концепцией истории словацкого литературного языка. И хотя значительно позже Н. А. Кондрашов с глубочайшим уважением писал о Н. С. Трубецком как об основоположнике теории литературного языка, первенство которого в этой области подчёркивал один из авторитетнейших представителей Пражской лингвистической школы академик Б. Гавранек [7], указывая на его статью «Общеславянский элемент в русской культуре» [14], концепцию менять было уже невозможно. Ценностью работы, однако, являются мысли Н. А. Кондрашова, высказанные по целому ряду проблем, не потерявшим своей актуальности до наших дней. Так, например, и в настоящее время чрезвычайно распространена точка зрения о том, что диалектной основой словацкого литературного языка, кодифицированного Л. Штуром, является среднесловацкий диалект. Как справедливо отмечает автор работы, «в действительности диалектная основа штуровщины не столь широка. Все упомянутые Штуром области не образуют единого диалектного целого ... Скорее всего основой штуровского языка были говоры трёх центральных областей Словакии: Турца, Липтова и Зволена, представляющие наиболее характерные особенности литературного языка» [8, с. 18]. Излагая причины распространения чешского языка в Словакии и подчёркивая, что словаки рассматривали его «в качестве литературно обработанной нормы, близкой их родному

языку», Н. А. Кондрашов отмечает, что это «не означает, что возникновение фонетических и грамматических отличий словацкого языка от чешского следует относить к позднему времени» [8, с. 6]. Упомянем также то, что среди наиболее значительных событий в истории словацкого литературного языка Н. А. Кондрашов называет деятельность основанного в 1834 г. в Пеште «Общества любителей словацкого языка и литературы», издававшего литературный альманах «Зора» [8, с. 14], что до сих пор не нашло должного освещения в работах по истории словацкого литературного языка.

Значительные результаты исследования словацкого литературного языка, кодифицированного Л. Штуром, представлены в обширной статье, посвящённой языку журнала «Словенске погляды» («Словацкое обозрение»), издававшегося в 1846–1852 гг., т. е. в период функционирования нового словацкого литературного языка в первоначальном виде, его страстным сторонником И. М. Гурбаном [6]. Данная работа остаётся образцом исследования словацкого литературного языка. Её отличительной особенностью является пристальное внимание автора к реальному функционированию словацкого литературного языка, что было нехарактерно для работ того времени, носивших преимущественно общий характер почти без привлечения к анализу значительного конкретного языкового материала. При этом описание орфографической, фонетической и морфологической систем проводится системно с выделением наиболее типичных и проблемных моментов. Автор не идеализирует ситуацию и в целом ряде случаев отмечает разного рода отклонения от кодификации, например, фиксацию некодифицированных Л. Штуром специфического среднесловацкого гласного *ä*, характеризуемого как широкое открытое *e*, спорадическое появление дифтонга *iu*, косвенное отображение мягкого *l* и др. Эти зафиксированные автором работы явления важны тем, что помогают понять объективный, а не случайный характер изменений в кодификации, произошедших

в 1852 г. и внесённых в неё М. Гатталой. Важным является также тот момент, что выявляются колебания при обозначении отдельных явлений, представляющих собой дифференциальные признаки современного словацкого литературного языка, например, наличие сочетаний *rat*, *lat* и *rot*, *lot* при неаккутовой интонации, сохранение и упрощение сочетаний *tl*, *dl*, отклонения в фиксации дифтонгов и т. д., что свидетельствует о том, что норма литературного языка находилась ещё на стадии формирования. Чрезвычайно существенным для понимания сути штуровской кодификации является вывод автора о том, что описание морфологии представляет «скорее научное сочинение, содержащее обоснование той или иной формы, а не свод ясных, отчётливых и однозначных правил» [6, с. 186]. Этот вывод делается на основании большого количества представленных в кодификации дублетных форм. Данная работа Н. А. Кондрашова явилась весомым вкладом в словакистику. Многие материалы этой работы вошли в труд «Возникновение и начальный этап развития словацкого литературного языка», защищённый как диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук (1968) и опубликованный в 1974 г. в Словакии в виде монографии [18].

В это же время Н. А. Кондрашов изучает словацкие материалы, собранные И. И. Срезневским во время его пребывания в Словакии и хранившиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ныне – РГАЛИ). С результатами своей работы он знакомит как словацкую, так и советскую славистическую общественность [5; 10]. Особое значение в работах уделяется словарю словацкого языка, который составил И. И. Срезневский в 1842 г. в основном на основе лексики среднесловацкого диалекта непосредственно перед выступлением штуровцев с кодификацией нового литературного языка. Н. А. Кондрашов подчёркивает особую ценность словаря И. И. Срезневского, поскольку он его составлял как словарь *самостоятельного*

славянского языка. Кроме того, это был первый словарь словацкого языка, так как попытки словацких филологов создать такой словарь оканчивались неудачей. К великому сожалению, словарь не был опубликован.

Н. А. Кондрашов также отмечает то, что примерно десятая часть лексики словаря, содержащего 7000 слов и свыше 700 выражений, «восходит к собранию песен Я. Коллара и имеет соответствующие пометы. Эта ориентация на сборник Коллара не случайна, так как именно последний показал всё богатство и жизненность среднесловацкого наречия и в известной степени способствовал шутовской реформе литературного языка» [5, с. 115–116]. В основном же лексику собирал сам И. И. Срезневский, либо ему помогали его словацкие друзья.

Н. А. Кондрашов подчёркивает, что особое внимание И. И. Срезневский обращает на характерные среднесловацкие особенности, отличающие данный диалект от других словацких диалектов, а также чешского языка. «Свои наблюдения над словацкими говорами Срезневский применил в рецензии на “Slovanský národopis” П. Шафарика, где он определил весьма точно границы распространения словацкого языка и со знанием дела полемизировал с Шафариком по поводу групп *tl*, *dl* в словацком. Он писал: “С другой стороны и в наречиях ‘западной молви’ в иных местах не выговаривается в этих случаях вставное *d*. Так в словацком, в Липтовской столице, слышал я: *мыло, сало, вилы*, хотя впрочем и *мотовидло*. В Оравской же столице хотя и говорят *мыдло*, но с тем вместе и *бјелило, мотовило*”» [5, с. 104]. Позже данное явление будет названо одним из югославизмов в среднесловацком диалекте [24, с. 38–39] и станет дополнительным аргументом в миграционно-интеграционной теории Р. Крайчовича о происхождении словацкого языка [19].

Вершиной исследовательской деятельности Н. А. Кондрашова в области словакистики, безусловно, является его диссертация на соискание учёной степени доктора

филологических наук «Возникновение и начальный этап развития словацкого литературного языка», защищённая в 1968 г. и вышедшая в 1974 г. в Братиславе в переводе на словацкий язык [18]. До настоящего времени эта книга остаётся наиболее полным и единственным системным трудом, посвящённым литературному языку, кодифицированному Л. Штуром, в его первоначальном шутовском виде. О значимости данной монографии для словакистики свидетельствует уже то, что научным редактором и рецензентами труда были крупнейшие лингвисты-историки словацкого литературного языка члены-корреспонденты Словацкой академии наук, соответственно, Й. Ружичка, Э. Паулини и Я. Станислав. Осмысление проблематики возникновения и путей развития словацкого литературного языка, по сути, началось ещё во время работы над кандидатской диссертацией. Как отмечал Н. А. Кондрашов, важным этапом в исследовании был доклад автора «Людовит Штур и создание словацкого литературного языка», прочитанный в 1956 г. по случаю сотой годовщины смерти кодификатора [18, с. 7]. В это же время стала создаваться картотека словацких памятников письменности, которая была пополнена во время пребывания исследователя в Братиславе отсутствовавшими в СССР текстами. Так был собран богатейший языковой материал, который и стал предметом анализа в диссертации и монографии. При этом источниками являлись не только труды непосредственно Л. Штура и его сподвижников М. Гатталы, М. М. Годжи, Й. М. Гурбана, Я. Геркеля и др., но и периодические издания, выходившие в это время: «Словацкая национальная газета» и её приложение «Орел татранский», журнал «Словенске погляды», альманах «Нитра» и т. д. Н. А. Кондрашов использовал при анализе также материал словацких текстов, записанных И. И. Срезневским.

Труд Н. А. Кондрашова предваряет обширная глава, в которой автор излагает своё понимание литературного языка и условий его возникновения, а также го-

ворит о значении для научного изучения. Интерес автора к различным лингвистическим школам проявляется здесь в том, что он критически рассматривает отношение к литературному языку младограмматиков и подчёркивает новый подход к нему, отразившийся во взглядах представителей Пражского лингвистического кружка, наиболее ярко выраженных в сборнике «Литературный чешский язык и языковая культура» [25]. Примечательно, что часть работ из этого сборника, а также другие наиболее значимые труды членов Пражского лингвистического кружка спустя несколько лет после окончания работы Н. А. Кондрашова над докторской диссертацией вышли в переводах на русский язык в сборнике «Пражский лингвистический кружок», составленный им и подготовленный под его редакцией. Кроме того, он сам перевёл статьи крупнейших представителей этой лингвистической школы в Чехии, например, Б. Гавранека, и в Словакии – Л. Новака [13].

Процесс возникновения словацкого литературного языка Н. А. Кондрашов связывает с национальным возрождением и относит к последней трети XVIII–40-м гг. XIX в. При этом он подчёркивает, что особое значение при изучении литературных языков имеет социолингвистический подход. Кодификации словацкого литературного языка А. Бернолака и Л. Штура он рассматривает как два последовательных этапа единого процесса, несмотря на их разную диалектную базу. Основное внимание в работе уделяется второму, завершающему этапу формирования словацкого литературного языка и его создателю Л. Штуру. Являясь страстным сторонником кодификации Л. Штура и критикуя последовавшие внесённые в неё изменения, Н. А. Кондрашов подчёркивает, что «система словацкого литературного языка, выявленная и кодифицированная Л. Штуром, очень совершенна. Штура можно поставить в один ряд с такими кодификаторами славянских литературных языков, как М. В. Ломоносов, В. С. Караджич, И. Добровский и И. Юнгманн» [18, s. 280].

Н. А. Кондрашов исчерпывающе характеризует Л. Штура как лингвиста и отмечает, что Л. Штур прекрасно владел приёмами сравнительно-исторического языкознания, что позволяло ему видеть языковые различия в близкородственных языках. При кодификации словацкого литературного языка он «исходит из внутренних закономерностей языка, выступает против внесения в язык несуществующих элементов, он четко отделяет от устанавливаемой нормы несистемные диалектные, архаические непродуктивные и отмирающие элементы» [18, s. 280].

В последующих главах Н. А. Кондрашов подробно рассматривает фонетическую, морфологическую и лексическую системы штуровского литературного языка. Убедительность результатов анализа достигается при помощи привлечения к нему богатейшего языкового материала, причём представленного не только в самой кодификации, но и в многочисленных изученных текстах, написанных на данном языке. Иными словами, словацкий литературный язык не сводится лишь к кодификации, как это зачастую делается в работах, а описывается его реальный облик, который он приобретает при функционировании. В частности, указывается на употребление в текстах графемы *ä*, обозначавшей специфическое широкое открытое *e*, не кодифицированное Л. Штуром. Аналогично делается вывод о представленности в литературном языке мягкого *l*, которое также не было введено Л. Штуром в литературный язык, но находило реальное отражение в текстах. Интересно и различие фонетических и функциональных дифтонгов и не подверженность первых ритмическому сокращению, и следовательно, по сути, дифтонгами и не являющихся. В центре внимания учёного оказываются явления, характерные для среднесловацкого диалекта и представленные в литературном языке, например, изменения сочетаний *ort, olt* при нисходящей интонации соответственно в *rat, lat*, судьба сочетаний *tl, dl* в среднесловацком диалекте и литератур-

ном языке, отражение изменения праславянских сочетаний *skj, stj* и т. д.

В разделе, посвящённом морфологии, подробно рассматривается словоизменение частей речи в шутовском языке в его сопоставлении со среднесловацким диалектом. Последовательное системное описание морфологической системы проводится более тонко, чем у самого Л. Штура. Значительное количество дублетных форм автор труда объясняет тем, что необходима была адаптация большого числа слов, которые никогда ранее не употреблялись в среднесловацкой огласовке и со среднесловацкими флексиями. Рассматриваются также проблемы формирования словацкой орфографии, причём отмечаются как её положительные стороны, так и недостатки, а также словарного состава. Н. А. Кондрашов устанавливает пути развития лексики литературного языка, к которым, в частности, относит образование новых слов и расширение семантики слов, уже существующих.

Труд Н. А. Кондрашова «Возникновение и развитие словацкого литературного языка» представляет собой первый системный анализ словацкого литературного языка, кодифицированного Л. Штуром в его ранней фазе существования. До настоящего времени он остаётся наиболее полным описанием, хотя с момента его создания прошло уже более полувека. Данный труд является образцом для исследователей литературных языков и сейчас, так как в нём используется надёжная методика изучения языковых единиц с учётом культурно-исторических, этнографических, идеологических явлений, которая применяется к анализу богатейшего конкретного «природного» материала.

Значительную часть исследований Н. А. Кондрашова занимает изучение истории науки. Автор пишет работы, посвящённые научной деятельности видных славистов, среди которых представлены и словацкие учёные. Такие работы позволяют глубже понять собственные взгляды автора и те задачи, которые стоят перед исследователями. Его статьи по данной про-

блематике также демонстрируют научную объективность суждений и принципиальную критическую позицию филолога.

Так, например, он обращается к лингвистическому наследию П. Й. Шафарика, словака по национальности, описывает его жизненный путь, основные вехи в научной деятельности и оценивает его значение для славяноведения, в частности, следующим образом: «Поражает разносторонность его интересов и занятий: историк и языковед, диалектолог и литературовед, этнограф и географ, защитник интересов славянства. Шафарик внёс большой вклад в славистику, доказав высокий уровень развития древних славян и их огромную роль в создании феодальной Европы. Он расширил самый предмет славяноведения, внося в него разработку славянских древностей, этнографии и истории литературы» [2, с. 102].

В юбилейной статье об одном из крупнейших словацких лингвистов Я. Станиславе представлена чрезвычайно высокая оценка его научных трудов, подчёркивается разносторонность взглядов учёного, в сферы интересов которого входили проблемы диалектологии словацкого языка, его истории и формирования литературного языка, кирилло-мефодиевская проблематика и изучение старославянского языка, антропонимов и топонимов Дунайско-Карпатского региона. В качестве важнейших научных трудов обоснованно выделяются пятитомная «История словацкого языка» [26], монографии «Липтовские говоры» [27] и «Словацкий юг в средние века» [28], отмечается заслуга в разделении истории словацкого и чешского языков, которые ранее рассматривались в историческом плане как единое целое, подчёркивается необходимость дальнейшего всестороннего исследования памятников словацкой письменности и т. д. При этом автор статьи проявляет критический подход к тем или иным методическим недостаткам исследования, которые в дальнейшем необходимо устранить. Важным в данной статье также представляется фрагмент, посвящённый позиции российских

лингвистов по отношению к словацкому языку, считавших его самостоятельным славянским языком. И в этом плане особую роль в словакистике, по справедливому мнению Н. А. Кондрашова, сыграла работа Т. Д. Флоринского, не побоявшегося обособить эту позицию, несмотря на преобладавший в то время иной взгляд на отношения словацкого и чешского языков. Н. А. Кондрашов высказывает чрезвычайно важную мысль, что «...для обособления не столь важны дифференциальные языковые признаки и даже их совокупность. Определяющим моментом при этом выступают общественно-политические факторы, наиболее чётко проявляющиеся в национальном самосознании» [3, с. 8].

В завершении статьи укажем и такую важную сторону словакистической дея-

тельности Н. А. Кондрашова, как ознакомление словацких и советских читателей со словацким художественным творчеством. Так, в частности, в Словакии были опубликованы не известные там четыре сказки, записанные в Липтове (регион в Средней Словакии) видным словацким писателем Я. Калинчяком и обнаруженные в рукописном наследии И. И. Срезневского [17], а в СССР под его редакцией были изданы повести и рассказы крупнейших словацких писателей¹.

Таким образом, вклад Н. А. Кондрашова в словакистику был значительным и многогранным. Его труды по словацкому языку не потеряли актуальности и научной ценности и в настоящее время.

¹ Словацкие повести и рассказы / ред.-сост. Н. А. Кондрашов. М.: Гослитиздат, 1953. 479 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаченко А. В. Какова специфика литературного двуязычия в истории славянских народов? // Вопросы языкознания. 1958. № 3. С. 42–45.
2. Кондрашов Н. А. Жизнь и труды Павла Иозефа Шафарика (К двухсотлетию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1995. № 1. С. 97–102.
3. Кондрашов Н. А. Историк словацкого языка Ян Станислав // Современный русский язык. Лингвистический сборник. Выпуск 6. М.: Типография Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 1976. С. 3–13.
4. Кондрашов Н. А. Категория личности имен существительности в словацком языке // Славянская филология. Выпуск 2. М.: Издательство Московского университета, 1954. С. 38–67.
5. Кондрашов Н. А. Материалы для словаря наречий горных Словаков, собранные И. И. Срезневским // Jazykovedný časopis. 1958. Č. 1–2. С. 103–116.
6. Кондрашов Н. А. Наблюдения над языком журнала «Словацкое обозрение» // Славянская филология. Выпуск 4. М.: Издательство Московского университета, 1963. С. 142–186.
7. Кондрашов Н. А. Николай Сергеевич Трубецкой (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1990. № 2. С. 98–103.
8. Кондрашов Н. А. О формировании словацкого литературного языка // Славянская филология. Выпуск 3. М.: Издательство Московского университета, 1960. С. 3–26.
9. Кондрашов Н. А. Очерк истории словацкой диалектологии // Славянская филология. Выпуск 1. М.: Издательство Московского университета, 1951. С. 98–107.
10. Кондрашов Н. А. Словацкие материалы в архиве И. И. Срезневского // Филологические науки. 1959. № 4. С. 160–168.
11. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. № 5. С. 81–89.
12. Петровский М. П. Материалы для славянской диалектологии // Учёные записки Казанского университета. 1866. Т. 2. Ч. 33, С. 388–480.
13. Пражский лингвистический кружок: Сборник статей / составление, редакция и предисловие Н. А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967. 558 с.
14. Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1995. С. 162–207.
15. Флоринский Т. Д. Словацкий язык // Лекции по славянскому языкознанию. Часть II. Киев-СПб., 1897. С. 220–344.
16. Atlas slovenského jazyka. II. Flexia. Časť prvá – mapy. Bratislava: vydavateľstvo Veda, 1981. 316 s. Časť

- druhá – úvod, komentáre, dotazník. Bratislava: vydavateľstvo Veda, 1978. 246 s.
17. Kondrašov N. A. Štyri rozprávky z Liptova zapísané Jánom Kalinčiakom // Slovenský národopis. 1973. V. 21. Č. 4. S. 579–590.
 18. Kondrašov N. A. Vznik a začiatky spisovnej slovenčiny. Bratislava: vydavateľstvo Veda, 1974. 284 s.
 19. Krajčovič R. Slovenčina a slovanské jazyky I. Praslovanská genéza slovenčiny. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1974. 328 s.
 20. Novák L. Čeština na Slovensku a vznik spisovnej slovenčiny // Slovenské pohľady. 1938. V. 54. S. 105–111, 159–173, 217–222, 281–287.
 21. Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava: Slovenská akadémia vied a umení, 1948. 101 s.
 22. Pauliny E. Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1963. 360 s.
 23. Pravidlá slovenského pravopisu s pravopisným slovníkom. Bratislava: vydavateľstvo SAV, 1953. 407 s.
 24. Pravidlá slovenského pravopisu s pravopisným slovníkom. Turčiansky sv. Martin: Matica slovenská, 1940. 482 s.
 25. Spisovná čeština a jazyková kultúra / vydali Havránek B., Weingart M. Praha: Melantrich, 1932. 257 s.
 26. Stanislav J. Dejiny slovenského jazyka. I. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1956. 590 s. II. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1958. 743 s. III. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1957. 326 s. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1973. 415 s.
 27. Stanislav J. Liptovské nárečia. Martin: Matica slovenská, 1932. 562 s.
 28. Stanislav J. Slovenský juh v stredoveku. 1-2. Turčiansky Svätý Martin: Matica slovenská, 1948. 664 s.
 29. Vlkolinský J. O “prvej” knihe slovenskej // Živena. 1885. V. 2. S. 230–240.

REFERENCES

1. Isachenko A. V. [What are the specifics of literary bilingualism in the history of the Slavic peoples?]. In: *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of language], 1958, no. 3, pp. 42–45.
2. Kondrashov N. A. [The life and works of Pavel Josef Safarik (To the 200th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 1995, no. 1, pp. 97–102.
3. Kondrashov N. A. [The historian of the Slovak language Ján Stanislav]. In: *Sovremennii russkii yazyk. Lingvisticheskii sbornik. Vypusk 6* [Modern Russian language. Linguistic collection. Issue 6]. Moscow, Tipografiya Universiteta družby narodov imeni Patrisa Lumumby Publ., 1976. pp. 3–13.
4. Kondrashov N. A. [Category of personality nouns in the Slovak language]. In: *Slavyanskaya filologiya. Vypusk 2* [Slavic Philology. Issue 2]. Moscow, Moscow University Publ., 1954. pp. 38–67.
5. Kondrashov N. A. [Materials for a dictionary of the dialects of the mountain of the Slovaks, collected by I. Sreznevsky]. In: *Jazykovedný časopis*, 1958, č. 1–2, pp. 103–116.
6. Kondrashov N. A. [Observations on the language of the journal “Slovak review”]. In: *Slavyanskaya filologiya. Vypusk 4* [Slavic Philology. Issue 4]. Moscow, Moscow University Publ., 1963. pp. 142–186.
7. Kondrashov N. A. [Nikolai Sergeevich Trubetzkoy (to the 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 1990, no. 2, pp. 98–103.
8. Kondrashov N. A. [On the formation of a Slovak literary language]. In: *Slavyanskaya filologiya. Vypusk 3* [Slavic Philology. Issue 3]. Moscow, Moscow University Publ., 1960. pp. 3–26.
9. Kondrashov N. A. [Essay on the history of Slovak dialectology]. In: *Slavyanskaya filologiya. Vypusk 1* [Slavic Philology. Issue 1]. Moscow, Moscow University Publ., 1951. pp. 98–107.
10. Kondrashov N. A. [Slovak materials in the archive of I. Sreznevsky]. In: *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 1959, no. 4, pp. 160–168.
11. Nikitin O. V. [Philologist-Slavicist N. Kondrashov as a Historiographer of Science and Teacher (to the 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, no. 5, pp. 81–89.
12. Petrovskii M. P. [Materials for Slavic dialectology]. In: *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* [Scientific notes of Kazan University], 1866, vol. 2, part 33, pp. 388–480.
13. Kondrashov N. A., comp., ed. *Pražskii lingvisticheskii kruzhok: Sbornik statei* [The Prague linguistic circle: a collection of articles]. Moscow, Progress Publ., 1967. 558 p.
14. Trubetskoi N. S. [Pan-Slavic element in Russian culture]. In: Trubetskoi N. S. *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [History. Culture. Language]. Moscow, «Progress», «Univers» Publ., 1995. pp. 162–207.
15. Florinskii T. D. [Slovak language]. In: *Lektsii po slavyanskomu yazykoznaniiyu. Chast' II* [Lectures on Slavic linguistics. Part II]. Kiev, St. Petersburg, 1897. pp. 220–344.
16. Atlas slovenského jazyka. II. Flexia. Časť prvá – mapy. Bratislava, vydavateľstvo Veda Publ., 1981. 316 s. Časť druhá – úvod, komentáre, dotazník. Bratislava, vydavateľstvo Veda Publ., 1978. 246 s.

17. Kondrašov N. A. Štyri rozprávky z Liptova zapísané Jánom Kalinčiakom. In: *Slovenský národopis*, 1973, v. 21, č. 4, s. 579–590.
18. Kondrašov N. A. Vznik a začiatky spisovnej slovenčiny. Bratislava, vydavateľstvo Veda Publ., 1974. 284 s.
19. Krajčovič R. Slovenčina a slovanské jazyky I. Praslovanská genéza slovenčiny. Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľstvo Publ., 1974. 328 s.
20. Novák L. Čeština na Slovensku a vznik spisovnej slovenčiny. In: *Slovenské pohľady*, 1938, v. 54. s. 105–111, 159–173, 217–222, 281–287.
21. Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava, Slovenská akadémia vied a umení Publ., 1948. 101 s.
22. Pauliny E. Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied Publ., 1963. 360 s.
23. Pravidlá slovenského pravopisu s pravopisným slovníkom. Bratislava, vydavateľstvo SAV Publ., 1953. 407 s.
24. Pravidlá slovenského pravopisu s pravopisným slovníkom. Turčiansky sv. Martin, Matica slovenská Publ., 1940. 482 s.
25. Havránek B., Weingart M., eds. Spisovná čeština a jazyková kultura. Praha, Melantrich Publ., 1932. 257 s.
26. Stanislav J. Dejiny slovenského jazyka. I. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied Publ., 1956. 590 s. II. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied Publ., 1958. 743 s. III. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied Publ., 1957. 326 s. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied Publ., 1973. 415 s.
27. Stanislav J. Liptovské nárečia. Martin, Matica slovenská Publ., 1932. 562 s.
28. Stanislav J. Slovenský juh v stredoveku. 1-2. Turčiansky Svätý Martin, Matica slovenská Publ., 1948. 664 s.
29. Vlkolinský J. O “prvej” knihe slovenskej. In: *Živena*, 1885, v. 2, s. 230–240.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лифанов Константин Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: lifanov@hotmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin V. Lifanov – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Slavic Philology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: lifanov@hotmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лифанов К. В. Профессор Н. А. Кондрашов и его вклад в словакистику // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. ???–???.

FOR CITATION

Lifanov K. V. Professor N. A. Kondrashov and his contribution to Slovak studies. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp. ???–???.

УДК 81'1(075.8)

DOI

НЕЗАБЫТАЯ КНИГА Н. А. КОНДРАШОВА «ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ» (ОБ АКТУАЛЬНОСТИ РЕТРОФИЛОЛОГИИ XX ВЕКА)

Никитин О. В.^{1,2}

¹Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

²Петрозаводский государственный университет

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, проспект Ленина, д. 33, Российская Федерация

Аннотация. В статье даётся аналитический обзор одного из первых подробных вузовских учебников по курсу «Общее языкознание» (1972–1974 гг.), созданного профессором Н. А. Кондрашовым. Рассказывается об этапах подготовки учёного к сбору материалов и написанию этой книги, о его богатой филологической и жизненной практике, позволившей грамотно прокомментировать основные вехи из истории мировой лингвистики, начиная с эпохи древнеиндийских грамматистов и завершая дескриптивной лингвистикой в США, новыми направлениями в языкознании второй половины XX в. и этапами развития советской науки. Впервые в рамках учебника подробно разбираются идеи Пражской лингвистической школы. В статье подчёркивается, что автор дал компетентный анализ главных лингвистических понятий: *сущность языка; язык и мышление; внутренняя структура языка; язык и общество; язык и его развитие* и др. Обращается внимание на то, что при известном в советское время стандарте и подцензурном характере таких работ, курс лекций «Общее языкознание» содержал интересные авторские находки и характеристики и в целом давал объективное представление об истории, теории и методологии языкознания.

Ключевые слова: Н. А. Кондрашов, общее языкознание, лингвистические традиции, культура филологического труда, персонология, научная школа

THE UNFORGETTABLE BOOK BY N. A. KONDRASHOV “GENERAL LINGUISTICS” (THE RELEVANCE OF RETROVIROLOGY OF THE XXTH CENTURY)

O. Nikitin^{1,2}

¹Moscow Region State University

24 ulitsa Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

²Petrozavodsk State University

33 Prospekt Lenina, Petrozavodsk 185910, Republic of Karelia, Russian Federation

Abstract. The article gives an analytical review of one of the first detailed University textbooks on the course “General linguistics” (1972–1974), created by Professor N. Kondrashov. It tells about the stages of preparation of the scholar to collect materials and writing this book, his rich philological and life practice, which allowed to correct description of the significant milestones in the history of world linguistics, since the era of ancient Indian grammatical tradition and completing descriptive linguistics in the United States, new directions in linguistics of the second half of the 20th century and the stages of development of Soviet science. For the first time, the textbook deals in detail with the ideas of the Prague linguistic school. The article emphasizes that the author gave a competent analysis of the main linguistic concepts: the essence of language; language and thinking; internal structure of language; language and society; language and its development, etc. Attention is drawn to the fact that with the well-known Soviet standard and censored nature of such works, the course of lectures “General linguistics”

tics" contained exciting author's findings and characteristics and generally gave an objective idea of the history, theory, and methodology of linguistics.

Keywords: N. Kondrashov, General Linguistics, linguistic traditions, culture of philological work, personology, scientific school

Читая в первый раз хорошую книгу, мы испытываем то же чувство, как при приобретении нового друга. Вновь прочитать уже читанную книгу – значит вновь увидеть старого друга.
Вольгер

Курс "Общее языкознание" вошёл в филологическое образование студентов академик Ф. Ф. Фортунатов, искавший новых путей изучения языка как системы. Этот предмет в его представлении вписывался как в традиционную компаративистику, так и в синхроническую лингвистику. Он позволял решать спорные проблемы в период смены приоритетов в научном знании конца XIX в.: история и социология языка, формальная грамматика, поиск механизмов трансформации фонетических, морфологических, синтаксических явлений и др. «Общее языкознание» учило выявлять законы развития языков. Следовательно, выводило гуманитарную сферу на принципиально другой методологический уровень.

В дальнейшем этот курс стал ведущим в подготовке студентов филологических специальностей педагогических вузов и классических университетов. Энциклопедизм и «взрывные» идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ, семасиологические труды М. М. Покровского, компаративистика и синтаксические находки А. А. Шахматова, фонетические эксперименты Л. В. Щербы, востоковедческие и социологические штудии Е. Д. Поливанова... и почти «ритуальные» декларации стадийного развития языка во времена главенства Н. Я. Марра и первых советских учебников и трудов академика И. И. Мещанинова [12], Р. О. Шор и Н. С. Чемоданова [25] – такие неоднородные события сопровождали развитие этой дисциплины в первой половине XX века.

Когда Н. А. Кондрашов учился в МГУ, он был свидетелем многих интересных и подчас трагических событий, так или иначе связанных со скитальческим путём отече-

ственной филологической науки, над которой нависал меч идеологии. Как раз в 1948–1949 гг. марристами была организована бурная кампания по дискредитации компаративистики и славистики. Снова на долгое время начались гонения на известных в ту пору учёных – В. В. Виноградова, М. Н. Петерсона. Учебники по введению в языкознание Н. С. Чемоданова и Р. О. Шор [25] (1945) и А. А. Реформатского [20] (1947) были подвергнуты жёсткой критике как «немарксистские», не разделявшие марровскую трактовку проблем взаимосвязи языка, мышления и общества. Очередные «кампании» конца 1940-х не прибавляли оптимизма истинным филологам – носителям исторической правды науки, наследникам традиций академика Ф. Ф. Фортунатова. Эта непростая атмосфера хорошо показана метафорическим едким языком А. А. Реформатского с его неподражаемой стилистикой в письме к Б. В. Томашевскому: «Мой ближайший сотрудник по лит<ератуному> ин<ститу>ту Виктор Левин (ученик Г. О. [Винокура], Д[.] Н[.] [Ушакова], Р. Ив. [Аванесова], П. Савв. [Кузнецова] и мой), умница и талант + благородное сердце за “защиту Виноградова и Реформатского” [...]. У меня ½ кафедры! На меня “жмуть”! Грозят повесить [...].

Последнее: на концерте Рихтера встречаюсь с ВВВ¹ – он весел! Знакомит с каким-то доктором. “Вот, – говорит, – пошелся

¹ Упоминается Виктор Владимирович Виноградов (1894/95–1969) – академик АН СССР, крупнейший филолог и организатор науки, в конце 1940-х годов подвергшийся опале и критике со стороны марристов (лишился поста декана филологического факультета МГУ).

у него. Он у Корнелия Зелинского¹. Я (в ответ): «К. Зелинского лечить просто: дать яду и всё... А нам трудно; Ваш друг лёгочник, а нам надо лечиться от сердечных болезней – мы больны сердюченцей²»³.

Таким образом, на социокультурном поле науки общее языкознание занимало едва ли не ведущее положение не только по его роли в подготовке филологических кадров, но и в стратегии развития идеологии гуманитарной науки в целом.

Н. А. Кондрашов подходил к такому важному курсу не сразу, но весь его путь в науке показывал, насколько серьёзно он готовился к решению актуальных задач общей лингвистики (см. подробнее: [15]). Начав с изучения западнославянских языков, их истории и борьбы за независимость, он невольно оказался у основания славистики, влюбился в летописные страницы этой науки, а её персоны: О. М. Бодянский, И. И. Срезневский, П. Шафарик, Л. Штур и др. – стали для него на долгие годы ориентирами в научных поисках и погрузили в забытые дискуссии. Н. А. Кондрашов штудировал их работы, жадно листал журналы и газеты XVIII–XIX вв., разыскивал документальные свидетельства о судьбах учёных и их трудах в архивах и вообще питал слабость к «лингвопортретистике». За каждым именем он видел яркую, характерную личность с её слабостями и порывами, духовными взлётами и падениями. Таким образом, славистика для Н. А. Кондрашова была *живой* наукой.

Он решал противоречивые проблемы независимости словацкого литературного языка, впитывал идеи Пражского лингвистического кружка и старался приложить их к современным трактовкам языковых

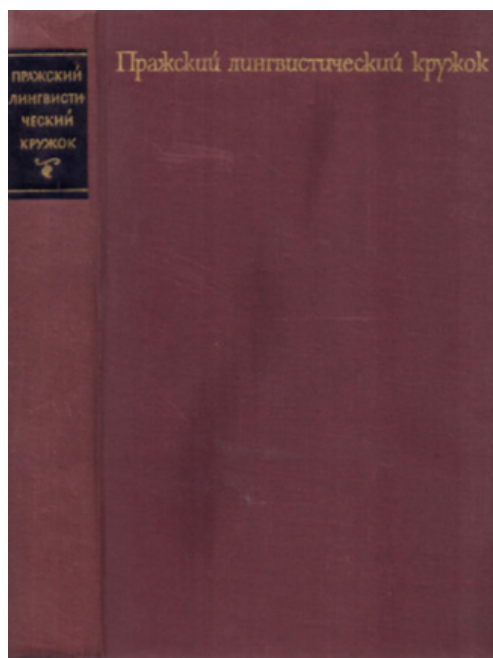
фактов, обосновывал необходимость углублённого изучения истории науки в вузовской практике, открывая забытые имена, участвовал в дискуссиях по вопросам изучения славянских языков – всё интересовало учёного. Он сумел захватить и сохранить в памяти ключевые события в мире лингвистики и быть там далеко не рядовым исследователем. Это и учёба в МИФЛИ, где Н. А. Кондрашов успел **вжиться в атмосферу** дореволюционной филологии, слушая лекции Н. К. Гудзия, А. М. Селищева, С. И. Соболевского, Д. Н. Ушакова. Затем последний натиск марристов и очередной виток борьбы с «формалистами» и «космополитами» в конце 1940-х – начале 1950-х гг. – он был свидетелем и этих печальных фактов в биографии советской науки. Чуть позже сталинская дискуссия о языке и участие молодого слависта в организации и деятельности в составе первой редколлегии журнала «Вопросы языкознания». А ещё международные съезды славистов и конгрессы, начиная с конца 1950-х гг., преподавание в МГУ в кругу исключительных личностей филологов разных поколений, знакомство и общение с русскими эмигрантами во время командировок в славянские страны, сотрудничество с ведущими учёными Западной Европы... Эти жизненные обстоятельства постепенно сформировали его неординарную натуру: резковатую, но честную, придирчивую, но благодарную, открытую свежим идеям. А главное – сделали его учёным высочайшей квалификации, профессионально разбиравшимся в сложных проблемах *разных* наук: философии, истории и типологии языков, компаративистики и этимологии, социо- и этнолингвистики, лексикологии и лексикографии, источниковедения и т. д.

Н. А. Кондрашов стал известен как летописец языкознания после первых монографий об О. М. Бодянском и Р. Ф. Брандте (см. подробнее: [15]), а подготовленный им сборник статей основателей Пражской школы [19], впервые ознакомивший советских учёных с «буржуазными» идеями структуралистов-экспериментаторов, лишь упрочил это почётное звание. «Книга

¹ Очевидно, имеется в виду литературовед, критик и общественный деятель К. Л. Зелинский (1896–1970).

² Речь идёт об известном в 1930–1950-х гг. лингвисте Г. П. Сердюченко (1904–1965), принимавшем активное участие в борьбе «за чистоту марризма» и громившем в конце 1940-х – начале 1950-х гг. «космополитов» в языкознании.

³ См.: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 645 Томашевский, Борис Викторович (1890–1957). Картон 38. Ед. хр. № 60. Лл. 21–22.

Обложка книги «Пражский лингвистический кружок» (Москва, 1967)

в лицах» воскресила настоящую науку 1920–1930-х гг. и всколыхнула устоявшийся быт наших языковедов конца 1960-х гг. концепциями, которые определяли стратегию лингвистики в XX столетии. Бурлившая в 1920–1930-х гг. в Европе славистическая мысль заставляла по-иному смотреть на традиционную теорию и историю языкознания, переворачивала привычную методологию фонологии, синтаксиса, стилистики и структурализма, гонимого в СССР в те годы. Чем не «сюжеты» для настоящей книги по общему языкознанию?..

Поездки Н. А. Кондрашова в тогда единую Чехословакию, в Польшу, неформальные беседы с ведущими славистами тех стран, совместные проекты – всё это погружало его в атмосферу настоящей научной деятельности. Он знал таких корифеев филологии, как П. Г. Богатырёв, В. В. Виноградов, Б. А. Серебренников, Р. О. Якобсон... Находясь в заграничных командировках, Н. А. Кондрашов впитывал запретные идеи, из первых уст слышал рассказы о жизни учёных, об их непростых судьбах в эмиграции и послевоенном устройстве. А. В. Исаченко, Л. В. Копецкий были теми островками первой волны русского рассеяния, которые не потерялись в перипетиях жестокого отбора и сохранили верность своей профессии. Наверное, в беседах с Р. О. Якобсоном и его чехословацкими друзьями не раз звучало имя князя Н. С. Трубецкого (1890–1938) – легендарной, загадочной фигуры, одного из основоположников «евразийства», первого фонолога Европы, историка культуры, финноугроведа, этнографа и вообще человека исключительных способностей – мужественного, благородного, в науке бескомпромиссного и бесконечно преданного Логосу. Тогда его имя было закрыто для наших читателей.

Но если европейскую лингвистику Н. А. Кондрашов узнавал по рассказам очевидцев и книгам, то всё, что происходило у нас, он видел своими глазами, работая вместе с С. Б. Бернштейном и В. В. Виноградовым и другими незаурядными личностями в МГУ. На фотографии

Редколлегия:

С. Г. Барзударов, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев (секретарь редколлегии), Р. А. Будагов, В. В. Виноградов (главный редактор), А. И. Ефимов, Н. А. Кондрашов, Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев (зам. главного редактора), В. М. Филиппова, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова.

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 18/2, тел. К-4-01-28.

Редколлегия первого номера журнала «Вопросы языкознания» (1952. № 1. С. 192), в составе которой обозначена фамилия Н. А. Кондрашова

1954 г.¹ среди лекторов и выпускников курсов преподавателей по подготовке языковедческих дисциплин вузов, проходивших в МГУ, портрет Н. А. Кондрашова находился рядом с Д. Э. Розенталем, С. А. Копорским, Т. П. Ломтевым, Н. С. Поспеловым, Н. С. Чемодановым, В. К. Чичаговым и молодыми тогда К. В. Горшковой, В. В. Ивановым и Н. М. Шанским.

Работа в качестве редактора-слависта Отдела критики и библиографии журнала «Вопросы языкознания» (см. также: [15]) вместе с О. С. Ахмановой, С. Г. Бархударовым, Н. А. Баскаковым, Е. А. Бокарёвым, академиком В. В. Виноградовым, Р. А. Будаговым, В. П. Григорьевым, А. И. Ефимовым, Н. И. Конрадом, В. Г. Орловой, Г. Д. Санжеевым, А. С. Чикобавой, Н. Ю. Шведовой и др. могла составить отдельную документальную эпопею советской и мировой лингвистики. В «Вопросах языкознания» тогда печатались все известные учёные (В. И. Абаев, Р. И. Аванесов, Н. А. Баскаков, В. В. Виноградов, Б. В. Горнунг, В. М. Жирмунский, Н. И. Конрад, П. С. Кузнецов, Т. П. Ломтев, И. А. Оссоветский, А. А. Реформатский, Б. А. Серебренников, А. И. Смирницкий, М. И. Стеблин-Каменский, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова, В. Ф. Шишмарёв и др.), начали публиковать забытые архивы, происходили жаркие дискуссии по истории русского литературного языка, стилистике, диалектологии, синтаксису, «этнографической лингвистике» Э. Сепира, обсуждались живые научно-педагогические проблемы (например, история языка и история общества; о создании однотомного толкового словаря русского языка; постановка курса «Введение в языкознание в национальных вузах СССР» и др.), рецензировались интересные книги, предоставлялась возможность выступать со статьями и заметками на актуальные темы и коллегам-славистам В. Дорошевскому, Фр. Травничку...².

Перечень этих и других равновеликих имён повторялся из номера в номер, превращая лингвистический журнал в трибуну мысли. Здесь часто печатались обзоры, обсуждалась новая литература, готовились заметки из серии «Изучение русского языка в Чехословакии за последние десять лет» [4] (указанный материал даётся анонимно от редакции, но очевидно, что его готовил Н. А. Кондрашов). Даже если взять в руки этот небольшой текст, то становится ясно, насколько педантично, серьёзно и профессионально подходил Николай Андреевич к таким, казалось бы, «проходным» работам: десятки имён, а с ними столько же изученных изданий, ссылки на новые передовые разработки, краткие информативные резюме – целая энциклопедия славистической мысли!

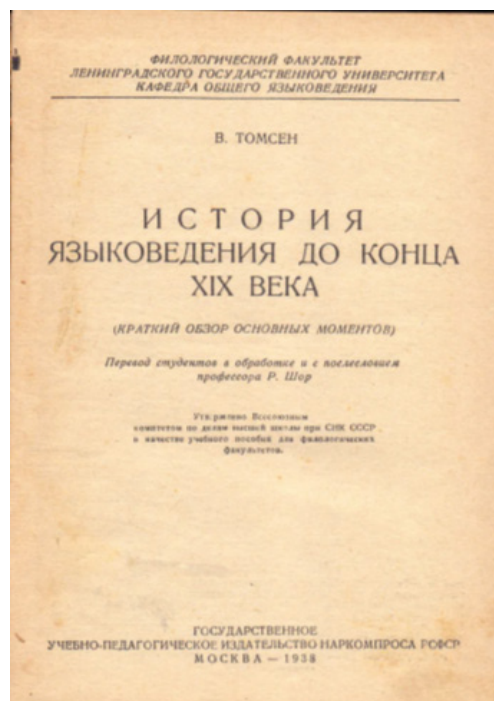
Таким образом, в течение более чем тридцати лет, с конца 1930-х гг., Н. А. Кондрашов находился в центре истории творимой филологической науки, которая, и это стало очевидным уже в 1950-е гг., нуждалась в обновлении и пересмотре ряда позиций. Имевшиеся к тому времени пособия по истории языкознания В. Томсена [21], опубликованное в 1938 г., и Я. В. Лои [11], выпущенное в 1968 г.³ с подзаголовком «Материалы к курсу лекций», хотя и были написаны авторитетными учёными, но всё же требовали более чётких, соответствующих программе вуза границ и включения новых данных. К слову сказать, небольшая книжка датского языковеда В. Томсона доводила изложение этой науки только до конца XIX в., и в «Послесловии» к ней редактор издания Р. О. Шор поместила свой «Краткий очерк истории лингвистических учений с эпохи Возрождения до конца XIX в.» [21, с. 109–153], дополнив летопись языкознания интересными находками и сопоставлениями, но притянув их в

пусков [Электронный ресурс] // Вопросы языкознания : [сайт]. URL: <http://vja.ruslang.ru/ru/archive> (дата обращения: 30.10.2019).

³ Ранее книга Я. В. Лои вышла в Риге на латышском языке (см. упоминание об этом в письме к С. И. Ожегову [Архив Российской академии наук. Ф. 1516. Ожегов Сергей Иванович. Оп. 2. Переписка Ожегова С. И. Ед. хр. № 94. Л. 5]).

¹ Опубликована в статье Т. А. Бобровой в настоящем выпуске.

² См. подробнее электронную подборку всех номеров журнала «Вопросы языкознания» здесь: Архив вы-

Титульный лист книги В. Томсена «История языковедения до конца XIX века» (Москва, 1938)

ряде случаев к марксистской идеологии. В заключении очерка Р. О. Шор говорилось о «коренном пересмотре» основных проблем языковедения академиком Н. Я. Марром, публиковался его портрет [Там же, с. 151] и делался обычный для того времени вывод о «братстве свободных народов» в эпоху расцвета «национальных культур и языков» [Там же, с. 153]. Но всё же на классика В. Томсена Н. А. Кондрашов не раз ссылается в своей книге.

Эти пособия, как бы ни были компетентны их авторы, не учитывали новые тенденции в языковедении второй половины XIX в., регулировали сложные проблемы и никак не касались свежих фактов и открытий того, что находилось под спудом истории¹. Между тем уже 1964–1965 гг. вышло третье, дополненное издание известной хрестоматии В. А. Звегинцева «История языковедения XIX–XX веков в очерках и извлечениях» [1; 2], куда вклю-

¹ Ср. высказывание Н. А. Кондрашова об учебнике Я. В. Лои [1]: «В ней мало отражено движение общелингвистических идей» [7, с. 7].

чены ранее не переводившиеся на русский язык труды классиков мировой лингвистики, опубликованы избранные труды Н. С. Трубецкого [22] и Е. Д. Поливанова [18], с 1960 г. стала выходить серия «Новое в лингвистике» (позднее – «Новое в зарубежной лингвистике»), наконец, издание сборника «Пражский лингвистический кружок» [19], инициированное Н. А. Кондрашовым, и другие события в науке требовали пересмотра с новых позиций проблем общего языковедения.

Примечательно, что в 1970–1980-е гг. Н. А. Кондрашов обсуждал идею обновлённого издания своей книги вместе с профессором А. Т. Хроленко (см. об этом подробнее статью последнего, помещённую в настоящем выпуске) и делился соображениями по поводу подготовки программы по этой дисциплине, которая вскоре и вышла в свет [10]. В частности, Н. А. Кондрашов писал своему коллеге в середине 1980-х гг.: «Наверное, в программе нужны какие-то выделения, нужно оснастить библиографию работами типа *Онтология языка как общественного явления*. Не знаю, стоит ли весьма спорную книжку Б. Серебrenникова (см.: [17]) возводить на пьедестал. В целом, кроме прибавления, нужно что-то исключить» (из личного архива А. Т. Хроленко).

Структура курса «Общее языковедение», как видно из опубликованных Н. А. Кондрашовым двух частей [8; 9], предполагала вначале изучение истории языковедения (часть I), а затем общих проблематики этой науки и методов исследования языка (часть II).

Часть I состоит из разделов, расположенных по хронологии и тематически связанных: «Языковедение в древней Индии», «Языковедение в древней Греции и Риме», «Языковедение средних веков и эпохи Возрождения», «Возникновение сравнительно-исторического языковедения», «Возникновение общего языковедения (концепция языка В. Гумбольдта)», «Развитие сравнительно-исторического языковедения и натуралистическое направление (А. Шлейхер)», «Младogramматическое

направление», «Русское языкознание второй половины XIX в.», «Критика младограмматизма. Поиски новых путей», «Лингвистическая концепция Ф. де Соссюра», «Пражская лингвистическая школа», «Глоссемантика (датский структурализм)», «Дескриптивная лингвистика в США», «Другие направления современного языкознания», «Развитие советского языкознания».

Остановимся более подробно на обзоре особенностей этой части. На наш взгляд, описание развития языкознания в древний период выглядело более традиционно, особенно древнеиндийская традиция. Автор указал основные черты начального этапа и дал краткие сведения о достижениях индийцев, назвал наиболее значимые имена. Н. А. Кондрашова интересовал, в первую очередь, тот виток развития науки, когда догадки и религиозные философемы переходили в стройные теории и построение исторического здания языка. Безусловно, его основание находилось в «потёмках» времени, но оно ожило и взорвало мировую филологию в конце XVIII столетия.

Период средневекового языкознания и эпохи Возрождения представлен более подробно с включением интересных сведений, например, о «Сравнительных словарях всех языков и наречий» П. Палласа [8, с. 23]. Здесь же рассказывается об интерлингвистике и более подробно – о языке эсперанто как удачном опыте реализации рационалистических идей прежнего времени [Там же, с. 25–26].

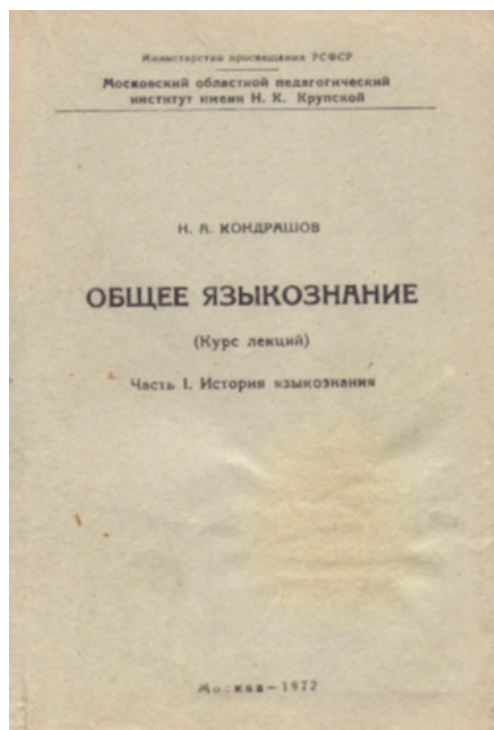
Небольшой подраздел здесь посвящён развитию языкознания в славянских странах, где пунктиром даются имена и труды филологов, названия грамматик и словарей, в том числе и оригинальных экспериментов по созданию межславянского языка Ю. Крижанича и сведения о первой грамматике русского языка В. Лудольфа [Там же, с. 30–31]. Несколько абзацев автор посвятил описанию достижений зарубежных славистов, из них более подробно сказал о Й. Добровском [Там же, с. 33–34].

В разделе «Возникновение сравнительно-исторического языкознания» осве-

щалась деятельность Ф. Боппа, Р. Раска, А. Х. Востокова, Я. Гримма (именно в такой последовательности). В некоторых местах заметно авторское отношение к личности учёного. Так, об академике А. Х. Востокове Н. А. Кондрашов написал, что он «был интересным поэтом» [Там же, с. 41], а его «Рассуждению...» справедливо присвоил «эпохальное значение» [Там же].

Говоря о концепции языка В. Гумбольдта, автор книги подчёркивал, что тот предвосхитил «последующее разграничение диахронии и синхронии» [Там же, с. 46]. В своём обзоре Н. А. Кондрашов указал на творческий дар великого немецкого философа-лингвиста: «Гумбольдт живо чувствовал особый характер каждого языка и был способен быстро отмечать его особенности» [Там же, с. 47]. Отмечается интерес учёного к «законам духа, к звуковой стороне языка и его коммуникативной функции. Говорится о том, что в «языке ... фиксируется определённое мировоззрение» [Там же, с. 48]. Фигура этого мыслителя подаётся в дискуссионном плане: обозначаются противоречия в его идеях, они соотносятся с похожими размышлениями у его последователей – А. А. Потебни, А. Шлейхера и др. И в то же время Н. А. Кондрашов преподносил В. Гумбольдта как феномен в истории языкознания, подчёркивал его роль в основании многих современных направлений в этой науке, например, этнолингвистики и когнитивистики [Там же, с. 51].

Крупный раздел в книге посвящён обзору младограмматического направления. «Это шутивное название [Junggrammatiker] подхватил Бругман ... В основе его лежал молодой задор, с которым представители нового направления нападали на взгляды старшего поколения языковедов» [Там же, с. 68], – так в нескольких фразах Н. А. Кондрашов пояснял суть одной из ключевых традиций в истории лингвистической науки XIX в. Он подробно разобрал теоретические основы младограмматиков, прокомментировав выдвигавшиеся ими положения о фонетических законах, роли аналогии в языке и задачу изучать современные живые языки [Там же, с. 69].

Обложка книги Н. А. Кондрашова «Общее языкознание (Курс лекций). Часть I. История языкознания» (Москва, 1972)

Учёный привёл тезисы, свидетельствовавшие о том, что младограмматики в своих поисках и экспериментах заглядывали в будущее науки, выступая против «праиндоевропейского тумана», когда «заявляли, что до них языкознание слишком много занималось языком и слишком мало человеком, как будто язык существует самостоятельно, отдельно от человека» [Там же, с. 71]. Н. А. Кондрашов отдельно говорил о достижениях младограмматиков и недостатках в их учении, о влиянии взглядов А. Шлейхера на их идеи и т. д.

Объёмный раздел представлял картину развития идей в русском языкознании второй половины XIX в. (к сожалению, XVIII в. был показан более или менее подробно только на примере филологических трудов М. В. Ломоносова [Там же, с. 31]¹).

¹ О В. Н. Татищеве Н. А. Кондрашов выпустил отдельную брошюру только в 1985 г. (см. подробнее: [15]). Ср. в этом отношении интересные находки в работах его предшественника – В. Е. Адогурова, грамма-

Прежде всего автор книги рассматривал грамматические взгляды Ф. И. Буслаева и А. А. Потебни. Из трудов первого он особенно выделил книгу «О преподавании отечественного языка», в которой, по мнению Н. А. Кондрашова, «впервые была показана связь истории русского языка с историей русского народа» [Там же, с. 80–81]. Указывая на противоречия в логико-грамматических рассуждениях Ф. И. Буслаева, учёный тем не менее превозносил его как тонкого мыслителя и оригинального исследователя.

Вечная книга А. А. Потебни «Мысль и язык» интересна тем, что в ней соединялись несколько плоскостей филологического эксперимента: её автор изучал психологические основы языкового творчества в связи с семасиологией и эволюцией человеческого мышления [Там же, с. 83]. В этой части подробно рассматривался главный лингвистический труд А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике», высокий научный смысл которого не был до конца понят современниками талантливого харьковчанина. «Поэтому значение трудов Потебни, – резюмировал Н. А. Кондрашов, – росло по мере теоретических поисков в области русского языкознания. Многие выводы и положения Потебни сохраняют свою ценность и в настоящее время» [Там же, с. 86].

Затем Н. А. Кондрашов перешёл к обзору идей Московской и Казанской лингвистических школ, начав его с такого правильного по сути и торжественного суждения Л. В. Щербы: «В старой России было три замечательных лингвиста-теоретика: А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртенэ и Ф. Ф. Фортунатов, которые были вождями лингвистической мысли у себя на родине, но в силу внешних обстоятельств не стали вождями мировой науки о языке» [Там же, с. 87]. Даже в кратком, но информативном обзоре Н. А. Кондрашов находил место для

тика которого, в противоположность предыдущим компилятивным трудам, описывала строй родного языка (см. об этом: [16, с. 104–110]). Но ко времени издания учебника Н. А. Кондрашова она была практически неизвестна и находилась в рукописном виде.

ознакомления читателей с редкими фактами из биографии учёных. Об И. А. Бодуэне де Куртенэ он написал так: «Бодуэн не был кабинетным учёным: он всегда выступал против несправедливости. За издание брошюры “национальный и территориальный признак в автономии” (1913), направленной на защиту права самоопределения всех народов царской России и расценённой как “призыв к мятежу” он был приговорён к двум годам заключения в крепости. Только после протестов русской интеллигенции во главе с А. А. Шахматовым его выпустили из тюрьмы» [Там же, с. 92].

Интересны и последующие разделы книги «Общее языкознание»: описание социологического направления, идей лингвистической географии (ср. архивные публикации: [14, с. 91–102]), упоминание «союза языков» Н. С. Трубецкого и идеалистических взглядов лингвистов начала XX века (см. подробнее: [5, с. 99–104]).

Н. А. Кондрашов подробно разбирает концепцию Фердинанда де Соссюра, назвав его одним из «выдающихся языковедов» [Там же, с. 104], указал, что её некоторые положения «послужили теоретической базой для различных направлений наиболее влиятельного в настоящее время лингвистического направления в зарубежном языкознании – структурализма» [Там же, с. 109–110].

Самый большой раздел в первой части книги – «Пражская лингвистическая школа». И это неудивительно: Н. А. Кондрашов был долгие годы связан профессиональными отношениями с «пражцами», отлично знал историографию культуры и науки западных славян, его можно назвать первым пропагандистом их традиций в СССР. Ко времени подготовки учебника (конец 1960-х–начало 1970-х гг.) были обнародованы новые факты из летописи Cercle linguistique de Prague. Их-то в первую очередь и привлек к обзору учёный (см.: [Там же, с. 110 и далее]). Он обстоятельно разобрал теоретические положения Пражской школы, говорил о рецепции идей Ф. де Соссюра, подчёркивал вклад лингвистов того поколения в изучение природы знаковости

языка, цитировал и анализировал работы Й. Вахека, С. О. Карцевского, В. Матезиуса, В. Скалички, Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона и мн. др. Отдельным пунктом в обзоре стояла исследовательская работа пражских лингвистов в области теории и практики структурной грамматики [Там же, с. 116–120] и истории литературного языка. В представленном виде этот очерк о «пражцах», включённый в «Общее языкознание», пусть и адаптированный для студенческой аудитории, был лучшим из имевшихся тогда аналитических обзоров (см., например, отдельный очерк о В. Матезиусе: [3]). Его писал талантливый лингвист, честно, со знанием дела, с критическими оценками и полемикой, живо и по-человечески сочувственно.

Заключительные разделы I части книги посвящены рассказам о датском и американском структурализме – актуальных для второй половины XX в. направлениях, занимавших ведущие позиции в мировой лингвистической науке, и краткому обзору идей советского этапа развития языкознания. При том, что Н. А. Кондрашов не очень симпатизировал «буржуям» (как он их в шутку называл на лекциях), его обзоры всегда корректны, а формулировки чёткие и доказательные, с привлечением источников, интересными примерами и сопоставлениями. В целом он дал объективную оценку развития идей зарубежного языкознания. Финальный абзац тоже показателен для автора учебника, не упускавшего возможности пошутить над каким-то жизненным «сюжетом» или привести занимательную историю в общении со студентами. Здесь концовка выглядела следующим образом: «Под влиянием философии неопозитивизма и прагматизма они [дескриптивисты] оценивают обычно каждый метод только с точки зрения простоты, удобства и внутренней непротиворечивости описания. Подобный подход к лингвистическому описанию получил ироническое название *hocus-pocus approach* – “подход фокусника”, для которого важна не практическая ценность теории и её соответствие действительности, а её красота и логичность.

Много элементов такого подхода можно обнаружить и в предлагаемых схемах допустимых трансформаций и построениях порождающих грамматик» [8, с. 141].

Естественно, что в историографической части курса нельзя было пройти мимо и современных для того времени направлений, к которым Н. А. Кондрашов относил этнолингвистику, неогумбольдтианство, разработки типологического изучения языков и лингвистических универсалий, применение точных методов в прикладном языкознании, актуальные теории в области компаративистики.

Во многих разделах первой части Н. А. Кондрашов приводил цитаты и ссылки на оригинальные и переводные работы Ф. Боаса, Б. Гавранека, Г. Глисона, Л. Блумфилда, М. Комарека, А. Мартине, А. Мейе, Э. Сепира, Ф. де Соссюра, Р. О. Якобсона, используя доступные к тому времени издания и редкие материалы из своей библиотеки (особенно когда он описывал традицию Пражского лингвистического кружка). Кроме того, использовались и другие книги (приведём их без ссылок пунктиром): В. А. Звегинцев «История арабского языкознания. Краткий очерк» (1958); П. С. Кузнецов «У истоков русской грамматической мысли» (1958); «Русская грамматика Лудольфа» (1937); «Полное собрание сочинений» М. В. Ломоносова, Т. 7. (1952); И. В. Ягич «История славянской филологии» (1910); Е. И. Шендельс «Связь языкознания с другими науками» (1962); А. А. Потебня «Мысль и язык» (1913); О. Шрадер «Сравнительное языковедение и первобытная история. Лингвистическо-исторические материалы для исследования индоевропейской древности» (1886); Г. Пауль «Принципы истории языка» (1960); Ю. Д. Апресян «Идеи и методы современной структурной лингвистики» (1966) и др.

Завершается первая часть книги обзором развития советского языкознания. Конечно, учёный не мог в то время писать откровенно о событиях 1930–1940-х гг., но всё же показал неоднозначность ситуации в науке, когда рассматривал взгляды

«воинственных и шумных групп» вроде «Языкофронт» или формалистических тенденций в лингвистике [Там же, с. 158].

Вузовский курс «Общее языкознание» не мог вместить в себя все интересы Н. А. Кондрашова, но его предпочтения и симпатии к своим героям (а учёные для Николая Андреевича никогда не были обесцвечены), безусловно, скрыто присутствовали между строк официального учебного текста, когда автор высказывался о личностях, их взглядах и открытиях. Он умел видеть главное в облике лингвиста: будь то его человеческий портрет или научный подвиг. Эти категории были для Н. А. Кондрашова неразделимы. Так, например, говоря о значении трудов академика Л. В. Щербы, Н. А. Кондрашов подчёркивал важность эксперимента, исследования нового материала: «В 1907–1908 гг. Щерба, по совету Бодуэна, изучает мужаковский диалект лужицкого языка в Германии. Затерянный славянский диалект крестьян в немецком языковом окружении важен был для разработки теории смещения языков и языковых контактов. Щерба вообще поставил целью изучить всесторонне живой, совершенно незнакомый ему язык, чтобы не навязывать языку каких-либо предвзятых категорий, не укладывать строй языка в готовые схемы, почерпнутые из вторых рук или печатных пособий» [Там же, с. 159].

Характеризуя грамматические работы А. М. Пешковского, Н. А. Кондрашов писал, что они «отличаются богатством привлечённого материала, оригинальностью мысли и тонкостью лингвистического анализа» [Там же, с. 161].

О Д. Н. Ушакове, своём мифлийском учителе, Николай Андреевич сказал так: «...прекрасный преподаватель, знаток русского языка и учёный, умевший излагать самые сложные положения простым и лаконичным языком. Его “Краткое введение в науку о языке”, то есть введение в языкознание, является образцовым в указанном отношении» [Там же, с. 162].

Г. О. Винокура Н. А. Кондрашов назвал «филологом в подлинном значении этого

слова. Он объединил в своём творчестве задачи лингвистики и литературоведения» [Там же].

Аккуратный рассказ о репрессированном Е. Д. Поливанове, трагическая судьба которого только в 1960-х гг. стала известна широкой научной общественности, он сопроводил честными, корректными словами о том, что «ему [Поливанову] чуждо было нигилистическое и резко отрицательное отношение к научному наследию, свойственное Н. Я. Марру» [Там же, с. 163]. И далее автор книги писал: «Поливанов выступал против попыток объяснить фонетические и грамматические явления непосредственным воздействием социально-экономических факторов. Однако влияние этих факторов на историю языка он видел в другой сфере – в возможности или невозможности определённого явления, в дифференциации и интеграции общества» [Там же, с. 164].

Критикуя академика Н. Я. Марра за «классовость» языка и его отождествление с «идеологической надстройкой», за стадильную теорию развития языка, Н. А. Кондрашов резюмировал: «Ясно, что Марр игнорировал и фонетические законы, и морфологические различия между языками. Единственным прибежищем оставалась семантика (значение) слов, в которой он и пытался найти доказательства стадильных трансформаций и наслоения различных идеологий» [Там же, с. 166–167]. И ещё одна важная деталь интересна в этой связи в книге Н. А. Кондрашова: он отлично знал европейскую лингвистическую традицию и мог найти те связи и влияния, которые не видны были рядовому лингвисту, трактовавшему события марризма только в одной плоскости. Неоднозначность противоречивой фигуры главы советского языкознания 1920–1930-х гг., по мнению, автора учебника, выражалась и в том, что «при всей враждебности к зарубежному языкознанию, которую проявлял Марр, объективности ради следует отметить, что многие элементы своих теорий он заимствовал именно на Западе. Некоторые его положения созвучны взгля-

дам А. Тромбетти (единство языкотворческого процесса), Г. Шухардта (роль языкового смешения), Г. Асколи (роль субстрата), Л. Леви-Брюля (трактовка первобытного мышления)» [Там же, с. 167].

Из наиболее значительных по научным достижениям учёных второй половины XX в. Н. А. Кондрашов выделял двух филологов – В. В. Виноградова и В. М. Жирмунского. Первого, как мы уже сказали, он знал довольно близко и высказался о нём тепло и уважительно, почти с трепетом. Непривычно читать в официальном пособии такие строки о В. В. Виноградове: «Он знал и любил русский язык и его историю так, как мало кто их знает и любит» [Там же, с. 168]; «Бесподобное знание русского языка и языка многих писателей по необходимости привело В. В. Виноградова к лексикографической работе» [Там же, с. 169]; «Его заметки по истории русских слов и фразеологизмов свидетельствуют о прекрасном знании эпохи – культурно-исторических, литературных, социально-бытовых явлениях» [Там же]. Наконец, приведём вот это, скорее всего совсем личное наблюдение Н. А. Кондрашова: «В. В. Виноградов ценил научное наследие русских языковедов, виднейшим представителям русской грамматической науки он посвятил множество статей и исследований. Оберегая наследство, он много сил отдавал подготовке молодых исследовательских кадров, будучи строгим и взыскательным учителем» [Там же].

Называя В. М. Жирмунского крупнейшим германистом, Н. А. Кондрашов добавил, что «в значительной степени благодаря его деятельности советская германистика приобрела мировое признание» [Там же]. Николай Андреевич также выделил вклад В. М. Жирмунского и в новую область языкознания: «Он одним из первых в нашей стране занялся социолингвистической проблематикой» [Там же].

При чтении первой части книги Н. А. Кондрашова возникает ощущение, что автор хотел рассказать не только о том, что надо, но и о том, что он любил, понимал и ценил. Такое созвездие имён и трудов

выдающихся лингвистов (Шрадер, Бенфей, Мюллер, Курциус, Диц, Юнгман, Линде, Караджич, Бодянский, Срезневский, Григорович...), казалось бы, просто не уместить на страницах типового учебника, особенно когда Николай Андреевич рассказывал о компаративистике XIX века. А ещё боготворимая им Пражская лингвистическая школа – островок свежей мысли посреди устоявшихся взглядов официальной филологии 1960–1970-х гг. в СССР. Для настоящего слависта это были не просто имена, а вехи в истории науки. Он учил нас теории языкознания на подлинных традициях самых ярких личностей в *филологии духа* того времени.

Конечно, он не мог обойтись и без проходных разделов вроде «К. Маркс и Ф. Энгельс о проблемах языкознания», но и они теперь представляются бесполезными. Вряд ли кто из современных читателей может себе представить, что идеологи социализма были отличными компаративистами и обожали изучение языков. Ф. Энгельс, например, специально читал труды славянских учёных Й. Добровского, П. Шафарика, В. Ганки, Ф. Миклошича, выработав свой подход к обучению языков: «Вот какого метода я всегда придерживаюсь при изучении какого-либо языка: не заниматься грамматикой (за исключением склонений и спряжений, а также местоимений), а читать со словарём самые трудные произведения классического автора, какие только можно найти. Так итальянский я начал с Данте, Петрарки и Ариосто, испанский – с Сервантеса и Кальдерона, русский – с Пушкина; затем я читал газеты и прочее» [Там же, с. 67]. Вот что ещё процитировал Н. А. Кондрашов из Ф. Энгельса в связи с интересом последнего к лингвистике: «Как красив русский язык! Все преимущества немецкого без его ужасной грубости» [Там же, с. 65].

Скажем, может быть, не так подробно и о второй части учебника Н. А. Кондрашова «Проблемы языкознания и методы изучения языка» [9]. Она включала такие разделы: «Предмет общего языкознания», «Сущность языка», «Язык и мышление»,

«Внутренняя структура языка», «Язык и общество», «Язык и его развитие», «Методы изучения языка».

В начале книги автор традиционно излагал содержание предмета и его отличие от частных лингвистических курсов, говорил о связи с другими науками. Так, отмечая сближение психологии с языкознанием, он приводил следующие примеры: «Даже для наименования предметов по характерному признаку имеет психологическое происхождение: ср. слово *смородина* от признака *сморд* (*смород*), означающее первоначально, вероятно, “пахучее”; слово *пол* от *половины* (расколотого дерева), отсюда *половицы* как часть пола и т. д.» [9, с. 13]. Показательны случаи языкового родства в топонимах типа *Саратов* (от *сара-тау* «жёлтая гора») или *Дрезден* – от славянского *дрягва* «болото» [Там же, с. 17]. Интересно сейчас читаются экскурсы в теорию информации и рассказ о роли машинного перевода в лингвистических исследованиях [Там же, с. 19–21] – настоящая ретрофилология, а ведь прошло всего-то 40 лет! Прозвучала даже и семиотика [Там же, с. 21], не воспринимавшаяся советской лингвистикой как серьёзная наука.

В разделе «Сущность языка» мы обратили внимание на многочисленные определения этого понятия, принадлежавшие разным школам. Среди имён – Штейнталь, Потенбня, Фортунатов, Бодуэн де Куртенэ, Кроче, де Соссюр, Фосслер, Мейе, Вандриес, Пизани, Ельмслев. Автор обратил внимание на неравноценность трактовки языка [Там же, с. 25] и в духе принятой идеологии свёл обсуждение к «главному» – ленинскому определению. Здесь же поднимались и другие важные проблемы: происхождения языка, его знаковая природа, язык и речь, языковые отношения. Н. А. Кондрашов не принимал выдвигавшегося структуралистами тезиса о замкнутости системы языка, полагал, что такое понимание природы этого феномена может привести к «дегуманизации» языкознания, и в итоге лингвистика превратится «в своеобразную техническую дисциплину» [Там же, с. 44].

Раздел «Язык и мышление» трактовал непростые вопросы философии и лингвистики и по сути сталкивал две точки зрения – западную и советскую. По одну сторону были так называемые «менталисты» и «механисты», по другую – Ленин и его «царство мысли». Но и в таком ключе учёный не оставался наедине с идеологическими схемами. Он размышлял: «До сих пор не решён вопрос о том, идеально или материально сознание. Исследование мышления через посредство языка не даёт возможности решить эту проблему» [Там же, с. 50]. Здесь же обсуждались и другие важные проблемы: соотношение слова и понятия, взаимодействие языковых и логических категорий, что такое внутренняя речь. При этом Н. А. Кондрашов не оставался только в рамках одного мировоззрения, а подбор цитат авторов (де Соссюр, Ленин, Есперсен, Сталин, Выготский и др.) говорил о том, что он обладал широким кругозором и способностью читать и обрабатывать большой поток аналитической информации.

Самый объёмный раздел этой части – «Внутренняя структура языка», под ко-

торой понимались фонология, грамматика и лексикология. Взаимодействие единиц этих уровней – различных структур, разложение и сложение элементов, их особенности и теории, на которых построены лингвистические концепции – такие вопросы Н. А. Кондрашов решал в данном разделе. Заслуга в противопоставлении фонетики и фонологии в определении задач этих наук, по мнению Николая Андреевича, принадлежала Н. С. Трубецкому. В ключе данной проблемы снова подробно разбирались спорные моменты фонологической структуры, которые получили развитие со времени Пражского лингвистического кружка, описывались признаки фонем и типы фонологических оппозиций (по Н. С. Трубецкому) [Там же, с. 64–68] и др. Отдельный фрагмент автор посвятил истории вопроса учения о фонеме [Там же, с. 73–77].

При описании теории грамматики Н. А. Кондрашов в основном придерживался традиционного объяснение системных связей, но всегда показывал разные подходы к трактовке, например, разграничения лексических и грамматических значений, говорил о неоднозначности учения о частях речи: одни шли за И. А. Бодуном де Куртенэ, другие – за А. А. Шахматовым [Там же, с. 82–83]. Делая обзор морфологических вопросов, Н. А. Кондрашов в который раз обращает внимание на достижения пражских лингвистов и как бы вместе с ними рассуждает: «Выделение семы В. Скаличка произвёл на основе морфологического значения. Казалось бы, что сему как значимую единицу следует противопоставить морфеме как формальной единице. Однако Скаличка занимает в этом вопросе уклончивую позицию ...» [Там же, с. 97].

И в этой части Н. А. Кондрашов проявил свой талант систематизатора взглядов, их умелого интерпретатора и критика. Перед глазами читателей проходили имена лингвистов разных школ и направлений: от Д. Н. Овсяннико-Куликовского до М. Н. Петерсона, А. М. Пешковского, И. И. Мещанинова и В. В. Виноградова.

В заключение коснёмся последних разделов этой интересной книги. Мы заме-

Обложка книги Н. А. Кондрашова «Общее языкознание (Курс лекций). Часть II. Проблемы языкознания и методы изучения языка» (Москва, 1974)

тили такую деталь: при изложении вопросов соотношения языка и культуры Н. А. Кондрашов дал объёмную цитату на полторы страницы из книги Э. Сепира «Язык», так резко контрастировавшей с представлениями советских социолингвистов, притягивавших всё к идейным формулировкам классиков марксизма-ленинизма. Здесь же автор не случайно вставил «сепирову» шпильку, в которой немало парадоксов, почти афоризмов и необычных трактовок обозначенной проблемы, например: «Не могу я признать и настоящей причинной зависимости между культурой и языком. Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают» [Там же, с. 128]; «И простые, и сложные языки, в их бесконечном множестве разновидностей, можно найти на любых уровнях культурного развития. Поскольку дело касается языковой формы, Платон шествует с македонским свинопасом, Конфуций – с охотящимся за черепами дикарём Ассам» [Там же, с. 129]; «Лингвист никогда не должен впадать в ошибку отождествления языка с его словарём» [Там же]. Н. А. Кондрашов ценил яркие мысли, видел талант каждого учёного, кто не боялся идти в разрез со временем и его трафаретами. Э. Сепир – из числа таких самородков.

Вторая часть книги «Общее языкознание» более подвержена пропитке вирусом идеологии, но без такого компромисса выпустить полноценный учебник в 1970-х гг. едва ли было возможно. Думал ли так на самом деле автор? Конечно, нет. При известном консерватизме взглядов (напомним, Н. А. Кондрашов воспитывался как учёный в русле идей классической компаративистики и славистики) он был непокорным лингвистом, часто высказывал напрямую своё несогласие с теми или иными подходами к изучению языка и нередко, как бы мы сказали сейчас, «переходил на личности». Он видел языкознание сквозь паутину идеологии его времени.

Во всей книге, о чём бы ни говорил Николай Андреевич, обзор многих проблем соотнесён с идеями Пражского линг-

вистического кружка, который стал для него Меккой языковедческих идей и баталий и местом, где, безусловно, рождались истины. Он оставался верен славистическим ценностям до конца своей жизни и широко пропагандировал их даже в рамках стандартных учебников.

Любая книга имеет свою историю. Учебник профессора Н. А. Кондрашова – один из тех, которые продолжают филологическую биографию и в новом столетии. Сейчас столько «стандартных» пособий и имён, изобретающих очередные открытия, что пророческими кажутся слова Н. А. Кондрашова, высказанные в письме к курскому коллеге профессору А. Т. Хроленко в 1985 г.: «Что касается учебника, то сейчас наступила тёмная пора. Никто об этом не думает, хотя предчувствую, что через некоторое время раздастся вопль – мы запустили работу над учебниками или что-то подобное» [24, с. 188]. Отрадно заметить, что упомянутый нами А. Т. Хроленко идёт в ряду тех самых «кондрашовцев», которые всегда ищут и находят новое в традиционном разрезе общего языкознания. Таков, например, его курс «Введение в экофилологию» [23], объединяющий устойчивые знания по истории этой науки с актуальными вызовами современности. Об этой свободе выражения идей незабвенный Николай Андреевич мог только мечтать...

Но всё же и после двухтомного учебника Н. А. Кондрашов не угасал, продолжал разрабатывать новый курс [7] и практически во всех своих трудах говорил о необходимости углублённого изучения *истории языкознания* (см., например: [6; 7]) и *истории русского языка* (ср.: [13]). Через несколько лет, в 1979 г., он выпустил отдельную книгу «История лингвистических учений» [5]. Пробный шар, брошенный в коридорах МОПИ имени Н. К. Крупской (анализируемый нами учебник предназначался почти только для студентов этого вуза), получил удачное продолжение и до сих пор востребован в педагогической практике.

Почему же мы заговорили о ретрофилологии и в связи с ней вспомнили книгу Н. А. Кондрашова «Общее языкознание»?

Прежде всего потому, что архив лингвистики поучителен и ценен не только как исторический документ, уже «отыгравший» свою роль. Учебники тех времён были настоящим событием в вузовской практике. Их писали талантливые исследователи, годами, а может быть, и десятилетиями, вынашивая свой план. Многие им приходилось менять по цензурным причинам, а что-то и вовсе утаивать от читателей. Такова была реальность 1970-х. Зато на лекциях Н. А. Кондрашов и близкие ему по духу учёные раскрывались особенным образом: они не стояли неподвижно за кафедрой и не читали монотонным голосом по старым конспектам, а были ораторами на подмостках импровизированного театра, драматургами в истории своей жизни, спаянной с филологией, и подлинными, без игры на публику, летописцами эпохи. Такими мы их запо-

нили. И, наверное, благодаря им, до сих пор живём благодатной памятью к своим далёким, но близким учителям. Их книги теперь читаются и понимаются совсем по-другому. Значит, ретрофилология имеет свой голос и глубинный смысл. Без неё мы просто погрязнем в несчётном количестве безликих «пособий» таких же авторов-однодневок. Наш призыв – учиться у классиков – пусть вдохновляет и новое поколение студентов и педагогов, всех тех, кто ещё не потерял стремления к знанию и веры в то, что оно не аскетично и не пафосно. Хочется надеяться, что и сейчас существует «бескорыстная интеллектуальная любознательность». Она – сердце истинной науки. Незабываемая книга Н. А. Кондрашова «Общее языкознание» – это учебник с живой душой яркого, обаятельного, влюблённого в свой предмет Филолога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях: в 2-х ч. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. 466 с.
2. Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях: в 2-х ч. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. 495 с.
3. Кондрашов Н. А. Грамматическая концепция Вилема Матезиуса (к 100-летию со дня рождения) // Слово и словосочетание в структуре предложения: Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Н. А. Кондрашов. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1981. С. 3–12.
4. [Кондрашов Н. А.] Изучение русского языка в Чехословакии за последние десять лет // Вопросы языкознания. 1956. № 1. С. 152–155.
5. Кондрашов Н. А. История лингвистических учений: учебное пособие. М.: Просвещение, 1979. 224 с.
6. Кондрашов Н. А. О мерах по улучшению подготовки учителя-словесника // Лингвистический сборник. Выпуск III / отв. ред. Н. А. Кондрашов. М.: Типография ВВА им. Ю. А. Гагарина, 1975. С. 3–13.
7. Кондрашов Н. А. О постановке курса «История лингвистических учений» // Материалы VIII конференции преподавателей русского языка педагогических институтов Московской зоны. Лингвистический сборник. Выпуск 2 (часть первая) / отв. ред. Н. А. Кондрашов. М.: Типография ВВА им. Ю. А. Гагарина, 1973. С. 3–10.
8. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (Курс лекций). Ч. I. История языкознания. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1972. 173 с.
9. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (Курс лекций). Ч. II. Проблемы языкознания и методы изучения языка. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1974. 171 с.
10. Кондрашов Н. А., Хроленко А. Т. Общее языкознание // Программы педагогических институтов. Сборник 5 / отв. ред. Л. Ю. Максимов М.: Просвещение, 1985. С. 3–11.
11. Лоя Я. В. История лингвистических учений: Материалы к курсу лекций. М.: Высшая школа, 1968. 308 с.
12. Мещанинов И. И. Общее языкознание: К проблеме стадильности в развитии слова и предложения. Л.: Учпедгиз, Ленингр. отделение, 1940. 260 с.
13. Никитин О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2004. 47 с.
14. Никитин О. В. Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново и А. М. Селищева (неизвестные страницы истории Московской лингвистической школы) // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 91–102.
15. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию

- со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. № 5. С. 81–89.
16. Никитин О. В. Василий Евдокимович Адодуров (к 300-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2009. № 5. С. 104–110.
 17. Общее языкознание: методы лингвистических исследований / отв. ред. Б. А. Серебrenников. М.: Наука, 1973. 318 с.
 18. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376 с.
 19. Пражский лингвистический кружок: сборник статей / сост., ред. и предисл. Н. А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967. 559 с.
 20. Реформатский А. А. Введение в языковедение: пособие для учительских институтов. М.: Учпедгиз, 1947. 176 с.
 21. Томсен В. История языковедения до конца XIX века. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1938. 160 с.
 22. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 372 с.
 23. Хроленко А. Т. Введение в экофилологию: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2017. 264 с.
 24. Хроленко А. Т. История курской школы лингвофольклористики в письмах и документах. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2018. 198 с.
 25. Шор Р. О., Чемоданов Н. С. Введение в языкознание / под общей ред. акад. И. И. Мещанинова. М.: Учпедгиз, 1945. 280 с.

REFERENCES

1. Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaneya XIX–XX vv. v ocherkakh i izvlecheniyakh: v 2-kh ch. Ch. 1* [History of linguistics of the 19–20th centuries in essays and extracts: in 2 parts. Part 1]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1964. 466 p.
2. Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaneya XIX–XX vv. v ocherkakh i izvlecheniyakh: v 2-kh ch. Ch. 2* [History of linguistics of the 19–20th centuries in essays and extracts: in 2 parts. Part 2]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1965. 495 p.
3. Kondrashov N. A. [The grammatical concept of Willem Matesius (to the 100th anniversary)]. In: Kondrashov N. A., chief ed. *Slovo i slovosochetanie v strukture predlozheniya: Mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [The word and phrase in the sentence structure: interuniversity collection of scientific works]. Moscow, Moscow Region Pedagogical University named after N. K. Krupskaya Publ., 1981. pp. 3–12.
4. [Kondrashov N. A.] [The Study of the Russian language in Czechoslovakia over the past ten years]. In: *Voprosy yazykoznaneya* [Voprosy yazykoznaneya], 1956, no. 1, pp. 152–155.
5. Kondrashov N. A. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [The history of linguistic doctrines]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1979. 224 p.
6. Kondrashov N. A. [On measures to improve the training of a language teacher]. In: Kondrashov N. A., chief ed. *Lingvisticheskii sbornik. Vypusk III* [Linguistic collection. Issue III]. Moscow, Tipografiya VVA im Yu. A. Gagarina Publ., 1975. pp. 3–13.
7. Kondrashov N. A. [The setting of the course “History of linguistic studies”]. In: Kondrashov N. A., chief ed. *Materialy VIII konferentsii prepodavatelei russkogo yazyka pedagogicheskikh institutov Moskovskoi zony. Lingvisticheskii sbornik. Vypusk 2 (chast' pervaya)* [Materials of the VIII conference of Russian language teachers of pedagogical institutes of Moscow area. Linguistic collection. Issue 2 (part one)]. Moscow, Tipografiya VVA im Yu. A. Gagarina Publ., 1973. pp. 3–10.
8. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie: (Kurs lektsii). Ch. I. Istoriya yazykoznaneya* [General linguistics: (Course of lectures). Part I. The History of linguistics]. Moscow, Moscow Region Pedagogical University named after N. K. Krupskaya Publ., 1972. 173 p.
9. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie: (Kurs lektsii). Ch. II. Problemy yazykoznaneya i metody izucheniya yazyka* [General linguistics: (Course of lectures). Part II. Problems of linguistics and methods of language learning]. Moscow, Moscow Region Pedagogical University named after N. K. Krupskaya Publ., 1974. 171 p.
10. Kondrashov N. A., Khrolenko A. T. [General linguistics]. In: Maksimov L. Yu., chief ed. *Programmy pedagogicheskikh institutov. Sbornik 5 / [Programs of pedagogical institutes. Collection 5]*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1985. pp. 3–11.
11. Loya Ya. V. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii: Materialy k kursu lektsii* [History of linguistics: proceedings of the lectures]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1968. 308 p.

12. Meshchaninov I. I. *Obshchee yazykoznanie: K probleme stadial'nosti v razvitiy slova i predlozheniya* [General linguistics: the problem of stages in the development of words and sentences]. Leningrad, Uchpedgiz Leningrad office Publ., 1940. 260 p.
13. Nikitin O. V. *Delovaya pis'mennost' v istorii russkogo yazyka (XI–XVIII vv.): avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk* [Business writing in the history of the Russian language (11–18 centuries): abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2004. 47 p.
14. Nikitin O. V. [The Moscow dialectological Commission in the memoirs of D. Ushakov, N. Durnovo and A. Selishchev (unknown pages of history of the Moscow linguistic school)]. In: *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language], 2002, no. 1, pp. 91–102.
15. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian Language at school], 2019, no. 5, pp. 81–89.
16. Nikitin O. V. [Vasily Antonovich Adodurov (to the 300th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian Language at school], 2009, no. 5, pp. 104–110.
17. Serebrennikov B. A., chief. ed. *Obshchee yazykoznanie: metody lingvisticheskikh issledovaniy* [General linguistics: methods of linguistic studies]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 318 p.
18. Polivanov E. D. *Stat'i po obshchemu yazykoznaniiyu* [Articles on General linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 376 p.
19. Kondrashov N. A., ed., comp. *Prazhskii lingvisticheskii kruzhok: sbornik statei* [The Prague linguistic circle: a collection of articles]. Moscow, Progress Publ., 1967. 559 p.
20. Reformatskii A. A. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to linguistics]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1947. 176 p.
21. Tomsen V. *Istoriya yazykovedeniya do kontsa XIX veka* [History of linguistics until the late nineteenth century] Moscow, Narkompros RSFSR Publ., 1938. 160 p.
22. Trubetskoi N. S. *Osnovy fonologii* [The basics of phonology]. Moscow, Izdatelstvo inostrannoi literature Publ., 1960. 372 p.
23. Khrolenko A. T. *Vvedenie v ekofilologiyu* [Introduction to ecophilology]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2017. 264 p.
24. Khrolenko A. T. *Istoriya kurskoi shkoly lingvofol'kloristiki v pis'makh i dokumentakh* [The history of the Kursk school of linguistic folkloristics in letters and documents]. Kursk, Kursk State University, 2018. 198 p.
25. Shor R. O., Chemodanov N. S. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1945. 280 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; профессор кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;
e-mail: olnikitin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Nikitin – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of History of Russian and General Linguistics, Moscow Region State University; Professor at the Department of Russian, Petrozavodsk State University; honorary worker of higher professional education of the Russian Federation;
e-mail: olnikitin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Никитин О. В. Незабываемая книга Н. А. Кондрашова «общее языкознание» (об актуальности ретрофилологии XX века) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.

FOR CITATION

Nikitin O. V. The unforgettable book by N. Kondrashov "General linguistics" (the relevance of retroviology of the XXth century). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp.

УДК 81.115-811.16

DOI

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ ПОПУЛЯРИЗАТОР СЛАВИСТИКИ: К ЮБИЛЕЮ НИКОЛАЯ АНДРЕЕВИЧА КОНДРАШОВА

Супрун В. И.

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400066, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, д. 27, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются эпизоды жизненного и творческого пути профессора Николая Андреевича Кондрашова (1919–1995), его вклад в развитие отечественной и зарубежной славистики. Проанализированы связи учёного с зарубежными славистами, его участие в славистической деятельности в России и за её пределами. Рассматриваются труды Н. А. Кондрашова и их роль в разработке лингвистических проблем.

Ключевые слова: Н. А. Кондрашов, славистика, славянские языки, словакистика, богемистика, компаративистика, лингводидактика

A CONSISTENT PROMOTER OF SLAVIC PHILOLOGY: TO THE ANNIVERSARY OF NIKOLAY KONDRASHOV

V. Suprun

*Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 prospekt imeni V. I. Lenina, Volgograd 400066, Russian Federation*

Annotation. The article deals with the episodes of life and career of Professor Nikolay Kondrashov (1919–1995), his contribution to the development of domestic and foreign Slavistics. The connections of the scientist with foreign Slavists, his participation in slavistic activity in Russia, and abroad are analyzed. The works of N. Kondrashov and their role in the development of linguistic problems are considered.

Keywords: N. Kondrashov, Slavic studies, Slavic languages, the study of the Slovak language, the study of the Czech language, comparative studies, linguodidactics

Вряд ли найдётся в России славист, который не учился по книгам или не знаком с публикациями Николая Андреевича Кондрашова. Его учебное пособие «Славянские языки» (см., например 3-е издание: [7]), выпущенное впервые в 1956 г., не только для славистов, но и для многих русистов является настольной книгой, к которой можно обратиться, когда возникнет потребность справиться о том или ином явлении в разных языках славянских народов. Обстоятельные исследования языков славян появились позже [15; 19], они явно были инспирированы идеей Николая Андреевича, но при этом ни в одном из них нет ссылок на книгу предшественника,

вышедшую в трёх изданиях общим тиражом в 51 тысячу экземпляров. Нет упоминания о трудах Н. А. Кондрашова и в книге о южнославянских языках, вышедшей в Белграде [20]. Впрочем, в ней и на предшествующее издание учёных МГУ есть ссылка только в очерке о словенском языке [20, с. 376].

Сам Николай Андреевич в своих работах охотно делал ссылки на труды предшественников, включая тех, кто не упоминал его в своих публикациях. При переработке первого издания пособия «Славянские языки» он постоянно пополнял список использованной литературы, в третьем издании имеются ссылки на книги, вы-

© CC BY Супрун В. И.

шедшие в 1973 г., а в тексте упоминается издание 1974 г. [7, с. 62]. Мне кажется, что первое издание книги было интереснее для использования в работе со студентами. Оно содержало перевод одного и того же отрывка из книги «Как закалялась сталь» Николая Алексеевича Островского (1904–1936) почти на все славянские языки; студенты могли сопоставить эти тексты и наглядно увидеть различия между отдельными языками. Я давал задания выписать из текстов сходные и различающиеся единицы, наблюдать фонетические и грамматические явления. В последнем издании Николай Андреевич почему-то убрал этот фрагмент, оставив только тексты оригинальных произведений славянских поэтов и писателей, что, впрочем, также позволяет осуществить творческий поиск студентов на занятии. К тому времени в педагогических вузах на отделениях русской филологии ещё преподавался курс «Введение в славянскую филологию», незаменимым пособием для которого была книга Н. А. Кондрашова «Славянские языки». В настоящее время славистическая подготовка студентов-русистов в стране, к сожалению, существенно сократилась, остались только курсы по выбору и преподавание основ славяноведения магистрантам.

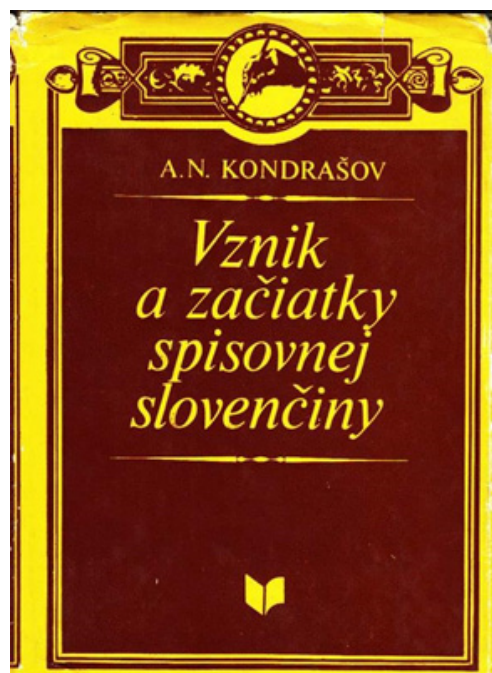
В старину российские слависты для своего профессионального становления отправлялись в экспедиции к славянским народам, собирали лингвистический и этнологический материал, описывали его, внося свой ценный вклад в славяноведение. В 1837–1842 гг. к славянам отправляется Осип Максимович Бодянский (1808–1877), который встречается с видными деятелями зарубежной славянской науки и культуры Людевитом Гаем, Вацлавом Ганкой, Йозефом Юнгманом, Павлом-Йозефом Шафариком, Яном Колларом, Вуком-Стефаном Караджичем, Ернеем Копитаром и др. [6]. Он привёз в Москву значительную библиотеку рукописей и печатных изданий XIII–XIX вв., насчитывающую почти 3 тысячи единиц, которая в 1843 г. была приобретена Московским

университетом¹. С августа 1844 г. по апрель 1847 г. находился в заграничной научной командировке Виктор Иванович Григорович (1815–1876), который посетил земли южных и западных славян [4]. Путешествовал по Боснии, Герцеговине, Сербии, Польше и описал славянские языки и наречия Александр Фёдорович Гильфердинг (1831–1872) [11]. Афанасий Матвеевич Селищев (1886–1942) в 1914 г. ездил на два месяца на Балканы, где изучал македонские говоры, по результатам поездки он защитил диссертацию и опубликовал книгу «Очерки по македонской диалектологии» [14]. Лев Владимирович Щерба (1880–1944) во время своей поездки по Европе летом 1907 (2 месяца) и 1908 гг. (6 недель) исследовал лужицкий язык (мужаковский говор), по этим материалам в 1915 г. он защитил докторскую диссертацию «Восточнолужицкое наречие» [18]. Число подобных примеров можно множить.

Николай Андреевич Кондрашов тоже ощутил вкус к изучению славянских языков во время пребывания в стране, где на одном из них говорили, однако попал он туда не в профессорском фраке с записной книжкой в руках, а в солдатской шинели, вооружённый винтовкой. В сентябре 1943 г. 23-летний выпускник МГУ был призван в Советскую Армию и после окончания военного училища до конца 1945 г. служил в штабе Центрального фронта ПВО, располагавшегося в Словакии [12, с. 82]. Там и произошло славистическое крещение будущего учёного. Добавлю, что он был награждён медалью «За победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

После демобилизации Николай поступил в аспирантуру МГУ, где изучал славянские языки уже не только практически, но и теоретически, а в 1949 г. там же защитил кандидатскую диссертацию о категории личности и неличности в словацком языке [там же]. Спустя 19 лет он защитил док-

¹ См.: Славянская учебная библиотека О. М. Бодянского: каталог / сост. Л. Ю. Аристова. М.: Издательство Московского университета, 2000. 336 с.

Обложка книги Н. А. Кондрашова
«Возникновение и начальный этап развития
словацкого литературного языка» (Братислава,
1974)

торскую диссертацию «Возникновение и начальный этап развития словацкого литературного языка» [12, с. 85]. Эта работа была переведена на словацкий язык Маргитой Масаровой, преподавательницей Университета им. Коменского в Братиславе, и опубликована в 1974 г. в издательстве Словацкой академии наук «Веда», к сожалению, с перепутанными инициалами [23].

Словакистика и словацкий язык оставались всегда в центре исследовательских интересов и практической деятельности учёного. В 1953 г. он подготовил к изданию книгу словацких повестей и рассказов, в которую вошли произведения писателей Словакии с 1860 г. по середину XX века. Н. А. Кондрашов включил в антологию повести и рассказы Яна Калинчака (Ján Kalinčiak, 1822–1871), Светозара Гурбан-Ваянского (Svetozár Hurban-Vajanský, 1847–1916), Мартина Кукучина (Martin Kukučín, 1860–1928), Йозефа Грегора-Тайовского (Jozef Gregor-Tajovský, 1874–1940), Янко

Есенского (Janko Jesenský, 1874–1945), Петра Илемницкого (Petr Jilemnický, 1901–1949). Книга вышла тиражом в 30 тысяч экземпляров¹.

С Яном Калинчаком мы ещё раз встречаемся в статье Николая Андреевича, опубликованной в журнале «Словацкая этнография (Slovenský národopis)» в 1973 г. [24]. Работая в архивах с документами Измаила Ивановича Срезневского (1812–1880), Н. А. Кондрашов обнаружил среди бумаг словацкие сказки, которые Ян Калинчак записал в Липтове, исторической области на севере Словакии (ныне районы Ружомберок и Липтовски-Микулаш). Эти записи попали к И. И. Срезневскому от известного деятеля словацкого национального возрождения Людовита Штура (1815–1856), с которым русский учёный встречался во время своего путешествия по Европе с 1839 по 1842 г.

Они познакомились во время пребывания Измаила Ивановича в Галле, где Л. Штур учился в местном университете, через год снова встретились в Лужицах [2, с. 124]. С 19 марта по 12 июня 1842 г. Срезневский находился в Словакии, «путешествуя главным образом пешком и на

Словацкий писатель, поэт, литературный критик и педагог Ян Калинчак
(1822–1871)

¹ Словацкие повести и рассказы / пер. со словац.; ред.-сост. Н. А. Кондрашов. М.: Гослитиздат, 1953. 479 с.

лошади» [5, с. 40–41]. Людовит Штур сопровождал Срезневского в некоторых поездках по Словакии [2, с. 125]. Видимо, во время этих встреч Штур и передал Измаилу Ивановичу записи сказок.

Н. А. Кондрашов опубликовал эти сказки в приложении к статье о них. Оказалось, что эти тексты неизвестны словацкой фольклористике. Статью русского слависта перевёл научный сотрудник кабинета этнологии Университета им. Коменского в Братиславе Ян Коморовский (1924–2012), основатель словацкой регионалистики. Ранее Н. А. Кондрашов опубликовал в Москве статью о словацких материалах в архиве И. И. Срезневского [8].

Добавлю, что Измаил Иванович интересовался словацкой культурой ещё до поездки к словакам. В 1832 г. он издал в Харькове книгу «Словацкие песни», материал для которой он собрал у словацких продавцов и ремесленников, которых встречал на Украине¹.

Когда в 1956–1958 гг. Н. А. Кондрашов снова оказался на продолжительное время в Словакии, работая в вузах Братиславы, он участвовал во многих встречах со словацкими учёными. Ещё в 1951 г. в Институте языкознания в Братиславе был задуман Большой русско-словацкий словарь², автором идеи его разработки и издания был блестящий славист и русист профессор Александр Васильевич Исаченко (1910–1978), который в то время заведовал кафедрой славистики в Университете им. Коменского в Братиславе. Именно в этот период он написал и издал свой знаменитый труд «Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким», не потерявший своего значения до наших дней [3]. В Братиславе вышел его двухтомный словацко-русский словарь, в работе над которым участвовали упомянутый выше Ян Коморовский и недавний

Словацкий поэт, филолог и общественный деятель Людовит Штур (1815–1856)

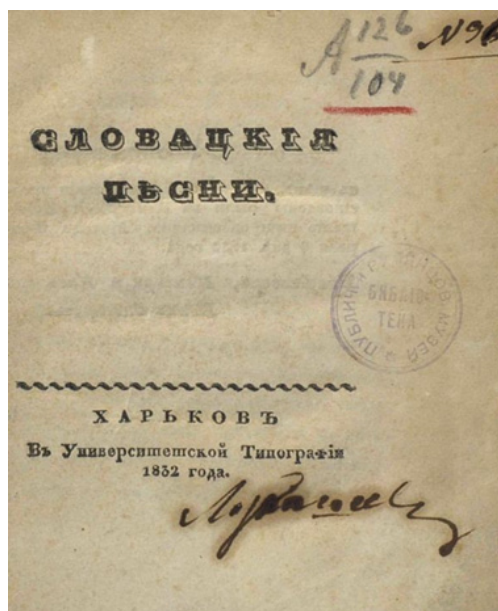
выпускник Университета им. Коменского Дезидер Коллар³. А. В. Исаченко возглавлял авторский коллектив Большого русско-словацкого словаря до 1955 г., потом уехал в Оломоуц в Моравии, где стал заведовать кафедрой славистики в Университете им. Палацкого [28]. После этого подготовкой и изданием словаря руководил Любомир Дюрювич. Он и пригласил Николая Андреевича отредактировать русскую часть словаря. Первый том вышел в 1960 г. Во втором томе указано, что Н. А. Кондрашов отредактировал русскую часть букв К, Л, М, Н «насквозь»⁴. Уже в этом томе при редактировании материала его сменила Е. П. Васильева, в последних томах она и Дезидер Коллар значатся как главные редакторы. Об участии Н. А. Кондрашова в работе над Большим

¹ Словацкие песни. Харьков: Университетская типография, 1832. 64 с.

² См.: Большой русско-словацкий словарь. I том. Братислава: Издательство Словацкой академии наук, 1960. 762 с. II том. 1963. 1009 с. III том. 1965. 1028 с. IV том. 1968. 702 с. V том. 1970. 749 с.

³ Исаченко А. В. Словацко-русский переводной словарь / в сотрудничестве с Д. Колларом и Я. Коморовским. В 2 т. Братислава: Издательство Словацкой академии наук (и искусств), 1950–1957.

⁴ См.: Большой русско-словацкий словарь. Том II–IV. Братислава: Издательство Словацкой академии наук, 1963–1968

«Словацкие песни» в издании
И. И. Срезневского (Харьков, 1832)

русско-словацким словарём упоминает в своём очерке Штефан Швагровский [29, s. 445].

Кто хорошо знает словацкий язык, тот и по-чешски может изъясняться и понимает хорошо. Из всех славянских языков, пожалуй, эти два наиболее близки друг к другу. До 1 января 1993 г., до «бархатного развода», когда единая Чехословакия разделилась на два самостоятельных государства, в стране оба языка функционировали параллельно, существовала ярко выраженная диглоссия: на телевидении, радио, на официальных мероприятиях и в бытовом общении чехи и словаки говорили каждый на своём языке, и все понимали друг друга. Сейчас ситуация несколько изменилась, особенно в Чехии, где младшее поколение уже не всегда понимает все нюансы словацкой речи, однако в целом близость между языками ощущается всеми коммуникантами и параллельное использование обоих языков в общении встречается регулярно.

Николай Андреевич Кондрашов, прекрасно говоривший по-словацки, столь же хорошо владел чешским языком, был богемистом. У него были плодотворные

и обстоятельные научные связи с чешскими лингвистами. В 1977 г. в Праге вышла книга М. Кубика и Н. А. Кондрашова «Русский язык глазами лингвиста-слависта» [10]. Она предназначалась для студентов-русистов чехословацких вузов. Милослав Кубик (1926–1983) был специалистом по русскому синтаксису. Он преподавал с 1953 г. в Высшей школе русского языка в Праге, позже в Карловом университете. М. Кубик закончил аспирантуру в Ленинградском университете, защитил в 1960 г. кандидатскую диссертацию под руководством профессора Элеоноры Иосифовны Коротаевой (1910–1978). Сама влюблённая в русский синтаксис [9], она привила эту любовь своему ученику, который написал несколько книг и учебников о синтаксисе русского языка [21; 25; 26]. Многие мои чешские коллеги вспоминали, что учились по учебникам и посо-

Измаил Иванович Срезневский.
Литография по рисунку Н. Ванифатьева.
1854 г.

биям М. Кубика. Знакомство с Николаем Андреевичем заставило чешского профессора обратить внимание на славистическую проблематику.

Зная чешский язык, бывая в Праге и других городах Чехии, любой филолог неизбежно начинает интересоваться историей Пражского лингвистического кружка (ПЛК), его идеями и проблематикой. Н. А. Кондрашов и раньше был знаком с деятельностью этого научного объединения, оказавшего большое влияние на последующее развитие лингвистики, а в 1960-е гг. принял решение издать сборник статей чешских и русских «пражцев». В нём были представлены статьи В. Матезиуса, В. Скалички, Й. Вахека, Н. С. Трубецкого, Б. Трнки, Б. Гавранека и др. [13]. Это было смелое решение, учитывая, что русское ядро ПЛК было представлено эмигрантами. До сих пор эта книга входит в обязательное чтение аспирантов, магистрантов и студентов филологических факультетов.

Своеобразным продолжением этой публикации стал сборник «Теория литературного языка в работах учёных ЧССР», вышедший в серии «Новое в зарубежной лингвистике» под № 20 [16]. Чешский язык отличается сложной стилистической структурой, включающей письменную и устную формы литературного языка, узальную форму разговорного языка (*běžná mluva*), надрегиональную форму разговорно-просторечного языка (*obecná čeština*), региональные интердиалектные формы языка (*obecná hanáctina*, *obecná moravská slovenština*, *obecná laština*), собственно диалекты, интерсленг, социолекты, местные аргы (*hantýrka*, *pražská galérka*, *brněnská plotna*) и пр. [22]. Всё это стало причиной значительного внимания учёных Чехословакии к проблемам взаимодействия литературного языка с другими коммуникативными типами речи. В сборнике опубликованы серьёзные разработки стилистических проблем чешского и словацкого языков.

Н. А. Кондрашов поддерживал научные контакты со многими известными чешскими учёными. Крупный чешский славист, профессор Карлова университета Ян Петр (1931–1989), автор более 500 работ по различным проблемам славистики, в том числе учебников словенского языка

Обложка книги М. Кубика и Н. А. Кондрашова «Русский язык глазами лингвиста-слависта» (Прага, 1977)

(1971, 1976), в престижном чешском журнале «Слово и словесность», основанном Пражским лингвистическим кружком, опубликовал рецензию на книгу Николая Андреевича «История лингвистических учений» [27].

Из биографии Н. А. Кондрашова известно, что он владел 11 языками. Кажется, это преуменьшение, основанное на скромных признаниях учёного. Только в книге «Славянские языки» им проанализировано 13 языков с такой степенью детализации и обстоятельности, что никто не усомнится в том, что автор владеет этими языками. А ещё он свободно общался на европейских языках, знал мёртвые классические. Помимо словацкого и чешского, Н. А. Кондрашов обращался в своих исследованиях к другим славянским языкам. На одном из сайтов в интернете имеется не вполне внятное упоминание о том, что «ещё в первой половине 1960-х гг. он указывал на негативные последствия языкового объединения сербского

и хорватского языков в единый литературный под эгидой сербского»¹. В своём пособии Н. А. Кондрашов чётко заявляет, что сербскохорватским (в Ленинградском университете его называли сербохорватским) языком пользуются сербы, хорваты, черногорцы и боснийцы, а различия между сербским и хорватским вариантами литературного языка «заключаются только в словарном составе и произношением замен ё» [7, с. 192]. Интересно, однако, сопоставить жаркие споры современности на функционирование языка языков названных южнославянских народов и мысли русского дипломата, историка, этнографа Леонида Васильевича Березина (1836–1889), высказанные в статьях о его поездках по Хорватии, Славонии и Далмации и общении с хорватами. В статье «О состоянии учебных заведений в Хорватии, Славонии и Далмации» он пишет, что хорватский язык преподаётся по 3 урока в неделю в 1–8-х классах шести гимназий в Загребе, Осеке, Вараждине и других городах Хорватии и в четырёх 8-классных гимназиях Далмации (Задар, Сплет, Дубровник и др.). В школах изучается также история хорватской литературы. В народных училищах Далмации преподаются хорватский и итальянский языки. Автор отмечает, что на содержание преподавателей учебных заведений Далмации австрийское правительство ассигнует проценты с капитала от конфискации имений православных монастырей в Буковине [1, с. 19]. Как видим, в XIX в. существование хорватского языка не вызывало вопросов (ср. наблюдения А. А. Шахматова по русско-украинскому вопросу: [17]).

Формирование единого литературного сербохорватского языка, начавшееся ещё в 1850 г. после подписания в Вене так называемого Венского литературного соглашения между сербскими и хорватскими учёными, закрепилось в едином государ-

стве народов Югославии. В 1954 г. было подписано Новисадское соглашение, признававшее существование сербского и хорватского вариантов единого литературного языка. Стремление хорватской интеллигенции отделить свой язык от сербского окончательно претворилось в жизнь после распада Югославии и принятия в 1990 г. конституции Хорватии, в которой статья 12 гласит: «В Республике Хорватии официальным является хорватский язык и латинский алфавит». Надо сказать, что здесь не вполне точно сформулировано положение об алфавите, поскольку в Хорватии действует так называемая гаевица – алфавит, созданный Людевитом Гаем (1809–1872) в середине XIX в. по образцу чешской азбуки. 8 из 30 букв гаевицы отсутствуют в классическом латинском алфавите. Сербь только в конституции 2006 г. признали существование самостоятельного сербского языка (в конституции 1990 г. он назывался сербскохорватским).

Будучи сам убеждённым славистом, неутомимым популяризатором славистики, Н. А. Кондрашов с пиететом относился к своим предшественникам. Им написаны книги и статьи об Осипе Максимовиче Бодянском, Измаиле Ивановиче Срезневском, Романе Фёдоровиче Брандте (1853–1920). Эти публикации подробно рассмотрены О. В. Никитиным в его очерке о жизненном и творческом пути Николая Андреевича [12, с. 83–84].

У Николая Андреевича было немало учебников, пособий статей по проблемам общего языкознания, истории лингвистических учений, компаративистики, палеославистики, стилистики, терминоведения, лингводидактики и пр. Они также рассмотрены в отмеченной выше статье, поэтому здесь я на них останавливаться не буду.

Под руководством Н. А. Кондрашова подготовлено 70 кандидатов филологических наук, но реальный его вклад в подготовку следующих поколений славистов более весомый. Учёный щедро делился мыслями с молодыми исследователями разных стран. Он был неутомимым популяризатором славяноведения, «генерато-

¹ Кондрашов Николай Андреевич // Публичная библиотека (Электронные книжные полки Вадима Ершова и К°). URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KONDRASHOV_Nikolay_Andreevich/_Kondrashov_N.A..html (дата обращения: 19.08.2019).

ром идей» [12, с. 89], заслуживающим добрых слов в год его столетнего юбилея.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березин Л. О состоянии учебных заведений в Хорватии, Славонии и Далмации // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. 5-е десятилетие. Ч. СХС. Март [№ 3]. С. 1-19.
2. Загора Р. Контакты Людовита Штура с Измаилом Ивановичем Срезневским // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. 2008. №4-1. С. 124–129.
3. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Часть первая. Братислава: Издательство Словацкой академии наук, 1954. 386 с.
4. Кирпичников А. И. В. И. Григорович и его значение в истории русской науки // Исторический вестник. 1892. Т. 50. № 12. С. 755–763.
5. Кишкин Л. С. Словацко-русские литературные контакты в XIX веке: Разыскания, исследования, сообщения. М.: Издательство Института славяноведения и балканистики, 1990. 212 с.
6. Кондрашов Н. А. Осип Максимович Бодянский. М.: Издательство Московского университета, 1956. 86 с. (Серия: Замечательные учёные Московского университета).
7. Кондрашов Н. А. Славянские языки; 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1986. 239 с.
8. Кондрашов Н. А. Словацкие материалы в архиве И. И. Срезневского // Филологические науки. 1959. № 4. С. 160–168.
9. Коротаяева Э. И. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века. Л.: Наука, 1964. 250 с.
10. Кубик М., Кондрашов Н. А. Русский язык глазами лингвиста-слависта. Praha: SPN, 1977. 256 с.
11. Лебедев С. В. Предисловие // Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство. М.: Издательство Института русской цивилизации, 2009. С. 5–31.
12. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. № 5. С. 81–89.
13. Пражский лингвистический кружок: сборник статей / сост. и ред. Н. А. Кондрашов. М.: Прогресс, 1967. 558 с.
14. Селищев А. М. Очерки по македонской диалектологии. Т. 1. Казань: лито-типографическое товарищество «Умид», 1918. 284 с.
15. Славянские языки (Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков) / под ред. А. Г. Широковой и В. П. Гудкова. М.: Издательство Московского университета, 1977. 376 с.
16. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР / [пер. с чеш. и словац. яз.]; вступ. ст., сост. и общ. ред. Н. А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1988. 319 с. (Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 20).
17. Шахматов А. А. О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племен, населяющих Россию // Московский журнал. История государства Российского. 1999. № 9. С. 21–28.
18. Щерба Л. В. Восточнолужицкое наречие. Т. 1. Прага: типография А. Э. Коллинс, 1915. XXIV + 194 + 54 с.
19. Языки мира: Славянские языки / ред. А. А. Кибрик, А. М. Молдован, С. С. Скорвид и др.; 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Нестор-История, 2017. 680 с.
20. Јужнословенски језици: граматичке структуре и функције / Малцијева В., Тополињска З., Букановић М., Пипер П. у ред. П. Пипера. Београд: Београдска књига, 2009. 552 с. (Библиотека «Пут у речи», књ. 15).
21. Adamec Př., Kubík M. Русский синтаксис в сопоставлении с чешским. Praha: SPN, 1983. 282 s.
22. Čechová M., Krčmová M., Minářová E. Současná stylistika. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2008. 381 s.
23. Kondrašov A. N. [N. A.] Vznik a začiatky spisovnej slovenčiny / Z rukopisu preložila M. Masárová. 1. vyd. Bratislava: Veda, 1974. 284 s.
24. Kondrašov N. Štyri rozprávky z Liptova zapísané Jánom Kalinčiakom / Preložil J. Komorovský // Slovenský národopis. 1973. Roč. 21. Č. 4. S. 579–590.
25. Kubík M. Трансформационный синтаксис русского языка. Praha: SPN, 1971. 98 s.
26. Kubík M. Условные конструкции и система сложного предложения. Praha: Nakladatelství

- Univerzita Karlovy, 1967. 229 s.
27. Petr J. Советская работа об истории языкознания / *Un ouvrage soviétique sur l'histoire de la linguistique* // Slovo a slovesnost. 1980. Roč. 41. Č. 4. S. 339–340.
 28. Sobotková M. *Polonistika v Olomouci v minulosti a dnes / Polonistika w Olomuńcu dawniej i dziś. 1. vyd. Olomouc: Nakladatelství Univerzity Palackého v Olomouci, 2014. 485 s.*
 29. Švagrovský Št. Náčrt rusko-slovenskej a slovensko-ruskej lexikografie // *Studia Academica Slovaca –17: Prednášky XXIV. letného seminára slovenského jazyka a kultúry / red. J. Mistrík. Bratislava: Alfa, 1988. S. 434–450.*

REFERENCES

1. Berezin L. [On the status of educational institutions in Croatia, Slavonia and Dalmatia]. In: *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 1877, 5th decade, Part CXC, March [no. 3], pp. 1–19.
1. Zagora R. [Ludovit Stur and Izmail Sreznevskiy: Scientific Cooperation]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Istoriya* [vestnik of Saint Petersburg University. History], 2008, no. 4-1, pp. 124–129.
1. Isachenko A. V. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii s slovatskim. Morfologiya. Chast' pervaya* [The grammatical structure of Russian in comparison with Slovak. Morphology. Part One]. Bratislava, Izdatel'stvo Slovak Academy of Sciences Publ., 1954. 386 p.
1. Kirpichnikov A. I. [V. Grigorovich and his importance in the history of Russian science]. In: *Istoricheskii vestnik* [Historical bulletin], 1892, vol. 50, no. 12, pp. 755–763.
1. Kishkin L. S. *Slovatsko-russkie literaturnye kontakty v XIX veke: Razyskaniya, issledovaniya, soobshcheniya* [Slovak-Russian literary contacts in the nineteenth century: Researches, studies, messages]. Moscow, Institute of Slavic Studies and Balkan Studies Publ., 1990. 212 p.
1. Kondrashov N. A. *Osip Maksimovich Bodyanskii* [Osip Bodyansky]. Moscow, Moscow University Publ., 1956. 86 p.
1. Kondrashov N. A. *Slavyanskie yazyki* [Slavic languages]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986. 239 p.
1. Kondrashov N. A. [Slovak materials in the archive of I. Sreznevsky]. In: *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 1959, no. 4, pp. 160–168.
1. Korotaeva E. I. *Soyuznoe podchinenie v russkom literaturnom yazyke XVII veka* [Conjunction subordination in Russian literary language of 17th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1964. 250 p.
1. Kubik M., Kondrashov N. A. *Russkii yazyk glazami lingvista-slavista* [Russian language through the eyes of a linguist-slavist]. Prague, SPN Publ., 1977. 256 p.
1. Lebedev S. V. [Preface]. In: Gil'ferding A. F. *Rossiya i slavyanstvo* [Russia and Slavism]. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2009. pp. 5–31.
1. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.
1. Kondrashov N. A., comp., ed. *Prazhskii lingvisticheskii kruzhok: sbornik statei* [The Prague linguistic circle: a collection of articles]. Moscow, Progress Publ., 1967. 558 p.
1. Selishchev A. M. *Ocherki po makedonskoi dialektologii. T. 1* [Essays on Macedonian dialectology. Vol. 1]. Kazan, lito-tipograficheskoe tovarishchestvo «Umid» Publ., 1918. 284 p.
1. Shirokova A. G., Gudkov V. P., eds. *Slavyanskie yazyki (Ocherki grammatiki zapadnoslavyanskikh i yuzhnoslavyanskikh yazykov)* [Slavic languages (Essays on the grammar of West Slavic and South Slavic languages)]. Moscow, Moscow University Publ., 1977. 376 p.
1. Kondrashov N. A., comp., ed. *Teoriya literaturnogo yazyka v rabotakh uchenykh CHSSR* [The theory of literary language in the works of scientists of Czechoslovak Socialist Republic]. Moscow, Progress Publ., 1988. 319 p.
1. Shakhmatov A. A. [On the state tasks of the Russian people in connection with the national tasks of the tribes inhabiting Russia]. In: *Moskovskii zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo* [Moscow Journal. History of Russian Government], 1999, no. 9, pp. 21–28.
1. Shcherba L. V. *Vostochnoluzhitzkoe narechie. T. 1* [East Luzhitzsky dialect. Vol. 1]. Prague, tipografiya A. E. Kollins Publ., 1915. XXIV + 194 + 54 p.
1. Kibrik A. A., Moldovan A. M., Skorvid S. S. et al., eds. *Yazyki mira: Slavyanskie yazyki* [World Languages: Slavic languages]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 680 p.

1. Maldzijeva V., Topolinjska Z., Dzukanovich M., Piper P. *Juzhmoslovenski jezitsi: gramaticheke strukture i funkcije* [South Slavic languages: grammatical structures and functions]. Belgrade, Beogradska Kniga Publ., 2009. 552 p.
1. Adamec P., Kubík M. *Russkii sintaksis v sopostavlenii s cheshskim* [Russian syntax in comparison with Czech]. Prague, SPN Publ., 1983. 282 p.
1. Čechová M., Krčmová M., Minářová E. *Současná stylistika*. Praha, Nakladatelství Lidové noviny Publ., 2008. 381 s.
1. Kondrašov A. N. [N. A.] *Vznik a začiatky spisovnej slovenčiny (Z rukopisu preložila M. Masárová)*. 1. Vyd. Bratislava, Veda Publ., 1974. 284 s.
1. Kondrašov N. Štyri rozprávky z Liptova zapísané Jánom Kalinčiakom (Preložil J. Komorovský). In: *Slovenský národopis*, 1973, Roč. 21, Č. 4, S. 579–590.
1. Kubík M. *Transformatsionnyi sintaksis russkogo yazyka* [The transformational syntax of the Russian language]. Prague, SPN Publ., 1971. 98 s.
1. Kubík M. *Uslovnye konstruksii i sistema slozhnogo predlozheniya* [Conditional constructions and complex sentence system]. Prague, Nakladatelství Univerzity Karlovy Publ., 1967. 229 s.
1. Petr J. Un ouvrage soviétique sur l'histoire de la linguistique. In: *Slovo a slovesnost*, 1980, Roč. v41, Č. 4, S. 339–340.
1. Sobotková M. *Polonistika v Olomouci v minulosti a dnes / Polonistyka w Ołomuńcu dawniej i dziś*. 1. vyd. Olomouc, Nakladatelství Univerzity Palackého v Olomouci Publ., 2014. 485 s.
1. Švagrovský Št. Náčrt rusko-slovenskej a slovensko-ruskej lexikografie. In: *Mistrík J., ed. Studia Academica Slovaca –17: Prednášky XXIV. letného seminára slovenského jazyka a kultúry*. Bratislava, Alfa Publ., 1988. S. 434–450..

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Супрун Василий Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия;
e-mail: suprun@vspu.ru

AUTHOR INFORMATION:

Vasily I. Suprun – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Russian language and methods of its teaching, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia;
e-mail: suprun@vspu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Супрун В. И. Последовательный популяризатор славистики: к юбилею Николая Андреевича Кондрашова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. **C**.

FOR CITATION

Suprun V. I. A consistent promoter of Slavic philology: to the anniversary of Nikolay Kondrashov. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, **pp**.

УДК 070(485):94(470) "1700/1721"

DOI

«НА РУССКОЙ СТОРОНЕ ВСЁ ТИХО»¹: РУССКИЕ ЛЮДИ И МЕСТА ПО МАТЕРИАЛАМ ШВЕДСКИХ ГАЗЕТ 1700–1721 ГГ. (СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ)

Русен Т.

Гётеборгский университет

P.O. Box 100, SE-405 30 Гётеборг, Швеция

Аннотация. Испокон веков люди, которые в войну находятся далеко от театров военных действий, стремятся получать новости с фронта. В настоящей статье речь идёт о сообщениях в шведских газетах в течение Северной войны (1700–1721 гг.). В этом конфликте альянс, состоящий из России, Дании и Саксонии-Польши, столкнулся со Швецией и её союзниками: герцогством Гольштейн-Готторп и, с 1710 по 1713 г., Османской империей. Основное внимание в статье уделяется воспроизведению русских личных имён и топонимов в единственной существующей шведской газете того периода «Ординарные стокгольмские почтовые ведомости». Это издание находилось под пристальным наблюдением государства. Настоящее исследование, которое основано на анализе всего объёма сохранённых газетных текстов, предлагает новые сведения по ономастике, закреплённые в изученных материалах. Отмеченные находки являются важными показателями русско-шведских контактов в военное время и указывают на уровень знания русского языка за пределами России в XVIII веке.

Ключевые слова: Северная война, Пётр Великий, Карл XII, русско-шведские контакты, история СМИ, личные имена, топонимы

“ALL QUIET ON THE RUSSIAN FRONT”: RUSSIAN PEOPLE AND PLACES IN SWEDISH NEWSPAPER MATERIALS OF 1700–1721 (SOCIOLINGUISTIC STUDIES)

T. Rosén,

University of Gothenburg

P.O. Box 100, SE-405 30 Gothenburg, Sweden

Abstract. During wartime, people far away from theatres of operation are anxious to receive news from the front. The present article deals with Swedish newspaper reports on the Great Northern War (1700–1721), a conflict in which an alliance consisting of Russia, Denmark, and Saxony-Poland faced Sweden and her allies, the Duchy of Holstein-Gottorp and, between 1710 and 1713, the Ottoman Empire. The article's main focus rests on the reproduction of Russian personal names and toponyms in what was effectively Sweden's sole existing newspaper during the period Ordinarie Stockholmske Post-Tijdender. The publication was closely monitored by the state. The present investigation, which is based on an analysis of the entire body of preserved newspaper texts, offers new insights into onomastic aspects of the studied materials. These findings constitute important indicators of Russo-Swedish contacts during wartime and show the knowledge of Russian outside Russia during the eighteenth century.

Keywords: Great Northern War, Peter the Great, Charles XII, Russo-Swedish relations, history of mass media, personal names, toponyms

© CC BY Русен Т.

¹ “På Ryske sidan är allt stilla” // *Ordinarie Stockholmske post-tijdender*, 30 июня 1702 г.

С 1700 по 1721 г. между Россией и Швецией имел место конфликт, известный как *Северная война*. В результате этой борьбы за контроль над Балтийским морем Швеция перестала считаться великой державой и вместо неё на европейскую сцену выступила Россия.

Указанные обстоятельства инициировали сбор сведений о противнике. Эта работа с большой энергией выполнялась обеими сторонами [1]. Задачей настоящей статьи является анализ результатов поиска и обработки информации о войне, как она отражалась в единственной шведской газете того времени “*Ordinarie Stockholmske Post-Tijnder*” («*Ординарные Стокгольмские почтовые ведомости*», далее – *Почтовые ведомости – ПВ*)¹ [11].

В актуальный период ПВ были в современном смысле не органом распространения новостей, а средством информации, находившимся под контролем государственных ведомств. Во избежание недоразумений в статье коротко комментируются рабочие условия редакции.

Высочайшая юрисдикция над ПВ принадлежала главному почтовому директору Й. Шмедеману (J. Schmedeman). В задачи этого человека входила также и разведывательная работа, направленная против России [8]. В 1702 г. редактором ПВ был назначен Самуэль Барк (1662–1743). Как долго он исполнял эту обязанность, неизвестно, так же как и имя его преемника. Барк был надворным советником вдовствующей королевы Швеции Элеоноры (Hedvid Eleonora, 1636–1715). Позже его «приняла и использовала» для собственной службы сестра Карла XII, Ульрика Элеонора (Ulrika Eleonora, 1688–1741), т. е. он стал её уполномоченным [6]. Барк был также близким приятелем без вести пропавшего в Полтавской битве государственного секретаря Улофа Гермелина (Olof Hermelin,

1658–170?) [11, s. 103; 7]. Корреспонденция Барка с Гермелином частично сохранилась [4].

ПВ были еженедельной газетой. Однако на публикацию влияла политическая, экономическая и транспортная ситуация: чем хуже шла война, тем реже выходила газета. В конце 1716 г. издание ПВ было полностью прекращено, и она стала снова выходить лишь в 1720 г. [11, s. 110]. В течение 1717–1718 гг., когда король и правительство находились в городе Лунде, на юге Швеции, вместо ПВ выходили “*Lundska Post-Tijnder*” («*Лундские почтовые ведомости*»).

Структура газеты не оставалась одинаковой за годы войны. В начале исследуемого периода иностранные новости занимали первое место, а отечественный материал оказался в конце. Её структура близко напоминает немецкие газеты, из которых бралась большая часть материала. Позже, когда король и главное командование уже давно находились в Польше, новости оттуда часто попадали на первую страницу.

Недавно историк Сара Линден Пасай, основываясь на части сохранившегося материала, проанализировала описание представителей «противников» в ПВ начала XVIII в. Она исследовала образ датчан, поляков и русских. Из этих трёх особо выделила русских: «Россия ... заметно вне тех культурных и политических норм, с которыми были знакомы шведское государство и шведская публика» [5, p. 2]². Газетный материал, касающийся России, до сих пор не был предметом филологического анализа.

В настоящей статье предпринимается попытка ответить на три следующих вопроса. Во-первых, какие личные имена и топонимы русского происхождения упоминаются в ПВ? В этом контексте прилагательное «русский» означает «русский по происхождению или географии». Поэтому, например, фамилии немецких наёмных генералов Петра Великого анализу не подлежат.

² Этот и все остальные переводы сделаны автором настоящей статьи.

¹ Архив выпусков “*Ordinarie Stockholmske Post-Tijnder*” и “*Stockholmske Post-tidender*” в Королевской библиотеке в Стокгольме (См.: Kungliga biblioteket. Svenska dagstidningar. URL: <https://tidningar.kb.se/>). В настоящем исследовании был использован весь сохранившийся корпус указанных выше документов.

Во-вторых, каковы принципы воспроизведения русского языкового материала? В-третьих, возможно ли фиксировать изменения этих принципов за двадцатилетний период?

Перед тем, как обратиться к материалу исследования, необходимо упомянуть и о том, что шведский язык в раннем XVIII в. ещё не был стандартизован. Орфографического единообразия он достиг только к концу века [10, s. 201 и сл.]¹.

Анализ газетного материала первых двух десятилетий XVIII в. показывает, что короткие отчёты с фронта, которые были включены в ПВ, споспобствуют весьма поверхностному пониманию военных событий. Тексты касаются ограниченного круга лиц и топонимов. Частотность зависит от развития военных операций. В начале войны шведы были активны в Ингерманландии и, следовательно, в ПВ относительно часто упоминаются русские люди и места русских районов недалеко от границы. С другой стороны, к концу войны на русской почве уже не было никаких операций и, разумеется, в ПВ было не о чём писать.

Чаще всего, когда речь идёт о русских войсках, их личный состав называется коллективными терминами *fienden* «противник», *Ryssar* «русские» или *Muschowiter* «московиты». Часто упоминается только высшее командование, то есть *Zaren* «Царь» и его ближайшие сподвижники, например, *Mentzicof* «А. Д. Меншиков», *Repnin* «А. И. Репнин», *Scheremetof* «Б. П. Шереметев», *Ammiral Opraxin* «адмирал Апраксин» и т. д. Гораздо реже встречаются лица более низких чинов, группы населения и представители этнических меньшинств России: *Michael Iwanowitz schapotin* (sic! – Т. Р.) «Михаил Иванович Щепотьев (? , воевода на недавно завоёванной Нотебургской крепости)», *Doniske Cossaquerne* «донские казаки», *Casaniske Tartarne* «казанские татары».

¹ Ср. в этом отношении характер развития русского языка в XVIII в. и особенно специфику его нормализации на местах (см. подробнее: [2]).

Русские топонимы, встречающиеся в материале, часто представляют собой названия населённых пунктов, расположенных недалеко от русско-шведской границы: *Pleskou* «Псков», *Augdou* «Гдов», *Pitschura* «Печоры». Столица *Moscou*, *Muschou*, *Muschow*, *Muscow*, *Moskau*, *Muskow* «Москва» и крупные города, как *Nougården* «Новгород» и *Smolensko* «Смоленск», также встречаются относительно часто.

О взятии крепости Ниеншанца и об условиях капитуляции можно прочитать в № 25/1703, но название новой столицы Петра *Pettersburg* «Петербург» упоминается в ПВ впервые в конце апреля 1705 г. (ПВ № 17/1705). В 1702 г. крепость Нётеборг была отвоёвана у шведов, и уже следующей весной в ПВ читаем новое русское название *Schluseborg* «Шлиссельбург» (ПВ № 13/1703). В материале зафиксированы также ойконимы других территорий России, находившихся далеко от берегов Балтийского моря: *Astracan* «Астрахань», *Assof* «Азов».

Кроме населённых пунктов, в материале встречаются названия рек, озер и регионов России: *Laduga* «Ладога», *Plescouiske gebietet* «Псковская область», *Pleskauske Åen* «Псковская река, т. е. река Великая».

Написания русских имён и топонимов, зафиксированные в материале, нестабильны. Не всегда легко судить о том, какое лицо или какой населённый пункт имеется в виду. Например, город Воронеж встречается в формах *Veronitz*, *Weronitz*:

Moscou den 10 Martij. Hans Zariske Majt är ännu i Veronitz och låter der mykit starckt arbeta på Siö-Equipagen ...

(ПВ № XVIII/1700).

Москва 10 марта. Его Царское Величество всё ещё находится в Воронеже, где приказал очень сильно работать над морскими экипажами (т. е. кораблями – Т. Р.).

В начале Северной войны написания русских фамилий подлежат значительной вариации. Некоторые из них, особенно

«Меншиков» и «Шереметев», встречаются часто и приобретают стабильные формы с незначительным изменением. В других случаях, например «Долгорукий», варьирование продолжается, как показывают следующие примеры:

Голицын – *Gallicin* (1704, 1708), *Gallizin* (1708, 1709, 1711);

Долгорукий – *Dolgorocki*, *Dolgerucka* (1700), *Docorukij* (1702), *Dolgorukov* (1708), *Dolhorucka* (1715);

Меншиков – *Mentikoff* (1702), *Mentzicof*, *Mentzikof* (1706 и сл.);

Шереметев – *Che[re]metoff*, *Cheromethoff* (1702), *Scherementoeff* (1703), *Scheremetof* (1705, 1708, 1709), *Scheremethof* (1706, 1708, 1709), *Scheremetoff* (1709), *Czeremethoff* (1715).

Орфографическое разнообразие можно объяснить тем обстоятельством, что тексты ПВ составлялись на базе очень неоднородных источников. Некоторые тексты брались из иностранных (немецких) газет, другие – из частных писем.

Что говорит материал в ПВ о знании русского языка за рубежом в начале XVIII в.? Давно известно, что в актуальный период шведскому государству знание русского языка было очень важно [9]. Однако, судя по материалам ПВ, в составлении газеты люди со знанием русского языка не участвовали. Известия из России попадали в редакцию ПВ из вторых рук. Поэтому шведский газетный материал не даёт надёжных сведений, например, о русском произношении в начале XVIII в. Один эпизод может служить иллюстрацией необычной социолингвистической ситуации. Фамилия адмирала Ф. М. Апраксина в русских источниках иногда пишется «Опраксин». Присутствие такого варианта в шведской газете 1720 г. скорее всего говорит, что в источнике ПВ был этот вариант, но не свидетельствует о том, как в то время распознавали русский язык в устном виде.

Petersburg den 7 decembris

Hans Czariske Maj:t har nu merendels öfwerwunn[et]¹ sin siukdom och twiflar man intet med mindre han snara[st] lärer komma till deß förra krafter. I medlertid och under warande opaslighet har han om altting föranstalta[t] och ibland annat utnämt Kejsaren och Konungen i Frankerike, til at wärckställa deß Testamente eller y[t]tersta wille. Ammiral Opraxin har han updragit Ö[f] werbefählet öfwer Siömachten. Collegierna har ha[n] gifwit fulkomlige Instructioner, doch at all ting me[dh] Czarinnans wettskap skulle skie. Efter hans död skola Gouverneurerne i landet få wetta, hwem som kommer at blifwa hans efterträdare til Regementet och f[å] Cronan

(ПВ № 3/1720).

Петербург, 7 декабря

Его Царское Величество теперь почти совсем выздоровел (ср.: [3]) и не сомневаются, что он, пожалуй, скоро вернётся к своим прежним силам. Однако во время заболевания он позаботился обо всём и, между прочим, назначил Императора (т. е. римско-немецкого – *T. P.*) и короля Франции исполнителями своего завещания. Адмиралу Апраксину он вручил командование над морской силой. Коллегиям он дал полные инструкции с той оговоркой, чтобы всё было сделано с ведома Царицы. По его смерти губернаторы страны узнают, кто, получив корону, станет его преемником в управлении государством

(ПВ № 3/1720).

Подводя итоги, можно констатировать, что орфография русских имён и топонимов в ПВ зависит от ряда факторов, включая характер и исконный язык источника и – что очень важно – отсутствие правописных норм. Однако как свидетельство о знании русского языка за пределами России ПВ менее надёжны.

¹ В прямых скобках ставятся отсутствующие или трудночитаемые знаки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базарова Т. А. Сбор сведений о неприятеле русской и шведской армиями во время военных действий в Приневье (нач. XVIII в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы седьмой ежегодной научной конференции (13–14 апреля 2004 г.) / под ред. В. Н. Барышниковой, П. А. Кротова. СПб.: РХГИ, 2006. С. 42–55.
1. Никитин О. В. Сийские грамоты XVIII века (1768–1789 гг.). М.–Смоленск: СГПУ, 2001. 129 с.
1. Паиков В. Жить, мучаясь, – не так уж плохо: О жизни и кончине Петра Алексеевича Романова, великого императора России [Электронный ресурс] // Сетевая словесность : [сайт]. URL: <https://www.netslova.ru/paikov/petrI.html> (дата обращения: 29.10.2019).
1. Bark S. Bref från hofrådet S. Bark till kanslirådet Olof Hermelin [1707] // *Historisk tidskrift*. 1885. S. 173–180; 236–245.
1. Linden Pasay S. Friends, foes, or something in between: How Russians, Danes, and Poles were communicated in the eighteenth-century Swedish press during times of war // *Conference Presentation: 28th Congress of Nordic Historians (Joensuu, Finland, Aug. 2014)* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.academia.edu> (дата обращения: 08.10.2019).
1. Naumann E. Samuel Bark [Электронный ресурс] // *Svenskt biografiskt lexicon* : [сайт]. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/19070> (дата обращения: 17.10.2019).
1. Olsson S. Olof Hermelin, en karolinsk kulturpersonlighet och statsman: PhD dissertation, Lunds universitet. Lund: “Gleerupska Univ.-bokhandeln”, 1953. 665 s.
1. Rosén T. *Ryssarnes intriguier: om translatorn Enok Stigzelius Lilliemarck* // Да веселитс Новъградъ Мå Novgorod fröjda sig: Hyllningsskrift till Elisabeth Löfstrand (Stockholm Slavic Papers. Vol. 26) / red. P. Ambrosiani, P.-A. Bodin och N. Zorikhina Nilsson. Stockholm: Stockholms universitet, 2016. S. 179–191.
1. Tarkiainen K. *Moskoviten: Sverige och Ryssland 1478–1721*. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 2017. 484 s.
1. Teleman U. *Ära, rikedom och reda: svensk språkvård och språkpolitik under äldre nyare tid; 2: a upplagan*. Lund: Studentlitteratur, 2013. 222 s.
1. *Världens äldsta: Post och inrikes tidningar under 1600-, 1700-, 1800-, 1900- och 2000-talen* / Gustafsson K. E., Rydén P., Torbacke J., Oscarsson I., Holmberg C.-G. (red.). Stockholm: Atlantis, 2005. 568 s.

REFERENCES

1. Bazarova T. A. [Collection of information about the enemy by the Russian and Swedish armies during the hostilities in the Neva region (early 18th century)]. In: Baryshnikova V. N., Krotova P. A., eds. *Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy: Materialy sed'moi ezhegodnoi nauchnoi konferentsii (13–14 aprelya 2004 g.)* [Saint Petersburg and countries of Northern]. St. Petersburg, Russian Christian Institute of Humanities Publ., 2006. pp. 42–55.
2. Nikitin O. V. *Siiskie gramoty XVIII veka (1768–1789 gg.)* [The Siyas letters of the 18th century (1768–1789 years.)]. Moscow, Smolensk, Smolensk State Pedagogical University Publ., 2001. 129 p.
3. Paikov V. [Living in torment is not so bad: On the life and death of Peter Alekseevich Romanov, the great emperor of Russia]. In: *Setevaya slovesnost'* [Network literature]. Available at: <https://www.netslova.ru/paikov/petrI.html> (accessed: 29.10.2019).
4. Bark S. Bref från hofrådet S. Bark till kanslirådet Olof Hermelin [1707]. In: *Historisk tidskrift*, 1885, s. 173–180; 236–245.
5. Linden Pasay S. Friends, foes, or something in between: How Russians, Danes, and Poles were communicated in the eighteenth-century Swedish press during times of war. In: *Conference Presentation: 28th Congress of Nordic Historians (Joensuu, Finland, Aug. 2014)*. Available at: <https://www.academia.edu> (accessed: 08.10.2019).
6. Naumann E. Samuel Bark. In: *Svenskt biografiskt lexicon*. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/19070> (accessed: 17.10.2019).
7. Olsson S. Olof Hermelin, en karolinsk kulturpersonlighet och statsman: PhD dissertation, Lunds universitet. Lund, “Gleerupska Univ.-bokhandeln” Publ., 1953. 665 s.
8. Rosén T. *Ryssarnes intriguier: om translatorn Enok Stigzelius Lilliemarck*. In: Ambrosiani P., Bodin P.-A., Zorikhina Nilsson N., eds. *Да веселитс Новъградъ Мå Novgorod fröjda sig: Hyllningsskrift till Elisabeth*

- Löfstrand* (*Stockholm Slavic Papers. Vol. 26*). Stockholm, Stockholms universitet Publ., 2016, s. 179–191.
9. Tarkiainen K. *Moskoviten: Sverige och Ryssland 1478–1721*. Helsingfors, Svenska litteratursällskapet i Finland Publ., 2017. 484 s.
 10. Teleman U. *Ära, rikedom och reda: svensk språkvård och språkpolitik under äldre nyare tid; 2: a upplagan*. Lund, Studentlitteratur Publ., 2013. 222 s.
 11. Gustafsson K. E., Rydén P., Torbacke J., Oscarsson I., Holmberg C.-G., red. *Världens äldsta: Post och inrikes tidningar under 1600-, 1700-, 1800-, 1900- och 2000-talen*. Stockholm, Atlantis Publ., 2005. 568 s
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Русен Томас – доктор философии, лектор славянских языков кафедры языков и литератур Гётеборгского университета (Швеция);
e-mail: thomas.rosen@sprak.gu.se

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Thomas Rosén – PhD (Doctor of Philosophy), Senior Lecturer in Slavic Languages at the Department of Languages and Literatures, University of Gothenburg (Sweden);
e-mail: thomas.rosen@sprak.gu.se

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Русен Т. «На русской стороне всё тихо»: русские люди и места по материалам шведских газет 1700–1721 гг. (социолингвистические этюды) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. **С.**

FOR CITATION

Rosén T. “All quiet on the Russian front”: Russian people and places in Swedish newspaper materials of 1700–1721 (sociolinguistic studies). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, **pp.**

УДК 81'377; 811.161.1'04
DOI

ВОЗВРАЩАЯСЬ К «ЗАДАЧКАМ СРЕЗНЕВСКОГО»

Чернышева М. И.

*Институт русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук
119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу сложных случаев в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, на которые указывает знак вопроса. Описаны решения, принятые для выявления неизвестной информации в 29 выпуске «Словаря русского языка XI–XVII вв.». Восстановленные лакуны помогут историкам языка и лексикографам грамотно использовать в научной работе словарные статьи и критически оценивать достижения учёных прошлого. Статья демонстрирует практическое применение современных методов лингвистического анализа в решении спорных вопросов теории и практики лексикографии.

Ключевые слова: русская историческая лексикография, дефиниция, И. И. Срезневский, «Материалы для словаря древнерусского языка», «Словарь русского языка XI–XVII вв.»

RETURNING TO “THE SREZNEVSKY’S TASKS”

M. Chernysheva

*V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
18/2 ulitsa Volkhonka, Moscow 119019, Russian Federation*

Abstract. The article presents an analysis of complex cases in “Materials for the Dictionary of Old Russian,” created by I. Sreznevsky, indicated by a question mark. The author describes the decisions taken to identify unknown information in the 29th issue of the “Dictionary of Russian language 11–17th centuries”. Restored gaps help historians of language, lexicographers to use wisely dictionary articles in research, and critically evaluate the achievements of the past. The article demonstrates the practical application of modern methods of linguistic analysis in controversial issues solving in the field of theory and practice of lexicography.

Keywords: Russian historical lexicography, definition, I. Sreznevsky, “Materials for the Dictionary of Old Russian”, “Dictionary of Russian Language 11–17th centuries”

Статья продолжает серию работ, посвящённых взаимосвязи «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (далее – «Материалы») [5] и его прямого «потомка» – «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (далее – СлРЯ XI–XVII вв.)¹, в которых обсуждались вопросы преемственности и пересмотра

отношения к предшествующему лексикографическому труду как абсолютному авторитету².

¹ Сравнительный анализ словарей СлРЯ XI–XVII вв. и «Материалов» И. И. Срезневского находится в работе [1]; о славистической и лексикографической деятельности И. И. Срезневского одним из первых писал Н. А. Кондрашов [2], деятельность которого высоко оценил О. В. Никитин [3].

² См. подробнее: Чернышева М. И. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» и «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (критический анализ) // «Українська і слов'янська тлумачна та перекладна лексикографія. Леонідові Сидоровичу Паламарчукові». Київ: КММ, 2012. С. 308–317; Чернышева М. И. «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и «Словарь русского языка XI–XVII вв.»: формирование нового типа Предисловия // И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: К 200-летию со дня рождения И. И. Срезневского. Сборник научных статей международной научной кон-

Новый подход, подразумевающий тотальную проверку и коррекцию данных «Материалов», повлечёт за собой не только привлечение нового и обновлённого круга источников и проведение разработок источниковедческого характера, но побудит также к усилению исследовательских тенденций. В своё время мы назвали все эти новые явления одним из показателей «внутренней критики», которую отчасти подхлестнула суровая «внешняя критика», прозвучавшая после выхода в свет первых выпусков СлРЯ XI–XVII вв.¹, однако на самом деле «внутренняя критика» подспудно назревала и развивалась под давлением самого материала, т. е. большого объёма лексики того значительного массива источников, на которых базируется теперь Словарь [7; 9]. К настоящему моменту он насчитывает более четырёх тысяч наименований памятников древнерусской и старорусской письменности, а объём заголовочных лексем в опубликованных 31 вып. – более 82 тысяч.

Главным достижением развития СлРЯ XI–XVII вв. стал пересмотр начальной концепции Словаря, что выразилось в переходе от лексикона научно-популярного характера к фундаментальному академическому словарю (см., напр.: [6]).

Аналитическая работа привела к созданию Предисловия нового типа, которое стало отражать результаты исследовательской работы, проводимой в ходе подготовки очередного выпуска СлРЯ XI–XVII вв.

ференции. 26–28 сентября 2012 г. / отв. ред. И. М. Шеина, О. В. Никитин. Рязань: Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, 2012. С. 93–104; Чернышева М. И. Русская историческая лексикография // Славянская лексикография. Международная коллективная монография / отв. ред. М. И. Чернышева. М.: «Азбуковник», 2013. С. 615–645; Чернышева М. И. «Задачи Срезневского» в Словаре русского языка XI–XVII вв. // Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И. И. Срезневского: сборник статей Международной научно-практической конференции, 21–23 сентября 2017 г. / отв. ред. Е. П. Осипова. Рязань: Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, 2017. С. 182–187.

¹ О понятиях «внешняя» и «внутренняя критика» – см. [8].

По нашим подсчётам, в Предисловиях СлРЯ (с 7-го по 30 вып.) находится

более 250 аналитических объяснений правки лексикографических описаний Срезневского.

Было интересно также проследить, каких успехов достигли создатели СлРЯ XI–XVII вв., сталкиваясь с лексемами, помеченными знаком вопроса в «Материалах». Мы назвали эти случаи «задачами Срезневского».

В предлагаемой работе в качестве сопоставительного материала были выбраны лексеммы на букву «Т» в том объёме, который представлен в 29 выпуске СлРЯ XI–XVII вв.². Несколько лексем, всё ещё требующих дополнительного рассмотрения, исключены из приведённой ниже подборки.

Сначала приводятся лексеммы со знаком вопроса, находящиеся в третьем томе «Материалов» (без указания на сокращённое название источника), затем – соответствующее решение «задачи» в 29 вып. СлРЯ XI–XVII вв.³

Кол. 911: **ТАБИНЬ** – ? – ср.: 29, с. 169: **ТАБИНЬ**, м. Шёлковая ткань (ср. польск. *tabin*, нем. *Tabin* из тур. *tabin*)... Рус.-бел. св. II, 183. 1676 г. – Вопрос снят.

Кол. 915: **ТАИНОСЛОВЬЦЬ** – ? – ср.: 29, с. 192: **ТАИНОСЛОВЕЦЬ**, м. Тот, кто возвещает тайны... Мин.окт., 38. 1096 г. [то же – Конд. I, 104. XII–XIII вв.]. – Вопрос снят.

Кол. 932: **ТВАРЬ** (предпоследняя рубрика) – ? – ср.: 29, с. 233: **ТВАРЬ** ...10. *Отрава* (?)... Зак.суд.люд.², 102. XV в. – Остался знак вопроса, хотя есть предполагаемое толкование.

Кол. 932: **ТВАРЬНИКЪ** (вторая рубрика) – ? – ср.: 29, с. 230: **ТВАРНИКЪ**... 2. *Отравитель* (?)... Зак.суд.люд.², 102. XV в.

² См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 29 / гл. ред. В. Б. Крысько. М.: Наука, «Азбуковник», 2011. 480 с. Редакторы анализируемых отрезков 29 выпуска СлРЯ XI–XVII вв. на отрезках: *супря* – *твсьный* – М. И. Чернышева, *тесовикъ* – *тольмиже* – К. А. Максимович при участии Р. Н. Кривко.

³ Сокращение названий источников см.: Указатель источников [4].

– Остался знак вопроса, хотя есть предполагаемое толкование.

Кол. 933: **ТВАРЬНЫИ** (последняя рубрика) – ? – ср.: 29, с. 230: **ТВАРНЫЙ**... 3. *Передача греч. κεκοσμημένος букв. 'украшенный'...* Мин.чет.сент., 274. XV–XVI вв. [ср. Х.Ио.Бог. (Амф.), 48. XV–XVI вв.: разумна; (Ж.Ио.Бог.Прох.) ВМЧ, Сент. 25–30, 1640. XVI в.: мудра]. – Вопрос снят.

Кол. 938: **ТВОРИЩЕ** – ? – ср.: 29, с. 260: [**ТВОРИЩЕ**] (?)... *Языческий храм. ...* (Муч. Марка еванг.) Мин.чет.апр., 628 об. XVI в. – Остался знак вопроса, касающийся заголовочного слова.

Кол. 938: **ТВОРЪ** (третья рубрика снизу) – ? – ср. 29, с. 247: **ТВОРЪ** ... 9. *Причастие, причастность, сопричастность...* Мин. Пут.,³ 92 об. XI в. ... Там же, 119 об. – Вопрос снят.

Кол. 938: **ТВОРЪ** (вторая рубрика снизу) – ? – ср. 29, с. 247: **ТВОРЪ** ... 10. *Болячка; тж. перен. ...* Гр.Вел. II, 1384. XIII в. – Вопрос снят.

Кол. 938: **ТВОРЪ** (последняя рубрика) – ? – ср. 29, с. 246: **ТВОРЪ** ... 3. *Свойство, качество...* Диоптра Фил.¹, 633. 1388 г. ... Там же, 637. – Вопрос снят.

Кол. 943: **ТВЪРДЪ** (предпоследняя рубрика) – ? – ср.: 29, с. 245: **твердь**... 8. *Защита, охрана. ...* Хрон.Г.Амарт., 504. XV в. ~ XI в. – Вопрос снят.

Кол. 946: **ТЕЛЪГА** (последняя рубрика) – ? – ср.: 29, с. 268: **ТЕЛЪГА** ... // *Нарядная повозка, карета...* Х.Ант.Новг., 3. XVI в. ~ 1200 г. – Вопрос снят.

Кол. 946: **ТЕМЯНЫЙ** – ? – ср.: 29, с. 294: **ТЕМЯНЫЙ** ... (?)... Новг. II лет., 99. XVI–XVII вв. [то же – Новг. II лет.¹, 173]. – Вопрос остался.

Кол. 946: **ТЕПЛОПРАНИЕ** – ? – лексема не была включена в СлРЯ XI–XVII вв., объяснение принятого решения находится в Предисловии к 29 выпуску (с. 8): «**теплопране** – в Срз. III, 948 дано без определения семантики, в рукописи перед и после и пропуски, предлагается читать как два слова: **тепло** 'горячо, искренне' и реконструируемое **шеперание**: ересьная тепло [θερμῶς] <..>п<..>рания [не читается; вм.: шеперания (τάς ὑλωσσαλύιας 'болтовню»;

РНБ, Соф. 203, 56 об.: <..>еперания] на землю разврати. Мин.Пут.³, 55. XI в.».

Кол. 951: **ТЕРЕМЪ** (последняя рубрика) – ризница (?) – ср.: 29, с. 304: **ТЕРЕМЪ**... 3. *Часть храмового комплекса...* Лавр.лет., 392. 1377 г. – Вопрос снят.

Кол. 951: **ТЕРЕМЬЦЪ** (предпоследняя рубрика) – ? – ср.: 29, с. 305: **ТЕРЕМЕЦЪ**... 4. *Часть архитектурного сооружения, возможно, столбик или башенка (?)*. – Остался знак вопроса, хотя есть предполагаемое толкование.

Кол. 951: **ТЕРЕМЬЦЪ** (последняя рубрика) – ? – ср.: 29, с. 304: **ТЕРЕМЕЦЪ**... 3. ... || *Возвышенная часть языческого святилища (в греч. ὁ δίφρος 'кресло(трон) на возвышенности')*. ... Козма Инд.², 72. 1495 г. ~ XII–XIII вв.... Там же, 75. – Вопрос снят.

Кол. 951: **ТЕРЕСНА** – бахрома (?) – ср.: 29, с. 306: **ТЕРЕСНА**... *Бахрома (?)*. – Вопрос остался.

Кол. 953: **ТЕТЕРЕВЪНИКЪ** – ? – ср.: 29, с. 331: **ТЕТЕРЕВНИКЪ**, *м. Тот, кто занимается охотой на тетеревов...* Смол.гр., 77. XVI в. ~ 1150 г. – Вопрос снят.

Кол. 953: **ТЕТЕРЪ** (?) тетеревъ, фазанъ – ср.: 29, с. 331–332: **ТЕТЕРЯ** и **ТЕТЕРА** (?), *ж. (и м.?)*... 3. *Блюдо из тетерева...* (Сл. о богаче) Златоостр.³ (Г.), 328. XII в. [то же – Сб.Тр.¹, 4. XII–XIII вв.]... (Златоостр.) Сб.Тр.¹, 15. XII–XIII вв. – Вопрос, касающийся установления заголовочной формы, остался.

Кол. 958: **ТИКЕНЬ** – ? – ср.: 29, с. 345: **ТИКЕНЬ**, *ж. То же, что тиканъ...* Х.Афан. Никит., 28. XV–XVI вв. ~ 1472 г.; выше: **ТИКАНЪ**, *м. Колючий кустарник семейства гвоздичных, колючелистник (Acanthophyllum) (ср. узб. тикан)*. – Вопрос снят.

Кол. 960: **ТИПА** – ? – лексема, которая попала в «Материалы» из Словаря А. Х. Востокова¹, не была включена в СлРЯ XI–XVII вв., объяснение принятого решения находится в Предисловии к 29 выпуску (с. 8): «в Вост. II, 228 опечатка вместо **тина**: имать же и родомъ жестоку пльоть тина-

¹ Востоков А. Х. *Словарь церковно-славянского языка*. Т. I. СПб., 1858; Т. II. СПб., 1861.

ми многообразными съезжая. Шестоднев Ио.екз.² (Б.), 540. XV в.».

Кол. 961: **ТИТАМЪ** – ? – ср.: 29, с. 353: **ТИТЯМЪ**, м. *Посол по особым поручениям, представитель хана* (ср. крым.-татар. *titan*, др.-тюрк. *tetim* ‘упорный, стойкий’)... Лавр.лет., 476. 1377 г. – Вопрос снят.

Кол. 961: **ТИОУНИЦЪ=ТИВОУНИЦЪ** – то же, что **тиоунъ** (?) – ср.: 29, с. 354: **ТИУНИЧЪ**, м. *Сын тиуна* (см. **тиунъ** в знач. 1)... Правда Рус. (кр.), 71. XV в. ~ XI в.... Там же, 80; ср. выше: **ТИУНЪ**, м. 1. *В Древней Руси – должность при князе, епископе или частном лице: домовый управитель* (ср. др.-сканд. *þjónn* ‘слуга’). – Вопрос снят.

Кол. 974: **ТОЛОКА** – ? – ср.: 29, с. 407: **ТОЛОКА...3. Групповое изнасилование...** (Уст.Яр.) Княж.уставы, 95. X

Кол. 1094: **ТЪСКЪ** (последняя рубрика) – ? – ср.: 29, с. 321: **тѣскъ...** *Точило – яма и жом (пресс) для выдавливания винограда.* – цитата из «Материалов» (Жит. Никиф. 5. Мин. чет. февр. 99) не была включена в СлРЯ XI–XVII вв. – Вероятно, в цитате из «Материалов» находится приведённое выше значение.

Кол. 1094: **ТЪШЬ** – потѣха, забава (?) – ср.: 29, с. 342: **ТЪШЬ**¹... *Потеха, развлечения; игра.* – Вопрос снят, однако в СлРЯ XI–XVII вв. использованы более поздние цитаты: Куранты⁴, 159. 1649 г.; Х.Котова, 105. 1624 г.

В отличие от статьи 2017 г.¹, где подробно описан исследовательский процесс, позволивший получить новые результаты, в предложенной разработке аналитическая часть предшествующих усилий по установлению недостающей информации оставлена за строкой. Демонстрируется только лексикографический итог.

¹ См.: Чернышева М. И. «Задачи Срезневского» в Словаре русского языка XI–XVII вв. // Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И. И. Срезневского: сборник статей Международной научно-практической конференции, 21–23 сентября 2017 г. / отв. ред. Е. П. Осипова. Рязань: Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, 2017. С. 182–187.

Результаты решения «задачек Срезневского» в 29 выпуске Словаря таковы: 17 случаев обрели ответ; в пяти – было сформулировано предположение, хотя остался знак вопроса, свидетельствующий о неполной уверенности; два случая описаны в Предисловии к 29 выпуску СлРЯ XI–XVII вв.; три «задачки» остались без ответа.

Таким образом, «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского не только приобретают новое осмысление в XXI в., но и – главное – до сих пор являются неотъемлемым источником в научной работе учёных – лексикографов, историков, культурологов, этнографов. Когда-то академик А. А. Шахматов, стоявший у основания современных путей развития лингвистического источниковедения, говорил о новых задачах, стоявших перед русским обществом [10]. Одна из них – проблема фальсификации исторических фактов и ошибочной интерпретации этнокультурных традиций. Новейшие проработки «Материалов...» И. И. Срезневского помогают решить эту задачу, поскольку опираются на достоверные данные.

Обозначенные в статье «задачки» представляют собой, по сути дела, часть обширной программы изучения и пересмотра словарного наследия XIX–XX вв. и приведения его в соответствие с нормами современного научного знания, базирующегося на огромном багаже уникальных памятников древнерусской письменности, это и путь поиска актуальных методик для выработки оптимальных лексикографических решений.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа подготовлена в рамках гранта РФФИ № 17-29-09113 «Электронный исторический словарь заимствованной лексики в русском языке XI–XVII вв.: грецизмы и полонизмы» (руководитель: М. И. Чернышева).

ACKNOWLEDGEMENTS

This work was prepared as part of the RFBR grant No. 17-29-09113 “An electronic

historical dictionary of borrowed vocabulary centuries: Greek and polonisms” (supervisor: in the Russian language of the 11th–17th M. I. Chernysheva).

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатова Г. А. История слова как объект русской исторической лексикографии. М.: Наука, 1984. 255 с.
2. Кондрашов Н. А. Лингвистическое и методическое наследие И. И. Срезневского. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1979. 71 с.
3. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. Т. 80. № 5. С. 81–89.
4. Романова Г. Я., Державина Е. И., Чернышева М. И. Указатель источников // Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск. М.: Наука, 2001. С. 267–390.
5. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1893–1912 г.
6. Чернышева М. И. Из истории изменения концепции Словаря русского языка XI–XVII вв. // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2013. Т. IX. Ч. 2. С. 192–205.
7. Чернышева М. И. Из истории лексикографической критики: Словарь русского языка XI–XVII вв. // Вопросы филологии. 2011. № 1 (37). С. 134–138.
8. Чернышева М. И. Параметры лексикографической критики // Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium: Сборник научных трудов по лексикографии. Вып. 12. Харьков-Клагенфурт: Издательство «Підручник НТУ «ХПІ»», 2011. С. 7–10.
9. Чернышева М. И. Словарь русского языка XI–XVII вв. в свете «внешней» и «внутренней» критики // Человек о языке – язык о человеке. Сборник статей памяти акад. Н. Ю. Шведовой. М.: «Азбуковник», 2012. С. 369–377.
10. Шахматов А. А. О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племен, населяющих Россию // Московский журнал. История государства Российского. 1999. № 9. С. 21–28.

REFERENCES

1. Bogatova G. A. *Istoriya slova kak ob"ekt russkoi istoricheskoi leksikografii* [History of the word as an object of Russian historical lexicography]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 255 p.
2. Kondrashov N. A. *Lingvisticheskoe i metodicheskoe nasledie I. I. Sreznevskogo* [Linguistic and methodical heritage of I. Sreznevsky]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya, 1979. 71 p.
3. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.
4. Romanova G. Ya., Derzhavina E. I., Chernysheva M. I. [Index of sources]. In: *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Spravochnyi vypusk* [Dictionary of Russian language 11-17th centuries. Reference issue]. Moscow, Nauka Publ., 2001. pp. 267–390.
5. Sreznevskii I. I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam: v 3 t.* [Materials for the dictionary of old Russian language according to written monuments: in 3 volumes]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1893–1912 g.
6. Chernysheva M. I. [Evolutions of the 11–17th Century Russian Dictionary concept]. In: *Acta linguistica petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN* [Acta linguistica petropolitana. Proceedings of Institute for linguistic studies, Russian Academy of Sciences], 2013, vol. IX, no. 2, pp. 192–205.
7. Chernysheva M. I. [Criticism of a lexicographic edition from a historical perspective: the dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. In: *Voprosy filologii* [Philology Issues], 2011, no. 1 (37), pp. 134–138.
8. Chernysheva M. I. [The parameters of lexicographical criticism]. In: *Slovo i slovar'. Vocabulum et vocabularium: Sbornik nauchnykh trudov po leksikografii. Vip. 12* [Word and dictionary. Vocabulum et vocabularium: Collection of scientific works on lexicography. Iss. 12]. Kharkov Klagenfurt: Pidruchnik NTU “KhPI” Publ., 2011, pp. 7–10.
9. Chernysheva M. I. [Dictionary of Russian language of 11-17th centuries. in the light of “external”

- and “internal” criticism.]. In: *Chelovek o yazyke yazyk o cheloveke: Sbornik statei pamyati akad. N. Yu. Shvedovoi* [Person about language – language about a person. Collection of articles in memory of Acad. N. Y. Svedova]. Moscow, “Azbukovnik” Publ., 2012. pp. 369–377.
10. Shakhmatov A. A. [On the state tasks of the Russian people in connection with the national tasks of the tribes inhabiting Russia]. In: *Moskovskii zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo* [Moscow Journal. History of Russian Government], 1999, no. 9, pp. 21–28.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чернышева Маргарита Ивановна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института русского языка имени В. В. Виноградова Российской академии наук;
e-mail: chernysheva@bk.ru

AUTHOR INFORMATION

Margarita I. Chernysheva – Doctor of Philological Sciences, Professor, Leading Researcher, Vinogradov Russian Language Institute Russian Academy of Sciences;
e-mail: chernysheva@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чернышева М. И. Возвращаясь к «задачкам Срезневского» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. **C.**

FOR CITATION

Chernysheva M. I. Returning to “the Sreznevsky’s tasks”. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp.

УДК 81-11
DOI

ПЛЮРИЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

Шайбакова Д. Д.

*Казахский национальный педагогический университет им. Абая
050010, г. Алматы, проспект Достык, д. 13, Республика Казахстан*

Аннотация. Научный дискурс в XXI в. содержит проблематику функционирования языков в полиэтнических сообществах, роли импортированных, т. е. привнесённых, идиомов в языковой ситуации (ЯС) государств. Такие импортированные языки, которые развиваются в нескольких ареалах, представляют макросистему как совокупность вариантов, судьба которых зависит от множества факторов. В странах с привнесённым извне языком, который неизбежно вступает в конфликт или конкуренцию с местными языками, ЯС формируется наиболее сложно. Плюрицентрический подход предполагает рассмотрение ЯС и как жизнь единого, дисперсно распространяющегося языка, и как ситуацию сосуществования привнесённого и местных языков, сравнение всех форм существования в материковой и островной среде.

Ключевые слова: плюрицентрические языки, исследовательская модель, вариант, кодификация

PLURICENTRIC APPROACH TO LANGUAGE SITUATION ANALYSIS

D. Shaibakova

*Abay Kazakh National Pedagogical University
13 ulitsa Dostyk, Almaty 050010, Republic of Kazakhstan*

Abstract. The scientific discourse in the 21st century contains the problems of the functioning of languages in multiethnic communities, the roles of imported ones, i.e. imported idioms in the language situation (LS) of the countries. Such imported languages, which develop in several areas, represent the macrosystem as a set of options, the fate of which depends on many factors. In countries with an external language that inevitably comes into conflict or competition with local languages, LS is most difficult to form. The pluricentric approach involves the LS consideration both as the life of a unified, dispersed language, and as the situation of imported and vernacular languages coexistence, a comparison of existence all language forms in the mainland and out of its environment.

Keywords: pluricentric languages, research model, variant, codification

Ещё в 70-е гг. XX века известный американский учёный Р. Купер отмечал, что распространение языков только начинают изучать, и сетовал, что нет общего ядра, общих рамок для сравнения разных исследований [10, р. 6]. С тех пор изучение этой проблемы продвинулось значительно. Теоретической базой нашего анализа являются труды по проблемам плюрицентрических языков и моделирования У. Стюарта,

Х. Клосса, М. Клайна, Р. Мура, Э. Льюиса, Р. Купера, В. М. Алпатова, А. Домашнева, А. Швейцера, Д. Брозовича, У. Вайнрайха, И. Ревзина, К. Белоусова, Е. Протасовой, Д. Шайбаковой и др.

Сформировался понятийный аппарат теории импортированных, привнесённых языков, но и по сей день понятие привнесённого извне языка не имеет однозначного терминологического обозначения.

Отсюда путаный социолингвистический словарь. Термин «плюрицентрические языки» (далее ПЯ) ввёл в 1978 г. немецкий учёный Х. Клосс, его использовал В. Стюарт. С 90-х гг. XX столетия он применяется всё чаще. Термин стал употребительным благодаря выходу в свет книги «Pluricentric languages: different norms in different countries» под редакцией М. Клайна [14], в которой статьи по каждому из ПЯ написаны специалистами в этой области, большинство из них являются носителями языка. Так была намечена своеобразная программа исследования, представлено описание таких языков.

В перечень плюрицентрических языков входят такие языки, как английский, арабский, армянский, голландский, испанский, китайский, корейский, македонский, малайский, немецкий, португальский, русский, сербско-хорватский, тамильский, французский, хинди-урду, шведский. Это разные по коммуникативной мощи, географической распространённости, числу говорящих, по причинам утверждения языки. Разной является и степень плюрицентризма, под которой понимается не только территориальная распространённость, этническое разнообразие носителей, но и состояние, развитие единого языка в разных ареалах существования. В характеристике плюрицентрических языков выделяют следующие признаки: 1) имеют несколько версий стандартного языка; 2) имеют несколько центров развития; 3) каждый центр имеет свою вариативность, свои собственные кодифицированные нормы; 4) трансграничность; 5) этническая и языковая идентичность носителей не всегда совпадают [14]. Добавим, что аргументом в пользу плюрицентризма являются ещё и пиджинизация, креолизация на основе доминантного идиома, а также его способность служить лингва франка.

Особенностью исследований жизни языка, дисперсно развивающегося в разных ареалах, является обращение к нескольким его вариантам, сравнение разных ситуаций, типологический анализ,

отсутствие строгого понятийного и терминологического аппарата вследствие различных лингвистических традиций стран. Кроме того, одна из опасностей, подстерегающих учёных, которые занимаются этой проблемой, заключается в том, что языковой вопрос является чрезвычайно политизированным во многих случаях. Ведь ПЯ неизбежно оказывается в условиях конкуренции или конфликта с местными языками. Продвижение в информационном поле манифестативных идей определённых партий, политических сил опирается на аргументативную базу, формируемую научными трудами. Таким образом, наука тоже участвует в манипулировании общественным сознанием. И способ научного мышления меняется под влиянием сильных идей, смыслообразующих контекстов. Потому важен научный беспристрастный анализ языковых ситуаций с ПЯ.

Когда мы говорим о распространении ПЯ, имеем в виду поведение языка. Оно освещается с трёх точек зрения. Так его понимает Р. Купер:

1. Форма – приобретение структурного сходства с контактным языком.
2. Функция рассматривается в связи с целью распространения языка.

Основными критериями классификации функций являются следующие [10, p. 9]:

- а) степень владения языком, навыки общения на нём;
- б) распространение между группами или внутри группы;
- в) экономические, политические, религиозные факторы;
- г) символическая роль, символ идентичности.

3. Проницаемость – признак, который отражает степень открытости языка или его варианта, что отмечает Купер. Здесь возможны две тенденции: адаптация или сопротивление. Иначе говоря, данный параметр характеризует степень сохранности импортированного языка.

Другой исследователь, Э. Льюис, важным считает не ареальное продвижение

языка, а число говорящих: распространение языка – это метафора, на самом деле растёт число людей, освоивших язык [12, p. 17].

При всём разнообразии подходов к описанию ПЯ есть то, что их объединяет. Описание ПЯ отличается от традиционного, рассматривающего линейное развитие, тем, что в его основе лежит идея многолинейного развития единого языка, его существование в ряде вариантов, которые приобретают дифференциальные признаки. Следовательно, отслеживается дисперсное функционирование единого языка в его динамике, в которой различают сопоставления: пространство – этносы, система – процесс, синхрония – диахрония, изменение – сохранение единства языка. Далее модель анализа строится по принципу расширения, которого придерживался Маршалл Маклюэн, призывавший «отказаться от идеи линейного развития и принять идею многолинейного развития как поступательную интеграцию множества отдельных элементов» [6, с. 10]. Эволюция языка также происходит вследствие расширения – географического пространства, коммуникативной среды.

В определении «плюрицентрический», сосуществующем с такими, как импортированные, полиэтнические, полинациональные, диасистемные, неорганические, лингва франка, аусбау-языки, актуализируется признак наличия нескольких центров развития, нескольких ареалов. И принятие учёным такого определения указывает на направление исследования. В описании плюрицентрических языков важно вычленивать круг проблем с учётом разных аспектов функционирования языка, разработать или упорядочить терминологию и методы анализа. Метаязык теории плюрицентрических языков представляет собой совокупность терминов, которые используются для обозначения понятий, относящихся к ареальным характеристикам, трансгосударственному распространению, языковой идеологии, варьированию языка. Точный метаязык позволяет произвести инвентаризацию существующих

терминов, систематизировать понятия, выстроить их в отношении оппозиции, взаимозависимости, категории. Это то, что вносит порядок в мало структурированное, оценочно-эмоциональное и объёмное описание ЯС.

Терминологические оппозиции также способствуют осмыслению проблемы. В них ключевым является общее квалификационное название языков, перенесённых на другие территории. Нами выделены следующие признаки квалификации [9].

1. Множество очагов развития: плюрицентрические языки, им противопоставлены языки моноцентрические.
2. Неисконная территория: неавтохтонный язык, т. е. язык на «чужой» земле, в противопоставление автохтонному (от греч. *autochthon* – туземный, местный) – находящемуся в месте возникновения.
3. Пространственная дифференциация языка: диатопическая система; антонимический термин, как правило, не употребляется.
4. Множество этносов, пользующихся данным языком: полинациональный, полиэтнический в отличие от мононациональных, моноэтнических.
5. Неадекватность / адекватность отражения картины мира содержится в антиномии неорганический – органический языки, маркирующей номинативную способность языка. Неорганический язык – привнесённый, созданный для отражения реалий иной жизни, соответственно, органический – это язык, созданный для отражения реалий жизни исконного этноса на исконной территории (термины используются Ю. Жлуктенко, Д. Д. Шайбаковой). В отличие от этого в антиномии автохтонный / неавтохтонный маркируется местоположение языка.
6. Инвариантно-вариантные отношения: язык-инвариант – стандартный, эталонный, исконный,

исходный, в оппозиции к нему – производный идиом, вариант. Как правило, плюрицентрические языки существуют в вариантах (в западной социолингвистике применяется термин «национальные формы» (*national forms*). Для обозначения языка-инварианта в сравнении с формирующимися на неисконной территории вариантами используют также термины материковый язык, язык метрополии. На другом полюсе – «островной» язык в инородной среде, язык национального меньшинства.

7. Связь с культурой: поликультурные языки, антоним – монокультурные языки.
8. Трансграничность: импортированный металект, инонациональный, иноземный язык, ставший основным (официальным, государственным) языком какого-либо государства. Обычно это европейский язык – английский, французский, португальский и т. п. – в бывших колониях, ставших суверенными. Ю. Б. Коряков в этом же значении использует термин внешний металект – привнесённый извне язык наддиалектного, надъязыкового общения [4, с. 84]. В таком определении подчёркивается фактор миграции языка.

В данном обзоре терминов, обозначающих привнесённые извне языки, во многих случаях выстраиваются бинарные оппозиции – язык плюрицентрический и язык, не являющийся таковым. Каждая оппозиция представляет определённый признак объекта. Для интегративного описания нужны все они в совокупности. Каждый приведённый термин помогает корректировать программу исследования, так как он актуализирует определённые аспекты изучения. Но, понятно, что в действительности жизнь плюрицентрического языка значительно сложнее. Реально такой язык функционирует в конкуренции с местными языками, включаясь в иерархию отно-

шений с ними, наблюдается билингвально-диглосная ситуация [4, с. 84].

Анализ терминов для обозначения полинациональных, полиэтнических, функционирующих на разных территориях языков показывает разную в научной литературе. Обилие терминов связано с расширением имеющихся и актуализацией новых понятий. Если термин дублирует уже имеющиеся обозначения, не вносит ничего нового в осмысление изучаемого феномена, то возникает лексическая избыточность, которая часто сопровождается семантической недостаточностью, т. к. каждый новый термин претендует на номинацию новой идеи в теории или практике. И эти две тенденции – лексическая избыточность и семантическая недостаточность – находятся в постоянном противоборстве [5, с. 88]. Сейчас настало время обобщающей теории функционирования импортированного языка.

Термин «плюрицентрический» всё ещё редко применяют по отношению к русскому языку: в своё время Майкл Клайн не отнёс к категории плюрицентрических русский язык, назвав его моноцентрическим [14]. Но в 2011 г. на конференции в австрийском Граце русский язык рассматривался как плюрицентрический в докладе Р. Мура [13], Е. Протасова также квалифицирует РЯ как ПЯ [8]. Колебания в квалификации русского языка объясняются тем, что в стандартном наборе признаков плюрицентрического языка не называют следующих – существования нескольких версий (вариантов) стандартного языка и кодификации варианта. Но неадекватность русского языка постсоветских стран инварианту очевидна, и отрицать наличие вариантов нельзя. Для вариантов считают необходимым условием различия не только в лексике, но и в грамматике. Однако, изучив статьи в книге “Pluricentric languages: different norms in different countries”, мы отметили, что частым является замечание о том, что заметных грамматических различий в вариантах ПЯ (версиях стандартного языка) нет. Грамматических различий нет и в вариантах русского языка, но есть

дифференцирующие черты в словообразовании, лексике, фонетике, в употреблении языка, что дает основание для выводов о создании функционального варианта языка.

Таким образом, основанием для признания русского языка плюрицентрическим служит наличие следующих признаков:

- 1) имеет несколько центров развития;
- 2) этническая принадлежность и язык могут не совпадать;
- 3) при лексикостатистическом измерении в словаре вариантов и инварианта обнаруживаются значительные расхождения;
- 4) имеются отклонения в моделях словообразования
- 5) изменение коммуникативных норм;
- 6) участие в пиджинизации (руссе-норск, например).

Отсутствует одно условие – кодификация норм вариантов. Однако на этот счёт имеются различные суждения. Р. Шмидлин замечает, что плюрицентрический подход подразумевает сосуществование вариантов, нескольких центров развития, в каждом из которых закрепился свой национальный вариант, опирающийся на кодифицированную или некодифицированную норму [2, с. 56–59]. Замечание об учёте некодифицированной нормы весьма важно, так как до недавнего времени в расчёт брали лишь кодификацию. Данные типы норм предлагается различать по отношению к вариантам немецкого языка: *Vollzentren* и *Halbzentren* (У. Аммон). *Vollzentren* – это центры с внутренней кодифицированной нормой (Германия, Австрия и германоязычная Швейцария), *Halbzentren* не располагают кодифицированной языковой нормой (Люксембург, Лихтенштейн, Южный Тироль и Восточная Бельгия). Т. В. Клюева дифференцирует *Kode-Zentren* для Германии, Австрии и Швейцарии, «выработавших собственную языковую норму», и *Usus-Zentren* «для стран и регионов, где нет национального кода, а имеется только коллективный узус, закреплённый в национальном языковом сознании» (цит. по: [3, с. 17–18]). Из изложенного отмечаем два

важных для нас условия: наличие варианта, опирающегося как на кодифицированную, так и некодифицированную норму, и расширение словаря ПЯ за счёт узальных регионализмов.

Одним из способов, помогающих интегрировать имеющиеся знания о ПЯ, является моделирование. Для описания ситуации в Казахстане такая модель весьма актуальна, она поможет лаконично представить анализ функционирования плюрицентрического русского языка в тесном контакте с другими языками, сравнить с другими подобными ситуациями в мире, а также в разных центрах развития РЯ.

Моделирование – естественный научный приём обобщения, категоризации, формализации описания, измерения, ранжирования, категоризации, сравнения, оценки, графического, компьютерного воплощения и т. п., позволяющих многоаспектно представить изучаемый предмет. Предлагаемый метод в большей степени способствует достижению точности результатов, построению открытой модели, позволяет аккумулировать новые знания об объекте. Отступление от оценочных суждений и эмоциональности, предельно объективное формальное представление информации – одно из условий надёжности результатов. Формальные средства столь показательны, что позволяют отразить самые разные аспекты такого сложного понятия, как языковая ситуация с ПЯ. Как считает известный российский лингвист В. З. Демьянков, «формальный аппарат теории модифицируют не столько оттого, что в поле зрения исследователя попадают новые явления языка, сколько в надежде достичь более высокого уровня обобщения» [1, с. 243].

Модель описания позволяет также внести ясность в реальное соотношение, опять-таки многоплановое, языков в Казахстане. Моделирование предполагает упорядочение, направляет и унификацию терминологии. Нечёткость терминологии имеет следствием путаницу понятий, неточность выводов. С другой стороны, модель позволяет разобраться и в стере-

отипизации, которая проявляется в статьях-клонах, например, в постсоветском пространстве по поводу русского языка, оценить стереотипы. Поэтому работа исследователя, занимающегося проблемами функционирования языка/языков, подчиняется множеству установок. Их пытался сформулировать **Джошуа Фишман в работе** “Language planning and language research: the state of the art” [11, p. 15–33]. Он задавал вопрос: как работают учёные, чтобы описать языковое планирование? каковы их цели? что они выбирают в качестве предмета анализа? как они определяют правильность выбора? Эти вопросы относятся к исследованию языковой ситуации.

Модель, понимаемая как алгоритм исследования, включает в себя следующие задачи:

- 1) определение и уточнение понятия «плюрицентрический язык»;
- 2) описание и разработка каждого блока задач, решаемых для анализа ЯСПЯ;
- 3) определение сущности моделирования, методов и принципов моделирования в корреляции с задачами исследования;
- 4) выявление типологических черт языковых ситуаций с плюрицентрическим языком;
- 5) сравнительно-сопоставительный анализ языковых ситуаций с плюрицентрическим языком;
- 6) квалификация языковой ситуации в стране (в Казахстане) с позиций участия ПЯ, в максимально большом спектре проблем и в сравнении с другими странами, где распространён русский язык;
- 7) создание актуальной социолингвистической карты регионов.

Для предмета нашего описания – языковая ситуация с участием плюрицентрического языка – модель представляет аккумуляцию всех аспектов рассмотрения. В соответствии с задачами исследования определены следующие аспекты:

1. Историко-социальные, политические условия утверждения плюрицентрических языков в разных ареалах; экономические, военные, политические, религиозные, миграционные и др. причины плюрицентризма.
2. Географический, ареальный блок: ареалы распространения.
3. Демографический блок: число говорящих; компактность расселения носителей языка; расселение по признаку село/город.
4. Статусно-правовой блок: законодательная фиксация статуса языка; комплекс мер по поддержанию или игнорированию языка.
5. копиский блок: медиа- и социальные исследования, изучение общественного мнения, опросы, анкетирование, их эффективность и надёжность.
6. Аксиологические проблемы изучения языковой ситуации: язык как признак идентичности; языковая лояльность/языковой нигилизм; аксиологические аспекты изучения дискурса о языковой политике; аттитюды, рефлексивы по поводу развития языка; лингвоконфликтологические факторы. Данный аспект исследования является одним из важнейших в западной лингвистике, в исследованиях русского языка постсоветской эпохи категория идентичности применяется сравнительно недавно, опыт описания аттитюдов незначительный.
7. Гуманитарно-личностный: отношение индивидов к языку и языковой ситуации.
8. Языковой (лингвистический) блок: корпусные характеристики языка; актуальное состояние языка; формирование норм, проблема кодификации; энтропия нормы; взаимное влияние языков: языковая диффузия, т. е. изменения в системе языка, и речевая мутация – влияние контактного язы-

ка, проявляющееся в речи индивидов; билингвизм и диглоссия. Функционально-коммуникативный блок: сферы употребления; функциональные типы речи; изменение коммуникативных норм; на основе квантитативного анализа изучается проявление разнообразных категорий, относящихся к стилистическим, аргументативным и другим сторонам речевой коммуникации.

9. Лингводидактические аспекты языковой ситуации: двуязычное образование; учебно-педагогический статус языков.
10. Лингвокультурный блок: влияние культуры на языковую ситуацию, культурное взаимодействие в коммуникации.

Языковая ситуация с плюрицентрическим русским языком предстаёт и как локальная ситуация, и как дисперсное, дивергентное развитие единого языка на разных территориях. При этом во внимании находятся все ареалы существования этого языка и каждый конкретный в отдельности. Комплексная модель языковой ситуации с плюрицентрическим языком (ЯСПЯ) реализуется, исходя из различения трёх ареалов распространения. Первый – это ПЯ в мире. Конечно, невозможно объять всё разнообразие ситуаций (см. об этом: [7]). Поэтому представляем формализованно картину участия ПЯ в организации ЯС в полиэтнических регионах, используя модели ситуаций, имеющиеся в мире. Затем рассмотрены языковые ситуации с участием РЯ, дисперсно развивающегося в разных ареалах, большее внимание уделяется постсоветским странам. Третьей частью нашего исследования является языковая ситуация в Казахстане в полном объёме характеристик и аспектов с учётом места и роли РЯ как плюрицентрического.

Мы исходим из того, что ЯСПЯ уже по определению неоднородна. Но и в пределах единого ареала, государства она неоднородна. Это показывает проведённое ареальное исследование региональной

картины ЯС в Казахстане. Произведено анкетирование информантов разных демографических категорий в четырёх областях Казахстана. Это Кызылорда и Кызылординская область, Акмолинская, Алматинская, Восточно-Казахстанская области. Выбор регионов определён задачами проведения лонгитюдного исследования софункционирования русского и казахского языков в Казахстане. Оно было начато в 1980 г. М. М. Копыленко и С. Т. Саиной, проводилось в то время в Алма-Атинской, Кызыл-Ординской, Кокчетавской и Семипалатинской областях. Продолжено исследование в тех же регионах Д. Д. Шайбаковой в 2000 г., результаты представлены в докторской диссертации и монографии «Функционирование русского языка в Казахстане; вчера, сегодня, завтра» (2005). Важным в опросе на всех этапах лонгитюдного исследования является вопрос о национальности респондентов и их владении языками. Сейчас использование РЯ в этих регионах Казахстане различается не только количеством говорящих, но и степенью речевой мутации. Так, северные и восточные регионы (теперь уже меньше, чем 5–10 лет назад) отличает следование практике употребления языка в материковой зоне: *тенге* всё ещё называют рублями, вещевой рынок – *толчком*, казахами используются русскоязычные приветствия и т. п. В южных регионах отмечается большое влияние казахского языка на РЯ.

В целом исследовательская модель ЯСПЯ, во-первых, учитывает центр и все процессы, происходящие в нём – от девиации в направлении от центра к развитию плюрицентризма [14, р. 3]. Вторая особенность заключается в том, что во внимании исследователя должны быть одновременно динамика, рассматриваемая как развитие языка во времени и его распространение в пространстве, и статика, т. е. существование языка в синхронном плане, это функционирование языка. Кроме того, в исследовательской модели ЯСПЯ представлено взаимодействие с другими языками в разных центрах его существования, что и

составляет развитие – последовательный, причинный и непрерывающийся процесс изменения языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демьянков В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // *Язык и наука конца XX века*. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 239–320.
2. Кириллина А., Гриценко Е. Основные модели описания языковых изменений в условиях глобализации // *Власть*. 2011. № 5. С. 56–59.
3. Клиенкова И. Б. **Лексико-грамматические свойства субстантивных словосочетаний в швейцарском варианте немецкого литературного языка (по материалам прессы): дисс. ... канд. филол. наук**. М., 2015. 189 с.
4. Коряков Ю. Б. Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002. 129 с.
5. Лукина О. И. **К вопросу об особенностях метаязыка лингвистики и лингвистической терминологии** // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: Материалы ежегодной международной конференции. Ч. III. (Екатеринбург, 1–2 февраля 2013 г.) Екатеринбург: Уральский государственный педагогический институт, 2013. С. 85–92.
6. Маклюэн Г. М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-центр, 2003. 206 с.
7. Плюрицентрические языки: справочно-аналитические материалы / ред. Д. Д. Шайбакова. Алматы: Ұлағат, 2015. 250 с.
8. Протасова Е. Ю. Русско-немецкий билингвизм и русский язык: опыт Германии // *Диаспоры*. 2003. № 1. С. 27–47.
9. Шайбакова Д. Д. Является ли русский язык плюрицентрическим? // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2016. VII/2. S. 257–268.
10. Cooper R. L. A Framework for the Study of Language Spread // *Language Spread. Studies in Diffusion and Social Change* / edited by R. L. Cooper. Washington: Indiana University Press, 1982. P. 5–36.
11. Fishman J. Language planning and language planning research: the state of the art // *Advances in language planning* / edited by J. A. Fishman. Hague: Mouton, 1974. P. 15–33.
12. Lewis E. Multilingualism in the Soviet Union. Aspects of Language Policy and its Implementation. The Hague: Mouton, 1972. 332 p.
13. Muhr R. Linguistic dominance and non-dominance in pluricentric languages // Conference on non-dominating varieties of pluricentric languages. 11–13 July 2011. University of Graz, on Austria [Электронный ресурс]. URL: <http://www-oedt.kfunigraz.ac.at/ndv-conf/present/02-Rudolf-Muhr-ND-Varieties> (дата обращения: 27.09.2019).
14. Pluricentric Languages: Different Normes for Different Countries / edited by M. Clyne. Berlin – New-York: Mouton de Gruyter, 1992. 487 p.

REFERENCES

1. Dem'yankov V. Z. [Dominant Linguistic Theories at the End of the 20th Century]. In: *Yazyk i nauka kontsa XX veka* [The language and science of the late twentieth century]. Moscow, Institut yazykoznaniiya RAN Publ., 1995. pp. 239–320.
2. Kirillina A., Gritsenko E. [The main models for describing language changes in the context of globalization]. In: *Vlast'* [The Authority], 2011, no. 5, pp. 56–59.
3. Klienкова I. B. **Leksiko-grammaticheskie svoistva substantivnykh slovosochetanii v shveitsarskom variante nemetskogo literaturnogo yazyka (po materialam pressy): diss. ... kand. filol. nauk** [Lexico-grammatical properties of the noun phrases in the Swiss variant of the German literary language (press release): PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2015. 189 p.
4. Koryakov Yu. B. **Yazykovaya situatsiya v Belorussii i tipologiya yazykovykh situatsii: diss. ... kand. filol. nauk** [The language situation in Belorussia and a typology of language situations: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2002. 129 p.
5. Lukina O. I. [To the question about the features of the metalanguage of linguistics and linguistic terminology]. In: *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki: Materialy ezhegodnoi*

- mezhdunarodnoi konferentsii. Ch. III (Yekaterinburg, 1–2 fevralya 2013)* [Actual problems of German studies, romanistics and Russian studies: Materials of the annual international conference. Part III. (Ekaterinburg, 1–2 February 2013). Ekaterinburg, Ural State Pedagogical Institute Publ., 2013. pp. 85–92.
6. McLuhan H. M. *Galaktika Gutenberga. Sotvorenie cheloveka pechatnoi kul'tury* [Gutenberg's Galaxy. The creation of man of print culture]. Kiev, Nika-tsentr Publ., 2003. 206 p.
 7. Shaibakova D. D., ed. *Plyuritsentricheskie yazyki: spravochno-analiticheskie materialy*. [Pluricentric languages: reference and analytical materials]. Almaty, Ylafat Publ., 2015. 250 p.
 8. Protasova E. Yu. [Russian-German bilingualism and the Russian language: German experience]. In: *Diaspory* [Diasporas], 2003, no. 1, pp. 27–47.
 9. Shaibakova D. D. [Is Russian a pluricentric language?]. In: *Przegląd Wschodnioeuropejski*, 2016, VII/2, s. 257–268.
 10. Cooper R. L. A Framework for the Study of Language Spread. In: Cooper R. L., ed. *Language Spread. Studies in Diffusion and Social Change*. Washington, Indiana University Press Publ., 1982, pp. 5–36.
 11. Fishman J. Language planning and language planning research: the state of the art. In: Fishman J. A., ed. *Advances in language planning*. Hague, Mouton Publ., 1974, pp. 15–33.
 12. Lewis E. Multilingualism in the Soviet Union. Aspects of Language Policy and its Implementation. The Hague, Mouton Publ., 1972. 332 p.
 13. Muhr R. Linguistic dominance and non-dominance in pluricentric languages. In: *Conference on non-dominating varieties of pluricentric languages. 11–13 July 2011. University of Graz, on Austria*. Available at: <http://www-oedt.kfunigraz.ac.at/ndv-conf/present/02-Rudolf-Muhr-ND-Varieties> (accessed: 27.09.2019).
 14. Clyne M., ed. *Pluricentric Languages: Different Normes for Different Countries*. Berlin, New-York, Mouton de Gruyter Publ., 1992. 487 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шайбакова Дамина Дисингалеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Казахского национального педагогического университета им. Абая;
e-mail: damina1shaibakova@gmail.com

AUTHOR INFORMATION

Damina D. Shaibakova – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Russian Language and Literature, Abay Kazakh National Pedagogical University;
e-mail: damina1shaibakova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шайбакова Д. Д. Плюрицентрический подход к анализу языковой ситуации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.

FOR CITATION

Shaibakova D. D. Pluricentric approach to language situation analysis. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp.

УДК 811.16'373-115

DOI

АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ СЛАВЯНСКОЙ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Щербин В. К.*Центр системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук**Беларуси**220072, г. Минск, ул. Академическая, д. 1, Республика Беларусь*

Аннотация. В статье излагается краткая история изучения ключевых концептов различных научных дисциплин (истории, лингвистики, социологии, химии и др.). Детально анализируются ключевые концепты славянской сравнительной лексикографии («сравнение», «сопоставление», «противопоставление», «оценивание», «система», «инвариант/инвариантность», «вариация», «эквивалентность», «контрастивность», «тождество», «различие», «полное/неполное соответствие», «язык-эталон» и др.). Показывается взаимосвязь указанных ключевых концептов с различными направлениями сравнительной лексикографии славянских языков.

Ключевые слова: славянская сравнительная лексикография, ключевой концепт, сравнение, тождество, различие

THE ANALYSIS OF KEY CONCEPTS OF SLAVIC COMPARATIVE LEXICOGRAPHY

V. Shcherbin*The Center of System Analysis and Strategic Research of the National Academy of Sciences of Belarus**1 ulitsa Academicheskaya, Minsk 220072, Republic of Belarus*

Abstract. The article considers a brief study of crucial concepts of history in various scientific disciplines (history, linguistics, sociology, chemistry, etc.). The author gives a detailed analysis of the Slavic comparative lexicography key concepts ("comparison," "juxtaposition," "contraposition," "estimation," "system," "invariant / invariance," "variation," "equivalence," "contrast," "identity," "distinction," "full/incomplete correspondence," "language-standard," etc.). The interconnection of these critical concepts with various areas of Slavic languages has been shown.

Keywords: Slavic comparative lexicography, key concept, comparison, identity, distinction

В последние десятилетия в рамках многих научных дисциплин (история, лингвистика, науковедение, социология, химия, экономика и др.) обозначилась тенденция к выявлению и описанию на материале соответствующих узкодисциплинарных текстов ключевых концептов (основных понятий) каждой из названных выше научных дисциплин. При этом особо следует

отметить тот факт, что в указанном процессе (выявления и описания ключевых концептов «своей» науки) принял участие, говоря словами проф. Н. А. Кондрашова, «ряд титанов, открывателей новых областей исследования и оригинальных методов, работа которых произвела переворот в науке» [10, с. 98].

В частности, далеко за пределами российской филологии известно такое фундаментальное собрание ключевых концептов, как «Константы. Словарь русской культуры» академика РАН Ю. С. Степанова, 3-е издание которого вышло в Москве в 2004 г. А спустя три года (в 2007 г.) им же была опубликована обобщающая монография «Концепты. Тонкая плёнка цивилизации» [22]. Использование Ю. С. Степановым в названиях своих работ отличающихся терминов (*константы*, *концепты*) для обозначения основных, базовых понятий русской культуры не должно вводить читателей в заблуждение: и в первой, и во второй работе речь идёт об одном и том же – об элементах концептуальной системы русской культуры. Как справедливо заметил по аналогичному поводу М. Ю. Мухин, «...термины “концепт”, “константа”, “идея”, “идеологема”, “ключевое слово-понятие”, “образ” и (в редких случаях) “мотив” употребляются в значении “важный элемент концептуальной системы, обычно названный словом»» [13, с. 38]. К числу таких словесно обозначенных элементов концептуальной системы также можно отнести и выделяемые проф. Н. А. Кондрашовым «конструкты – понятия об идеальных объектах, которые основываются на общих гипотезах» [9, с. 172].

Ещё раньше (в XIX в.) были изданы следующие сборники и словари узкодисциплинарных концептов (концептуари):

а) лекционный курс «Терминология русской истории» проф. В. О. Ключевского, прочитанный последним в 1884/85 академическом году студентам историко-филологического факультета Московского университета. В данном лекционном курсе описывались ключевые концепты (термины) русского обществоведения, которые, по признанию самого В. О. Ключевского, «всего чаще встречаются или в основных источниках нашей истории или в наших исторических исследованиях» [8, с. 94];

б) последняя прижизненная статья знаменитого русского химика А. М. Бутлерова «Основные понятия химии», опубликован-

ная в виде отдельной брошюры в 1886 году [2];

в) «Московский сборник» (1896) ключевых обществоведческих концептов, составленный Обер-Прокурором Священного Синода К. П. Победоносцевым. В словарных статьях данного сборника подаются подробные описания понятийного содержания таких обществоведческих концептов, как *Церковь и государство*; *Новая демократия*; *Печать*; *Народное просвещение*; *Закон*; *Вера*; *Духовная жизнь*; *Церковь*; *Власть и начальство* и др.

Известно также, что идею создания словаря «идей» (т. е. ключевых концептов) вынашивал и писатель Н. Г. Чернышевский. Литературовед Б. Рюриков пишет об этом следующее: «В письме к жене из Петропавловской крепости 5 октября 1862 года Чернышевский делился планами литературной работы. Он думал о многотомной “Истории материальной и умственной жизни человечества”, о “Критическом словаре идей и фактов”, об общедоступной “Энциклопедии знания и жизни”» [17, с. 9]. Косвенное представление о главном принципе организации концептуального материала в задуманном Н. Г. Чернышевским словаре «идей» даёт демонстрируемый Рахметовым – главным героем романа «Что делать?» – подход к выбору книг для чтения: «Каждая прочтенная мною книга такова, что избавляет меня от надобности читать сотни книг»¹. Впоследствии подобный «рахметовский» принцип отбора из необъятного океана существующих знаний только самых необходимых, ключевых его элементов (концептов) станет основополагающим для концептологии – «науки о кратком», как метафорически определил её Ю. С. Степанов [22, с. 20].

Традиция издания сборников ключевых концептов для различных научных дисциплин и специальных областей знаний, которые переживают фазу своей активной институционализации, продолжает развиваться и позднее (в XX–XXI вв.), о чём свидетельствуют следующие факты:

¹ Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. М.: Правда, 1980. С. 313.

а) известный российско-американский социолог Т. С. Тимашев опубликовал в 1952 г. статью о ключевых концептах социологии [35];

б) в 1984 г. в США опубликована англоязычная монография «Концепты социальных наук: Систематический анализ» под ред. Г. Сартори;

в) в 1995 г. в Москве вышел в переводе на русский язык такой фундаментальный концептуарий, как «Словарь индоевропейских социальных терминов» Э. Бенвениста (впервые опубликован на французском языке в 1970 г.);

г) американские социологи Р. Сведберг и О. Агевалл опубликовали в 2005 г. «Словарь ключевых слов и концептов Макса Вебера»;

д) в 2007 г. издаётся фундаментальная «Антология концептов», в основу которой «положены диссертационные исследования, выполненные в Астрахани, Волгограде, Воронеже, Екатеринбурге, Иваново, Иркутске, Кемерово, Краснодаре, Санкт-Петербурге, Уфе» [1, с. 5];

е) в 2009 г. выходит в свет статья Н. А. Шматко «Национальные концепты российского социологического дискурса» [28];

ё) в 2013 г. опубликован фундаментальный труд Т. Г. Никитиной «Ключевые концепты молодежной культуры: тематический словарь сленга». Перечень уже изданных сборников ключевых концептов для различных научных дисциплин и специальных областей знаний можно продолжать и далее. Однако в целях экономии места и времени перейдём к осмыслению причины повышенного интереса представителей различных научных дисциплин к ключевым концептам «своих» наук.

По мнению академика АН СССР Б. М. Кедрова, указанный повышенный интерес обусловлен той весомой ролью, которую играют ключевые концепты в процессе институционализации данных наук: «Каждая из фундаментальных отраслей естествознания становилась подлинной наукой с того момента, когда она устанавливала свой объект исследования

и соответственно этому вырабатывала свое основное научное понятие» [7, с. 492]. Для физики таким основным понятием стало понятие энергии, для химии – понятие химического элемента, для геологии – понятие геологической формации, для биологии – понятие биологического вида и т. д. Вот почему, считает Б. М. Кедров, «вопрос об основном научном понятии по сути дела вопрос о том, можно ли признать данную науку вообще наукой или же превратить ее в нечто неопределенное и лишить ее важнейшей понятийной основы» [7, с. 493].

Свое объяснение повышенного интереса к ключевым концептам разных наук есть и у российских писателей. К примеру, В. О. Пелевин считает, что «чем выше учение, тем меньше слов, на которые оно опирается. Слова подобны якорям – кажется, что они позволяют надежно укрепиться в истине, но на деле они лишь держат ум в плену. Поэтому самые совершенные учения обходятся без слов и знаков... Высшие учения предназначены для существ с высшими способностями. А для тех, у кого они отсутствуют, имеются многотомные собрания чепухи, в которой можно ковыряться всю жизнь»¹. В образной, иносказательной форме В. О. Пелевин выразил ту же мысль, к которой пришёл в своих исследованиях профессор Иерусалимского университета А. Соломоник. По мнению последнего, выражаемые словами «понятия имеют тенденцию вступать в ряды и иерархии от менее отвлеченных к более абстрактным. На этом пути обычный прагматический опыт очень скоро теряет свою силу. Чтобы строить такие ряды, человечество нуждается в формальной логике и науке. Лишь пользуясь научными методами анализа, дедукцией и обобщением, можно вывести следующие за конкретными абстрактные понятия. Тогда они становятся еще и концептами» [20, с. 277].

Таким образом, в своём развитии любая научная дисциплина или специальная область знаний неизбежно проходит этап

¹ Пелевин В. О. Священная книга оборотня. М.: Изд-во «Э», 2017. С. 382.

формулирования своих ключевых концептов, без изучения которых невозможно понять логику развития такой дисциплины или специальной области знаний. И славянская сравнительная лексикография, в данном случае, не является исключением. Вот почему даже в сравнительных (исторических, этимологических и прочих) словарях XIX в. современные исследователи ищут ключевые концепты (исторические константы). По мнению Д. Г. Демидова, именно сопоставительный анализ ключевых концептов разных хронологических периодов российской истории быстрее всего позволяет выявить наиболее устойчивые из этих концептов, так называемые исторические константы [4, с. 123].

Кстати сказать, исторический подход для выявления понятийных констант или ключевых концептов своей науки используют не только гуманитарии, но и естествоиспытатели. К примеру, российские химики В. И. Кузнецов и А. А. Печенкин считают, что необходимость ускоренного развития науки «требует выявления основных понятий научных теорий и исследования связей между ними. Такой анализ не может не основываться на обобщении данных истории науки, так как именно в ходе исторического исследования обнаруживаются те тенденции научного мышления, с которыми связаны формирование и “переходы” понятийных структур» [12, с. 46].

Однако, в отличие от других научных дисциплин, история которых порой ограничивается несколькими десятилетиями и опирается не только на данные письменных памятников, но и на артефакты материального характера, лингвистика, а конкретно славянское языкознание, изучает не только современные славянские языки, но и лежащий в их основе праславянский язык, который «не сохранился в памятниках письменности. Он восстанавливается при помощи сравнительно-исторического изучения живых и мертвых славянских языков» [11, с. 8]. В настоящее время славянская лингвистическая компаративистика использует следующие ме-

тоды и подходы: «1. Применение методов лингвистической географии, приведшее к возникновению ареального языкознания... 2. Использование лингвистической реконструкции – восстановление наиболее древнего облика слов и форм, общих для родственных языков... 3. Применение в изучении праязыков достижений современной фонологии, которая в огромной степени опирается на системные отношения, существующие в фонологических системах» [9, с. 173–174]. Все перечисленные выше методы и приёмы лингвистической компаративистики в той или иной степени используются и в рамках славянской сравнительной лексикографии. И как показывает лексикографическая практика, «реконструкция праславянского словарного состава, а также сравнительный анализ лексики современных славянских языков дают во многих случаях большие результаты, чем изучение других сторон культуры древних славян» [11, с. 8].

К настоящему времени в рамках славянской сравнительной лексикографии усилиями, в первую очередь, академика РАН О. Н. Трубачева уже определены ключевые словарные антиномии, отражающие основные типы (концепты) этимологических словарей:

- 1) историко-этимологический словарь – «чистый» этимологический словарь;
- 2) частный этимологический словарь – общий этимологический словарь (словарь-синтез);
- 3) словарь-реконструкция – словарь-коллекция;
- 4) словарь корней (корневой словарь) – словарь лексем (этимологический словарь);
- 5) краткий (школьный) этимологический словарь – этимологический словарь «большекорпусного языка» («словарь-левиафан») [30, с. 201–203].

Кроме того, выявлены и описаны ключевые этапы развития отдельных славянских лексикографических традиций [29]

и роль в их развитии крупнейших российских славистов [31]. Однако до сих пор не систематизирован в достаточной мере концептуально-понятийный фонд славянской сравнительной лексикографии. Анализу ключевых концептов славянской сравнительной лексикографии и посвящается данная статья.

Среди наиболее общих понятий, используемых сегодня не только в рамках славянской сравнительной лексикографии, но и в лингвистической компаративистике в целом, ключевым является концепт *сравнение*. На общенаучный, методологический характер концепта *сравнение* указывают представители самых разных наук, времён и народов. К примеру, ещё К. Д. Ушинский писал о том, что «сравнение есть основа всякого понимания и всякого мышления. Все в мире мы узнаем не иначе, как через сравнение» [25, с. 436]. В свою очередь, французские социологи М. Доган и Д. Пеласси считают, что «сравнение – это средство приобретения знания. Поскольку осознание единичного факта связано с пониманием многих фактов, поскольку частное мы лучше постигаем в свете всеобщих, универсальных представлений, проведение сравнения между государствами на межстрановом уровне в десятки раз увеличивает возможность объяснения того или иного явления. Исследователь, изучающий только одну страну, может интерпретировать как нормальное то, что на самом деле компаративисту представляется аномальным» [5, с. 19].

Британский правовед Д. Сандерс обосновывает необходимость осуществления межгосударственных исследований, в основе которых лежит концепт *сравнение*, следующими причинами: «Существуют две главные причины проведения специфических межгосударственных сравнений. Одна из них связана с эмпирическим тестированием различных объясняющих гипотез, которые якобы выходят за пределы государственных границ... Вторая причина необходимости проведения специфических межгосударственных сравнений состоит в том, что лучше всего можно

определить как доказательное разъяснение. Центральной задачей такого анализа является углубленное понимание особенностей какой-либо страны путем сопоставления ее опыта с опытом других государств» [18, с. 32].

Немецким лингводидактом Г. Хельбигом «сравнение рассматривается как некоторое универсальное средство для оптимизации преподавания иностранных языков» [26, с. 307]. Однако «особое значение имеет сравнение как операционный прием в лингвистике. За последнее время в ней наблюдается тенденция объединить те разделы языкознания, в которых основным является сравнительный подход к исследуемому материалу, общим обозначением *лингвистическая компаративистика*. И это не случайно, поскольку сравнение можно считать наиболее универсальным способом исследования материала языка» [14, с. 402]. Более того, В. Г. Гак считает, что «сравнение является основным (возможно даже единственным) методом изучения языка. Но в зависимости от цели и объекта различаются три отрасли языкознания, использующие сравнение: сравнительно-историческая лингвистика, изучающая генетическую общность языков в их развитии; ареальная лингвистика, рассматривающая вторичное родство языков, языковые союзы, общность языковых явлений независимо от степени их генетической общности; сопоставительная (контрастная) лингвистика и типологическая лингвистика, изучающие схождения и расхождения между языками, независимо от степени их генетической близости» [3, с. 7].

Именно глубокое и всестороннее осмысление ключевого концепта *сравнение*, выделение его в ряду сопредельных с ним наиболее общих понятий (*сопоставление, противопоставление, тождество, различие, эквивалентность, контрастивность, полное/неполное соответствие* и др.), а также всестороннее описание и дифференциация существующих разновидностей данного ключевого концепта (в качестве примера можно назвать статью В. П. Нерознака, в ко-

торой раскрывается содержание таких разновидностей концепта *сравнение*, как *аналитическое, аналогическое, внутриязыковое, генетическое, диахроническое, историческое, контрастивное, межъязыковое, общее, синхронное, типологическое, универсальное* и другие виды сравнения [14]) позволило объединить в рамках сравнительной лексикографии различные теоретические и практические направления (переводная, историческая, контрастивная, дифференциальная, сопоставительная, праславянская, этимологическая и другие лексикографии). По указанной выше причине анализ ключевых концептов сравнительной лексикографии славянских языков имеет смысл начать с рассмотрения концепта *сравнение* и других связанных с ним понятий.

На наш взгляд, наиболее общую характеристику концепт *сравнение* получает в статье российского философа С. С. Гусева: «СРАВНЕНИЕ – операция сопоставления нескольких объектов с целью выяснения степени их подобия»¹. Кроме того, для характеристики концепта *сравнение*, по мнению С. С. Гусева, «существенно важными оказываются такие типы отношений между различными объектами, как “тождество” (полное совпадение всех попарно сопоставляемых признаков у различных предметов и явлений) и “различие” (выявление частичного несовпадения признаков). В последнем случае речь может идти именно о частичном несовпадении, поскольку ... сравнимыми являются лишь те объекты, у которых существует хотя бы одна общая характеристика»².

На более универсальный характер концепта *сравнение*, по сравнению с синонимичным ему понятием *сопоставление*, указывает также Р. М. Цейтлин: «Термин *сопоставление* иногда применяется при изучении фактов языка, относящихся к разным группам языков, к разным языковым семьям, а термин *сравнение* обычно служит универсальным обозначением

данного (сравнительного) типа исследования» [27, с. 6]. **В то же время авторы академического учебника «Общее языкознание: Методы лингвистических исследований» (1973)** дают несколько иную трактовку указанным понятиям и концептам: «В лингвистике преобладает либо недифференцированное употребление понятий сравнения и сопоставления, либо если они различаются, то о сравнении говорят в рамках генетического метода, а о сопоставлении – в рамках типологического метода. Между тем характер сравнения в том и в другом подходе в общем идентичен; различия относятся скорее к уровню технологии самого сравнения» [15, с. 229].

В свою очередь, этносоциолог **З. В. Сикевич** тесно увязывает совместное использование концепта *сравнение* с такими сопредельными ему общими понятиями, как *противопоставление* и *оценивание*: «Нельзя закрывать глаза на то, что операция сравнения фактически предусматривает противопоставление (а что иное по содержанию есть дихотомическая пара “мы” – “не мы”), а если противопоставление, то и оценивание, причём это оценивание можно мысленно расположить вдоль шкалы, где одним полюсом (положительным) будут “мы”, а противоположным (отрицательным) – совершенно чужие “они”... Сравнение поистине универсально, однако наиболее устойчивой и непреодолимой все же остается операция сравнения – противопоставления – оценивания» [19, с. 33–34].

С такими ключевыми для мировой лингвистики концептами, как *система*, *инвариант* и *вариация*, связывает использование концепта *сравнение* российско-американский лингвист Р. О. Якобсон: «Расширительная трактовка двух понятий – *сравнение* и *система* – в современном языкознании сопряжена с неуклонно прогрессирующей релятивизацией всего языкового состава и все более последовательным преобразованием лингвистики в науку о внутриязыковых отношениях, ... **узловой пункт всей этой сложной проблематики – соотношение инварианта и**

¹ См.: Гусев С. С. Сравнение // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Российская энциклопедия, 2009. С. 928.

² Там же.

вариации, насущная тема всего современного научного мышления» [32, с. XV].

О ключевой роли понятия *инвариант* (*инвариантность*) в сравнительном изучении языков пишут и современные российские исследователи: «Понятие инвариантности можно считать центральным в процедуре любого сравнения (исторического, типологического, контрастивного). Таким инвариантом (или своего рода метаязыком) в диахронической лингвистике выступает праязык, в типологии – класс языков, в ареальной лингвистике – языковой союз, в контрастивной лингвистике – родной язык» [14, с. 407].

В современной металексикографии отмеченная Р. О. Якобсоном дихотомия *инвариант* – *вариация* приобрела вид таких понятийных пар, как *эквивалентность* – *контрастивность*, *тождество* – *различие*, *полное соответствие* – *неполное соответствие*. Причём понятийное содержание отдельных членов таких пар нередко также дифференцируется в металексикографических работах. К примеру, для переводной (в данном случае русско-немецкой) лексикографии принципиально важным является установление различных видов межъязыковой семантической эквивалентности, таких как *системная или функциональная, структурно-языковая, узально-стилистическая и коммуникативная эквивалентность (или эквивалентность текстов)* [34]. Напротив, в рамках контрастивной лексикографии (и шире – сопоставительной лингвистики в целом) ключевую роль играет понятие *контрастивность*: «Ключевым понятием в сопоставительной (контрастивной) лингвистике является понятие *языкового контраста* (термин наш. – В. Н.) или *категория контрастивности* (в терминах В. Г. Гака). Языковой контраст являет собой специфическую особенность структуры языка А, предстающей таковой при сопоставлении с любым языком В. Одно и то же явление при сопоставлении с одним языком может выступать как специфически контрастное (категория), а при сопоставлении с другим – утрачивать эту контрастивность» [14, с. 409].

В свою очередь, для целей сопоставительно-типологического анализа лексики белорусского и русского языков, по мнению А. Е. Супруна, большое значение имеет подробная детализация дихотомии *полное соответствие* – *неполное соответствие*: «Будем считать семантическими соответствиями пары слов сопоставляемых языков, обладающие общей или же в значительной мере сходной семемой. Будем считать формальными соответствиями пары слов, обладающие общей или в достаточной мере сходной лексемой. ... **Принятие указанных соображений** позволяет выделить следующие типы соответствий: точное лексическое соответствие; приблизительное лексическое соответствие: неточное формально, неточное семантически, неточное формально и семантически; точное семантическое соответствие; точное формальное соответствие; приблизительное формальное соответствие; отсутствие лексического (однословного) соответствия» [23, с. 164–165].

Для сравнительного изучения славянских языков особое значение имеет также использование концепта *язык-эталон*. В частности, шведский лингвист Г. Якобссон считает, что «для законченного сопоставительного описания языков недостаточно прямого сравнения двух языков, поскольку они представляют собой несопоставимые системы. Их нужно как-то “перевести” одна в другую с помощью третьей, вспомогательной системы, некоего метаязыка» [33, с. 82]. Иными словами, для проведения полноценного сравнения двух языков жизненно необходимым является определение языка-эталона, который будет служить методологической основой для их сравнения, выступая в качестве своеобразного языка-посредника между ними. К сожалению, пишет Г. Якобссон, «банальная истина состоит в том, что такого *tertium comparationis* (“третьего сопоставительного”) до сих пор не имеется просто потому, что система языка обладает такой сложностью, что ее невозможно уловить во всех деталях, а инструменты, которыми мы рас-

полагаем для описания, слишком ненадежны» [33, с. 82].

Тем не менее, ещё в конце 1980-х гг. В. Г. Так выделил «три главных возможности выявления подобного основания для сравнения. Таким основанием может быть один из сопоставляемых языков (особенно при семасиологическом анализе), сконструированный индуктивно на основании сопоставляемых языков язык-эталон, содержащий все значения, реализуемые хотя бы в одном из сравниваемых языков, и абстрактный язык-эталон, содержащий категории форм или значений, исчисленных дедуктивным путем» [3, с. 16].

В частности, из истории лингвистической компаративистики известно, что «сконструированный индуктивно на основании сопоставляемых языков язык-эталон, содержащий все значения, реализуемые хотя бы в одном из сравниваемых языков» чаще используется в тех сравнительных исследованиях языков, для которых характерен «интерес к устной форме речи и четко осознанная педагогическая направленность, с которой связано стремление к сопоставительному описанию неродного и родного языков. Для практики преподавания языков желательно иметь описания, указывающие правила перехода от одной системы к другой не непосредственно, а через посредство общей им подсистемы семантических признаков, выраженных лексически или морфологически» [16, с. 32].

В свою очередь, при проведении компаративного анализа словарей разных языков чаще используется абстрактный язык-эталон, содержащий категории форм или значений, исчисленных дедуктивным путем: «Переводная лексикография призвана устанавливать эквивалентные отношения между элементами различных языков... Глубинной основой эквивалентности можно считать установление сходств и различий языковых систем ... **через призму нейтральной системы общего семантического континуума, который может служить невидимым языком-эталонem и критерием степени и характера лексико-семантиче-**

ской эквивалентности в разных языках» [6, с. 13–14].

Рассмотрение ключевых концептов сравнительной лексикографии славянских языков будет не полным, если не сказать несколько слов о концепте *предел* (особенно в отношении такого направления сравнительной лексикографии славянских языков, как праславянская лексикография). Для представителей данного словарного направления, по мнению академика РАН В. Н. Топорова, **характерна «максималистская по характеру установка на предельно – поиск своих самых глубоких корней, своего начала как крайней временной точки (ситуация *in origine*), нахождение предельно полной генеалогии (*nostalgie des origines*)»** [24, с. 265].

Одним словом, сегодня даже языковедение не чурается постановки предельных проблем, касающихся отдельных из его направлений. К примеру, российские лингвисты сегодня не только активно обсуждают вопросы о том, «что такое компаративистика и как она помогает восстанавливать историю языков, выходящую далеко за пределы письменной эпохи» [21, с. 12], но и пытаются «затронуть поистине взрывоопасный вопрос о том, каковы пределы этой дисциплины – насколько глубоко в языковое прошлое может проникнуть компаративист? Можно ли с помощью сравнительно-исторического метода “припасть к истокам” Языка как такового? Где заканчивается научный метод и начинается чистая интуиция, грозящая перейти сначала в околонучную фантазию, а затем в антинаучное безумие? Существует ли на этот счет консенсус в лингвистическом сообществе, и если нет, то почему?» [21, с. 12].

На наш взгляд, ответы на поставленные выше «взрывоопасные» вопросы может дать проведение другого вида анализа – анализа используемых сегодня методов сравнительной лексикографии славянских языков. Но это уже задача совсем иного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.
2. Бутлеров А. М. Основные понятия химии. СПб.: Н. Г. Мартынов, 1886. 51 с.
3. Гак В. Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: Переводы. М.: Прогресс, 1989. С. 5–17.
4. Демидов Д. Г. Нехудожественные источники выявления концептов // Отражение русской ментальности в языке и речи. Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2004. С. 121–130.
5. Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология / пер. с фр. М.: ИСПИ РАН, 1994. 272 с.
6. Дубчинский В. В. Основная проблематика переводной лексикографии // *Das Russische in zweisprachigen Wörterbüchern = Русский язык в двуязычных словарях: Международная научная конференция* (Магдебург, 18–22 мая 2005 г.). Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 2006. С. 13–22.
7. Кедров Б. М. Классификация наук: Прогноз К. Маркса о науке будущего. М.: Мысль, 1985. 543 с.
8. Ключевский В. О. Терминология русской истории // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 6. М.: Мысль, 1989. С. 94–224.
9. Кондрашов Н. А. История лингвистических учений: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1979. 224 с.
10. Кондрашов Н. А. Николай Сергеевич Трубецкой (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1990. № 2. С. 98–103.
11. Кондрашов Н. А. Славянские языки: Учеб. пособие для студ. пед. ин-тов; 3-е изд. М.: Просвещение, 1986. 239 с.
12. Кузнецов В. И., Печенкин А. А. Концептуальные системы химии. Структурные и кинетические теории // Вопросы философии. 1971. № 1. С. 46–56.
13. Мухин М. Ю. Лексическая статистика и концептуальная система автора: М. Булгаков, В. Набоков, А. Платонов, М. Шолохов: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 232 с.
14. Нерознак В. П. Метод сравнения в синхронном языкознании (К основам лингвистической компаративистики) // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1986. Т. 45. № 5. С. 402–412.
15. Общее языкознание: Методы лингвистических исследований / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1973. 318 с.
16. Розенцвейг В. Ю. Языковая практика и лингвистическая теория // Вопросы языкознания. 1966. № 2. С. 30–39.
17. Рюриков Б. Люди высоких идеалов // Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. М.: Правда, 1980. С. 3–26.
18. Сандерс Д. Некоторые методологические соображения о сравнительных межгосударственных исследованиях // Международный журнал социальных наук. 1995. № 9. С. 31–41.
19. Сикевич З. В. Сравнение как метод этносоциологического исследования // Компаративистика-III: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. СПб.: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2003. С. 32–45.
20. Соломоник А. Философия знаковых систем и язык; 2-е изд. Минск: МЕТ, 2002. 408 с.
21. Старостин Г. Серьезное предисловие // Старостин Г. К истокам языкового разнообразия. Десять бесед о сравнительно-историческом языкознании с Е. Я. Сатановским. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 12–14.
22. Степанов Ю. С. Концепты: Тонкая плёнка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
23. Супрун А. Е. Сопоставительно-типологический анализ лексики // Методы изучения лексики. Минск: Изд-во БГУ, 1975. С. 163–170.
24. Топоров В. Н. К реконструкции древнейшего состояния праславянского // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации: Сборник докладов. М.: Наука, 1988. С. 264–292.
25. Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения. Т. 2. М.: Всекопромсовет-Мосгорпечатьсоюз, 1939. 438 с.
26. Хельбиг Г. Языкознание – сопоставление – преподавание иностранных языков // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: Переводы. М.: Прогресс, 1989.

- С. 307–326.
27. Цейтлин Р. М. Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV вв. Проблемы и методы. М.: Наука, 1996. 229 с.
 28. Шматко Н. А. Национальные концепты российского социологического дискурса // Социологический журнал. 2009. № 1. С. 103–116.
 29. Щербин В. К. Белорусская лексикографическая традиция: история и современность // Славянская лексикография: Международная коллективная монография / отв. ред. М. И. Чернышева. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2013. С. 21–61.
 30. Щербин В. К. Вопросы словарной типологии в трудах О. Н. Трубачева // Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры. V Чтения памяти академика О. Н. Трубачева. Киев: НАН Украины; Москва: Отделение истории и филологии РАН; Фонд им. О. Н. Трубачева «Славянский мир», 2008. С. 200–207.
 31. Щербин В. К. Значение работ И. И. Срезневского для формирования белорусской лексикографической традиции // Восточнославянская историческая лексикография на современном этапе. К 75-летию Древнерусской рукописной картотеки XI–XVII вв. М.: ИРЯ РАН, 2002. С. 84–90.
 32. Якобсон Р. О. Вместо предисловия // Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Кн. 1. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. С. XIII–XVI.
 33. Якобсон Г. К теоретическому обоснованию сопоставительного описания языков // Русский язык за рубежом. 1979. № 6. С. 79–84.
 34. Belentschikov R. Межъязыковая эквивалентность и микроструктура двуязычного словаря (на примере РНС) // Das Russische in zweisprachigen Wörterbüchern = Русский язык в двуязычных словарях: Междунар. науч. конф. (Магдебург, 18–22 мая 2005 г.). Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 2006. С. 23–42.
 35. Timasheff N. S. The basic concepts of sociology // American Journal of Sociology. 1952. Vol. 58. No. 2. P. 176–186.

REFERENCES

1. Karasik V. I., Sternin I. A., eds. *Antologiya kontseptov* [The anthology of concepts]. Moscow, Gnozis Publ., 2007. 512 p.
2. Butlerov A. M. *Osnovnye ponyatiya khimii* [Basic concepts of chemistry]. St. Petersburg, N. Martynov, 1886. 51 p.
3. Gak V. G. [About contrastive linguistics]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vip. XXV. Kontrastivnaya lingvistika: Perevodi* [New in foreign linguistics. Vol. XXV. Contrastive Linguistics: Translations]. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 5–17.
4. Demidov D. G. [Non-artistic sources for identifying concepts]. In: *Otrazhenie russkoi mental'nosti v yazyke i rechi* [Reflection of Russian mentality in language and speech.]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shanskiy University Publ., 2004, pp. 121–130.
5. Dogan M., Pelass D. *Sravnitel'naya politicheskaya sotsiologiya* [Comparative political sociology]. Moscow, Institute for Social and Political Studies of RAS Publ., 1994, 272 p.
6. Dubichinskii V. V. [The main issues in translation lexicography]. In: *Das Russische in zweisprachigen Wörterbüchern = Russkii yazyk v dvuyazychnykh slovaryakh: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya (Magdeburg, 18–22 maya 2005 g.)* [Das Russische in zweisprachigen Wörterbüchern = Russian language in the bilingual dictionaries: International scientific conference (Magdeburg, May 18–22, 2005)]. Frankfurt am Main, Peter Lang Verlag Publ., 2006, pp. 13–22.
7. Kedrov B. M. *Klassifikatsiya nauk: Prognoz K. Marksa o nauke budushchego* [Classification of Sciences: the Prognosis of K. Marx about the science of the future]. Moscow, Mysl' Publ., 1985. 543 p.
8. Klyuchevskii V. O. [The terminology of Russian history]. In: *Klyuchevskii V. O. Sochineniya: v 9 t. T. 6* [Works in 9 vol. Vol. 6]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, pp. 94–224.
9. Kondrashov N. A. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [History of linguistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1979. 224 p.
10. Kondrashov N. A. [Nikolai Trubetzkoy (to the 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 1990, no. 2, pp. 98–103.
11. Kondrashov N. A. *Slavyanskije yazyki* [Slavic languages]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986. 239 p.
12. Kuznetsov V. I., Pechenkin A. A. [The conceptual system of chemistry. Structural and kinetic theory]. In:

- Voprosy filosofii* [Philosophy Issues], 1971, no. 1, pp. 46–56.
13. Mukhin M. Yu. *Leksicheskaya statistika i kontseptual'naya sistema avtora: M. Bulgakov, V. Nabokov, A. Platonov, M. Sholokhov* [Lexical statistics and the conceptual system of an author: M. Bulgakov, V. Nabokov, A. Platonov, M. Sholokhov]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2010. 232 p.
 14. Neroznak V. P. [Comparison method in synchronous linguistics (to the foundations of linguistic comparative studies)]. In: *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka* [The bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 1986, vol. 45, no. 5, pp. 402–412.
 15. Serebrennikov B. A., chief. ed. *Obshchee yazykoznanie: Metody lingvisticheskikh issledovaniy*. [General linguistics: methods of linguistic studies]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 318 p.
 16. Rozentsveig V. Yu. [Language practice and linguistic theory]. In: *Voprosy yazykoznavaniya* [Topics in the study of language], 1966, no. 2, pp. 30–39.
 17. Ryurikov B. [People of high ideals]. In: Chernyshevskii N. G. *Chto delat'? Iz rasskazov o novykh lyudyakh* [What to do? From stories about new people]. Moscow, Pravda Publ., 1980, pp. 3–26.
 18. Sanders D. [Some methodological considerations on comparative interstate research]. In: *Mezhdunarodnyi zhurnal sotsial'nykh nauk* [International Journal of Social Sciences], 1995, no. 9, pp. 31–41.
 19. Sikevich Z. V. [Comparison as a method of ethno-sociological studies]. In: *Komparativistika-III: Al'manakh sravnitel'nykh sotsiugumanitarnykh issledovaniy* [Comparativistics-III: The Almanac of comparative socio-humanistic studies]. St. Petersburg, Sotsiologicheskoe obshchestvo im. M. M. Kovalevsky, 2003, pp. 32–45.
 20. Solomonik A. *Filosofiya znakovykh sistem i yazyk* [The philosophy of symbolic systems and the language]. Minsk, MET Publ., 2002. 408 p.
 21. Starostin G. [Serious Preface]. In: Starostin G. *K istokam yazykovogo raznoobraziya. Desyat' besed o sravnitel'no-istoricheskom yazykoznanii s E. Ya. Satanovskim* [To the origins of linguistic diversity. Ten conversations about comparative historical linguistics, with E. Ya. Satanovsky]. Moscow, Izdatel'skii dom «Delo» RANEPА Publ., 2016, pp. 12–14.
 22. Stepanov Yu. S. *Kontsepty: Tonkaya plenka tsivilizatsii* [Concepts: a Thin film of civilization]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2007. 248 p.
 23. Suprun A. E. [Comparative-typological analysis of lexicon]. In: *Metody izucheniya leksiki* [Methods of studying vocabulary]. Minsk, Belarusian State University Publ., 1975, pp. 163–170.
 24. Toporov V. N. [To the reconstruction of the ancient state of the pre-Slavic]. In: *Slavyanskoe yazykoznanie. X Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Doklady sovet'skoi delegatsii: Sbornik dokladov* [Slavic linguistics. X international Congress of Slavists. Reports of the Soviet delegation: a Collection of papers]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 264–292.
 25. Ushinskii K. D. *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya. T. 2* [Selected pedagogical works. Vol. 2]. Moscow, Vseknopromsovet-Mosgorpechat'soyuz Publ., 1939. 438 p.
 26. Helbig G. [Linguistics – Comparison – Teaching Foreign Languages]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vip. XXV. Kontrastivnaya lingvistika: Perevodi* [New in foreign linguistics. Vol. XXV. Contrastive Linguistics: Translations]. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 307–326.
 27. Tseitlin R. M. *Sravnitel'naya leksikologiya slavyanskikh yazykov X/XI–XIV/XV vv. Problemy i metody* [Comparative lexicology of the Slavonic languages 10/11–14/15 centuries, Problems and methods]. Moscow, Nauka Publ., 1996. 229 p.
 28. Shmatko N. A. [National concepts of Russian sociological discourse]. In: *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2009, no. 1, pp. 103–116.
 29. Shcherbin V. K. [Belarusian lexicographical tradition: history and modernity]. In: Chernysheva M. I., ed. *Slavyanskaya leksikografiya* [Slavic lexicography]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2013, pp. 21–61.
 30. Shcherbin V. K. [Questions vocabulary of typology in the works of O. Trubacheva]. In: *Severnoe Prichernomor'e: k istokam slavyanskoi kul'tury. V Chteniya pamyati akademika O. N. Trubacheva* [Northern Black Sea: to the origins of Slavic culture. V Readings in memory of Academician O. Trubachev]. Kiev, Ukraine Academy of Science; Moscow, Department of History and Philology of the Russian Academy of Sciences; Fund named after O. N. Trubachev “Slavic world”, 2008, pp. 200–207.
 31. Shcherbin V. K. [The value of the works of I. Sreznevsky for the formation of the Belarusian lexicographical tradition]. In: *Vostochnoslavianskaya istoricheskaya leksikografiya na sovremennom etape. K 75-letiyu Drevnerusskoi rukopisnoi kartoteki XI–XVII vv.* [East Slavic historical lexicography at the present stage. On the occasion of the 75th anniversary of the Old Russian manuscript card index of the 11th–17th centuries]. Moscow, Institute of Russian Language of Russian Academy of Science Publ., 2002, pp. 84–90.

32. Jakobson R. O. [Instead of a Preface]. In: Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. Vs. *Indoevropskii yazyk i indoevropciysy: Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskii analiz prayazyka i protokul'tury. Kn. 1.* [Indo-European language and Indo-Europeans: Reconstruction and historical typological analysis of a protolanguage and protoculture. Book 1]. Tbilisi, Tbilisi University Publ., 1984, pp. XIII–XVI.
33. Jakobsson G. [To the theoretical basis of comparative description of languages]. In: *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian language abroad], 1979, no. 6, pp. 79–84.
34. Belentschikov R. [Interlanguage equivalence and microstructure of a bilingual dictionary (on the example of RNS)]. In: *Russische in zweisprachigen Wörterbüchern = Russkii yazyk v dvuyazychnykh slovaryakh: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya (Magdeburg, 18–22 maya 2005 g.)* [Das Russische in zweisprachigen Wörterbüchern = Russian language in the bilingual dictionaries: International scientific conference (Magdeburg, May 18–22, 2005)]. Frankfurt am Main, Peter Lang Verlag Publ., 2006, pp. 23–42.
35. Timasheff N. S. [The basic concepts of sociology]. In: *American Journal of Sociology*, 1952, vol. 58, no. 2, pp. 176–186.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щербин Вячеслав Константинович – кандидат филологических наук, заведующий сектором исследования макроэкономических рисков Центра системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси;
e-mail: slavalex@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav K. Shcherbin – PhD in Philological Sciences, Head of the Sector of Macroeconomic Risks Research, Center of System Analysis and Strategic Research, National Academy of Sciences of Belarus;
e-mail: slavalex@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Щербин В. К. Анализ ключевых концептов славянской сравнительной лексикографии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.

FOR CITATION

Shcherbin V. K. The analysis of key concepts of Slavic comparative lexicography. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp.

УДК 811.161.1'28

DOI

К ЭТИМОЛОГИИ ДИАЛЕКТНОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО *БАЙДАК* 'РЕЧНОЕ СУДНО'

Ягинцева О. Г.

Тартуская высшая школа здравоохранения

50411, г. Тарту, Ноорузе, д. 5, Эстония

Аннотация. Существительное *байдак* 'речное судно, баржа' относительно своей этимологии является «тёмным» словом. Цель работы заключается в попытке установить этимологию заявленной в заглавии лексемы. В статье предполагается, что существительное *байдак* родственно глаголу *идти*. Это доказывается путём выделения в лексеме приставки *ба-*, корня *-ид-* и суффикса *-ак*. Автором приводятся соответствующие примеры, доказывающие возможность существования в русском языке вышеуказанных морфем. В ходе исследования применяются семантический и морфологический анализ с элементами компаративистики. Теоретическая значимость полученных в статье результатов заключается в возможности их использования при изучении этимологии других региональных номинаций. Практическое значение состоит в том, что был проведён лингвистический эксперимент, в ходе которого мы прояснили этимологию диалектного слова и обратили внимание других учёных на своеобразии культурного ландшафта языка.

Ключевые слова: диалект, этимология, культурный концепт, морфема, семантический анализ

ABOUT THE ETIMOLOGY OF THE DIALECTAL NOUN *BAIDAK* 'RIVER BOAT'

O. Yagintseva

Tartu Health Care College

5 Nooruse, Tartu 50411, Estonia

Abstract. The etymology of the noun *baidak* [river boat, barge] is somewhat obscure. The purpose of the article is to trace the etymology of the lexeme included in its title. It is absent from the literary language. We think that *baidak* meaning 'river boat/river vessel' is related to the verb *idti* [to go]. We can divide this noun into prefix *ba-*, stem *-id-* and suffix *-ak*. Step by step, citing examples, we prove that these morphemes could exist in the Russian language. Thus the morphological and semantic analysis with elements of comparative research of the noun *baidak* helps us clarify its etymology. The theoretical value of the results of research is an opportunity to use them when studying other regional nominations. Their practical value lies in the linguistic experiment that helped us clarify the etymology of this dialect word and draw the attention of other scholars to the unique cultural landscape of the language.

Keywords: dialects, etymology, cultural concept, morpheme, semantic analysis

Для исследования с точки зрения этимологии в нашей статье было выбрано русское диалектное слово *байдак*, обозначающее 'речное судно, баржа'. Возникновение вещей построено на традициях, их «именаречение» уходит глубоко в старину.

© СС ВУ Ягинцева О. Г.

Необычная, на первый взгляд, форма слова может отражать фонетические или морфологические процессы в говорах, ещё не описанные или не вошедшие в научный обиход. Такая лексика с точки зрения исто-

рического языкознания наиболее интересна и нуждается в специальном изучении.

Этимология призвана раскрыть культурную традицию, которая заложена в слове как историческом источнике. В проблеме «лексика и реалии» эта отрасль исследования выходит за рамки лингвистики в узком смысле и становится историко-культурной наукой, а добытые ею результаты получают широкий общезначимый интерес [1, с. 22–23].

Историк языка должен не только хорошо знать разные языки, но и отлично разбираться в прошлом народа, его материальной и духовной культуре. Слова нередко проливают свет на реалии прошлого, а их знание помогает раскрыть происхождение забытого предмета или явления. «Этимологи стали историками не только слов, но и вещей (в широком смысле), реалий, хорошо усвоив тезис о необходимости проследить движение волн вещей, которым сопутствуют волны слов, выявить культурно-исторические обстоятельства, отраженные в лексических единицах» [3, с. 190].

В истории русских диалектов до сих пор существует немало загадочных мест. Чтобы раскрыть их, проникнуть в летопись «тёмного» слова и понять смысл культурного концепта, необходимо использовать богатый арсенал языковедческих и историко-этнографических данных. Исследователь, по нашему мнению, должен аккуратно снимать оболочку неизвестного слова, уровень за уровнем расшифровывать «радугу значений» и даже включать интуицию и воображение, чтобы конкретное явление рассматривать в типологии связей языковой картины мира. Известно, что этнокультурный ландшафт Славии неоднороден. Он испытывал и внешнее, и внутреннее воздействие, со временем приспособлялся к новым условиям «проживания» слов. Одни, например, закреплялись и бытовали в приказных текстах, отражали социокультуру этой области и могли распространяться на дальние расстояния [6; 7], другие сохра-

няли своё звучание в речи носителей и до сих пор составляют предмет «лингвистического отечествоведения» [4; 5], третьи перешли культурные границы, перестали восприниматься как диалекты и образовали пласт слов городского просторечия [8]. Все эти лингвокультурные пути стараются проследить диалектные, этимологические и исторические словари. Но и у их авторов порой возникали спорные вопросы, которые требовали более пристального внимания и тщательного анализа явлений местного языка с учётом современных научных этнолингвистических «технологий» и подходов к изучению жемчужин словесной архаики.

Слово, указанное в заглавии данной статьи, неизвестно литературному языку и существует только в составе лексики ряда народных говоров. Приходится констатировать, что ясность относительно этимологии этой лексемы ещё не достигнута, поскольку его происхождения очень бегло касался только М. Фасмер¹. Причина затемнения семантики заключается в недостаточности сведений о нём, о его родственных связях в говорах.

В «Ярославском областном словаре» встречаем нашу лексему, но в ином значении: «*Байдак* – строительный материал: толстые доски для пола или потолка». Во множественном числе и в сочетании *байдаки бить* приобретают значение ‘баклуши бить, бездельничать’². В «Большом толковом словаре Донского казачества» – ‘бездельник’ и ‘килевое судно с одним парусом’, ‘небольшая плавучая водяная мельница’³. В «Словаре говоров русского севера» находим: *байдак* ‘доска толщиной 5 см’. ‘Самодельное судно – две соединенные вместе небольшие

¹ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. Москва: Прогресс, 1986. С. 107.

² Ярославский областной словарь. Дополнения. Т. 1 / под ред. Т. К. Ховриной. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. С. 29.

³ Большой толковый словарь Донского казачества. / Ростов. гос. ун-т; Ф-т филологии и журналистики; Каф. общ. и сравнительн. языкознания. М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2003. С. 31.

долбленные лодки. Осину срубят, выдолбят два корыта, их нарбой свяжут, и получится байдак, вместо лодки. Байдак – это из осины выдолбят, сделают два корыта как, палкой соединят, поперёк палку как сидение положат, плавают на ём – вот и байдак. А два корыта сколочены – байдаки, на них уж когда быстрота не нужна. На байдаках рыбачат у нас; они удобные, не перевернутся. Только осинные байдаки бывают. У нас чупас звали, а в Ротковце байдак, чупас больше на маленьких озёрах, на больших – карбас¹. В «Словаре русских народных говоров» – ‘большая лодка; широкая плоскдонная лодка (для паром)’: Наши паром о двух байдаках². «Словарь русского языка XI–XVII вв.» зафиксировал байдакъ также в значении ‘речное судно’: А имати таможникомъ съ судна, съ лодыи съ большие съ носаю четыре алтына... а съ мениихъ судовъ съ байдаковъ и съ челновъ носового ни у кого не имати. Ср. Бодакъ ‘то же, что байдакъ’³. «Словарь русского языка XVIII в.» отмечает: ‘Грузовое речное судно’ (на Украине). <Хлеб и пеньку отправляют> вниз Десною на байдаках до Киева и Хероня. При нагрузкѣ с воловых воев на байдаки для отвоза той соли оными по рѣкамъ Днѣпру и Сожь в глубину Польши⁴.

Хотя в говорах немало слов древнего происхождения, восходящих к эпохе общеславянского языкового единства и сохранившихся в большинстве славянских языков, диалектное существительное байдак отмечено, кроме русского, лишь в украинском языке и обозначает ‘разновидность лодки’. Поскольку нет твёрдых оснований рассматривать это существительное как заимствование, представляется правомерным предположение, что рус. байдак является реликтовым образованием, утратившим словообразовательные связи вну-

три славянских языков вследствие архаичности своего состава.

Это подводит нас вплотную к необходимости углубления анализа данной лексемы на праславянском уровне. Этимология должна проследить генезис рассматриваемого слова в целом, принимая во внимание не только историю словообразования, но и семасиологию; она должна объяснять связь с обозначаемой реальией и мотивацию слова. Лишь привлечение указанных методов анализа может обеспечить успешное решение поставленной задачи.

Трудность этимологизации данного существительного заключается в том, что мы располагаем очень малыми сведениями о его происхождении. М. Фасмер склонен в нём видеть восточное образование. Он приводит др.-рус. форму байдакъ, также бодакъ и предлагает сравнить диал. ба йда ‘баржа’ (нижне-дон., рост., азов.) и байда к ‘небольшая плавучая водяная мельница’, ‘толстая доска’⁵. А. Г. Преображенский неуверенно отмечает, что это заимствование, но не высказывает никаких предположений об его источнике⁶. К сожалению, указанные этимологические справки не открывают ясных перспектив для конкретного изучения судьбы данного слова, поэтому мы приведём возможные аргументы в пользу славянского происхождения. Сначала рассмотрим лексику байдак с точки зрения семантики.

Можно предположить, что существительное байдак со значением ‘речное судно’ родственно глаголу идти. В области названий средств передвижений по воде в славянских языках есть имена существительные, которые образованы от глаголов со значением движения. Например, пароход, плот (по Фасмеру – от плыть), пол. okręt (от глагола kręcić ‘крутить’). При изучении этих примеров выясняется, что названия разных видов судов в русском языке могут образовываться от глаголов со значением движения.

¹ Словарь говоров русского севера. Т. 1 / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. С. 43.

² Словарь русских народных говоров. Вып. 2 / под ред. Ф. П. Филина. М.; Ленинград: Наука, 1966. С. 53.

³ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 / под ред. С. Г. Бархударова. М.: Наука, 1975. С. 66, 286.

⁴ Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1 / под ред. Ю. С. Сорокина. Л.: Наука, 1984. С. 128.

⁵ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. Москва: Прогресс, 1986. 576 с.

⁶ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М.: ГИИНС, 1959. С. 12.

Принимая во внимание сказанное о предполагаемой семантике рассматриваемого слова, логично обратиться к анализу лексем *байдак* в морфематическом аспекте, для чего необходимо в нём выделить структурные элементы.

Мы считаем, что в слове *байдак* можно выделить такие морфемы, как приставку *ба-*, корень *-ид-* и суффикс *-ак*. В русском языке существует ряд слов, имеющих морфему, фонетическая форма которой совпадает с корнем в существительном *байдак*. Это такие лексемы: *найдоха* 'мастер искать; счастливый на находку'; *найденныш, найденец, найденница, найда, найденка* 'подкидыш'; *пройдоха, пройда* 'пролаз, проныра'; *обойдуха* 'сплетница'; *обойденец, обойденныш, обойденка* 'обойденный кем-либо'; *перейдище, перейдуха* 'один переход, пешая путинка'; *пройдище* 'пройденное расстояние'; *пройдисвет* 'пройдоха'. Все они в своём составе имеют корень *-ид-* (*идти*), расположенный после приставки на гласный и по этой причине сокративший звук и до неслогового.

Префикс *ба-* в славянской лексике редок, но в нескольких словах выделяется бесспорно. Существующие словари¹ такой морфемы в современном русском языке не выделяют. Однако отсутствие там какого-либо аффикса не означает, что его не было в древнерусском или праславянском языках. Имеются надёжные свидетельства того, что в более древнюю эпоху существовали префиксы, которые в настоящее время уже не используются для образования новых слов. В качестве примера можно отметить ныне непродуктивные приставки *су-* (*суглинок, сугроб, сумрак*), *па-* (*падчерница, пасынок, паводок*), *ко-*. Последняя может выступать в виде нескольких фонетико-орфографических вариантов: *че, чи, ка, ча, ку, чу* (ср. *конура, отчекрывать, расчихвостить, каверза, кувыркатся*, псковск. *чафрыка* 'брюзга, каприза', *чумазый* и др.).

¹ См.: Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М.: Русский язык, 1986. 1135 с.; Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь. М.: Школа-Пресс, 1966. 704 с.

Наш предшественник по этой теме Е. Боярова рассматривала те русские лексемы, которые предположительно содержат в своём составе приставку *ба-*: *байлык, барма* и *бабуни(-ы)* [2]. Кроме того, к типологически сходным словам она относит: *бавольник, бастрюк, батура, балахон* (ср. ряд однокоренных лексем у О. Н. Трубачева, восходящих к корню **iaxъ* 'лохмотья, барахло'²). Косвенным свидетельством в пользу существования *ба-* является также слово *балясы* (ср. с *лясы*). В этот же ряд можно поставить рус. диал. название рыбы уклейки *ба-клея, ба-клейка*. Ср., с одной стороны, польск., словен. *kleja*, сербохорв. *klea*, с другой стороны, рус. *у-клея, ша-клея* (и др.) [2, с. 14].

Более ранние исследователи обращали внимание на лексические единицы, начинающиеся на *ба-*. М. Фасмер, например, выделяет этот элемент, хотя и в качестве междометия, в таких словах, как *балуда*³, *бахмур*⁴, *бахвал, бахвалиться*⁵, сравнивая их с соответствующими бесприставочными лексемами: *луда* 'каменная глыба; каменистое русло'; *хмурый, хвалить*. Важно отметить, что, называя *ба-* междометием, Фасмер не уточняет его словообразовательного статуса, в отличие от О. Н. Трубачева, который в отдельных случаях выделяет *ба-* как особую глагольную приставку. Например, он предлагает рассматривать **badoriti/*baduriti* в качестве префиксального образования от глагола **duriti*⁶. В случае же с **batoriti* сложение элемента *ба-* с глагольной основой **toriti* исследователь считает бесспорным. По его мнению, элемент *ба-*, функционирующий как специальный глагольный префикс, может быть формально-семантически близок

² Этимологический словарь славянских языков. Вып. 14 / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1987. С. 18.

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. Москва: Прогресс, 1986. С. 118.

⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. Москва: Прогресс, 1986. С. 137.

⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. Москва: Прогресс, 1986. С. 136.

⁶ Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1 / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1974. С. 122.

лит. *be-*, который сообщает глаголу отгенок длительности или усиления действия¹.

Н. М. Шанский также выделяет аффикс *ба-* в существительном *бахвал*, которое он возводит к исчезнувшему слову *хвал*, и в то же время исследователь приписывает этому префиксу акцентирующую семантику, называя его «усилительной приставкой». Кроме того, в качестве примеров слов с аналогичной морфологической структурой он приводит диал. *бахмур* и *бахалда*².

Сплошной просмотр словника М. Фасмера³ предварительно позволяет предположить наличие *ба-* / *бо-* в следующих словах:

И всё же вопрос о семантике предполагаемой приставки остаётся открытым. Можно думать, что первоначально она имела чисто экспрессивное, эмоциональное значение, подобно тому, которым обычно обладают междометия. К сожалению, нам не встретилось ни одного примера, когда название судна было образовано при помощи подобной приставки. Значит, остаётся место для дискуссии.

Перейдём к последнему аффиксу в существительном *байдак*. Морфема *-ак* является регулярной, но непродуктивной словообразовательной единицей, образующей имена существительные (преимущественно мужского рода) со значением предмета,

<i>Багно</i> ‘грязь, болотистое место’ – несмотря на большое количество версий (все они недостаточно убедительные), этимологически неясное слово. Выделяемый нами корень <i>-гн-</i> (др.-рус. <i>-гън-</i>) можно сопоставить с глаголом <i>гснуть</i> , <i>гснуть</i> (где <i>-гс-</i> происходит из <i>-гъ-</i>), поскольку первоначальное значение существительного ‘гибкое место’.
<i>Багряный</i> : корень может быть связан с глаголом <i>гореть</i> , т. к. семантика прилагательного ‘красный, пурпурный, багровый цвет’.
<i>Багун</i> ‘болотное растение’: по мнению М. Фасмера, возможно, родственно <i>багно</i> ¹ . На наш взгляд, возможно чередование с <i>-гн-</i> (ср. <i>гибель</i> , см. выше <i>багно</i>). Данное растение источает сильный одуряющий запах, вызывающий головную боль и раздражительность. Сложное по составу эфирное масло, содержащееся во всех наземных частях багульника, в больших дозах нарушает работу центральной нервной системы, парализует дыхание и сердечную деятельность.
<i>Бадран</i> – трава ‘борщевик’ < <i>драть</i> . По указанию М. Фасмера, из этого растения, предварительно ободрав листья, варили борщ ² . Слово не этимологизировано.
<i>Базло</i> ‘горло, глотка’ Все имеющиеся в литературе этимологии Фасмер оспаривает. Предполагаем первичное значение ‘агрессивный, лживый человек’. Слово гипотетически делится на <i>ба-</i> и <i>-зло</i> , если предположить, что горло и глотка – орудие словесной перепалки.
<i>Байдуга</i> ‘беззаботный человек’, где корень <i>-ид-</i> , как в существительном <i>пройдоха</i> – тот, кто проходит мимо, а суф. <i>-уг-</i> может иметь пейоративное значение, как в <i>бандюга</i> . При таком толковании – родственно слову <i>байдак</i> .
<i>Балда</i> ‘кувалда; дурак’: <i>ъ</i> в корне чередуется с <i>у</i> (<i>лудить</i> ‘заделывать дыры’ и общесл. <i>луд</i> ‘дурак’). Здесь <i>ба-</i> – экспрессивная приставка, а корень тот же самый. Значение ‘большой топор’ вторичное. Сюда же <i>балодка</i> ‘молот’, где <i>ъ</i> прояснился.
<i>Балуда</i> ‘омут’: сам Фасмер высказывает предположение о междометии <i>ба-</i> и <i>луда</i> ‘каменная глыба; каменистое русло’.
<i>Барахло</i> – тёмное слово. Может быть причастием от <i>рахать</i> ‘швырять’.
<i>Барвица</i> – растение ‘ясменник красильный’, которое вызывает рвоту у животных. Слово сопоставляется с глаголом <i>рвать</i> .

¹ См.: Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1 / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1974. С. 166 и сл.

² Этимологический словарь русского языка. / под ред. Н. М. Шанского. Вып. 2. М.: Московский университет, 1965. С. 59.

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. Москва: Прогресс, 1986. 576 с.

который характеризуется признаком или действием, а также отношением к предмету или явлению, названному мотивирующим словом (в его роли могут выступать имена существительные, прилагательные, глаголы и др.): *ветряк*, *железяка*, *медяк*,

Окончание таблицы

<i>Барда</i> 'гуща, отходы винокуренья'. Выделяем корень <i>-рд-</i> 'красно-коричневый цвет', что правдоподобно для такого вещества. Тогда <i>барда</i> родственно <i>рдеть, руда, ржавый</i> .
<i>Барин II</i> 'гнойник'. Мотивирующую лексему можно предположить в укр. <i>ринуть</i> 'сильно течь', чеш. <i>řinouti se</i> 'литься, струиться'.
<i>Барыш</i> 'прибыль, доход'. Его внутренняя форма – то, что удалось урвать. Ср. <i>рухло</i> 'движимое имущество', <i>рухо</i> 'одежда', <i>рушить</i> .
<i>Басалык, басалук</i> 'болотная, кислая почва'. Очевидна связь с существительного <i>соль</i> (количественное чередование: <i>о < * , а < * ђ</i>). Ср. <i>подсаливать</i> .
<i>Бастрык</i> 'выродок'. Выделяем корень <i>-стр-</i> и сравниваем с пол. <i>struc</i> 'дядя по матери' (<i>с < *k</i>), рус. <i>стриук</i> с тем же значением (сокращение из <i>бастрык</i>).
<i>Бастыльник</i> 'сорная трава, которую используют как топливо в крестьянских домах'. Сопоставляем с существительное <i>стужа, стыдный</i> . Семантическая связь такова: трава, которая осенью выстудилась, охладела.
<i>Бахолда</i> 'хвостун; лентяй, разиня', ср. <i>халда</i> . Количественное чередование <i>хал/хол</i> .
<i>Болкун</i> 'упряжка' М. Фасмером объяснено гипотетически из <i>об-</i> и <i>волоку</i> , со знаком вопроса. Между тем, в слове можно видеть корень <i>-лк-</i> , как в лексеме <i>облучок</i> 'край повозки, саней'. Буква <i>о</i> в приставке – результат орфографической гиперкоррекции.
<i>Болхарь</i> 'большой колокольчик'. От <i>лох</i> 'дикая маслина'. Между <i>л</i> и <i>х</i> был <i>ѣ</i> . Буква <i>о</i> в написании – результат орфографической гиперкоррекции.

(Footnotes)

1 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. Москва: Прогресс, 1986. С. 103.

2 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. Москва: Прогресс, 1986. С. 198.

пустяк, сквозняк, сорняк. Суффикс всегда находится под ударением¹.

В русском языке существует набор суффиксов, который имеет славянское происхождение и обозначает некий предмет: *чурбак* 'чурбан', *лежа́к, реза́к, зна́к, зла́к, черпа́к, зра́к, завтра́к, теса́к, рыса́к, четверта́к, пята́к, зеленча́к*, также неодушевлённые *свежа́к* 'сильный ветер', *трепа́к* 'название танца' и некоторые слова, обозначающие живое существо, например, *лоша́к, больша́к* 'старший в семье'; *меша́к* 'младший сын', *рыба́к, лева́к, сева́к* 'работник, занятый севом'; *чуда́к, вожа́к, чужа́к, бата́к, маста́к, проста́к, смельча́к, вельча́к*².

С исторической точки зрения наличие словообразовательный тип с чёткими

¹ Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: Русский язык, 1996. С. 38–39.

² Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977. С. 439–441.

формальными показателями. Полагаем, что было бы правомерно отнести существительное *байдак* именно к этому типу и выделить в нём наряду с корнем *-ид-* комплекс аффиксов *ба-* + *-ак*, причём исконного, а не иноязычного происхождения.

Мы не настаиваем на своей точке зрения как на единственно верной и оставляем открытой возможную дискуссию. Судя по приведённым данным, лишь предполагаем, что лексему *байдак* можно рассматривать в качестве отглагольного существительного, производного от глагола *идти*.

Наш опыт анализа диалектизма *байдак* показал не только локальные свойства семантики этого слова, его необычные словообразовательные элементы, но и позволил нам в какой-то мере проникнуть в языковую картину мира прошлых эпох, найти и исследовать её редкий культурно-языковой феномен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И. Как можно улучшить этимологические словари // Этимология 1984. М.: Наука, 1986. С. 7–27.
1. Боярова Е. К этимологии слов на *ба-*: дипломная работа. Тарту, 2003. 36 с.

1. Варбот Ж. Ж., Куркина Л. В. *Etymologie*. Herausgegeben von Rüdiger Schmitt. Darmstadt, 1977 // Этимология. 1978. / под ред. Ж. Ж. Варбот, Л. А. Гиндина, Г. А. Климова и др. М.: Наука, 1980. С. 185–193.
1. Лингвистическое отечествоведение: коллективная монография. Т. 1 / под ред. В. И. Макарова. Елец: ЕГУ, 2001. 276 с.
1. Лингвистическое отечествоведение: коллективная монография. Т. 2 / под ред. В. И. Макарова. Елец: ЕГУ, 2001. 239 с.
1. Никитин О. В. Сийские грамоты XVIII века (1768–1789 гг.). М.-Смоленск: СГПУ, 2001. 130 с.
1. Никитин О. В. Деловой язык русской дипломатии XVI–XVII вв. (формальные и стилеобразующие средства) // Филологические науки: Научные доклады высшей школы. 2005. № 1. С. 81–89.
1. Ожегов С. И. О просторечии (К вопросу о языке города) // Вопросы языкознания. 2000. № 5. С. 93–111.

REFERENCES

1. Abaev V. I. [How to improve the etymological dictionaries]. In: *Etimologiya 1984* [Etymology 1984]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 7–27.
1. Boyarova E. *K etimologii slov na ba- : diplomnaya rabota* [For the etymology of the words on ba-: graduate thesis]. Tartu, 2003. 36 p.
1. Varbot Zh. Zh., Kurkina L. V. [Etymologie. Herausgegeben von Rüdiger Schmitt. Darmstadt, 1977]. In: Varbot Zh. Zh., Gindina L. A., Klimova G. A., et al. *Etimologiya. 1978* [Etymology. 1978]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 185–193.
1. Makarov V. I., ed. *Lingvisticheskoe otechestvovedenie. T. 1* [Linguistic Russian Country Studies. Vol. 1]. Yelets, Yelets State University Publ., 2001. 276 p.
1. Makarov V. I., ed. *Lingvisticheskoe otechestvovedenie. T. 2* [Linguistic Russian Country Studies. Vol. 2]. Yelets, Yelets State University Publ., 2001. 239 p.
1. Nikitin O. V. *Siiskie gramoty XVIII veka (1768–1789 gg.)* [The Siya's letters of the XVIII century (1768–1789)]. Moscow, Smolensk, Smolensk State Pedagogical University Publ., 2001. 130 p.
1. Nikitin O. V. [The business language of Russian diplomacy XVI – XVII centuries. (formal and style-forming tools)]. In: *Filologicheskie nauki: Nauchnye doklady vyshei shkoly* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], 2005, no. 1, pp. 81–89.
1. Ozhegov S. I. [About common (to the question about the language of the city)]. In: *Voprosy yazykoznaninya* [Topics in the study of language], 2000, no. 5, pp. 93–111.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ягинцева Ольга Георгиевна – доктор философии, ассистент, Тартуская высшая школа здравоохранения;

e-mail: lwiatko@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga G. Yagintseva – PhD in Philosophy Sciences, assistant, Tartu Health Care Collage;

e-mail: lwiatko@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ягинцева О. Г. К этимологии диалектного существительного *байдак* ‘речное судно’ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.

FOR CITATION

Yagintseva O. G. About the etymology of the dialectal noun *baidak* ‘river boat’. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp.

РАЗДЕЛ III.

МЕМОРИАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

УДК 82-94
DOI

Н. А. КОНДРАШОВ: ПЕДАГОГ, УЧИТЕЛЬ, ЛИЧНОСТЬ (ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ СЛАВИСТА)

Алпатова Т. А., Беглова Е. И., Боброва Т. А., Введенский В. В., Воителева Т. М., Голованевский А. Л., Гордеева О. Н., Градинарова А. А., Джанумов С. А., Добродомов И. Г., Ермакова Н. Ф., Инчина Л. Г., Колесникова С. М., Кунарёв А. А., Леденёва В. В., Марченкова Л. А., Молчанова О. В., Мурашов А. А., Осипова Е. П., Рупосова Л. П., Третьякова В. С., Халикова Н. В., Шаталова О. В., Щербакова Н. Н.

Аннотация. Воспоминания и филологические зарисовки студентов, учеников, аспирантов и коллег знаменитого слависта профессора Н. А. Кондрашова рассказывают о ярких фактах человеческой и научной биографии лингвиста, связанной в 1960–1990-х гг. с нашим университетом. Авторы этих меморий – педагоги, вузовские работники, бывшие и нынешние сотрудники МГОУ и других учреждений из разных городов России и зарубежья – неофициальным языком, с почти художественным лиризмом и в тоже время документальной достоверностью раскрывают черты характера, поступки и редкие факты из биографии Н. А. Кондрашова, показывают его необычную языковую личность как удивительного лектора, наставника, друга. В подборке публикуются также фрагменты писем учёного, рассказы о встречах и беседах с ним. Живой филологический портрет слависта дополнен почти кинематографическими сюжетами, репризами, характерным юмором и языковым обаянием Н. А. Кондрашова – свидетеля противоречивого лингвистического «века надежд и скитаний» в науке и неподражаемого педагога-мыслителя, горевшего высоким служением подлинным традициям славяноведения и доносившим его дух до нескольких поколений студентов и аспирантов.

Ключевые слова: Н. А. Кондрашов, история филологии, славистика, языковая личность, лингвистические мемуары, психологический портрет, научное творчество

N. A. KONDRASHOV: EDUCATOR, TEACHER, PERSONALITY (THE PORTRAIT OF A SLAVIST)

Alpatova T. A., Beglova E. I., Bobrova T. A., Vvedensky V. V., Voiteleva T. M., Golovanevskij A. L., Gordeeva O. N., Gradinarova A. A., Dzhanumov S. A., Dobrodomov I. G., Ermakova N. F., Inchina L. G., Kolesnikova S. M., Kunaryov A. A., Ledenyova V. V., Marchenkova L. A., Molchanova O. V., Murashov A. A., Osipova E. P., Ruposova L. P., Tretyakova V. S., Khalikova N. V., Shatalova O. V., Shcherbakova N. N.

¹ Публикуемые тексты издаются в авторской редакции с минимальной технической и стилистической правкой. При подготовке воспоминаний к печати мы снабдили их ссылками на упоминаемую в них литературу и сделали в ряде случаев краткие комментарии. *Прим. ред.*

Abstract. Memories and philological sketches of students, learners, graduates, and colleagues of the famous slavist professor N. Kondrashov talk about interesting facts from the personal and scientific biography of a linguist, associated with our university in 1960–1990s. The authors of these memoirs – teachers, university workers, former and current employees of the Moscow Regional State University and other institutions from different cities of Russia and abroad – informally, with almost artistic lyricism and at the same time documentary reliability, reveal the traits, actions and rare facts from the biography of N. Kondrashov, show his unusual linguistic personality as a fantastic lecturer, mentor, friend. Fragments of the scientist's letters, stories about meetings, and conversations with him are also published in the collection. Live philological portrait of the slavist augmented almost cinematic scenes, reprises, characteristic humor and language charm of N. Kondrashov – witness the contradictory linguistic “century of hopes and wanderings” in science and inimitable educator, thinker, burning high in the service of authentic traditions of studies in Slavistics and inform its spirit to several generations of undergraduate and graduate students.

Keywords: N. Kondrashov, history of philology, Slavistics, language personality, linguistic memories, psychological portrait, scientific creativity

Алпатова Т. А.

*Московский государственный
областной университет*

*141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры
Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

ДАР МЫСЛИ

*...Что там моя полудетская память?..
Где там запомнить... Как там понять...
Лев Лосев*

С Николаем Андреевичем Кондрашовым в мои студенческие годы мне удалось встретиться дважды: во время спецкурса по русскому языку (мы тогда учились на 4 курсе) и в следующем году, когда он читал нам, почти выпускникам, общее языкознание [11; 12]. До сих пор удивляюсь собственной неосознанной тогда догадливости: поскольку спецкурс Кондрашова об истории лингвистических учений читался параллельно «большому» спецкурсу по современному русскому языку. Нам, студентам, почему-то казалось, что записаться туда – проявление какого-то запредельного интеллектуального вызова, чуть ли не свободомыслия – ведь так мы, будто бы, могли навлечь на себя гнев преподавателя «основного» лингвистического курса, как говорится, со всеми вытекающими последствиями... Результат этой глупости не заставил себя ждать: на

спецкурс к Кондрашову никто не хотел идти, и мне пришлось тогда, едва ли не впервые в жизни, проявить несанкционированную организаторскую активность – записать к Николаю Андреевичу «в приказном порядке» (это я – «приказывала») тех своих однокурсников, что прогуливали лекции и таким образом в моральном плане не имели оснований высказывать какие-то претензии. До сих пор удивляюсь, что они согласились, – может, тоже что-то почувствовали... В результате этой авантюры мне совершенно неожиданно упало в руки огромное богатство – целый семестр еженедельных встреч с Николаем Андреевичем на его лекциях – которые в тот раз в большинстве случаев проходили в формате «один преподаватель – один студент».

Теперь, вспоминая это, понимаешь, что дело тут было не только в истории лингвистических учений – и может быть, даже совсем не в этой самой истории (хотя и в ней тоже – когда, через четыре года после описываемых событий, я начала читать историю литературоведения, то несколько лет почти буквально шла за лекциями Николая Андреевича, а саму «манеру» его нередко пытаюсь воспроизводить и сейчас – во всяком случае, надеюсь, что это так...). И всё же, главным тогда было совершенно удивительное ощущение, которое он вызывал в слушателе. Для меня это было чув-

ство чего-то большого, несвойственного тому месту, куда оно волею судьбы оказалось помещено. Что бы ни происходило, о чём бы ни шла речь: было ли это «обычное» изложение лекционного материала или ироничное отступление, рассказ о живых людях и их больших и малых драмах, которые, как правило, нивелирует история науки, когда, по Соломонову завету, «всё проходит», – всегда оставалось это ощущение масштаба (ср.: [21; 22; 26]). Большого, чем требовала ситуация. Большого, чем мог вместить слушатель. Большого – едва ли не в онтологическом смысле.

В романе Андрея Битова «Пушкинский дом» про одного из героев сказано что-то вроде: у него «...и недостатки были чертою, и их можно было любить...». Может, потому его и любили так сильно – когда любили...

«Литературоведческим» моим мозгам именно курсы Николая Андреевича оказались ближе и понятнее всех лингвистических курсов – наверное, парадоксальным отсутствием чисто языковедческой систематики, постоянной готовностью ускользнуть – или в историю (где всегда на первом месте оказывалась личность), или в философию, где уже – «чистая» идея, почти без примеси чрезмерной конкретики языкового материала (всплывает в памяти, как Николай Андреевич на примерах объяснял нам, что такое «первичные коммуникаты»: «Собачка бежит.», «Мама идёт.», «Папа ползёт.»...

Парадокс его лекций, как я их помню сейчас, – именно в ощущении подтекста, в котором раскрывался масштаб предмета, почти не зависящий от буквального содержания того, о чём шла речь. Может быть, именно поэтому для меня так сложно было вести конспект этих лекций – не покидало ощущение, что самое главное существует не в произносимых словах – не в определениях, именах, датах, лингвистических фактах, излагаемых концепциях. Когда он говорил, возникало желание услышать мысль – более чистую, яркую, нежели могла вместить вузовская аудитория, – едва ли не всеобъемлющую. Это ощущение мысли

жило в нём – и на него невозможно было не откликнуться. Трудно сказать, имела ли она ясные очертания для него самого – мне как студентке Николая Андреевича, не связавшей свою жизнь с его делом, нельзя об этом судить. Но, если вдуматься, и учёный, и особенно преподаватель ведь, прежде всего, создаётся этим «магнитным полем мысли», по какой-то неведомой причине вокруг него конденсирующимся. В моих глазах он, безусловно, обладал этим даром. Именно слушая его, я впервые смогла это почувствовать. Я бесконечно благодарна ему за это.

Беглова Е. И.

*Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации
603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе,
д. 3, бокс-268, Российская Федерация*

«НАУЧИТЬСЯ ОТВЕЧАТЬ!», ИЛИ ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА НИКОЛАЯ АНДРЕЕВИЧА КОНДРАШОВА

Во время моего обучения в аспирантуре в Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской в 1986–1989 гг. профессор Николай Андреевич Кондрашов был известным учёным и уникальной личностью (см.: [26]), о чём я слышала от своих коллег по кафедре русского языка Стерлитамакского педагогического института (Республика Башкирия), бывших его аспирантов А. Г. Сударикова, В. А. Урманцевой, Л. Г. Инчиной, и мне очень хотелось, чтобы и моим руководителем был профессор Н. А. Кондрашов, так как считала, что на нашей кафедре царил дух Николая Андреевича.

Поступать в аспирантуру пришлось трудно, так как был большой конкурс, но моя мечта сбылась: в 1986 г. я стала аспиранткой Н. А. Кондрашова. При первой встрече он попросил подумать, над чем бы я хотела поработать, но мои интересы, связанные с творчеством Ф. Абрамова в конечном итоге не были учтены, и он дал тему «Философская терминология в произ-

ведениях В. Г. Белинского и А. И. Герцена», которая была для меня абсолютно далёкой, новой.

Спустя три месяца я написала и напечатала на машинке 46 страниц, оформив текст как «Введение», пришла к Николаю Андреевичу показать, «как много я сделала», думая, что он возьмёт у меня текст на чтение. Но он молча взял пачку листов и бросил их на пол, сказав, что это ничего не значит, что это «чушь», и отправил меня работать по-настоящему. Я тогда очень растерялась, собрала свои листочки и со слезами пошла в библиотеку, не понимая, как это работать «нормально, по-настоящему».

Позже, когда диссертация была написана, он сказал:

– А вот теперь пиши «Введение», смотри на выводы, к которым ты пришла в каждой главе, а на их основе формулируй цель и задачи диссертации. «Введение» лучше писать в конце, когда идея осмыслена, исследована и видны особенности изучаемого предмета.

Это был один из уроков подготовки научной работы.

Следует заметить, что на первый взгляд Николай Андреевич казался грубоватым, излишне строгим, немного равнодушным. Но на самом деле он держал в поле зрения каждого воспитанника, узнавал о нём от других своих аспирантов и владел полной информацией о том, чем мы занимаемся, как работаем над диссертацией и как себя чувствуем. И если у нас были какие-либо неприятности, тут же предлагал свою помощь. Хотя с самим аспирантом он был немногословен, при встречах на заседаниях кафедры резко бросал фразу «Как дела?», тем самым показывая, что он контролирует нашу работу, и одновременно этой же фразой он приглашал к разговору того, кому было нужно поговорить с ним, а кому не нужно, тот просто отвечал: «Всё хорошо». Такая форма общения с ним была во время пребывания в аспирантуре. А личные беседы и вопросы – по дороге до метро «Бауманская». А потом каждый шёл в свою сторону.

Он был требовательным, но справедливым, жёстким, но заботливым, иногда резким в официальном общении, но после этой публичной резкости старался сгладить брошенное им невзначай грубое слово. Помню, как в конце первого курса, когда аспиранты отчитывались на заседании кафедры о том, что сделано за год, я сказала, что написала первую главу и половину второй, думая, что, услышав это, он будет рад. Но вдруг Н. А. Кондрашов сказал:

– Ты же ничего не сделала, ты ничего не написала путного, потому что ты не читала философских трудов Гегеля и Фейербаха в оригинале, на немецком языке!

Я села, глотая слёзы... После заседания кафедры он подошёл ко мне и спросил:

– Симонова (моя девичья фамилия), ты сейчас домой идёшь? Подожди...

Мы отправились в сторону метро, оба молчали, я боялась что-либо спрашивать. Когда проходили мимо кафе, располагавшегося около института, он вдруг произнёс:

– Давай зайдём, сока выпьем!

И тут же сказал:

– Чего ты всего боишься, я же учу тебя «огрызаться», отстаивать свою позицию, а ты замыкаешься. Я ведь даже тебя не «ругал». Научись отвечать!

Только потом я поняла, что он учил меня чувствовать себя уверенно во всём, достойно отвечать на претензии со стороны кого-либо, готовил не только к защите диссертации, но и правильно реагировать на конфликты в жизненных ситуациях. Мне кажется, это был его способ воспитания «робких», которым он старался привить чувство уверенности в себе.

Запомнилось и то, как он оценил мою диссертацию после ознакомления. Читал он её недели две, потом назначил встречу на кафедре для беседы. Естественно, я сильно волновалась. Пришла, робко села на стул. Он, не глядя на меня, курил, потом вдруг спросил:

– Симонова, что же ты панибратствуешь с великими людьми: с Пушкиным, Герценом, Белинским и прочими, тебе до них ещё далеко!

Затем пристально посмотрел на меня, ожидая, что я отвечу.

Совсем растерявшись, я пролепетала:

– Как это? Почему? Я не поняла Вас...

В это время я уловила его усмешку и услышала:

– Ты же их не уважаешь, инициалы после фамилии ставишь, а обращаться надо сначала по имени-отчеству, а потом уж по фамилии! Поняла?! Исправь везде в работе, поставь инициалы перед фамилиями.

Я выдохнула... Больше он не дал никаких рекомендаций. Отправил к заведующему П. А. Леканту выяснить, когда можно обсудить диссертацию на заседании кафедры, и уточнить дату. Это было для меня таким взрывом эмоций: расстройство и радость одновременно.

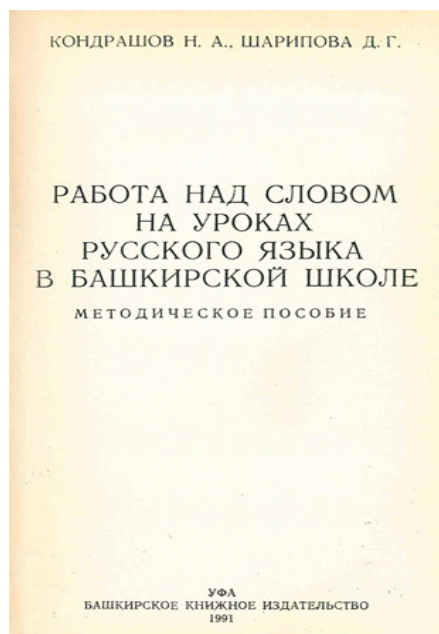
Надо сказать, что Николай Андреевич не любил «хвалить» своих аспирантов. Как мне теперь кажется, это был его индивидуальный метод погружения аспиранта в научную деятельность: научить самостоятельно искать материал, обдумывать все возможные варианты, а не довольствоваться одним решением вопроса; он подвигал нас к поиску новых способов добычи научной информации, заставлял мыслить, слушать, читать. Н. А. Кондрашов всегда интересовался, посещаем ли мы лекции профессоров МПГИ им. В. И. Ленина и МГУ им. М. В. Ломоносова, участвуем ли конференциях и т.д.

Он знал много языков, в том числе и славянских, вёл кружок чешского языка. Я его не посещала, ссылаясь на то, что на это не хватает времени. Как-то раз он сказал, что лингвист должен знать несколько языков, сетуя по поводу меня, что не могу найти возможности прийти на занятия по чешскому. Конечно, я нашла время!

Николай Андреевич заставлял меня изучать башкирский язык и говорил при этом:

– Как это не знать языка той республики, где ты живёшь!? Летом на каникулах учи башкирский язык... Спрошу, когда приедешь!¹

¹ Любопытно в связи с этим заметить, что Н. А. Кондрашов проявлял большой интерес к

Титульный лист книги Н. А. Кондрашова и Д. Г. Шариповой «Работа над словом на уроках русского языка в башкирской школе: Методическое пособие» (Уфа, 1991)

Я выучила все вывески на магазинах, ателье и пр. Когда вернулась с каникул, он даже не поинтересовался, учила ли я башкирский. Прошло месяца два после возвращения из дома. Я успокоилась, думая о том, что теперь он уже забыл и не спросит об этом... Однажды услышала от него:

– Симонова, ну скажи что-нибудь побашкирски! Учила?

– Мне пришлось пролепетать слова, отражённые на вывесках города Стерлитамака, где я проживала до аспирантуры. К моему удивлению, он засмеялся.

Обычно для стимуляции работы аспиранта он называл периодически каждого из нас «лодырем», а первые наши научные статьи – «чушь». Его слова, частотные в речи при оценке речи аспирантов и первых их научных статей: *чушь, мямля,*

культуре языков других народов России и впоследствии в соавторстве с коллегой из Башкирии подготовил одну учебную книгу [19], титульный лист которой мы здесь помещаем как уникальный факт, подтверждающий, что слова учителя никогда не расходились с делом.

мычишь, мямлишь. Позже обидное слово заменялось фразой: «А ничего написала, пойдёт!». И это было самой большой похвалой.

Ко мне Н. А. Кондрашов относился хорошо (на фоне других), считал меня робкой и доверчивой. Диссертацию я написала за 2,5 года [35], он был доволен. После защиты всё спрашивал, вернусь ли я работать в Стерлитамак? Говорил, что мне нужно быть смелее и бойчее, не мямлить, когда ко мне предъявляют претензии, а отвечать смело. Запомнилась такая фраза Николая Андреевича:

– Ведь защиты нигде не найдёшь, сама за себя борись! Ты работоспособная, можешь писать, есть ум, но ты какая-то дикая.

В конце аспирантуры он перестал называть меня «дикой», а после защиты наши беседы стали мягкими, доброжелательными и с юмором. Мы всегда с ним созванивались и позже, когда я уехала домой.

В целом строгость и требовательность Н. А. Кондрашова, которые он проявлял по отношению к своим аспирантам, способствовали успешному завершению диссертационных исследований. Каждый из нас понимал это только после защиты и был безмерно благодарен Учителю!

В 1994 г. он пригласил меня на повышение квалификации. Я была целый месяц на курсах в Москве и слушала его лекции по общему языкознанию. Мы тогда много с ним говорили об учёных... Он рассказывал про встречу с В. В. Виноградовым (они состояли вместе в редколлегии журнала «Вопросы языкознания» [26], в котором Виктор Владимирович был главным редактором).

Теперь я вспоминаю Николая Андреевича Кондрашова с большой теплотой и любовью, благодарю его за каждое сказанное мне слово: и грубое, и доброжелательное.

СПАСИБО Вам, дорогой Учитель, за то, что учили преодолевать трудности во всём самостоятельно, методом проб и ошибок.

Боброва Т. А.

ООО «Наш язык» – редакция журналов «Русский язык в школе» и «Русский язык в школе и дома» 109544, г. Москва, Большая Андроньевская, д. 17, Российская Федерация

ЛЮБОВЬ И ПОЧТЕНИЕ С ПЕРВЫХ ДНЕЙ...

В 1961 г. я поступала на филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Конкурс для «школьников», то есть тех, кто пришёл на вступительные экзамены в университет без необходимого в хрущёвские времена двухлетнего трудового стажа или службы в рядах Советской Армии, был огромный – 26–27 человек на место. В этих условиях трудно было надеяться на приём в вуз, а тем более в МГУ. Университетские преподаватели требовали не начетнических, зубренных знаний, а умения думать, делать собственные выводы из освоенного материала.

Группа девочек сидела в коридоре около аудитории, где сдавали последний экзамен. Результаты ещё не вывесили, не известен был и реальный к тому времени проходной балл. Мимо проходил коренастый, лысоватый, с широким лбом, очень надёжного (как я теперь понимаю) вида мужчина – председатель приёмной комиссии. Замедлив шаг, он посмотрел на нас. Кто-то посмелее начал интересоваться своими перспективами.

– Какие у Вас оценки? – спросил он.

Девушка ответила, а за ней и остальные. Я подала голос последней, назвала оценки, которые оказались выше проходного балла.

– Ну, а Вы – Виктория регия! – шутливо оценил он мои результаты.

Председателем приёмной комиссии в тот год был Николай Андреевич Кондрашов (имени его я тогда и не знала).

В назначенный день я пришла узнать свою окончательную судьбу. Н. А. Кондрашов сидел один в большой, круглой, ярко освещённой солнцем аудитории № 2 (дело было в старом здании МГУ на Моховой). Узнав мою фамилию, он посмотрел в списки и сказал, что я зачисле-

на. Николай Андреевич не мог отлучиться со своего места и измаялся, видно, без курева. И попросил меня, дав денег, сходить за папиросами «Беломорканал». Ничуть не смутившись, вне себя от радостной вести я как на крыльях полетела по Моховой в поисках табачного киоска. Почему-то нашла его только в здании гостиницы «Москва» (мне даже в голову не пришёл вопрос, прилично ли юной деве заходить в гостиничный вестибюль), купила папиросы и на той же скорости бегом побежала обратно, задыхаясь, но сияя от счастья, отдала этот вредный продукт.

Так состоялось моё знакомство с этим замечательным человеком, известным славистом, к которому я на всю жизнь сохранила самые трепетные чувства, благодарность – как к вестнику, сообщившему мне судьбоносное решение, хотя он не стал моим учителем и не вёл у нас никаких занятий.

После окончания университета, уже работая в Институте русского языка АН СССР, я слышала от своей старшей кол-

леги Галины Яковлевны Романовой – выпускницы славянского отделения – тёплые отзывы о её учителе Николае Андреевиче.

Позже я узнала от мужа, Н. М. Шанского, что они вместе, хоть и на разных курсах, учились с Николаем Андреевичем в «красном лицее» – знаменитом МИФЛИ, в первые месяцы войны вместе с другими студентами были направлены на строительство оборонных сооружений под Смоленском, уходили от бомбёжек вместе с отступавшими нашими войсками, чудом уцелели (не всем удалось) (ср.: [26]). Затем ифлийцы оказались в Ашхабаде, где состоялся выпуск из университета более старшего по возрасту Николая Андреевича... А потом снова на родном факультете Кондрашов и Шанский трудились бок о бок много лет, встречались на различных совещаниях и конференциях, преподавали на факультете повышения квалификации и даже запечатлены вместе на одной такой фотографии слушателей курсов по подготовке преподавателей языковедческих дисциплин вузов при МГУ (1953–1954 гг.),

Курсы по подготовке преподавателей языковедческих дисциплин вузов при МГУ. 3-й выпуск 1953-1954 гг.

В верхнем ряду слева направо: доцент В. В. Бородин, доцент Н. А. Кондрашов, доцент Д. Э. Розенталь, профессор С. А. Копорский, директор курсов В. К. Чичагов, профессор Т. П. Ломтев, профессор Н. С. Чемоданов, кандидат философских наук Ш. М. Герман, доцент Н. С. Поспелов.

В нижнем ряду слева направо: секретарь курсов В. И. Климова, кандидат филологических наук В. В. Иванов, доцент К. В. Горшкова, кандидат филологических наук М. Н. Шабалин, доцент Н. М. Шанский.

Фото 1954 г., Москва

так называемой годичной аспирантуры (в то время возникла настоятельная потребность в квалифицированных кадрах). На этом большом снимке на картоне можно увидеть и других именитых университетских лингвистов и ставших позже известными выпускников курсов.

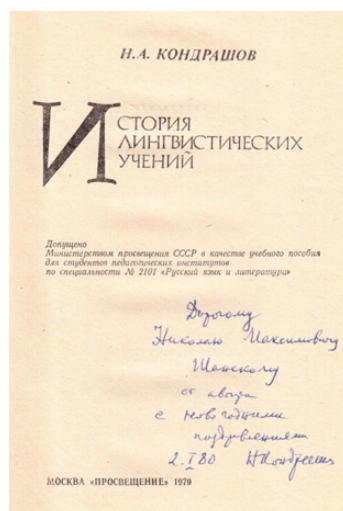
В августе 1993 г. я перешла на редакторскую работу в журнал «Русский язык в школе», которым с 1963 по 2005 гг. руководил Николай Максимович Шанский. В мои обязанности входила подготовка статей к печати, сверка библиографии, уточнение данных учёных – забот было много, как и интересных авторов. Один из любимых разделов журнала, который я вела, назывался «Лингвистическое наследство», где публиковались статьи о жизни и деятельности языковедов прошлого, юбилейные материалы о них. Постоянным автором этой рубрики и был тогда уже известный многим профессор Н. А. Кондрашов (см., например, его последние статьи: [16; 17]). Он публиковался у нас часто и охотно, был желанным автором. Как мне казалось, в свои статьи он всегда вносил особенную интонацию: помимо глубоких знаний из области истории и теории славистики, Николай Андреевич раскрывал личность учёного, его характер, говорил об этом с любовью, иногда – по своей привычке – иронически и брался за такие фигуры в науке, о которых, как мне теперь кажется, лучше Кондрашова не написал бы никто. В нашем списке публикаций эти статьи являются украшением и служат полезным пособием для совершенствования знаний школьных и вузовских преподавателей.

Помню прощальную встречу в 1994 г., которая, как и та памятная, оказалась встречей наедине – я тоже одна дежурила в редакции. Николай Андреевич пришёл в нашу крохотную комнатку на улице Кедрова, где тогда располагалась редакция, и принёс новую статью «Вклад И. А. Бодуэна де Куртенэ в общее языковедение и славистику (К 150-летию со дня рождения)». С трудом переступил порог, опираясь на палочку, присел, мы поговорили, обсудили необходимые вопросы. К со-

жалению, эта работа оказалась последней научной публикацией Н. А. Кондрашова в журнале «Русский язык в школе». Она вышла после ухода из жизни учёного 1 апреля и была напечатана в № 3 (май–июнь) за 1995 г. [17], без указания его места жительства на Земле, как это принято у нас. О кончине Николая Андреевича нам стало известно не сразу. Потом я работала уже над некрологом для четвёртого номера [27].

По рассказам и откликам мужа отлично помню, что он верил в порядочность и невиновность Николая Андреевича после той смутной истории в МГУ, когда ему пришлось уйти из alma mater, и относился к своему старшему коллеге (хотя они почти одноклассники, у них разница в несколько лет) с большим уважением, очень ценил его работы по истории языковедения. По сути дела, в течение длительного времени Н. А. Кондрашов один был летописцем славистики в нашем журнале.

В домашней библиотеке сохранилось несколько книг, подаренных профессором Кондрашовым моему мужу. Это – учебники Николая Андреевича по истории языковедения. На одном была такая дарственная надпись: «Дорогому Николаю Максимовичу Шанскому от автора с новогодними поздравлениями». Эти книги я

Автограф Н. А. Кондрашова на его книге «История лингвистических учений» (Москва, 1979)

храню и сейчас как память о том светлом времени и об удивительной личности славы Николая Андреевича Кондрашова.

У меня к нему любовь и почтение с первых дней знакомства...

Введенский В. В.

Государственный гуманитарно-технологический университет

142611, Московская область, г. Орехово-Зуево, ул. Зелёная, д. 22, Российская Федерация

ВСПОМИНАЯ НИКОЛАЯ АНДРЕЕВИЧА...

Этот замечательный человек во многом повлиял на мою жизнь, на моё понимание истинных ценностей. В науке он воспитал во мне умение видеть языковые факты в их разнообразии, системности и развитии, в быту и работе научил корректности и справедливости во взаимоотношениях с людьми, будь то семья, студенты или коллеги. Терпение и доброжелательность – фундамент педагогики моего мудрого учителя. Тонкий аналитик, великолепный знаток славянской филологии, нам, аспирантам, он никогда не демонстрировал своего превосходства, а ясной и чёткой фразой строил беседу так, что ты, ощущая забываемый вкус исследовательской работы, будто бы сам приходишь к реальным выводам.

До сей поры помню свою первую встречу, первый разговор с Николаем Андреевичем.

Москва, 1972 г., июнь месяц, жара несуетная, кругом торф горит, дым – дышать нечем, а мне, отработавшему в школе два года учителем русского языка и литературы, захотелось перемен, новизны впечатлений, знаний, движения вперёд, того, что сейчас именуют драйвом. В итоге созрело решение поступать в аспирантуру. Ничтоже сумняшеся, ринулся в МОПИ покорять вершины науки. Филологический филиал её храма только что обосновался в здании на Энгельса. С должным трепетом иду по коридору, вижу табличку: «Кафедра современного русского языка». Ткнулся в

дверь – открыто. Вхожу в святая святых. Эйфории поубавилось: шёл в храм – попал в тесную комнатку (меньше, чем кухня в хрущёвке, вот она, проза жизни).

За столом спиной ко мне сидит внушительного вида лысоватый мужчина, за соседним – лаборантка. Каждый занят своим делом, внимания на меня не обращают, возятся с какими-то бумагами. Постоял, покашлял. Мужчина оценил взглядом.

– Тебе чего?

– Приехал поступать.

– Откуда?

– Из Смоленска, учитель.

– Чем интересуешься?

– Лексикой (в институте нам читал этот курс Л. П. Крысин, у него же писал курсовую – повезло).

– Исторической или современной?

Быстро соображаю: историческая – изменение во времени, фиксация лексем (тексты, словари), удобно работать; современная – статика со всеми вытекающими, много субъективного в трактовке контекстуальных значений.

– Исторической.

– Направление есть?

– Есть.

– Так. Возьми слова на *-ло/-дло* (*шило, мыло, мотовило - падло, быдло, повидло*), посмотри, чем они интересны. Объём 70–75 страниц. Работу привези в начале сентября. Будь здоров!

Вышел ошарашенный. Вроде бы всё по делу, а что, собственно, делать – не ясно. Слегка даже обиделся: ничего конкретного не объяснил – иди, работай. Ну, да не боги горшки обжигают...

Это потом осознал: так мой будущий шеф сурово проверяет и самостоятельность мышления, и умение искать нужную литературу, языковой материал, и логику исследования, и справедливость выводов – весь спектр параметров научной работы. Быстро, коротко и ясно – реальный стиль его работы.

Сентябрь. Привёз реферат, жду, когда Николай Андреевич освободится. Он о чём-то оживлённо толкует со студентами в аудитории. Увидел меня.

– Привет. Подожди, сейчас закончу, обсудим твой опус.

Внимательно наблюдаю сам процесс его работы, благо, дверь открыта. Звонок. Возле стола студенты облепили профессора со всех сторон, что-то громко обсуждают, галдят, перебивают друг друга и его самого, доказывают что-то, своё мнение отстаивают, ведут себя с ним на равных, никакого пиетета! Зато живо, да и студентам на пользу.

Пришли на кафедру. Посадил рядом, тщательно изучает каждую страницу, молчит, иногда над чем-то хмыкает.

– В целом неплохо. Только как это ты посмел Виноградову перечить? Ткнул в текст пальцем. По классам глаголов у него одни выводы, а у тебя другие, почему?

Вот он, момент истины! Не сумею объяснить – тупица в его глазах, сумею – считай, приняли.

– Николай Андреевич, так ведь объёмы разные. У Виноградова, наверное, штук 20–30 наиболее частотных лексем, для них его вывод справедлив, я проверял, картина верная, а у меня почти всё гнездо, более 200 лексем, обследовано, материал показывает другую картину. Мне кажется, это более корректный вывод для всей группы слов, да и задачи разные: у В. В. Виноградова – общий обзор тенденций, а у меня – частный случай конкретной группы лексем.

– Мысль верная, хотя пока сырая. В отделе аспирантуры скажешь, что я – твой научный руководитель. А пока оформляй документы, жди вызова, встретимся на заседании кафедры.

И для него уже ни меня и никого другого здесь нет. Профессор уткнулся в толстенную книгу, внимательно её штудирует, карандашом делает какие-то пометки, но всё вокруг видит и слышит мой прозорливый шеф.

Так с лёгкой руки Николая Андреевича определилась моя жизненная тропинка, моя профессия [1], которой я отдал 45 лет. Не знаю, чего больше получил я от своего наставника – умений ли в научном поиске, житейской ли мудрости у него научился, не знаю... Всего в достатке у моего шефа,

и он охотно и щедро делился своим богатством с нами.

Войтелева Т. М.

*Московский государственный
областной университет*

*141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры
Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

УЧЁНЫЙ, КОТОРОГО Я ПОЧИТАЛА

При имени профессора Кондрашова у меня всегда замирало сердце, а при виде самого Николая Андреевича хотелось спрятаться куда-нибудь. Мы боялись его немного. Он казался тогда очень строгим и даже грубоватым. И это нас немного отталкивало от него. Мы, конечно, догадывались, что перед нами необычный человек, который прошёл большую школу науки и жизни (см. подробнее: [26]).

Читал нам Н. А. Кондрашов «Общее языкознание». Позже я поняла, что это всё-таки были лекции по его книге «История лингвистических учений» [13]. А ещё в нашей библиотеке стоял и другой его учебник – «Общее языкознание» [11; 12]. Свои записи я хранила много лет, уже когда сама работала в вузе. Студенческие тетрадки были моими верными помощниками в начале преподавательской деятельности, потому что приходилось читать и современный русский язык, и языкознание, и даже историческую грамматику.

Николай Андреевич очень не любил, когда мы опаздывали на его занятия.

– Надо приходиться или вовремя, или загодя, – говорил он строго.

Всех нас Н. А. Кондрашов знал в лицо и помнил по фамилиям. Однажды я не пришла к нему на лекцию. И как часто бывает с нерадивыми студентами, на перемене столкнулась с ним в нашем тесном, узком коридоре во флигеле на ул. Радио.

– Здравствуйте, Николай Андреевич! Извините, я опоздала.

Своей реакцией он меня сразил наповал и поставил в тупик.

– Опоздала зайти в аудиторию? Или опоздала приехать?

Я растерялась, потому что не была готова к ответу, ведь просто решила прогулять...

Хотелось бы вспомнить, как Николай Андреевич проводил заседания диссертационного совета, в котором он был много лет председателем. Мне довелось рядом с ним работать в качестве технического секретаря.

Он очень чётко, лаконично высказывался по поводу работ, но, как мне кажется, не любил, когда кто-то из диссертантов затягивал свою благодарственную речь, особенно если она звучала очень эмоционально, с всхлипываниями и слезами. Он тут же вставал со своего места, и если этого было мало, то просто говорил примерно так:

– В общем, спасибо всем!

Николай Андреевич Кондрашов... Человек, учёный, которого я всегда уважаю и почитала.

Голованевский А. Л.

*Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
241036, Брянская область, г. Брянск, ул. Бежицкая,
д. 14, Российская Федерация*

У НЕГО БЫЛО ОСОБОЕ НАУЧНОЕ ЧУТЬЁ

С Николаем Андреевичем Кондрашовым в течение многих лет нас связывала творческая дружба, и он всегда оставался для меня Учителем.

Знакомство наше произошло в 1970 г. во время пребывания на ФПК в МГУ. Он по приглашению читал лекцию о славянских языках. Я уже тогда много слышал о нём как об оригинальном учёном, имевшем на многие привычные вещи свой взгляд. Тогда же я показал Николаю Андреевичу свои наработки по кандидатской диссертации (см.: [3]) и попросил его быть моим научным руководителем в целевой аспирантуре, куда я поступил из Кочетавского пединститута в 1971 г.

С тех пор наши творческие связи не прерывались, и каждая встреча с Николаем

Андреевичем была своеобразным научным событием. А виделись мы с ним и в «Славянском базаре», где он всегда за себя платил сам, и довольно часто в старой и новой квартире на Щербаковской и Ленинском проспекте, и на различных собраниях в МОПИ имени Н. К. Крупской. Многие его реплики по различным поводам я помню до настоящего времени.

Меня всегда поражала его отзывчивость, помощь по всякому поводу. Помню, как он у проректора по науке подписал один мой документ, когда встретился с ним в коридоре. Именно благодаря ему появились мои статьи в сборниках МОПИ, МГПИ им. В. И. Ленина и других вузов.

Язык Николая Андреевича отличался особой выразительностью и меткостью. Но, по-моему, он всегда, даже когда язвил, относился к людям с уважением.

Вспоминаются многие случаи, в том числе и обсуждение кандидатской диссертации Л. К. Обьедковой [28], моей жены, когда, несмотря на, казалось бы, едкие замечания, он рекомендовал её к защите.

У него было особое научное чутьё, поэтому каждое предложение Николая Андреевича, а мы с ним общались особенно часто во время работы над докторской диссертацией (см.: [4]), было ценно и продуктивно.

Не раз он редактировал наши совместные статьи... Это был настоящий урок мастера!

Многое запомнилось на всю жизнь о человеке, благодаря которому свершилась моя научная судьба.

Гордеева О. Н.

*ГБОУ города Москвы «Школа № 2115»
117418, г. Москва, Новочерёмушкинская ул., д. 56,
к. 2, Российская Федерация*

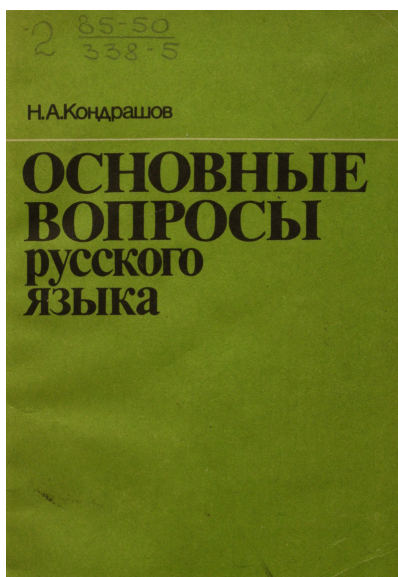
НАСТОЯЩИЙ УЧИТЕЛЬ

Я окончила факультет русского языка и литературы МОПИ имени Н. К. Крупской в 1978 г. С благодарностью вспоминаю Николая Андреевича Кондрашова – уди-

вательного преподавателя и человека, знатока многих европейских языков, учёного, бесконечно влюблённого в науку.

«Общее языкознание» – не самый простой для студентов предмет – Николай Андреевич старался донести до нас понятным, доходчивым языком, щедро делился с нами и приёмами педагогического мастерства.

Как учитель русского языка и литературы я неоднократно обращалась в своей работе в школе к его лекциям и после окончания института, а труд профессора Кондрашова «Основные вопросы русского языка» [14] стал для меня настольной книгой.

Титульный лист книги Н. А. Кондрашова «Основные вопросы русского языка» (Москва, 1985)

Он был требовательным преподавателем и одним из самых талантливых педагогов у нас на факультете. Проработав много лет в школе, понимаю, что только таким и должен быть настоящий учитель, стремящийся сеять в своих учениках «разумное, доброе, вечное».

Градинарова А. А.

Софийский университет имени

Св Климента Охридского

1504, г. София, бул. Цар Освободител, д. 15,

Республика Болгария

ОСТРОУМНЫЙ И МУДРЫЙ

Я познакомилась с Николаем Андреевичем, моим научным руководителем, осенью 1978 г., после поступления в аспирантуру. В своей дипломной работе я писала о некоторых группах фразеологизмов, отмеченных в «Записках» замечательного русского естествоиспытателя, учёного-самоучки и мемуариста Андрея Тимофеевича Болотова. Н. А. Кондрашову были хорошо известны болотовские мемуары. Он считал их язык необычайно интересным. Зная о том, что с лингвистической точки зрения эти тексты ещё подробно не изучались, воодушевлённо предложил мне это сделать. Так была определена тема кандидатской: «Язык А. Т. Болотова (лексика и синтаксис)» [20]. Позднее, замечая моё недостаточное усердие в написании отдельных глав диссертации и отсутствие необходимой дисциплины, Николай Андреевич, сам способный выдавать по 20 страниц научного текста в день, укоризненно советовал мне «брать пример со своего Болотова», у которого день не проходил без написания «исторических записок», статей для «Экономического магазина» или просто изложений своих дел и произошедших с ним событий.

Николай Андреевич живёт в моей памяти не только как замечательный учёный-славист, опытный научный руководитель, умеющий доступным образом вложить в голову ученика все тонкости стратегии и тактики написания научного труда, вплоть до деталей корректорской обработки текста (навсегда запомнилось: «С то есть предложение начинать нельзя!»).

Помню его как добросердечного и мудрого человека. Кажется, при разговоре ему трудно было сохранять серьёзный вид. Ирония и юмор так и просились наружу. Помню, как он удивлённо поднимал брови

и, улыбаясь, вставлял какой-нибудь остроумный комментарий. Эти ремарки никогда не были злыми или обидными. Они были смелыми, но добрыми.

Я понимала: он был на войне... он много знает... о жизни... о цели... о смерти...

Джанумов С. А.

Московский городской педагогический университет
129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный
проезд, д. 4, Российская Федерация

ЗА РУССКИЙ ЯЗЫК!

Я познакомился с Николаем Андреевичем Кондрашовым сразу после того, как он перешёл на работу в МОПИ из МГУ, где, если не ошибаюсь, был заместителем декана филологического факультета. Н. А. Кондрашов проявил себя как знающий, высококвалифицированный преподаватель, плодовитый исследователь, автор множества статей, монографий и учебных пособий. Правда, я у него не учился, так как в ту пору, когда он поступил к нам на работу, был уже аспирантом кафедры русской литературы. Кстати, какое-то время Николай Андреевич был деканом нашего факультета русского языка и литературы, а затем – заведующим кафедрой русского языка.

Специалистом, насколько я могу судить, он был хорошим, а как личность – человеком острым на язык, и не всегда его шутки носили безобидный характер (ср.: [26]). Так, например, вспоминается его любимый тост на банкете после защиты того или иного соискателя (особенно, если он не был русским по национальности): «Выпьем за русский язык, который так хорошо нас кормит!».

Вместе с тем он не был человеком злопамятным, а эрудиции его мог позавидовать любой дипломированный лингвист. Позднее, когда я уже сам стал деканом (с 1982 года), то ценил его как хорошего заведующего, который образцово выполнял все поручения деканата, как дисциплинированного и ответственного преподавателя,

профессора, который в качестве научного руководителя подготовил немало кандидатов и докторов филологических наук.

Добродомов И. Г.

Московский педагогический
государственный университет
119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1,
стр. 1, Российская Федерация

ПРОПАГАНДИСТ В НАУКЕ

Николай Андреевич Кондрашов состоял в нашем диссертационном совете. Большею частью сидел спокойно. Очень грамотный. Знал много языков. Когда ВАК принял решение о том, что советы надо комплектовать из учёных не старше 70 лет, то мне позвонили и предложили вывести Н. А. Кондрашова из совета по возрасту. Он тогда уже болел. А я его оставил. Сказал, что вот поправится, тогда и будем разбираться. Но скоро его не стало.

Н. А. Кондрашов очень хорошо знал лексику. Ещё в молодые годы, когда я только подступался к изучению языков, обратил внимание на его книгу «Славянские языки» [10] – для меня это было очень интересно.

Обложка книги Н. А. Кондрашова
«Славянские языки» (Москва, 1956)

Николай Андреевич был пропагандистом в науке. Вспоминаю его участие в публикации работ зарубежных лингвистов. Редактор издательства иностранной литературы М. А. Оборина очень хорошо к нему относилась и поддерживала его инициативы. В нём чувствовались основательные знания.

Ермакова Н. Ф.

*Московский государственный
областной университет
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры
Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

УЧИТЕЛЬ, КОТОРЫЙ ДАЛ МНЕ ПУТЁВКУ В ЖИЗНЬ

Николай Андреевич Кондрашов как учёный обладал обширными филологическими знаниями, умением отстоять свою точку зрения, позицию по разным вопросам и науки, и кафедральной политике. Он всегда уважительно относился к лингвистическому наследию.

Мне повезло, что я была его ученицей. Для меня он и сейчас остаётся мудрым наставником, учителем, который дал мне путёвку в жизнь: я очень ему благодарна за выбор темы для моего научного исследования и человеческие советы.

Николай Андреевич был, человеком обаятельным, талантливым, интересным и внимательным собеседником, воспитателем, требовательным и к себе, и к аспирантам, и к преподавателям, справедливым, влюблённым в свою профессию.

С большим удовольствием вспоминаю уроки чешского языка, которые он мне давал.

До конца своей жизни он оставался красивым человеком, мужественно переносил свою тяжёлую болезнь.

Инчина Л. Г.

*Башкирский государственный университет,
Стерлитамакский филиал
453100, г. Стерлитамак, проспект Ленина, д. 49,
Республика Башкортостан*

СЛЕД В ДУШЕ ОСТАЁТСЯ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Я училась в заочной аспирантуре МОПИ в 1979–1983 гг., поэтому наши встречи с Николаем Андреевичем были, к сожалению, редкими и короткими: прилетела, отчиталась на заседании кафедры о проделанной работе, получила очередное задание и улетела. С работы отпускали на 2–3 дня, а сколько надо было успеть сделать... Мы больше переписывались.

Николай Андреевич относился к той категории людей, с которыми встретишься один раз, а след в душе остаётся на всю жизнь. На работе он был требовательным, строгим, порой резким в своих суждениях, но тем не менее справедливым и человечным. К своим аспирантам он относился по-отцовски: сочувствовал, по-своему жалел, но и доставалось нам от него больше, чем другим. Порой так меня ругал, что руки опускались: «Дура, на заочное перевелась, что ты там в своей дыре можешь написать?». Но уж если похвалит, что было редко, горы хотелось свернуть. А домой вернёшься: работа... семья... И думаешь, как же был прав Николай Андреевич!

Обычно говорят, что руководителей или уважают, или боятся. Я не могла не уважать, поскольку была так воспитана, но и боялась Николая Андреевича до дрожи в коленях. Никогда не спорила с ним, с его мнением, всегда взвешенным и продуманным, нельзя было не считаться. Хотя иногда обижалась, когда он возвращал мне работу, на мой взгляд, непрочитанную, без пометок. И хорошо, что не высказывала свою обиду вслух, потому как замечания в конце всегда были по существу. И только позже, проверив сотни курсовых и дипломных работ, я поняла, что ему и не надо было её читать, с таким опытом достаточно просмотреть работу и увидеть главное.

В одном из своих писем Николай Андреевич написал мне, что «готовить аспирантов – пустая иногда затея. Надо переходить на чтение спецкурсов». Надеюсь, что я не была для него «пустой затеей» (см. дисс.: [5]), и очень благодарна ему за то, что он поддерживал меня все эти годы, заставлял работать и довёл до защиты.

Колесникова С. М.

*Московский педагогический
государственный университет
119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1,
стр. 1, Российская Федерация*

ОТКРЫТЫЙ, ИСКРЕННИЙ ЧЕЛОВЕК

Николай Андреевич открыл мне дорогу в интереснейший мир русской филологии. Он стал для меня не просто научным руководителем кандидатской диссертации, а учителем-другом, с которым я делилась простыми житейскими радостями, обменивалась мнениями о прочитанной книге. За чашкой чая дома Николай Андреевич мог рассказать анекдот на злобу дня, пошутить, сыграть партию в шахматы...

Мы познакомились с Н. А. Кондрашовым тридцать лет назад, в 1989 г., перед поступлением в аспирантуру МОПИ им. Н. К. Крупской. Я встретила с Большим Учёным, который с первой же встречи проявлял ко мне уважение, наш научный диалог был на равных. Николай Андреевич всегда вёл себя галантно и дипломатично в деловых отношениях и частной беседе (в общении он всегда обращался ко мне на «Вы»). Такая культура общения и поведения, как правило, характеризует людей Великих, высоко нравственных, настоящих Педагогов. Именно таким и был Николай Андреевич Кондрашов.

В самом конце осени 1989 г., начале зимы, предварительно созвонившись с Николаем Андреевичем по рекомендации Нины Михайловны Лаврентьевой, кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка Мордовского государственного педагогического ин-

ститута имени М. Е. Евсевьева, я, молодой 24-летний преподаватель этого вуза, приехала к нему домой, в высотку на Ленинском проспекте. Сегодня, проезжая мимо, обязательно бросаю свой взгляд на окна в квартире того самого дома, где проходили наши встречи и дружеские беседы с Николаем Андреевичем и его супругой, Ниной Алексеевной Голубевой; вспоминается добрая атмосфера, царившая в то сложное время.

Период конца 80-х и начала 90-х годов прошлого века для нашей страны был «перестроечным», и жизнь обычной российской семьи была нелёгкой: зарплату получали либо в виде бартера (какого-то ненужного товара, который необходимо было реализовать), либо её задерживали на 3–4 месяца и более. Это было время огромных очередей и глубокого дефицита, локальных военных действий внутри страны и за рубежом...

И в семье Кондрашовых было тоже не просто: сын Николая Андреевича тогда находился в служебной командировке, а внук жил с ними в Москве и готовился к поступлению в МГИМО.

При первой же нашей встрече, когда обсуждался круг моих научных интересов, Николай Андреевич подарил мне тему, которой я занимаюсь все эти годы, – градуальность и градационные отношения в русском языке. Тогда он внимательно выслушал меня, достал с полки книгу «Новое в зарубежной лингвистике» и сказал: «Прочитай статью Э. Сепира». Его работа называлась «Градуирование: семантическое исследование» [34]. Впоследствии данная проблема, стала для меня основной темой занятий, а синенький томик научных статей по зарубежной лингвистике 1985 г. я храню до сих пор в память о Николае Андреевиче. Рядом с книгой стоит его же учебник «История лингвистических учений».

Сначала мне было сложно разобраться с темой. Тогда мне казалось, что текст состоит только из непонятных мне слов и терминов: читала его по нескольку раз с лингвистическим словарём и словарём иностранных

слов; переписывала статьи для себя, так как книгу надо было вернуть Николаю Андреевичу в обозначенный срок... Потом начала готовить вступительный реферат по данной теме, который печатала сама по ночам на отремонтированной мужем машинке (семья меня всегда поддерживала и помогала). Работала ночами, потому что у меня в то время было двое маленьких детей (4-х и 2-х лет): днём – институт, вечером – семья и дети, ночью – наука. Сегодня я уже понимаю, что первый мойopus был только заявочным, и в нём легко просматривался почерк совсем молодого и неопытного исследователя, однако Николай Андреевич оценил его на «отлично», прекрасно понимая, что это самостоятельный труд человека, искренне желающего поступить в аспирантуру и посвятить себя науке. Сердечно благодарю его за тот бонус, который он мне тогда предоставил!

На вступительном экзамене у меня был вопрос по синонимии и антонимии в русском языке и по вступительному реферату. Николай Андреевич внимательно слушал ответ и обратил моё внимание на наличие градационных отношений в синонимико-антонимическом комплексе.

Через месяц я получила письмо, в котором сообщалось о моём поступлении в аспирантуру. Радости моей не было предела – мне хотелось прыгать от счастья до потолка! Столько эмоций... Я – аспирантка! Мой научный руководитель – профессор Кондрашов, автор известных учебников! Все характеристики Николая Андреевича для меня были очень значимыми и авторитетными.

И всё началось: работа с фондами научной литературы в залах Ленинской библиотеки; анализ языковых единиц и конспектирование статей и монографий; чтение художественной литературы и составление картотеки; доклады и конференции, статьи... Потом научные рассуждения и дискуссии по теме исследования с Николаем Андреевичем и коллегами. Он писал мне о разных формах проявления градации в системе языка, цит. (письмо от 11.XI.1990): «Я думал о градациях. Пришел к выводу..., что

первоначальным элементом структуры сравнения является отрицание... Следует подумать о компаративе и суперлативе... и в следующей статье отразить...». Он помогал мне во многом. Помню, как для разбора польского текста [41] профессор Н. А. Кондрашов оставался со мной в университете после занятий, чтобы перевести основные разделы на русский язык.

Началась активная работа по написанию частей и глав диссертации... Её готовый текст Николаем Андреевич читал уже в конце зимы 1993 года на даче. Выказав несколько замечаний, он определил приблизительные сроки обсуждения и сказал: «Надо выходить на защиту!». Всё состоялось по его плану... Кандидатская диссертация «Градационные отношения в современном русском языке» была защищена 4 ноября 1993 г. [7].

С Николаем Андреевичем у нас сложились очень тёплые, даже дружеские отношения. В те годы мы вели почтовую переписку (сотовых телефонов и компьютеров ещё не было), созванивались по домашнему номеру, обменивались информацией. Некоторые письма Николая Андреевича у меня сохранились, а другие, увы, затерялись при неоднократном моем переезде на новое место жительства. Писали обо всём: о семье, научной проблеме, книгах и даже о комарах (примечание: помню, что написала ему как-то, что нахожусь на даче – кормлю комаров; в ответ получаю: «Привет Вам и комарам. Н. А. Кондрашов»). Именно в письмах Николай Андреевич сообщал мне о вышедших публикациях и предстоящих защитах моих коллег (цитирую письма от 7.XI.1990, 12.III.1993, 09.X.1994):

«Книгу я, как водится, получил и за праздник прочел. Большое спасибо...» (Николай Андреевич пишет о книге Николая Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма»);

«Я думаю, что с выходом присланной Вами статьи можно защищать свойopus...» (от 12.III.1993);

«За это время обсудились две аспирантки – Мысенко и Фомина. Обеих одобрили. 18 марта защищаются тоже две: Леурда

и Дейкина. В мае защищается Кольчева. Остаются Колесникова и Веклич. Обе будут защищать уже в октябре...» (от 12.III.1993);

«Уже начались защиты. 6.X. прошла защита рязанского Климушина. 13.X. защищает Елисеева (о почтовой терминологии)...»; «Сообщаю данные Вашей депонированной статьи... Вам один выход: поступать в докторантуру...» (от 9.X.1994).

Его письма являются ярким примером текста эпистолярного жанра: обязательное датирование (в левом верхнем углу), обращение к адресату или его приветствие: «Добрый день, Светлана Михайловна!» (от 11.XI.1990), «Дорогая Светлана Михайловна!» (от 12.III.1993 и 09.X.1994) и др. После основного текста следовали небольшое обобщение: «Желаю всего самого доброго в семье и на работе. Н. А. Кондрашов» (от 09.X.1994), «С приветом, Н. А. Кондрашов» (от 12.III.1993), и личная подпись.

Я уже отмечала, что время тогда было сложное: пустые прилавки, талоны; путчи, танки... (этот период у меня соотносится с трилогией А. Н. Толстого «Хождение по мукам», отразившей судьбу русской интеллигенции накануне, во время и после революционных событий 1917 года). Картина печальная... Сейчас даже страшно об этом вспоминать. Но наука держалась, труды писались, а люди выходили на защиты своих научных исследований! Выживали сообща. Спасались дачей: картошка, овощи, грибы. Когда приезжала в Москву, то оставалась у своих дальних родственников на Таганке, так как за общежитие нечем было платить, да и время на дорогу в библиотеку сэкономила.

Весь 1993 год Николай Андреевич чувствовал себя неважно... Несколько раз лежал в больнице. Он не хотел, чтобы его видели таким ослабевающим... Мне он иногда разрешал навещать его. Даже находясь в больнице, он держался бодренько и давал мне ценные советы перед защитой.

В 1994 году он работал в щадящем режиме (занятий было немного, проводил

индивидуальные консультации), но науку не оставлял (читал диссертации, писал статьи)... Здоровье, к сожалению, не улучшалось.

А 1 апреля 1995 года Николая Андреевича не стало... В день юмора ушёл открытый, искренний человек, умеющий искромётно шутить, не унывающий ни при каких обстоятельствах, любящий жизнь во всех её проявлениях.

Кунарёв А. А.

*Московский государственный
областной университет*

*141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры
Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

ПРИЗНАТЕЛЬНАЯ ЧАША

... – Вопрос о включении общенной лексики в словарь обсуждался в Академии Наук долго и бурно. Известная вам Евдокия Михайловна Галкина-Федорук выступила так: «Я безоговорочно за, и не потому что сама закоренелая матерщинница. Мы не имеем права оставить за бортом этот пласт не только русской, но общеславянской лексики. Лексики древней по происхождению, но при этом исключительно живучей, продуктивной и... исключительно востребованной в нашей многонациональной стране!».

В аудитории оживление, смешки, перемигивания. После небольшой паузы Николай Андреевич продолжает:

– Тем не менее вышестоящие инстанции вердикт лингвистов оставили без внимания – мол, в светлом будущем «нехорошие» слова не потребуются, поскольку люди будут счастливы. Возможно, что и так, кто ж его знает, как изменится человек и изменится ли вообще... Вспоминается в связи с этим одно происшествие. Как-то Галкина-Федорук, проходя мимо канализационного люка, из которого вылезал слесарь, случайно наступила ему на руку. Нетрудно догадаться, как по этому поводу высказался бедолага. Выслушав этот спич, профессор МГУ дала витиеватую трёхэтажную от-

поведь. Потрясённый сантехник чуть не свалился с лестницы. (*Хохот.*) Однажды я спросил у Евдокии Михайловны, правда ли это? «Поклеп! – ответила она. – Я применила СЕМИЭТАЖНУЮ конструкцию!»¹. (*Взрыв.*) Повторю: будущее не является предметом языковедения, мы не футурологи, не прорицатели; задача лингвиста – собирать и описывать имеющиеся факты языка, не более. Но и не менее. Для нас с вами нет и не может быть нелюбимых слов, потому что мы, филологи, по определению, *любящие слово*. Этические оценки того или иного языкового материала, а тем более назидания оставим моралистам.

Коренастый, плотный, крепкий, лобастый – в нём ничего не было от расхожего образа учёного мужа не от мира сего. Скорее – русский мужик, сметливый, спорый и ухватистый, на все, как говорится, руки, гораздый и поле вспахать, и избу срубить, и сказку сказать. С ним всегда было интересно, азартно, весело и – главное – умно. Чем-то он походил на Сократа, каким его изобразил Платон: простота и добродушие сочетались в нём с твёрдостью, глубиной и каким-то обаятельным благородством.

Курс общего языкознания профессор Кондрашов не читал – он *проживал* его вместе с нами, студентами. Понять это можно, вспомнив толстовское сопостав-

ление двух всадников: один – это человек, который сел на лошадь, другой же – «человек вместе с лошадью одно, увеличенное двойною силою, существо». Вот таким *существом*, в котором личность и наука составляли нераздельное целое, был и Николай Андреевич.

Насколько я помню, он не пользовался конспектами или заметками, но каждое положение подтверждалось многочисленными и разнообразными фактами: в русском – так, а вот так – в чешском, похоже – в болгарском, иначе – в немецком и т. д. При этом он иногда облизывал губы, что делало его похожим на гурмана – точнее, хлебосола, Амфитриона, приглашающего гостей отведать то или иное слово и оценить богатство его букета, насладиться выдержкой, упругостью, игрой цвета и звука. Любовь к слову была его естественным состоянием, такую же данностью, как способность дышать, видеть и слышать, – жить.

История языковедения в его подаче представляла историей человеческой мысли (ср.: [26; 39]), поначалу робкой и наивной, но зреющей, мужающей, набирающей опыта, гибкости и трезвой отваги. Рассказывая о становлении лингвистики, Кондрашов будто любовался даже самыми ошибками, совершёнными на пути к научному представлению о главном инструменте познания – языке.

Едва ли не о каждом учёном, упоминавшемся в лекциях, он что-нибудь рассказывал: случай из жизни, привычки, странности – какие-то чёрточки, позволяющие за лоском академического портрета увидеть живое человеческое лицо. По его лекциям помню, как Сталин затаил обиду на старика Марра, забрызгавшего его слюной на какой-то конференции... Помню, как Виноградова вызвали в Кремль доложить об исторических корнях русского языка и прервали после того, как он назвал один из источников – южные говоры, не дав возможности сказать о северных... На мужскую же часть нашего курса неизгладимое впечатление произвело сообщение

¹ Евдокия Михайловна Галкина-Федорук (1898–1965) – доктор филологических наук, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, специалист по современному русскому языку – предмет шуток не одного поколения студентов и преподавателей, передававших эту историю в разных вариантах как подлинный факт. Между тем сохранились и другие воспоминания, свидетельствующие о том, что эту легенду когда-то выдумали: «О всяких связанных с ней историях и анекдотах до сих пор живы рассказы, в которых сосуществуют и правда и выдумка. Очень самобытная, она, по-моему, и подыгрывала ещё, стараясь сохранить свой неповторимый “имидж” и др. (см. подробнее: [42]). Однако многие студенты тех лет не отрицали интереса Е. М. Галкиной-Федорук к экспрессивной лексике. Так, Алексей Аджубей писал в воспоминаниях так: «Сам Рабле мог бы позавидовать сочности и яркости ее речевых оборотов, когда она читала лекции о вульгарных словах и выражениях в русском языке. “А ну-ка, заприйте двери”, – обращалась она к старосте курса...» [Там же].

об Августе Шлейхере¹, который, покидая аудиторию, превращался в обыкновенного бурша и с удовольствием принимал участие в студенческих пирушках и проказах. Этот факт мы восприняли как руководство к действию.

Дней за десять до начала «госов», в 20-х числах мая 1979 года мы сдали свой последний экзамен – по общему языкознанию. В аудитории ещё готовились к ответу несколько человек, когда мы вызвали Николая Андреевича. Он вышел.

– Николай Андреевич, у нас к вам очень важное дело.

– Слушаю.

– Мы решили возродить традицию выдающегося компаративиста.

– Какого именно? Джонса? Востокова?..

– Кондрашов чуть улыбнулся.

– Августа Шлейхера.

– Гмм... Что за традиция?

– Ну, Вы же сами рассказывали, что он выпивал со своими студентами после занятий. Приглашаем вас сегодня в «Три коня», как освободитесь.

– Подождите.

Николай Андреевич вернулся в аудиторию, заглянул в ведомость и проговорил:

– Через полчаса я к вашим услугам.

«Три коня», «Тройка» – так называлась огромная столовая, находившаяся через улицу от факультета. Своё название она получила из-за металлического панно над раздачей, изображавшего русскую тройку. Сколько поколений мопийцев прошло через это довольно невзрачное заведение общепита! Сколько помнили его стены! Сердечные излияния, клятвы, яростные споры, слёзы и смех, душевные разговоры, анекдоты и чистосердечные признания – здесь была столица студенческой республики, несменяемым и непререкаемым президентом которой являлась тётя Соня – маленькая татарка-буфетчица с пронзительно чёрными глазами. Тётя Соня знала всех своих завсегдаев – любите-

лей пива, а было их... Проще перечислить тех, кто пива не любил. Но Кондрашова мы звали не к тёте Соне, а на возносившийся над буфетом второй ярус – некое подобие ресторана, главным (и едва ли не единственным) блюдом которого был цыплёнок табака. Мы наскребли по всем сусекам рублей по пяти с носу, чтоб хватило на угощение любимого профессора. Он появился, как и обещал, через полчаса. Поначалу мы чувствовали себя скованно, разговор не очень-то клеился, но появился коньяк и, тост за тостом, постепенно развязал языки.

За что пили? За дружбу, за МОПИ, за молодость, за любовь, за науку, за «сбычу мечт», за филфак и примкнувший к нему истфак – за всё, что было и будет хорошего и доброго. Наконец я провозгласил:

– Помните, у Пушкина: «И за учителей своих заздравный кубок подымает»? Так вот, за вас, Николай Андреевич! Здоровья вам, толковых студентов, лучше нас (хоть лучше не бывает!), творчества!

Я уже поднёс к губам рюмку, но Кондрашов остановил меня:

– погоди! В «Полтаве» учителя – шведы, побеждённые враги. У нас, по-моему, случай другого рода. Лучше так:

Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим!

Так и я воздам своим учителям и наставникам – что бы я был без них! В том числе, – он лукаво прищурился, – за Августа Шлейхера, который помог нам сегодня собраться! *Gaudeamus igitur!*

... Подошел момент расчета. Мы вывалили свои рубли на блюдечко – к счастью, хватило даже на скромные чаевые. И тут Николай Андреевич протягивает рублей двадцать:

– Моя доля.

– Что Вы, не надо, это же мы Вас пригласили!

Кондрашов ничего не хотел слушать. И тогда появилось вполне естественное решение – продолжить гулянку на лужайке – так назывался небольшой газон справа от

¹ Август Шлейхер (1821–1868) – крупнейший представитель немецкой классической школы компаративистики, сторонник натуралистического подхода к анализу языковых явлений.

входа на факультет. Снаряжённые в магазин гонцы обернулись в несколько минут. Наша компания расположилась на травке, вино пошло по кругу, к нам присоединились парни и девчонки с младших курсов, потом невесть откуда появилась гитара. Чего мы тогда только не спели: и «Чёрного ворона», и «Любо, братцы, любо...», и Есенина, и «Машину времени»... Мы обнимались, целовались, танцевали, смеялись... А Николай Андреевич восседал на единственном на лужайке пенёчке, подпевал и хлопал в ладоши, улыбаясь.

В какой-то момент я осознал, что Кондрашов пропал. Посмотрев по сторонам, я заметил его фигуру, направляющуюся в сторону «Бауманской». Бросив гитару, ринулся за ним – проводить.

– Ну, что ты, я же не старик немощный! Я сегодня с вами лет на 30 помолодел. Дойду! А ты – возвращайся, пой дальше. У тебя получается.

Он пожал мне руку – крепко, честно – и, повернувшись спиной, зашагал к метро.

С той поры прошло ровно 40 лет. Мне 60 – столько, сколько было тогда Николаю Андреевичу. Иногда пою. Правда, получается всё хуже. Но когда думаю о поре юности, мысленно подымаю признательную чашу за наставников, среди которых одно из главных мест занимает Николай Андреевич Кондрашов.

Леденёва В. В.

*Московский государственный
областной университет*

*141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры
Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

ОН СМОТРЕЛ В БУДУЩЕЕ

Николай Андреевич был отличным лектором, обладал широкой эрудицией, понимал и поддерживал студентов, проявлял беспощадность к аспирантам. Он легко определял тех, кто самостоятелен, будет работать в науке. Нам читал общее языковедение, краткий курс по польскому языку и культуре, когда ещё лингвокультурологии

не было. Тревожной темой для него была Великая Отечественная. Преданных людей берёт.

Он требовал от аспирантов знакомства с современной научной литературой, её глубокого прочтения, чтобы они были в курсе той проблематики, которая интересует лингвистику сегодня. И каждая новинка (переводные издания) обсуждалась в аудитории, независимо от того, какой проблематикой занимался аспирант.

Николай Андреевич посвятил много статей анализу научной деятельности языковедов прошлого и современников¹ (см.: подробнее: [Архив МГОУ; 26]), издал учебник по истории лингвистических учений [13], хотя были оппоненты, коллеги, кто не считал эту область подлинно научной сферой разысканий. Но жизнь показала, что их точка зрения не справедлива: материал о научных школах и методах, достижениях учёных вызывает большой интерес. Как бы высоко оценили его современные журналы из списка «Скопус»! Можно сказать, что описывая прошлое, он смотрел в будущее науки. Очень важно сохранять сведения о тех, кто были первыми и формировали область науки! Это славные имена!

Очень важным оружием Николая Андреевича был юмор, острое и меткое слово. Но оно никогда не было направлено на студентов, которые ощущали профессора Н. А. Кондрашова как глыбу знаний.

Тепло вспоминается 75-летие Николая Андреевича, которому преподнесли разные подарки, даже, наверное, не вполне пригодные для публичного вручения, но он мягко и благодарно принял все эти знаки внимания и памяти. Этот юбилей был последним, на проведение которого он согласился, видимо, потому, что знал о своих заболеваниях. Николай Андреевич, ироничный к славе, принял это чествование: знал, что это нужно ученикам, молодым коллегам, искренним друзьям.

¹ Также см.: Архив Московского государственного областного университета.

Марченкова Л. А.

*Московский государственный
областной университет*

*141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры
Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

ЧЕЛОВЕК С ДОСТОИНСТВОМ

После окончания МОПИ им. Н. К. Крупской я работала старшим библиотекарем в научном зале № 3 Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. В 1974 г. на выдаче книг меня увидела Л. П. Рупосова и, узнав свою бывшую студентку, пригласила в мой родной институт работать на кафедре русского языка, которой в то время заведовал профессор Н. А. Кондрашов. Встретил он меня хорошо – ему как раз нужна была лаборантка.

– Я тебе что поставил по общему языкознанию? – спросил он меня.

– «Отлично!»! – бодро отрапортовала недавняя выпускница.

– Вот и работай так же, – пожелал он.

Л. П. Рупосова всегда «охраняла» Кондрашова и находилась «при нём». Я старалась, тем более Лидия Петровна мне часто помогала советами, чтобы не подвести Николая Андреевича, который был и её учителем (до МОПИ он преподавал в МГУ, а Л. П. Рупосова училась там у него).

Когда у нас он читал курс общего языкознания [11; 12], мы сразу поняли, что профессор Кондрашов – талантливый учёный, вдохновенный лектор, и слушали его лекции, затаив дыхание. Он любил рассказывать на занятиях о вкладе в науку о языке академика В. В. Виноградова и других лингвистов. Мы чувствовали, что перед нами, как говорится, птица высокого полёта, ведь его учителями были легендарные слависты Д. Н. Ушаков, А. М. Селищев.

Помню Николая Андреевича строгим, дисциплинированным и требовательным как к себе, так и к другим. Он не любил опозданий на работу и сам никогда не задерживался.

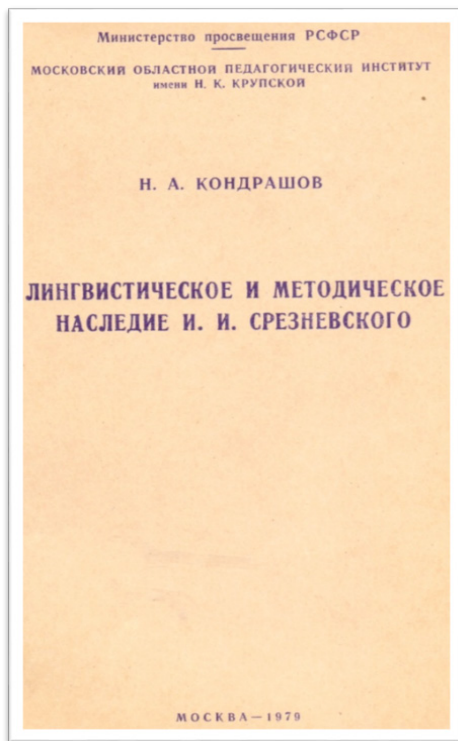
Я выполняла все его поручения: печатала отчёты о разнообразной работе кафедры, которые он писал, привозила сборники со

статьями из типографии в Монино и др. Если нужно было что-то срочно предоставить в учебную часть или научный отдел, заведующий кафедрой приезжал и в неприёмный день, даже если ему нездоровилось, писал, что требовали, а я перепечатывала.

Николай Андреевич заботливо относился к нам, молодым. Мне он сразу дал работу на заочном отделении (практикум по русскому языку), чтобы я набиралась педагогического опыта (так у меня начался вузовский педстаж), а также прикрепил к кафедре для сдачи кандидатского минимума.

Мне повезло, что Н. А. Кондрашов взял меня в очную аспирантуру и дал очень интересную тему по изучению истории географической терминологии в русском языке XVII–XIX вв. [23].

К аспирантам он относился приветливо, приносил из дома книги, советовал, что изучить, прививал навыки критического и логического мышления. Так я впервые ознакомилась с трудами В. Н. Татищева,

Обложка книги Н. А. Кондрашова «Лингвистическое и методическое наследие И. И. Срезневского» (Москва, 1979)

одного из любимых лингвистов Николая Андреевича, а потом и И. И. Срезневского, которого мой научный руководитель очень почитал (см. подробнее: [26]). Для работы над кандидатской диссертацией я, по совету научного руководителя, должна была знакомиться и с архивными материалами, в частности, изучала атласы различных губерний России в ЦГВИА (ныне Российский государственный военно-исторический архив. – *Прим. ред.*). А когда наступило время защиты, в 1987 году, Николай Андреевич подыскал мне хороших оппонентов. Помню, что ездила в Институт русского языка к одному из них – доктору филологических наук Г. А. Богатовой. Там впервые увидела О. Н. Трубочёва, с которым Н. А. Кондрашов поддерживал дружеские отношения.

Энциклопедические знания Николая Андреевича обогащали не только окружавших его, но сказывались и на его речи: он часто использовал русскую фразеологию, сравнения, метафоры, был находчив, учил и нас, молодёжь, за словом в карман не лезть, употреблять не иностранные слова, а равноценные им русские, говорил, что наш язык – богатый, выразительный.

Н. А. Кондрашов многое повидал на своём веку, знал цену каждому человеку, мог предупредить, как и с кем нужно общаться, ценил искренность в людях и прямоту. Он был талантливым учёным, педагогом, лектором, руководителем, хорошим семьянином. Ему хотелось подражать, у него хотелось учиться. Он был человек с достоинством!

Молчанова О. В.

*ГБОУ города Москвы «Школа № 1564 имени Героя Советского Союза А. П. Белобородова»
125222, г. Москва, ул. Рословка, д. 8,
Российская Федерация*

ОБРАЗЕЦ ТРУДОЛЮБИЯ

Далеко позади счастливое время студенчества. За плечами 41 год учительства. Мы окончили МОПИ в 1978-м. Время летит

– иногда хочется заглянуть в прошлое... Когда же вспоминаешь своих учителей – вузовских преподавателей, то понимаешь, что во многом именно благодаря им мы и состоялись в своей профессии.

Николай Андреевич – один из этих Учителей. Всем своим обликом скромного, интеллигентного человека, преданного делу учёного он вызывал уважение и, как я сейчас понимаю, был образцом необыкновенного трудолюбия и Служения избранному делу...

Мурашов А. А.

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы
230023, г. Гродно, ул. Ожешко, д. 22,
Республика Беларусь*

ЧЕЛОВЕК ИСПОЛИНСКОЙ ДУШИ

1983-й. Борьба за дисциплину. Время героических апофеозов и незыблемых пьедесталов. Время, когда любое отступление от установленных норм считалось чем-то вроде несмываемого греха. Николай Андреевич читает лекцию по общему языкознанию. Как-то получилось, что одним из слов, приведённых в качестве примера, оказалась «армия». «Что делает армия? – философски задался вопросом Николай Андреевич. – В мирное время – ест. А что ей ещё делать? Тем более у нас была борьба за мир... Ещё не то, что сейчас, не война за мир...». Все сидели, затаив дыхание. Нет, он не был пацифистом. Он был честным человеком. И все знали: при своей резкости, бескомпромиссности, иногда даже вздорности – Кондрашов всегда был и будет воплощением честности.

А его рассказы про лингвистов!.. О том, что «эсперантисты зашевелились», или о Виноградове, которого ночью увезли в Кремль, где спросили.., как произошёл русский язык (готовилась статья Сталина о марксизме и вопросах языкознания)!

До сих пор, читая лингвистические курсы, вспоминаю истории, в своё время рассказанные Кондрашовым: студенты

нынешнего поколения, готовые забыть на культуру речи и нетерпеливо ожидающие, когда им дадут наконец наобщаться с мобильниками, вдруг оживают – и как завороненные слушают монолог, украшенный кондрашовскими перлами.

Ещё на первом курсе, в 1980 г., К. А. Войлова, одна из учениц Николая Андреевича, как-то чересчур быстро осознавшая, что я за свои десять школьных лет так и не научился делать орфографические ошибки, тоном заговорщика предложила: «Хотите, я познакомлю вас с человеком-легендой?». Так я узнал Николая Андреевича. И стал писать про перформативы – под его руководством. Правда, с самонадеянностью недавнего школяра я нарёк их «глаголами речевого действия». А когда изменил лингвистике – принялся писать о категории «невыразимого» под руководством несравненной Веры Николаевны Аношкиной¹, – Кондрашов мне этого не простил. То пустит шпильку про «слугу двух господ», что забавляло весь наш курс, то с колокольни стопроцентного лингвиста примется клеймить досужих эстетов, строящих всё на вкусовых понятиях и эмоциональных всплесках. При этом старался не смотреть на меня, но было понятно – его обида беспредельна. Даже введённое им в ту пору словечко «аношкинология» – её продолжение. Рискую показаться самоуверенным, но так было.

Николай Андреевич рассказывал о книгах, которые хранились у него на даче. «Где-где?» – спросил я, пытаюсь одолеть улыбку. Он, заметив, что пытаюсь её одолеть, объявил: «Белые Столбы – не то, что Вы подумали. Это место, где находится Госфильмофонд. А то, что заставило вас хихикнуть, – это Столбовая, далеко оттуда». После МОПИ я распределился по Павелецкому направлению. Каждый раз, когда мы с женой В. Н. Макаровой, ехали мимо Белых Столбов, то я вспоминал: здесь дача Кондрашова. У неё Белые Столбы ас-

социировались с аварией, которая там произошла в конце шестидесятых (Валерия Николаевна, ещё маленьким ребёнком, её видела), у меня – с теми книжками, о которых вдохновенно рассказывал мэтр. И, не начни я анализировать «невыразимое» в юношеской лирике Лермонтова, – читал бы то, что хранилось у Кондрашова на даче.

Это вообще был человек исполненной души, гигантской эрудиции и невероятной смелости. Но не терпел предательства – даже в малом. Короче, мой уход из лингвистики мне так и не спустил.

Похоже, наши студенты во многом копировали этого потрясающего человека. Вспоминаю Олега Никитина², тогда ещё юного преподавателя. Мы что-то развешивали на кафедре, я заметил: «Дураков здесь нет». «Так уж и нет? – было видно, как старательно Олег Викторович пытается не переиграть. – А Вы подойдите и посмотрите в зеркало». Может, мальчишеское фрондерство. А может, та самая попытка копировать? Ведь Кондрашов мог отчитать «не в бровь, а в глаз», и это пугало и одновременно притягивало к нему, это подвигало студентов на то, чтобы подражать наставнику.

Начал я, второкурсник, работу про *usus loquendi* и *usus scribendi* в опубликованной тогда большим тиражом грамматике Барсова. «Барсов? – сощурился Кондрашов. – А почему бы и нет?». Но, когда я с тогдашней комсомольской прямолинейностью объявил, что хочу отыскать безусловное предпочтение традиций устной речи в концепции Барсова, – Кондрашов пришёл не в ярость, а скорее в состояние, о котором тогда говорили: «Абзац полный». Какая же это наука, если результат заранее известен? Как можно искать, когда уже нашёл – и не там, где ищешь?

Кондрашов – учёный. Большой. Честный. Объективный. Этой научной честности он учил студентов. И аспирантов... Они говорили о Николае Андреевиче почтительным шёпотом, как рассказывают о невероятном

¹ Вера Николаевна Аношкина – доктор филологических наук, профессор, в те годы заведующий кафедрой русской литературы, специалист по творчеству поэтов Пушкинского времени.

² Олег Викторович Никитин – выпускник МОПИ-МПУ, а затем преподаватель МГОУ – доктор филологических наук, профессор, начинавший свой путь как историк языка [24; 25].

экспонате, увиденном в музее. Или о потрясающем учителе – боясь слишком громкого упоминания «всуе» – вроде панибратского «С Пушкиным на дружеской ноге».

Осипова Е. П.

*Рязанский государственный университет
имени С. А. Есенина
390000, Рязанская область, г. Рязань, ул. Свободы,
д. 46, Российская Федерация*

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ЛИЧНОСТИ

Не могу сказать, что знала Николая Андреевича Кондрашова очень хорошо. Лишь две-три встречи да несколько телефонных разговоров. Вот и, в общем-то, всё.

Планируя писать диссертацию по диалектологии, приехала прикрепляться соискателем именно к нему, а не к диалектологу А. Ф. Войтенко¹. Это был шаг абсолютно сознательный, поскольку была наслышана о её сложном характере. Н. А. Кондрашов назначил мне явиться на кафедру и привезти статью. К тому времени у меня уже вышла работа в сборнике Института лингвистических исследований РАН, посвящённом проблемам лингвистической географии [29]. Так я и приехала к нему. Николай Андреевич пригласил меня сесть, и тут вошла Л. П. Рупосова. Между ними состоялся интересный разговор, из которого мне стал ясен дружеский, неформальный характер отношений между этими людьми. Примечательно, что обращались они друг к другу по фамилии: да-да, именно так – Рупосова и Кондрашов.

Дальше мы беседовали, Николай Андреевич очень внимательно смотрел и слушал. Было видно, что новый человек вызывал в нём живой интерес. Рукопись моей статьи он пробежал глазами, попросил оставить и назначил следующую встречу. Вышла я с ощущением, что прикоснулась к личности очень значительной и неординар-

ной, что людей он, видимо, оценивает не по внешнему впечатлению, а по работе и её результатам. Однако было и некоторое замечание: он не сделал мне ни одного замечания. Может, просто присматривается?

Следующая встреча открыла мне Николая Андреевича с иной стороны. Когда я вошла на кафедру, он тут же указал мне на стул. Рядом с ним сидела аспирантка, очевидно, недостаточно хорошо выполнившая план работы. Профессор Кондрашов с суровостью и даже жесткостью, как только он умел, учинил ей подлинный разнос. При этом Николай Андреевич, не постеснявшись меня, употребил крепкое словцо, которым обычно обозначают студенток и аспиранток, бог знает что устраивающих в общежитии. Я от ужаса вжалась в угол. Бурная тирада закончилась фразой: «Вот посмотрите, как сделала Елена Петровна, и сделайте так же». Он указал на мою статью, потом развернулся ко мне, его лицо немного расслабилось, и произнёс: «А у Вас все в порядке. Будем работать». Я шла обратно к метро и думала, почему он назвал меня по имени-отчеству? Какая я ему Елена Петровна? Что хотел этим подчеркнуть?..

А вот поработать нам так и не довелось: соискателем к нему я прикрепилась, но Николая Андреевича вскоре не стало. Позже меня всё-таки передали А. Ф. Войтенко. Она раздражалась, что Кондрашов «переманил» к себе человека, который должен был прикрепляться к ней. А у меня ни тогда, ни позже духу не хватило признаться, что никто меня не переманивал, что я хотела именно его в качестве научного руководителя.

Рупосова Л. П.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры
Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

ОН НИКОГДА НЕ ПРЕДАСТ

У Николая Андреевича при всём его крестьянском происхождении был особенный дар к слову. Он обладал тонким

¹ Анастасия Филимоновна Войтенко (1929–2007) – доктор филологических наук, профессор МГОУ, специалист по русской диалектологии и лексикографии. В те годы – доцент кафедры истории русского языка и общего языкознания.

языковым чутьём и великолепной памятью.

Если внимательно читать его работы, то можно увидеть и другую черту этого учёного: глубокое видение проблемы. Он не просто читал, а прозревал «мелочи» и всегда отстаивал свою позицию. Это хорошо заметно в его кандидатской диссертации [9], в которой Николай Андреевич доказывал позицию самостоятельности словацкого языка. Он видел, что чешский и словацкий – разные. Кстати, упомяну ещё один уникальный факт: его работы по словакистике отметил знаменитый датский лингвист Л. Ельмслев¹. Кроме того, Н. А. Кондрашов переводил и редактировал словацкую художественную литературу – он хотел пропагандировать этот язык.

Помню в связи с этим один забавный эпизод, который рассказывал Николай Андреевич: на кафедру славянских языков МГУ пришло письмо... от моряка из Мурманска. Он обиделся на выражение «тощая, как треска», которое прочитал в книге «Словацкие повести и рассказы» [36]. А *треска* (по-словацки *treska*) имела в этом языке совсем другое значение: «щепка». Вот такие случаи были...

Третья черта Николая Андреевича заключается в том, что он был невероятно начитанным филологом. Мы только поступили на первый курс отделения славистики МГУ. Он преподавал нам введение в славянскую филологию и заставлял много читать и собирать свою библиотеку. Н. А. Кондрашов говорил нам: «Год прочитались – пора читать на других языках». Николай Андреевич очень почитал классиков: А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, О. М. Бодянского, И. И. Срезневского и других (см. подробнее: [26]).

У нас интересно проходили диалектологические экспедиции. В 1962 г. мы ездили с Николаем Андреевичем в Закарпатье. Всего было нас восемь студентов-словакистов и четверо сербов. Принимал нас Ужгородский университет.

¹ Луи Ельмслев (1899–1965) – датский лингвист, автор оригинальной структуралистской теории языка – глоссемантики.

А жили мы в деревне недалеко от границы: Н. А. Кондрашов с мальчиками в одном доме, а мы – в другом. Помню, записывали речь местных жителей, речку Мукачево... Очень красивые места! В какой-то из дней он поехал с ребятами на разведку к границе со Словакией в деревню, а потом нас туда повёз и сказал: «Не говорите, что едем на границу». Мы шли прямо вдоль разделительной полосы. Потом вернулись обратно в деревню. А на следующий день приехал пограничник на лошади. Говорит:

– Покажите Ваши каблук!

Они искали какого-то преступника... У нас всё обошлось.

Четвёртая черта – требовательность. Перед каждым экзаменом он давал нам огромный список литературы на многих языках. Мы самостоятельно готовились. А он спрашивал, хотя билеты тоже были.

Пятая черта – честность и, как бы мы сейчас сказали, креативность мышления. Он предлагал своим ученикам очень интересные и неизбитые темы исследований (ср.: [1; 20; 33; 37] и др.). Никогда не стоял на месте. Николай Андреевич считал, что славист должен знать языки, и вёл в МОПИ занятия по польскому и чешскому.

Конечно, отмечу его потрясающий юмор. Он мог молодым девкам сказать: «Выпейте по-старушечьи» – в этом весь Кондрашов! Он был кусачий – прямо говорил о человеке.

На факультете поддерживал отношения с В. Н. Богословским и В. С. Совалиным.

Ещё одна редкая черта Николая Андреевича как человека и учёного такова: он был очень надёжным во всём. Если у меня случалось какое-то несчастье или надо с кем-то посоветоваться, ему всегда можно было довериться. Он никогда не предаст.

Третьякова В. С.

*Российский государственный профессионально-педагогический университет
620012, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей,
д. 11, Российская Федерация*

ЖИВОТВОРЯЩИЙ СПУТНИК

Об этом человеке, с которым судьба подарила мне счастье работать, надо бы писать роман, а не короткие воспоминания. Но вначале невольно испытываешь чувство растерянности: с чего начать рассказ об этом удивительном человеке? Воспоминания налетают, наплывают, кружатся в вальсе прожитого времени. И разлетаются не в силах сохранить целое, главное. Слишком безграничная личность Николая Андреевича Кондрашова.

Это был конец 1980-х. Мне повезло. Судьбе было угодно нас соединить, хотя препятствия для того были. Я уже не раз приезжала в Москву, встречалась с Николаем Андреевичем, консультировалась у него по теме кандидатской диссертации, а при поступлении в аспирантуру меня определили к другому руководителю и вместо очного на заочное обучение. Меня это совершенно не устраивало. И вот тут на помощь пришла семья Войловых: Клавдия Анатольевна и Владимир Иванович. Удивительно, как порой бывают тесно переплетены события, люди, встречи... К. А. Войлова – тоже аспирантка Николая Андреевича. А до этого работала в Свердловском педагогическом институте в то самое время, когда я там училась. Молодой преподаватель, она вела в моей группе старославянский язык и диалектологию, и главное – была куратором нашей группы. После окончания института мне предложили остаться на кафедре, и Клавдия Анатольевна продолжала меня курировать, даже тогда, когда она уехала с мужем в Москву. Именно они хлопотали в Министерстве о дополнительном месте для меня в очную аспирантуру. И вот я стала аспиранткой московского вуза. Началось моё научное становление и взросление.

Тема моего научного исследования была связана с ономастией [37]. Требовался сопоставительный материал различных славянских и неславянских языков. Сама я языки не очень-то знала. А Николай Андреевич, как известно, владел более чем двадцатью языками: французским, немецким, чешским, польским, болгарским, сербским, словенским, македонским и многими другими. И вот на одну из консультаций он приносит мне несколько десятков страниц, исписанных его красивым убористым почерком. Это были звукоподражательные корни из разных языков. «Сравнивай!» – сказал он мне. Радости моей не было предела. Оказывается, он пошёл в Ленинку, просидел там два дня и сделал заготовки для моей дальнейшей работы. Ну что тут скажешь? Какой ещё руководитель на такое способен?

Николай Андреевич реально помогал своим аспирантам. Так, когда я поняла, что без статьи С. Карцевского [40] не смогу разрешить одну проблему, он сделал её перевод с французского. Образованнейший человек, интеллигент, пропагандист Пражского лингвистического кружка, он был знаком со многими великими лингвистами. Несмотря на то что эта школа к тому времени распалась, он стремился донести до нас, молодых, идеи пражцев, их правильное понимание функционирования языка. О какой бы лингвистической проблеме мы ни рассуждали, он всегда мог процитировать кого-нибудь из них:

– Почитай Гавранек¹, у него на этот счёт есть свои доводы.

Или так:

– А Трубецкой² считает...

А часто с иронией:

– Ты с ума сошла: Скаличка³ она не читала!

¹ Богуслав Гавранек (1893–1978) – чешский славист, один из основателей Пражского лингвистического кружка, специалист по палеославистике и богемистике.

² Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938) – русский лингвист, историк, философ-евразиец, публицист, теоретик структурализма, один из идейных лидеров Пражского лингвистического кружка.

³ Владимир Скаличка (1909–1991) – чешский линг-

Достаёт с полки сборник статей Пражского лингвистического кружка [31], составителем и редактором которого является он сам:

– Почитай. А вот с Карпухиным¹ поспорь.

И т. д., и т. п.

Его лингвистическому вкусу и оценкам я доверяла абсолютно. Помню, как он меня в беседе вдруг неожиданно спросил:

– А кто первый употребил термин «ономатопея»?

Я растерялась и тихо (стыдно же!) ответила:

– Не знаю.

– Так узнай! – приказал он, глядя куда-то в сторону (явно сердился).

И я нашла, долго сидела в Ленинке, но докопалась и посвятила результату этого поиска параграф в диссертации. Как мне удалось выяснить тогда, изобретателем ономатопеического принципа в языке является Платон, который, как известно, был сторонником теории естественного происхождения языка. Он писал: «Имя есть выполнение, осуществление идеи названия в звуке» (см.: [30, с. 471]), и считал, что первые человеческие слова есть не что иное, как подражание голосом называемой вещи). Николай Андреевич меня похвалил, сказал, что до меня этого никто не делал. Н. А. Кондрашов предлагал мне быть смелее в своих изысканиях и поспорить даже с самим академиком Фортунатовым².

вист, участник Пражского лингвистического кружка, занимался проблемами теории языка и лингвистической типологии.

¹ Сергей Александрович Карпухин – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва. Имеется в виду его кандидатская диссертация о звукоподражательных словах в русском языке» [6].

² Филипп Фёдорович Фортунатов (1848–1914) – выдающийся русский лингвист-компаративист, основоположник Московской лингвистической школы. Имеется в виду его мысль о том, что «слова звукоподражательные (и притом именно действительно звукоподражательные по происхождению, а не те, которые могут казаться нам такими) составляют лишь незначительное меньшинство в языке и не играют в нем видной роли» [38, с. 247].

При том что Николай Андреевич был замечательный учёный, прекрасный руководитель, человек широчайшего кругозора, он был ещё знаток человеческих душ, Человек с большой буквы. Зная, что у меня в Екатеринбурге (тогда Свердловске) остался маленький сын, он никогда не препятствовал моим поездкам в родной город. Говорил только:

– Материал наработала – езжай. Оставь почитать, что написала.

Но совершенно поразил меня один случай. Мы ехали с ним из корпуса на Бауманской в главное здание на улицу Радио на трамвае. В вагон зашёл нищий и пошёл просить милостыню у пассажиров. Вид у него был неприглядный. Когда он подошёл к нам, Николай Андреевич достал из кармана железный рубль и подал просящему. Тот поблагодарил и пошёл дальше. А я, удивлённая такой щедростью (булка хлеба тогда стоила 18 копеек), с интересом и некоторым осуждением спросила:

– Зачем Вы дали ему деньги, ведь он их пропьёт?

На что Николай Андреевич сказал:

– Если жизнь заставила человека просить милостыню, значит нелёгкая она у него. Пусть хоть выпьет. Я всегда ношу с собой железные рубли, чтобы подать такому, как он.

Его ответ заставил меня пересмотреть своё отношение к людям.

А его мудрые житейские советы! Я всегда с доверием к ним относилась и по возможности следовала им. А его всегда точные оценки людей и событий!

И вот столетний юбилей. Его нет с нами, но как чистый родник в недрах земли, который вечно творит свою песню, так под спудом лет живёт в душе моей благодарное чувство, зародившееся в те далёкие 80-е годы.

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
А с благодарностью: были.

В. А. Жуковский

Халикова Н. В.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры
Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

НАШ «ДЕД ЗУБАТЫЙ» – НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ КОНДРАШОВ

В 1986–1991 гг., обучаясь на литфаке МОПИ, мы страшно гордились тем, что ходим по одним коридорам с теми известными учёными, имена которых называли нам в аудиториях и чьи статьи печатали в любимых тогда нами журналах «Русский язык в школе» и «Филологические науки», и книги которых стояли за стеклом наших книжных полок.

Встречу с Николаем Андреевичем Кондрашовым на 5 курсе мы ждали с трепетом, только изредка видели мы его, неторопливо идущего на учёный или диссертационный совет по коридору четвёртого этажа. Никогда он не был предметом досужих разговоров наших преподавателей или студентов. Он относился к профессорам-небожителям, до которых ещё надо было дорасти, или, как говорила Майя Фёдоровна Тузова, тройку у которых ещё «надо было заслужить». Рассказывали, что он строгий, за словом в карман не полезет, может и прикрикнуть, если что не так. С другой стороны, он – известный учёный, мы уже держали у себя дома книги под его редакцией, учились по ним, сдавали экзамены. Только-только вышла его «Историческая грамматика русского языка» [15], в факультетской библиотеке лежала на полках «История лингвистических учений» [13], на первом курсе нам рекомендовали «Сборник упражнений по введению в языкознание» [18] (правда, А. Ф. Дружинина гораздо чаще давала свои материалы, чем эти упражнения).

Но самое первое впечатление от имени «Н. А. Кондрашов» у меня связано с тем днём, когда в десятом классе, определившись наконец с выбором профессии, я отправилась в магазины «Педагогическая книга» в Камергерском переулке и «Букинист» в Столешниковом за литера-

турой к поступлению. Выбор учебников для абитуриентов-филологов был ошеломителен: десятки пособий и справочников, отдельно по каждому разделу языка и литературы, сопоставительных и сводных, солидных монографий и словарей. Я растерялась: тут не за год, а и за пять лет не перечитать. Что делать? Прежде всего внимание стали привлекать небольшие по объёму книжки, охватывающие всю школьную программу, с простым, убедительным стилем изложения. Помнится, я провела тогда в магазинах едва ли не весь день, мучая терпеливых продавцов, стопками приносивших мне книги с полок. В результате «улов» оказался прост, но именно эти книги надолго отпечатались в памяти. Это были «Стилистика современного русского языка» под ред. А. Н. Гвоздева [2], неизменный спутник учащихся всех времён «Справочник по пунктуации» Д. Э. Розенталя [32], ещё какие-то вузовские учебники и среди них – «Основные вопросы русского языка» [14] Николая Андреевича Кондрашова. Последнее пособие в мягкой обложке содержало все основные аспекты программы, при этом нисколько не раздражало своей краткостью. Наоборот, лаконизм каждого тезиса позволял выстроить по кирпичику ясное цельное представление об устройстве всего языка как единой системы в своём историческом развитии. Кроме того, чёткость изложения вселяла уверенность в своих силах. Эта книгу я в шутку долгое время называла для себя «сундучишком», который, по Ершову, «мал хоть на вид», но зато в нём был ответ практически на любые вопросы по языкознанию, возникшие у тогдашнего ученика. Правда, сказать честно, школьники редко обращают внимание на фамилии авторов своих учебников, поэтому имя Николая Андреевича стало ассоциироваться у меня с большим языкознанием только в вузе, уже на старших курсах.

Поэтому я и не догадывалась, что автор привычного пособия имеет какое-то отношение к МОПИ, когда в июле 1986 г. пришла сдавать экзамены на улицу Радио. Экзамен по русскому языку и

литературе проходил в нынешней 23-й аудитории на физмате, принимали его Евгений Николаевич Колокольцев и Нина Григорьевна Гольцова. Говорила я очень уверенно, но по поводу какого-то суффикса существительного Нина Григорьевна, глядевшая на меня как-то слегка иронично, вдруг спросила:

– И откуда же, скажите на милость, Вы знаете, что этот суффикс употребляется в болгарском и чешском языке с другим значением? Вы изучали эти языки?

– Нет, это я у Кондрашова прочитала, в «Основных вопросах...» [14]. Есть такая книга для учителей русского языка, – от всей души просветила я будущего проректора.

Она рассмеялась, дальше она не спрашивала, а сразу вышла куда-то. И я перешла к ответу по литературе. Билет был по Некрасову, я его самого знала слабо, зато бойко пересказала главу из очередной «книги для учителя». Е. Н. Колокольцев вздохнул и спросил, где же я это прочитала... Позже оказалось, что именно эту главу (или книгу) о поэме Некрасова написал его отец, литературовед Н. В. Колокольцев. Но и это, конечно, выяснилось не в тот день, а гораздо, гораздо позже. Вот так неисповедимы пути наших встреч...

С Николаем Андреевичем все старались здороваться весьма почтительно: и солидные преподаватели, и легкомысленные девичьи стайки студенток, на которых он совершенно не обращал никакого внимания, сурово сдвинув брови и губы, иногда и бесцеремонно отодвигая рукой зазевавшуюся деваху, когда шёл по лестнице или по коридору.

Помню, как его остановила около 33-й аудитории Анна Фёдоровна Дружинина. Мне, студентке, показался забавным их неторопливый, чинный диалог, с соблюдением политеса, с поклонами и приветствиями:

– Как поживаете, Николай Андреевич?

– Благодарю, Анна Фёдоровна! Я читаю сегодня третью пару, пусть Ваша знакомая приходит ко мне в 34-ю аудиторию.

– Я тоже читаю две пары сегодня. Обсудим, обсудим. Сердечно благодарю Вас, Николай Андреевич!

Молодые преподаватели наши уже так не общались: и темп речи был другой, и говорили «у меня две пары», «у нас четвертая пара», как и мы, студенты. А в этих солидных формулировках «я читаю» и «сердечно благодарю» было что-то от архаической научной классики другого поколения, иной ответственности за своё дело, иных чувств.

Внешне Н. А. был всегда очень строг и суров. Так, например, он всегда делал замечания тем, кто стоял у дверей кафедры, ожидая преподавателей, чтобы сдать «хвосты» или получить консультацию по курсовой работе у своего научного руководителя. Как и профессор Владимир Николаевич Богословский, он резко говорил:

– Марш в аудиторию! Там ваши преподаватели!

Увидев студента или студентку, небрежно загородившую проход в наш «предбанник» у трёх кафедр, мог и рявкнуть:

– Марш отсюда, дура! (На что, конечно, нежные девушки время от времени сильно обижались, но зато научались раз и навсегда уступать дорогу старшим профессорам и не мешать работать кафедрам).

Н. А. пришёл к нам читать общее языкознание в 1991-ом году. От студентов предшествующих курсов мы узнали, что «дед» хоть и строг внешне, но весь в своей науке, экзамены принимает обычно кто-то из его аспирантов, можно отчитаться рефератом и конспектами, главное, с ним не поссориться. Из семидесяти студентов нашего курса треть уже работала в школе и еле успевали на практические занятия, ещё треть считали себя «литераторами», которым «русский язык особо не нужен», а другие уже знали, что красный диплом им и не светит, а значит, можно и не напрягаться. Таким образом, на лекции Н. А. ходили очень немногие, не больше десяти человек.

Возможно, как и один из его любимых учёных И. А. Бодуэн де Куртенэ, он считал экзамены «бесцельной, бессмысленной отупляющей и вообще вредной работой» [8, с. 106], ведь у него было столько планов публикаций, аспирантских рукописей, его

стол на кафедре всегда был завален бумагами, а здоровье уже не позволяло тратить время впустую. Зато в аудитории он щедро, с лихвой делился в аудитории своими воспоминаниями об уходящей великой эпохе. Да и сам Н. А. часто говорил:

– Это вы в учебнике [11; 12] прочитаете, я там всё написал, – и переходил к воспоминаниям о съездах славистов, увлекался характеристикой какого-нибудь профессора Травничека или Гавранека.

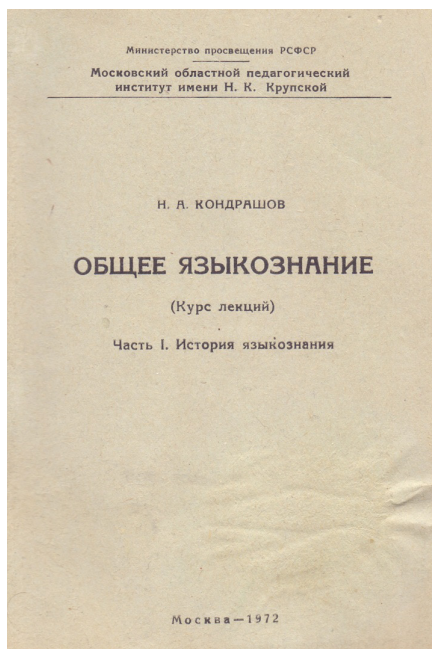
Занятия проходили, в основном, в нынешней 408-й (тогда ещё без компьютеров, разумеется) или в 405-й аудиториях. Николай Андреевич уже тяжело ходил, обычно он всю пару сидел за столом, но иногда поднимался, чтобы написать на доске фамилию какого-нибудь зарубежника, чешского или немецкого учёного, позволяя нам посмеяться над «весёлыми» фамилиями и даже отчасти подзадоривал к этому.

Вот тут-то мы и получили возможность хорошо его рассмотреть и поближе познакомиться. Невысокого роста, крепкий, коренастый сильный человек, всегда в хорошо вычищенном костюме, с волевым

лицом, с седыми бровями и упрямо сжатыми губами, пронизательным взглядом. Он неторопливо говорил, рассказывая об истории лингвистики так, точно это была его родина, учёные – его личными знакомыми и родственниками, о которых он и не собирался ничего от нас утаивать. Он любил пошутить и довести своими историями студентов до гомерического хохота под столом, сам при этом улыбаясь только глазами. Не раз мы слышали от него анекдоты из жизни чешских учёных, особенно почему-то доставалось профессору Зубатому¹, о семейной и научной жизни которого Н. А. хорошо знал. Периодически мы в узком кругу стали звать Н. А. «дед Зубатый» за его склонность к весёлым шуткам при комментировании основных законов языка.

Языкознание древних времён мы почему-то проскочили быстро. Н. А. дал необходимую литературу и темы рефератов и больше к древностям не возвращался. Спокойно рассказал и о русских классиках, наиболее подробно и уважительно – об И. А. Бодуэне де Куртенэ, Ф. Ф. Фортунатове, Н. С. Трубецком. Его истинной страстью был советский период науки и Пражская лингвистическая школа (см.: [31]). Именно эти две темы и остались у меня в памяти как самые важные. О чём бы он ни говорил, он возвращался к периоду, предшествовавшему лингвистической дискуссии в СССР и времени после неё, и современной полемике вокруг структуральной лингвистики.

К моему глубочайшему сожалению, я уже не могу вспомнить, что и как именно комментировал Н. А. Он подробно и долго рассказывал о Марре и марризме, но без особых эмоций, о профессорах Чемоданове, Мещанинове. За житейскими коллизиями просвечивал трагизм ситуации. Запомнился его весёлый рассказ

Обложка книги Н. А. Кондрашова «Общее языкознание (курс лекций). Часть I. История языкознания» (Москва, 1972)

¹ Йозеф Зубатый (1855–1931) – чешский индолог и славист, президент Чешской академии наук, литературы и искусства, стоял у основания Пражской лингвистической школы. В области богемистики подробно занимался исторической грамматикой и этимологией.

о перепуганном профессоре Чикобаве, который, срочно вызванный телеграммой из дома, в контролируемом госбезопасностью номере московской гостиницы разрабатывал, сам не зная для чего, записку о русском языке, которая стала основой исторического выступления 1950-го года. Кондрашов рассказывал обо всём так легко и непринуждённо, упоминая о стольких комических коллизиях, что до меня тогда так и не дошло, что на молодость и зрелость наших стариков выпал один из самых тяжёлых периодов – годы войны, разгрома научных школ, политических репрессий.

Кондрашов говорил только о фактах, давая нам возможность самим делать выводы, но мы были слишком легкомысленны и юны, мы действительно не понимали, как история ПЛК и биография конкретного Р. О. Якобсона, и ввод в 1968 г. наших войск в Прагу могли быть взаимосвязаны. Мы не понимали, что испытывали чешские последователи структурализма в послевоенные годы, что делалось с наукой после смерти В. В. Виноградова. Об этом Кондрашов не рассказывал прямо никогда, но множество его историй, начинавшихся с ... «вот был такой анекдотический случай в 19...-ом году», сейчас стали бы бесценными свидетельствами летописца славы (ср.: [16; 17]).

В нём чувствовался характер бойца, сарказм умного человека, свою душевную боль он умело скрывал, и его рассказы об этом периоде никогда не были скучны. В такие минуты лицо Н. А. было совершенно другим: воодушевлённый, весёлый, он буквально молодел, становился по-мальчишески задорным. Его язвительность, страстность, подлинная уважительность к классикам искренне восхищала.

Он не диктовал лекции – «для ответа на госэкзамене» (как это сейчас, к сожалению, часто бывает), а учил оценке факта, человеческого поступка – со всей серьёзностью. Он называл десятки разных имён, книг, и только наша дурацкая беспечность заставляла нас думать, что «рассказы деда Зубатого» – седая и не нужная теперь древ-

ность, а всё великое и настоящее – только начинается.

О себе он никогда не рассказывал. Мы даже не знали, что он преподавал раньше в МГУ, был автором книг по славянским языкам, входил в редколлегия журнала «Вопросы языкознания» в 1950-х годах (см.: [26]). Он не хвастался знакомством с известными учёными, своими учителями.

В сложные и переломные 1990-е он, лекция за лекцией, неторопливо и последовательно создавал в наших беспечных головах образ великой русской филологии, где за каждым именем стоял титанический труд, истинное подвижничество, бескорыстная самоотдача, а иногда и подвиг.

Однажды одна из наших молодых преподавательниц кокетливо, в шутку сказала:

– У нас с вами такая замечательная профессия! Кто такой филолог? Человек, который читает интересные книжки и пересказывает их студентам! А ему за это ещё и деньги платят, представляете!

Но в сознании наших «дедов» подобный образ был бы невозможен даже в шутку. Могу себе представить, каким хлестким словом припечатал бы Н. А. такого «филолога»! Псевдо- и околонучную деятельность Кондрашов искренне презирал.

Шаталова О. В.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская область, ул. Веры Волошиной,
д. 24, Российская Федерация*

НУ, ВАНЕЧКА ЖЕ БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ...

Я очень горжусь, что училась у Николая Андреевича Кондрашова. Наше знакомство с ним состоялось на лекциях по общему языкознанию. Уже тогда он показался мне необычным человеком: его побаивались даже преподаватели... Но нас он пленил своим энциклопедизмом, искренней любовью к истории науки и незабываемыми рассказами об непростых судьбах славистики. Лингвистика буквально ожила на глазах у всех, как только профес-

сор Кондрашов начинал рассказывать о Якобсоне или о Трубецком... Особенно любил говорить о Пражском лингвистическом кружке. Тогда же он первым стал вести курс «Введение в славянскую филологию» и приглашал меня на лекции: «Приходи, вдруг и ты когда-то будешь читать его». Можно сказать, что Николай Андреевич зародил во мне интерес к славянским языкам, и его занятия чешским, спокойный уверенный голос, удивительный дар педагога-рассказчика просто влюбили меня в славистику и сделали её моим призванием. За это я очень благодарна.

Когда я перешла в заочную аспирантуру и стала работать на кафедре истории русского языка и общего языкознания нашего университета, старшие коллеги предусмотрительно говорили: «Вы общайтесь с ним пореже... Он может обзывать!». Николай Андреевич был действительно суров, не стеснялся выражений, не мог молчать, если кто-то ему не нравился. Правда, на мне его сарказм не отразился. Мне кажется, при всей откровенности он берёт меня, хотя и не раз прямо давал оценку своим коллегам. Мы тогда были слишком молоды и не понимали, почему он так говорил, но многие его характеристики оказались точными – он видел людей насквозь. Кстати, аспирантов он называл «эпически» примерно так: «Эта вот хроменькая, глупенькая, смешливая...».

После лекции Николай Андреевич живым голосом настоящего слависта мог произнести: «Ну, Ванечка же Бодуэн де Куртенэ...», как будто знал его лично, настолько были близки Н. А. Кондрашову легендарные учёные прошлого. Он и нас, студентов 1990-х, призывал учиться у классиков.

Человек с потрясающим чувством юмора, огромным житейским опытом и талантом педагога, он умер тоже в особенный день – 1 апреля 1995 года.

Вечная ему память!

Щербакова Н. Н.

Омский государственный педагогический университет
644099, г. Омск, Набережная имени Тухачевского,
д. 14, Российская Федерация

ЖИЗНЬ НЕ ОБОРВЁТСЯ, ЕСЛИ ЕСТЬ УЧИТЕЛЬ

Впервые мы встретились с Николаем Андреевичем осенью 1984 г., когда я собиралась поступать к нему в аспирантуру и приехала для предварительного разговора. Конечно, о том, насколько это колоритная личность, я была наслышана и даже напугана этими рассказами. «Герои» историй, обычно веселясь, ведь речь-то шла не о них, упоминали о его остроумно-насмешливых характеристиках какого-нибудь оплошавшего аспиранта. Так, например, о ссылках в одной работе он сказал: «Они оформлены неряшливо, много неточностей. Пишет так же, как одевается». А ещё во время первой встречи он делал выводы о качестве обучения в том вузе, который окончил будущий аспирант. И очень не хотелось подвести своих преподавателей, тем более что они такого не заслуживали. Николай Андреевич мог буквально одним словом дать исчерпывающую характеристику и доценту, и профессору.

Помню, на вступительном экзамене одна девушка отвечала крайне неудачно. И он задал ей такой вопрос:

– Это в каком *институтике* Вас так научили?

Но на нашей первой встрече он был не столько насмешлив, сколько весел. Дал мне тему – о словах, заканчивающихся на *-ха* – ну и вот тут-то язвительные нотки и прозвучали: в подборе примеров он использовал существительное *дурёха*, как мне показалось, не случайно.

Спустя полгода, когда я была уже аспиранткой кафедры, он неожиданно предложил поменять тему. Помнится, что я отказалась со словами:

– Николай Андреевич, я понимаю, что во время нашей первой встречи Вы прочли на моей физиономии все признаки дегенератива и вырождения, потому и дали то, что

Вам показалось попроще. Но я уже матери-
ал собрала и даже поняла, что с ним делать.

Он отреагировал так:

– Не надо перенимать у меня некоторые
отрицательные черты. Например, злоязы-
чие. Это нехорошо!

Каждая встреча с ним оборачивалась
какими-то запинающимися эпизодами.
Однажды я приехала на консультацию, а
к нему в это же время пришла потенци-
альная аспирантка. Чтобы не мешать их
разговору, я вышла из кафедры, а через не-
которое время он открыл дверь и громко
сказал мне:

– Наталья Николаевна, покажите этой
даме, где находится ближайший дурдом.

Сразу нам обеим и выдал характеристи-
ку!

Ещё у него была страсть к обыгрыванию
фамилий. Он время от времени сообщал о
какой-либо аспирантке так:

– Ну вот эта, с водяной фамилией, с
острой фамилией и проч.

Николай Андреевич считал, что в
аспирантуру чаще всего идут люди неза-
дачливые, например, девушки, у которых
не удалась личная жизнь. И всеми этими
мыслями щедро делился. Так что его аспи-
ранты получали такую психологическую
закалку, что уже ничему в жизни не удив-
лялись.

В помощи он, конечно, не отказывал, но
чаще всего делал это в виде резкой крити-
ки. Я до сих пор храню введение к диссер-
тации, исписанное насмешливыми ком-
ментариями типа «Лошади жуют овёс». Но
там же был и дельный совет, выраженный
в неподражаемом стиле моего руководи-
теля: «Здесь просто просится обращение к
теории об асимметричном характере линг-
вистического знака С. О. Карцевского, ко-
торая усилит теоретическую часть работы
и осыплет автора лаврами».

Иногда Николай Андреевич мог и ого-
рошить. Я как-то задала ему вопрос, на ко-
торый он ответил откровенно:

– Что ты ко мне привязалась: я не специ-
алист по словообразованию. Сама думай!

А накануне обсуждения диссертации
вообще обрадовал:

– Я же оцениваю твою работу в целом, а
ошибки и глупости пусть рецензент ищет.

И злорадным тоном добавил:

– А он у тебя их много найдёт!

Ободрил, что и говорить!

У Николая Андреевича, кстати, по это-
му поводу была своя концепция: аспи-
ранта хвалить нельзя, иначе он может за-
болеть звёздной болезнью. Однако я была
свидетелем и высказываний, которые шли
вразрез с данной установкой. Например, о
своей аспирантке Ларисе Кожановой на за-
седании кафедры он как-то сказал: «Лариса
Михайловна имеет способности, и нема-
лые».

Во время аспирантской практики мы
принимали с ним экзамен у заочников по
общему языкознанию. И надо ж такому
случиться, что перед его началом прямо в
аудиторию принесли из типографии посо-
бие Н. А. Кондрашова к спецкурсу о линг-
вистических взглядах В. Н. Татищева¹.
Ушлые заочники сразу же поинтересова-
лись её ценой. Стоила брошюрка всего-то
25 копеек. И студенты, желая произвести
на преподавателя хорошее впечатление,
бросились покупать книжку и брать у ав-
тора автограф. Видно было, что эта ситу-
ация ему не очень нравилась, но он быстро
нашёл выход из положения. Раздавая авто-
графы, профессор припомнил, что Ленин
говорил: «Учитесь торговать!». Правда, эк-
замен был после этого проведён как обыч-
но, без поблажек.

Иногда его шутки приводили в отчая-
ние. По окончании аспирантуры мне нуж-
но было написать заявление об отчислении
и сроке защиты диссертации. Его заверяли
научный руководитель и заведующий ка-
федрой (П. А. Лекант). Поскольку Павел
Александрович собирался в отпуск, аспи-
ранты упросили его поставить подпись
до визы научного руководителя. Николаю
Андреевичу это не понравилось. Сначала
он спрашивал, где он должен подписать:
«до Леканта или после Леканта», а потом

¹ Имеется в виду книга: Кондрашов Н. А. Лингвистические взгляды В. Н. Татищева и язык его произведений: Спецкурс. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1985. 69 с.

нарисовал «Очень рад!» и нехотя поставил росчерк! Свидетели этого поступка смеялись от души, но мне-то было совсем не до смеха! Пришлось всё писать заново и буквально отлавливать заведующего кафедрой.

Однако в ситуациях, когда у человека возникали реальные проблемы, Николай Андреевич всегда помогал, касалось ли это места в общежитии, предоставления академического отпуска по болезни, помощи в организации публикации или процедуры защиты, – он всегда поддерживал и выручал искренне, не жалея времени и сил. К счастью, у меня таких ситуаций не возникало, но я видела, как он вёл себя в подобных случаях, и это вызывало огромное уважение.

А ещё Николай Андреевич был великодушным рассказчиком. Он знал лично многих выдающихся лингвистов, и в его изображении они представляли живыми людьми, со своими слабостями, которые могут в чём-то сомневаться или темпераментно спорить по проблемам языкознания. Например, Н. А. Кондрашов говорил, что В. В. Виноградов не мог спокойно реагировать на чистый лист бумаги и сразу же начинал на нём писать. Запомнился также рассказ моего учителя о подготовке в СССР к изданию «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера¹. По словам Николая Андреевича, ему позволила редактор издательства «Прогресс» М. А. Оборина и сказала:

– Тут в тексте такие слова есть, я даже не знаю, как с ними быть. Стоит ли их включать в издание?

Прекрасно понимая, что речь идёт о нецензурной лексике, Николай Андреевич со своей неподражаемой интонацией задал вопрос:

– Какие слова?

– Я не могу их произнести!

– Ну вот, ты не можешь произнести, а как я могу ответить на твой вопрос?

¹ Русское издание «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера с дополнениями О. Н. Трубочёва вышло в 1964–1973 гг.

В конце концов он посоветовал ей обратиться на кафедру русского языка МГУ, чтобы решение было научно обосновано. Дальнейшие события он описывал, по видимому, со слов Музы Александровны, но так, как будто присутствовал при этом сам. Первой выступила Е. М. Галкина-Федорук, которая сказала:

– Я сама старая матерщинница, но таким словам в печатном издании делать нечего!

Затем вышел П. С. Кузнецов с горячей защитой этих слов, поскольку они связаны со сменой матриархата патриархатом.

Наконец, какой-то умный человек высказался так:

– Дело ведь не в словах, а в тираже! Одна ситуация, когда этот словарь попадает в руки специалистам, и совсем другая возникает тогда, когда любой школьник может его с полки взять.

В результате какие-то слова были изъяты, но и в том, что осталось, руководители издательства усмотрели грубейшее нарушение этики и даже хотели уволить редактора. М. А. Оборину спасла от ухода «по собственному желанию» выписка из того самого заседания кафедры.

Невозможно забыть и рассказ о чешском профессоре Б. Гавранеке. Николай Андреевич говорил о том, что на заседании кафедры тот ставил вертикально на стол карандаш, потом мог заснуть, а падавший карандаш заставлял его проснуться. Однажды, во время командировки Н. А. Кондрашова в Чехословакию, на той же кафедре, где работал наш славист, выступал немецкий гость – известный диалектолог (его имя, к сожалению, вспомнить сейчас не могу).

Николай Андреевич, кстати, обучал своих аспирантов чешскому языку и вообще считал, что славянину нужно знать славянские языки. Помнится, давал совет на занятиях по философии заниматься делом – учить языки. Поддерживая этот несерьёзный разговор, я тогда спросила:

– Так язык требует отработки произношения, я ж буду всем мешать.

Он парировал:

– Ну и что! Пусть думают, что ты заговариваешься.

Комично звучит, но это факт: вернувшись из аспирантуры в Омск, я обучала студентку филфака – чешку по национальности (в Омской области есть пара деревень, где проживают чехи) – читать и писать на родном языке. Так что спра-

ведливость слов Владимира Евплухина¹, вынесенных в заголовок, я чувствую постоянно. Всё, чему научил меня Николай Андреевич, живёт теперь и в моих учениках.

¹ См. его стихотворение «Слово об Учителе»: URL: <https://www.stihi.ru/2007/11/10/2074>

ИСТОЧНИКИ

Архив МГОУ – Архив Московского государственного областного университета

ЛИТЕРАТУРА

1. Введенский В. В. Лексика «Вестей-курантов» 1600–1639 гг.: (К истории лексико-семантических процессов у имени существительного в русском языке XVII в.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1978. 22 с.
2. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка: учеб. пособие / под ред. С. Г. Бархударова; 3-е изд. М.: Просвещение, 1965. 408 с.
3. Голованевский А. Л. Общественно-политическая лексика и фразеология русского языка 1900–1917 годов (на материале большевистских листовок, печати и пролетарской поэзии): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1974. 19 с.
4. Голованевский А. Л. Формирование идеологически-оценочной общественно-политической лексики в русском литературном языке XIX–начала XX века: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М.: МПУ, 1993. 31 с.
5. Инчина Л. Г. Особенности структуры словосочетаний в русском литературном языке второй половины XVIII–первой трети XIX веков: на материале управления глаголов речи и чувства: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1983. 245 с.
6. Карпухин С. А. Звукоподражательные слова в русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов: Саратовский гос. ун-т имени Н. Г. Чернышевского, 1979. 19 с.
7. Колесникова С. М. Градационные отношения в современном русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: МПУ, 1993. 20 с.
8. Комарова Р. А. Бодуэн де Куртене о подготовке лингвистов // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1991. № 2. С. 104–107.
9. Кондрашов Н. А. Вклад И. А. Бодуэна де Куртене в общее языкознание и славистику (К 150-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1995. № 3. С. 96–99.
10. Кондрашов Н. А. Жизнь и труды Павла Иозефа Шафарика (к двухсотлетию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1995. № 1. С. 97–102.
11. Кондрашов Н. А. Историческая грамматика русского языка. Историческая лексикология. Ч. 1. Древнерусский период. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1988. 68 с.
12. Кондрашов Н. А. История лингвистических учений. М.: Просвещение, 1979. 224 с.
13. Кондрашов Н. А. Категория личности и неличности в словацком языке: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 1949. 262 с.
14. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (курс лекций). Ч. I. История языкознания. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1972. 173 с.
15. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (курс лекций). Ч. II. Проблемы языкознания и методы изучения языка. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1974. 171 с.
16. Кондрашов Н. А. Основные вопросы русского языка: книга для учителя. М.: Просвещение, 1985. 128 с.
17. Кондрашов Н. А. Славянские языки. М.: Учпедгиз, 1956. 199 с., 2 л. карт.
18. Кондрашов Н. А., Копосов Л. Ф., Рупосова Л. П. Сборник задач и упражнений по введению в языкознание: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1991. 175 с.
19. Кондрашов Н. А., Шарипова Д. Г. Работа над словом на уроках русского языка в башкирской школе: методическое пособие. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1991. 132 с.
20. Лаврентьева А. А. Язык А. Т. Болотова: лексика и синтаксис: дисс. ... канд. филол. наук. М.:

МОПИ имени Н. К. Крупской, 1981. 232 с.

21. Лингвистическое отечествоведение: коллективная монография. Т. 1 / под ред. В. И. Макарова. Елец: ЕГУ имени И. А. Бунина, 2001. 275 с.
22. Лингвистическое отечествоведение: коллективная монография. Т. 2 / под ред. В. И. Макарова. Елец: ЕГУ имени И. А. Бунина, 2001. 239 с.
23. Марченкова Л. А. Формирование терминологии физической географии в русском языке: XVII–XIX вв.: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1986. 238 с.
24. Никитин О. В. Русская деловая письменность как этнолингвистический источник (на материале памятников севернорусских монастырей XVIII века): дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГОУ, 2000. 455 с.
25. Никитин О. В. Сийские грамоты XVIII века (1768–1789 гг.). Москва-Смоленск: СГПУ, 2001. 129 с.
26. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. Т. 80. № 5. С. 81–89.
27. Николай Андреевич Кондрашов [некролог] // Русский язык в школе. 1995. № 4. С. 114.
28. Обьедкова Л. К. Глагольные формы в памятниках деловой письменности XVII века: на материале документов Нижнего Посемья: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1974. 164 с.
29. Осипова Е. П. Изучение лексики одежды в рязанских говорах // Проблемы русской лингвистической географии. СПб.: РГО, ИЛИ РАН, 1992. С. 93–97.
30. Платон. Сочинения в 3-х томах / под ред. В. Ф. Асмуса и А. Ф. Лосева. Т. 1. М.: Мысль, 1968. 621 с.
31. Пражский лингвистический кружок: сборник статей. / сост. и ред. Н. А. Кондрашов. М.: Прогресс, 1967. 558 с.
32. Рупосова Л. П. Русско-словацкие языковые связи (на материале словацкого литературного языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1970. 18 с.
33. Сепир Э. Градуирование: семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М.: «Прогресс», 1985. С. 43–78.
34. Симонова Е. И. Философская терминология в произведениях В. Г. Белинского и А. И. Герцена: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1989. 212 с.
35. Третьякова В. С. Звукоподражательные глаголы в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1985. 219 с.
36. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. С. 238–262.
37. Шахматов А. А. О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами русских племен, населяющих Россию // Московский журнал. История государства Российского. 1999. № 9. С. 21–28.
38. Karcevsky S. Systime du verbe russe: Essai de linguistique synchronique. Prague: Plamja, 1927. 167 p.
39. Studia gramatyczne bułgarsko-polskie. T. 3. Ilość. Gradacja. Osoba / Polska Akademia Nauk, Instytut Słowianoznawstwa. Wrocław [etc.]: Ossolineum, 1989. 179 s.

REFERENCES

1. Vvedenskii V. V. *Leksika «Vestei-kurantov» 1600–1639 gg.: (K istorii leksiko-semanticheskikh protsessov u imeni sushchestvitel'nogo v russkom yazyke XVII v.): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The vocabulary of the “Vesti-chimes” 1600–1639: (On the history of lexical and semantic processes in the noun in the 17th century Russian language): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya, 1978. 22 p.
2. Gvozdev A. N. *Ocherki po stilistike russkogo yazyka* [Essays on stylistics of the Russian language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1965. 408 p.
3. Golovanevskii A. L. *Obshchestvenno-politicheskaya leksika i frazeologiya russkogo yazyka 1900–1917 godov (na materiale bol'shevistskikh listovok, pechati i proletarskoi poezii): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Socio-political vocabulary and phraseology of the Russian language of 1900–1917 (based on Bolshevik leaflets, print and proletarian poetry): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya, 1974. 19 p.
4. Golovanevskii A. L. *Formirovanie ideologicheskoi-otsenochnoi obshchestvenno-politicheskoi leksiki v russkom literaturnom yazyke XIX–nachala XX veka: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk* [The formation of ideological and evaluative socio-political vocabulary in the Russian literary language of the 19th – early

- 20th centuries: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow Pedagogical University, 1993. 31 p.
5. Inchina L. G. *Osobennosti struktury slovosochetanii v russkom literaturnom yazyke vtoroi poloviny XVIII–pervoi treti XIX vekov: na materiale upravleniya glagolov rechi i chuvstva: diss. ... kand. filol. nauk* [Features of the structure of phrases in the Russian literary language of the second half of the 18th – first third of the 19th centuries: based on the management of verbs of speech and feeling: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya, 1983. 245 p.
 6. Karpukhin S. A. *Zvukopodrazhatel'nye slova v russkom yazyke: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Onomatopoeic words in Russian: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Saratov, Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky, 1979. 19 p.
 7. Kolesnikova S. M. *Gradatsionnye otnosheniya v sovremennom russkom yazyke: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Gradational relations in the modern Russian language: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow Pedagogical University, 1993. 20 p.
 8. Komarova R. A. [Baudouin de Courtenay about preparing linguists]. In: *Nauchnye doklady vysshei shkoly. Filologicheskie nauki* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], 1991, no. 2, pp. 104–107.
 9. Kondrashov N. A. [Contribution of I. A. Baudouin de Courtenay to General Linguistics and Slavic Studies (On the 150th Birthday)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 1995, no. 3, pp. 96–99.
 10. Kondrashov N. A. [Life and works of Pavel Joseph Shafarik (to the 200th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 1995, no. 1, pp. 97–102.
 11. Kondrashov N. A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Istoricheskaya leksikologiya. Ch. 1. Drevnerusskii period* [Historical grammar of the Russian language. Historical lexicology. Part 1. The Old Russian period]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1988. 68 p.
 12. Kondrashov N. A. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [History of linguistic doctrines]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1979. 224 p.
 13. Kondrashov N. A. *Kategoriya lichnosti i nelichnosti v slovatskom yazyke: diss. ... kand. filol. nauk* [The category of person and impersonal in the Slovak language: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 1949. 262 p.
 14. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie: (kurs lektsii). Ch. I. Istoriya yazykoznaniiya* [General linguistics: (course of lectures). Part I. The History of linguistics]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1972. 173 p.
 15. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie: (kurs lektsii). Ch. II. Problemy yazykoznaniiya i metody izucheniya yazyka* [General linguistics: (course of lectures). Part II. Problems of linguistics and methods of language learning]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1974. 171 p.
 16. Kondrashov N. A. *Osnovnye voprosy russkogo yazyka: kniga dlya uchitelya* [The main issues of the Russian language: book for teachers]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1985. 128 p.
 17. Kondrashov N. A. *Slavyanskii yazyki* [The Slavic languages]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956. 199 p.
 18. Kondrashov N. A., Kuposov L. F., Ruposova L. P. *Sbornik zadach i uprazhnenii po vvedeniyu v yazykoznanie* [Collection of tasks and exercises for the introduction to linguistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1991. 175 p.
 19. Kondrashov N. A., Sharipova D. G. *Rabota nad slovom na urokakh russkogo yazyka v bashkirskoi shkole* [Work on word at the lessons of Russian language at the Bashkir school]. Ufa, Bashkirskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1991. 132 p.
 20. Lavrent'eva A. A. *Yazyk A. T. Bolotova: leksika i sintaksis: diss. ... kand. filol. nauk* [A. Bolotov' language: vocabulary and syntax: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya, 1981. 232 p.
 21. Makarov V. I., ed. *Lingvisticheskoe otechestvovedenie. T. 1* [Linguistic Russian Country Studies Vol. 1]. Yelets, Bunin Yelets State University Publ., 2001. 275 p.
 22. Makarov V. I., ed. *Lingvisticheskoe otechestvovedenie. T. 2* [Linguistic Russian Country Studies Vol. 2]. Yelets, Bunin Yelets State University Publ., 2001. 239 p.
 23. Marchenkova L. A. *Formirovanie terminologii fizicheskoi geografii v russkom yazyke: XVII–XIX vv.: diss. ... kand. filol. nauk* [Formation of the terminology of physical geography in the Russian language:

- 17th–19th centuries: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya, 1986. 238 p.
24. Nikitin O. V. *Russkaya delovaya pis'mennost' kak etnolingvистический источник (na materiale pamyatnikov severnorusskikh monastyr'ei XVIII veka): diss. ... kand. filol. nauk* [Russian Business Writing as an Ethnolinguistic Source (Based on the Monuments of the North Russian Monasteries of the 18th Century): PhD thesis on Philological Sciences]. Moscow, Moscow Region State University, 2000. 455 p.
25. Nikitin O. V. *Siiskie gramoty XVIII veka (1768–1789 gg.)* [The Siya's letters of the 18th century (1768–1789)]. Moscow, Smolensk, Smolensk State Pedagogical University Publ., 2001. 129 p.
26. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.
27. [Nikolai Andreevich Kondrashov [obituary]]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 1995, no. 4, pp. 114.
28. Ob"edkova L. K. *Glagol'nye formy v pamyatnikakh delovoi pis'mennosti XVII veka: na materiale dokumentov Nizhnego Posemya: diss. ... kand. filol. nauk* [Verb forms in the monuments of business writing of the 17th century: on the basis of documents of the Lower Posemye: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya, 1974. 164 p.
29. Osipova E. P. [Learning vocabulary of clothes in Ryazan dialects]. In: *Problemy russkoi lingvистической geografii* [Problems of the Russian linguistic geography]. St. Petersburg, Russian Geographical Society, Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 1992. pp. 93–97.
30. Platon. *Sochineniya v 3-kh tomakh. T. 1* [Works in 3 volumes. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1968. 621 p.
31. Kondrashov N. A., comp., ed. *Prazhskii lingvистический kruzhok* [The Prague linguistic circle]. Moscow, Progress Publ., 1967. 558 p.
32. Ruposova L. P. *Russko-slovatskie yazykovye svyazi (na materiale slovatskogo literaturnogo yazyka): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Russian-Slovak language communication (based on the Slovak literary language): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya, 1970. 18 p.
33. Sapir E. [Graduation: Semantic Research]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvистике. Vip. XVI: Lingvистическая pragmatika* [New in foreign linguistics. Iss. XVI: Linguistic pragmatics]. Moscow, "Progress" Publ., 1985, pp. 43–78.
34. Simonova E. I. *Filosofskaya terminologiya v proizvedeniyakh V. G. Belinskogo i A. I. Gertsena: diss. ... kand. filol. nauk* [Philosophical terminology in the works of V. Belinsky and A. Herzen: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya, 1989. 212 p.
35. Tretyakova V. S. *Zvukopodrazhatel'nye glagoly v russkom yazyke: diss. ... kand. filol. nauk* [Onomatopoeic verbs in Russian: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya, 1985. 219 p.
36. Fortunatov F. F. [Comparative linguistics]. In: Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. Ch. 1* [History of linguistics of the 19–20th centuries in essays and extracts. Part 1]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1964. pp. 238–262.
37. Shakhmatov A. A. [On the state tasks of the Russian people in connection with the national tasks of the tribes inhabiting Russia]. In: *Moskovskii zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo* [Moscow Journal. History of Russian Government], 1999, no. 9, pp. 21–28.
38. Karcevsky S. *Système du verbe russe: Essai de linguistique synchronique*. Prague, Plamja Publ., 1927. 167 p.
39. *Studia gramatyczne bułgarsko-polskie. T. 3. Ilość. Gradacja. Osoba* / Polska Akademia Nauk, Instytut Słowianoznawstwa. Wrocław [etc.], Ossolineum Publ., 1989. 179 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алпатова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета; e-mail: alpatova2005@rambler.ru

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

e-mail: beglova-elena@yandex.ru

Боброва Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, редактор журналов «Русский язык в школе» и «Русский язык в школе и дома»;

e-mail: bobrova2003@mail.ru

Введенский Виктор Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Государственного гуманитарно-технологического университета;

e-mail: dmitrystarykh96@gmail.com

Воителева Татьяна Михайловна – доктор педагогических наук, профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета;

e-mail: voitelev@yandex.ru

Голованевский Аркадий Леонидович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского;

e-mail: golovanevski@mail.ru

Гордеева Ольга Николаевна – учитель русского языка и литературы высшей категории ГБОУ города Москвы «Школа № 2115»;

e-mail: gordeeva523@yandex.ru

Градинарова Алла Анатольевна – доктор филологии (PhD), профессор кафедры русского языка Софийского университета имени св. Климента Охридского;

e-mail: agradinarova@slav.uni-sofia.bg; algra@abv.bg

Джанумов Сейран Акопович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

e-mail: djanumovsa@mail.ru

Добродомов Игорь Георгиевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Московского педагогического государственного университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

e-mail: ig.dobrodomov@mpgu.ru; adob00@mail.ru

Ермакова Нина Фёдоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;

e-mail: n.e.12135@yandex.ru

Инчина Любовь Герасимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Башкирского государственного университета (Стерлитамакский филиал);

e-mail: j.golova@yandex.ru

Колесникова Светлана Михайловна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Московского педагогического государственного университета;

e-mail: asya28@list.ru

Кунарёв Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета; педагог-фрилансер; отличник просвещения СССР;

e-mail: angy7@yandex.ru

Леденёва Валентина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;

e-mail: ledenevavv@yandex.ru

Марченкова Людмила Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;

e-mail: 4promo@e1.ru

Молчанова Ольга Владимировна – учитель русского языка и литературы высшей категории ГБОУ города Москвы «Школа № 1564 имени Героя Советского Союза А. П. Белобородова», почётный работник образования Российской Федерации;

e-mail: molchanowa@yandex.ru

Мурашов Александр Александрович – кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры журналистики Гродненского государственного университета имени Янки Купаль;

e-mail: murashov_aa@grsu.by

Осипова Елена Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, директор Института непрерывного образования Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина;

e-mail: elenaosipova.mail@gmail.com

Рупосова Лидия Петровна – кандидат филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета;

e-mail: ruposova-lidiy@yandex.ru

Третьякова Вера Степановна – доктор филологических наук, профессор кафедры социальной педагогики и психологии Российского государственного профессионально-педагогического университета; почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

e-mail: tretyakova1738@gmail.com

Халикова Наталья Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;

e-mail: vltsd@yandex.ru

Шаталова Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой славянской филологии, декан факультета русской филологии Московского государственного областного университета;

e-mail: ov.shatalova@mgou.ru

Щербакова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры предметных технологий начального и дошкольного образования Омского государственного педагогического университета;

e-mail: nata.ro@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatjana A. Alpatova – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of the Russian classical literature, Moscow Region State University;

e-mail: alpatova2005@rambler.ru

Elena I. Beglova – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Foreign Language and Culture of Speech, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation; Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation;

e-mail: beglova-elena@yandex.ru

Tatjana A. Bobrova – PhD in Philological Sciences, editor of the journals “Russian Language at School” and “Russian Language at School and at Home”;

e-mail: bobrova2003@mail.ru

Viktor V. Vvedenskij – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature, University for Humanities and Technology;

e-mail: dmitrystarykh96@gmail.com

Tat'jana M. Voiteleva – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor at the Department of Methods of Teaching Russian and Literature, Moscow Region State University;

e-mail: voitelev@yandex.ru

Arkadij L. Golovanevskij – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Russian Language, Bryansk State Academician Petrovskij University;

e-mail: golovanevski@mail.ru

Olga N. Gordeeva – Teacher of Russian language and literature of the highest category, School № 2115, Moscow;

e-mail: gordeeva523@yandex.ru

Alla A. Gradinarova – PhD (Doctor of Philology), Professor at the Department of Russian, Sofia University St. Kliment Ochridskij;

e-mail: agradinarova@slav.uni-sofia.bg; algra@abv.bg

Sejran A. Dzhanumov – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Russian Literature, Moscow City University; Honored Worker of Higher School of the Russian Federation;

e-mail: djanumovsa@mail.ru

Igor G. Dobrodomov – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of General Linguistics, Moscow Pedagogical State University; Honored Worker of Higher School of the Russian Federation;

e-mail: ig.dobrodomov@mpgu.ru; adob00@mail.ru

Nina F. Ermakova – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Modern Russian Language, Moscow Region State University;

e-mail: n.e.12135@yandex.ru

Ljubov G. Inchina – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Russian Language, Bashkortostan State University (Sterlitamak Branch);

e-mail: j.golova@yandex.ru

Svetlana M. Kolesnikova – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Russian Language, Moscow Pedagogical State University;

e-mail: asya28@list.ru

Andrej A. Kunaryov – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Teaching Methods of Russian Language and Literature, Moscow Region State University; teacher-freelancer; excellent student of education of the USSR;

e-mail: angy7@yandex.ru

Valentina V. Ledenyova – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Modern Russian Language, Moscow Region State University;

e-mail: ledenevavv@yandex.ru

Ljudmila A. Marchenkova – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Modern Russian Language, Moscow Region State University;

e-mail: 4promo@e1.ru

Olga V. Molchanova – Teacher of Russian language and literature of the highest category, “School № 1564 named after Hero of the Soviet Union A. Beloborodov”, Moscow; Honorary Worker of education of the Russian Federation;

e-mail: molchanowa@yandex.ru

Aleksandr A. Murashov – PhD in Philological Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Journalism, Grodno State University of Janka Kupala;

e-mail: murashov_aa@grsu.by

Elena P. Osipova – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Russian Language, Director of the Institute of Continuous Education of Yesenin Ryazan State University;

e-mail: elenaosipova.mail@gmail.com

Lidija P. Ruposova – PhD in Philological Sciences, Professor at the Department of History of Russian Language and General Linguistics, Moscow Region State University;

e-mail: ruposova-lidiy@yandex.ru

Vera S. Tretjakova – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Social Pedagogy and Psychology of the Russian State Vocational and Pedagogical University, Yekaterinburg, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation;

e-mail: tretyakova1738@gmail.com

Natalja V. Khalikova – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Department of Modern Russian Language, Moscow Region State University;

e-mail: vlstd@yandex.ru

Olga V. Shatalova – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head at the Department of Slavic Philology, Dean of the Faculty of Russian Philology at the Moscow Regional State University;

e-mail: ov.shatalova@mgou.ru

Natalja N. Shcherbakova – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor at the Department Subject Technologies of Elementary and Preschool Education, Omsk State Pedagogical University;

e-mail: nata.ro@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Н. А. Кондрашов: педагог, учитель, личность (штрихи к портрету слависта) / Алпатов Т. А., Беглова Е. И., Боброва Т. А., Введенский В. В., Воителя Т. М., Голованевский А. Л., Гордеева О. Н., Градинарова А. А., Джанумов С. А., Добродомов И. Г., Ермакова Н. Ф., Инчина Л. Г., Колесникова С. М., Кунарёв А. А., Леденёва В. В., Марченкова Л. А., Молчанова О. В., Мурашов А. А., Осипова Е. П., Рупосова Л. П., Третьякова В. С., Халикова Н. В., Шаталова О. В., Щербакова Н. Н. //

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.

FOR CITATION

Alpatova T. A., Beglova E. I., Bobrova T. A., Vvedensky V. V., Voiteleva T. M., Golovanevskij A. L., Gordeeva O. N., Gradinarova A. A., Dzhanumov S. A., Dobrodomov I. G., Ermakova N. F., Inchina L. G., Kolesnikova S. M., Kunaryov A. A., Ledenyova V. V., Marchenkova L. A., Molchanova O. V., Murashov A. A., Osipova E. P., Ruposova L. P., Tret'yakova V. S., Khalikova N. V., Shatalova O. V., Shcherbakova N. N., Kondrashov: educator, teacher, personality (the portrait of a slavist). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp.

УДК 82-94
DOI

«ДУМАЙ, ГОЛОВА, КАРТУЗ КУПЛЕН!»

Архарова Д. И.

Институт развития образования

620137, г. Екатеринбург, ул. Академическая, д. 16, Российская Федерация

Аннотация. Впервые публикуются воспоминания бывшей аспирантки профессора Н. А. Кондрашова Д. И. Архаровой. В мемуарах воссоздается живой облик учителя не только как научного руководителя, но и неординарной личности, впитавшей в свой характер достоинство и дух противоречивой эпохи XX века. Ярko и образно показаны свойства характера педагога, его человеческое отношение к молодым начинающим исследователям. Портрет учёного дополняют фрагменты живых диалогов с ним, образные реплики и особенная кондрашовская фразеология, выделявшая его в среде вузовских преподавателей.

Ключевые слова: Н. А. Кондрашов, аспирантура, языкознание, психологический портрет, стилистика, личность в науке

“THINK, HEAD, CAP WAS BOUGHT!”

D. Arkharova

Institute for Educational Development

16 ulitsa Akademicheskaya, Yekaterinburg 620137, Russian Federation

Abstract. Reminiscences of a former graduate student of Professor N. Kondrashov D. Arkharova is published here for the first time. The memoirs recreate the living image of the teacher not only as a supervisor, but also as an extraordinary person who absorbed the dignity and spirit of the controversial era of the 20th century. In these memoirs, the characteristics of the teacher, his human relation to young researchers is shown clearly and vividly. A portrait of the scientist complement the fragments of the living dialogues with him, figurative cues and special Kondrashov's phraseology, makes him stand out in the environment of University teachers.

Keywords: N. Kondrashov, postgraduate study, linguistics, psychological portrait, stylistics, personality in science

ОТ РЕДАКЦИИ

В начале сентября 2019 г. мы получили такое письмо:

«Здравствуйте, Олег Викторович! Собралась с силами, “подогнала” нужное настроение и села выполнять Вашу просьбу – поделиться воспоминаниями о Николае Андреевиче Кондрашове, моём научном руководителе, вдохновлявшем меня на креатив и дисциплинированность. Я писала кандидатскую диссертацию по оценочной лексике на диалектном материале талицких говоров

© СС BY Архарова Д. И.

Свердловской области [1]. Эта тема тогда была абсолютно не исследована, и мы с удовольствием уничтожали белые пятна и чёрные дыры на проблемном поле лингвистики.

Я училась в заочной аспирантуре при МОПИ им. Н. К. Крупской в 1979–1983 гг. Три года без отрыва от производства, а на последний год я была откомандирована в Москву для завершения работы и её защиты.

Основная мысль, которую я хочу раскрыть, такова, и повторю, наверное, то, что говорят все, когда речь идёт (или шла) о Николае Андреевиче Кондрашове: он был неординарной личностью (ср.: [3]).

Во-первых, он был противоречивой натурой, во-вторых – натурой цельной и яркой, в-третьих – умел сочетать серьёзное отношение к своим научным занятиям, в том числе к руководству работой аспирантов, с абсолютной иронично-здоровым отношением ко всем этим занятиям.

Написала своим любимым шрифтом, стараясь понравиться. Не судите строго, хотелось поживее и в то же время с высоко поднятым знаменем.

Я училась у Николая Андреевича в возрасте 31–35 лет, были и гораздо моложе меня. И мне приятно вспомнить их слова: «Все аспиранты Н. А. Кондрашова похожи на него: любили пошутить, по кафе с ним походить и дело делать».

С уважением и надеждой на одобрение,
Д. И. Архарова.
Екатеринбург, 8.09.2019».

Мы с удовольствием публикуем это письмо Дианы Ивановны Архаровой с рассказом о её знакомстве и встречах с Н. А. Кондрашовым как документально-художественный факт не только биографии одного человека, а сюжет из жизни удивительной эпохи вузовских педагогов классической школы славистики XX века.

О. Н., Т. III.

Когда я в начале 1979 г. приехала знакомиться со своим будущим научным руководителем, конечно, волновалась, так как не могла найти нужного тона: знавшие его мне немного о нём рассказали. Я сама люблю пошутить, но меня заранее смущала «дистанция огромного размера». Он появился – подчёркнуто будничным и деловой, и сказал, что у него мало времени на разговор со мной. Николай Андреевич не торопил меня, но предлагал войти в его положение. Тем не менее он достал блокнот, чтобы подробно записать мои данные. Всё это было предсказуемо, но, когда я назвала свои имя и отчество: *Диана Ивановна* – он, не отрывая руки от листа, продолжая писать, ровным голосом спросил: «Кто виноват?». Это было неожиданно и очень смешно и совсем необидно. Я и сама давно всем

рекомендовалась как Дина Ивановна, что снимало возможную неловкость обеих сторон из-за стилистического несоответствия имени и отчества. Но для оформления документов мне необходимо было рекомендоваться в соответствии с паспортом! Я объяснила, почему мой папа настоял на этом имени¹, но Н. А. уже слушал мои слова как не имеющие отношения к делу: мало ли что бывает! Тактичность и ирония! Сочетать их он умел. Конечно, этот случай он наверняка забыл, но для меня это осталось его визитной карточкой по сей день.

Видалась я с ним не часто, и встречи эти были недолгими. Он задавал много коротких вопросов о моём житье-бытье, всегда готов был помочь в бытовых делах (например, однажды я у него заняла немного денег, в другой раз он привёз мне книгу, которую в Ленинке было трудно укараулить). Но когда я набиралась духу спросить о чём-либо имевшем отношение к содержанию моей диссертации, он отвечал таким образом, что каждый раз это были вариации на тему: «Думай, голова, картуз куплен!». Эти слова он сказал в беседе после моего зачисления, когда спросил, нужны ли мне частые или систематические консультации с ним. Когда я сказала, что

¹ Далее с согласия автора мы помещаем краткое пояснение: «Ждали сына (врачи так сказали), и мама готовила имя “Виктор”, что в 1948 г. было естественно. Среди моих одногодков были сплошь Саши, Вити, Вовы. Остальные варианты были редкими. Когда родилась девочка, то вариант “Виктория” подразумевался. Но папа, считая себя великим охотником (у нас дома были все охотничьи принадлежности, дорогое ружье, папа сам набивал патроны на специальной машинке и пр.), настоял на “Диане”. Я думаю, что привлекла его и звучность имени. Про остальное он не подумал, очередной раз собираясь на охоту. Кстати, ирония судьбы продолжилась. Я училась ещё в начальной школе, когда папа признался в ответ на мой вопрос: “Не жалко ли тебе зверей?”, что ему стало жаль убивать животных, что, сидя в засаде, он спугивал загоняемого зверя, позволял ему уйти, если этот зверь выходил на него. Все эти объяснения звучат громоздко, “ломают” стиль юбилейных воспоминаний, носят очень частный характер, поэтому я их не включила в основной текст: как назвали – так и назвали. В детстве я стеснялась своего имени, тёзок у меня не было во всём городе, а потом, в студентах, мнение изменило, сейчас оно мне нравится...».

не люблю на них ходить и давать их кому-либо, то фраза, сразу полюбившаяся мне, и прозвучала.

Мне не пришлось посетить лекций Николая Андреевича, хотя всегда слышала только блестящие отзывы о них от разных людей. В педвузе, от которого я была рекомендована в аспирантуру, работал Наум Лазаревич Лейдерман¹, литератор, великолепный лектор. Н. Л. Лейдерман был на ФПК при МОПИ имени Н. К. Крупской, слушал лекции Н. А. Кондрашова. А когда узнал, что моим руководителем будет Николай Андреевич, то сказал мне: «Походи к нему на лекции. Это – блеск! Внешне всё просто и даже обыденно. Я, не будучи силён в языкознании, хотел бы слушать его лекции по три пары в день. Меня удивляло, насколько изящно и глубоко в них подавался материал. Эрудиция лектора ощущалась постоянно, но не подавляла, а скорее, дразнила и манила».

Какими же были вариации на тему «голова и картуза»? Одной из них были такие слова:

– Ну, ты там напиши чего-нибудь, я посмотрю. Если глупостей не напишешь, то так и оставим, а если не убережёшься, то что-нибудь придумаем. Всякие у меня были, научили...

Удивившись, я спросила:

– А что можно придумать, если глупости уже есть?

Н. А. ответил:

– Ну, например, что-нибудь про слова с суффиксом *-ота*...

Я не унималась:

– Это тема диссертации???

Он:

– А почему нет? Для дураков в самый раз!

Я:

– А как это защитить, ведь в ВАКе...

Он:

– А я для чего?

Больше я вопросов не задавала.

Другая вариация Н. А.:

– Ты почему ничего не несёшь? Принеси что-нибудь... А то как в свой институтик будешь возвращаться? Диссертация тебя прокормит лучше богатого мужа, ты пойми это!

Диалог в вопросно-ответной форме в такой ситуации был для меня невозможен, я только хмыкала в ответ и пыталась этим свести разговор к шутке или к моим обещаниям поторопиться.

Третья вариация. Я похвалила публикацию одной учёной дамы, доктора-профессора, а Н. А. в ответ:

– Нечего её хвалить. Она даже замуж выйти не сумела!

Я попыталась сопротивляться:

– Всякое бывает.

Н.А.:

– Это не «всякое»!

Когда я принесла первый черновик начала моей работы, он молча, спокойно взял пухлую кипу листов, исписанных вручную и со всеми возможными сокращениями (о, ужас! Я не успела переписать набело или перепечатать!). Мои оправдания были проигнорированы. Через три дня он пригласил на беседу и сказал:

– Больших глупостей ты не написала, а маленькие простительны, так как не видны. Пиши дальше.

После этого мы сходили в кафе, и за обоих заплатил он. Чем не вариация на тему: «Думай, голова, картуз куплен!». Да, велика сила русского фольклора в устах московского профессора!

На предзащите он произнёс энергичную короткую речь, подтверждая соответствие моей работы искомой степени, главным тезисом этой речи были слова: «Глупостей не написала». Чем не вариация?

¹ Наум Лазаревич Лейдерман (1939–2010) – российский литературовед и педагог, доктор филологических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета.

Что ещё можно сказать о Николае Андреевиче Кондрашове? Скажу о его уникальной внутренней цельности. Почему я могу об этом порассуждать в связи с его юбилеем? Дело в том, что по возрасту он был почти ровесником моим родителям. Это поколение сумело (успело) впитать дух старых традиций воспитания и взросления и в то же время оно состояло из таких людей, которые имели реальную возможность самим делать свою судьбу. Они получили образование в духе старой русской высшей школы и смогли стать реально востребованными людьми в советском обществе. Это породило в них чувство высокого внутреннего достоинства. Конечно, они научились быть политкорректными в довоенные и послевоенные времена, глубокое уважение к своему делу, профессионализм и ... ирония спасали их. Эти человеческие качества давали им возможность почувствовать застывшую где-то под коркой льда внутреннюю силу. Они как бы делились ею с нами, их детьми. Это поколение ушло навсегда...

Как-то в разговоре Николай Андреевич упомянул о своём обучении в ИФЛИ. Вроде бы мимоходом, к слову, сказал об этом, а потом стал перечислять фамилии его преподавателей: С. И. Радциг, Н. К. Гудзий, М. М. Покровский, Д. Н. Ушаков, С. И. Соболевский...¹ И хитренько смотрит на мою реакцию... Я закивала, зауважала, но что я могла сказать? Про достойного ученика великих учителей? Но таких подхалимских пассажижей он не любил, и если бы я всё-таки что-то такое произнесла, то мне досталось бы тут же, без промедления... Поэтому я красноречиво произнесла несколько междометий... Шеф ничего на это не сказал, но я увидела, что он был доволен.

Однажды Николай Андреевич со слов В. В. Виноградова (они были в хороших отношениях) рассказал мне историю о

возникновении советского учения о первичных русских говорах. «Ты диалектолог, должна знать...».

Как-то академика Виноградова ночью пригласили проехаться на чёрной машине. Он взял авоську с комплектом белья и сухарями и вышел. Чёрная машина ждала у подъезда, он сел в неё и уехал в неизвестном направлении. Вскоре он оказался в полутёмной комнате, никак не похожей на ту, в которой он ожидал оказаться. Ему предложили сесть. Долго ничего не происходило. В комнате он разглядел плотные, пышные портьеры, которые вдоль одной из стен шли по всей комнате. Вдруг что-то за этой портьерой шевельнулось и приятный мужской голос с грузинским акцентом предложил академику В. В. Виноградову рассказать всё, что он знает о русских диалектах.

Далее я запомнила почти наизусть. Николай Андреевич так передал слова В. В. Виноградова: «У меня отлегло от сердца, я стал говорить о южнорусских, особенно орловско-курских, говорах и очень увлёкся. Такой рассказ среди ночи взбудрил бы любого филолога! Очевидно, прошло много времени. О севернорусских диалектах я только собирался начать говорить, как вдруг тот же голос сказал: «Достаточно, товарищ Виноградов, можете ехать домой...». И в это время из-под портьеры выкатилась ручка, и... показался носок блестящего сапога...»². Вскоре тезис о том, что орловско-курские говоры являются первичными, коренными, лежащими в основе московского диалекта и литературного языка, стал общераспространённым положением.

Виноградов – Кондрашов – аспирантка... А ведь рассказывал как равной по статусу: настоящий филолог должен знать ... себе цену!

Я рискнула бы даже назвать Николая Андреевича «баринном» в самом корректном смысле этого слова. Всё-то у него получилось как бы само собой: и в одной-двух

¹ См. воспоминания о некоторых участниках филологических подвигов тех лет в статье «Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново и А. М. Селищева (неизвестные страницы истории Московской лингвистической школы)» [2].

² Эту историю Н. А. Кондрашов передавал не единожды с разными деталями, быть может, добавляя к ним «остросюжетности» и увлекая тем самым своих учеников в удивительный мир филологии.

фразам нечаянно ошеломить эрудицией, и галантность проявить, и пошутить смешно и колко, ничуть не сокращая дистанции между собой и собеседником. Он мне всегда напоминал главу семьи Ростовых. В его натуре сочеталась широта души и изящно-циничнейший «московский» тон в общении, беззаботность и прагматизм, академическая вышколенность и шутки «на грани фола», приветливость и сарказм. В этом был его стиль: он был предсказуем как типичный профессор, но любил и умел быть неожидан-

ным в повседневном общении, оставаясь на «профессорской» высоте. Я думаю, мир для него был театром – скорее грустным.

Это поколение ушло, оставив по себе загадочную память. Молодым людям, даже сорокалетним, трудно объяснить его неповторимость. У меня выросли дети, растёт пятеро внуков, я им рассказываю о моих родителях и достаточно часто о Николае Андреевиче. И все события 1979–1983 гг. оживают не только для меня...

ЛИТЕРАТУРА

1. Архарова Д. И. Выражение категории субъективной оценки в качественных прилагательных и наречиях (на материале среднеуральских говоров): дисс. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1983. 308 с.
2. Никитин О. В. Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново и А. М. Селищева (неизвестные страницы истории Московской лингвистической школы) // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 91–102.
3. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. № 5. С. 81–89.

REFERENCES

1. Arkharova D. I. *Vyrazhenie kategorii sub"ektivnoi otsenki v kachestvennykh prilagatel'nykh i narechiyakh (na materiale sredneural'skikh govorov): diss. ... kand. filol. nauk* [Expression of the category of subjective assessment in qualitative adjectives and adverbs (based on the material of the Central Urals dialects): PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya, 1983. 308 p.
2. Nikitin O. V. [The Moscow Dialectological Commission in the memoirs of D. Ushakov, N. Durnovo and A. Selishchev (unknown pages in the history of the Moscow Linguistic School)]. In: *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of language], 2002, no. 1, pp. 91–102.
3. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Архарова Диана Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования Института развития образования (на пенсии);
e-mail: dinaarkharova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Diana I. Arkharova – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Philological Education, Institute for Educational Development;
e-mail: dinaarkharova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Архарова Д. И. «Думай, голова, картуз куплен!» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.

FOR CITATION

Arkharova D. I. "Think, head, cap was bought!". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp.

УДК 82-94

DOI

МОГУ ЛИ Я ЗАБЫТЬ ТАКОЕ?..

Донина Л. Н.

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, Российская Федерация

Аннотация. В воспоминаниях о годах учёбы в аспирантуре автор рисует облик научного руководителя профессора Н. А. Кондрашова совсем с необычной стороны – как заботливого отца, строгого и мудрого наставника, заступника и даже спасителя. Факты биографии слависта дополнены редкими личными деталями общения, включены в контекст научных поисков и смены идеологических приоритетов в обществе. Фигура Н. А. Кондрашова показана с тонким лиризмом и благоговением перед его подвигом – учить людей не только науке, но и жизни. Во многих фрагментах повествования проступают неизвестные даже близкому кругу людей свойства характера и языковой личности удивительного педагога и филолога.

Ключевые слова: аспирантура, диссертация, лингвистика, идеология и наука, личность в истории, духовная культура, педагогический талант

CAN I FORGET THAT?

L. Donina

Saint-Petersburg State University

7-9 Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg 199034, Russian Federation

Abstract. In the memoirs of the years of study in graduate school, the author draws the image of the supervisor Professor N. Kondrashov from an unusual side – as a caring father, strict and wise mentor, intercessor and even Savior. The facts of the biography of Slavist complemented by rare personal details of communication included in the context of scientific research and change of ideological priorities in society. The figure of N. Kondrashov is shown with subtle lyricism and reverence for his feat – to teach people not only science but also life. In many fragments of the narrative appear unknown even to a close circle of people properties of character and linguistic personality of the fantastic teacher and philologist.

Keywords: postgraduate study, dissertation, linguistics, ideology and science, personality in history, spiritual culture, pedagogical talent

Первая встреча, последняя встреча... Помню их до слова, до жеста, до взгляда. А между этими встречами – более десяти лет драгоценного общения, когда-то ежедневного, когда-то – редкого, но неизменно дарящего чувство защищённости, уверенности: с Николаем Андреевичем – как за каменной стеной. Он давал мощную поддержку. Это ощущение настоящей мужской надёжности шефа, полного доверия возникло уже при первой встрече с ним. Но началась она с цепящего страха.

Я с коллегой на каникулах повезла студентов в Ярославль на диалектологическую практику, остановилась в Москве на несколько часов для «разведки» – знакомства с Николаем Андреевичем. Он впустил меня в квартиру и, ни слова не говоря, долго (или мне так показалось?) смотрел на меня: сурово, без улыбки, из-под полуопущенных век, подняв вверх подбородок. Я была уверена, что ему не нравится то, что он видит. Конечно, я пришла с вокзала, после двух суток в поезде, да и робела излишне: была наслышана о строгости и о

хлётких фразах Н.А. Кондрашова, которые передавались, как легенды, старшими коллегами, бывшими аспирантами кафедры современного русского языка МОПИ имени Н. К. Крупской.

Всё-таки я собралась с силами, спрыгнула с высоченных каблучков, представилась. Он смилостивился, провёл меня в кабинет и неожиданно заговорил о моей красоте и молодости, а закончил вопросом:

– Зачем тебе в аспирантуру? Надо замуж!

Сейчас понимаю: он, что называется, проверял мою «мотивацию» или, может, «стрессоустойчивость». А тогда произнесла только, что замужем. Ему и это, казалось, не понравилось: тем более, какая аспирантура, надо рожать детей. Ответила, что у меня уже есть сын, чётко понимая, что надо было бы вместо этого немедленно сказать что-нибудь «умное». Он «дал третий шанс» убедить его в моей целеустремлённости и «мотивированности», спросил, ради чего же я собралась оставить ребёнка и ехать в очную аспирантуру. Я собиралась приехать с ребёнком (так и сделала) и призналась в этом. Тут он даже как-то растерялся. Сказать бы, что мечтаю внести вклад в лингвистику или хотя бы хочу стать кандидатом наук! Но я об этом и правда не думала, а просто хотела учиться. Он медленно обвёл взглядом уставленный книгами кабинет, остановился на открытом журнале, лежавшем на столе, чтение которого, видимо, прервал мой визит. Уже не грозно, а тихо сказал: «Вот и учись» – и передал его мне. Этот номер журнала я уже прочитала незадолго до поездки и хорошо помнила его содержание, но зачем-то указала в статье по исторической фонетике именно то место, в котором так и не разобралась: «Не понимаю, как из этих фактов последовало такое вот умозаключение». Сознавшись, таким образом, ещё и в глупости, я готова была быть отправленной «в Сибирь пешком по шпалам», но он сел рядом со мной на диван, взглянул на страницу.

Кажется, никто из нас, его аспирантов, не видел, как Николай Андреевич «читает». Он «листал» наши работы, на что не-

которые, знаю, обижались. Я много раз убеждалась, что он при таком «просматривании» проницательно указывал то ценное, что можно было интересно развить (а остальное – «как всегда, в мусорную корзину»), и даже замечал и отчёркивал опечатки, стилистические огрехи («Своё читать противно, но надо!» – я повторяю его фразу своим ученикам).

Показанную статью Николай Андреевич просмотрел быстро и всё больше хмурясь. Чуть дольше, чем в журнал, он смотрел мне в глаза, а потом с каким-то мальчишеским озорством сказал, что логики я не увидела, потому что её там нет. Факты собраны из нескольких работ учёных одной школы, а выводы взяты из другой теории. Заговорил горячо и быстро, исчезли все театральные паузы.

– Историю языка надо знать обязательно, без этого нельзя понять никакое явление, – он чётко сформулировал мысль, с которой я искренне согласилась. У меня были хорошие учителя в родном вузе, а общение с Н. А. Кондрашовым и Г. А. Хабургаевым¹, с которым шеф меня вскоре познакомил, лишь укрепили во мне любовь к исторической лингвистике.

В тот вечер он говорил ещё о том, что нельзя рассматривать даже такую вот отдельную статью без связи с историей языкознания, без определения её места среди существующих теорий, имён, работ (желательно всех!). Его научный кругозор показался мне не имеющим пределов (и впечатление лишь усилилось с годами), это, видимо, и позволяло ему молниеносно понимать истоки и идеи любого текста (ср.: [4]). Николай Андреевич называл известные и не знакомые мне имена, поснимал с полка десяток книг, открывал их в нужном месте (а память у него была феноменальная!), раскладывал вокруг нас по всей комнате.

¹ Георгий Александрович Хабургаев (1931–1991) – доктор филологических наук, выпускник и преподаватель филологического факультета МОПИ имени Н. К. Крупской, а затем профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, специалист по палеославистике, истории русского языка и диалектологии.

Я едва не опоздала на поезд, хотела обо всём спросить за один раз и, конечно, за была все свои страхи. Я поняла, что хочу к нему приехать, и знала точно, что́ делать дальше: он научил, как оформить соискательство, по каким книгам писать реферат, велел сдать заранее, коли уж приеду с ребёнком, кандидатские экзамены по философии и английскому языку. Предупредил о том, что в общежитие нас не поселят. (Я заблаговременно нашла жильё, внесла задаток, но квартира не освободилась, и Николай Андреевич каким-то образом добился, чтобы некоторое время нам разрешили пожить в общежитии на Челюскинской, которое как раз закрыли в том году.)

Когда сдавала вступительный экзамен по русскому языку, с сыном в коридоре играл Лёша Коняшкин, аспирант этой же кафедры (спасибо ему!). Я всё время прислушивалась, а Н. А. Кондрашов выходил из аудитории, потом сердито и грозно смотрел на меня, и я понимала, что там всё в порядке. Строгим видом и острым жёстким словом меня уже нельзя было обмануть, я знала: мой шеф – лучший. Да, он был честным и принципиальным, называл своими именами и непорядочность, и глупость, и предательство, и многое другое (и имел на это право!), пользовался своим умением внушать страх и трепет, но правда в том, то это был добрый, мудрый, интеллигентный, надёжный человек. Настоящий!

Однажды я вместе с другими аспирантами получила урок того, как не надо писать научные работы. Коллега при нас попросила Николая Андреевича высказать мнение о прочитанном им фрагменте докторской диссертации, и он сказал: «Собрать надо! Написала – как одеваешься: из-под пятницы суббота..., чёрт-те что и сбоку бантик...». По интонации было понятно, что это была не критика, а анализ (бантик у коллеги на всегда «многослойном» наряде и правда в тот день был!), но не хотелось бы услышать такое о своей работе... В душе я тогда подумала: «Николай Андреевич – злой на язык, но... с добрым сердцем». И ведь как метко и точно он

высказал мысль! Немного погодя, после острых поговорок, профессор остыл и уже в спокойном тоне обсуждал с ней замечания по тексту. Только потом я поняла, что такие резкие слова мой учитель обращал чаще к близким себе по статусу, а не к бесправным аспирантам.

Про Николая Андреевича можно было сказать, что он «ради красного словца не пожалеет...». Он любил филологию, морщился от ошибок, знал несколько иностранных языков, аспирантов моего набора учил, например, чешскому. Это понятно любому лингвисту, но Николая Андреевича отличала любовь к острому, народному, как он называл, «кондовому» слову, которое кое-кого смущало и пугало. Он умело им распоряжался – кратко, точно, выразительно обозначал то, о чём можно было бы долго говорить «тактично». В этом случае – об индивидуальном научном стиле учёного.

Усомнилась я в Николае Андреевиче (и то по глупости) только один раз – и это было в последнюю нашу встречу. За неделю до неё я снова пришла к нему домой прямо с питерского поезда.

Прошло несколько лет после окончания аспирантуры, завершившейся предзащитой моей диссертации о языке Н. К. Крупской. П. А. Лекант и Н. А. Кондрашов предложили мне эту тему после какого-то важного собрания, где им указали на недоработку: институт, дескать, носит имя Крупской, приближается её юбилей, а работ о ней нет. О том, что согласилась, я не жалею: это было интересно, и я знаю теперь о той эпохе больше многих (воспользовалась гласностью и проникла в нужные архивы).

На предзащите кафедра решила, что диссертация готова, но надо во введении высказать «современное» (а дело было в январе 91 года!) отношение к Н. К. Крупской. Я подумала и через некоторое время написала Николаю Андреевичу, что не буду этого делать. Он согласился и предложил, используя имеющиеся материалы, написать работу о некоторых разрядах лексики (педагогической, общественно-политиче-

ской), а в скобочках – на материале трудов Крупской.

Чуть позже стало понятно: это мало что изменит с учётом событий, стремительно менявших страну, – и он придумал третий вариант: о педагогической терминологии той эпохи в целом. В процессе работы я увлеклась наименованиями учителей и воспитателей, среди которых были неблагозвучные «шкрабы», диковинные «фребелички-садовницы», и меня интересовали закономерности становления этой системы, её полная история, а не надоевший мне временной срез начала XX века. Собралось более 300 названий и пятьсот страниц машинописного текста, представлявшего собой в основном эссе о каждом из названий, от самых древних до «перестроенных». Мне было важно мнение Николая Андреевича. Я надеялась, в случае его одобрения, написать на эту тему диссертацию [3]¹.

Николай Андреевич не скрывал своей радости от встречи, был оживлён, весел, расспрашивал обо всём и обо всех. Мы давно поняли, что не случайно празднуем день рождения с разницей в несколько часов. Он был в миллионы раз умнее, но мы были в чём-то похожи: любили одинаковые вещи, соглашались с мнением друг друга чаще, чем спорили, о людях ли говорили, или о книгах, или, особенно в последние годы, – о политике, например, о войне в Югославии, где воевали (и погибли) несколько моих друзей. Он знал то, о чём я только догадывалась, я внимательно прислушивалась к его словам, потому что они всегда потом подтверждались. Когда нет нужды производить на другого впечатление, общаться легко, и темы уже не имеют первостепенного значения – он рассказывал что-то смешное о Словакии, потом грустное о событиях на факультете.

На этот раз долго «листал» мои пятьсот страниц, видно было, что серьёзно думает о чём-то, наконец спросил, на какой срок

я приехала. До моего поезда оставалось несколько часов, но Николай Андреевич горячо убеждал меня остаться: нужно написать статью, притом срочно, потому что сборник уже подготовлен и его можно задержать лишь на несколько дней. Мне надо было на работу, у меня не было денег, но мало кто мог устоять перед натиском Н. А. Кондрашова, если он уже что-то решил.

Услышав моё «хорошо», он перешёл к следующему шагу, смысла которого я уж совсем тогда не поняла: велел назавтра отвезти текст Л. П. Рупосовой в Клязьму, сказал, что с ней договорится, пусть прочитает. Когда я привезла статью в назначенный день, он пригласил меня на заседание кафедры, не объяснив зачем, сказал только, что мне дадут возможность рассказать коротко о своей теме. Как ему удалось так быстро всё устроить, как я не догадалась, что на кафедре будет обсуждение моей работы!.. Лидия Петровна как оппонент сказала, конечно, что этот текст не является диссертацией, в нём нет описания «практической значимости», ни введения, ни заключения, ни словника, и много чего ещё, что должно быть в диссертации. Я собралась оправдываться, ведь и не начинала ещё оформлять текст как диссертацию, но Николай Андреевич потянул меня за руку вниз, как только я попыталась подняться – я и рта не успела открыть. Сказал сам, что это мы понимаем и исправим, и попросил высказаться по существу работы. Оказалось, что многие успели с ней ознакомиться, и кончилось всё тем, что решили представить работу в диссертационный совет через две недели.

После заседания мы вышли вместе на улицу. Н. А. Кондрашов крепко сжимал мое запястье, шёл быстро, буквально дотолкнул меня до метро, как будто боялся, что я сбегу, пропаду. Он всю дорогу молчал, привёз к себе домой и затолкнул в кабинет. И тут... остатки сил и самообладания меня покинули: я тихонько заплакала, а потом... учинила настоящий скандал, с истерикой, первый раз в жизни. С громкими рыданиями упрекала в том, что он меня не

¹ Впоследствии её расширенный вариант вышел в виде книги «Педагогические профессии в отечественной традиции XI–XXI веков: Историко-лингвистический комментарий» [1].

спросил и всё решает один, что я приехала посоветоваться, а он так меня подставляет. Даже кричала (!!!), что он знает и сам, что за две недели до совета я не успею сделать диссертацию, и никто бы не смог!..

Наступила пауза... Я забились на своё привычное место в уголке дивана и ревела, а он молчал и в недоумении стоял передо мной.

И тут меня «осенило»: он всё это устроил, потому что ему надоело столько лет со мной возиться, а теперь я, конечно, не успею и уж точно не буду больше ему надоёдать! Он подошёл вплотную, по-мужски, жёстко взял меня за подбородок, резко поднял к себе мокрое лицо... Что он чувствовал? И что мог сказать? В лучшем случае, если бы его всё это не рассердило, что-нибудь пошлое и банальное типа «Всё будет хорошо, успокойся». Или: «Я хотел как лучше»? «Постарайся и успеешь»?

Я слышу и сейчас его голос, неожиданные, тихие, удивлённые, какие-то детские слова: «А ведь ты, наверное, голодная!»

Он поднял меня, быстро-быстро увёл на кухню, посадил, и я, почти не осознавая, что происходит, зачарованно смотрела, как он, большой на маленькой кухне, всю её заполнив собой, включает чайник, отрезает толстый-претолстый кусок хлеба, ещё более толстый круг варёной колбасы. Что-то приговаривает, гладит по голове, суёт необъятный бутерброд мне в руку, заставляет пить очень крепкий и очень сладкий чай из пол-литровой кружки. И я всё это съела и выпила! Денег почти не было, и мне действительно нечего было есть эти несколько дней, но я ему не говорила и сама бы не догадалась о связи голода и отчаяния. А он понял и нашёл способ привести меня в чувство.

Вскоре мне действительно стало лучше, даже больше – хорошо.

Могу ли я забыть такое и не быть благодарной Николаю Андреевичу? Тех, кто проявлял по отношению ко мне подобную заботу и чуткость, на свете так немного...

У меня тогда не возникло никаких предчувствий, я не знала, что это наша последняя встреча, видно, слишком занята

была своими переживаниями. Знал ли он? Почему так торопил, заставляя пройти все формальности для защиты? Он никогда так не делал, никогда не давил на меня, никогда...

Уехала я с решимостью сделать всё возможное, а там будь что будет. О следующих двух неделях я даже не всё помню, но напечатала текст, по форме похожий на диссертацию, передала его с проводником. Ничего хорошего от этой затеи не ожидала, но продолжила интенсивно работать над диссертацией следующие месяцы, старалась её, как Николай Андреевич сказал бы, «собрать».

Через некоторое время пришло письмо от учёного секретаря совета Майи Фёдоровны Тузовой с датой защиты и именами оппонентов. Среди них было имя профессора МГУ В. Н. Прохоровой¹ – это был последний дар Николая Андреевича...

Когда я написала свою первую статью, которая ему понравилась [2], он сам повёл меня в редакцию журнала «Русская речь», а последнюю «аспирантскую» работу – диссертацию, уже без него я повезла В. Н. Прохоровой. Он выбрал оппонента, который стал для меня на многие годы родным человеком; по приглашению Валентины Николаевны и её мужа Левона Карапетовича (с его любимой присказкой «если кто понимает!») моя семья провела в их по-московски щедром доме много счастливых вечеров, с долгими, за полночь, задушевными разговорами о самом важном.

...В назначенный день я приехала в Москву и, как всегда, прямо с вокзала пришла на кафедру. Все сидели за столом, меня тоже посадили. Был... девятый день со дня смерти Николая Андреевича, о которой я не знала. П. А. Лекант налил мне и сказал, что мне не сообщали, так как не были уверены, что я приеду, если узнаю. Председатель совета опасался, вдруг не соберётся кворум (был год 50-летия

¹ Валентина Николаевна Прохорова (1923–2011) – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка МГУ имени М. В. Ломоносова, специалист по русской лексикологии и терминологии.

Победы – 1995-й, а защиту назначили на 11 мая, сразу после праздников, в которых многие члены совета – ветераны – активно участвовали); предупредил, что кое-кто захочет «отыграться» на аспирантке Н. А. Кондрашова за былые обиды. А мне всё время казалось, что защиты вообще почему-нибудь не будет.

И вот мне предоставили слово, а я молчу, смотрю на пустой стул, на кото-

ром обычно сидел на советах Николай Андреевич. Председатель всё громче шепчет мне: «Глубокоуважаемый председатель диссертационного совета!». Наверное, с третьей подсказки я повторяю за ним эти первые слова своего выступления.

Защита прошла успешно. Это был сороковой день...

ЛИТЕРАТУРА

1. Дони́на Л. Н. Педагогические профессии в отечественной традиции XI–XXI веков: Историко-лингвистический комментарий / вступ. ст. В.В. Колесова. СПб.: СПГУТД, 2010. 186 с.
2. Маляренко Л. Н. Кто такие фребелички-садовницы? // Русская речь. 1992. № 5. С. 118–122.
3. Маляренко Л. Н. Названия лиц педагогической профессии в русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: МПУ, 1995. 18 с.
4. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. № 5. С. 81–89.

REFERENCES

1. Donina L. N. *Pedagogicheskie professii v otechestvennoi traditsii XI–XXI vekov: Istoriko-lingvisticheskiĭ kommentarii* [The teaching profession in native traditions, 11-21 centuries: Historical and linguistic review]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design Publ., 2010. 186 p.
2. Malyarenko L. N. [Who are frebelichki-gardeners?]. In: *Russkaya rech'* [Russian speech], 1992, no. 5, pp. 118–122.
3. Malyarenko L. N. *Nazvaniya lits pedagogicheskoi professii v russkom yazyke: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The names of the persons of the teaching profession in the Russian language: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow Pedagogical Institute Publ., 1995. 18 p.
4. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дони́на Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: ldonina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liudmila N. Donina – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Russian as a Foreign Language and its teaching methods, Saint-Petersburg State University; e-mail: ldonina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дони́на Л. Н. Могу ли я забыть такое?... // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.

FOR CITATION

Donina L. N. Can I forget that?. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp.

УДК 82-94

DOI

ЭТО ПИСЬМО ПЕРЕВЕРНУЛО МОЮ ЖИЗНЬ...

Герасименко Н. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена воспоминаниям о видном слависте Н. А. Кондрашове. Подчёркивается его роль в изучении историографии лингвистики и педагогической деятельности. Отмечается вклад учёного в формирование филологического мышления у студентов и развитие критического взгляда на историю филологической науки. Мемуары содержат редкие подробности биографии автора, связанной в молодые годы с личностью профессора Н. А. Кондрашова. Воспоминания содержат также интересные эпизоды студенческой и аспирантской хроники МОПИ имени Н. К. Крупской, характеризуют детали психологического портрета педагога классической школы славистики, дают почти документальные сведения о культурной и общественной жизни страны в 1970–1980-е гг.

Ключевые слова: Н. А. Кондрашов, славянская филология, общее языкознание, история науки, лингвокультурология, речевой портрет

THIS LETTER TURNED MY LIFE AROUND...

N. Gersimenko

Moscow Region State University

24 ulitsa Very Voloshinoy, Mytichshi 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the memories of well-known slavacist N. Kondrashov. The role of this researcher in studying the historiography of linguistics and teacher training activities is emphasized. The author notes the importance of the scientist in the formation of philological thinking among students and the development of a critical view of the history of linguistic science. The memoirs contain rare details of the author's biography associated with her younger years of the personality of Professor N. Kondrashov. Reminiscences also include exciting episodes of student chronicles of N. Krupskaya Moscow Regional State Institute, presents details of psychological portrait of a teacher of the classical school of Slavonic studies, gives almost documentary information about the cultural and social life of the country in 1970–1980s.

Keywords: N. Kondrashov, Slavic Philology, General linguistics, history of science, cultural linguistics, speech portrait

Время – вещь необычайно длинная...

Мои воспоминания о Николае Андреевиче Кондрашове связаны с двумя периодами жизни – студенческим и аспирантским. В середине 70-х гг. прошлого века наш факультет был средоточием талантливых преподавателей-русистов. Здесь работали удивительные педагоги: Анна Фёдоровна Дружинина, Алексей Виссарионович Дудников, Павел Александрович Лекант, Нина Фёдоровна

Павлюченкова, Майя Фёдоровна Тузова, Вера Николаевна Шорохова и другие. Они были очень разными, но все преданно служили лингвистике. Н. А. Кондрашов руководил кафедрой русского языка долго и мудро. Ему непросто было объединять таких независимых людей. Каждый из них имел своё мнение и прямо высказывал его, однако заведующего всегда выручали находчивость и

© СС ВУ Герасименко Н. А.

юмор. Ещё и поэтому его уважали и... побавляли острого слова «пришельца» (до нас Николай Андреевич работал в МГУ).

Мы, студенты, конечно, не знали тогда о взаимоотношениях внутри кафедры – старшие коллеги скрывали от нас конфликты и обиды, но словесная риторика, или, как мы бы сейчас сказали, битва умов, иногда вырывалась наружу, и мы понимали, что не всё так просто...

Прогуливать занятия было не принято, опоздания тоже не приветствовались, хотя транспорт в те времена в Подмоскovie был развит значительно хуже, чем теперь. Однако достаточно было одного взгляда М. Ф. Тузовой и её фразы: «Поздно вато...», – чтобы желание входить в аудиторию после преподавателя исчезло надолго, если не навсегда.

Казалось бы, времена были самые застойные, многое было не дозволено. (Миниатюра Вячеслава Полунина «Низ-з-з-я» как раз про это время). Но сколько «запретного» могли мы узнать на занятиях по общему языкознанию и истории лингвистических учений (см. учебники: [3–5]), которые вёл у нас Н. А. Кондрашов! До сих пор встают перед глазами его потрясающие истории...

Так, рассказ о сложных теоретических проблемах вдруг мог прерваться рассуждением об идеологических скачках в лингвистике. И мы узнавали о трудах Н. Я. Марра и всеобщем признании научным сообществом этих работ, потому что он был главным идеологом-реформатором в лингвистике и занимал высшие должности в Академии наук СССР. А затем следовал рассказ об уничтожении всех его публикаций в библиотеках, потому что вышла книга И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (см.: [8]), развенчавшая яфетическую теорию бывшего любимца вождя.

В 70-е гг. XX в. обычный студент не мог об этом нигде прочитать. Голос свободы ворвался в лингвистику лишь во второй половине 1980-х. Такого рода информация поступала только от очевидцев – тех, кто лично присутствовал при обсуждении важных проблем. Конечно, Николай Андреевич по возрасту не застал академика

Н. Я. Марра, но отголоски «аракчеевского режима» в языкознании испытал на себе с лихвой и даже поплатился за это «наслаждение». Но таковы были обстоятельства, в которых он воспитывался (см. подробнее: [7]). Его старший коллега и учитель академик Н. С. Державин сам когда-то был марристом, а потом восстанавливал растерянную славистику в послевоенном МГУ. Именно к нему на кафедру и попал молодой задиристый лингвист. Кстати, Н. А. Кондрашов защищал свою кандидатскую диссертацию в 1949 г. [2], как раз в период очередного натиска марристов и борьбы с «безродными космополитами». Непростое это было время... Николай Андреевич знал о нём не понаслышке.

На лекциях Н. А. Кондрашова мы были потрясены рассказом о том, что основоположник современного структурно-семантического направления в лингвистике, выдающийся филолог, стилист, исследователь языка художественной литературы, впоследствии руководитель Института русского языка АН СССР Виктор Владимирович Виноградов, попав в опалу, был в негласной ссылке в Калинин и работал там на кафедре русского языка педагогического института. Как повезло студентам и преподавателям этого вуза! Но, оказывается, и мы можем позавидовать нашим предшественникам. В. В. Виноградов недолго, перед войной, работал в МОПИ на кафедре русского языка.

Мы получали от Н. А. Кондрашова много личной информации, которая не входила в программу, но расширяла наше представление о развитии науки. Так, однажды он пригласил к нам чешского лингвиста М. Кубика, с которым дружил. Мы слушали его лекцию. Это было необыкновенно – живой лингвист-иностранец!

Как мудрый педагог, Н. А. Кондрашов отлично понимал важность славистики в филологической подготовке будущих учителей. Анализируя опыт чтения пропедевтического курса «Введение в языкознание», против которого тогда выступали некоторые функционеры, он особенно отмечал, что «Введение в языкознание»

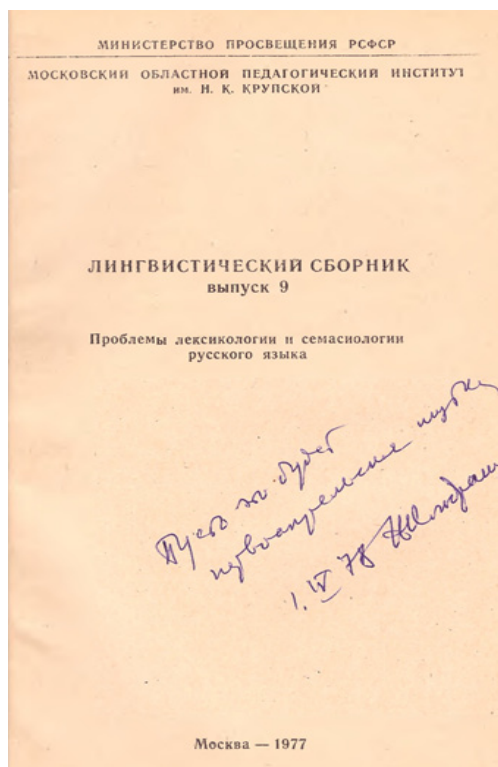
«имеет целью заложить основы славистических знаний и выработать приёмы филологического истолкования древних текстов. Именно поэтому он вобрал в себя наиболее существенные сведения из славянской филологии, которая не представлена в учебных планах педагогических институтов» [6, с. 6].

Николай Андреевич всегда выделялся независимостью суждений, свободным общением со студентами. Он не разделял границ между преподавателем и первокурсником. (В те времена вообще не было принято профессиональное общение со студентами как с коллегами). Научные споры с Н. А. Кондрашовым мы слышали не только на занятиях, но и в коридорах флигеля главного корпуса на улице Радио, где тогда располагался наш факультет, или на скамейке перед ним в хорошую погоду. Это было пространство филологии, заполненное людьми, которые знали и любили русский язык и литературу или хотели знать и любить эти предметы.

Николай Андреевич внимательно присматривался к выпускникам, проявлявшим интерес к лингвистике. Как заведующий кафедрой русского языка он старался привлечь таких студентов к научной работе, помнил их по именам, даже когда они разлетались по градам и весям необъятной страны. Такой неожиданный эпизод произошёл и в моей биографии и, можно сказать, решил будущую судьбу.

Окончив МОПИ с красным дипломом, я получила рекомендацию в аспирантуру от кафедры, но вместе с мужем уехала по распределению работать на Камчатку. Тогда поступать в аспирантуру можно было только имея двухгодичный опыт преподавательской работы и преимущественно по целевому направлению.

Я попала в очень хорошую школу в городе Петропавловск-Камчатский, получила классное руководство и часы в четвёртом классе. Как раз тогда проходил очередной эксперимент в образовании: начальная школа завершалась в третьем классе, а в четвёртом уже работали учителя-предметники. В моём классе было

Автограф Н. А. Кондрашова на титульном листе книги «Лингвистический сборник. Выпуск 9.

Проблемы лексикологии и семантики русского языка» (Москва, 1977)

45 человек. Тетради надо было проверять каждый день обязательно. А ещё работа с родителями, классные часы, внеклассные занятия и т. д. Я забыла не только о науке, но и о сне. Но Николай Андреевич обо мне не забыл.

Прошло ровно два года с момента моего переезда на Камчатку. И вдруг на уроке меня вызывают в коридор. Незнакомая девушка протягивает мне конверт и говорит, что это письмо ей передали из местного пединститута. В нём тогда работала ученица Н. А. Кондрашова кандидат филологических наук Марина Вениаминовна Сущёва. Не зная моего адреса, Николай Андреевич написал ей письмо и попросил найти меня и передать эту весточку. Трудно выразить моё изумление! На Камчатке, на краю света, в городской школе найти свою бывшую студентку и напомнить ей, что когда-то она «подавала надежды» ... Какое

же надо иметь сердце! Н. А. Кондрашов в свойственной ему грубовато-ироничной манере «назидал» (к сожалению, письмо из-за многочисленных моих переездов не сохранилось, восстанавливаю его текст по памяти): «Надолго ли ты, убогая, решила похоронить себя на окраине Российской империи? Хочу тебе напомнить, что мозги без тренировки разрушаются. На Камчатке есть пединститут. Иди туда на кафедру русского языка с моим письмом и направлением. Они могут послать тебя в аспирантуру целевым назначением...».

Это письмо перевернуло мою жизнь. Я, конечно, пошла в пединститут, где, благодаря рекомендации Н. А. Кондрашова, мне дали направление в целевую аспирантуру. (Справедливости ради надо сказать, что я их не подвела. После успешной защиты кандидатской диссертации [1] я вернулась на Камчатку, много лет проработала на кафедре русского языка, в том числе и в должности заведующего). Но это было позже.

В 1978 г. я поступила в аспирантуру в МОПИ. В круг моих обязанностей входили преимущественно самостоятельные занятия в библиотеке, участие в деятельности кафедры (выполнение поручений заведующего, помощь преподавателям, работа на подготовительных курсах), а посещение ежемесячных заседаний было для аспирантов обязательным. Там мы тоже учились, потому что на кафедре обсуждались диссертации, новинки лингвистики, словари и грамматики.

Н. А. Кондрашов, будучи председателем диссертационного совета, много и серьёзно занимался аспирантами. Мы должны были присутствовать на всех заседаниях совета и делали это с удовольствием, потому что в те времена к нам приходили очень интересные, яркие учёные: В. В. Бабайцева, И. Г. Добродомов, Г. А. Золотова, Л. Ю. Максимов и другие. Порой отзывы о диссертациях были жёсткими, нелицеприятными, но всегда справедливыми и для нас, аспирантов, поучительными. Николай Андреевич нередко и сам задавал острые вопросы. Так, он мог «для разогрева» на защите диссертации

по синтаксису потребовать исторических комментариев к описываемому явлению, а потом во всеулышание заявить:

– А что, у нас существует исторический синтаксис?

В полемику включались Л. Ю. Максимов, И. Г. Добродомов, а удовлетворённый председатель диссертационного совета сидел, сложив руки на столе, и прятал улыбку: он обеспечил обязательную для протокола дискуссию.

Н. А. Кондрашов обладал критическим складом ума, что не могло не сказаться на его отношении к аспирантам. С одной стороны, он, как «отец родной», всегда вникал в жизненные проблемы своих учеников, разрешал уехать к родителям, детям, устроить себе небольшой отпуск, чтобы потом с новыми силами работать над диссертацией. С другой стороны, он не прощал обмана, лени и лицемерия. Была у Николая Андреевича одна аспирантка (назовём её Н.), которая никак не могла понять свою тему и спрашивала у всех, о чём ей надо писать. Тема, и правда, была трудная, новаторская по тем временам. К концу первого года обучения, устав объяснять, что надо делать, он устроил ей настоящий разнос на заседании аспирантского объединения:

– Ты, бездарь, не умеешь ни читать, ни писать! За год не смогла разобраться в проблеме.

Но он не отчислил её, а дал ей другую тему, оценив её возможности и понимая, что она должна вернуться в свой город, окончив аспирантуру.

Для нас Николай Андреевич вёл аспирантский научный семинар, на котором вся молодёжь кафедры должна была выступать с докладами и отчитываться о том, что сделано по теме диссертации. Здесь, среди своих, он вёл себя как самый строгий критик, не щадя самолюбия начинающих исследователей. Жёсткие эпитеты сыпались, как из рога изобилия (это вообще было в манере Н. А. – использовать экспрессивную лексику в оценках):

– Пораскинй своим слабым умишком!

Или по-другому:

– Ваша недалёкость меня потрясает!

А иногда и вот так:

– Полное лингвистическое невежество!

Мы панически боялись его анализа и категорических высказываний. Но это было очень действенное средство. Чтобы не получить разнос, мы сто раз думали, что писать и говорить. Зато какое счастье было услышать от него:

– Да у тебя есть мысли. Молодец!

Только по прошествии времени начинаешь понимать, что он готовил нас к серьёзным научным дискуссиям на защите, учил отстаивать своё мнение. И прежде всего учил это мнение иметь.

Родным домом аспиранта и ночным клубом была библиотека. Интернета тогда не было, вся научная литература находилась на книжных полках. Поэтому мы почти ежедневно приходили в читальный зал Ленинки (так любовно мы назвали главную библиотеку страны) и проглатывали горы книг, журналов, сборников. Иногда приходилось долго ждать заказанной литературы из хранилища. Тогда наступало время отдыха.

Николай Андреевич регулярно появлялся в библиотеке, заходил в третий зал, где занимались аспиранты, поглядывал, кто сегодня пришёл, а кого нет. Конечно же, это не входило в его обязанности, но он хотел знать, как работают аспиранты кафедры. Часто во время его приходов в кулуарах возникали посиделки – разговоры о «филологии жизни». Он не уставал повторять, что в любой научной работе главное – последовательность и трудолюбие.

– Вам часто кажется, что вы читаете бесполезные книги, в них ничего нет по вашей теме, но в это время расширяется ваше представление о науке. Читайте, думая, а не скользя глазами по тексту. Тогда вы увидите неожиданный поворот, который ведёт к вашей теме, к вашему открытию.

Для самого Николая Андреевича писать ежедневно, без выходных было правилом. Его он распространял и на аспирантов:

– Две страницы в день ты должна написать в любых условиях. Получится больше – хорошо, не получится – на следующий день – 4 страницы.

Мы запомнили это на всю жизнь.

Николай Андреевич обладал удивительным чувством юмора, часто жёстким, но иногда добродушным. Так, например, он любил повторять, когда его спрашивали о какой-то кандидатской диссертации:

– Хорошая работа. 150 страниц через полтора интервала, со списком литературы. Что ещё надо?

У меня осталось несколько автографов Николая Андреевича, которые подчёркивают эту его черту. Так, наряду с обычным «Наталье Аркадьевне Герасименко от редактора» он мог написать: «Пусть это будет первоапрельская шутка», когда дарил мне, занимавшейся грамматикой, синтаксисом, сборник статей по проблемам лексикологии. Николай Андреевич с некоторым ехидством относился к модным в то время терминам *предикация*, *предикат*, *предикативность*, а мы, начинающие грамматисты, были увлечены новыми лингвистическими явлениями и активно их изучали и описывали в своих работах. Ироническое отношение к этому проявилось в надписи на другом сборнике, подаренном мне Николаем Андреевичем: «В знак скрытой предикации».

Спустя много лет понимаешь, что лысоватый, невысокий, корпулентный, как сейчас бы деликатно сказали (а сам бы он произнёс *лысый и толстый*), профессор Кондрашов был настоящий былинный герой. Богатырь мысли, богатырь души!

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасименко Н. А. Грамматическая форма и семантическая структура предложений тождества в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1981. 211 с.
2. Кондрашов Н. А. Категория личности и неличности в словацком языке: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 1949. 262 с.
3. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (курс лекций). Ч. I. История языкознания. М.: МОПИ имени

- Н. К. Крупской, 1972. 173 с.
4. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (курс лекций). Ч. II. Проблемы языкознания и методы изучения языка. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1974. 171 с.
 5. Кондрашов Н. А. История лингвистических учений: учеб пособие для студ. пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1979. 224 с.
 6. Кондрашов Н. А. Соотношение общелингвистических и историко-лингвистических циклов в системе подготовки учителя-словесника // Географические и хронологические пределы распространения русского слова. Лингвистический сборник. Вып. 13. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1979. С. 3–10.
 7. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. Т. 80. № 5. С. 81–89.
 8. Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Политиздат, 1950. 114 с.

REFERENCES

1. Gerasimenko N. A. *Grammaticheskaya forma i semanticheskaya struktura predlozhenii tozhdestva v sovremennoy russkom yazyke: diss. ... kand. filol. nauk* [The grammatical form and semantic structure of identity sentences in modern Russian]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya, 1981. 211 p.
2. Kondrashov N. A. *Kategoriya lichnosti i nelichnosti v slovatskom yazyke: diss. ... kand. filol. nauk* [The category of person and impersonal in the Slovak language: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 1949. 262 p.
3. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie: (kurs lektzii). Ch. I. Istoriya yazykoznaniiya* [General linguistics: (course of lectures). Part I. The History of linguistics]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1972. 173 p.
4. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie: (kurs lektzii). Ch. II. Problemy yazykoznaniiya i metody izucheniya yazyka* [General linguistics: (course of lectures). Part II. Problems of linguistics and methods of language learning]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1974. 171 p.
5. Kondrashov N. A. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [History of linguistic doctrines]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1979. 224 p.
6. Kondrashov N. A. [Correlation of general linguistic and historical-linguistic cycles in the training system of a teacher-vocabulary]. In: *Geograficheskie i khronologicheskie predely rasprostraneniya russkogo slova. Lingvisticheskii sbornik. Vip. 13* [Geographical and chronological limits of the spread of the Russian word. Linguistic collection. Iss. 13] M Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1979, pp. 3–10.
7. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.
8. Stalin I. V. *Marksiizm i voprosy yazykoznaniiya* [Marxism and problems of linguistics]. Moscow, Politizdat Publ., 1950. 114 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Герасименко Наталья Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;
e-mail: nataly@lsm.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natal'ya A. Gerasimenko – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Modern Russian Language, Moscow Region State University, Honorary Worker of higher professional education of the Russian Federation;
e-mail: nataly@lsm.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Герасименко Н. А. Это письмо перевернуло мою жизнь... // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.

FOR CITATION

Gerasimenko N. A. This letter turned my life around... .In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp.

УДК 82-94

DOI

«ПАДАЮЩИЕ ХЛОПЬЯ СНЕГА...» (ВСПОМИНАЯ УЧИТЕЛЯ)

Горбунова Л. Г.

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68, Российская Федерация*

Аннотация. Воспоминания о профессоре Н. А. Кондрашове погружают в атмосферу общественной и культурной жизни страны конца 1980-х–начала 1990-х гг., рассказывают о филологическом быте того времени и рисуют живой портрет слависта глазами ученицы. Фигура знаменитого лингвиста показана с необычной стороны: как педагог редкого дара, человек строгого, волевого характера, мудрый и ироничный, обладавший широчайшими познаниями в истории лингвистических наук. Автор рассказывает об эпизодах знакомства и общения с Н. А. Кондрашовым, восстанавливает подлинную картину диалогов и размышлений учёного о новых явлениях в социальной жизни страны, подчёркивает его исключительные человеческие качества.

Ключевые слова: Н. А. Кондрашов, аспирантура, лингвистика, история филологии, мемуаристика, речевой портрет

“FALLING SNOWFLAKES” (REMEMBERING THE TEACHER)

L. Gorbunova

*National Research Ogarev Mordovia State University
68 ulitsa Bol'shevistskaya, Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation*

Abstract. Memories of Professor N. Kondrashov immerse into the atmosphere of the social and cultural life of the country in the late 1980s – early 1990s, talk about the philological life of the time and draw a living portrait of the Slavist through the eyes of a post-graduate. The figure of the famous linguist is shown from an unusual side: as a teacher of a rare gift, a man of strict, strong-willed character, wise and ironic, who had the most comprehensive knowledge in the history of linguistic sciences. The author tells about episodes of acquaintance and communication with N. Kondrashov, restores the accurate picture of the dialogues and reflections of the scientist about new phenomena in the social life of the country, emphasizes his exceptional human qualities.

Keywords: N. Kondrashov, postgraduate studies, linguistics, history of philology, memoirs, speech portrait

Мне посчастливилось учиться в очной целевой аспирантуре МОПИ имени Н. К. Крупской на кафедре современного русского языка в 1987–1990 гг. Научным руководителем был назначен А. В. Дудников – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Академии педагогических наук СССР, который тоже как русист руководил диссертациями не только на своей кафедре методики, но и на соседней. Увы, находиться с ним рядом мне пришлось недолго: тяжёлая болезнь не позво-

лила Алексею Виссарионовичу полноценно трудиться. Полтора года я самостоятельно исследовала определённый им круг вопросов по теме диссертации и в конце концов пришла к выводу, что материал нужно направить в русло коммуникативно-семантического истолкования, что в те годы было несчастным явлением. Ощущала острую необходимость в квалифицированных консультациях. Именно в этот момент заведующий другой кафедрой – современного русского языка, и председатель диссертаци-

ционного совета П. А. Лекант обратился с просьбой к профессору Н. А. Кондрашову взять меня под неофициальную опеку, помочь подготовиться к защите.

О Николае Андреевиче среди аспирантов ходили легенды. Его и обожествляли, и боялись. Одни утверждали, что он жёсткий и прямолинейный человек, который может сказать своим подопечным, чтобы они возвращались туда, откуда приехали, потому что наука без них обойдётся (даже предположение об этом на некоторых аспирантов влияло катастрофически. Так, наша сокурсница Л. Кожанова отказалась от защиты, уничтожив уже готовую рукопись диссертации!). Другие, напротив, говорили, что это мудрейший человек, оказывающий ученикам неоценимую помощь.

Первая встреча состоялась после того, как я написала 40 страниц теоретической главы. Он назначил мне встречу через неделю. И вот я пришла на страшный суд... А Николай Андреевич вдруг стал спрашивать по списку источников имена и отчества учёных:

– Малащенко В. П. – как зовут? Ринберг В. Л. – мужчина или женщина?

Отвечаю:

– Валентин Прокофьевич Малащенко. А Вера Львовна Ринберг – женщина.

Его глаза засмеялись на мой лепет, но ответы были правильными, поэтому назад в Саранск он меня не отправил. Уже хорошо.

После этого я осмелела и попросила его разрешения изменить тему диссертационного исследования: от структурно-семантического описания присоединения в русском языке (на тот момент таких работ уже было очень много) на типологию средств выражения присоединительных отношений в бессоюзном сложном предложении. При этом нужно было описать оба явления (присоединение и бессоюзие) в коммуникативно-семантическом плане. Николай Андреевич немного помолчал, а потом начал говорить о том, что пришло время расширять привычные горизонты, уходить от уже изученного к современным направлениям исследований. Поэтому мой подход кажется ему актуальным и нужно только несколько уточнить методологию,

взять работы ещё нескольких авторов и т. д. Я была на седьмом небе!..

Так, по его рекомендации прочитала статью С. О. Карцевского «Об асимметричном дуализме лингвистического знака» [2], где высказывалось мнение об особых свойствах интонации, которая формирует особую – добавочную – семантику... Благодаря Николаю Андреевичу я нашла авторитетное «подтверждение» своим мыслям и поверила в правильность пути анализа явления.

После этой консультации мы встречались на заседаниях кафедры, учёного совета. Однажды он решил показать мне процедуру защиты докторской диссертации. Это была работа по синтаксису сложносочинённого предложения в МГПИ им. В. И. Ленина. По ходу защиты Николай Андреевич комментировал замечания членов совета, концепцию автора. Помню, что было страшно, так как учёные камня на камне не оставили от той работы.

– Вот смотри: сейчас они [члены совета] его потреплют, а потом всё равно «за» проголосуют. А зря!

И правда, «чёрные шары» были, но диссертация всё же удостоилась докторской степени. Было ясно, что работа шефу не понравилась, была крайне слабой, поэтому он даже отстранился от участия в её обсуждении. При этом добывать соискателя не стал.

Только позже я поняла, что это был своеобразный «урок» от Николая Андреевича. Он говорил, что нужно быть убедительной, иметь веские аргументы, уметь предугадывать вопросы.

Как-то летом, уже в конце третьего года обучения, он назначил мне встречу дома – на Ленинском проспекте. Было крайне волнительно, хотелось произвести впечатление не только очередным текстом, но и своей персоной... Я так тщательно собиралась, что опоздала на последнюю электричку. Перед перерывом в движении на 4 часа... В результате я приехала к нему не в 12 часов, как было условлено, а в 19.00. Никогда не забудется, как он открывает дверь и говорит:

– Ну вот, а я уж 30 минут как ждать перестал!

Чувство юмора у Николая Андреевича было потрясающим!

Я посетила не одну лекцию Н. А. Кондрашова по общему языкознанию. Он великолепно излагал теоретический материал, разбавляя его байками о великих учёных. Именно от него я узнала, что Ф. Ф. Фортунатов мог читать лекцию при пустой аудитории. Он не преследовал нерадивых студентов, так как был слишком поглощён наукой. Правда, один ученик у него всегда в аудитории был – А. А. Шахматов, будущий академик.

Имя В. В. Виноградова всегда вызывало священный трепет, а Николай Андреевич говорил о нём как об очень земном человеке¹. Однажды, в бытность Н. А. Кондрашова аспирантом, он присутствовал на одной дружеской встрече, после которой должен был довести академика до дома. Каким же был ужас аспиранта Кондрашова, когда утром вместо своего диссертационного текста он обнаружил в портфеле бутылку водки и колбасу! Хуже всего – портфель он взял виноградовский, а свой, такой же жёлтый, оставил академику²... Про В. В. Виноградова он ещё рассказывал, как того три раза забирал чёрный воронок. Жена Виктора Владимировича трижды собирала мужу узелок с вещами... К счастью, поездки каждый раз заканчивались... в Кремле. Из-за чёрной портферы о

¹ В 1952–1956 гг. Н. А. Кондрашов по приглашению академика В. В. Виноградова работал в журнале «Вопросы языкознания», был свидетелем и участником многих исторических событий [3, с. 82–83] и до конца жизни сохранил преданность и уважение к его личности, даже в те годы, когда В. В. Виноградов был отправлен в отставку.

² Рассказанная история подлинная и, очевидно, могла обрастать разными дополнениями при ярком драматическом таланте Н. А. Кондрашова. По воспоминаниям Л. П. Рупосовой, это произошло во время его работы в старом здании МГУ на Моховой, где был общий большой зал для кафедр филологического факультета. В. В. Виноградов по ошибке взял похожий портфель и ушёл с ним домой (о его содержимом, так красноречиво описанном в данном эпизоде, ничего не говорилось). Вскоре на факультет позвонили и попросили вернуть подлинный «виноградовский» портфель. Н. А. Кондрашов пошёл к академику домой, где и состоялось их близкое знакомство... Что произошло там – отдельная документальная история.

проблемах языкознания с учёным беседовал вождь. И только в конце третьей встречи из-за шторы показалась рука, которую Виноградов пожал. Николай Андреевич так художественно, почти по-театральному это рассказывал, что мы ловили себя на мысли, как будто находимся в первом ряду импровизированного театра. Наверное, он что-то потом сам «додумывал», иногда «разукрашивал» для нас сюжет, но его историческую подоплёку мы усваивали надолго.

В девяностом году был уже очевиден крах страны. Николай Андреевич очень глубоко переживал за Родину. Особую боль ему причиняло умаление роли русских людей в решении внутренних политических вопросов, отсутствие уважения к русскому человеку. Однажды, прочитав в одной из центральных газет интервью с тогдашним мэром Москвы, он стал буквально метаться по кабинету, возмущенно возражая невидимому оппоненту, опровергать его слова. Он видел слабость и лживость московских (и не только) политиков тех лет. Как показало время, Н. А. Кондрашов был всесторонне информирован о событиях, все его прогнозы, увы, сбылись...

Фазиль Искандер писал: «Простота есть безусловное следствие внутренней полноценности человека». Это высказывание в полной мере характеризует Николая Андреевича. Его знания можно охарактеризовать как энциклопедические: он знал почти все славянские языки, французский (на заседании диссертационного совета у коллег-романистов рассказывал, что является экспертом Сорбонского университета, пишет французам статьи, различные отзывы, бывает оппонентом). Его рабочий стол всегда был завален рукописями и письмами. И самыми разнообразными газетами. Он видел всю проблематику языковых явлений, с лёгкостью выстраивал причинно-следственные связи, делал прогнозы. При этом в общении Николай Андреевич был чрезвычайно прост: он не имел склонности к самолюбованию и всегда чувствовал собеседника, располагал к себе. Его интеллект, доброта и чувство юмора производили на меня почти гипнотическое воздействие.

Несмотря на возраст, Николай Андреевич в глубине души, по-моему, оставался юным. Он был романтиком – мог передать только что подаренный ему соискательницей букет своей аспирантке, с восторгом рассказать, как его внук пре- красно в свои 12 лет играет в шахматы.

За своих подопечных наш профессор переживал по-настоящему, хотя и не говорил об этом. Мы, аспиранты, знали только то, что на защите ему на стол нужно положить горку конфет (от волнения у него сильно падал сахар в крови).

Я бесконечно благодарна Николаю Андреевичу за добро и искреннее расположе-

ние ко мне, за помощь в работе. В автореферате я не имела права поставить его имя в качестве руководителя [1]. Смогла лишь на первой странице дать сноску с благодарностью за помощь.

После успешной защиты в декабре 1990 г. я несколько раз звонила ему, поздравляя с праздниками. А он отправил мне несколько открыток и писем. Они были очень тёплыми, мудрыми, немного грустными. Говорил, что за окнами трам- вая – уже новая Москва, а падающие хлопья снега похожи на пепел, посыпавший страну. Было начало девяностых...

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбунова Л. Г. Типология и средства выражения присоединительных отношений в бессоюзном сложном предложении: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1990. 20 с.
2. Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. С. 85–90.
3. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. № 5. С. 81–89.

REFERENCES

1. Gorbunova L. G. *Tipologiya i sredstva vyrazheniya prisoedinitel'nykh otnoshenii v bessoyuznom slozhnom predlozhenii: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Typology and Means of Expression of Joining Relations in an All-Union Complex Sentence: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya, 1990. 20 p.
2. Kartsevskii S. O. [On the asymmetric dualism of a linguistic sign]. In: Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaviya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. Ch. 2* [History of linguistics of the 19–20 centuries in essays and extracts. Part 2]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1965, pp. 85–90.
3. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горбунова Любовь Генриховна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, заместитель декана по учебной работе филологического факультета Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва;
e-mail: gorbunova63@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyubov' G. Gorbunova – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Russian, Deputy Dean for academic affairs of Philological faculty, National Research Ogarev Mordovia State University;
e-mail: gorbunova63@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горбунова Л. Г. «Падающие хлопья снега...» (Вспоминая учителя) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.

FOR CITATION

Gorbunova L. G. “Falling snowflakes” (remembering the teacher). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp.

УДК 82-94

DOI

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА Н. А. КОНДРАШОВА, ИЛИ КАК НЕ БЫТЬ ИСПУГАННЫМ СТРАУСОМ

Жигулина Н. А.

Вятский государственный университет

6100020, г. Киров, ул. Московская, д. 36, Российская Федерация

Аннотация. В воспоминаниях раскрывается многогранная личность профессора Н. А. Кондрашова. Автор рассказывает о знакомстве с учёным и своих первых шагах в филологии, говорит о его редких качествах как научного руководителя, отмечает неизвестные черты из биографии слависта. В беседах с Н. А. Кондрашовым, переданных в мемуарах почти с фактологической точностью, особо подчёркиваются неординарные свойства языковой личности педагога: афористичность, нарочито грубоватая ирония, желание помочь аспирантке и взбодрить её шутками, высокое учительское достоинство реплик и диалогов, нравственная сила слова.

Ключевые слова: Н. А. Кондрашов, лингвистическая школа, языковая личность, филология, психологический портрет

LINGUISTIC SCHOOL BY N. A. KONDRASHOV, OR HOW NOT TO BE A SCARED OSTRICH

N. Zhigulina

Vyatka State University

36 ulitsa Moskovskaya, Kirov 610020, Russian Federation

Abstract. The memoirs reveal the multifaceted personality of Professor N. Kondrashov. The author tells about the acquaintance with the scientist and her first steps in Philology, speaks about his rare qualities as a supervisor, notes unknown features from the biography of the Slavist. Conversations with N. Kondrashov, passed in the memoirs almost factual accuracy, highlight the extraordinary properties of a language personality of a teacher: the aphoristic nature, deliberately blunt irony, a desire to help the student and cheer her up with jokes, high of teacher's dignity replicas and dialogues, the moral power of the word.

Keywords: N. Kondrashov, linguistic school, language personality, philology, psychological portrait

Я прилетела из Южно-Сахалинска в Москву, чтобы подать документы в аспирантуру. В столице я была в первый раз. Май 1982 года был солнечным и очень тёплым. Найдя факультет русского языка и литературы МОПИ имени Н. К. Крупской, я зашла на кафедру русского языка, которая после яркого солнца казалась сумрачной. Там сидел человек с умными и насмешливыми глазами, одет он был в светло-серый костюм, голубую рубашку с атласным серым галстуком, и летняя на-

рядность его костюма являла собой контраст с унылостью помещения. Я поздоровалась и назвала себя. Николай Андреевич неторопливо и коротко, почти не затягиваясь, попыхивал сигаретой и с живостью спросил:

– Ну, как там погода на Сахалине?

Когда я ответила, что такая же, как в Москве, удивился и потерял к теме интерес. Листая мой вступительный реферат с названием «Лингвистический анализ композиции «Книги избранной вкратце о де-

вятих мусах и о седмих свободных художествах» Н. М. Спафария», задавал быстрые вопросы:

– Зачем взяла Спафария? Почему эти языковые средства irrelevantны? Ты думаешь, что в XVII веке был научный стиль?

Посмотрев библиографию, ехидно заметил:

– Да тебе не со мной, а с Горшковым¹ надо говорить.

Это было справедливое замечание: я цитировала А. И. Горшкова чуть ли не на каждой странице. Особенно мне нравилось его суждение, что исследования по исторической стилистике – это «фарватер лингвистической науки». Я начала отвечать на вопросы, но Кондрашов перебил меня, сказал, что реферат прочтёт, и назначил «свидание».

К нему я готовилась как к собеседованию, но вторая встреча была короче первой. Н. А. Кондрашов, ни о чём меня не спрашивая, сказал:

– Красная цена твоему реферату – три копейки в базарный день.

Я была ошеломлена: три копейки за «фарватер науки»?! Кондрашов заметил, что я обиделась, и хмыкнул:

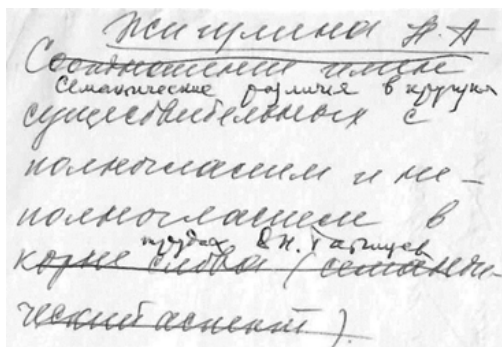
– Ну, не три копейки...

Немного помолчав, добавил:

– Три копейки с половиной.

Это была катастрофа. Я засобирилась уходить. Но Николай Андреевич остановил меня и спросил, читала ли я Татищева. Получив отрицательный ответ, заинтересовался, знаю ли я, кто такой Татищев? Я знала. Николай Андреевич смягчился и рассказал, что его аспирантка Уринса Пирмаханова написала диссертацию о лингвистических воззрениях Татищева [4] и сейчас было бы хорошо исследовать язык его трудов. Выделяя слово «свой», Н. А. Кондрашов проговорил на прощанье:

– Если ты не очень привязана к своему Спафарию, то поезжай на свой Сахалин.

Записка Н. А. Жигулиной с правкой Н. А. Кондрашова. Сентябрь 1983 г.

Возьми там «Историю Российской» и почитай, а потом напиши мне.

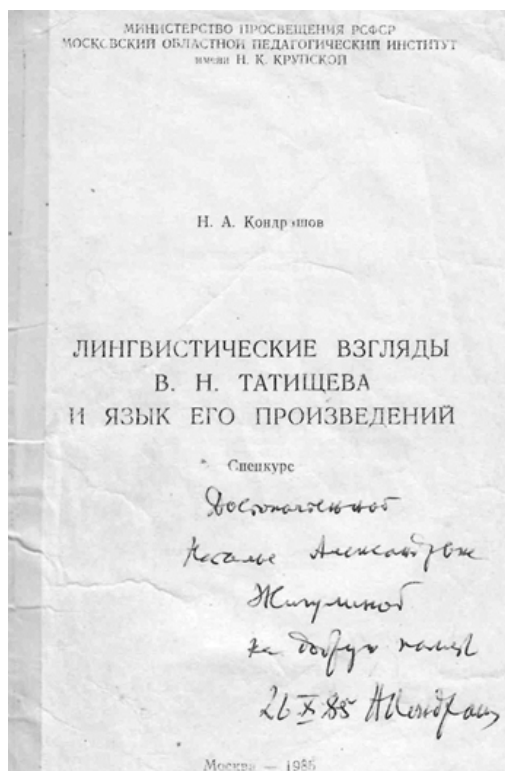
Я улетела домой и начала читать Татищева.

Аспиранткой я ходила к Николаю Андреевичу на лекции. Читал он их замечательно (ср.: [3]). Кондрашов был «един в трёх лицах» – учёный, педагог и оратор. Из громадного материала он выбирал самое важное и нужное, облакал свою мысль в такую форму, чтобы она была доступна для понимания и будила интерес студентов. Николай Андреевич не обладал от природы сильным голосом, и звук «р» звучал неотчётливо, но широкая эрудиция Кондрашова, точность формулировок и определений, ясность изложения и юмор делали незаметными эти недостатки.

Кондрашов мастерски владел вниманием студентов. Он сразу же замечал их утомление и вспоминал к месту лингвистический анекдот или историю. Я была свидетелем такого экспромта. Николай Андреевич, рассказывая о славянской ветви языков, давал обильный фактический материал, свободно оперировал географическими сведениями, цифрами, называя количество людей, говорящих на том или другом славянском языке. Обратив внимание студентов на уменьшение числа людей, говорящих на славянских языках, включая чешский, Кондрашов вспомнил Р. О. Якобсона², как тот показывал ему в

¹ Александр Иванович Горшков (род. 1923 г.) – филолог русист, доктор филологических наук, профессор, специалист по истории русского литературного языка и стилистике.

² Роман Осипович Якобсон (1896–1982) – знаменитый русский учёный, один из организаторов и участников Пражского лингвистического кружка.

Автограф Н. А. Кондрашова на его книге «Лингвистические взгляды В. Н. Татищева и язык его произведений» (Москва, 1985)

Праге свои любимые «пивницы», как они, гуляя по городу, заметили, что в Праге очень мало детей. Николай Андреевич обвёл взглядом аудиторию, театрально развёл руками и с сокрушённым видом сказал:

– Уж не знаю, почему чешские женщины не хотят рожать? Или, может, чехи не хотят? Это опасная тенденция.

Студенты оживились, заулыбались, и лекция продолжилась.

У Кондрашова был талант учить, не поучая. Он никогда не говорил, что надо написать, а всегда говорил: «Напиши что-нибудь, выступи с чем-нибудь». Я думаю, что Николай Андреевич имел ясное представление о моих возможностях, а также о недостатках моего мышления и образования. Вспоминаю, как перед началом заседания кафедры он оглянулся на задние ряды, где обычно сидели аспиранты, поманил меня и сказал: «Надо выступить на конференции, напиши что-нибудь». Подумав, я

послала ему записку. Кондрашов взял ручку, быстро написал и отправил её назад. Моя неуклюжая неопределённость темы под рукой Н. А. Кондрашова отлилась в точную и ясную формулировку. Записка эта сохранилась.

Быть аспиранткой Н. А. Кондрашова – это хорошая школа, не только научная и учебно-методическая, но и жизненная. К концу первого года аспирантуры я интуитивно собрала большую и довольно пёструю картотеку, но совершенно не знала, что делать с этим материалом. В голове моей не было даже намёка на какую-нибудь идею, как систематизировать материал. Я мучилась, чувствовала себя беспомощной и боялась вызвать недовольствие научного руководителя. А потому была незаметной и старательно избегала с ним встреч. Моя «игра в прятки» надоела Николаю Андреевичу, он вызвал меня сам и велел принести всё, что у меня есть. Разговаривал со мной на «вы» и даже один раз назвал меня по имени-отчеству. Это было очень плохим признаком.

Н. А. Кондрашов внимательно просмотрел папки с материалом и определил его как интересный.

– Что собираешься дальше делать? – спросил он.

Я невнятно произносила общие слова, но честно сказать, что не имею ни малейшего представления об этом, боялась. Взглянула на Николая Андреевича, ожидая грозы, но он был спокоен и серьёзен:

– Ты ведёшь себя как испуганный страус! Бессмысленно зарывать голову в песок!

И дальше:

– Когда страшно, поднимайся! Рви рубашку на груди, кричи «ура» и иди вперёд.

Вроде, после этого разговора ничего не изменилось, меня не «озарило», вопросы остались без ответов, но я почувствовала облегчение. Ещё много раз в своей жизни я, теряя остатки храбрости, падая духом, вела себя как испуганный страус. Тогда я вспоминала моего научного руководителя **Н. А. Кондрашова** и слышала сочувственный и ободряющий голос: «Поднимайся, иди вперёд».

В 1985 г. я успешно закончила аспирантуру и защитила диссертацию [1]. Пасмурным октябрьским днём зашла на кафедру попрощаться перед отъездом. Николай Андреевич достал из портфеля свой спецкурс «Лингвистические взгляды В. Н. Татищева и язык его произведений» [2] и написал: «Достопочтенной Наталье

Александровне Жигулиной на добрую память». Меня до сих пор смущает слово «достопочтенная». То ли Кондрашов пошутил, то ли он сердился на меня за что-то. Если это так, простите меня, Николай Андреевич! Спасибо Вам за школу!

ЛИТЕРАТУРА

1. Жигулина Н. А. Лексика произведений В. Н. Татищева: функционально-семантический анализ имен существительных: дисс. ... канд. филологических наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1985. 219 с.
2. Кондрашов Н. А. Лингвистические взгляды В. Н. Татищева и язык его произведений: Спецкурс. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1985. 69 с.
3. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. № 5. С. 81–89.
4. Пирмаханова У. Б. Лингвистические взгляды В. Н. Татищева: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1982. 187 с.

REFERENCES

1. Zhigulina N. A. *Leksika proizvedenii V. N. Tatishcheva: funktsional'no-semanticheskii analiz imen sushchestvitel'nykh: diss. ... kand. filologicheskikh nauk* [Vocabulary of the works of V. Tatishchev: functional-semantic analysis of nouns: thesis: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya 1985. 219 p.
2. Kondrashov N. A. *Lingvisticheskie vzglyady V. N. Tatishcheva i yazyk ego proizvedenii: Spetskurs* [Linguistic views of V. Tatishchev and the language of his works: a special Course]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1985. 69 p.
3. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.
4. Pirmakhanova U. B. *Lingvisticheskie vzglyady V. N. Tatishcheva: diss. ... kand. filol. nauk* [Linguistic views of V. Tatishchev: D thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya, 1982. 187 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жигулина Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Вятского государственного университета (на пенсии);
e-mail: 89628937952@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natal'ya A. Zhigulina – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Russian As a Foreign Language, Vyatka State University, Vyatka, Russian Federation;
e-mail: 89628937952@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Жигулина Н. А. Лингвистическая школа н. А. Кондрашова, или как не быть испуганным страусом // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.

FOR CITATION

Zhigulina N. A. Linguistic school by N. A. Kondrashov, Or how not to be a scared ostrich. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp.

УДК 82-94

DOI

«ПОВЕЗЛО НАМ, ЧТО ТОГДА МЫ У НИКИТКИ СОБРАЛИСЬ» (ВСПОМИНАЯ НИКОЛАЯ АНДРЕЕВИЧА КОНДРАШОВА)

Жигулина Н. А.*Вятский государственный университет**6100020, г. Киров, ул. Московская, д. 36, Российская Федерация*

Аннотация. Воспоминания показывают профессора Н. А. Кондрашова как мастера особого филологического жанра «история в лицах». Под воздействием его творчества на лекциях оживали интересные и правдивые документальные повести из общественной жизни страны. Автор не скрывает восторга от педагогического таланта Н. А. Кондрашова, применявшего на своих занятиях и в личных беседах приёмы драматического искусства. В заметках также описаны неизвестные эпизоды из биографии учёного конца 1940-х гг., его увлечение языком эсперанто под идеологическим зонтиком государства, которое чуть было не привело к трагедии. Эмоциональный лирический тон воспоминаний рисует необыкновенную личность Н. А. Кондрашова в кругу учебных занятий 1980-х гг.

Ключевые слова: Н. А. Кондрашов, биографии в лицах, история России, педагогика, философия науки, языковая личность, занимательная лингвистика XX века

“WE WERE LUCKY THAT THEN WE GATHERED WITH NIKITA...” (REMEMBERING NIKOLAI ANDREEVICH KONDRASHOV)

N. Zhigulina*Vyatka State University**36 ulitsa Moskovskaya, Kirov 610020, Russian Federation*

Abstract. Memories show professor N. Kondrashov as master of a particular linguistic genre of “history in faces.” Under the influence of his work, exciting and truthful documentary stories from the public life of the country came to life at lectures. The author does not hide the delight of N. Kondrashov’s pedagogical talent, who used the techniques of dramatic art in his classes and personal conversations. The notes also describe unknown episodes from the biography of the scientist of the late 1940s, his passion for the language of Esperanto under the ideological umbrella of the state, which almost led to a tragedy. The lyrical and emotional tone of memories draws an extraordinary personality N. Kondrashov in the circle of training sessions of the 1980s.

Keywords: N. Kondrashov, biographies in persons, history of Russia, pedagogy, philosophy of science, linguistic personality, entertaining linguistics of the 20 century

История первая

Два профессора

1982-й год. Идёт вступительный экзамен по специальности «Русский язык». Отвечает девушка, поступающая в аспирантуру к П. А. Леканту. Слышится уверенное и складное: «Бу-бу-бу. Бу-бу-бу...».

Остальные сидят, готовятся. Вдруг это ровное «бу-бу» обрывается. Это Николай Андреевич задал вопрос. Пауза. Снова голос Н. А. Кондрашова, и ... пауза. Я поднимаю голову от своих записей и вижу: Лекант хмурится и как-то ёрзает на стуле, а Кондрашов, откинувшись, с интересом смотрит на замолчавшую девушку. Все

молчат и смотрят на него. Заметив это, Николай Андреевич заговорил:

– Вот... Пешковский жил здесь ... в коммунальной квартире...

Кондрашов делает такой жест рукой, что у всех присутствующих создаётся впечатление, что известный учёный жил именно в этой аудитории МОПИ, и продолжает:

– Соседка попросила Александра Матвеевича позаниматься с её сыном-оболтусом. Сидит в 5 классе два года, а по русскому языку одни «неуды». Пешковский помог по-соседски. Объяснил, как находить в предложении подлежащее и сказуемое. К великому счастью матери, перевели мальчика в 6 класс. А после этого Пешковский перерабатывает и переиздаёт свой «Русский синтаксис в научном освещении» Почему?

– ???

– Потому что мальчик вырос, – это вырвалось у меня непроизвольно. Уж очень тягостная пауза повисла в аудитории.

Лекант рассмеялся:

– Да-да, мальчик вырос...

Кондрашов рассердился, омрачился и нахмурился.

История вторая

Драматический талант лектора Кондрашова и «солянка»

На лекции вопросы о происхождении языка, его природе и функциях Н. А. Кондрашов рассматривал как большую философскую проблему от античной дискуссии о правильности имён до современных концепций. В лекции он знакомил студентов с идеями Демокрита и Гераклита, Клода Лансло и Антуана Арно, Вильгельма фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра, Э. Сепира, Б. Уорфа, Л. Вейсгербера, А. И. Смирницкого, Н. Хомского. В какой-то момент Николай Андреевич почувствовал, что студентам нужна «передышка». Он сбавил темп:

– Языкознание – это важная часть в общей системе знаний о человеке. Теории о происхождении языка, его природе связаны с решением вопроса, кто такой человек? Откуда он взялся. Ну, не от обезьяны же?

И тут Н. А. Кондрашов изобразил обезьяну: походку, почёсывания, удары по груди с «уханьем». Показ длился две секунды. Я хохотала вместе со студентами. Как настоящий артист, Н. А. Кондрашов слегка улыбнулся, и только из его глаз вылетали голубые искры.

После лекции мы вместе вышли из института, я выразила восхищение лекцией и поблагодарила. А Николай Андреевич неожиданно предложил:

– Пойдём поедим. Я знаю, где хорошо готовят солянку.

Поели. Николай Андреевич её одобрил, спросил, понравилась ли мне?

Я ответила утвердительно, но удивилась, что московская солянка – это суп.

– А что же это?

– У Чехова в «Даме с собачкой» москвич Гуров ест солянку на сковородке.

Кондрашов промолчал. Спустил какое-то время, встретил меня и говорит:

– У Чехова Гуров ест на сковородке не солянку, а *селянку!*

История третья

«Пронесло»: норма, узус и диктор Ю. Б. Левитан

На лекции Н. А. Кондрашов говорил о норме и узусе. Называя причины изменения норм и их кодификации в словарях, рассказал такую историю:

– В ночь с 8 мая на 9 мая 1945 года два человека позвонили в дверь квартиры диктора Ю. Б. Левитана. Он уже спал. Ему велели одеться, вывели, посадили в машину с задёрнутыми шторками и повезли. Москва была тёмная – соблюдалась светомаскировка. Привезли в радиокомитет, а там уже все сотрудники, тоже поднятые с постели, испуганные. В 2 часа ночи эти двое вытащили конверт с сургучными печатями, заставили расписаться за него директора радиокомитета, потом вскрыли и положили перед Левитаном листы. Включили микрофон. Никто не знал, что там. Это был акт о полной капитуляции Германии и указ об объявлении 9 мая Днём Победы. Левитан читал очень хорошо. И вдруг, в

приказе о салютах в честь победы, он вместо нормативного «салютовать» произносит «салютовать». Никто поначалу не заметил. Конечно, радость! Все обнимаются. Потом какой-то редактор засомневался в правильности ударения на последнем слове «салютовать». Посмотрели словари. Ошибка! Все близки к состоянию обморока. Никто не поехал домой. Москва ликовала, везде огни – сняли светомаскировку. А Левитан и редакторы всю ночь вписывали этот просторечный вариант во все имеющиеся в радиокomitee справочники и словари. И... пронесло¹.

¹ Н. А. Кондрашов в целом достоверно передал суть известной истории, но перепутал даты, а отдельные эпизоды сопроводил новыми литературными деталями. Из воспоминаний известного журналиста и ведущего радио- и телепрограмм А. А. Шереля: «В августе 1943 года он (Юрий Левитан. – Прим. ред.) читал по радио первый за всё время войны приказ о проведении салюта – в честь освобождения Орла и Белгорода. И сделал ошибку, произнеся “Столица нашей родины будет салютовать...”, между тем как по правилам русской речи следовало поставить ударение иначе: “салЮтовать”. Однако никакого скандала не последовало: “наверху” просто решили отныне использовать это слово “в редакции” Левитана» (См. подробнее: Добровольский А. Главный голос страны советов: 100 лет назад родился Юрий Левитан // МК.RU. <https://www.mk.ru/social/2014/10/01/glavnyy-golos-strany-sovetov.html> (дата обращения: 20.09.2019).

Из других источников эта же история передана с большими подробностями и с указанием на то, что Ю. Б. Левитан произносил этот приказ в августе 1943 г. Ср.: «Дальше он (Ю. Б. Левитан. – Прим. ред.) читал, уже не сдерживаясь, чеканя, смакуя каждый звук. Читал так, как не читал еще никогда в жизни. ..Сегодня, 5 августа... овладели городом Орел! Сегодня же... городом Белгород!».

Получилось: “Городом Оооо-ррр-ёооолл!”. “Городом Бе-лл-го-рродд!”.

Что-то происходило с ним. Что-то очень высокое, торжественное. Салютное!

Всего секунд пять длилась студийная тишина. Потом взорвалась.

Обернулся на голоса: узкий дверной проем заполнили коллеги, обступили, хлопают по плечам, смеются, плачут.

“Юрий Борисович! Юрка! Юрочка!”.

А он никак не мог оторваться от табурета. Мыслями был еще там – на Курской дуге, вместе с победителями. Будто бы еще гремели в этой маленькой студии раскаты орудий.

“Салют сегодня будет! – сам себе повторил Левитан, с недоумением рассматривая новость откуда взявшиеся в руках половинки толстого “Сакко и

Потом Н. А. Кондрашов объяснил, почему «пронесло» с лингвистической точки зрения.

История четвёртая

В. В. Виноградов в Вятке

Николай Андреевич был снисходительным, даже деликатным человеком. Как-то я сказала ему, что не понимаю работы В. В. Виноградова. А его «Стиль “Пиковый дамы”» и «Стиль Пушкина» я не смогла прочесть до конца и полностью. У меня, аспирантки-первокурсницы, были претензии к великому учёному, профессору, академику. Например, не нравились мне сложные термины типа «ретроспективно-проекционный», «функционально-имманентный». Я недоумевала, зачем нужны многостраничные пересказы повестей малоизвестных авторов 20–30 гг. XIX века, цитаты из Гоголя, Лермонтова целыми кусками? Я безапелляционно заявила, что, выражаясь словами Пушкина, исследователь его стиля писал о нём «тёмно и вяло». А Пушкин был энергичным и ясным писателем. Н. А. Кондрашов курил, слушал, не перебивая. Потом сказал:

Ванцетти”. – Красивая будет там ночь”.

А ночи над Москвой уже нет: небо расцветило всполохи сигнальных ракет и прожекторов, следы трассеров.

Диктор Лида Черных, которой надо было срочно сбить текст для утренних новостей, в растерянности подошла к все еще отрешенному Левитану:

Юрий Борисыч, как все-таки правильно – салЮтовать или салЮтовать?

Дело в том, что той же ночью редактор-контролер Буслаев, известный своим буквоедством, заметил, что Левитан в этом слове неправильно поставил ударение, мол, он с тремя словарями сверялся.

Салютовать! – моментально решил Левитан. И для большей убедительности пояснил: ударение на последнем слове делает слово короче, а произношение торжественное.

Хотя суть была, конечно, не в аргументах. А в том безошибочном чувстве языка, которое подсказало не книжное, но истинное ударение в прежде не произносимом по радио слове» (См. подробнее: Юрий Левитан. Путь великого диктора. Первый Салютан [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levitan.ru/life/317/> (дата обращения: 20.09.2019)).

– Виноградов писал эти работы в Вятке, куда он был сослан¹. Ты что не знала?

– Нет...

– Он жил там два года в деревянном бараке. Комнатка маленькая, перегородки тоненькие. Все удобства – во дворе. Барак продувался насквозь, холодно там было и зимой, и летом. В. В. Виноградов очень страдал от холода. Вот он и ходил в библиотеку, она отапливалась, читал там Пушкина, Гоголя и тех, кого ты назвала малоизвестными авторами. Литература и размышления о ней спасали В. В. Виноградова от отчаяния.

И всё! Николай Андреевич никак не назвал мою самонадеянную самоуверенность. Он мог бы сказать, что только глупцы критикуют автора книги за то, что её содержание оказалось им недоступным. Мог. Но не сказал. Я чувствовала себя пристыженной.

Тогда я даже не подозревала, что буду жить в этом городе, так не любимом В. В. Виноградовым.

История пятая

Случай на Лубянке:

Кондрашов, правнук Льва Толстого и эсперанто

В году 1949-м аспирант МГУ Кондрашов и студент Никита Толстой, правнук Л. Н. Толстого, и ещё несколько товарищей, имена которых Николай Андреевич не назвал, решили изучать эсперанто.

– Из-за этого эсперанто мы все чуть на Колыму не загремели, – сказал он. Закурил и продолжил:

– Никитка предложил свою квартиру на улице Горького для занятий. Мы и собрались-то один раз... И нас всех тут

же вызвали в МГБ (Министерство государственности СССР. – *Прим. ред.*): кто-то «настучал». Пришёл я утром по повестке, просидел в коридоре весь день – вызвали только к вечеру. Всякие мысли были в голове, нехорошие. Но со мной только строго поговорили и предупредили, чтобы «никаких эсперанто», и отпустили.

Я спросила, зачем Толстые приехали в СССР в 1945-м? Югославия – вполне благополучная страна.

Н. А. Кондрашов ответил:

– Советское правительство предложило приличные условия. Им пообещали учёбу в МГУ для Никиты Ильича, хорошо оплачиваемую работу для его родителей и большую квартиру в центре Москвы. Надо было поднимать престиж страны и восстанавливать разрушенную фашистами «Ясную Поляну» (этим тоже занимались Толстые). А в Югославии они сидели без работы, голодали. Подумали и решили вернуться, чтобы не умереть.

Немного помолчав, задумчиво сказал:

– Повезло нам, что тогда мы у Никитки собрались. Чекистам, наверное, неудобно было «садить» за космополитизм правнука Л. Н. Толстого.

История шестая

Об одежде

Николай Андреевич любил галстуки. Мог спросить:

– Как тебе мой галстук?

А потом рассказать про качества шёлка, и в какой стране его сделали.

К одежде он относился заинтересованно. В году в 1984–1985-м появилась аспирантка-первокурсница, всегда хорошо и нарядно одетая. Был какой-то обязательный для всего факультета семинар, который проводила кафедра истории КПСС. Заходит эта аспирантка, как всегда модная и яркая. Н. А. Кондрашов взглянул коротко:

– Молодец! Не затеряется.

¹ Обстоятельства так называемого «Дела славистов», по которому были оклеветаны и осуждены многие известные учёные, в 1980-х гг. были практически неизвестны широкой научной аудитории и тем более подробности ссылки В. В. Виноградова в Вятку. Н. А. Кондрашов мог об этом слышать от самого академика В. В. Виноградова. А позднее документальные факты той трагедии были изданы в книге Ф. Д. Ашнина и В. М. Алпатова ««Дело славистов»: 30-е годы» [1].

Кто-то сказал:

- Конечно, она сама шьёт.
- Молодец! Не пропадёт.

Было прохладно, но не так, чтобы ходить в шапке, и я обмотала голову белым шарфом. Захожу на кафедру. Кондрашов что-то пишет. Взглянул, не отрываясь от письма:

– Ты что сегодня медсестру изображаешь?

Я отшутилась, но больше шарф так не носила.

В другой раз:

– Ты всегда каблуки носишь?

– Всегда.

– Правильно, тебе надо, ты маленькая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы / отв. ред. академик Н. И. Толстой. М.: Наследие, 1994. 286 с.

REFERENCES

1. Ashnin F. D., Alpatov V. M. "Delo slavistov": 30-e gody [The Slavists files: the 30s]. Moscow, Nasledie Publ., 1994, 286 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жигулина Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Вятского государственного университета (на пенсии);
e-mail: 89628937952@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natal'ja A. Zhigulina – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Russian As a Foreign Language, Vyatka State University, Vyatka, Russian Federation;
e-mail: 89628937952@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Жигулина Н. А. «Повезло нам, что тогда мы у Никитки собрались» (вспоминая Николая Андреевича Кондрашова) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.

FOR CITATION

Zhigulina N. A. "We were lucky that then we gathered with Nikita..."(remembering Nikolai Andreevich Kondrashov). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp.

УДК 929Кондрашов; 811.16

DOI

«ЭНТОМОЛОГ – ЭТО КТО?..»**Журавлев В. П.***Московский педагогический государственный университет**119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В воспоминаниях выпускника МОПИ имени Н. К. Крупской 1972 г. раскрываются самобытные черты портрета известного филолога-слависта профессора Н. А. Кондрашова. Посвящая читателей в ретроспективу событий факультета русского языка и литературы тех лет, автор рассказывает о восприятии студентами лекций этого учёного, отмечает особенности его общения с коллегами и приводит интересные факты из биографии незаурядного лингвиста. Особенно подчёркиваются роль Н. А. Кондрашова в подготовке студентов к поездке в Чехословакию, его профессиональный живой интерес к культуре и языку этой страны. В неформальных эпизодах студенческой жизни высвечены редкие личные качества учёного: увлечённость наукой, фактологичность в оценке событий, мудрость наставничества, человечность, любовь к филологическому ремеслу и своим ученикам.

Ключевые слова: Н. А. Кондрашов, славянская филология, общее языкознание, психология общения, студенты 1970-х гг.

“ENTOMOLOGIST – WHO IS IT?..”**V. Zhuravlev***Moscow Pedagogical State University**1 build. 1, ulitsa. Malaya Pirogovskaya, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract. In the memoirs of a graduate of Krupskaya Moscow Regional Pedagogical Institute of 1972, the original features of the portrait of the famous philologist-Slavicist Professor N. Kondrashov are revealed. Initiating readers into the retrospective of events of the faculty of Russian language and literature of those years, the author tells about the student's perception of the lectures of this scientist, notes the peculiarities of his communication with colleagues and gives interesting facts from the biography of an outstanding linguist. The role of N. Kondrashov in preparing students for a trip to Czechoslovakia, his professional keen interest in the culture and language of this country are particularly emphasized. In the informal episodes of student life rare personal qualities of the scientist are highlighted: enthusiasm for science, factual assessment of events, wisdom of mentoring, humanity, love for the philological craft and his students.

Keywords: N. Kondrashov, Slavic Philology, General linguistics, psychology of communication, students of the 1970s.

Профессор Николай Андреевич Кондрашов... В глаза бросались его яркая индивидуальность, самость, восприятие студенческой аудитории как взрослой, ирония и чувство юмора. Он мог во время лекции, когда понимал, что нужна краткая пауза, разрядка, вдруг остановиться возле не очень удачного портрета, висящего на

стене аудитории, вслух задаться вопросом: «А это кто?». Причём неясно кому был адресован вопрос – себе самому или сидящим в аудитории студентам:

– Сергеев-Ценский? Хм, а... очень похож на Анну Зегерс, у которой выросли пышные усы.

© СС ВУЖуравлев В. П.

И тут же вернуться к дальнейшему изложению лекционного материала.

Мог во время практических занятий, услышав, как ему казалось, спорное утверждение из уст студента, громко удивиться:

– Откуда вы это взяли? Кто вам это сказал? Что? Профессор N... Ну что ж, возможно, и так, профессор N – **большой учёный**. Всем становилось ясно, что Николай Андреевич имел в виду не только заслуги уважаемого учёного, но и особенности его фигуры.

Наверное, могла вызывать некоторое недоумение его манера общения с коллегами-преподавателями в присутствии студентов. Помню, как в шумном коридоре факультета Николай Андреевич громко приветствовал Владимира Сергеевича Совалина¹, доцента кафедры русской литературы:

– Привет, Сонет!

Владимир Сергеевич в ответ по-доброму помахал рукой. Сначала мне показались нарочито фамильярными эти приветствия при студентах. Позднее, видимо, повзрослев, понял, что в них были выражены и уважение научных заслуг одного учёного (В. С. Совалин незадолго до описываемых событий опубликовал наиболее полную для того времени антологию русского сонета [4]), и благодарность другому за проявление такого признания.

Запомнился эпизод, характеризующий отношение Н. А. Кондрашова к административной бесцеремонности, часто присущей вузовской повседневной жизни. Профессор читает лекцию. Неожиданно дверь резко распахивается, и в аудиторию решительным и уверенным шагом входит сотрудница деканата, без извинений, категорично заявляет: «Проверка посещаемости!». Начинает громким резким голосом читать поимённый список целого курса. Николай Андреевич, сокрушённо разведя

руками, молча отходит к окну. Когда переключка закончилась, а представительница факультетской власти так же решительно удалилась, профессор вернулся к кафедре, несколько секунд задумчиво смотрел на только что захлопнутую дверь. Затем, заметно оживившись, сказал:

– Вы знаете, когда-то на факультете, это было в другом вузе, работал заместителем декана человек по фамилии Щеголёнок. Так вот весь факультет на разные лады с удовольствием декламировал:

Изо всех своих силёнок
Замдеканит Щеголёнок!

Это всё полу-анекдотичные истории, ставшие потом студенческими байками, которые часто вспоминают бывшие студенты при встрече. Но у многих наверняка в памяти остались какие-то особые, свои, личные воспоминания.

Я, конечно же, знал, что Н. А. Кондрашов – участник Великой Отечественной войны. Мне довелось редактировать факультетскую стенную газету «Литфаковец». В майских номерах мы традиционно поздравляли ветеранов войны с Днём Победы, в том числе и Николая Андреевича. Но сам он об участии в боевых действиях обычно не рассказывал, за очень редкими исключениями. Один из таких случаев был на лекции. Речь шла об изменении грамматической категории рода у имён существительных. В качестве примера профессор привёл слово «зал». Прочитовав несколько стихотворных строк со словом «зала», лектор усмехнулся и позволил себе небольшое воспоминание:

– Но был такой уникальный случай, когда я встретился с формой *зало*. Это было во время войны. Раненых и контуженых, среди которых был и я, разместили в зале ожидания полуразрушенного вокзала. Я лежал так, что у меня перед глазами была прикреплённая над дверями табличка «Зало № 1». Почему «зало»? Откуда это взялось? Непонятно. Но это было.

Почему этот фрагмент лекции так прочно и надолго остался в моей памяти

¹ Владимир Сергеевич Совалин (1924–1987) – кандидат филологических наук, доцент, в 1970–1974 гг. и в 1977–1979 гг. – **заведующий кафедрой русской литературы МОПИ имени Н. К. Крупской**; талантливый литературовед и поэт, специалист по тоническому стихосложению.

ти? Наверное, потому, что тогда на лекции удивило, как это во время войны, на грани жизни и смерти человек может думать... о грамматических категориях. Оказывается, что может. И наиболее убедительный пример, подтверждающий это – жизнь и научная деятельность Н. А. Кондрашова. Об этом же феномене пишет О. В. Никитин в статье, опубликованной в журнале «Русский язык в школе» [2]. Сообщив читателям о том, что военные события привели будущего слависта в Словакию, автор отмечает: «Как ни странно, именно война повлияла на лингвистические интересы Н. А. Кондрашова. Словакия, где были живы народные верования и обряды, а дух и язык братского народа свидетельствовали об общих корнях и культурных традициях, разбросанных на карте Европы соседей-славян. Поэтому тема кандидатской диссертации была отчасти созвучна увиденному и услышанному в те тревожные годы...» [2, с. 82].

Мне запомнились громкие читки газеты «Руде право», которые Николай Андреевич проводил с группой студентов, готовящихся к поездке в Прагу, в Карлов университет по программе студенческих обменов. Наша группа была первой, потом такие поездки стали ежегодными, традиционными. С общей характеристикой западнославянских языков мы знакомились по книге Н. А. Кондрашова «Славянские языки» [1]. На практических мы пытались изучать тексты на чешском. Но в основном читал нам Николай Андреевич. Он громко декламировал заголовки статей, зачитывал некоторые заметки. Потом переводил и комментировал. Его ремарки, яркие, меткие, остроумные, мы потом часто вспоминали во время пребывания в Чехословакии. И, конечно же, он вновь рассказывал о Праге как одном из мировых центров лингвистической науки, а Пражском лингвистическом кружке. Рекомендовал прочитать статьи из подготовленного им сборника трудов пражских лингвистов [3]. И когда затем в Карловом университете мы неоднократно встречались с профессором

Леонтием Васильевичем Копецким¹, общались с ним, то ощущали трепетное чувство прикосновения к истории славистики.

Продолжая приём ступенчатого сужения пространства повествования, расскажу о том, чем лично для меня оказалось важным общение с Н. А. Кондрашовым. К очередному занятию спецсеминара по истории лингвистических учений (а было это в начале 1970-х) я подготовил сообщение об одном из вопросов лингвистической теории Фердинанда де Соссюра². Вышел и начал бойко рассказывать о начале жизненного пути швейцарского лингвиста, сообщив, что его отцом был известный учёный-энтомолог. Тут Николай Андреевич встепенулся, вскинул брови и громко спросил:

– Энтомолог? А энтомолог – это кто?

Тут моя бойкость сразу улетучилась. Я замялся и понял, что произношу слова, которых не понимаю. Николай Андреевич пояснил, что энтомологи – учёные, которые изучают жучков, паучков и прочих насекомых. И, как мне показалось, с укоризной посмотрел на меня. Эпизод этот стал мне уроком на всю жизнь. И теперь, нередко перечитывая текст очередной статьи или доклада, с досадой натываясь на непрояснённое слово или положение в тексте, вспоминаю про того, уже навсегда памятного «энтомолога». Но, как мне тогда показалось, конфуз с «энтомологом» был компенсирован другим эпизодом, который затем вспоминался как профессиональная похвала.

Слушая изложение различных трактовок положений де Соссюра, иногда кивая головой, в такт давно известным и ожидаемым словам, Николай Андреевич вдруг

¹ Леонтий Васильевич Копецкий (1894–1976) – чешский лингвист и педагог, специалист по двуязычной лексикографии. Родившись в Российской Империи в семье священника, он прошёл через тяготы Гражданской войны и смог сохранить свою любовь к филологии. Подробнее о нём см.: Левченко А. Отцовская молитва [Электронный ресурс] // Вечерний Харьков : [сайт]. URL: <https://vecherniy.kharkov.ua/news/8533/> (дата обращения: 19.10.2019).

² Фердинанд де Соссюр (1857–1913) – выдающийся швейцарский лингвист, стоявший у основания семиологии и структурной лингвистики.

кивать перестал, с некоторым удивлением посмотрел на выступающего, а потом, жестом давая понять, что надо остановиться, спросил:

– Ты где это взял? Это откуда?

Я зачитал выходные данные статьи, из которой был взят зачитанный материал, как сейчас помнится, из учёных записок института иностранных языков.

– Дай-ка мне твои листочки, – попросил Николай Андреевич.

Он взял эти страницы, нашёл нужное место, переписал в свою записную книжку ссылку на заинтересовавшую его статью.

– Это интересно! – сказал он сам себе.

А потом мне:

– Что ж, спасибо! Продолжай...

Вот такой заразительный пример профессионально настроенного слуха! Пример оперативной фиксации информации, входящей в круг научных интересов. Пример мудрого и немногословного руководства: и укора, и похвалы.

Не только лекции, учебники и монографии наших учителей готовили нас к самостоятельной профессиональной деятельности, но и личный пример, их отношение к коллегам, к ученикам, к делу, которому они посвятили жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондрашов Н. А. Славянские языки: Учебное пособие. М.: Учпедгиз, 1956. 199 с., 2 л. карт.
2. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. № 5. С. 81–89.
3. Пражский лингвистический кружок: сборник статей / сост. и ред. Н. А. Кондрашов. М.: Прогресс, 1967. 558 с.
4. *Русский сонет: XVIII–начало XX века / сост., послесловие и примеч. В. С. Совалина. М.: Московский рабочий, 1983. 557 с.*

REFERENCES

1. Kondrashov N. A. *Slavyanskije yazyki* [Slavic languages]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956. 199 p.
2. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkij yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.
3. Kondrashov N. A., ed., comp. *Pražskij lingvističeskij kružok: sbornik statej* [The Prague linguistic circle: a collection of articles]. Moscow, Progress Publ., 1967. 558 p.
4. Sovalin V. S., comp. *Russkij sonet: XVIII–nachalo XX veka* [Russian sonnet: 18–beginning of 20 century]. Moscow, Moskovskij rabochij Publ., 1983. 557 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Журавлев Виктор Петрович – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры методики преподавания литературы Московского педагогического государственного университета, заслуженный работник культуры Российской Федерации;
e-mail: vzhuravlev@list.ru

AUTHOR'S INFORMATION

Viktor P. Zhuravlev – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of methods of teaching literature, Moscow Pedagogical State University, Honored Worker of Culture of the Russian Federation;
e-mail: vzhuravlev@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Журавлев В. П. «Энтомолог – это кто?..» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.

FOR CITATION

Zhuravlev V. P. "Entomologist – who is it?..". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp.

УДК 82-94
DOI

НАУКА И ЖИЗНЬ НИКОЛАЯ АНДРЕЕВИЧА КОНДРАШОВА (ИЗ СТУДЕНЧЕСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ)

Карлина Н. Н.

Университет Российской академии образования

119180, г. Москва, ул. Большая Полянка, д. 58, Российская Федерация

Аннотация. В заметке рассказывается о личности знаменитого слависта, доктора филологических наук профессора МОПИ–МПУ–МГОУ Н. А. Кондрашова. Автор даёт психолингвистический портрет учёного в контексте преподавательской и студенческой жизни конца 1970-х гг., приводит характерные «кондрашовские» выражения, показывает разностороннюю языковую личность педагога и филолога. Примечательны для истории гуманитарной науки представленные в воспоминаниях «заметки на полях» лекций учёного, в которых раскрывалась историческая правда эпохи XX века в лицах, событиях, конфликтах, открытиях и достижениях. Особое внимание обращено на исключительные человеческие качества Н. А. Кондрашова, его удивительный талант лингвиста, прошедшего высокую научную школу XX века.

Ключевые слова: Н. А. Кондрашов, славистика, языковая личность, психолингвистический портрет, филология и культура, история науки

THE SCIENCE AND LIFE OF NIKOLAY KONDRASHOV (FROM THE STUDENT'S MEMORIES)

N. Karlina

University of Russian Academy of Education

58 ulitsa Bol'shaya Polyanka, Moscow 119180, Russian Federation

Abstract. The article tells about the personality of the famous Slavist, doctor of Philology Professor of MOPI–MPU–MRSU N. Kondrashov. The author gives a psycholinguistic portrait of the scientist in the context of the teaching and student life of the late 1970s, gives a specific “Kondrashov-like” expressions, displays versatile language personality of a teacher and philologist. It is indicative for the history of Humanities presented in the memoirs of “notes on the margins” of the lectures of the scientist, which revealed the historical truth of the 20th century in the faces, events, conflicts, discoveries, and achievements. Special attention is paid to the exceptional human qualities of N. Kondrashov, his incredible talent as a linguist, who passed the high school of science of the 20th century.

Keywords: N. Kondrashov, Slavistics, linguistic personality, psycholinguistic portrait, philology and culture, history of science

Из рассказов Н. А. Кондрашова вспоминаются ярчайшие. Например, Николай Андреевич нам говорил о том, как в 1938 г. он поступил в ИФЛИ, откуда ушёл на фронт, но вскоре был тяжело ранен. Санитарный поезд, в котором его перевозили в тыл, попал под бомбёжку. Раненый боец Кондрашов очнулся в здании вокзала, что понял не сразу. Он оказался лежащим

© СС BY Карлина Н. Н.

под огромной люстрой, вокруг которой располагалась надпись: «Это зал построено...». Ход его мысли был таков: «Раньше знал, что слово “зал” встречается в мужском и женском роде, теперь увидел, что употреблялось и в среднем. Удивился своим мыслям, потому что предполагал, что уже умер, а тут выяснилось, что жив и рад лингвистическому открытию». «Значит,

жизнь продолжается, раз его до сих пор радуует форма слова!» – подумали мы тогда в студенческие годы.

Влияние экстралингвистических (т. е. политических) факторов всегда должно учитываться в научных исследованиях – этому учил проф. Кондрашов (ср.: [13]). Его многолетнее сотрудничество и дружба с академиком В. В. Виноградовым (1895–1969) в рассказах Кондрашова превращались в невероятное и очень будоражащее нас объединение жизни и лингвистики. **Н. А. Кондрашов участвовал в сборнике «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина» (см.: [4]), за что весь авторский коллектив получил Ломоносовскую премию в 1951 г. Николай Андреевич входил в состав редколлегии нового журнала «Вопросы языкознания», созданного по инициативе сверху после дискуссии о языке (см. подробнее об этом: [1, с. 4; 10, с. 82–83]).** Историю создания знаменитой сталинской статьи «Марксизм и вопросы языкознания»¹ [12] Кондрашов знал превосходно, разбирал её в лицах и с мельчайшими подробностями. Он был очень остроумным человеком и прекрасным рассказчиком.

Незабываем его исторический экскурс о синонимах: в приграничном городе накануне войны на улице, которая бдительно прислушивалась к речи незнакомца и приглядывалась к каждому, некий хорошо одетый человек подошёл к продавщице воды, протянул деньги и попросил «один бокальчик с сиропом». На этот «бокальчик» среагировали проходящие мимо граждане, что привело к разоблачению шпиона, который хорошо знал про необходимость использования уменьшительных суффиксов во время покупки продуктов, но вместо стаканчика неосмотрительно попросил бокальчик воды с сиропом. «Всю жизнь рассказываю эту историю, считая её лучшим аргументом для изучения и правильного

использования синонимов», – говорил нам Н. А. Кондрашов.

Замечательная и очень полезная книга «Русский язык глазами слависта-лингвиста» [9] написана Н. А. Кондрашовым и Милославом Кубиком (1926–1983). Глазами не только слависта, но и гражданина с активной жизненной позицией Н. А. Кондрашов смотрел на насильственное объединение сербского и хорватского языков, на борьбу брatisлавских коллег за развитие самостоятельности словацкого литературного языка. С 1949 г. словацкий язык находился в объективе его научных интересов (см., например: [2; 5; 14] и др.), его исследования высоко оценены ответственными и зарубежными славистами.

При общении с Н. А. Кондрашовым бесконечно удивляло отсутствие границ между лингвистикой и остальной жизнью. Он у нас читал лекции и вёл семинары по истории языкознания (см. его книги: [3; 6; 7]). К ним нужно было готовиться по книгам, которые он приносил на лекции. Помнится, что было два экземпляра, так что хватало на две группы. Значит, нам надо было в каждой группе организовать очередь. Давая книги, профессор приговаривал: «У московской ушпаны на троих одни штаны: один носит, другой ждёт, третий в очередь встаёт».

Мы его звали «Кондраш». Его эрудиция была невероятна, оценить её мы были не в состоянии, но масштаб уникальной личности чувствовали. Для нас профессор Кондрашов был небожителем: между нами существовала огромная пропасть незнания и лени. На лекциях и выступлениях он приводил цитаты на разных языках. Он мог приблизиться к нам, снизить, сделать огромный шаг, мы же с трудом подползали на миллиметры. Недовольство студентами выражалось у него таким образом: издали было видно, что от негодования багровела его лысина. И у тех, кто входил за ним в аудиторию (ну, не обгонять же!) замирало сердце. Улыбаясь, с прибаутками, мог «припечатать» студента. Становилось стыдно и боязно. Хотелось выглядеть луч-

¹ Статья И. В. Сталина, опубликованная в газете «Правда» 20 июня 1950 г., называлась «Относительно марксизма в языкознании» и впоследствии вошла в книгу «Марксизм и вопросы языкознания» [12].

ше в его глазах. Равнодушным мы его не видели никогда.

На лекциях по истории языкознания на нас сыпались теории и имена, которые на четвёртом курсе мы слышали впервые. Вдруг стал ближе Роман Якобсон – основатель Пражского лингвистического кружка (см. об этом статьи: [8; 11]). Он оказался не только другом В. Маяковского, но и давнишним другом Н. А. Кондрашова.

Во мне Николай Андреевич Кондрашов видел какие-то ростки способностей к научной работе. Настоятельно советовал мне не заниматься общественной работой, а все силы и время посвящать науке. Говорил при этом очень строго, используя ненормативную лексику. И исключительно наедине. Через 10 лет, когда я работала в МГУ и зашла в МОПИ, Н. А. Кондрашов попросил у меня извинения (!) за плохую диссертацию, которую когда-то в МГУ допустил до защиты. При этом стоит напомнить, что уже в 1963 г. он перешёл из МГУ в МОПИ. А автора той диссертации, за которую ему было стыдно, я знала по совместной научной работе в МГУ в восьмидесятые годы.

40 лет назад я закончила МОПИ. У выпускников тогда было право выбора: писать дипломную работу или сдавать госэкзамен. Но как-то так получилось, что у меня выбора не было – по распределению попала к доценту Н. Г. Гольцовой. До этого много лет по русскому языку дипломных работ никто не готовил, предпочитали если уж и писать диплом, то по русской литературе. Руководитель моей работы был недоволен, основная претензия – моя строптивость (помню дословно). Мне грозила «тройка», экзамен не разрешали мне сдавать вместо защиты, хотя я очень просила. Видимо, нашему факультету был ва-

жен факт защиты дипломной работы по русскому языку. При этом уже стало известно, что через два месяца я поеду по распределению в Монголию преподавать в школе русский язык, то есть явно наукой заниматься не собираюсь.

На защите выяснилось, что в глазах научного руководителя моя дипломная работа представляет собой совсем не то, какой она задумывалась. Но члены комиссии с интересом отнеслись к работе, начали задавать вопросы, желая прояснить какие-то положения. И тут с опозданием на защиту явился Николай Андреевич в летнем белом костюме. Весь в белом! Почему-то запомнилось, что его на экзамене не ждали, он был в отпуске. Профессор Кондрашов бросился меня защищать, объясняя что-то. Потом вдруг решили, что работа моя похожа на автореферат кандидатской диссертации, что мне надо поступать в аспирантуру и т. д.

Я пообещала себе тогда, что все дипломные работы, которыми я когда-нибудь буду руководить, доведу обязательно до конца, включая подготовку речи дипломника на защите. Сейчас могу сказать, что этот замысел выполнен.

Когда я узнала о кончине Н. А. Кондрашова, признаюсь, меня порадовала дата: 1 апреля. Умереть в день юмора было в его стиле: самое серьёзное превратилось в шутку.

Незабвенный Николай Андреевич Кондрашов на всю жизнь остался для меня образцом советского учёного. Он убеждал, что нет ничего интереснее славистики, что советская лингвистика мощно развивалась и всегда была на уровне или впереди зарубежной. Он учил нас учиться и ценить книги и догадки великих лингвистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. Пятьдесят лет журналу «Вопросы языкознания» // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 4–34.
2. Кондрашов Н. А. Возникновение и начальный этап развития словацкого литературного языка: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1968. 46 с.
3. Кондрашов Н. А. История лингвистических учений: учебное пособие. М.: Просвещение, 1979. 224 с.

4. Кондрашов Н. А. К вопросу о происхождении языка // Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина. М.: Издательство Московского университета, 1950. С. 171–186.
5. Кондрашов Н. А. Категория личности и неличности в словацком языке: дисс. ... кандю филол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 1949. 262 с.
6. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (Курс лекций). Ч. I. История языкознания. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1972. 173 с.
7. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (Курс лекций). Ч. II. Проблемы языкознания и методы изучения языка. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1974. 171 с.
8. Кондрашов Н. А. Пражская лингвистическая школа // Русский язык в школе. 1968. № 2. С. 5–14.
9. Кубик М., Кондрашов Н. А. Русский язык глазами лингвиста-слависта. Praha: SPN, 1977. 256 с.
10. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. № 5. С. 81–89.
11. Пражский лингвистический кружок: сборник статей / составление, редакция и предисловие Н. А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967. 560 с.
12. Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Политиздат, 1950. 114 с.
13. Шахматов А. А. О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племён, населяющих Россию // Московский журнал. История государства Российского. 1999. № 9. С. 21–28.
14. Kondrašov A. N. [N. A.] Vznik a začiatky spisovnej slovenčiny / Z rukopisu preložila M. Masárová. 1. vyd. Bratislava: Veda, 1974. 284 s.

REFERENCES

1. Alpatov V. M. [Fifty years of journal “Topics in the study of language”]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 2002, no. 1, pp. 4–34.
2. Kondrashov N. A. *Vozniknovenie i nachal'nyi etap razvitiya slovatskogo literaturnogo yazyka: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk* [Appearance and initial stage of development of the Slovak literary language: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya, 1968. 46 p.
3. Kondrashov N. A. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [History of linguistic doctrines]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1979. 224 p.
4. Kondrashov N. A. [The question of the origin of language]. In: *Voprosy yazykoznaniya v svete trudov I. V. Stalina* [Linguistic questions in the light of the writings of I. Stalin]. Moscow, Moscow University Publ., 1950. pp. 171–186.
5. Kondrashov N. A. *Kategoriya lichnosti i nelichnosti v slovatskom yazyke: diss. ... kand. filol. nauk* [The category of person and impersonal in the Slovak language: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 1949. 262 p.
6. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie: (kurs lektzii). Ch. I. Istoriya yazykoznaniya* [General linguistics: (course of lectures). Part I. The History of linguistics]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1972. 173 p.
7. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie: (kurs lektzii). Ch. II. Istoriya yazykoznaniya* [General linguistics: (course of lectures). Part II. The History of linguistics]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1972. 171 p.
8. Kondrashov N. A. [The Prague linguistic school]. In: *Russkii yazyk v shkole*, 1968, no. 2, pp. 5–14.
9. Kubik M., Kondrashov N. A. *Russkii yazyk glazami lingvista-slavista* [Russian language through the eyes of a linguist-Slavist]. Praha, SPN Publ., 1977. 256 p.
10. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.
11. Kondrashov N. A., comp., ed. *Prazhskii lingvisticheskii kruzhok* [The Prague linguistic circle]. Moscow, Progress Publ., 1967. 560 p.
12. Stalin I. V. *Markszizm i voprosy yazykoznaniya* [Marxism and problems of linguistics]. Moscow, Politizdat Publ., 1950. 114 p.
13. Shakhmatov A. A. [On the state tasks of the Russian people in connection with the national tasks of the tribes inhabiting Russia]. In: *Moskovskii zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo* [Moscow journal. History of Russian Government], 1999, no. 9, pp. 21–28.
14. Kondrašov A. N. [N. A.] Vznik a začiatky spisovnej slovenčiny / Z rukopisu preložila M. Masárová. 1.

vyd. Bratislava: Veda, 1974. 284 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карлина Наталия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы Университета Российской академии образования;
e-mail: natakarl@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nataliya N. Karlina – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of World Literature, University of Russian Academy of Education;
e-mail: natakarl@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Карлина Н. Н. Наука и жизнь Николая Андреевича Кондрашова (из студенческих воспоминаний) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.

FOR CITATION

Karlina N. N. The science and life of Nikolay Kondrashov (from the student's memories). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp.

От редакции. Редакция и редколлегия «Вестника Московского государственного областного университета. Серия “Русская филология”» благодарит выпускницу факультета русского языка и литературы МОПИ имени Н. К. Крупской 1979 года Наталию Николаевну Карлину за возможность опубликовать личные воспоминания о профессоре Н. А. Кондрашове на страницах нашего журнала.

From the editors. Editorial office and editorial board of Bulletin of Moscow State Regional University. The series “Russian Philology” thanks Natalya Karlin, a graduate of the faculty of Russian language and literature of the Krupskaya Moscow Regional Pedagogical Institute, for the opportunity to publish personal memories of Professor N. Kondrashov on the pages of our Bulletin.

УДК 82-94

DOI

«ЧУДОТВОРЕЦ» (ВСПЫШКА ПАМЯТИ)

Колычева Г. Ю.

Государственный гуманитарно-технологический университет

142611, Московская область, г. Орехово-Зуево, ул. Зелёная, д. 22, Российская Федерация

Аннотация. В мемуарных заметках ученицы профессора Н. А. Кондрашова рисуется портрет самобытного учёного-слависта с необычной стороны. Автор даёт психолингвистическую характеристику личности филолога, вспоминает наиболее яркие фрагменты аспирантской жизни и показывает учителя как неординарного педагога, талантливого языковтора, живого, ироничного, влюблённого в стихию смыслов человека. Сквозь строки вспыхнувшей памяти автор доносит до читателя редкие факты из филологической практики Н. А. Кондрашова, рассказывает о его «лингвистическом хулиганстве», подчёркивает силу словесного воздействия учёного на окружающих.

Ключевые слова: Н. А. Кондрашов, личность в науке, психологический портрет, славистика, культура слова, педагогическое мастерство

THE WONDER WORKER (THE FLASH OF MEMORY)

G. Kolycheva

State University of Humanities and Technology

22 ulitsa Zelyonaya, Orekhovo-Zuevo 142611, Moscow region, Russian Federation

Abstract. The memoir notes by Professor N. Kondrashov's postgraduate draws a portrait of an original Slavist from an unusual side. The author gives a psycholinguistic characterization of the philologist's personality, recalls the most vivid fragments of postgraduate life, and shows the teacher as an extraordinary person, a talented linguist, a living, ironic, in love with the element of human meanings. Through the lines of the flashed memory, the author brings the reader rare facts from N. Kondrashov's philological practice, tells about his "linguistic hooliganism," emphasizes the power of the scientist's verbal influence on others.

Keywords: N. Kondrashov, personality in science, psychological portrait, Slavistics, culture of word, pedagogical skills

Впервые я услышала имя великого учёного Николая Андреевича Кондрашова в 1975 г., когда поступила в Прикарпатский национальный университет имени Василия Стефаника на филологический факультет (г. Ивано-Франковск, Украина). Первая лекция по «Сравнительной грамматике славянских языков». В аудиторию буквально «влетает» модно одетый молодой преподаватель М. П. Кочерган. Он начал лекцию с восторженного рассказа о великом учёном – профессоре Кондрашове [4]. Тогда не было интернета, а хорошую книгу купить было сложно – дефицит.

М. П. Кочерган привозил из Москвы учебники профессора Н. А. Кондрашова, а самым прилежным студентам дарил на экзамене с автографом автора. Такой учебник [2; 3] есть и у меня.

Шли годы, но знания, полученные в студенческое время, всегда нужны были как спасательная соломинка. В течение пяти лет по окончании университета я побывала в Чехословакии, Польше, Белоруссии, Украине, Болгарии – как же мне пригодилась университетская выучка! Сколько раз я благодарно произносила имя Николая Андреевича, по книгам которого училась!

В 1990 г. кафедра методики начального обучения Орехово-Зуевского пединститута, на которой я работала в то время ассистентом, рекомендовала меня в аспирантуру при МОПИ имени Н. К. Крупской. Мне была назначена аудиенция. Проверить мою компетентность взялся Сам... Какой же страх вперемешку с волнением меня тогда обуревал! Я вошла на кафедру и успокоилась: передо мной сидел очень добрый, скромный, спокойный мужчина, который мне напомнил образ любимого святителя Николая, Мирликийского чудотворца. Николай Андреевич плавно развернулся ко мне лицом и тихо спросил:

– Dzień dobry, Jak Pani się ma?

– Dziękuję, dobrze, – ответила я машинально и только потом осознала, что мы говорим по-польски.

– Czy chciałaby Pani skosztować herbaty, wody, lemoniady? – продолжал Николай Андреевич.

Завязался разговор... Потом незаметно Николай Андреевич перешёл на чешский, украинский, церковнославянский... Он знал псалмы, и я уже терялась, с кем беседаю: с профессором, академиком, обыкновенным человеком или с самим Николаем-чудотворцем? Николай Андреевич был очень прост в беседе и, если чувствовал фальшь, мгновенно ставил «на место».

Ещё помню его любимое для меня лично выражение «дурища пещерная» – это его ласковое поощрение и одобрение. Не ко всем он так обращался – только к тем аспиранткам, которых уважал, любил, к кому питал надежду и уверенность.

Каждому аспиранту очень важно знать, чем он будет заниматься, может быть, многие годы, а то и всю свою жизнь. Николай Андреевич часто говорил нам о миссии словесника: «Словом можно возвышать, очищать и облагораживать людей, прививать веру, радость и бодрость, возрождать любовь и милосердие, сообщать душе мир и спокойствие. И наоборот – скверными словами можно убить душу, заразить всеми видами страстей, греха и порока, можно отравлять существование окружающих... Слово способно менять жизнь коренным

образом» (текст не дословный, естественно, воспроизвожу по памяти суть).

Я лично стараюсь очень внимательно относиться к тому, что говорю, памятуя наставления не только великого моего учителя, но и святителя Феофана Затворника: «Помни, что ты, говоря, рождаешь слово, и оно никогда не умрёт, но будет жить до Страшного Суда. Оно станет пред тобою и будет за тебя или против тебя»¹. Об этом я всегда говорю студентам.

После знакомства с Николаем Андреевичем предстоял серьёзный разговор о будущей теме кандидатской диссертации. Он тогда с лёгкостью их «дарил». В то время, когда я ломала голову над ней, Николай Андреевич всем «раздавал»... словообразовательные морфемы (суффиксы и приставки). Эти вопросы меня не очень увлекали, и я с большим волнением ждала, что мне предложит великий славист. Николай Андреевич, человек с большим чувством юмора и «лингвистический хулиган», предвкушая мой трепет и желая меня хорошенько взбодрить, с ходу произнес:

– Занимайся словами на -зда.

Я потеряла дар речи. Сутки молчала, умышленно не открывала словообразовательные словари, пытаясь вспомнить слова на -зда, а в голове только два: «звезда» и «...зда». Через день, совсем убитая, приехала к Николаю Андреевичу. По моему лицу «шеф» понял, что с этими словами я не справлюсь. Спокойно, по-дружески, за чашкой чая он мне поведал историю о том, как известный лингвист профессор Е. М. Галкина-Федорук, проходя по улице, упала в открытый канализационный люк и так громко и крепко выражалась, что обалдевшие от услышанного рабочие, проводившие ремонт, сбежали на крик и стали записывать её перлы. А ещё Николай Андреевич «прочитал мне лекцию» о том, что в русском языке существуют четыре матерных слова, от корней которых произведено слов на четыре тома. Да-да, в моей голове это было сложно разложить и уяснить. Вот так по-доброму, в

¹ См.: 50 советов и изречений святителя Феофана // Православие.RU. URL: <https://pravoslavie.ru/76728.html> (дата обращения: 29.09.2019).

непринужденной беседе он меня успокоил, спросил, чем бы я хотела заниматься. Ну, конечно, старославянскими, а точнее, церковнославянскими морфемами.

– Ну тогда бери суффикс *-tel*, – почти торжественно объявил он, – времени у тебя три года.

Моя голова просветлела. Столько слов вспомнилось с этим суффиксом, причём

во всех славянских языках, что диссертация [1] была написана на одном дыхании, за два года, и защита состоялась досрочно.

Очень-очень благодарна своему учителю, воспитателю, вдохновителю, ваятелю, благодетелю, покорителю, руководителю, своему дорогому **ангелу-хранителю!** Поминаю его каждый день в утренних молитвах!

ЛИТЕРАТУРА

1. Колычева Г. Ю. Имена существительные с суффиксом *-тель* в современном русском языке: Семантико-стилистический и словообразовательный аспекты: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МПУ, 1993. 247 с.
2. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (курс лекций). Ч. I. **История языкознания**. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1972. 173 с.
3. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (курс лекций). Ч. II. **Проблемы языкознания и методы изучения языка**. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1974. 171 с.
4. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // *Русский язык в школе*. 2019. Т. 80. № 5. С. 81–89.

REFERENCES

1. Kolycheva G. Yu. *Imena sushchestvitel'nye s suffiksom -tel' v sovremennom russkom yazyke: Semantiko-stilisticheskii i slovoobrazovatel'nyi aspekty: diss. ... kand. filol. nauk* [Nouns with the suffix *-tel* in modern Russian: Semantic-stylistic and word-formation aspects: D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow Pedagogical University Publ., 1993. 247 p.
2. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie: (kurs lektzii). Ch. I. Istoriya yazykoznaniiya* [General linguistics: (course of lectures). Part I. The History of linguistics]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1972. 173 p.
3. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie: (kurs lektzii). Ch. II. Istoriya yazykoznaniiya* [General linguistics: (course of lectures). Part II. The History of linguistics]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1972. 171 p.
4. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колычева Галина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики начального и дошкольного образования, декан факультета переподготовки и повышения квалификации Государственного гуманитарно-технологического университета;
e-mail: fppk@ggtu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galina Yu. Kolycheva – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of theory and methodology of primary and preschool education, Dean of the Faculty of retraining and advanced training, State University of Humanities and Technology;
e-mail: fppk@ggtu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колычева Г. Ю. «Чудотворец» (вспышка памяти) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.

FOR CITATION

Kolycheva G. Yu. The wonder worker (the flash of memory). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp.

УДК 82-94
DOI

АВТОГРАФЫ «ДЕДА КОНДРАША»

Никитин О. В.^{1,2}

¹Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

²Петрозаводский государственный университет

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, проспект Ленина, д. 33, Российская Федерация

Аннотация. В публикации представлена коллекция автографов легендарного слависта профессора Н. А. Кондрашова. Эти документы извлечены из библиотечных и архивных фондов, а также личного собрания автора статьи. Данные материалы имеют научную ценность в связи с адресатами учёного, среди которых были крупные историки науки и филологи XX в. Показательны для психолингвистической характеристики учёного фрагменты книги Ж. Вандриеса «Язык: лингвистическое введение в историю» (1937) с пометками и подчёркиваниями Н. А. Кондрашова. Статья сопровождается копиями подлинных иллюстративных материалов.

Ключевые слова: автограф, рукописное наследие, история науки и культуры, языкознание, славистика, социальный портрет, культура слова

AUTOGRAPHS OF “GRANDPA KONDRASH”

O. Nikitin^{1,2}

¹Moscow Region State University

24 ulitsa Very Voloshinoi, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

²Petrozavodsk State University

33 Prospekt Lenina, Petrozavodsk 185910, Republic of Karelia, Russian Federation

Annotation. The publication presents a collection of autographs of the legendary Slavist Professor N. Kondrashov. These documents are extracted from the library and archival funds, as well as the personal collection of the author. These materials are of scientific value in connection with the recipients of the scientist. Among them, there were famous historians of science and philologists of the twentieth century. The book by J. Vendryes “Language: a linguistic introduction to history” (1937) with notes and the underlining by N. Kondrashov is also of keen interest for psycholinguistic characteristics of his personality. The article is accompanied by copies of original illustrative materials.

Keywords: autograph, handwritten heritage, history of science and culture, linguistics, Slavistics, social portrait, culture of the word

*Автографы великого! – воскликнул он восторженно, –
позвольте прикоснуться благоговейными устами!..*

Из библиографических заметок Т. Г. Цявловской
о судьбе одного забытого автографа А. С. Пушкина

Среди обширного научного наследия профессора Н. А. Кондрашова особое место занимают филологические осколки – автографы учёного на книгах, оттисках статей, диссертациях. По этим, казалось

бы, совсем незначительным фактам можно узнать о том, с кем он общался, у кого учился, чем дорожил и что любил. Каждая такая находка уникальна! Нам удалось составить небольшую коллекцию «экслибрисов», на которых запечатлена рука знаме-

нитого слависта, а для нас – просто «деда Кондраша».

Ещё с поры учёбы в «красном лицее» – МИФЛИ – он начал собирать редкие книги и журналы – тоже своего рода знаки времени, и с головой ушёл в филологию духа настоящей науки XIX–начала XX века. Тогда творили мыслители и романтики – первооткрыватели славистики. В домашней библиотеке Н. А. Кондрашова таких уникальных книг было немало, и о них ещё предстоит рассказать.

Занимаясь поисками рукотворных свидетельств, мы прежде всего обратились в научную библиотеку МГУ имени М. В. Ломоносова, где учился и работал Николай Андреевич. И не ошиблись. В её фондах сохранились интересные факты из биографии слависта.

Прежде всего – автографы Н. А. Кондрашова на отпечатках его первых обзоров и рецензий, опубликованных в журнале «Вопросы языкознания», где молодой учёный, курируя славистику, работал вместе с академиком В. В. Виноградовым (см. об этом: [11]).

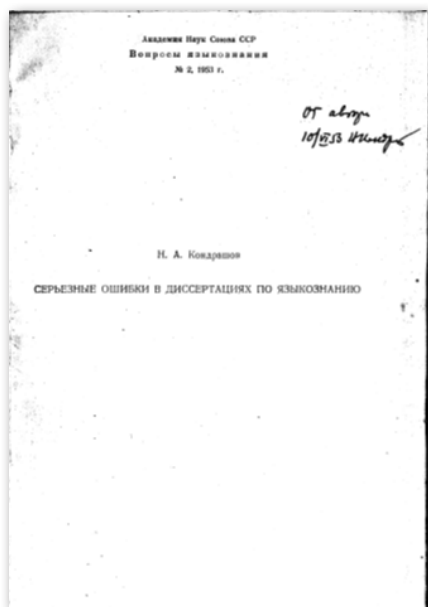
1. Рецензия на книгу болгарского лингвиста Э. Георгиева «Славянская письмен-

Автограф Н. А. Кондрашова на обложке отпечатка своей рецензии. [Москва], 13 мая 1953 г.

ность до Кирилла и Мефодия» (1952) [4]. На титульном листе отпечатка есть запись: «От автора б<иблите>ке Университета. 13/5 [19]53. Н. Кондрашов». Пожелтевший отпечаток главного лингвистического журнала СССР сохранил в памяти интереснейшую рецензию-обзор Н. А. Кондрашова, в которой автор показал себя незаурядным филологом. Он не только проштудировал известную литературу, ссылки на которую свидетельствуют о программности в общем-то небольшого замысла дать критическую оценку труда болгарского слависта. От работ историков Д. А. Авдусина и М. Н. Тихомирова и других учёных-археографов до трудов по новым в то время берестяным грамотам А. В. Арциховского и В. И. Борковского, исследованиям по кирилловской палеографии Е. Ф. Карского и истории языка письменной культуры В. В. Виноградова, А. М. Селищева, П. Я. Черных, трудам по русской литературе Д. С. Лихачёва... Приводятся факты из статей иностранных исследователей. Небольшая рецензия в итоге превратилась в проблемную статью, решавшую спорные вопросы формирования славянских языков и происхождения их источников. Интересен и сейчас подзабытый диалог учёных того времени о Гнёздовской надписи. Вот как это интерпретировал Н. А. Кондрашов: «Автор [Э. Георгиев. – О. Н.] разделяет мнение советских историков о датировке Гнёздовской надписи. Он отмечает, что чтение проф. М. Н. Тихомирова *горушица* неприемлемо по языковым соображениям, а чтение *горуш(в)на*, предположенное проф. П. Я. Черных, кроме хронологической неувязки (опущение редуцированного), не соответствует палеографическим фактам, которые указывают, во-первых, на то, что лигатуры в древности были очень редки, а во-вторых, на то, что лигатура *шн* писалась бы в строку, а не по вертикали» [4, с. 149].

2. Обзор «Серьёзные ошибки в диссертациях по языкознанию» (1953) [8]. На титульном листе есть запись: «От автора. 10/VI [19]53. Н. Кондрашов». В этой пу-

Автограф Н. А. Кондрашова на обложке оттиска своего обзора. [Москва], 10 июня [19]53 г.

бликации Н. А. Кондрашов анализировал с позиции «сталинского учения о языке» лингвистические исследования, в которых, по мнению автора, содержатся «ошибки марровского толка» [8, с. 105]. Мы не увидим здесь принятых в то время «разносов», но идеологический подтекст оценки работ, безусловно, сохранялся: сверженный с пьедестала науки академик Н. Я. Марр был мишенью для «прозревших» языковедов, а вместе с ним и те, кто оставался на старых позициях. В отношении одной из диссертаций Н. А. Кондрашов привёл такой факт: «Автор всячески доказывал непричастность его выводов к “теории” Марра и в то же время прислал в ВАК большой список поправок к своей диссертации, о характере которых можно судить по тому, что они, не касаясь существа работы, сводились к простой замене слова “марровский” словом “марксистский”» [Там же, с. 108].

Показателен и другой момент «закулисной» работы тех, кто мечтал обрести учёную степень: «В некоторых случаях ВАК вынужден отменять решение того или иного Совета вследствие того, что диссертации не являются написанными самостоятельно. Так, было обнаружено, что

кандидатская диссертация [...] “Очерки по языку чешской публицистики «Руде право»” [...] была выполнена несамостоятельно, с помощью другого лица. Этот пример свидетельствует о беспечном отношении руководителей некоторых научных учреждений к делу воспитания молодых специалистов» [Там же].

Если отбросить политический момент, в который создавался обзор, то со многими наблюдениями и выводами Н. А. Кондрашова можно согласиться и сейчас. Как актуально звучат его слова особенно сегодня, когда часто имеют место «покупка» ваковской статьи и крайне слабая подготовка аспирантов в научной части исследования: «Члены учёных советов нередко не знакомятся с содержанием диссертаций; при защите не создаются условия для деловой критики, не развёртываются дискуссии, позволяющие всесторонне выявить и оценить знания диссертанта, его научный кругозор и достигнутые им научные результаты. Заседания учёных советов часто превращаются в формальную процедуру, носят характер парадного “выпускного акта”. Учёные советы иногда механически штампуют представленные на их рассмотрение диссертации, полагаясь на благосклонное заключение официальных оппонентов» [Там же, с. 109].

Думается, что и в наши дни эти слова мы можем произнести с не меньшей злободневностью.

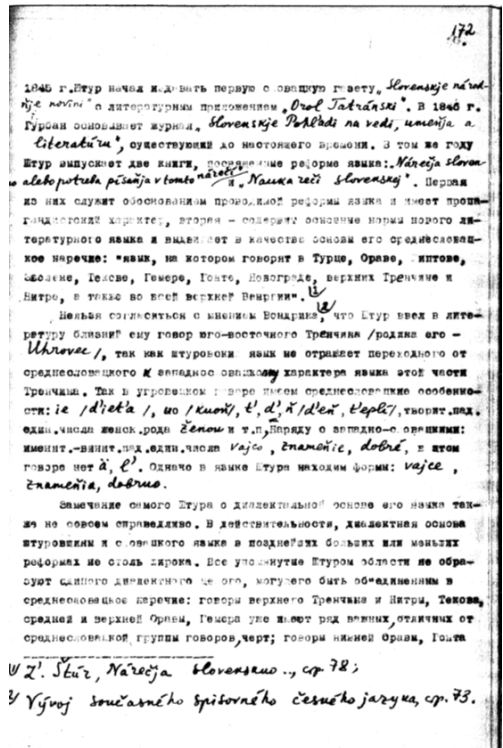
В отдельных коллекциях фондов библиотеки МГУ хранятся два издания книги «Славянские языки» [9; 10]: первое – в собрании академика И. Г. Петровского – ректора университета, под шифром «Каб. Петр. 18933», и второе – в помещении старого корпуса на Моховой в собрании профессора Н. К. Гудзия – учителя Н. А. Кондрашова ещё со времён МИФЛИ, под шифром «Гудз. 14437».

Удалось нам ознакомиться и с его кандидатской диссертацией, защищённой в стенах МГУ в 1949 г. [5]. Только теперь мы можем понять, как непросто было напечатать текст такой работы, ведь её автор использовал данные нескольких славянских,

включая церковнославянский, немецкого, французского и других языков. Поэтому во многих случаях Н. А. Кондрашов вставлял недостающие литеры вручную и практически везде рисовал диакритику. Сейчас, возможно, нам это покажется непривычным. А тогда, наверное, он потратил немало времени, чтобы художественно оформить научный текст и при этом не ошибиться.

Мы приводим далее фрагменты двух страниц диссертации с авторскими вставками Н. А. Кондрашова. По представленным фрагментам видно, насколько скрупулёзно работал учёный, как внимательно он подходил к изучению специальной литературы, искал и находил редкие исследования и словари, пользовался часто малодоступными источниками. По сути дела Николай Андреевич в 1940-е гг. осваивал целину славистики.

Представляет также интерес приложенная в конце диссертации карта с очерченными от руки границами языковых явлений и пояснениями Н. А. Кондрашова.

Фрагмент кандидатской диссертации Н. А. Кондрашова (с. 172) с рукописными вставками

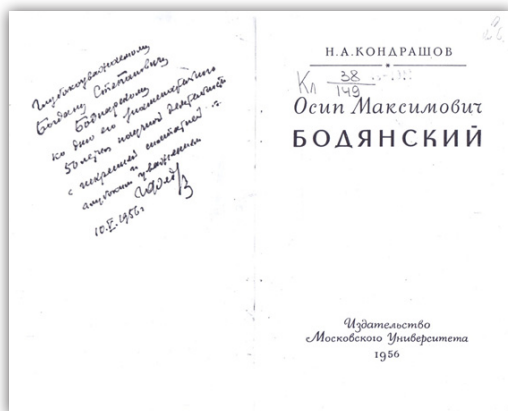

Карта славянской и подкарпатской Руси с обозначением границ и областей распространения грамматических форм имён. Рисунки на карте и примечания справа – автограф Н. А. Кондрашова.

Приложение к кандидатской диссертации. Москва, 1949 год

На первых монографиях, посвящённых легендарным славистам XIX–начала XX вв., в собрании Российской государственной библиотеки, тоже сохранились интересные надписи. Это автографы Н. А. Кондрашова на двух книгах: «Осип Максимович Бодянский» [6] и «Роман Федорович Брандт» [7]. Наряду со «Славянскими языками» [9; 10] они явились визитной карточкой учёного, открывшего забытые имена пророковедников науки. А имена великих славистов Бодянского и Брандта и рассказы об их нелёгком филологическом житии превратились под пером Н. А. Кондрашова в документальную историю становления российской словесности, где главное место занимали личности – просветители и борцы.

О. М. Бодянский – очень интересная, яркая, противоречивая, независимая и духовно высокая фигура в «лингвистическом отечествоведении» XIX века. Филолог, историк, писатель, переводчик, редактор, издатель литературных и исторических памятников, он находился в эпицентре общественных и культурных течений того времени и по праву заслужил титул одного из первых славистов. Академик И. И. Срезневский назвал его «самоотверженным деятелем». С имени Осипа Максимовича и началась история московского славяноведения как научной школы.

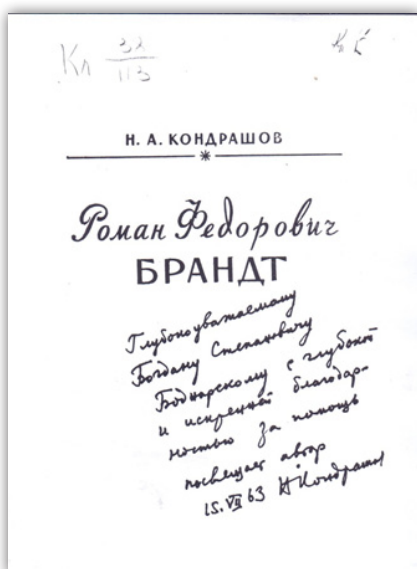
Дарственная надпись Н. А. Кондрашова на своей книге «Осип Максимович Бодянский» (М., 1956) Б. С. Боднарскому. Автограф. [Москва], 10 мая 1956 г.

Н. А. Кондрашов в подготовке книги, по-видимому, обращался за консультацией к выдающемуся книговеду, педагогу и организатору библиотечного дела в России Б. С. Боднарскому (1874–1968), имевшему богатейшее собрание уникальных изданий и архив. Возможно, с его лёгкой руки Николаю Андреевичу и открылся заветный мир филологии XIX века в портретах, характерах и судьбах первого поколения славистов.

Знаменитому библиографу он посвятил такую дарственную надпись: «Глубокоуважаемому Богдану Степановичу Боднарскому ко дню его знаменательного 50-летия научной деятельности с искренней симпатией и глубоким уважением. Н. А. Кондрашов (подпись) 19.V.1956 г.».

На титульном листе второй книги читаем: «Глубокоуважаемому Богдану Степановичу Боднарскому с глубокой и искренней благодарностью за помощь посвящает автор. 15. VII. 63. Н. Кондрашов».

И здесь за архивными редкостями Николай Андреевич снова обратился к маститому свидетелю истории науки. Имя Р. Ф. Брандта до публикации монографии Н. А. Кондрашова было известно лишь небольшому кругу специалистов и не получило в научной литературе сколько-нибудь подробного разбора. Хотя Роман Фёдорович долгие годы занимал ведущие позиции как декан историко-филологического факультета Императорского Московского университета и напечатал немало книг и статей по весьма широкому диапазону лингвистических, педагогических, историко-культурных проблем, он всё же оставался в тени таких выдающихся личностей, как И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. Е. Корш, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов. Р. Ф. Брандт активно занимался также реформаторской деятельностью и «демократизацией русской грамоты», писал стихи, увлекался переводами и был сродни энциклопедистам его времени (ср.: [13]). Учёный, и это, конечно же, сразу пленило Н. А. Кондрашова, издал «Краткую фонетику и морфологию чешского языка» (М., 1900) и ещё два по-

Дарственная надпись Н. А. Кондрашова на своей книге «Роман Федорович Брандт» (М., 1963). Автограф [Москва], 15 июля 1963 г.

хожих труда по польскому и болгарскому языкам, а также выпустил один из первых в истории университетской практики курсов «Введение в славянскую филологию» (М., 1912).

И на пути к описанию ещё одной незаурядной личности Н. А. Кондрашову встретился мудрый наставник и советник Богдан Степанович Боднарский...

Завершаем подборку автографов несколькими штрихами.

Как известно, до развенчания идей Н. Я. Марра И. В. Сталиным в 1950 г. главный академик-лингвист СССР направлял и вдохновлял официальную языковедческую мысль в стране. Его труды изучались, принимались как самое авторитетное руководство и практически безоговорочно цитировались. Можно сказать, что Н. Я. Марр для многих покорившихся стихии «шарлатанства» учёных был охранной грамотой. А те, кто только начинал свой путь в науке, могли с трудом разобраться в гипотезах и открытиях Московской лингвистической школы – она как бы и не существовала в 1930–1940-х гг., потому что её жёстко критиковал академик Н. Я. Марр. Тем не менее островки непогибшей науки жили в

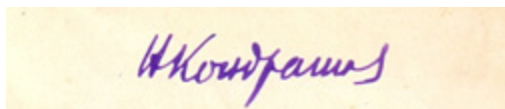
работах В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, М. Н. Петерсона, А. М. Селищева, Д. Н. Ушакова. Эти лингвисты прививали своим ученикам в МИФЛИ, в числе которых был и Н. А. Кондрашов, совсем иные принципы духовного восхождения на олимп лингвистической науки. И Николай Андреевич, конечно же, помнил заветы своих учителей. Но практика защиты диссертаций и написания многих трудов нередко смещала вектор в сторону марризма – пусть «для галочки», чтобы не было лишних проблем... Не избежал этого в начале своего пути и Н. А. Кондрашов (см. ссылку 1 к статье: [8, с. 104]). Не всегда и не у всех так бывало (например, мы когда-то смотрели опубликованные материалы докторской диссертации С. И. Абакумова; в ней как будто не виден дамоклов меч идеологии). Славистика же, исторически связанная с культурной традицией И. И. Срезневского – Ф. Ф. Фортунатова – А. А. Шахматова и других представителей компаративистики, находилась на острие полемики и входила в круг языковедческих амбиций Н. Я. Марра и его учеников, особенно в конце 1940-х, когда они с очередным натиском набросились на «буржуазную индоевропеистику». Цитирование трудов основателя «нового учения о языке» стало своего рода традицией, так же, как и ссылки на «классиков марксизма-ленинизма». Поэтому в библиотеке каждого лингвиста тех лет были сочинения этого учёного.

Конечно, Н. А. Кондрашов штудировал Н. Я. Марра, как и все филологи, полемизировал в своей кандидатской диссертации с «формальной лингвистикой» и в парадных пунктах приводил в качестве весомого аргумента именно марровскую цитату. А через год-другой после защиты отшучивался: «Купил де я полное собрание сочинений академика Марра, а тут его и скинули... Жаль, столько денег потерял!».

Тем не менее в библиотеке Николая Андреевича сохранилась из дошедших до нас одна такая показательная книга периода восхваления Н. Я. Марра. Это небольшая, но очень показательная брошюра

И. И. Цукермана «Крупнейший советский языковед Н. Я. Марр (К 85-летию со дня рождения)» [12], в которой о вожде науки говорилось как о «подлинном учёном-новаторе» [12, с. 4], о том, что «лучшие его работы вдохновлены любовью к родине, основополагающие идеи его языковедной теории оплодотворены (!!!) учением марксизма-ленинизма» [Там же], а «материалистическое учение о языке Н. Я. Марра органически связано с идеями советского патриотизма» [Там же]. Здесь же идёт речь «о расистских в своей основе праязыковых построениях, о воинствующем формализме старого языковедения, об игнорировании им смыслового содержания речи, об антиисторизме индоевропеистики...» [Там же, с. 10].

Сейчас забытая книга уже стала частью истории лингвистики XX в. Она известна лишь специалистам, да и то немногим. Николай Андреевич с его критическим умом и неугасшим сарказмом рассказчика хранил этот эпизод давно ушедшего времени в своей библиотеке. В годы взросления Н. А. Кондрашова такая работа могла восприниматься вполне серьёзно. Идеология и наука всегда шли в одной шеренге.

На отмеченной брошюре есть автограф её владельца, который с юмором, а может быть и с молодецкой удалью сатирика-рассказчика листал страницы лозунгов громогласной эпохи Ленина-Сталина. А затем брал с полки тома «Энциклопедии славянской филологии» или читал запретные работы Р. О. Якобсона и Н. С. Трубецкого. Его живой разум питали совсем другие имена... (см. подробнее: [11]).

Ещё один редкий документ из утраченной библиотеки Н. А. Кондрашова – книга Ж. Вандриеса «Язык: лингвистическое введение в историю» [1], опубликованная в 1937 г. в переводе с французского языка под редакцией и с предисловием Р. О. Шор и примечаниями П. С. Кузнецова. В

ней тоже сохранились следы читателя Н. А. Кондрашова, подчёркивавшего уверенной рукой языковеда понравившиеся ему строки. Синий карандаш этих линий скользит по разделу о звуках речи, отмечает важные мысли в главе о фонетическом слове и словесном образе, выделяет самое интересное и необычное в грамматических идеях Ж. Вандриеса. Например, такое: «В виде заключается одно из существенных различий между языками русским и французским, одна из наибольших трудностей, на которую наталкивается француз при изучении русского языка» [1, с. 100]. Где-то, заметив опечатку, Николай Андреевич, её исправляя, будь то французское или древнегреческое написание. Кажется, что ему «всё равно»: он одинаково твёрдо усвоил письменные нормы этих языков.

Эти подчёркивания, если присмотреться к ним повнимательнее, могут многое рассказать о владельце книги. Приведём и такой фрагмент, отмеченный Н. А. Кондрашовым: «Имена и глаголы – это живые элементы языка в противоположность его грамматическим орудиям (предлоги, союзы, члены и местоимения)» [Там же, с. 130]. В главе «Как изменяется значение слов» он теперь уже красным карандашом подчеркнул второй пример в таком эпизоде: «Во французском языке ирония, направленная на людей, посвятивших себя богу, выдает им свидетельство простоты ума или лицемерия; слова *benkt* (ср. *bn̄ni* – *благословенный*), *сr̄itin* (ср. *chr̄itien* – *христианин*) значат: первое – *олух*, второе – *кретин*; их уничижительный смысл вытекает из этой непочтительной тенденции» [Там же, с. 195].

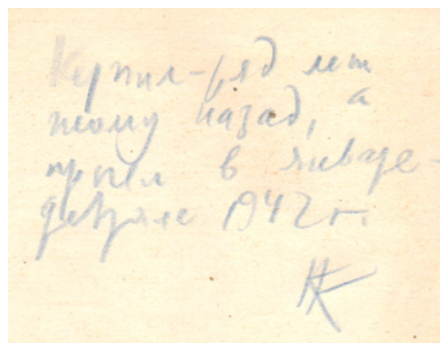
Воспроизведём ещё один показательный «сюжет» из главы «Как понятия меняют своё название». Здесь разноцветными карандашами Н. А. Кондрашов выделил такую любопытную фразу: «Прагерманский язык для понятия *хлеб* имел слово, засвидетельствованное в древнюю эпоху во всех германских диалектах. В готском оно звучало *hlaifs* (родительный *hlaibis*). Это было слово важное, как и предмет, им обозначаемый. Оно было заимствовано славянами

и литовцами. Его важность в германском языке засвидетельствована его производными: древнеанглийское *hlbfweard* (*хранитель хлеба*, в современном языке *lord*), *hljfdige* (*месячная хлеб*, в современном языке *lady*), древнорвежское *witanda-halaiban* (*господину хлеба*, из рунической надписи). Но это слово обозначало хлеб без дрожжей. Когда научились ставить тесто на дрожжах, понадобилось новое слово для обозначения нового приема хлебопечения» [Там же, с. 208].

В четвертой части книги, где речь шла об образовании языков, Николай Андреевич также не проходил мимо показательных, жизненных фрагментов, например, такого: «Малерб считал, что у грузчиков *Port-aufoin* наиболее верное чувство языка; он называл их своими учителями языка» [Там же, с. 223]. Или другое выделенное Н. А. Кондрашовым предложение: «Кастильский диалект стал в XIII в. литературным языком благодаря королю Альфонсу X (1252–1284), сделавшему для испанского языка то, что Данте сделал много позже для итальянского» [Там же, с. 244].

В подразделе «Соприкосновение и смешение языков» этой же части наш книжник-славист, конечно же, не мог удержаться, чтобы не отметить такие интересные наблюдения, как: «Никогда римлянин не согласился бы учиться одному из этих варварских языков, *quorum nomina vix est eloqui ore Romano* (даже названия которых невозможно произнести римским устам)...» [Там же, с. 259]; «В XIX в. армянский язык отступил перед русским языком в пределах Европейской России» (там же) – напротив второй фразы он поставил вопросительный знак; «...галльский язык не умер, так как во французском языке есть несколько слов, взятых из этого языка; и не считая латинского языка, нужно считать продолжающим в нашем языке свое существование ряд языков, более или менее известных, – всех языков, из которых черпали свой материал в течение веков языки латинский и французский» [Там же, с. 264].

Обратим внимание и на заключение к книге Ж. Вандриеса «Прогресс в языке». На одной из страниц тоже сохранились пометки карандашом. И этот «сюжет» весьма показателен для темпераментной натуры молодого учёного: «Дикарь выражает с

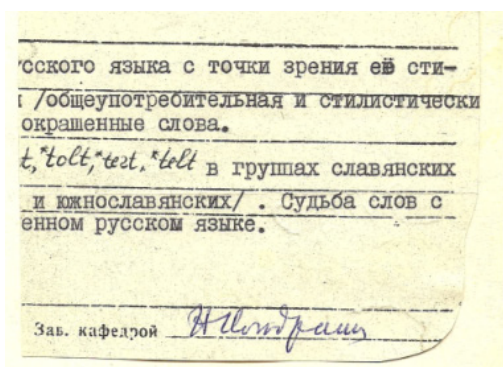

Автограф Н. А. Кондрашова на форзаце книги Ж. Вандриеса «Язык: лингвистическое введение в историю» (М., 1937)

редкой точностью сотни конкретных подробностей, ускользающих от нас; он уделяет больше внимания например пространственным отношениям, чем наши языки отношениям временным. Всякое действие представляется его сознанию связанным с какой-либо точкой пространства, а пространственные отношения живых существ и вещей отмечаются в языке специальными категориями в такой же мере и даже больше, чем отношения временные. Ибо время – более отвлеченное понятие, чем пространство. Мы, культурные народы, отмечая в морфологии более конкретное понятие пространства, охотно выражаем отвлеченное понятие времени. Это факт культуры» [Там же, с. 318].

Необычен также автограф на форзаце книги, говорящий при всей его краткости о времени, людях и событиях противоречивой эпохи: «Купил ряд лет тому назад, а прочел в январе-феврале 1942 г.».

Наконец, покажем ещё два автографа уже совсем другого времени. Первый рассказывает об учебных буднях заведующего кафедрой русского языка МОПИ имени Н. К. Крупской (сейчас – МГОУ), подпись которого стоит на фрагменте экзаменационного билета предположительно конца

Фрагмент экзаменационного билета с автографом Н. А. Кондрашова. Конец 1970-х гг.

1970-х гг. На нём отчётливо видны вопросы, на которые предстояло отвечать студентам (мы попытались восстановить утраченную часть текста):

1). Лексика русского языка с точки зрения её стилистического расслоения (общеупотребительная и стилистически окрашенные слова).

2). Сочетания *tort, *tolt, *tert, *telt в группах славянских языков (восточно-, западно- и южнославянских). Судьба слов с дифтонгическими сочетаниями в современном русском языке.

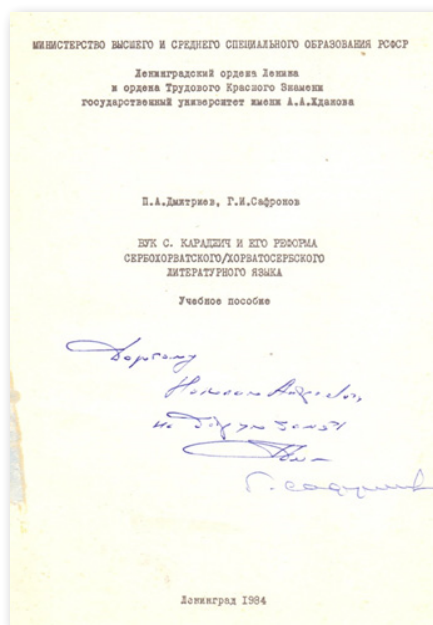
А второй – дарственная надпись московскому слависту от его петербургских коллег П. А. Дмитриева и Г. И. Сафонова на книгу «Вук С. Караджич и его реформа сербохорватского / хорватосербского литературного языка» [2]: «Дорогому Николаю Андреевичу на добрую память [подписи авторов]».

Известно, что Н. А. Кондрашов пристально следил за новой литературой и всегда интересовался исследованиями по истории славистики. И хотя он принадлежал к московской ветви этой школы, поддерживал контакты и с коллегами из северной столицы, в частности, с академиком Н.С. Державиным, которого знал ещё по учёбе в аспирантуре МГУ.

Профессор Пётр Андреевич Дмитриев (1928–1998), один из авторов книги, был крупным специалистом в области сравнительного славянского языкознания, в 1979–1985 гг. возглавлял секцию славянских языков и литератур Научно-

методического совета по высшему филологическому образованию при Минвузе СССР. Его коллега профессор Герман Иванович Сафонов (1924–1997) – видный учёный-сербократист. Оба они – неразлучные друзья в жизни и профессиональной работе, удивительные, светлые, незаурядные личности! Наверное, любовь к славистике притягивала к себе таких людей, делала их одним звеном в прочной филологической традиции великой страны. А ещё – схожие тяготы военного лихолетья, невероятная тяга к знаниям и душевная щедрость, открытость, звонкий задиристый юмор – эти качества всегда объединяли славистов от Бога. Вот как о том времени вспоминали их коллеги по Санкт-Петербургскому университету:

«Предметом зависти факультета была и общая атмосфера кафедры славянской филологии: исключительное дружелюбие, славянские “пятницы” с их искромётным весельем, юбилейные торжества, на которых фантазия и изобретательность не знали границ. И во всех этих мероприятиях неизменно принимал самое активное участие Пётр Андреевич. И в самодельных маскарадных костюмах, и величественно восседая на “троне”, слушая отчет одетых в пионерскую форму сотрудников – он везде был прост,

убедителен и артистичен. А в содружестве с профессорами Германом Ивановичем Сафроновым, Галиной Алексеевной Лилич (заводилой всех капустников) и постоянным солистом с гитарой Валерием Михайловичем Мокиенко они создавали незабываемые праздники» [3].

Приведённые нами автографы – это не только память об удивительной, яркой личности профессора Н. А. Кондрашова (см.: [11]), дающая нам живое представление о том, в какой атмосфере он мучал и учился, но и документы подзабытой истории науки – того культурного пространства, в котором рождались подлинные идеи, происходили нештучные баталии, сменяя подчас целые школы и направления.

Н. А. Кондрашов – почти ровесник самых главных событий лингвистического

XX века. Его личность вобрала в себя многие черты той эпохи: исключительное трудолюбие и жажда познания, недюженные борцовские качества и воля, высокий полёт мысли и духа, юмор и сарказм на фоне официальной идеологии и зажатости внешними условиями жизни в стране. Но главное Николай Андреевич усвоил твёрдо: у настоящего учёного не может быть преград для творчества. Оно является признаком в чём-то беспокойных, неравнодушных, как говорят, «не от мира сего» людей. Но именно они украшают нашу жизнь, делают её запоминающейся событиями и встречами. Отмечая столетие со дня рождения профессора Н. А. Кондрашова, мы с ним не прощаемся, а идём вместе к открытию необъятных миров филологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вандриес Ж. Язык: лингвистическое введение в историю. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1937. 410 с.
2. Дмитриев П. А., Сафронов Г. И. Вук С. Караджич и его реформа сербохорватского / хорватосербского литературного языка: учебное пособие. Л.: Ленинградский университет, 1984. 108 с.
3. Захарова Н. А. Штрихи к портретам // Журнал «Санкт-Петербургский университет». 2004 г. 15 сентября. № 20 (3678). [Электронный ресурс]. URL: <http://old.journal.spbu.ru/2004/20/18.shtml> (дата обращения: 14.10.2019).
4. Кондрашов Н. А. [Рец.] Георгиев Е. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия [София, 1952] // Вопросы языкознания. 1952. № 6. С. 144–150.
5. Кондрашов Н. А. Категория личности и неличности в словацком языке: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 1949. 262 с.
6. Кондрашов Н. А. Осип Максимович Бодянский. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. 86 с.
7. Кондрашов Н. А. Роман Федорович Брандт. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. 68 с.
8. Кондрашов Н. А. Серьезные ошибки в диссертациях по языкознанию // Вопросы языкознания. 1953. № 2. С. 104–110.
9. Кондрашов Н. А. Славянские языки: учебное пособие. М.: Учпедгиз, 1956. 199 с., 2 л. карт.
10. Кондрашов Н. А. Славянские языки; 2-е издание. М.: Учпедгиз, 1962. 216 с.
11. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. Т. 80. № 5. С. 81–89.
12. Цукерман И. И. Крупнейший советский языковед Н. Я. Марр (К 85-летию со дня рождения). М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 54 с.
13. Шахматов А.А. О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племен, населяющих Россию // Московский журнал. История государства Российского // Московский журнал. История государства Российского. 1999. № 9. С. 21–28.

REFERENCES

1. VVandries Zh. *Yazyk: lingvisticheskoe vvedenie v istoriyu* [Language: a linguistic introduction to history]. Moscow, Gosudarstvennoe sotsialno-ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ, 1937. 410 p.
2. Dmitriev P. A., Safronov G. I., Vuk S. *Karadzich i ego reforma serbokhorvatskogo / khorvatoserbskogo literaturnogo yazyka* [And his reform of the Serbo-Croatian / Croato-serbian literary language]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1984. 108 p.
3. Zakharova N. A. [Touches to portraits]. In: *Jurnal «Sankt-Peterburgskii universitet»* [Journal “Saint-Petersburg University”], 2004, September 1515, no. 20 (3678). Available at: <http://old.journal.spbu>.

- ru/2004/20/18.shtml (accessed: 14.10.2019).
4. Kondrashov N. A. [Review.] [Georgiev E. Slavic writing to Cyril and Methodius [Sofia, 1952]]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 1952, no. 6, pp. 144–150.
 5. Kondrashov N. A. *Kategoriya lichnosti i nelichnosti v slovatskom yazyke: diss. ... kand. filol. nauk* [The category of person and impersonal in the Slovak language: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 1949. 262 p.
 6. Kondrashov N. A. *Osip Maksimovich Bodyanskii* [Osip Bodyansky]. Moscow, Moscow University Publ., 1956. 86 p.
 7. Kondrashov N. A. *Roman Fedorovich Brandt* [Roman Brandt]. Moscow, Moscow University Publ., 1963. 68 p.
 8. Kondrashov N. A. [Serious errors in the dissertations in linguistics]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 1953, no. 2, pp. 104–110.
 9. Kondrashov N. A. *Slavyanskie yazyki* [Slavic languages]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956. 199 p.
 10. Kondrashov N. A. *Slavyanskie yazyki; 2-e izdanie* [Slavic languages; 2nd edition]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1962. 216 p.
 11. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.
 12. Zukerman I. I. *Krupneishii sovetskii yazykoved N. Ya. Marr (K 85-letiyu so dnya rozhdeniya)* [The largest Soviet linguist N. Marr (to the 85 anniversary)]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Science Publ., 1950. 54 p.
 13. Shakhmatov A. A. [On the state tasks of the Russian people in connection with the national tasks of the tribes inhabiting Russia]. In: *Moskovskii zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo* [Moscow Journal. History of Russian Government], 1999, no. 9, pp. 21–28.

ИНФОМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; профессор кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;
e-mail: olnikitin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Nikitin – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of History of Russian and General Linguistics of Moscow Region State University; Professor at the Department of Russian of Petrozavodsk State University; honorary worker of higher professional education of the Russian Federation;
e-mail: olnikitin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Никитин О. В. Автографы «деда Кондраша» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.

FOR CITATION

Nikitin O. V. Autographs of “grandpa Kondrash”. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp.

УДК 82-94

DOI

ЭТО БЫЛ НАСТОЯЩИЙ УЧИТЕЛЬ

Судаков Г. В.*Вологодский государственный университет**160000, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, Российская Федерация*

Аннотация. В документальном эссе описаны эпизоды общения со знаменитым славистом профессором Н. А. Кондрашовым в конце 1960-х–1980-е гг. Автор вспоминает первую встречу с учёным и делится своими размышлениями о его масштабной языковой личности. Особо отмечаются широта знаний, уникальные способности полиглота, высокий профессиональный уровень и оригинальность идей и работ Н. А. Кондрашова. Отдельное место в статье занимает рассказ об интересе лингвиста к традициям Пражской лингвистической школы и трудам поздних поколений чешских славистов. Автор обращает внимание и на личные черты, когда говорит о неформальных встречах и беседах с ним и профессором И. А. Василенко. Человеческая и научная поддержка и помощь Н. А. Кондрашова в филологических поисках на разных этапах биографии автора показаны с фактологической точностью, доброй иронией и благодарной памятью к учителю не одного поколения славистов нашей страны. Заключительный аккорд статьи о том, что люди, подобные Николаю Андреевичу, украшают нашу жизнь, свидетельствует о редком культурном феномене личности профессора Н. А. Кондрашова в кругу историко-научной персонологии и лингвистических открытий XX века.

Ключевые слова: Н. А. Кондрашов, славистика, личность в истории, лингвистическая традиция, язык и культура, исторические мемуары, филология как искусство

HE WAS A REAL MASTER

G. Sudakov*Vologda State University**15 ulitsa. Lenina, Vologda 160000, Vologda region, Russian Federation*

Abstract. Episodes of communication with the famous Slavist Professor N. Kondrashov at the end of the 1960s–1980s are described in the documentary essay. The author recalls the first meeting with the scientist and shares reflections on N. Kondrashov's large-scale linguistic identity. The breadth of knowledge, unique abilities of a polyglot, high professional level and originality of ideas and works of N. Kondrashov are especially noted. The story about the linguist's interest in the traditions of the Prague linguistic school and the works of later generations of Czech Slavists has occupied a separate place in the article. The author draws attention to personal traits when talking about informal meetings and conversations with N. Kondrashov and Professor I. Vasilenko. Social and scientific support and assistance of N. Kondrashov in philological searches at different stages of the author's biography are shown with factual accuracy, sweet irony, and grateful memory to the teacher of more than one generation of Slavists of our country. The final chord of the article that people like Nikolay adorn our lives testifies to a rare cultural phenomenon of the personality of Professor N. Kondrashov in the circle of historical and scientific personology and linguistic discoveries of the 20th century.

Keywords: N. Kondrashov, Slavistics, personality in history, linguistic tradition, language and culture, historical memoirs, philology as art

Передо мной на столе лежат три книги: «Пражский лингвистический кружок» [16], «Славянские языки» [8], «Историческая грамматика русского языка. Историческая лек-

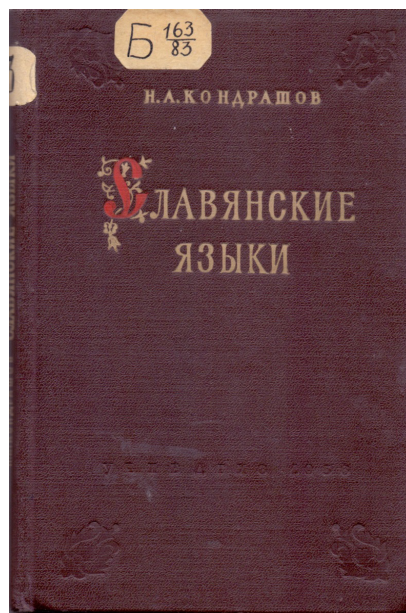
сикология. Ч. 1. Древнерусский период» [2]. Для меня они – не только напоминание о трёх разных периодах моей педагогической и научной работы, но и память о человеке, который на долгие годы стал моим добрым знакомым, старшим товарищем, недостижимым путеводителем.

С книгами Николая Андреевича Кондрашова я знакомился в разное время, а с ним – автором, переводчиком и составителем – встретился только в 1968 г., когда в МГПИ им. В. И. Ленина открылся первый в стране факультет повышения квалификации преподавателей вузов. Иван Афанасьевич Василенко¹ – заведующий кафедрой общего языкознания и истории языка, которому было поручено сформировать программу курсов, обеспечил нам возможность познакомиться со всей лингвистической элитой столицы: и живыми классиками (В. В. Виноградов, А. Ф. Лосев, Ф. П. Филин), и большим отрядом среднего поколения (С. И. Котков, Д. Н. Шмелев, М. В. Панов), и дерзкой молодёжью (Ю. Д. Апресян, И. Г. Добродомов, Н. А. Крылов, Г. А. Хабургаев). Николай Андреевич на наших глазах очень дружески беседовал с В. В. Виноградовым. Н. А. Кондрашову улыбались Ф. П. Филин и С. И. Котков... Он первым подходил приветствовать юных коллег.

Нас поразила всеохватность интересов и знаний Н. А. Кондрашова: он с равной охотой говорил о В. Н. Татищеве (см.: [4]; ср. [10]) и И. И. Срезневском (см.: [5]), оценивал длинный ряд зарубежных славистов, с которыми был «на дружеской ноге», излагал новые концепции праславянской фонетики и теории слова. Во всём он был актуален и точен. Когда мы услышали, что Николай Андреевич владеет одиннадцатью языками, мы поразились: полиглоты выглядят и ведут себя так просто и буднично! Проводя занятие, он вставал перед нами, доставал из портфеля один листок

(вероятно, с планом или какими-то заметками) и начинал рассказывать, не заглядывая в записи. При этом, упоминая какого-то учёного, советского или зарубежного, говорил, где и когда с ним встречался. Эти бытовые подробности хорошо запоминались, но и сведения научного содержания тоже врезались в память. Чувствовалось, что занятия с молодыми и любознательными филологами приносят ему удовольствие, и Николай Андреевич наслаждался и нашей задиристостью, и трудными вопросами. Он говорил с каждым из нас, как с хорошим и давним знакомым. С ним было легко спорить и легко договариваться. Он хорошо помнил названия книг и статей и точно знал, есть ли они в «Ленинке».

Мы, молодые, с восторгом бегали на все защиты диссертаций, посещали заседания учёных советов в Институте русского языка, Институте славяноведения. Каждый лингвист – автор книги – казался мне тогда человеком необыкновенным, семи пядей во лбу. А книги Николая Андреевича привлекали тем, что они были написаны просто и чрезвычайно содержательно. Особенно полезными оказались многочисленные ряды сопоставлений из разных славянских и ев-

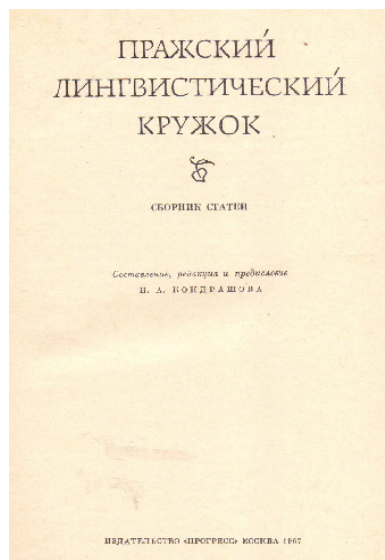
Обложка книги Н. А. Кондрашова «Славянские языки» (1-е изд. Москва, 1956)

¹ Иван Афанасьевич Василенко (1899–1970) – доктор филологических наук, профессор МГПИ имени В. И. Ленина, специалист по истории русского литературного языка, синтаксису и проблемам организации преподавания в высшей школе.

ропейских языков. В это время курс сравнительной грамматики индоевропейских языков нам читал (точнее, рассказывал, поскольку утратил зрение) выдающийся классик Алексей Фёдорович Лосев, а занятия по сравнительной грамматике славянских языков проводил Андрей Иванович Павлович.

Через полгода, когда я был уже аспирантом кафедры общего языкознания и истории языка, Николай Андреевич, приходя в МГПИ, здоровался со мной, как со старым знакомым, расспрашивал о диссертационных проблемах, давал советы. Главное, на чём он настаивал – это обязательность сопоставлений с другими славянскими языками и вообще необходимость сравнений. Слова А. А. Потепни о том, что наука есть сравнение, я впервые услышал от Николая Андреевича. К этому времени появилось несколько славистических работ о грамматике отдельных падежей, и Н. А. Кондрашов настаивал, чтобы я их прочитал и учёл в своём исследовании. Многие славянские параллели в моей кандидатской диссертации [17] появились в результате этих бесед.

Николай Андреевич поражал нас своим трудолюбием и разнообразием научных интересов. Он не был архаичным во взглядах, не замыкался в прошлое. В те годы выходили один за другим тома «Новое в лингвистике» (позднее эта серия стала называться «Новое в зарубежной лингвистике»). Конечно, после книги «Пражский лингвистический кружок» [15], которая произвела на нас, аспирантов, очень сильное впечатление, оригинальных статей, впервые включённых в эту хрестоматию, и предисловием Николая Андреевича, уже от западных славистов больше было нечего ожидать. И вдруг появляется подготовленный неутомимым Н. А. Кондрашовым в этой же серии книга «Теория литературного языка в работах ученых ЧССР» [19], где Николай Андреевич выступил переводчиком, составителем, редактором и автором вступительной статьи. Во-первых, для нас Кондрашов был всё ещё младограмматиком, то есть специалистом по языковому инвентарю, по средствам языка. Причастность же

Титульный лист книги «Пражский лингвистический кружок: Сборник статей» (составление, редакция и предисловие Н. А. Кондрашова). Москва, 1967

Николая Андреевича к проблемам функционирования языка оказалась неожиданной. Я ходил, очарованный тезисами Пражского лингвистического кружка и детальной проработанностью теории литературного языка. И каюсь: Николай Андреевич в моих глазах раздвоился: его – специалиста по фонетике и грамматике славянских языков – я никак не мог соединить с Кондрашовым – знатоком функциональной лексикологии и стилистики.

У Николая Андреевича была одна отличительная внешняя примета – портфель

НОВОЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

выпуск XX

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
В РАБОТАХ УЧЕНЫХ ЧССР

Вступительная статья, составление и общая редакция
Н. А. КОНДРАШОВА

Фрагмент титульного листа книги «Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР» (Москва, 1988)

внушительных размеров, который при средней комплекции профессора попадал на глаза раньше, чем фигура владельца. Но мне портфель запомнился ещё и потому, что я его увидел совершенно в неподходящей обстановке, когда мы в тёплый майский день ехали на дачу к Ивану Афанасьевичу Василенко. Николай Андреевич был в простой одежде, соответствующей ожидаемой огородной работе, но со своим чистеньким большим профессорским портфелем, который скоро забылся. А сам этот день помнится до сих пор. В центре нашей огородной страды были не грядки и не уборка мусора, а воспоминания Ивана Афанасьевича и подробные уточнения к ним Николая Андреевича о лингвистических дискуссиях прошлого и биографиях многих отечественных филологов. К концу дня Николай Андреевич сжёг на солнце свой достаточно мускулистый торс и запросился домой, а мы остались ночевать и слушать Ивана Афанасьевича. Мы засыпали у него на глазах, но он снова и снова будил нашу совесть, напоминая, что «вот я скоро умру, а без меня вам никто этого не расскажет». То, что поведали в этот день И. А. Василенко и Н. А. Кондрашов, могло бы стать интересной книгой, но мы ничего не записывали, а Ивана Афанасьевича и Николая Андреевича, действительно, уже нет. Но всё же обрывки памяти смутно доносят то, о чём мы тогда слышали... И о настоящей роли С. Г. Бархударова в появлении хрестоматии по истории русского языка, подготовленной С. П. Обнорским [13–15], уже никто в таких деталях не расскажет. Они знали биографию Р. И. Аванесова или Н. Хомского до четвёртого колена. Поражали наше воображение почти документальные сюжеты о том, как интересно вёл семинары А. А. Шахматов (ср. новое о нём: [22]) и как неважно читал лекции С. П. Обнорский и многое другое, чему мы были слушателями в тот день. Перед нами открылась дверь в таинственный Советский комитет славистов (Николай Андреевич был деятельным помощником академика В. В. Виноградова в этом комитете), в Комитет по Ленинским

премиям в области языка и литературы (И. А. Василенко входил в его состав, а Н. А. Кондрашов иногда выступал в качестве эксперта).

Встретившийся на следующий день Николай Андреевич пытался ещё кое-что добавить о книжных фондах библиотеки Института общественных наук (ныне ИНИОН РАН. – *Прим. ред.*) и знаменитой «Иностранки», где мы ещё не успели стать читателями, но и сам рассмеялся, поняв, что надо искать другой формат для столь содержательных воспоминаний.

Длительными были наши беседы с Николаем Андреевичем в период завершения моей работы над докторской диссертацией [18]. Мы разговаривали с ним о монографии П. Я. Черных [21], о докторской диссертации Ф. П. Филина (см. выпущенную позже книгу: [20]). Ценю то обстоятельство, что, несмотря на плохое состояние здоровья, Николай Андреевич подготовил отзыв на диссертацию (он был моим оппонентом). Докторскую я писал без научного консультанта, поэтому отзывчивость и поддержка Н. А. Кондрашова были очень значимы.

Но наше общение на историко-лингвистические темы не прошло бесследно и для моего оппонента. В 1988 г., когда мы уже создали общественную комиссию по исторической лексикологии русского языка, регулярно проводили конференции и составили проспект коллективной монографии, появились книга Н. А. Кондрашова по исторической лексикологии древнерусского языка [2], а потом и её продолжение [1]. Это были очень квалифицированные и полные обзоры выполненных к тому времени исследований, здесь же была намечена программа дальнейшего изучения истории русского слова.

В моей памяти всплывает немало случаев, когда Николай Андреевич помогал многим, особенно вузовским педагогам из провинции: организовывал приём кандидатских экзаменов, приглашал учиться в аспирантуре, содействовал в подготовке и публикации статей (тогда это было очень непросто сделать). Но важна и его мораль-

ная поддержка, когда в большом коридоре столичного института подходил живой и энергичный Николай Андреевич, здоровался за руку, тут же представлял тебя своим знакомым, заинтересованно расспрашивал о научных успехах, о жизни, об организации учебного процесса в других вузах. Он бы педагогом по призванию.

Работ методического содержания у него подготовлено не меньше, чем научных публикаций (см.: [12]), при этом вузовские пособия по общему языкознанию [6; 7] и истории лингвистических учений [3] были незаменимыми учебниками в те годы. Он как будто сочинял летопись науки и сам был её хроникёром (ср.: [11]). А его замечательная книга о любимых им славянских языках издавалась многократно, в 1956, 1962 и 1986 гг. (см., например, последнее дополненное издание: [9]). **Не это ли сви-**

детельство педагогического мастерства и научного подвига, который, впрочем, он не замечал, не выставляя на показ своё «имя» – профессор Кондрашов просто так жил и работал и не мог по-другому. Эти заветы он усвоил ещё от своих мифлийских учителей – Н. К. Гудзия, С. И. Радцига, А. М. Селищева, Д. Н. Ушакова. Он был одним из последних классических славистов своего времени...

Люди, подобные Николаю Андреевичу, украшают жизнь, поддерживают веру в добро, укрепляют преданность профессии. Они – настоящие, со своими милыми человеческими слабостями, со своей простотой и обыденностью, со своим профессиональным величием на рабочем месте. Человек жив, пока его помнят. Николай Андреевич заслужил долгую благодарную память учеников, коллег, своих товарищей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болонина Э. Н., Кондрашов Н. А., Рупосова Л. П. Историческая грамматика русского языка. Историческая лексикология. Часть II. (Московский период): учебное пособие. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1990. 95 с.
2. Кондрашов Н. А. Историческая грамматика русского языка. Историческая лексикология. Ч. 1. Древнерусский период. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1988. 67 с.
3. Кондрашов Н. А. История лингвистических учений: учеб пособие для студ. пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1979. 224 с.
4. Кондрашов Н. А. Лингвистические взгляды В. Н. Татищева и язык его произведений: Спецкурс. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1985. 69 с.
5. Кондрашов Н. А. Лингвистическое и методическое наследие И. И. Срезневского: учебное пособие. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1979. 72 с.
6. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (курс лекций). Ч. I. История языкознания. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1972. 173 с.
7. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (курс лекций). Ч. II. Проблемы языкознания и методы изучения языка. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1974. 171 с.
8. Кондрашов Н. А. Славянские языки. М.: Учпедгиз, 1956. 199 с., 2 л. карт.
9. Кондрашов Н. А. Славянские языки: учеб. пособие для студентов филол. спец. пед. ин-тов; 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1986. 239 с.
10. Никитин О. В. Василий Никитич Татищев – русский просветитель XVIII в. // *Русский язык в школе*. 2010. № 7. С. 86–93.
11. Никитин О. В. Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново и А. М. Селищева (неизвестные страницы истории Московской лингвистической школы) // *Вопросы языкознания*. 2002. № 1. С. 91–102.
12. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // *Русский язык в школе*. 2019. № 5. С. 81–89.
13. Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка: пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. Часть 1. Л.-М.: Учпедгиз, Ленингр. отд., 1938. 320 с.
14. Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. Часть 2. Выпуск первый. Л.-М.: Учпедгиз, Ленингр. отд., 1949. 291 с.
15. Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. Часть 2. Выпуск второй. Л.-М.: Учпедгиз, Ленингр. отд., 1948. 341 с.

16. Пражский лингвистический кружок: сборник статей / сост. и ред. Н. А. Кондрашов. М.: Прогресс, 1967. 558 с.
17. Судаков Г. В. Из истории падежных значений русского языка: на материале вологодской деловой письменности XVII века: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МПГИ имени В. И. Ленина, 1971. 387 с.
18. Судаков Г. В. Русская бытовая лексика XV–XVII вв. в динамическом и функциональном аспектах: дисс. ... докт. филол. наук. Вологда: ВГПИ, 1985. 369 с. + 287 с. Прил.
19. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР / [пер. с чеш. и словац. яз.]; вступ. ст., сост. и общ. ред. Н. А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1988. 319 с. (Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 20).
20. Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи: (По материалам летописей): докторская диссертация. Ленинград: тип. № 2 Управления изд-в и полиграфии Ленгорисполкома, 1949. 288 с.
21. Черных П. Я. Язык Уложения 1649 года: Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 375 с.
22. Шахматов А. А. О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племен, населяющих Россию // Московский журнал. История государства Российского // Московский журнал. История государства Российского. 1999. № 9. С. 21–28.

REFERENCES

1. Bolonina E. N., Kondrashov N. A., Ruposova L. P. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Istoricheskaya leksikologiya. Chast' II. (Moskovskii period)* [Historical grammar of the Russian language. Historical lexicology. Part II. (Moscow period)]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1990. 95 p.
2. Kondrashov N. A. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Istoricheskaya leksikologiya. Ch. 1. Drevnerusskii period* [Historical grammar of the Russian language. Historical lexicology. Part 1. The ancient period]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1988. 67 p.
3. Kondrashov N. A. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [The history of linguistic doctrines]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1979. 224 p.
4. Kondrashov N. A. *Lingvisticheskie vzglyady V. N. Tatishcheva i yazyk ego proizvedenii: Spetskurs* [Linguistic views of V. Tatishchev and the language of his works: a Special Course]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1985. 69 p.
5. Kondrashov N. A. *Lingvisticheskoe i metodicheskoe nasledie I. I. Sreznevskogo* [Linguistic and methodological heritage of I. Sreznevsky]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1979. 72 p.
6. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie: (kurs lektsii). Ch. I. Istoriya yazykoznaniiya* [General linguistics: (course of lectures). Part I. The History of linguistics]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1972. 173 p.
7. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie: (kurs lektsii). Ch. II. Problemy yazykoznaniiya i metody izucheniya yazyka* [General linguistics: (course of lectures). Part II. Problems of linguistics and methods of language learning]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1974. 171 p.
8. Kondrashov N. A. *Slavyanskii yazyki* [The Slavic languages]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956. 199 p.
9. Kondrashov N. A. *Slavyanskii yazyki* [Slavic languages]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986. 239 p.
10. Nikitin O. V. [Vasily Tatischev, a Russian educator of the 18th century.]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian Language at School], 2010, no. 7, pp. 86–93.
11. Nikitin O. V. [The Moscow dialectological Commission in the memoirs of D. Ushakov, N. Durnovo and A. Selishchev (unknown pages of history of the Moscow linguistic school)]. In: *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language], 2002, no. 1, pp. 91–102.
12. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.
13. Obnorskii S. P., Barkhudarov S. G. *Khrestomatiya po istorii russkogo yazyka. Chast' 1* [An anthology on the history of the Russian language. Part 1]. Moscow, Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1938. 320 p.
14. Obnorskii S. P., Barkhudarov S. G. *Khrestomatiya po istorii russkogo yazyka. Chast' 2. Vypusk pervyi* [An anthology on the history of the Russian language. Part 2. Iss. 1]. Moscow, Leningrad Uchpedgiz Publ., 1949. 291 p.

15. Obnorskii S. P., Barkhudarov S. G. *Khreptomatiya po istorii russkogo yazyka. Chast' 2. Vypusk vtoroy* [An anthology on the history of the Russian language. Part 2. Iss. 2]. Moscow, Leningrad Uchpedgiz Publ., 1948. 341 p.
16. Kondrashov N. A., comp., ed. *Prazhskii lingvisticheskiy kruzhok* [The Prague linguistic circle]. Moscow, Progress Publ., 1967. 558 p.
17. Sudakov G. V. *Iz istorii padezhnykh znachenii russkogo yazyka: na materiale vologodskoi delovoi pis'mennosti XVII veka: diss. ... kand. filol. nauk* [From the history of the case meanings of the Russian language: on the material of the Vologda business writing of the 18th century: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow State Pedagogical Institute named after V. I. Lenin, 1971. 387 p.
18. Sudakov G. V. *Russkaya bytovaya leksika XV–XVII vv. v dinamicheskom i funktsional'nom aspektakh: diss. ... dokt. filol. nauk* [Russian household vocabulary in the 15–17th centuries. in the dynamic and functional aspects: PhD thesis in Philological Sciences]. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute Publ., 1985. 369 p. + 287 with. application
19. Kondrashov N. A., ed, comp., transl. *Teoriya literaturnogo yazyka v rabotakh uchenykh CHSSR* [The theory of literary language in the works of scientists of Czechoslovakia.] Moscow, Progress, 1988. 319 p. (New in foreign linguistics. Iss. 20).
20. Filin F. P. *Leksika russkogo literaturnogo yazyka drevnekievskoi epokhi: (Po materialam letopisei): doktorskaya dissertatsiya* [The vocabulary of Russian literary language in Ancient Kiev era: (On the Chronicles): D. thesis]. Leningrad, Printing house № 2 of the Office of Publishing House and Polygraphy of Lengorispolkom Publ., 1949. 288 p.
21. Chernykh P. Ya. *Yazyk Ulozheniya 1649 goda: Voprosy orfografii, fonetiki i morfologii v svyazi s istoriei Ulozhennoi knigi* [Language of the Code of 1649: Questions of spelling, phonetics and morphology in connection with the history of the Book]. Moscow USSR, Academy of Science, 1953. 375 p.
22. Shakhmatov A. A. [On the state tasks of the Russian people in connection with the national tasks of the tribes inhabiting Russia]. In: *Moskovskii zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo* [Moscow Journal. History of Russian Government], 1999, no. 9, pp. 21–28.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Судаков Гурий Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;
e-mail: gvs035@rambler.ru

AUTHOR INFORMATION

Gurij V. Sudakov – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Department of Russian, Mass Media and Theory of Communication, Vologda State University, honored figure of higher education of Russian Federation;
e-mail: gvs035@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Gurij V. Sudakov – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Department of Russian, Mass Media and Theory of Communication, Vologda State University, honored figure of higher education of Russian Federation;
e-mail: gvs035@rambler.ru

FOR CITATION

Sudakov G. V. He was a real master. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp.

УДК 82-94
DOI

«ОБРАЩАЮСЬ К ВАМ С ОДИМ ДЕЛОВЫМ ПРЕДЛОЖЕНИЕМ...» (ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ПРОФЕССОРОМ Н. А. КОНДРАШОВЫМ)

Хроленко А. Т.

*Курский государственный университет
305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33, Российская Федерация*

Аннотация. В статье публикуются письма профессоров Н. А. Кондрашова и А. Т. Хроленко, в которых обсуждаются актуальные проблемы вузовского образования 1980-х гг. Особое внимание уделено разработке новой программы и учебника по общему языкознанию. Рассматриваются спорные моменты подготовки современных пособий по лингвистике для студентов. Анализируются уже имеющиеся работы. Статья показывает традицию вузовской школы советского времени в области гуманитарного образования, направленную на создание интересных авторских курсов и реализацию последовательной системы освоения основ лингвистического знания от «Введения в языкознание» до «Общего языкознания».

Ключевые слова: Н. А. Кондрашов, общее языкознание, лингвистические дискуссии, история филологии, языковое образование, учебник

“I APPEAL TO YOU WITH A BUSINESS PROPOSAL...” (FROM CORRESPONDENCE WITH PROFESSOR N. KONDRASHOV)

A. Khrolenko

*Kursk State University
33 ulitsa Radishcheva, Kursk 305000, Russian Federation*

Abstract. The article includes letters of professors N. Kondrashov and A. Khrolenko in which actual problems of higher education of the 1980s are discussed. Special attention is paid to the development of new curriculum and textbooks on General linguistics. The controversial aspects of the preparation of new manuals on linguistics for students are discussed. The current works are analyzed. The article shows the tradition of the Soviet high school in the field of humanitarian education, aimed at creating exciting author's courses and the implementation of a consistent regularity of mastering the basics of linguistic knowledge from “Introduction to linguistics” to “General linguistics.”

Keywords: N. Kondrashov, General Linguistics, linguistic discussions, history of philology, linguistic education, textbook

После окончания аспирантуры в 1967 г. я по распределению был направлен на кафедру русского языка в Курский государственный пединститут. В первой моей вузовской учебной нагрузке значилось «Общее языкознание», незадолго до этого вошедшее в учебный план факультетов русского языка и литературы. Учебная дисциплина мне пришлась по душе. Много читал по теории языка, разрабатывал тек-

сты лекций и планы практических занятий. Тогда же сложилось моё преподавательское правило – по каждому читаемому курсу писать учебную книгу. Этому правилу следую по сей день.

Будучи в Ленинграде на стажировке в пединституте им. Герцена под руководством В. И. Кодухова, в порядке отчётного задания предложил рукопись своей книги, о которой на обсуждении было сказано немало добрых слов, однако судьба опуса оказалась незавидной: книга неволью

конкурировала с двумя книгами по введению в языкознание [2] и общему языкознанию [3] самого Виталия Ивановича.

О рукописи прознали в Московском государственном заочном педагогическом институте, где публиковали книги для студентов-заочников, и предложили подготовить пособие по общему языкознанию [13]. Делать нечего. Рукопись основательного учебника «усохла» до требуемого объёма в шесть печатных листов. Каждый абзац сократился до одного простого предложения, что для студентов оказалось благом. Получился конспект, с помощью которого вузовские преподаватели легко составляли тексты лекций.

Пособие заинтересовались и преподаватели, работавшие со студентами очных отделений. На одном памятном мне всесоюзном совещании, где собралось большое количество тех, кто читал курс, моё пособие получило лестную оценку вузовской общественности, а собрание официально обратилось к министерству с просьбой переиздать книгу и по возможности её расширить. Что и было вскоре сделано (см.: [14]). Стандартный объём увеличили на два печатных листа.

Книга вышла в свет в 1981 г. Поскольку я с интересом и пользой читал и перечитывал учебник Н. А. Кондрашова «История лингвистических учений» [4] и высоко ценил его не только за содержание, но и за отличное изложение, рискнул в знак благодарности отослать экземпляр своего опуса Николаю Андреевичу (см. подробнее о нём: [9]). В ответ получил письмо.

Дорогой Александр Тимофеевич!

Спасибо за присланное *Общее языкознание* [13]. Для заочников оно будет важным подспорьем. В. И. Кодухов¹ мне говорил о составе Вашего учебника, но теперь я вижу, что от прежней книги остались, к сожалению, рожки да ножки. Особенно жаль, естественно, социолингвистических глав. Между тем толстую книжку

Фигуровского [12] тот МГЗПИ издал, хотя она имеет малое касательство к общему языкознанию.

Думаю, через пару лет следует повторить это пособие, так как время меняется, появляются новые точки зрения, да и увеличение объёма листов до 10–15 принесёт только пользу. Между делом, я вижу, что заочник теперь пошёл не тот, что прежде. Теперь ему нужен только диплом, а не знания.

*Виталий Александрович Тимофеевич!
Спасибо за присланное *Общее языкознание*.
Для заочников оно будет важным подспорьем.
В. И. Кодухов мне говорил о составе Вашего учебника, но теперь я вижу, что от прежней книги остались, к сожалению, рожки да ножки. Особенно жаль, естественно, социолингвистических глав. Между тем толстую книжку Фигуровского тот МГЗПИ издал, хотя она имеет малое касательство к общему языкознанию.
Думаю, через пару лет следует повторить это пособие, так как время меняется, появляются новые точки зрения, да и увеличение объёма листов до 10–15 принесёт только пользу. Между делом, я вижу, что заочник теперь пошёл не тот, что прежде. Теперь ему нужен только диплом, а не знания.
С уважением В. Кондрашов*

Автограф письма Н. А. Кондрашова
А. Т. Хроленко. Москва, 6 июня 1981 г.

С приветом Н. Кондрашов.
6/IV-81.

В 1984 г. Николай Андреевич обратился со лестным для меня предложением.

Уважаемый Александр Тимофеевич!

Обращаюсь к Вам с одним деловым предложением. Минпрос СССР предложил мне составить новую программу по общему языкознанию. Л. Ю. Максимов² просил, чтобы она была ясной и понятной. Вы видели в Череповце³, кому пред-

² Леонард Юрьевич Максимов (1924–1994) – доктор филологических наук, профессор, специалист по синтаксису и стилистике художественной речи, в те годы заведующий кафедрой русского языка МГПИ имени В. И. Ленина.

³ Речь идёт о координационном совещании «Совершенствование преподавания общелингвистических дисциплин в педагогических институтах РСФСР», проходившем 18–20 сентября 1984 г. в Череповецком государственном педагогическом

¹ Виталий Иванович Кодухов (1919–1996) – доктор филологических наук, профессор РГПУ имени А. И. Герцена, специалист в области русского и общего языкознания.

назначена эта программа. Предлагаю Вам совместно со мной составить эту программу. Как и у всех, у меня есть свой вариант. Но одна голова хорошо, а две лучше. Во всяком случае я получил *carte blanche* в этом отношении. Я не знаю Вашего домашнего адреса. Поэтому направляю письмо в институт.

Для Вас, возможно, представит интерес и дальнейшая перспектива – издание по программе учебника. В своё время я незначительным тиражом издал два выпуска своих лекций [5; 6]. Мне знакомо кастрированное издание Вашей книжки для заочников [13]. В идее возможно обновление и совместное издание того и другого. В изд-ве «Просвещение» приходят к этой мысли. Вот смысл моего предложения по этим двум вопросам.

Срок представления программы, как мне сказали, около 10 декабря с. г. Если Вы до этого времени не будете в Москве, то нам останется путь переписки. Мой адрес...

Жду Вашего ответа.

Н. Кондрашов.

Я с ответом не задержался.

Дорогой Николай Андреевич!

Псылаю Вам фрагмент проекта программы. Этот вариант складывался в течение пятнадцати лет чтения курса. Опыт показывает, что выпускники с интересом слушают повествование по этому плану, неплохо усваивают и прилично сдают экзамены. По этой программе я написал два варианта учебного пособия. Редуцированная разновидность одного из них Вам известна.

Полагаю, что программа должна состоять из двух частей, историю лингвистических учений стоило бы давать отдельно. Пятилетний план литфака это позволяет. Тогда можно было бы основательно читать главную часть курса. Однако, видимо, будем следовать традиции.

Псылаю два экземпляра, чтобы Вы на одном сделали замечания и выслали мне для дальнейших размышлений.

Чуть позже пошлю список рекомендуемой литературы: хочу дополнить его самыми новыми и доступными источниками.

Низко кланяюсь –

Ваш А. Хроленко.

24.10.84.

Николай Андреевич продолжил наш диалог.

институте.

Дорогой Александр Тимофеевич!

Псылаю Вам 4-й экз. программы. Три первых я понесу в Министерство. Конечно, всё пришлось делать наспех, раз поставили жёсткий срок – 2 ноября. О, очевидно, будут рецензенты и прочее, а это даёт возможность внести изменения и уточнения. Если такое дело не делать быстро, то могут обскакать. А теперь Вы можете судить, что получилось. Наверное, в программе нужны какие-то выделения, нужно оснастить библиографию работами типа *Онтология языка как общественного явления*. Не знаю, стоит ли весьма спорную книжку Б. Серебренникова [11] возводить на пьедестал. В целом, кроме прибавления, нужно что-то исключить. Я это делал, но быстро и непоследовательно. Сейчас чувствую, что много осталось из истории языкознания (ср., например, позднейшие разыскания и публикации: [7; 8; 16]).

Во всяком случае я прошу Вас всё, что следует исключить, добавить или переменить, сообщить мне в любой форме – на отдельном листе или ещё как-нибудь. Почему? Когда Карпюк¹ получит текст, тогда можно будет всё позитивное в него внести. Он редактор, ждёт текст для передачи в печать, как он мне объяснил, в начале декабря. Но когда я пытался на это сослаться перед министерскими чиновниками, то и получил жёсткий срок.

Возможно, нужен иной принцип расположения библиографических разделов. В целом никогда нельзя быть самодовольным.

Поздравляю с наступающими праздниками и желаю всего доброго <...>.

Ваш Н. Кондрашов.

Я немедленно выполнил свою часть работы, отослал её соавтору и в ответ получил письмо Николая Андреевича.

18.XI.84.

Дорогой Александр Тимофеевич!

Я получил Ваши замечания. Постараюсь их выполнить. Дела идут следующим порядком. Программу кому-то послали на рецензию. Кому, пока не знаю, да и допытываться неудобно. Л. Ю. Максимов как отв. редактор вчера получил текст программы, но пока её не читал. Обсуждение её состоится в декабре, когда будет заседание учёной комиссии при Минпросе СССР

¹ Глеб Васильевич Карпюк (1929–2018) – редактор редакции русского языка и литературы издательства «Просвещение».

на Шаболовке. Но до него её передадут в изд-во «Просвещение», где её ждёт Г. В. Карпюк. Когда он её получит, тогда и представится возможность внести изменения в текст и расположить по разделам рекомендуемую литературу. Наверное, ещё многое добавится и при обсуждении.

Теперь о стажировке. <...>

По Вашем приезде можно будет условиться и об учебнике. Во всяком случае план изданий на будущую пятилетку ещё не сверстан в чистовом виде. Поэтому можно будет внести изменения. Эту позицию занимают Головин и Березин [1]. Теперь от переиздания этого пособия отказались. С этим и связана моя активность. Так обстоят дела.

С уважением Н. Кондрашов.

Наша с Николаем Андреевичем программа по общему языкознанию [10] была

издана в 1985 г. Она оказалась последней по этой дисциплине в истории советской высшей школы.

К сожалению, план написать коллективный учебник по общему языкознанию не был реализован. Однако наши размышления о будущей книге оказались полезными при написании учебного пособия теперь уже с другим соавтором – профессором В. Д. Бондалетовым. Наша книга «Теория языка» [15] в свет вышла в издательстве «Флинта» в 2004 г.

До сих пор храню память о хорошем человеке, настоящем докторе филологических наук, первоклассном профессоре. Низкий поклон Николаю Андреевичу!

ЛИТЕРАТУРА

1. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1979. 416 с.
2. Кодухов В. И. Введение в языкознание: учебник. М.: Просвещение, 1979. 351 с.
3. Кодухов В. И. Общее языкознание: учебник. М.: Высшая школа, 1974. 302 с.
4. Кондрашов Н. А. История лингвистических учений: учебное пособие. М.: Просвещение, 1979. 224 с.
5. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (Курс лекций). Ч. I. История языкознания. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1972. 173 с.
6. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (Курс лекций). Ч. II. Проблемы языкознания и методы изучения языка. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1974. 171 с.
7. Никитин О. В. Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 195–228.
8. Никитин О. В. Русская деловая письменность как этнолингвистический источник (на материале памятников севернорусских монастырей XVIII века): дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГОУ, 2000. 455 с.
9. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. № 5. С. 81–89.
10. Общее языкознание / сост. Кондрашов Н. А., Хроленко А. Т.; отв. ред. Л. Ю. Максимов // Программы педагогических институтов. Сборник 5. М.: Просвещение, 1985. С. 3–11.
11. Общее языкознание: методы лингвистических исследований / отв. ред. Б. А. Серебрянников. М.: Наука, 1973. 318 с.
12. Фигуровский И. А. Введение в общее языкознание: Курс лекций: Пособие для студентов-заочников. М.: Просвещение, 1969. 232 с.
13. Хроленко А. Т. Общее языкознание: учеб. пособие для студентов-заочников / Моск. гос. заоч. пед. ин-т. М.: Просвещение, 1981. 94 с.
14. Хроленко А. Т. Общее языкознание: Учеб. пособие для студентов-заочников / Моск. гос. заоч. пед. ин-т. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1989. 127 с.
15. Хроленко А. Т., Бондалетов В. Д. Теория языка: учебное пособие. М.: Наука: Флинта, 2004. 509 с.
16. Шахматов А. А. О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племен, населяющих Россию // Московский журнал. История государства Российского. 1999. № 9. С. 21–28.

REFERENCES

1. Berezin F. M., Golovin B. N. *Obshchee yazykoznanie* [General linguistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1979. 416 p.

2. Kodukhov V. I. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1979. 351 p.
3. Kodukhov V. I. *Obshchee yazykoznanie* [General linguistics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1974. 302 p.
4. Kondrashov N. A. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [The history of linguistic doctrines]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1979. 224 p.
5. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie: (kurs lektii). Ch. I. Istoriya yazykoznaniiya* [General linguistics: (course of lectures). Part I. The History of linguistics]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1972. 173 p.
6. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie: (kurs lektii). Ch. II. Problemy yazykoznaniiya i metody izucheniya yazyka* [General linguistics: (course of lectures). Part II. Problems of linguistics and methods of language learning]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1974. 171 p.
7. Nikitin O. V. [Forgotten Pages of Russian Lexicography of the 1920s (background of “Ushakovsky Dictionary”)]. In: *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2004, no. 1 (7), pp. 195–228.
8. Nikitin O. V. *Russkaya delovaya pis'mennost' kak etnolingvisticheskii istochnik (na materiale pamyatnikov severnorusskikh monastyrei XVIII veka): diss. ... kand. filol. nauk* [Russian Business Writing as an Ethnolinguistic Source (Based on the Monuments of the North Russian Monasteries of the 18th Century): PhD thesis on Philological Sciences]. Moscow, Moscow Region State University, 2000. 455 p.
9. Nikitin O. V. [Philologist-Slavicist N. A. Kondrashov as a Historiographer of Science and Teacher (To the 100th Anniversary of the Birth)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.
10. Kondrashov N. A., Khrolenko A. T., comp.; Maksomov L. Yu., chief ed. [General linguistics]. In: *Programmy pedagogicheskikh institutov. Sbornik 5* [Programs of pedagogical institutes. Collection 5]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1985. pp. 3–11.
11. Serebrennikov B. A., chief ed. *Obshchee yazykoznanie: metody lingvisticheskikh issledovaniy* [General linguistics: methods of linguistic studies]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 318 p.
12. Figurovskii I. A. *Vvedenie v obshchee yazykoznanie* [Introduction to General linguistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1969. 232 p.
13. Khrolenko A. T. *Obshchee yazykoznanie* [General linguistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1981. 94 p.
14. Khrolenko A. T. *Obshchee yazykoznanie; 2-e izd.* [General linguistics; 2-nd ed.]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1989. 127 p.
15. Khrolenko A. T., Bondaletov V. D. *Teoriya yazyka* [Theory of language]. Moscow, Nauka, Flinta Publ., 2004. 509 p.
16. Shakhmatov A. A. [On the state tasks of the Russian people in connection with the national tasks of the tribes inhabiting Russia]. In: *Moskovskii zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo* [Moscow Journal. History of Russian Government], 1999, no. 9, pp. 21–28.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хроленко Александр Тимофеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Курского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации;
e-mail: alexanderhrolenko@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr T. Khrolenko – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Department of Russian, Kursk State University, Russia, honored figure of science of the Russian Federation;
e-mail: alexanderhrolenko@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Хроленко А. Т. «Обращаюсь к вам с одним деловым предложением...» (из переписки с профессором Н. А. Кондрашовым) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.
DOI:

FOR CITATION

Khrolenko A. T. “I appeal to you with a business proposal...” (from correspondence with professor N. Kondrashov). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 5. pp. .
DOI:

УДК 82-94

DOI

НАСТОЯЩИЙ ПРОФЕССОР

Чалов В. П.

*Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
622031, Свердловская область, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57,
Российская Федерация*

Аннотация. Воспоминания ученика профессора Н. А. Кондрашова воссоздают колоритный портрет слависта и показывают его в кругу кафедральных забот и филологических дискуссий 1970–1980-х гг. Автор обратил пристальное внимание на лингвистическую зоркость учёного, его увлечённость славянскими языками, открытость, твёрдую позицию, человеческую иронию и высокие качества педагога-гуманиста. Описаны забытые эпизоды из жизни факультета русского языка и литературы МОПИ имени Н. К. Крупской, в которых раскрывалась личность заведующего кафедрой. Приведены достоверные факты из биографий аспирантов Н. А. Кондрашова. Подчёркивается умение учёного применять свой лингвистический талант в рабочей обстановке, воспитывать словом и делом, его готовность прийти на помощь – быть настоящим Профессором.

Ключевые слова: Н. А. Кондрашов, факультет русского языка и литературы, педагогическое искусство, славянские языки, культура речи, психология общения

THE REAL PROFESSOR

V. Chalov

*Russian State Vocational Pedagogical University,
Nizhnij Tagil State Social Pedagogical Institute (branch)
57 ulitsa Krasnogvardeiskaya, Nizhnij Tagil 622031, Sverdlovsk region, Russian Federation*

Abstract. The memoirs of a post-graduate of Professor N. Kondrashov embody a colorful portrait of a slavist and show him in the circle of departmental concerns and philological discussions of the 1970s and 1980s. The author paid close attention to the linguistic vigilance of the scientist, his enthusiasm for Slavic languages, openness, firm position, human irony, and high qualities of a humanist. Forgotten episodes from the life of the faculty of Russian language and literature of Krupskaya Moscow Regional Pedagogical Institution described. They show the personality of the head of the department. Reliable facts from the biographies of N. Kondrashov's graduate students are given. It emphasizes the ability of the scientist to apply his linguistic talent in a working environment, to educate in word and deed, his willingness to come to the rescue - to be a real Professor.

Keywords: N. Kondrashov, Faculty of Russian language and literature, pedagogical art, Slavic languages, culture of speech, psychology of communication

От редакции. 17 сентября 2019 г. из Нижнего Тагила мы получили письмо от ученика профессора Н. А. Кондрашова Валерия Павловича Чалого, который согласился поделиться своими воспоминаниями о Николае Андреевиче. Этот рассказ предвзяло вступление, которое редакция решила сохранить как факт почти исторической ценности.

Уважаемый Олег Викторович!

Фотографий Н. А. Кондрашова у меня нет, кроме одной плохонькой копии из журнала «Русский язык в школе» [3]. Наш руководитель был несколько суров в этом плане, и, кажется, не любил выстав-

лять себя напоказ (простите за тавтологию). Я ни разу не видел его «при парате», т. е. с орденами, в регалиях и т. п., хотя мы знаем, что Н. А. воевал, что был ранен где-то под Москвой. Сам Н. А. никогда о войне ничего не рассказывал, хотя с боевыми друзьями и фронтовиками, очевидно, общался постоянно. Сверстники, коллеги-руси́сты были среди его близкого круга друзей, единомышленников.

Из них назову бывшую фронтовичку, капитана, неутомимую и неутомонную проф. Марину Васильевну Фёдорову, занимавшую кафедры в Воронеже, Липецке и других городах Центрально-Чернозёмной зоны. В 1968–1969 гг. она волею судеб (начальства?) оказалась у нас в Нижнем Тагиле. За этот год она побывала некоторое время зав. кафедрой русского языка и стала деканом филологического факультета¹. Запомнилась она своей жизнестойкостью, неукротимой энергией и безмерной любовью... к табаку, к родному русскому языку. Марина Васильевна показала нам, с какой напористостью можно исследовать языковые процессы, укрепила веру в наши возможности и своим горением на работе зажигала и нас. Именно она увидела во мне какую-то филологическую искру и рекомендовала меня Николаю Андреевичу в качестве возможного его ученика.

В 1976 г. я на ФПК и встретился с Н. А. Он дал согласие быть моим учителем и настоятельно советовал углубиться в исследование концепции Казанской лингвистической школы. И. А. Бодуэн де Куртене стал одним из моих любимых лингвистов и славистов. Его идеи излагал я на вступительных экзаменах в аспирантуру.

О сотрудничестве с акад. В. В. Виноградовым Н. А. Кондрашов рассказывал мало. Он вообще как-то берег наше время, не требовал посещать его лекций. Н. А. считал, что аспирантских семинаров и заседаний кафедры, присутствия на защитах диссертаций уже достаточно.

Когда я пришёл к нему в кружок чешского языка, Н. А. сказал мне: «Ты полукраинец, знаешь польский (я умел читать и изъясняться по-польски), при необходимости научись понимать и чешские тексты, не говоря уже о словацких, очень близких к украинским. Так что не траать времени на элементарщину».

Я внял доброму совету, изучил чешский «самотупски», как говорят по-украински.

¹ Марина-Маргарита Васильевна Фёдорова (1923–2010) – доктор филологических наук, профессор, специалист по лексикологии, грамматике и ономастике. С 1981 г. работала на кафедре русского языка Белгородского государственного университета.

Всплывает в памяти смутно, как полуанекдот, услышанный от Н. А. Кондрашова, о том, как Сталина консультировал В. В. Виноградов в период написания вождём работы «Марксизм и вопросы языкознания» [5]. На одной из встреч академик вздрогнул, услышав стук упавшего со стола карандаша, который уронил(а) стенографист(ка). Карандаш покати́лся к ногам побледневшего учёного, не знавшего, что каждое его слово буквально налету хватают за ширмочкой, а не только слушают. Реакция Иосифа Виссарионовича была нулевая. Он внимательно слушал лауреата Сталинской премии и, очевидно, по-своему внёс корректировки в историю формирования языка русской нации, предположив, что курско-орловские говоры являлись базой для развития общерусского языка. Сталин и в вопросах языкознания никому не доверял, не считал нужным проверять алгебру. Он был истиной первой инстанции...

Далее я излагаю то, что в свою пору было отмечено мною как примечательное для характеристики человека достойного и своеобразного – моего учителя и наставника проф. Н. А. Кондрашова.

Р. С. Благодарю Вас сердечно за Вашу статью [2] о Николае Андреевиче. Я много узнал нового о незабвенном учителе, столько сделавшем для нашей науки.

От редакции. Далее мы публикуем воспоминания В. П. Чалого о профессоре Н. А. Кондрашове без изменений, с сохранением авторской интонации, акцентов и подчёркиваний, даже если они порой и выходят за рамки документального текста. Эти осколки памяти о любимом учителе сохранили забытые, подчас трагические эпизоды из жизни факультета русского языка и литературы МОПИ имени Н. К. Крупской, о которых впервые так откровенно написал «человек со стороны» – аспирант Н. А. Кондрашова, волею судьбы включённый в те годы в историческую хронику нашего литфака.

О. Н., Т. Ш.

В 1979–1980 гг. в Польше активно проявлял себя профсоюзный деятель Лех Валенса, возглавлявший движение «Солидарность». Забастовки шахтёров и других трудящихся расшатывали социалистические устои страны, казавшиеся

незыблемыми. Студенческая молодёжь, интеллигенция хотела западной демократии, *wolności*, которой полякам всегда не хватало. Во многих бедах, казалось, виновата была Россия (читай – Советский Союз и его коммунистическое руководство). Великопольский шовинизм и национализм явно одерживал верх над идеологией, которую навязывал стране Гомулка, тогдашний лидер Польской рабочей партии.

Как-то после очередной забастовки и затянувшихся демонстраций сторонников Л. Валенсы Н. А. Кондрашов иронически произнёс на одном из заседаний (обязаловка!):

– Ешче Польска не згинэла (*jezce Polska nie sginęła*), но уже дала душок.

Это выражение – пародия на гимн Домбровского времён Пилсудского и после (20–30-е гг. XX в.) – **было в ходу у советской интеллигенции, осуждавшей режим диктатора. Знал эту подковырку и старший современник Н. А. Кондрашова – всемирно известный писатель М. А. Шолохов, неприязненно относившийся к польскому шовинизму и к тем, кто мечтал о Польше *od morza do morza* (от можа до можа), т. е. о желании захватить земли Литвы, Белоруссии, Украины и России *от Балтийского моря до Чёрного моря*.**

Так и хочется напомнить нынешним польским властодержцам наши старые пословицы: укр. *Брешешь, ляше, по Збруч наша* = Врёшь, поляк, до реки Збруч земля наша, и рус. *С поляком дружи, а камень за пазухой держи*. Извините за резкость: *с волками иначе не делать мировой...*

Как к руководителю кафедры и бесспорно выдающемуся учёному и просто замечательному человеку к Николаю Андреевичу с уважением (пиететом) относились все: и коллеги, и аспиранты, и студенты.

Но были и недоброжелатели, портившие жизнь проф. Кондрашову. К числу скандалисток на кафедре относили З. И. Жакову¹.

Эта псевдоучёная постоянно высказывала своё недовольство по малейшему поводу, особенно когда Н. А. требовал выполнения должностных обязанностей. З. И. Жаковой это не нравилось, она откровенно хамила, желая спровоцировать Кондрашова, вывести из равновесия в пылу спора и получить возможность обвинить Н. А. в предвзятом и несправедливом отношении к доценту Жаковой. Поговаривали на кафедре, что эта зловредная женщина имела связи в Мин<истерстве> просвещения России и часто жаловалась на Кондрашова. Вероятно, не без её – Жаковой – поклёпов Николаю Андреевичу пришлось уйти с заведования кафедрой и передать руководство ею проф. П. А. Леканту.

Мне самому пришлось столкнуться с **З. И. Жаковой и познать сладость её «любви»** к ближним. В начале 1979 г. в период сессии у заочников одна из выпускниц получила тройку за дипломный проект по смоленским говорам. **З. И. Жакова, её научный руководитель, подняла шум, требуя четвёрки, обвиняла Н. А. Кондрашова в предвзятости, придирках и пр. Н. А. решил найти третейского судью и предложил мне написать отзыв на работу студентки. Я к той поре уже четыре года преподавал русскую диалектологию в Нижнетагильском пединституте, проводил полевые практики, сам активно собирал материалы по кубанским говорам.**

Прочитав диплом, я удивился, что автор не удосужился ознакомиться с известной монографией П. Расторгуева о смоленских говорах [4], нигде на неё не ссылается и не упоминает, но зато явно отдаёт предпочтение исследовательнице З. И. Жаковой, приводит большие куски из её статей, даёт рисунки предметов, называемых общеизвестными словами. Так, я с удивлением увидел рисунок деревянной лопаты, которой ставят в печь и достают из неё хлебы при выпечке. В числе «редкостных» диалектизмов Смоленщины слово «лопата» было приведено в указателе слов, записан-

ницы в истории факультета. Фрагменты описания и анализа её неоднозначной деятельности приводятся в авторской редакции.

¹ Зинаида Ивановна Жакова – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка МОПИ имени Н. К. Крупской, работала в конце 1960-х – начале 1980-х гг.; специалист по русской диалектологии. С её именем связаны многие печальные стра-

ных и проанализированных автором. Я не нашёл возможности оценить работу студентки выше тройки и подробно расписал все достоинства и недочёты.

На заседании кафедры З. И. Жакова беспардонно заявила мне при всех в глаза, что я подменил якобы рецензию, сговорившись с Н. А. Кондрашовым, что сначала оценённая на «4» работа дипломницы из-за угождения перед Н. А. Кондрашовым была мною опорочена, что я не обладаю самостоятельностью в суждениях, что я – лицемер, карьерист и т. д. Я оторопел...

Эту ситуацию Н. А. Кондрашов описал цитатой из пушкинской «Сказки о мёртвой царевне»: «Чёрт ли сладит с бабой гневной?». Он защищал себя иронией, даже вспомнил античное выражение *называть корыто корытом* и, смеясь над своей недоброжелательницей, сказал мне: «Зови лопату лопатой». Я потом узнал, что эта английская поговорка (*Call a spade a spade*) обозначает: «Говори ясно и по существу, выражай свои мысли точно с помощью простых слов».

Проф. Кондрашов дал урок мне как ученику своему поступать всегда достойно и честно, и жаковская «лопата» с рисунками явилась поводом поехидничать над апломбом и самовозвеличиванием чело-века-пустышки. Кто сейчас вспоминает З. И. Жакову?..

Возможно, поговорка о лопате в сознании слависта Н. А. Кондрашова ассоциировалась со словацким фразеологизмом *povedat'* (*podat', vysvetlit' a pod*) *niekomu niečo po lopate* – разг. «рассказать (подать, выяснить = осветить, объяснить) кому-либо что-либо по лопате» (буквально), а переносно: «прямо, без околичностей, живо и наглядно, увлекательно изложить что-либо».

Н. А. вообще любил словацкую (и шире – славянскую) народную мудрость. Вспоминается, как он отреагировал однажды на одну широко известную половицу. В 1980 году (весной?) после аспирантского семинара (а это было какое-то общефакультетское мероприятие) ученица А. М. Новиковой (проф<ессор>, крупнейший специалист-фольклорист) Антонина

Скоробач из Уссурийска, обрусевшая украинка, потомок переселенцев из Украины на Зеленый Клин (т. е. Дальний Восток по-укр<аински>) в кругу филологов – аспирантов и преподавателей – посетовала на то, что трудно будет закончить диссертацию после окончания аспирантуры без защиты. Она буквально сказала: «Уж если не завелось на молоке, так на сыворотке не заведётся», имея в мыслях не опару для хлеба (каравая), а следующее: «Не могли завершить работу в лучших условиях, в худших тем более придётся туго и вряд ли справиться».

Я как человек, с детства знающий украинский язык от мамы и от других родных, тут же про себя припомнил: «Не завелуся на молоці, а на сируватці вже не буде».

Николай Андреевич, услышав слова Антонины, согласился с нею, посочувствовал ей и другим аспирантам. Он сказал: «Хотя хотя славяне верят в то, что на сыворотке может завестись что-либо доброе, не следует опускать руки и надо верить в лучший исход». При этом он привёл словацкий и чешский варианты этой поговорки. У меня до сих пор осталось на слуху слово *servbtka* (первое *a*, кажется, долгое).

Я не верю в идею панславизма, особенно если учесть условия жизни современного славянского мира (в разных смыслах), но приятно чувствовать своё родство и причастность к нашему славянскому обществу (братству? единству?). *Струни сердца ще тримтять* (струны сердца ещё дрожат).

Вообще же, если говорить о сердечности, душевности, то Николай Андреевич был образцом в этом плане, хотя внешне и не показывал своего расположения к окружающим. К нам же, аспирантам, он не проявлял мягкосердечия, был справедливо требовательным, доверял людям и полагался на зрелость в поступках учеников. Он давал возможность семейным аспирантам бывать дома при условии выполнения намеченных планов и обещании достигнуть определённых целей. Мне, в частности, он разрешил раза три работать, отдыхая в Нижнем Тагиле, и подрабатывать в Москве,

будучи руководителем-методистом на студенческой пед<агогической> практике.

Моей однокашнице Альбине Михайловне Кошкарёвой, аспирантке из Тобольска, писавшей под его руководством кандидатскую диссертацию на тему «Лексика ямщины и связанных с ней промслов в приуртышских говорах» [1] (защита состоялась в 1981 г.) Николай Андреевич помог в 1980 г. устроиться в один из московских интернатов воспитателем (ночной няней?), благодаря чему она смогла как-то сносно существовать материально, обучать и растить двоих детей на завершающем этапе учёбы в аспирантуре. Альбина Михайловна всегда с благодарностью вспоминала отеческое участие Н. А. и его уважительно-искреннее отношение к ней и её детям.

Человечность и заботливое отношение Н. А. Кондрашова к аспирантам мы чувствовали постоянно: наш руководитель журил нас за дело, но на разных официозах всегда стремился поставить дело так, чтобы «не порвалась цепь великая», чтобы не ударить «одним концом по барину, другим – по мужику». Это некрасовское выражение я слышал из уст моего учителя по крайней мере раза три. Считаю, что этим изречением он высказывал своё глубокое неприятие негативных явлений, которыми была богата эпоха брежневского застоя. Свою любовь к России он показывал, используя классические саркастические или иронические речения вроде «тащить и не пущать» и «таскать вам, не перетаскать».

Первое мы услышали на заседании кафедры, где обсуждался вопрос о переселении аспирантов из общежития в Перловке на агробиостанцию в Акатово под Внуково. Намёк на явную глупость, проявляющуюся в качестве административного восторга перед действиями властей в период проведения Олимпиады-80, всяких там лишних (понаехали тут, понимаешь), и всё тут.

Этим же фразеологизмом *тащить и не пущать* Николай Андреевич охарактеризовал поступивший из ректората МОПИ и аспирантской канцелярии дурацкий приказ организовать ночное и круглосуточное

дежурство аспирантов на филфаке в период очередной избирательной кампании в 1980 г. Я лично дежурил две ночи.

Как подлинно русский человек, любящий трунить над собой и над другими, Николай Андреевич предстал передо мной в буквальном и переносном смысле в следующем жизненном эпизоде. На филфаке шла какая-то внеплановая уборка аудиторий, обновление антуража и пр. Задействованы были, конечно, все мощ-

бьса, а ребята не прореагировали: они или внутренне злились и матерились про себя, но, сражаясь, они просто никогда не слышали этого старинного диалектного слова, сказанного при выносе покойника крутого (мавлятов) дуракаки. Десятилетий следом это изречение, из сказки я услышал в уральской глубинке из уст потишского рабочего, толкавшего его фургон на каменную ямщину только что убранный картошкой. Проходит бравада, а русский человек в одежде и своих постройках, в отношении ко всему повседневному, в материю дружелюбной – поучительной. Конечно эта мажорановская, сердатость, сдержанность перед собой и перед другими – и даёт нам чувство восторга себя поднимавшимся русскими, того от того, которых и являлся христианский сын, быте – орудия, а впоследствии славакой угонный – мавлятов. Н. А. Кондрашов, настоящий профессор и мой наставник. Я благодарю его за то, что он дал мне дорогу в науку и позволил увидеть то, что раньше не видел. Искренне Альбина – петербургский русский человек.

Фрагмент воспоминаний В.П. Чалого. Черновой автограф. 2019 г.

ные и маломощные студенты. Мы поднимались с Николаем Андреевичем из фойе (вестибюля) на филфак. По лестнице со второго этажа на нас надвигалась людская масса с каким-то старинным обшарпанным шкафом. Я спустился вниз, назад, а Николай Андреевич жался в комок в уголке лестничной площадки, вероятно, молясь про себя, чтобы туча прошла мимо. Когда ребята благополучно пронесли своё тяжкое бремя, он задорно и, кажется, чуть задиристо пожелал нашим чудо-богатырям: «Таскать вам, не перетаскать!». Я засмеялся. Сам Николай Андреевич улыбался, а ребята не прореагировали: сдаётся мне, они просто никогда не слышали старинного благопожелания дурака при выносе покойника.

Десятилетие спустя это изречение я услышал в уральской глубинке из уст по-

жилого рабочего, помогавшего грузить на машину мешки с картошкой. Проходит время, а русский человек в жизни и своих поступках в отношении ко всему повседневному остаётся хихаркой-неунывайкой.

Именно эта национальная черта – стойкость, честность перед собой и перед другими – и даёт нам чувствовать себя полнокров-

ными русскими, плотью от плоти которых являлся крестьянский сын, воин, а впоследствии славный учёный Н. А. Кондрашов, настоящий профессор и мой наставник.

Я бесконечно благодарен ему за то, что он дал мне дорогу в жизнь и позволил свыше 45 лет заниматься любимым делом – историей русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кошкарёва А. М. Лексика ямщины и связанных с ней промыслов в прииртышских говорах: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1981. 311 с.
2. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. Т. 80. № 5. С. 81–89.
3. Николай Андреевич Кондрашов [некролог] // Русский язык в школе. 1995. № 4. С. 114.
4. Расторгуев П. А. Говоры на территории Смоленщины. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 207 с.
5. Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Политиздат, 1950. 114 с.

REFERENCES

1. Koshkareva A. M. *Leksika yamshchiny i svyazannykh s nei promyslov v priirtyshskikh govorakh: diss. ... kand. filol. nauk* [Vocabulary of the Yamshchina and related industries in Irtysh dialects: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya, 1981. 311 p.
2. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.
3. [Nikolay Kondrashov [obituary]]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 1995, no. 4, pp. 114.
4. Rastorguev P. A. *Govory na territorii Smolenshchiny* [Dialects on the territory of the Smolensk region]. Moscow, USSR Academy of Science Publ., 1960. 207 p.
5. Stalin I. V. *Markszizm i voprosy yazykoznaniiya* [Marxism and problems of linguistics]. Moscow, Politizdat Publ., 1950. 114 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чалов Валерий Павлович – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры филологического образования и массовых коммуникаций Российского государственного профессионально-педагогического университета (филиал – Нижнетагильский социально-педагогический институт); e-mail: dir@untk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valerij P. Chalov – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Philological Education and Mass Communications, Russian State Vocational Pedagogical University (Nizhny Tagil Social Pedagogical Institute's branch); e-mail: dir@untk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чалов В. П. Настоящий профессор // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. DOI:

FOR CITATION

Chalov V.P. The real professor. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 5. pp. . DOI:

УДК 82-94

DOI

ЭПИЗОДЫ...

Шипицына Г. М.

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85, Российская Федерация*

Аннотация. В «эпизодах» воссоздана эпоха конца 1960–1970-х гг.: учёба в аспирантуре, филологическое взросление, выбор темы диссертации и др. В диалогах и подлинных репликах показана атмосфера общения с научным руководителем профессором Н. А. Кондрашовым. Автор вспоминает необычные случаи из своей научной биографии, с юмором и живой лирической интонацией описывает эпизоды знакомства и последующего сотрудничества с учителем, отмечает самые яркие и запоминающиеся черты его характера и духовного облика.

Ключевые слова: история науки, филология, аспирантура, лингвистический портрет, словесная культура

EPISODES...

G. Shipitsyna

*Belgorod State National Research University
85 ulitsa Pobedy, Belgorod 308015, Russian Federation*

Abstract. The era of the late 1960s–1970s is reconstructed: studies in graduate school, linguistic maturity, the choice of thesis topics, etc. The atmosphere of communication with the supervisor Professor N. Kondrashov is shown in the dialogues and authentic replicas. The author recalls unusual cases from his scientific biography, with humor and lively lyrical intonation describes the episodes of acquaintance and subsequent cooperation with the teacher, notes the most vivid and memorable features of his character and spiritual appearance.

Keywords: history of science, philology, post-graduate course, linguistic portrait, language culture

От редакции. В сентябре 2019 г. мы получили следующее письмо: «Уважаемый Олег Викторович! Постараюсь Вам что-то написать... Посланное Вам письмо [Н. А. Кондрашова. – О. Н., Т. Ш.] доказывает, иллюстрирует удивительное (для меня сейчас потрясающее!!!) отношение Николая Андреевича к настоящим и бывшим аспирантам МОПИ. Каждому из нас он казался отцом родным, на которого можно переложить собственные заботы, и он будет помогать нам обязательно. Причём каждому из нас казалось, что именно меня (его) он особенно ценит и выделяет из всей массы своих учеников. Это я позже поняла, что все мы так считали. До конца своих дней со мной он переписывался. Я ему докладывала о своём научном росте, проблемах в работе, и он всегда и во всём помогал всем, чем мог.

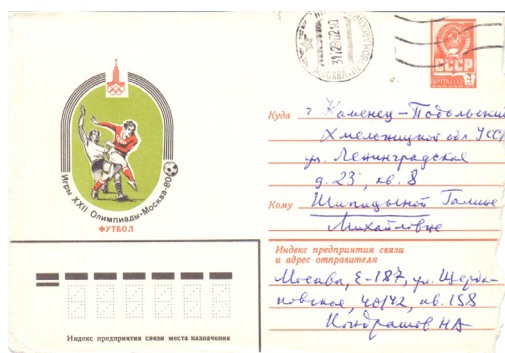
Я бесконечно благодарна своему учителю и наставнику.

С уважением,

Г. М. Шипицына».

Редакция сердечно благодарит профессора Г. М. Шипицыну за отклик на нашу предложение написать воспоминания о Н. А. Кондрашове и такой ценный подарок. Фрагмент этого письма вместе с конвертом мы публикуем как память о замечательном человеке, сподвижнике, воспитателе и друге своих многочисленных учеников.

О. Н., Т. Ш.

Конверт со штемпелем отправки 31.12.1980 г.
Автограф Н. А. Кондрашова

Николай Андреевич всегда говорил с любым человеком прямо, без дипломатических ухищрений, не был озабочен соблюдением норм изящного этикета и т. п. Его прямолинейности и острого слова многие опасались (ср.: [4]). Я вспоминаю несколько эпизодов, связанных со мной лично.

Эпизод первый Знакомство

1969-й год. Н. А. Кондрашов читал лекции на ФПК при МГПИ им. В. И. Ленина. На перемене я и другие молодые слушатели (ассистенты разных вузов без учёных степеней) подошли к нему, чтобы спросить о возможности поступить в аспирантуру к нему. Его ответ:

– Поступайте. Но в МОПИ имени Н. К. Крупской, мы в этом году будем набирать аспирантов.

Затем последовал мой робкий голос:

– Я бы тоже хотела к Вам поступить. Но меня вряд ли Вы возьмёте, посчитаете ненадёжным аспирантом: у меня в Свердловске муж и маленький ребёнок двух лет.

Н. А. Кондрашов тут же парировал и со свойственной ему иронией посмотрел на меня:

– А я вот таких именно и стараюсь брать.

Мы были удивлены такому повороту. Я и особенно другие «эфпэкашники» решились поинтересоваться у лектора:

– Почему?

Николай Андреевич (громко, обращаясь ко всем нам):

– А незамужние да без детей аспирантки в библиотеке не сидят и диссертации не пишут, а шляются по городу где попало в поисках мужей с московской пропиской. От них в науке толку мало.

Наши незамужние здесь же вывод на будущее для себя сделали, как им в аспирантуре себя вести...

Эпизод второй

Выбор темы диссертации

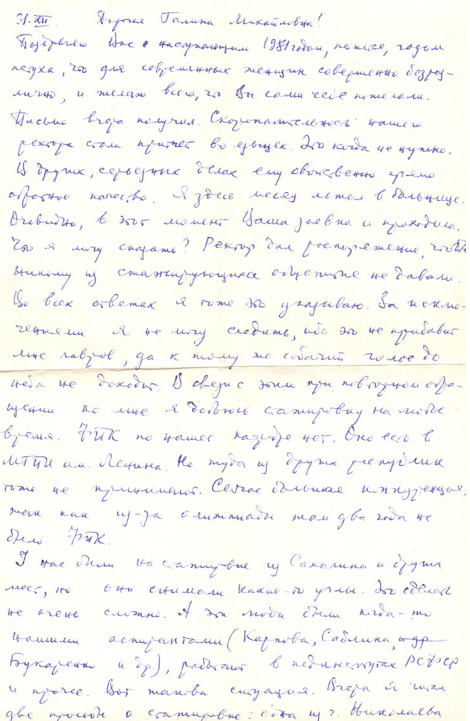
Н. А. Кондрашов:

– Ну что, Шипицына, я тебе три дня давал. Придумала тему диссертации?

– Придумала, Николай Андреевич. Я буду определять системные связи в группе прилагательных, характеризующих человека.

Н. А. Кондрашов:

– Каких это, к примеру?

Письмо Н. А. Кондрашова Г. М. Шипицыной.
Фрагмент. Автограф. Москва, 31 декабря 1980 г.

– Имеющих антонимы, типа *умный* – *глупый*, *толстый* – *тонкий*. И одиночные, типа *седой*, *лысый*, *косой*, *хромой*...

В эту минуту в кабинет зашёл мужчина, преподаватель другой кафедры. Точно не помню, кто это был, вполне возможно, что профессор А. В. Дудников. Но слово *хромой* он слышал.

Н. А. Кондрашов ему:

– Смотри, какая девица ко мне поступила! Вот собирается в диссертации всего меня описать словами *старый*, *дурной*, *кривой*, *плешистый*, *лопоухий*, *кривоногий* и т. п. Вот она сидит и уговаривает меня, чтобы ещё я срочно охромел: у неё, видите ли, без слова *хромой* мой портрет неполный, и её система не просматривается.

Оба смеются.

Вошедший преподаватель:

– Весело тут у вас. Ладно, я позже к тебе зайду.

Эпизод третий

На кафедре

Разговор на кафедре в перерыве между занятиями (парами) в присутствии несколько преподавателей, ожидающих конца перемены.

Н. А. Кондрашов:

– Шипицына, ты опять в Свердловск моталась? Нельзя пропускать заседаний кафедры! Кстати, я давал тебе два месяца на первую главу. Ты её написала?

Немного осмелев, и я вступила в словесную борьбу:

– Написала, Николай Андреевич. И приносила Вам показать. Вас самого-то не было. Куда-то Вы уезжали?!!

Н. А. Кондрашов:

– Да, ездил к буржуйам недобитым. В Чехословакию. Лекции там читал по истории словацкого языка.

– И что же больше всего Вам там понравилось? Красавица Прага?

– Н. А. Кондрашов (оглядывая присутствующих, с интонацией горделивого хвастовства):

– Да нет, Прагу я и раньше видел. Больше всего мне понравилось, что на почте у них,

пока я там что-то спрашивал, писал и отправлял телеграмму в Москву, меня трижды обозвали словацкой свиньёй!

Все засмеялись.

Г. М. Шипицына:

– И что же в этом может нравиться? – спросила я, недоумеваю.

И получила в ответ типичное кондрашовское:

– А ты подумай на досуге, если ты лингвист.

Я тогда не поняла, причем тут «лингвист»... А позже подумала, ведь Николай Андреевич мог радоваться тому, что не забыл словацкий язык и владеет им так хорошо, что чехи приняли его за словака... Или по-чешски он говорил со словацким акцентом, что ещё лучше для него...

Эпизод четвёртый

Ох, уж эти бумаги!..

У Николая Андреевича (он тогда был заведующим кафедрой и председателем диссовета) один из дней недели был присутственным. Все, кому он нужен был, поджидали его, в их числе была и я.

Он пришёл. Говорит:

– Шипицына, заходи первой.

Я последовала за ним в кабинет.

Н. А. Кондрашов:

– Садись вон там в углу. На тебе эти листы. Это будет автореферат одной дурёхи. Проверь его. Увидишь бред сивой кобылы, напиши на полях и можно на обратной стороне листа, проведи стрелочку от нужного места автореферата к тому, что напишешь, вот так. Поняла? И отдашь эти листы аспирантке такой-то, пусть ещё над ним поработает.

Я села, читаю, невольно наблюдая за происходящим.

Н. А. Кондрашов выглянул за дверь и кричит:

– Подписываю!!! Подписываю!!!

Стали заходить по одному (и не по одному сразу) люди, в том числе некоторые сотрудники факультета, подавали ему бумаги. Он смотрел на документ недолго и тут же его подписывал. Довольно быстро

эта процедура закончилась. Я удивилась и говорю ему:

– Как же Вы, Николай Андреевич, не читая вдумчиво, всё подписывали! А вдруг в этих бумагах что-то не так?

Н. А. Кондрашов (вполне серьёзно):

– Видишь ли, Галина, половину этих бумаг вообще никто и никогда читать не будет. Их и писать-то сразу не надо было, они вообще никому не нужны, но такой порядок в институтах у нас заведён. От них надо просто избавляться и всё. Зачем время тратить зря?! Когда ты будешь заведовать кафедрой, так же и делай. Важные документы люди тщательно готовят, прежде чем на подпись подавать, и я своим людям доверяю.

Г. М. Шипицына:

– А если в важных бумагах эти люди что-то неправильно написали, а Ваша подпись стоит на них?

Н. А. Кондрашов:

– Ну и что, поправят, если им это надо будет, снова могу подписать. Но пока никто меня не подводил. Важные бумаги – это те, которые пойдут в ВАК, но их учёный секретарь тщательно проверяет – это её хлеб. В министерство же бумаги посылает не завкафедрой, а ректор. Его секретари и пусть в них вчитываются. В принципе нужно понимать, что за документ и куда он пойдёт после твоей подписи, а не тратить время на чтение разных ненужных бумаг.

Эпизод пятый

Защита диссертации

1972-й год. Заседание диссертационного совета в МОПИ. Идёт защита моей кандидатской работы «Структура семемы качественного прилагательного и методы выделения её компонентов» [5]. Заседание ведёт, кажется, П. А. Лекант, а Николай Андреевич как научный руководитель скромно сидит в зале за партой вместе с заведующим кафедрой методики преподавания русского языка и литературы профессором А. В. Дудниковым. После моих ответов (излишне категоричных, может быть даже резковатых) оппо-

ненту Дмитрию Николаевичу Шмелёву наступила тишина. Пауза. Для меня довольно тревожная. В это время сосед Н. А. Кондрашова по парте заведующий кафедрой методики что-то тихонько сказал Николаю Андреевичу. Тот же громко, на весь зал, ему отвечает:

– А ты что же думал, что у меня тоже одни дураки учатся?!!

В зале смехок, обстановка разрядилась. В итоге все проголосовали «за».

Эпизод шестой

Потом...

После защиты кандидатской прощаюсь с Николаем Андреевичем перед отъездом.

Он:

– Через пять лет приедешь сюда со своей докторской диссертацией. А пока статьи пиши по близкой тебе, но новой теме, публикуй их в центральных издательствах.

Я:

– Что Вы, Николай Андреевич, да разве я смогу?! Вряд ли... Да за пять лет ещё, ну хоть бы попозже ...

Он:

– Попозже нельзя! Вот диабет меня замучил. Умереть могу. Кто тебе, дурочке такой, тогда поможет?!!

Эпизод седьмой

Путешествие к книгам

Мы, аспиранты Н. А. Кондрашова, иногда работали вместе с ним у него дома, на Щербаковской, недалеко от метро «Семёновская», в просторном кабинете профессора – помогали готовить к сдаче в издательство рукопись его будущей книги. А в перерывах отдыхали, общались... В один из таких моментов Николай Андреевич показывал нам свою библиотеку – несколько старых шкафов от пола до потолка, большая часть которых была заполнена книгами и научными журналами по славистике, трудами учёных классического русского и зарубежного языковедения. Некоторые из них на языках разных

славянских народов, особенно много работ на чешском.

Потом он достал нам свою докторскую диссертацию [1]. **Помню, что мы удивились её внешнему виду** – она была огромной, в очень большой, специально изготовленной для этой рукописи папке. Я попробовала её подержать – она казалась мне довольно тяжёлой.

Я спросила:

– А почему она такая огромная?

Н.А. Кондрашов:

– В то время не было установлено ограничений объёма диссертаций. Это вам теперь хорошо – не более 150 страниц на кандидатскую! А в моё время диссертации были длинными, а уж докторские ... – чем она больше, тем казалась основательней.

Он потом ещё стал рассуждать примерно так:

– Но ведь и действительно, в объёмный труд можно было вложить куда больше и материала, и идей. Потому и учёные старшего поколения – это настоящие исследователи языка, а не скороспелые кандидатишки (это слово я хорошо помню!) наук, как сейчас.

Мы также посмотрели его книги, поговорили об их проблематике.

Н. А. Кондрашов с горечью заметил:

– Да, всё это так... Книги мои далеко не для всех. Плохо, что у меня нет в семье такого наследника, кому бы я мог собранные в течение жизни книги, журналы и рукописи передать. Публике они неинтересны, только специалисту по славистике.

Кто-то из нас предложил завещать всё это институтской библиотеке.

Н. А. Кондрашов:

– В учебных библиотеках периодически проводится чистка – уничтожают всё, что не востребовано. В библиотеке место на полках надо для новейших учебников. Со временем всё это моё хозяйство пропадёт,

уже сейчас мало кто интересуется историей языков. Наука стала массовой и по качеству иной – поверхностной. А чем дальше, тем ещё меньше будет людей, которых интересуют такие книги.

Я часто вспоминаю наш с Н. А. Кондрашовым разговор, глядя на современных студентов, которых трудно оторвать от их смартфонов. Они постоянно что-то там пишут, читают... Это стало главным в их жизни. Смартфоны заменяют им и книги, и людей.

Эпизод последний

Смелее иди вперёд

В то время на машинках печатали рукописи. После машинистки мы вычитывали у Н. А. Кондрашова дома за большим столом экземпляры книги (кажется, «Общее языкознание» [2; 3]). Это были – я, Толик Судариков, Венера Урманцева (его аспиранты из Башкирии) и кто-то ещё. Все читали одну и ту же страницу (она была в пяти экземплярах). Буковки исправляли так: наклеивали на ошибочную правильную. Ювелирная работа! По-моему, не один день мы трудились бригадой вместе с Николаем Андреевичем. Затем он мне прислал уже напечатанный учебник с надписью: «В благодарность за помощь в создании этой книги» (что-то в этом роде). Но мне её кто-то из аспирантов не вернул (как и многие другие книги). Аспирантам вообще не свойственно возвращать книги!

Потом, когда я уже стала кандидатом наук, мы с Николаем Андреевичем в соавторстве опубликовали две большие статьи. И он сказал:

– Дальше издавай одна, в соавторстве на докторскую не пройдёт. Ты и сама отлично их сделаешь, что ты всё боишься чего-то?! Смелее иди вперёд!!!

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондрашов Н. А. Возникновение и начальный этап развития словацкого литературного языка: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1968. 46 с.
2. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (курс лекций). Ч. I. История языкознания. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1972. 173 с.

3. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (курс лекций). Ч. II. Проблемы языкознания и методы изучения языка. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1974. 171 с.
4. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. № 5. С. 81–89.
5. Шипицына Г. М. Структура семемы качественного прилагательного и методы выделения её компонентов: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской. 1972. 229 с.

REFERENCES

1. Kondrashov N. A. *Vozniknovenie i nachal'nyi etap razvitiya slovatskogo literaturnogo yazyka: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk* [Appearance and initial stage of development of the Slovak literary language: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya, 1968. 46 p.
2. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie: (kurs lektzii). Ch. I. Istoriya yazykoznaniiya* [General linguistics: (course of lectures). Part I. The History of linguistics]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1972. 173 p.
3. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie: (kurs lektzii). Ch. II. Problemy yazykoznaniiya i metody izucheniya yazyka* [General linguistics: (course of lectures). Part II. Problems of linguistics and methods of language learning]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya Publ., 1974. 171 p.
4. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.
5. Shipitsyna G. M. *Struktura sememy kachestvennogo prilagatel'nogo i metody vydeleniya ee komponentov: diss. ... kand. filol. nauk* [The structure of sememe of qualitative adjective and methods of selection of its components: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Krupskaya Moscow Region Pedagogical Institute, 1972. 229 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шипицына Галина Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета;
e-mail: shipitsina@bsu.edu.ru

AUTHOR INFORMATION

Galina M. Shipitsyna – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Russian Language and Literature, Belgorod State National Research University;
e-mail: shipitsina@bsu.edu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шипицына Г. М. Эпизоды... // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.
DOI:

FOR CITATION

Shipitsyna G. M. EPISODES... In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 5. pp. .
DOI:

РАЗДЕЛ IV. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.111

DOI

АРХЕТИП ПЛУТА В РОМАНАХ А. С. БАЙЕТТ

Гладунов И. К.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен анализ архетипа плута в творчестве современной британской писательницы А. С. Байетт. Цель работы состоит в определении его функции, что достигается при помощи методов юнгианской мифокритики и интертекстуального анализа. Архетип не только выявлен в чертах образов персонажей, но и представлен как самый глубокий слой их палимпсестной структуры. Автор приходит к выводу, что плут открывает доступ к бессознательному, чем и объясняется его пугающее влияние на становление всех персонажей.

Ключевые слова: архетип плута, британский роман постмодерна, палимпсест, энергия жизни, дионисийское чувство

TRICKSTER'S ARCHETYPE IN A. S. BYATT'S NOVELS

Gladunov I. K.

Moscow Region State University

24 ulitsa Very Voloshinoy, Mytyschi 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract. The article presents an analysis of trickster archetype in contemporary British writer A. S. Byatt's works. The research aims to clarify its function that's achieved through the methods of Jung's myth criticism and intertextual analysis. The archetype is not only disclosed in features of characters' images but is also displayed as the deepest layer of their palimpsest structure. The author concludes that a trickster opens ways to unconsciousness, which accounts for its horrifying influence on character building.

Keywords: Trickster archetype, British postmodern novel, palimpsest, the energy of life, Dionysian sense

Творчество выдающегося британского прозаика Антонии Сьюзен Байетт (Antonia Susan Byatt, р. 1936) отмечено яркими чертами литературы постмодернизма. В таких романах, как «Обладание» (*Possession: A Romance*, 1990), «Вавилонская башня» (*Babel Tower*, 1996) и «Детская книга» (*The Children's Book*, 2009), используется характерный для постмодернизма приём палимпсеста: глубинным слоем образов зачастую выступают архетипы; и слой этот является границей пустоты, ницшеанского подземного мира, который вслед за Вяч. Вс. Ивановым понимается как источник всей жизни¹. Один из ведущих архетипов в этих произведениях – плут.

© СС ВУ Гладунов И. К., 2019

¹ См. подр.: Иванов Вяч. Вс. Дионис и прадиионисийство. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1994. С. 32, 231.

В теории К. Г. Юнга архетип плута (трикстера) выступает схемой первичного, не разделённого разумом, иными словами, «магического» сознания первобытного человека, теневой стороной архетипа пастуха (пастыря, спасителя) [5; 6]. Его существенные черты: бессознательность, любовь к розыгрышам, порой ужасающим и жестоким, авантюризм, двуличие, андрогинизм, эротизм и маргинальность (животно-божественная природа), амбивалентность наслаждения и страдания [1; 3]. В бессознательности трикстера являет себя пустота, которая понимается Байетт и как первоисток жизни, и как первоисток образа. Архетип плута в романах А. С. Байетт определяет как основу главных и второстепенных персонажей, развитие и столкновение мировоззрений которых является доминантой её художественного мира, так и модель становления некоторых характеров.

В букеровском романе «Обладание», литературоведческом детективе, построенном на истории любви и поиска личностной идентичности главных героев, архетип плута играет важную роль. По сюжету, литературоведы Роланд Митчелл и Мод Бейли обнаруживают любовную переписку двух изучаемых ими викторианских поэтов Рандольфа Генри Эша и Кристабель Ла Мотт, проливающую свет на тёмные места их биографии, после чего учёных начинают преследовать коллеги. Каждый из второстепенных персонажей по своему одержим этими сенсационными текстами. Одни – хищники, не останавливающиеся ни перед чем, чтобы завладеть, хранить и не выпускать из своей ментальной «утробы» всех, кого хотят подчинить себе. Другие (Джеймс Блэкэддер, Беатриса Нест) кажутся «жертвами» пустоты, бесконечных копаний в мемуарах и дневниках Рандольфа Эша и его жены Эллен, но это не исчерпывает сущности их образов. Шотландец Джеймс Блэкэддер – это своего рода побеждённый Макбет, но не убитый, а наказанный составлением жития мило-сердного Дункана, Рандольфа Генри Эша.

Особое место в исследуемой литературоведческой среде А. С. Байетт отводит Леоноре Стерн, в основе образа которой угадывается архетип плута. Присущие плуту черты, такие как чувственность и авантюризм, угадываются уже в её портрете. Она «имела необычный, смугловатый, слегка оливковый оттенок кожи, и с каким-то даже глянецом; крупный ястребиный нос; полный рот, причём в губах было что-то негроидное; волосы у неё были чёрные, густейшими волнами ниспадавшие на плечи, – волосы исключительной живости, с естественным, не заимствованным у шампуня лоском, – волосы, которые, если взять их в руки, не разлетятся в стороны, а соберутся этаким весомым приобретением», была «хипповского прошлого», дважды замужем, не говоря о подругах, обожала их всех и с неистовым пылом сражалась «на полях структурализма, постструктурализма, марксизма, деконструктивизма и феминизма»¹ в рядах последнего.

А. С. Байетт, иронизируя над подобными «-измами» [7], которые ей как профессиональному литературоведу прекрасно известны, наделяет персонаж жизнелюбием и душевной щедростью. Леонора – своего рода Розалина, принявшая со всеми пороками Бирона («Бесплодные усилия любви»), поклявшегося француженке в любви на белой перчатке (одну из героинь романа зовут Бланш Гловер). И как Розалина ведёт Бирона в его личностном становлении, так и Леонора ведёт Джеймса Блэкэддера [2]. Персонажи взаимодополняют друг друга: она уходит от крайностей феминизма, а он преодолевает многолетнее отчаянное затворничество. Леонора и Джеймс в начале пути – при всей искущённости в препарировании и перетолковании интимных мыслей своих кумиров их собственное общение ограничивается лишь взглядами исподволь, поцелуями в щёку и т. д.

¹ Байетт А. С. Обладать: романтический роман / пер. с англ. В. К. Ланчикова, Д. В. Псурцева. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2016. С. 377–380; Byatt A. S. Possession: A Romance. New York: Random House, 1990. P. 336–338.

В романе «Вавилонская башня» архетип плута лежит в основе образа Пола Оттокэра, брата-близнеца Джона, возлюбленного главной героини Фредерики Поттер. Уйдя от мужа-собственника, Фредерика стала преподавать литературу на вечерних курсах в художественной школе, где познакомилась с Джоном, который был её студентом, а затем и с его братом. Пол играет роль трикстера: по словам Джона, он всегда пытается отнять у брата то, что ему дорого. Человек творческий, лидер музыкальной группы «Заг и сизигийные козо-родыши» (“Zag and the Syzygy (ziggy) Zy-goats”)¹, он – «Заг» здесь сокращение от «Загрей» (*Zagreus*, греч. ‘великий охотник’), один из титулов Диониса как сына Персефоны² – враждует с Фредерикой, отождествляемой с богиней подземного мира [2]. Апофеозом их конфликта становится ритуальная сцена сжигания Полом книг Фредерики, причём этот плут, глядя на догорающие томики Кафки и Достоевского, пляшет и поёт: «Вперёд, вакханки! Приди, Загрей!» (“Ite Bacchae. Io Zagreus”³).

Сродни библиоциду крушение башни во вставной сказке «Башня пустословия» (“Babbletower: a Tale for the Children of Our Time”). История общества абсолютной свободы написана с опорой на маркиза де Сада и Дж. Толкина⁴. Подобная свобода сродни либертинажу предполагает построение сознательной жизни по законам бессознательной. Общество “La Tour Bvryarde” (фр. ‘башня шума’), по сути, метафора подземного мира. Вместе с тем в название сказки вложена метафора «пузы-

рей земли» (“the earth hath bubbles”⁵): как и прорицание вещей сестёр из «Макбета», “babble” – не ‘пустые слова’, а ‘слова из пустоты’. Попытка создать общество абсолютной свободы провалилась, и Башня шума осталась в запустении среди костей и черепов⁶, – как и во «Властелине колец» Дж. Толкина Ортханк после падения Сарумана, предавшего свой дух тёмным силам. Мотив сожжения книг и крушения башни, который раскрывает неоднозначную природу влияния плутовства на героев, призван стимулировать, как и в романе «451° по Фаренгейту» Рэя Брэдбери, сохранение культурной памяти.

В романе «Детская книга» о жизни нескольких семей в преддверии Первой мировой войны А. С. Байетт рисует двух героев, моделируемых архетипом плута: друзей Джулиана Кейна и Тома Уэллвуда. Умного и предприимчивого Джулиана в Томе привлекает то, что противоположно его юношескому плутовству и что он студентом Кембриджа находит в английской пасторальной поэзии, области своих научных интересов, – буколический образ. Из плута-пастуха Джулиан эволюционирует в рыцаря, когда обретает даму сердца, которая была «настолько красивой, что почти перестала быть привлекательной»⁷. Становление поэтом (сублимация жизненных сил бессознательного в творчество) произошло в пору рыцарского служения, когда он погрузился в преисподнюю Первой мировой войны и пережил ужас от осознания близости смерти и пустоты.

Этот ужас всегда был запечатлён в душе Тома – на первый праздник Летней ночи он разрисовал свой бумажный фонарь нахохлившимися воронами на красном фоне. Сам по себе Том не плут, но его об-

¹ Сизигия – в психологии К. Г. Юнга принцип супружеского единения анимы и анимуса. Сизигийным из трёх универсальных Логосов считается дионисийский (см. подр. [4]).

² См. подр.: Тахо-Годи А. А. Загрей // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. Т. 1. А–К / предисл. С. А. Токарева, Е. М. Мелетинского. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 452.

³ Byatt A. S. Babel Tower. London: Vintage Books, 1997. P. 455–457.

⁴ См. подр.: Муратова Я. Байетт // Энциклопедический словарь английской литературы XX века / отв. ред., предисл. А. П. Саруханян. М.: Наука, 2005. С. 31.

⁵ Shakespeare W. Macbeth // Shakespeare W. The Complete Works of William Shakespeare. Ware: Wordsworth Editions, 1994. P. 860. (The Wordsworth Poetry Library).

⁶ Byatt A. S. Babel Tower. London: Vintage Books, 1997. P. 617.

⁷ Байетт А. С. Детская книга: роман / пер. с англ. Т. П. Боровиковой. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2016. С. 721; Byatt A. S. The Children's Book. London: Vintage Books, 2010. P. 547.

раз моделируется образом одного из самых циничных плутов комедий Шекспира – Пэка. Постепенно разрыв между сознанием буколического «золотого мальчика» и бессознательным «спутником Гекаты», роль которого он исполнял «легко, чётко, ритмично»¹, в образе Тома расширяется. Его мать Олив – детская писательница, для своих детей она создавала бесконечные сказки с открытым, как в жизни, сюжетом. Приключения героя Тома, Ланселина (как и «Ланселот», от *lance* – ‘пика, копье’), в туннелях подземного мира смоделировали его мышление по принципу лабиринта, в котором нужно быть внимательным к каждому повороту, – поэтому ему полюбилась «Алиса в стране чудес» Л. Кэрролла. Том наделён сознанием исследователя, фиксирующим детали и факты. В себе Том видит прежде всего сына, но сыновнюю идентичность он постепенно и теряет. В начале из-за издевательств в школе и в конце от того, что роль Ланселина, переименованного в Тома, играет женщина, – его сущность захватывает андрогинный плут Пэк. Образ Тома постепенно истончается, он становится духом, гением «древнего куса Англии»²: «Он не спрашивал себя, куда идёт. Это было не важно. Даунс был пуст,

и Том был пуст. Им владела энергия»³. Он войдёт в море и примет смерть. Так закончится придуманная его матерью игра в Тома-Ланселина, и гибель Тома становится предвестием страшной игры для взрослых – мировой войны.

Все перечисленные персонажи-плути объединены одной архетипической функцией: они приоткрывают себе и остальным путь к тому, что видится Байетт первоисточком жизни, – к пустоте. Каждый из них по-своему одержим, все – даже «феминистка» Леонора – одержимы стиранием антиномичных крайностей, устанавливаемых сознанием для самоопределения. Поэтому все они пребывают в подвешенном состоянии между сознанием и тягой к бессознательному, к погружению в жизненный поток. В этом бурном потоке крепко удерживается только Леонора, за счёт своей открытости, наивности и витальности пребывающая в состоянии суперпозиции⁴. Пол Оттокэр растворён в этом потоке, Том Уэллвуд лишь сопричастен ему претекстным образом Пэка, а Джулиану Кейну Байетт даёт возможность только соприкоснуться с этим потоком. В любом случае в романах А. С. Байетт архетип плута выполняет функцию личностной идентификации.

¹ Байетт А. С. Детская книга: роман / пер. с англ. Т. П. Боровиковой. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2016. С. 90; Byatt A. S. The Children's Book. London: Vintage Books, 2010. P. 64.

² Байетт А. С. Детская книга: роман / пер. с англ. Т. П. Боровиковой. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2016. С. 698; Byatt A. S. The Children's Book. London: Vintage Books, 2010. P. 529.

³ Байетт А. С. Детская книга: роман / пер. с англ. Т. П. Боровиковой. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2016. С. 700; Byatt A. S. The Children's Book. London: Vintage Books, 2010. P. 531.

⁴ Суперпозиция – в квантовой физике кратковременное нахождение частицы в двух противоположных состояниях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березовская С. С. Культурный герой: динамика развития // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 75–83.
2. Владимирова Н. Г. Идея Судьбы и её интертекстуальные проекции в “Fairystory” А. С. Байетт «Джинн в бутылке из стекла “Соловьиный глаз”» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2017. № 2. С. 58–63.
3. Джумайло О. А. Новые книги о двойничестве // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2017. Т. 2. № 1. С. 243–256.
4. Сперанская Н. Дионис преследуемый. Прологомены к философии будущего. М.: Культурная революция, 2014. 536 с.
5. Юнг К. Г. О психологии образа трикстера // Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев / комм. К. Г. Юнга, К. К. Кереньи; пер с англ. В. В. Кирыщенко под ред. А. В. Тавровского. СПб.: Евразия, 1999. С. 265–286.
6. Austin S. Existential Shame, Temporality and Cracks in the ‘Ordinary “Filled in” Process of Things’ //

Temporality and Shame. Perspectives from Psychoanalysis and Philosophy / eds. L. Hinton, H. Willemsen. London, New York: Routledge, 2018. P. 119–138. (Philosophy & Psychoanalysis Series).

7. Hargraves T. British Women's Fiction of the 1960s // *The 1960s: A Decade of Modern British Fiction* / eds. Ph. Tew, J. Riley, M. Seddon. London, New York: Bloomsbury Academic, 2018. P. 81–110.

REFERENCES

1. Berezovskaya S. S. [A cultural hero: the dynamics of development]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2014, no. 387, pp. 75–83.
2. Vladimirova N. G. [The idea of destiny and its intertextual projections in 'fairstory' in "The Djinn in the Nightingale's Eye" by A. Byatt]. In: *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [Bulletin of IKBFU. Series: Philology, Pedagogy, and Psychology], 2017, no. 2, pp. 58–63.
3. Dzhumailo O. A. [New Books on Duality]. In: *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy* [Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies], 2017, vol. 2, no. 1, pp. 243–256.
4. Speranskaya N. *Dionis presleduemyi. Prolegomeny k filosofii budushchego* [Dionysus the persecuted. Prolegomena to the philosophy of the future]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2014. 536 p.
5. Jung C. G. [On the psychology of the image of trickster]. In: Radin P. *Trikster. Issledovanie mifov severoamerikanskikh indeitsev* [The Trickster. A study of the myths of the North American Indians]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 1999, pp. 265–286.
6. Austin S. Existential Shame, Temporality and Cracks in the 'Ordinary "Filled in" Process of Things'. In: Hinton L., Willemsen H., eds. *Temporality and Shame. Perspectives from Psychoanalysis and Philosophy*. London, New York, Routledge Publ., 2018, pp. 119–138. (Philosophy & Psychoanalysis Series).
7. Hargraves T. British Women's Fiction of the 1960s. In: Tew Ph., Riley J., Seddon M., eds. *The 1960s: A Decade of Modern British Fiction*. London, New York, Bloomsbury Academic Publ., 2018, pp. 81–110.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гладунов Игорь Константинович – аспирант кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: kg1960@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor K. Gladunov – postgraduate student at the Department of History of Foreign Literature, Moscow Region State University;
e-mail: kg1960@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гладунов И. К. Архетип плута в романах А. С. Байетт // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. ???–???.

FOR CITATION

Gladunov I. K. Trickster's archetype in A. S. Byatt's novels. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp. ???–???.

УДК 82.091

DOI

ЛИРИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ПОВЕСТВОВАНИЯХ Б. ЗАЙЦЕВА И К. ПАУСТОВСКОГО О ЮНОСТИ

Маркина О. Ю.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация. Цель статьи – выявление лирического начала в автобиографических повествованиях двух русских писателей, один из которых стал достоянием Русского зарубежья, другой – советской литературы. Сравниваются образы и ситуации из тетралогии Б. К. Зайцева «Путешествие Глеба» и «Повести о жизни» К. Паустовского, пути к осознанию главными лирическими персонажами писательского предназначения. Сделан вывод, что цели творчества герои анализируемых произведений, Глеб и Костя, видят по-разному, но их роднит понимание личного призвания, готовность посвятить ему всю жизнь.

Ключевые слова: Русское зарубежье, советская литература, лиризм, автобиографический герой, творчество, призвание

THE LYRICAL BASIS IN AUTOBIOGRAPHIC WORKS OF B. ZAITSEV AND K. PAUSTOVSKY ABOUT YOUTH

O. Markina

Moscow Region State University

24 ulitsa Very Voloshinoi, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The article aims to reveal the lyrical basis in autobiographic works of two Russian writers, one of them became a remarkable representative of the Russian Diaspora, the other one - of Soviet literature. The characters and situations from the tetralogy "The Gleb's Journey" by B. Zaytsev and "The story of life" by K. Paustovsky are compared together with the realization of their literary destiny in young years. It is concluded that Gleb and Kostya consider the aims of their creative works differently, however, they are related by the understanding of their destiny and willingness to devote all their life to it.

Keywords: Russian Diaspora, Soviet literature, autobiographic character, creative works, destiny

Предмет исследования в данной статье – сравнение творчества двух писателей, создававших свои произведения в одно время и на одном языке, но живших в силу исторических обстоятельств в разных странах. К. Паустовский – признанный классик советской литературы, а Б. Зайцев – мэтр литературы Русского зарубежья. До недавнего времени было принято рассматривать эти две литературы отдельно, но XXI век диктует необходимость выявить их общие и даже во многом родственные черты. Одним из аргументов для такого подхода является то, что творчество писателей разных «полюсов» зарождалось и развивалось на русской почве, впитывая общие традиции русской литературы Золотого века. Огромной объединяющей оба русла литературы составляющей является язык, впитавший в себя мощные культурные традиции. По утверждению Л. Ф. Алексеевой, «литературный процесс в Советском Союзе и в Русском зарубежье продолжал развиваться по образцу ... дореволюционного» [1, с. 11]. Костяком литературной жизни и здесь, и там стали писатели, игравшие значительную роль до революции:

М. Горький, В. Брюсов, А. Блок, А. Белый; Д. Мережковский, К. Бальмонт, И. Бунин, Б. Зайцев. «Невзирая на отдельные противоречия, они напряженно осмысливали труды одних и тех же философов: В. Соловьева, Н. Бердяева, И. Ильина...», дискутировали в одних и тех же залах, иногда и публиковались в одних и тех же печатных органах» [1, с. 11–12].

Взаимодействие между Зайцевым и Паустовским было неоднократно замечено литературоведами. По мнению А. П. Черникова, «Борис Зайцев оказал сильное воздействие на творческую манеру К. Паустовского, В. Лихоносова, Ю. Казакова и некоторых других писателей XX столетия» [9, с. 95]. Кроме того, учёный считает Зайцева одним из основоположников лирической прозы начала XX в., впитавшей в себя черты прозы и поэзии.

В докторской диссертации исследовании Куделько Н. А. [4], посвящённой тургеневской традиции в прозе XX в., отмечается, что Зайцев и Паустовский – продолжатели «аполлинической линии» в русской литературе XIX–XX вв. Это так называемая линия гармонической прозы, истоки которой исследователь видит в творчестве Пушкина и Тургенева. Однако намеченное русло изучения осталось мало конкретизированным.

В качестве прецедента рассмотрения переключек между творчеством К. Г. Паустовского и писателя Русского зарубежья можно назвать кандидатскую диссертацию Ю. В. Курбатовой [5], которая исследовала некоторые аспекты изображения творческой личности в автобиографической прозе Ив. Бунина и К. Паустовского.

Лиризм вообще как форма выражения отношения писателя к действительности присущ разным литературным направлениям. В. Г. Белинский в своей статье «Разделение поэзии на роды и виды» утверждал, что лиризм входит в другие литературные роды, оживляя их: «Без лиризма эпопея и драма были бы слишком прозаичны и холодно равнодушны к своему содержанию; точно так же, как они становятся

медленны, неподвижны и бедны действием, как скоро лиризм делается преобладающим элементом их» [3, с. 75].

По мере того, как литература всё более тяготела к изображению не внешних событий, а внутреннего мира героя, его сознания и даже подсознания, лиризм становился организующим элементом разных литературных родов, то, что считалось атрибутом поэзии, становится и достоинством многих жанров прозы, а также межжанровых образований. И. А. Бунин рассуждал о взаимоотношениях между прозой и поэзией: «Поэтический элемент стихийно присущ произведениям изящной словесности как в стихотворной, так и в прозаической форме. Проза также должна отличаться тональностью. Многие чисто беллетристические вещи читаются, как стихи, хотя в них не соблюдается ни размера, ни рифмы... К прозе не менее, чем к стихам, должны быть предъявлены требования музыкальности и гибкости языка»¹.

Для анализа нами избраны роман «Юность» из тетралогии Б. Зайцева «Путешествие Глеба» (1934–1953) и главы о юношеской поре в «Повести о жизни» (1945–1963) К. Паустовского. Автобиографизм в целом занимает существенное место в поэтике творчества обоих писателей, а лирическое начало, как определяли теоретики, – неотъемлемый элемент автобиографических жанров.

Термин «лирическая проза» возник в 1950–1960-е гг., обозначая качество повествования в произведениях советских писателей: О. Берггольц, К. Паустовского, В. Солоухина, Ю. Казакова и некоторых других. Если в традиционном повествовании действительность отражается объективно, но в преломлении восприятия героя, то в лирической прозе именно мироощущение героя, его чувства являются объектом изображения. В книге Э. А. Бальбурова «Поэтика лирической прозы. 1960–1970-е годы» сделан акцент на

¹ Бунин И. А. Интервью 1912 г. // Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9. Освобождение Толстого. О Чехове. Статьи. М.: Художественная литература, 1967. С. 539.

то, что существенный элемент лирической прозы – её автобиографизм. «Цель воспоминаний не в воссоздании определенных событий и эпизодов», «цепочка разрозненных событий или поступков становятся ... объективизацией душевных состояний лирического героя, его переживания, развитие которого и является подлинным сюжетом» [2, с. 26].

Некоторые литературоведы выделяют лирическую прозу как самостоятельное течение, основной черта которого – проникающая личность автобиографического героя. В. Е. Хализев упоминал о лиро-эпических жанрах в связи с широким историческим контекстом: «Глубоко укоренена в словесном искусстве лиро-эпика, включающая в себя лиро-эпические поэмы, баллады, так называемую лирическую прозу (как правило, автобиографическую), произведения, где к повествованию о событиях “подключены” лирические отступления, как, например, в “Дон Жуане” Байрона и “Евгении Онегине” Пушкина» [7, с. 207].

Обратим внимание, что и у Зайцева, и у Паустовского стержнем повествования является «проникающая личность» автобиографического героя. События показаны не просто с участием созерцания героев, – сам момент или процесс восприятия, чувства, вызванные встречами с людьми, событиями, наблюдениями, – таков характерный для писателей объект изображения. Личность автобиографического героя показана в развитии: от детства – к зрелости, от неосознанного любования миром, внимательного созерцания окружающей жизни – к сознательному творчеству, выбору пути художника. В. М. Толмачев отмечает, что «лиризм “Путешествия Глеба” работает на общий образ – описание того, как в жизни творчески настроенного человека обнажалось и крепло крайне важное, что творческому настрою не только не противоречило, но и бросало на него благодатный отсвет» [6, с. 172].

Б. Зайцев заканчивает третью часть тетралогии под названием «Юность» размышлениями героя о творчестве и своём предназначении: «Боже, какая же тайна,

всё тайна и загадка, и ночь эта, и он... ничтожество перед Богом и всё-таки – целый мир и сейчас весь дрожит, напряжен молодостью, творчеством, силой»¹. Герой Паустовского поведал читателю о таком выборе в конце второй книги «Повести о жизни»: «Что случится дальше, я не знал. Я знал лишь одно – что буду стремиться к писательству всеми силами души... Буду работать, пока у меня пальцы смогут держать перо и пока не остановится сердце, переполненное свыше меры ощущением жизни»².

Конечно, герои осознают перспективу избранного пути по-разному. Костя чувствует потребность передать людям своё представление о прекрасном, о счастье, о справедливости – «ради служения своему народу»³. Свой зарождающийся талант он понимает как долг, его ведущее стремление – отдавать его людям, обществу. Интересно, что книга вторая «Далекie годы» Паустовского заканчивается эпизодом, в котором автобиографические герои словно бы встречаются. Приятель Кости по имени Глеб становится свидетелем размышлений своего товарища о жизни: « – Ты о чем думаешь, Костик? – спросил Глеб. / – Так... вообще. // Я думал, что никогда и никому не поверю, кто бы мне ни сказал, что эта жизнь, с её любовью, стремлением к правде и счастью ... лишена смысла и разума. Каждый из нас должен бороться за утверждение этой жизни всюду и всегда – до конца своих дней»⁴. Происходит словно бы диалог героев Зайцева и Паустовского, между которыми при всей их разности много соприкосновений, за которыми можно почувствовать осознанную Паустовским переключку. Оба лирических персонажа пробуют свои силы в литературе будучи совсем юными. Желание творить

¹ Зайцев Б. К. Путешествие Глеба // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 443.

² Паустовский К. Г. Повесть о жизни: в 2 т. Т. 1. М.: Современный писатель, 1992. С. 375.

³ Там же.

⁴ Паустовский К. Г. Повесть о жизни: в 2 т. Т. 1. М.: Современный писатель, 1992. С. 198.

возникает подспудно, неосознанно, но оно неодолимо, сопротивление ему невозможно: «До сих пор я не знаю, как назвать это состояние. Оно возникало от незаметных причин. В нем не было ни капли восторженности. Наоборот, оно приносило покой и отдых. ... Состояние это требовало выражения»¹. Первый литературный опыт Кости удачен, рассказ взят в журнал, хотя юного писателя раздражает в собственном произведении «нагромождение красивостей». Несмотря на муки и сомнения, решение посвятить себя творчеству приносит герою покой: «Надо добиваться, надо работать, надо жить поэзией, словом. Я догадывался, как долго и труден будет этот путь. Но почему-то это меня успокоило»².

Глеб у Зайцева тоже чувствует стремление выразить себя в слове, и это стремление пробуждает в нём чеховская «Чайка»: «Вот она литература, жизнь!»³. После спектакля он пишет «нечто» и отправляет в литературный журнал. Как и герой Паустовского, он сомневается в себе, но не может противостоять стремлению, захватившему его, словно стихия: «Он весь находился в коловращении стихий»⁴. Глебу отказано в публикации рассказа, но он понимает, что с писательством будет связана его жизнь: «Глеб был юн, так был полон сил, тоски, непонятного ему самому напора, так сжигался огнем, которому и конца-края еще не видно было... Раздирало сердце, но и раздиранье такое утоляло»⁵.

Глеб в момент понимания своего предназначения осознает себя частью Божественного космоса, для него дар художника – это теперь естественная стезя, внутренняя потребность, как дыхание:

¹ Паустовский К. Г. Повесть о жизни: в 2 т. Т. 1. М.: Современный писатель, 1992. С. 154.

² Паустовский К. Г. Повесть о жизни: в 2 т. Т. 1. М.: Современный писатель, 1992. С. 157.

³ Зайцев Б. К. Путешествие Глеба // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 361.

⁴ Там же.

⁵ Зайцев Б. К. Путешествие Глеба // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 367.

«Идти да идти, дышать да дышать, слушая, как сухо хрюкает под ногой корочка предвесеннего снега»⁶. И Костю, и Глеба объединяет согласие с неизбежной перспективой, её принятие и готовность страдать, но идти по пути творчества. Лирический пафос финальных сцен глав о юности героев явно различен. Мотив служения художника народу продолжает традицию А. С. Пушкина (стихотворения «Пророк» и «Памятник»). Строки «И обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей»⁷, а также воля к пробуждению добрых чувств находят прямой отклик у Паустовского, когда его герой говорит о своём писательстве: «Буду стремиться к нему ради служения своему народу, ради любви к волшебному русскому языку и к удивительной нашей земле»⁸. Творческое начало у Паустовского тесно сопряжено с мотивом путешествия. Его автобиографический герой много ездит, и осознание своего призвания приходит к нему в дороге, когда он едет на поезде в Москву.

Период начала активной творческой жизни совпадает у Кости с моментом потери домашнего очага, надёжного приюта, пространства Дома. Ему некуда возвращаться, и это даёт герою наряду с трудностями и страданиями определённую свободу, богатство жизненных впечатлений и новый опыт. Он черпает вдохновение извне: от новых знакомств, мест, занятий. С этим обстоятельством связана некоторая очерковость автобиографической прозы Паустовского.

Из «Повести о жизни» мы узнаем, что герой Паустовского встречался с автором «Путешествия Глеба» ещё в юности. Будучи в Москве, Константин посещал так называемые литературные «среды», где впервые видел многих знаменитых писателей нача-

⁶ Зайцев Б. К. Путешествие Глеба // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 443.

⁷ Пушкин А. С. Пророк // Сочинения: в 3 т. Т. 1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. М.: Художественная литература, 1985. С. 385.

⁸ Паустовский К. Г. Повесть о жизни: в 2 т. Т. 1. М.: Современный писатель, 1992. С. 375.

ла XX в., в числе которых и Зайцев: «... я с одинаковым волнением смотрел на остриженного по-купчески Алексея Толстого, на взъерошенного Ивана Шмелева, похожего на землемера, на тишайшего Зайцева и на ледяного Бунина, читавшего глуховатым голосом рассказ “Псалма”»¹. Несмотря на охватившее его волнение, Костя довольно метко ведёт наблюдения за писателями, рисует их портреты. Чем насыщенней впечатлениями жизнь, чем больше вокруг вдохновения, тем больше вдохновения, потребностей в творчестве чувствовал начинающий писатель.

Мотив путешествия присутствует и у Зайцева, и он так же важен для осознания героем своего предназначения. При этом на протяжении романа мотив путешествия трансформируется в мотив странствия, приобретая более глубокий философский смысл. В конце романа «Тишина» Глеб возвращается поездом домой, чувствуя во всем незабываемый порядок и надёжность: «Все развивалось, как надо, и все ушло»². Заключение следующей части – романа «Юность» – также эпизод возвращения домой. Образ дома ассоциируется у него с надёжностью, стабильностью, покоем, уравновешенным творческим состоянием. Здесь ничто не отвлекает от занятий любимым делом, даже исторические потрясения пока проходят мимо, не задевая Глеба, словно метель за окном: «Пусть там смятение снеговое, он здесь в малом углу своем, с бумагою и чернилами, с силой молодости и созидания, через всю жизнь огненной чертой протянувшегося»³. Поэтизация образа дома свойственна многим произведениям в литературе Русского зарубежья (И. А. Бунин «Жизнь Арсеньева», И. Шмелев «Лето Господне»

и др.), поскольку это связано с утратой писателями своего родового гнезда, пристанища, родины, ностальгическими чувствами. Заключительный эпизод романа «Юность», когда герой возвращается в родное Прошино и окончательно понимает своё предназначение, носит лирико-философский характер. Лиризм проявляется в первую очередь в том, что всё окружающее: и домашние с их рутинными делами, и природа, и исторические неурядицы – становятся лишь фоном для духовной жизни героя, его переживаний, а финал тетралогии – принятие героем своей судьбы и удела странника: «Да, так-то вот нам и странствовать с тобой по свету. Так-то и жить милостью Божьей»⁴.

Проза Зайцева чрезвычайно поэтична, наполнена яркими метафорами, в числе которых, например, «судороги куста за окном», «бледная бирюза неба», «блеск стекляшек по снегу» и т. д.⁵. Важную роль у Зайцева играет пейзаж, одна из особенностей которого – многозначность. Напластование смыслов достигается совокупностью разных творческих подходов к явлениям: обострённой и утончённой наблюдательностью за состоянием объективного мира, оригинальной субъективизацией его восприятия, стремлением проникнуть в сущность самой природы и постичь в ней высшее, Божественное начало. В результате средствами пейзажной живописи осмысливается целый ряд сложнейших философских проблем: смысла бытия, назначения человека на земле, его связей с Родиной, высших потенций личности, любви, творчества, характера искусства, феномена художника и др. А. П. Черников заметил, что человек у Зайцева – «необходимое звено в цепи поколений. Смысл его жизни в том, чтобы выполнить свое природное назначение и

¹ Паустовский К. Г. Повесть о жизни: в 2 т. Т. 1. М.: Современный писатель, 1992. 640 С. 216.

² Зайцев Б. К. Путешествие Глеба // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 291.

³ Зайцев Б. К. Путешествие Глеба // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 441.

⁴ Зайцев Б. К. Путешествие Глеба // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 582.

⁵ Зайцев Б. К. Путешествие Глеба // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. М.: Русская книга, 1999. С. 441.

тогда уж уйти из мира... Важно при этом – дарованную тебе Богом жизнь прожить достойно, оставив в поколениях добрый след» [8, с. 122].

Борис Зайцев и Константин Паустовский – представители двух различных ветвей русской литературы, но наследники одной культурной традиции, невольные свидетели и участники одной исторической эпохи. Лирическое начало богато и тонко выражено в их автобиографической прозе. Создавая «Путешествие Глеба» и «Повесть о жизни», оба художника слова осмысли-

вают обстоятельства формирования творческой личности, напряжённые духовные искания, ведущие к писательскому труду. Психологически глубокая лирическая проза двух писателей, многие годы разделённых «железным занавесом», с присущей каждому из них яркой индивидуальной неповторимостью отражает духовную просветлённость творческих побуждений личности и сложную, драматическую внутреннюю борьбу за сохранение светлых идеалов в мутной пучине житейских испытаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л. Ф. Значение Серебряного века для литературного процесса в Советском Союзе и Русском зарубежье // *Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения»): сборник статей по итогам II Международной научной конференции (МГОУ, 22–23 января 2016 г.)* / сост. и ред. Л. Ф. Алексеева, В. Н. Климчукова, С. В. Крылова. М.: ИИУМГОУ, 2016. С. 7–15.
2. Бальбуров Э. А. Поэтика лирической прозы. 1960–1970-е годы. Новосибирск: Наука, 1985. 136 с.
3. Белинский В. Г. Разделение поэзии на роды и виды // *О театре и драматургии. 1840–1848 годы*. М.: Юрайт, 2017. С. 74–94.
4. Куделько Н. А. Традиции поэтики И. С. Тургенева в русской литературе XX в. (Б. К. Зайцев, К. Г. Паустовский, Ю. П. Казаков): автореф. дисс. ... док. филол. наук. М., 2005. 44 с.
5. Курбатова Ю. В. Художник и время в автобиографической прозе И. А. Бунина («Жизнь Арсеньева») и К. Г. Паустовского («Повесть о жизни»): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. 223 с.
6. Толмачев В. М. Б. К. Зайцев // *Литературная энциклопедия Русского зарубежья (1918–1940). Том I. Писатели Русского зарубежья*. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. С. 169–172.
7. Хализев В. Е. Теория литературы; изд. третье, испр. и доп. М.: Высшая школа, 2001. 437 с.
8. Черников А. П. Поэзия и проза Серебряного века. Калуга: Институт усовершенствования учителей, 1993. 264 с.
9. Черников А. П. Проза и поэзия Серебряного века: учебное пособие для учителей литературы и студентов филологических факультетов педагогических институтов. Калуга: Калужский областной институт усовершенствования учителей, 1994. 262 с.

REFERENCES

1. Alekseeva L. F. [The significance of the Silver Age for the literary process in the Soviet Union and Russian Diaspora]. In: Alekseeva L. F., Klimchukova V. N., Krylova S. V., comp. and eds. *Slovesnoe iskusstvo Serebryanogo veka i Russkogozarubezh'ya v konteksteepochki («Smirnovskie chteniya»): sbornikstatei po itogam II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (MGOU, 22–23 yanvary 2016 g.)* [The verbal art of the Silver Age and the Russian Diaspora in the context of the era (“Smirnov Readings”): a collection of articles based on the results of the II International Scientific Conference (MGOU, January 22–23, 2016)]. Moscow, MRSU Ed. Office Publ., 2016. pp. 7–15.
2. Bal'buurov E. A. *Poetika liricheskoi prozy. 1960–1970-e gody* [The poetics of lyric prose. 1960–1970s]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1985. 136 p.
3. Belinskii V. G. [Division of poetry into genera and species]. In: *O teatre i dramaturgii. 1840–1848 gody* [On theatre and drama. 1840–1848]. Moscow, Yurait Publ., 2017. pp.74–94
4. Kudel'ko N. A. *Traditsii poetiki I. S. Turgeneva v russkoi literature XX v. (B. K. Zaitsev, K. G. Paustovskii, Yu. P. Kazakov): avtoref. diss. ... dok. filol. nauk* [The tradition of the poetics of Turgenev in Russian literature of 20th century (B. Zaytsev, K. Paustovsky, Y. Kazakov): abstract of D. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2005. 44 p.

5. Kurbatova Yu. V. *Khudozhnik i vremya v avtobiograficheskoi proze I. A. Bunina («Zhizn' Arsen'eva») i K. G. Paustovskogo («Povest' o zhizni»): diss. ... kand. filol. nauk* [The artist and the time in the autobiographical prose of I. Bunin (“The Life of Arseniev”) and K. Paustovsky (“The story of life”): PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2009. 223 p.
6. Tolmachev V. M. [B. Zaitsev]. In: *Literaturnaya entsiklopediya Russkogo zarubezh'ya (1918–1940). Tom I. Pisateli Russkogo zarubezh'ya* [Literary encyclopedia of the Russian Diaspora (1918–1940). Volume I. Writers of the Russian Diapora]. Moscow, «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN) Publ., 1997. pp. 169–172.
7. Khalizev V. E. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2001. 437 p.
8. Chernikov A. P. *Poeziya i proza Serebryanogo veka* [Poetry and prose of the Silver Age]. Kaluga, Institute of Teachers Training Publ., 1993. 264 p.
9. Chernikov A. P. *Proza i poeziya Serebryanogo veka* [Prose and poetry of the Silver Age]. Kaluga, Kaluga Regional Institute of Teachers Training Publ., 1994. 262 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маркина Ольга Юрьевна – аспирант кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета; преподаватель русского языка и литературы школы № 25 города Сергиев Посад Московской области;
e-mail: bovinao@rambler.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga Yu. Markina – postgraduate student at the Department of Russian Literature of the 20th century, Moscow Region State University; teacher of Russian language and literature, school No. 25, Sergiev Posad, Moscow region;
e-mail: bovinao@rambler.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маркина О. Ю. Лирическое начало в автобиографических повествованиях Б. Зайцева и К. Паустовского о юности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.
DOI:

FOR CITATION

Markina O. Yu. The lyrical basis in autobiographic works of B. Zaitsev and K. Paustovsky about youth. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 5. pp. .
DOI:

УДК 821.161.1.09

DOI

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ «НЕТ, НЕ ТЕБЯ ТАК ПЫЛКО Я ЛЮБЛЮ...» В АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Поташова К. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация. Целью настоящего исследования является реконструкция творческой лаборатории поэта над стихотворением «Нет, не тебя так пылко я люблю...» (1841). Методология данного текстологического исследования связана с дескриптивным методом, определяемым необходимостью подробного описания источников, биографическим, психологическим, а также структурно-семантическим подходом к художественному тексту. Результатом исследования стало уточнение специфики художественного мышления и мирозерцания поэта, отражённой в аутентичных текстах. Теоретическая значимость определяется выявлением особенностей создания художественного образа в поэзии М. Ю. Лермонтова.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, «Записная книжка В. Ф. Одоевского», беловик, творческая лаборатория, черновик, текстология

THE CREATIVE HISTORY OF THE POEM “NO, NOT YOU SO ARDENTLY I LOVE...” IN THE ASPECT OF STUDYING THE M. Y. LERMONTOV’S POETIC PERSONALITY

K. Potashova

Moscow Region State University

24 ulitsa Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The purpose of this study is to reconstruct the creative laboratory of the poet in the poem “No, not you so ardently I love...” (1841). The methodology of this textual research is associated with a descriptive method, determined by the need for a detailed description of sources, biographical, psychological, as well as a structural and semantic approach to the literary text. The result of the study was the clarification of the specifics of artistic thinking and worldview of the poet, reflected in the authentic texts. The theoretical significance is determined by the identification of the features of creating an artistic image in the poetry of M. Lermontov.

Keywords: M. Lermontov, “The Notebook of V. Odoevsky,” belovik, creative laboratory, draft, textology

Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Нет, не тебя так пылко я люблю...», написанное поэтом в 1841 г. в «Записной книжке В. Ф. Одоевского», было опубликовано А. А. Краевским в «Отечественных записках» в 1843 г. (Т. 28, №6, отд. 1, с. 194) ещё до получения им самой тетради (тетрадь в кожаном переплёте после смерти Лермонтова была пере-

дана В. Ф. Одоевским А. А. Краевскому в 1844 г.). Список стихотворения в числе других лермонтовских произведений А. А. Краевский получил в феврале 1843 г. от В. П. Боткина. В том же году появились первые отклики на стихотворение. В статье «Русская литература в 1843 году» В. Г. Белинский отнёс стихотворения «Нет, не тебя так пылко я люблю» и «Сон» к произведениям, которые «равно интересные

как в эстетическом, так и в психологическом отношении», а также определил их принадлежность «к эпохе полного развития могучего таланта незабвенного поэта» [3, с. 411]. В статье «Стихотворения М. Лермонтова» (1844) «Нет, не тебя так пылко я люблю» названо произведением «высокого достоинства» [4, с. 42].

Первые интерпретации стихотворения были предложены в русской философской мысли рубежа XIX–XX вв. В. О. Ключевский приходит в произведении квинтэссенцию лермонтовской грусти, «выражение мономии сердца» [7, с. 257]. Называя «сосредоточенность в себе» одной из черт, присущих Лермонтову, В. С. Соловьев рассматривает стихотворение как «воплощение личного самочувствия поэта» [11, с. 337]. В XX в. основной интерес исследователей к стихотворению «Нет, не тебя так пылко я люблю...» был связан с его биографической основой. В существующих исследованиях остаётся упущенным текстологический комментарий стихотворения, тогда как ещё в 1913 г. Д. И. Абрамович в работе «О языке Лермонтова» обратил внимание на наличие переделок стихотворения. По количеству вариантов он ставит «Нет, не тебя так пылко я люблю» в один ряд со стихотворениями «Спор», «Сон», «Утес», «Тамара», «Свидание», «Дубовый листок», «Выхожу один я на дорогу», «Морская царевна» и «Пророк», которые «переделывались по два раза» [1, с. 200]. Хотя в изданных собраниях сочинений Лермонтова составителями приводились черновые записи стихотворения, все же они нуждаются в дополнительном комментарии.

Беловик стихотворения «Нет, не тебя так пылко я люблю» выполнен орешковыми чернилами на обороте 11 листа с лицевой части «Записной книжки В. Ф. Одоевского», черновик – карандашом на листе 11 от оборота тетради¹. Ниже на странице с беловиком «Нет, не тебя так пылко я люблю» начат беловик стихотво-

рения «Выхожу один на дорогу...». По цвету чернил и особенностям нажима пера можно заключить, что «Нет, не тебя так пылко я люблю...» и «Выхожу один я на дорогу...» перенесены в чистовую часть из черновой в разное время. Из расположения произведения относительно предшествующих видно, что «Нет, не тебя так пылко я люблю» открывает новый этап обращения поэта к тетради – на 11 листе заканчивается стихотворение «Листок», и часть листа остаётся пустой. Точная датировка стихотворения не известна. Расположение беловика и черновика стихотворения в «Записной книжки В. Ф. Одоевского», ставит под сомнение предположение П. А. Висковатого о преподнесённой рукописи «Нет, не тебя так пылко я люблю» С. М. Соллогуб, стихотворение написано после отъезда Лермонтова из Петербурга [5, с. 326–327]. Далее приводится таблица, содержащая транскрипцию беловика и черновика стихотворения по рукописи из «Записной книжки В. Ф. Одоевского»² (см. табл. 1).

Стихотворение представляет собой монолог, реализующий романтическую схему любви-разрыва, связанную с обречённостью героя на непонимание. Эмоциональное напряжение стихотворения заключается в невозможности «я» прорваться к «ты» в стремлении обрести гармонию и любовь – в этом заключается «основное “условие” романтической любви» [10, с. 341]. Невозможность любви создаётся посредством противопоставления реального образа возлюбленной, являющейся в сознании «я» несбыточной мечтой-иллюзией, несущей собой представление об идеале и гармонии. Усиливая это несоответствие между реальностью и представлением, Лермонтов заменяет в беловике черновое «сиянье» красоты героини на «блิสанье», более точное определение. «Сиянье» в языке Лермонтова носит символическое значение – сияние исходит от иконы («Я, Матерь Божия, ныне с

¹ Записная книжка В. Ф. Одоевского // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 429. № 12.

² Записная книжка В. Ф. Одоевского // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 429. № 12.

Таблица 1

**Транскрипция беловика и черновика стихотворения М. Ю. Лермонтова
«Нет, не тебя так пылко я люблю»**

Беловик	Черновик
1	
Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю,	Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:	Не для меня красы твоей сиянье:
Люблю въ тебѣ я прошлое страданье	Люблю въ тебѣ я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.	а) И молодость прошедшую мою. б) И молодость погибшую мою.
2	
Когда порой я на тебя смотрю,	Когда порой я на тебя смотрю,
въ твои глаза вникая долгимъ взоромъ:	въ твои глаза вникая долгимъ взоромъ:
Таинственнымъ я занять разговоромъ,	а) Я увлечен отрадным разговором б) Таинственнымъ я занять разговоромъ,
Но не съ тобой я сердцемъ говорю.	Но не съ тобой я сердцемъ говорю.
3	
Я говорю съ подругой юныхъ дней;	Я говорю съ подругой юныхъ дней;
въ твоихъ чертахъ ищу черты другіе;	въ твоихъ чертахъ ищу черты другіе;
въ устахъ живыхъ уста давно нѣмые,	въ устахъ живыхъ уста давно нѣмые,
въ глазахъ огонь угаснувшихъ очей.	въ глазахъ огонь угаснувшихъ очей.

молитвою / Пред твоим образом, ярким сиянием»¹), сияние определяет «наполнение картин природы» [6, с. 97] («Спит земля в сиянье голубом»² или «Но только что утра сиянье / Кидало свой луч по горам»³). «Блистанье» связано с женским идеалом, им Лермонтов определяет красоту, в зримых чертах которой стремится увидеть дорогие черты: «Как небеса, твой взор блистает / Эмалью голубой»⁴. В процессе развёртывания поэтического монолога черты, чувства, движенія героини приобретают зримое выражение, тем самым утвержда-

ется её реалистическое воплощение: «В твоих чертах ищу черты другие; / В устах живых уста давно немые»⁵. Поэт подчёркивает двойственную природу женского образа – сквозь зримый облик проглядывает таинственность.

Если сферу «ты» составляют существительные, то сферу «я» определяют глаголы, поставленные в форму настоящего времени и связанные с активным действием: «люблю», «смотрю», «занят», «говорю», «ищу». Стихотворение имеет сложную временную организацию. Несмотря на видимое настоящее время, в стихотворении просматриваются три временных плана – настоящее, в котором есть отблеск любви («Нет, не тебя так пылко я люблю»), прошлое (прошедшие страданья и молодость, когда жила любовь) и длительное, протяжённое время, соединяющее прошлое с настоящим, в котором герой периодически смотрит на «ты», будто на портрет, пытаясь найти в образе «ты» дорогие сердцу

¹ Лермонтов М. Ю. «Молитва» // *Собрание сочинений*: в 6-ти томах Т. 2. Стихотворения, 1832–1841 / ред. Н. Ф. Бельчиков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 93.

² Лермонтов М. Ю. «Выхожу один я на дорогу...» // *Собрание сочинений*: в 6-ти томах Т. 2. Стихотворения, 1832–1841 / ред. Н. Ф. Бельчиков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 208.

³ Лермонтов М. Ю. «Тамара» // *Собрание сочинений*: в 6-ти томах Т. 2. Стихотворения, 1832–1841 / ред. Н. Ф. Бельчиков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 213.

⁴ Лермонтов М. Ю. «Как небеса, твой взор блистает...» // *Собрание сочинений*: в 6-ти томах Т. 2. Стихотворения, 1832–1841 / ред. Н. Ф. Бельчиков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 111.

⁵ Записная книжка В. Ф. Одоевского // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 429. № 12. Л. 110б.

черты. В такой последовательности эти три временных плана композиционно организуют стихотворение.

Говоря о призрачности любви, Лермонтов наделяет «я» чертами прошедшего. В художественном мире Лермонтова прошлому уделяется особое значение, прошлое воспринимается им как более глубокое, отнюдь не иллюзорное время, оно подобно настоящему. В. Ф. Асмус справедливо пишет: «Трудно найти поэта, который мог бы сравниться с Лермонтовым по интенсивности, с какой он ощущает потаенное, неявное присутствие прошлого в настоящем, его продолжающуюся и тяготеющую над человеком жизнь» [2, с. 110]. В первой строфе стихотворения отпечаток прошлого в «я» выражен как лексически, так и грамматически. «Люблю» в настоящем времени выражает состояние меланхолической рефлексии, вызывает размышления о прошлом. В ряду глаголов настоящего времени контрастно выступает **«прошлое страданье»**. В черновике Лермонтов характеризует молодость сначала **«прошедшей»**, затем, усиливая трагичность любви, заменяет **«прошедшую»** на **«погибшую»**, тем самым акцентирует в «я» утрату тех возможных качеств, которые отождествляются с молодостью и которые утрачены в настоящем.

Вторую строфу стихотворения составляет диалог «я» с «ты», который организуют глаголы со значением говорения и зрительного восприятия, объединяющиеся в пары: «на тебя смотрю» – «сердцем говорю», «вникая взором» – «занят разговором». Глаголы говорения и зрительного восприятия приобретают в стихотворении примерно равный вес, диалог происходит как на словесном, так и на внесловесном уровне. Характеризуя диалог «я» с «ты», Лермонтов называет разговор сначала **«отрадным»** («Я увлечен **отрадным** разговором»), затем определяет его прилагательным **«таинственным»** («**Таинственным** я занят разговором»), подчёркивая не внешнюю его сторону, а внутреннюю. Таинственность характеризует любовь-

мираж, которая не владеет чувствами в настоящем, а является в воспоминаниях.

При первой публикации стихотворения в «Отечественных записках» стих **«Но не с тобой я сердцем говорю»** был опубликован с искажением, вероятно, неточности были допущены при переписывании стихотворения Г. Головачевым из «Записной книжки В. Ф. Одоевского» или В. П. Боткиным при отправке списков А. А. Краевскому. Стих опубликован с изменением падежной формы слова **«сердце»** и исправленной пунктуацией: **«Но не с тобой, – я с сердцем говорю»**¹. В результате допущенных неточностей был искажён смысл стихотворения, вторым собеседником диалога стало сердце самой героини, сохранившее искренность, идущую вразрез с внешней холодностью. В лермонтовском оригинале «таинственный разговор» – это и есть разговор сердца, искренний разговор, собеседником которого не может быть «ты» в настоящем. Двойственность «ты» раскрывается в нескольких оппозициях: черты нынешние – «черты другие», «уста живые» – «уста давно немые», «глаза» – «огонь угаснувших очей».

В работе над стихотворением Лермонтов уделяет большое внимание графике поэтического текста. Графически текст делится на три строфы, которые составляют отточенные афористические фразы, раскрывающие сферу действия «я» и «ты». В черновом варианте Лермонтов отделяет каждую строфу короткой карандашной чертой. При переносе стихотворения из черновика в беловик, Лермонтов нумерует строфы и использует систему двойных подчёркиваний, выделяющих начало и конец стихотворения на тетрадной странице. Экспрессивность поэтического содержания создаётся посредством пунктуационных знаков, каждый из которых передаёт в стихотворении авторскую интонацию, придаёт звучание поэтической речи, в которой есть «что-то гипнотически настойчивое, что-то внушающее по-

¹ Лермонтов М. Ю. «Нет, не тебя так пылко я люблю...» // Отечественные записки. 1843. Т. 28. № 6. Отд. 1. С. 194.

слушный отклик в самом строе стихотворения» [10, с. 340]. В черновой и белой редакции стихотворения знаки препинания не отличаются. В первой публикации стихотворения лермонтовская пункция была нарушена. Так, поставленное в первой строфе-микротексте двоеточие, выражающее значение разъяснения, раскрытия причины заглавного категоричного суждения «Нет, не тебя так пылко я люблю» заменено знаком тире, передающего значение следствия. В постановке двоеточия Лермонтов отталкивается от определения этого знака в «Письмовнике» Н. Курганова (СПб., 1809): «Двуточие значит долгое отдохновение, и оный знак отделяет часть речи, которая имеет полный разум сама в себе, но однако оставляет мысль в сомнении и ожидании знать то, что еще следует...» [8, с. 185]. Также запятыми были заменены и поставленные Лермонтовым в последней строфе после первого и второго стиха точки с запятой, придающие сложной синтаксической конструкции лаконизм и отточенность.

Тщательный подбор каждого слова направлен у Лермонтова, обладающего «живописным видением мира» [9, с. 79], на

создание точного и зримого образа, при воплощении которого поэт сумел передать состояние эмоциональной напряжённости, психологических переживаний. В стихотворении отразились личные переживания поэта, связанные с тоской о любимой женщине и возможностью душевного утешения в созерцании похожего на неё существа, от черновика к беловику нарастает трагическое осознание ситуации потери возлюбленной, связанное со смертной человеческой природой, но этот трагизм не безысходен, он преодолевается возможностью духовного диалога с ней. Биографическая основа, составляющая содержание стихотворения становится эмоциональным импульсом, на основе которого Лермонтовым моделируется поэтическая ситуация. Невозможность обретения обычного счастья в любви, обречённость на отсутствие гармонии и невозможность личного счастья – знаковая характеристика лермонтовского лирического героя. Отточенные в стихотворении глагольные фразы сферы «я» связаны со стремлением лермонтовского героя «выговориться», именно отсюда и возникает интонация инвективы.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ, проект № 19-012-00122 «Текстологическое исследование и комментирование автографов М. Ю. Лермонтова из “Записной книжки В. Ф. Одоевского”».

ACKNOWLEDGMENTS

This article was prepared under the RFBR grant, project No. 19-012-00122 “Textual research and commenting on M. Lermontov’s autographs from «The Notebook of V. Odoevsky»”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамович Д. И. О языке Лермонтова // Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: в 5 т. Т. I. / под ред. и с примеч. Д. И. Абрамовича. СПб.: Издание Разряда изящной словесности Императорской академии наук, 1910–1913. С. 182–206.
2. Асмус В. Круг идей Лермонтова // Литературное наследство. Т. 43/44. Кн. I. М.: Издательство АН СССР, 1941. С. 83–128.
3. Белинский В. Г. Русская литература в 1843 году // Полное собрание сочинений: в 12 томах. Т. 8 «Отечественные записки». 1843–1844 гг. / под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1907. С. 33–36.
4. Белинский В. Г. Стихотворения М. Лермонтова // Собрание сочинений: в 12 томах. Т. 8 «Отечественные записки» 1844–1845 гг. / СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1910. С. 479–547.
5. Висковатый П. А. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М.: Типография Рихтера, 1891. С. 326–327.

6. Киселева И. А. Изучение творчества М. Ю. Лермонтова как религиозно-философской системы: проблемы методологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 4. С. 95–100.
7. Ключевский В. О. Грусть (1891) // М. Ю. Лермонтов: Pro et contra. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей / сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова. СПб.: РХГИ, Русский христианский гуманитарный институт, 2002. С. 248–266.
8. Курганов Н. Письмовник. СПб.: Печатано в типографии И. Глазунова, 1809. 395 с.
9. Поташова К. А. Влияние живописи на эстетический идеал русской литературы первой трети XIX века (А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2016. 267 с.
10. Роднянская И. Б. «Нет, не тебя так пылко я люблю...» // Лермонтовская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 340–341.
11. Соловьев В. С. Лермонтов // М. Ю. Лермонтов: Pro et contra. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей / сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова. СПб.: РХГИ, 2002. С. 332–349.

REFERENCES

1. Abramovich D. I. [On the language of Lermontov]. In: Abramovich D. I., ed. *Lermontov M. Yu. Polnoe sobranie sochinenii: v 5 t. T. I.* [Lermontov M. Yu. Complete works: in 5 vols. Vol. I]. St. Petersburg, Izdanie Razryada izyashchnoi slovesnosti Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1913, pp. 182–206.
2. Asmus V. [The range of Lermontov's ideas]. In: *Literaturnoe nasledstvo. T. 43/44. Kn. I* [Literary heritage Vol. 43/44. Book I]. Moscow, USSR Academy of Science Publ., 1941, pp. 83–128.
3. Belinskii V. G. [Russian literature in 1843]. In: *Polnoe sobranie sochinenii: v 12 tomakh. T. 8 «Otechestvennye zapiski». 1843–1844 gg.* [Complete works: in 12 volumes. Vol. 8 “Notes of the Fatherland” 1843–1844]. St. Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha Publ., 1907, pp. 33–36.
4. Belinskii V. G. [Poems by M. Lermontov]. In: *Sobranie sochinenii: v 12 tomakh. T. 8 «Otechestvennye zapiski» 1844–1845 gg.* [Works in 12 volumes. Vol. 8 “Notes of the Fatherland” 1844–1845]. St. Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha Publ., 1910, pp. 479–547.
5. Viskovatyi P. A. M. Yu. *Lermontov. Zhizn' i tvorchestvo* [Lermontov. Life and work] Moscow, Tipografiya Rikhtera Publ., 1891, pp. 326–327.
6. Kiseleva I. A. [Studying of M. Lermontov's works as a philosophical and religious system: a problem of methodology]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2010, no. 4, pp. 95–100.
7. Klyuchevskii V. O. [Melancholy (1891)]. In: Markovich V. M., Potapova G. E., comp. *M. Yu. Lermontov: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Mikhaïla Lermontova v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei* [M. Lermontov: Pro et contra. The personality and works of Mikhail Lermontov in the evaluation of Russian thinkers and researchers]. St. Petersburg, Russian Christian Institute of Humanities Publ., 2002, pp. 248–266.
8. Kurganov N. *Pis'movnik* [Scribing]. St. Petersburg, Tipografiya I. Glazunova Publ., 1809. 395 p.
9. Potashova K. A. *Vliyanie zhivopisi na esteticheskii ideal russkoi literatury pervoi tret'i XIX veka (A. S. Pushkin i M. Yu. Lermontov): diss. ... kand. filol. nauk* [The influence of painting on the aesthetic ideal of the Russian literature of first third of 19th century (A. Pushkin and M. Lermontov): PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2016. 267 p.
10. Rodnyanskaya I. B. [“No, not you so ardently I love...”]. In: *Lermontovskaya entsiklopediya* [Lermontov encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1981, pp. 340–341.
11. Solov'ev V. S. [Lermontov]. In: Markovich V. M., Potapova G. E., comp. *M. Yu. Lermontov: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Mikhaïla Lermontova v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei* [M. Lermontov: Pro et contra. The personality and works of Mikhail Lermontov in the evaluation of Russian thinkers and researchers]. St. Petersburg, Russian Christian Institute of Humanities Publ., 2002, pp. 332–349.

T.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Поташова Ксения Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ksenia A. Potashova – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of the Russian Classical Literature, Moscow Region State University;
e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Поташова К. А. Творческая история стихотворения «Нет, не тебя так пылко я люблю...» в аспекте изучения поэтической личности М. Ю. Лермонтова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.

DOI:

FOR CITATION

Potashova K. A. The creative history of the poem “No, not you so ardently I love...” in the aspect of studying the M. Lermontov’s poetic personality. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 5. pp. .

DOI:

УДК 811.161.1:81'373.45.11

DOI

ГИБРИДНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СЛЕНГЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ГЕЙМЕРОВ

Ачилова Е. Л., Регушевская И. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Таврическая академия
295007, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, д. 4, Республика Крым,
Российская Федерация*

Аннотация. В статье исследованы словообразовательные модели заимствованных глаголов с русскими аффиксами и описано функционирование гибридных образований в сленге русскоязычных геймеров. Проанализированы причины возникновения глагольных гибридов в игровой коммуникации. Установлено, что для изученных глагольных лексем продуктивными являются те же словообразовательные модели, что и для славянских глаголов, что обусловлено как внутриязыковыми, так и социальными, внеязыковыми факторами. Обнаружена высокая частотность образования глаголов с суффиксами *-и-* и *-ну-* / *-ону-*, а также глаголов с префиксами *вы-*, *до-*, *за-*, *на-*, *от-*, *пере-*, *по-*, *про-*, *с-*.

Ключевые слова: игровая коммуникация, компьютерный сленг, заимствования, аффикс, словообразовательная модель

HYBRID VERBAL FORMATIONS IN THE SLANG OF RUSSIAN-SPEAKING GAMERS

E. Achilova, I. Regushevskaya

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy
4 prospekt Akademika Vernadskogo, Simferopol 295007, Republic of Crimea, Russian Federation*

Abstract. The article explores word-formation models of borrowed verbs with Russian affixes and describes the functioning of hybrid formations in the slang of Russian-speaking gamers. The causes of verbal hybrids in gaming communication are analyzed. It was found that for the studied verb lexemes, the same word-formation models are productive as in the Slavic verbs, which is due to both intralinguistic and social, extralinguistic factors. The article demonstrated a high frequency of verb formation with suffixes *-i-* and *-nu-* / *-onu-*, as well as verbs with prefixes *vy-*, *do-*, *za-*, *na-*, *ot-*, *pere-*, *po-*, *pro-*, *s-*.

Keywords: game communication, computer slang, borrowed words, affix, word-formative model

XXI век справедливо принято считать веком интернета. Сегодня всемирная паутина представляет собой гигантскую компьютерную сеть, объединяющую десятки тысяч сетей всего мира. Интернет стал источником самой разнообразной информации: политических и спортивных новостей, нового в шоу-бизнесе, науке, астрологии, данных о происшествиях и т. д. Кроме этого, сеть стала полем для осуществления коммуникации между людьми различных национальных, возрастных и социальных групп.

Предоставляя пользователям возможность виртуально общаться, невзирая на расстояния, интернет стал движущей силой глобализации, отразившейся во всех сферах современной человеческой жизни, в частности и в языке. Н. Валгина отмечает, что «язык живет во времени (имеется в виду не абстрактное время, а общество определённой эпохи), но и время отражается в языке» [1, с. 4]. Возникновение новых реалий и понятий не-

избежно влечёт за собой появление новых слов и новых значений у существующих уже слов. Изменения, происходящие в обществе, находят отражение прежде всего в лексической системе языка, что выражается в активном заимствовании слов из других языков. По мнению Е. В. Петрухиной, в настоящее время ведущими в славянских языках «считаются процессы глобализации, компрессии и коллоквиализации» [9, с. 222]. Е. С. Михайличенко называет одной из главных лексических особенностей языка общения в социальных сетях заимствования из английского языка [7, с. 167].

Иноязычные слова «не просто входят в язык, но творчески перерабатываются и приспособляются к чужой для них среде, оказавшейся достаточно сильной, чтобы подчинить себе инородное» [1, с. 76]. В процессе адаптации заимствованные слова начинают передаваться фонетическими и графическими средствами языка-реципиента, происходит грамматическое и звуковое освоение этих слов. При этом начальный этап грамматической адаптации иноязычного слова характеризуется присоединением аффиксов и флексий соответствующих грамматических классов принимающего языка. Т. Кондратенко пишет, что «на продвинутом этапе грамматического усвоения заимствования образуют производные слова с помощью словообразовательных средств языка-реципиента» [5, с. 71]. Таким образом, происходит семантическое освоение, и слово начинает регулярно употребляться в языке.

С развитием компьютерных технологий в русском языке прочно закрепился компьютерный сленг, изучению которого посвящены работы Д. Кристалла, С. Левинсон, С. Антоновой, Н. Виноградовой, И. Щур, Е. Селивановой и других. Безусловно, распространение современных технологий сказалось на лексической системе современного русского языка, что отразилось в появлении новообразований, которые положили начало компьютерного сленга.

Говоря о сленге как языковом явлении, Е. Селиванова определяет его как «нели-

тературную и ненормированную, отличающуюся эмоционально-экспрессивной и стилистической маркированностью дополнительную лексическую подсистему языковых единиц, обозначающих для определённой социальной или профессиональной группы систему понятий их сферы существования и деятельности как субкультуры с целью достижения групповой идентичности» [11, с. 39]. Мы принимаем такую интерпретацию сленга в том числе применительно к сленгу компьютерному.

По мнению О. А. Поцулко, компьютерный сленг отличается разнообразием использования новых словесных приёмов (в том числе новообразований на базе заимствованных слов), в связи с чем автор предлагает считать его посредником между интержаргоном и языковой практикой народа [10, с. 70].

При всём многообразии языка компьютерного сленга, его особой стилистике и эпатажности «он органично встраивается в систему общеэтнического языка. Присущие ему закономерности не противоречат тенденциям развития последнего, они их, как правило, подтверждают, дополняют, позволяют увидеть в новом ракурсе» [8, с. 152].

Способы образования компьютерного сленга достаточно разнообразны, «но все они сводятся к тому, чтобы приспособить английское слово к российской действительности и сделать его пригодным для постоянного использования» [6, с. 212], т. е. наиболее продуктивным способом пополнения компьютерной лексики являются заимствования: калька, полукалька, перевод, фонетическая мимикрия и акронимия.

Горшков П. А. различает три разновидности компьютерного сленга: хакеров, про-геймеров (в нашей работе – геймеров) и общих пользователей, к которым относятся и программисты [2, с. 16]. Именно сленг геймеров стал объектом нашего исследования.

Предметом изучения стали заимствованные глаголы, употребляемые в коммуникации геймеров. Источником фактиче-

ского материала послужил ФорумDota 2, посвящённый одной из самых популярных на сегодня сетевых игр¹.

Цель исследования – анализ словообразовательных моделей заимствованных глаголов с русскими аффиксами и их функционирование в сленге русскоговорящих компьютерных игроков.

Задачи: дать понятие геймерского сленга, описать основные модели словообразования заимствованных сленговых глаголов и особенности их функционирования.

Геймерский сленг характеризуется постоянным пополнением новыми лексическими единицами в связи с появлением новых игр. Выбор сленга дотеров (игроков DOTA 2) был не случайным: за несколько лет игра приобрела высокую популярность во всем мире, количество игроков насчитывает десятки миллионов человек, регулярно проводятся международные соревнования (это уже не просто игра – это киберспорт). Следует отметить, что авторы игры, помимо увлекательного сюжета, создали особый виртуальный мир, не похожий на реальность, с необычными персонажами и предметами, которые их окружают. Изначально (и до недавнего времени) интерфейс игры был исключительно на английском языке, поэтому все имена героев, их умения, названия оружия и прочее вошли в речь игроков на языке оригинала, а также закрепились в силу того, что в одну команду могут попадать носители разных языков. В результате и устная, и письменная речь русскоговорящих игроков стала англо-русским гибридным феноменом.

Вопрос о гибридных образованиях рассматривается в работах Е. А. Земской, В. В. Лопатина, Г. С. Онуфриенко, И. С. Улуханова, Н. М. Шанского. Специфика языковой гибридизации заключается в сочетании корней и аффиксов разной этимологии. Вслед за Л. Д. Кадыровой термин «гибридизация» мы используем «по отношению к производному слову, составленному из генетиче-

ски разнородных элементов, прежде всего основ и аффиксов» [4, с. 57].

Так, русскоговорящие дотеры активно вводят в свою речь англицизмы *фарм*, *пуш*, *армора*, *скилл*, *мид*, *сплеш*, *саппорт*, *лайн* и др. Например: *Тревела на керри* – идея далеко не новая, но на *морфе* или *эмбере* они *смотрятся лучше, чем на луне*, *соре* (здесь и далее в иллюстрациях сохранены орфография и пунктуация оригинала); *Учишься **паунсить** чтоб минимум 7 из 10 прыжков были точные, снимать пактом **таргет-станы**. + На линии, с любым **саппортом**, у которого есть **стан** – это всегда **фри фра-ги**.*

Как видно, существительные в основном представляют собой лексические заимствования, которые в части контекстов приобретают экспрессивную коннотацию путём присоединения русского суффикса субъективной оценки и преобразуются в гибридное образование: *арморчик*, *фантомки*, *абилки*, *мидасик*, *нассивки*, *дагончик*, *момчиком* и др. Как справедливо отмечают Л. А. Захарова и В. А. Шуваева, «Наш язык настолько “могуч”, что может повелевать словообразовательными элементами другого языка и соединять несоединимое» [3, с. 18].

Однако процесс освоения английских слов не ограничивается игрой с именами существительными, а распространяется и на сферу глагольного словообразования. Наиболее продуктивным способом образования заимствованных глаголов является суффиксация – присоединение к английской глагольной основе русского суффикса *-и-*: *бустить* (от англ. to boost – увеличивать, повышать), *дайвить* (от англ. to dive – нырять, погружаться), *дизармить* (от англ. to disarm – обезоруживать, обезвреживать), *пушить* (от англ. to push – толкать, нажимать, продвигать), *сейвить* (от англ. to save – сохранять, спасать) и т. п. Например: *Пару раз спрашивал на форумах, мол на ком **бустить** мвр, часто встречался ответ, мол на вк.; Максим второй, можно как себя **сейвить** от прокаста так и, что важнее, **дизармить** врагов надолго.*

¹ См.: Форум Dota 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://dota2.ru/forum/> (дата обращения: 05.06.2019).

Можно говорить о высокой частотности употребления суффикса *-ну-* / *-ону-* со значением однократности / мгновенности действия в анализируемых глагольных образованиях совершенного вида (далее – СВ): *бафнуть, ливнуть, стакнуться, шотнуть* и под. Например: *Также, мы бафнули всех наших тиммейтов на +17 брони.; Горю от саши-яши на Джагере, лучше сразу ливнуть чем ЭТО купить* и т. п.

Особо отметим, что заимствованные глаголы образуют префиксальные словообразовательные парадигмы, и гибридные новообразования активно вводятся в игровой контекст, например:

Апаты (от англ. to up – повышать) – **перепаты**: *да. юзлеспелл, нужно апаты... а без октарина сколько?; Сейчас завезут новый патч, где кого-то перепают на 2–3 урона в начале игры и он станет “имбой” в первый раз с тех пор, как его добавили в игру;*

гангаты (от англ. to gang – организовать бригаду) – **загангаты, нагангаты (нагангаты)**: *Да он привык играть на 2-3к помойке, где делать стаки для керри и гангаты мид не принято; Оффлайн дум может в соло убивать даббу, его очень трудно загангаты; можно собрать кастера и бегать давать близзард под бкб и октарином... да и кста если нагангаты ЦМкой 20:0, собрать 6 слотов на физ-урон, то 2-3 слотового снайпера или антимага она убьет;*

дамажить – **надамажить** (от англ. to damage – повреждать, наносить ущерб): *Такой Оракл вешает на себя ульт, дизармит врагов и нарезает их больно автоатакерским физ. уроном (анимация атаки у него очень гуд), проюзав И/ИЛИ по ситуации – мы 8 сек. дамажим диким уронов врагов, впитываем сами кучу урона и по истечении 8-ми сек выходим фуловыми из замеса; Чтобы создать оверхилмека/тараска – плохая идея. Да и смысл не в том, чтобы впитать, а в том чтобы надамажить, пусть и ценой собственной жизни;*

доджить – **задоджить** (от англ. to dodge – уворачиваться, увиливать): *Не убил за ульт – убили тебя. БФ позволяет быстро фармить, мантасплитить, доджить*

многие спеллы. Но манта не всегда лучший вариант; Можно ли как-то фистами задоджить даггерквопы, заюзавфисты не в 1 юнита? (просто);

контрить – **законтрить** (от англ. to counter – противостоять): *Дума контрит только один герой – мипо; Есть же проверенные рикимару, хускары, фантом ассасины и прочие ребята, которых на таком ммре никто не законтрит;*

кайтить – **раскайтить** (от англ. kite – хищник, подразумевает обманывающее движение): *это на каком дне не кайтят героев?; 1 на 1 нет смысла с керри вражеским драться, да и любое бкб можно раскайтить, особенно на спектре;*

нерфить – **понерфить** (от англ. to nerf – делать слабым, неэффективным): *Ну если так пойдет то все баши в доте надо нерфить; Хоть его и понерфили чуть чуть в 6.85 все равно каждая 2-3 игра с ним или против него в пабе;*

пушить – **допушить, отпушить, спушить** (от англ. to push – толкать): *допушить вялый барак. Нонстоп пушить при невозможности зайти на хг; это помню как мы на цме раньше играли метой фастпуш банили тех кто отпушить мог и пикали фуру/расту/андаина/пугну и версуту; от пика союзного зависит) если быстро спушить то ггвп, если за тебя типа ама то можешь только на него играть и создавать спейс;*

стилить – **застилить, постилить** (от англ. to steal – украсть; употребляется в значении «умышленно убить противника, зная, что напарник может и сам его убить, или добить врага последним ударом специально»): *Бери уж зевса тогда, если стилишь хочешь на саппорте, ну на крайний случай фуру.; Мидасик я удачно выфармил через несколько минут, когда случайно (чесс слово) застилил двух вражеских героев; Штас бы виспом/дазлом киллов постилить;*

саппортить – **посаппортить** (от англ. to support – поддерживать): *Потому что другой герой (если только ему не саппортит Оракл) – не может безнаказанно ломать щиз врагам 8-м секунд и дизармить врагов, а потом еще оставаться фуло-*

вым...; В том то и суть, что можно **поса-портить**, как и венгой (как видно, игроки не всегда соблюдают орфографию языка-оригинала: to support);

фармить – **выфармить**, **дофармить**, **нафармить**, **перепфармить**, **пофармить** (от англ. to farm – обрабатывать землю; употребляется в значении «целенаправленно зарабатывать золото»): *Сф не проигрывает мид та, они просто фармят крипчиков; В итоге нафармили на тапок, аквиллу и собирался купить ПТ. Мидасик я удачно выфармил через несколько минут, когда случайно (чесс слово) застилил двух вражеских героев; Лучшие уж всегда дофармить на, чем покупать этот мусор нестабильный; Оракул контрицио ЛЮБЫМ адекватным кор-героем у противника, который нафармил больше тебя (а ЛЮБОЙ герой на миде или ЛЮБОЙ керри должен тебя перепфармить при равном уровне игры); Кто в пабе даст пофармить Личу?*

Кроме того, некоторые глаголы используются как мотивирующие в возвратной форме:

регениться – **нарегениться**, **прорегениться** (с усечением производящей основы от англ. to regenerate – восстанавливаться): *Бегают такой, жирный, регенится под ультой, без спец. героев фиг убьешь; Суть меты такова: ультра Оракла дает возможность 8 секунд действовать как хочешь, и если ты нарегенишься, то реген умножится; типа через крутилку стоишь и бьешь здания а команда сзади сейвит, потом отошел чуток, вардом прорегенились все => опять сносить;*

сейвиться – **засейвиться** (от англ. to save – сохраняться): *дизарм 6 сек, хотя я вчера в миду с тини и на себя юзал перед его прокастами/тосами, чтобы сейвится; Но лучше жи купить сначала Глимер, ультражи такая имба, от нее не убежать/засейвиться невозможно, особенно в ранней игре...*

Примечательно, что проанализированные префиксальные образования представляют собой глаголы совершенного вида (СВ) с ярко выраженной семантикой

результативности действия. По нашему предположению, именно необходимость в выражении имплицитных видовых значений, присущих русскому языку, находящих выражение в приставочных лексемах СВ, подталкивает русскоговорящих геймеров присоединять префиксы к английским глагольным основам в силу того, что префиксация не характерна для английской глагольной системы.

Глагольные лексемы могут быть образованы и путём сложения основ с дальнейшей префиксацией по правилам языка-реципиента: *ванишотиться* (от англ. one shot – один выстрел), *переластхититься* (от англ. last hit – последний удар), *сплитпушить*, *засплитпушить* (от англ. split push – разделённый толчок). Например: *есть ещё такая хитрая сборка как возврат дисраптора + ульт козы, после телепорта с базы и вашего прокаста ванишотится 100%...; Засплитпушить в конце концов/допустить вялый барак. Нонстоп пушить при невозможности зайти на хг.*

В отдельных случаях игроки прибегают к двойной префиксации, свойственной русской разговорной речи, с целью усилить экспрессию высказывания: *Всяких сфчиков понаникают, а сторон на 30 минуте уже нет* (от англ. to pick – собирать).

Кроме того, игроки активно используют новообразованные причастия, в том числе краткие, и деепричастия, мотивированные английскими основами с русскими аффиксами: *неапнутый*, *перепан*, *дамажащий*, *понерфлен*, *саппортающий*, *сейвющий*, *фармящий*, *отфармленный*; *задизармив*, *саппорта*, *выфармив*, *заюзав*: *Потом покупаешь одну куру для тимы и от 3-6 для себя, неапнуты; Герой и так перепан; И самое главное – мало того, что пика Оракла не ожидают, так еще меньше всего ожидают, что он будет керри с руки дамажащим, в этом тоже есть плюс; Ну и как минимум, включив и задизармив керри в замесе, вы с вероятностью в 99.99% перехилитесь больше, чем получите урона; Ну.. я лучше на личе за 30 минут выйграю саппорта и раскидывая щитки; В двух играх мне не давали фармить на лайне, но потерпел и*

выфармив мидас, аквиллу и травела игра становится просто изи.

Таким образом, геймерский сленг регулярно пополняется гибридными англо-русскими глаголами, которые активно используются лишь в сообществе компьютерных игроков. Исследование форума позволило выделить и описать особенности словообразования и функционирования заимствованных английских глаголов в письменной речи русскоязычных геймеров. Погружение в реалии игры не располагает геймеров к переводу используемой лексики, в то время как родной язык требует придания новому слову соответствующей грамматической формы и сообщения ему определённого лексико-грамматического значения. Вследствие того, что английский язык относится к языкам аналитическим, а русский – синтетическим, в принимающем языке заимствованные слова приобретают русские аффиксы. Можно утверждать, что для проанализированных глагольных лексем продуктивными явля-

ются те же словообразовательные модели, что и для глаголов языка-реципиента, что обусловлено как внутриязыковыми, так и социальными, внеязыковыми факторами.

В результате исследования установлена высокая частотность образования производных глаголов с суффиксами *-и-* и *-ну-* / *-ону-*, а также глаголов с префиксами результативной семантики *вы-*, *до-*, *за-*, *на-*, *от-*, *пере-*, *по-*, *про-*, *с-*. Зафиксированы глагольные образования с постфиксом *-ся*. Кроме того, в работе представлены случаи сложения основ заимствованных глаголов с последующей префиксацией по правилам русского языка. Выявлены причастные и деепричастные формы, образованные от английских глаголов по принципам образования подобных форм в русском языке.

На наш взгляд, дальнейшее изучение игрового сленга является перспективным для развития теории виртуальной идентичности, а также для установления специфики электронной коммуникации в рамках сетевого сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для студентов вузов. М.: Издательство «Логос», 2003. 304 с.
2. Горшков П. А. Сленг хакеров и геймеров в интернете: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 22 с.
3. Захарова Л. А., Шуваева А. В. Словарь молодежного сленга (на материале лексикона студентов Томского государственного университета): учебно-методическое пособие. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2014. 126 с.
4. Кадырова Л. Д. Гибридные неонимации в современном масс-медийном дискурсе: семантико-деривационный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2014. 208 с.
5. Кондратенко Т. Л. Структурно-семантические особенности компьютерного подъязыка // Кросс-культурная коммуникация и современные технологии в исследовании и преподавании языков: материалы Международной научно-практической конференции (Минск, 25 октября 2011 г.). Минск: Изд. центр БГУ, 2012. С. 70–72.
6. Мелконян Н. И. К вопросу о способах образования компьютерного сленга // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2012. № 1. С. 211–214.
7. Михайличенко Е. С. Социальные сети как особый вид интернет-коммуникации: лексический аспект // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2016. Т. 2 (68). № 1. С. 166–171.
8. Немищенко Г. П. Компьютерная коммуникация в контексте современного публичного общения (с учетом данных сопоставительного изучения русского и чешского языков) // *Współczesna komunikacja językowa. Najnowsze zmiany w leksyce i słowotwórstwie języków słowiańskich*. Warszawa: Sławistyczny ośrodek wydawniczy, 2008. S. 151–181.
9. Петрухина Е. В. Ключевые для современной эпохи словообразовательные модели в русском языке // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей III Международного симпозиума (8–12 июня 2019): в 2-х т. Т. 1. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. С. 216–223.

10. Поцупко О. А. Українськомовний комп'ютерний сленг як комунікативна девіація сучасної молоді // Теорія і практика сучасної психології. 2017. № 1. С. 69–73 [Электронный ресурс]. URL: http://www.tpsp-journal.kpu.zp.ua/archive/1_2017/14.pdf (дата обращения: 05.06.2019).
11. Селиванова Е. А. Псевдозаимствование как способ номинации компьютерного сленга // Мовознавчий вісник. 2015. Вип. 20. С. 28–43.

REFERENCES

1. Valgina N. S. *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke* [Active processes in the modern Russian language]. Moscow, Logos Publ., 2003. 304 p.
2. Gorshkov P. A. *Slengk hakerov i geimerov v internete: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Slang of hackers and gamers in the Internet: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2006. 22 p.
3. Zakharova L. A., Shuvaeva A. V. *Slovar' molodezhnogo slenga (na materiale leksikona studentov Tomskogo gosudarstvennogo universiteta)* [Dictionary of youth slang (based on the vocabulary of students of Tomsk State University)]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2014. 126 p.
4. Kadyrova L. D. *Gibridnye neonominations v sovremennom mass-mediinom diskurse: semantiko-derivatsionnyi aspekt: dis. ... kand. filol. nauk* [Hybrid neonominations in the modern media discourse: semantic derivational aspect: PhD Thesis in Philological Sciences]. Simferopol, 2014. 208 p.
5. Kondratenko T. L. [Structural-semantic features of computer sublanguage]. In: *Kross-kul'turnaya kommunikatsiya i sovremennye tekhnologii v issledovanii i prepodavanii iazykov: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Minsk, 25 oktyabrya 2011 g.)* [Cross-cultural communication and modern technologies in the study and teaching of languages: proceedings of the International scientific-practical conference (Minsk, October 25, 2011)]. Minsk, Belarusian State University Publ., 2012, pp. 70–72.
6. Melkonyan N. I. [On ways of formation of a computer slang]. In: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya i iskusstvovedenie* [The Bulletin of the Adyge State University. Series 2. Philology and Art History], 2012, no. 1, pp. 211–214.
7. Mikhailichenko E. S. [Social networks as a special type of Internet communication: lexical aspect]. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences], 2016, vol. 2 (68), no. 1, pp. 166–171.
8. Nemishchenko G. P. [Computer communication in the context of contemporary public communication (including the data of comparative study of the Russian and Czech languages)]. In: *Współczesna komunikacja językowa. Najnowsze zmiany w leksyce i słowotwórstwie języków słowiańskich*. Warszawa: Slawistyczny ośrodek wydawniczy, 2008, S. 151–181.
9. Petrukhina E. V. [The key word-formation models in the Russian language in the modern era]. In: Titarenko E. Ya., chief ed. *Russkii yazyk v polikul'turnom mire: sbornik nauchnykh statei III Mezhdunarodnogo simpoziuma (8–12 iyunya 2019): v 2-kh t. T. 1*. [Russian language in the multicultural world: collection of scientific articles of the Third International Symposium (8–12 June 2019): in 2 volumes. Vol. 1]. Simferopol, IT «ARIAL» Publ., 2019, pp. 216–223.
10. Potsulko O. A. [Ukrainian language computer slang as a communicative deviation of the modern youth]. In: *Teoriya i praktika suchasnoi psikhologii* [Theory and practice of modern psychology], 2017, № 1, pp. 69–73. Available at: http://www.tpsp-journal.kpu.zp.ua/archive/1_2017/14.pdf (accessed: 05.06.2019).
11. Selivanova E. A. [Pseudo-borrowing as a way to nominate computer slang]. In: *Movoznavchii visnik* [Linguistic Bulletin], 2015, iss. 20, pp. 28–43.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ачилова Елена Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; e-mail: elena-achilova@yandex.ru;

Регушевская Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского;

e-mail: ree0505891025@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena L. Achilova – PhD in Philological Sciences, Assistant Professor at the Department of Interlingual Communications and Journalism of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Taurida Academy, Vernadsky Crimean Federal University;

e-mail: elena-achilova@yandex.ru

Irina A. Regushevskaya – PhD in Philological Sciences, Assistant Professor at the Department of Interlingual Communications and Journalism of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Taurida Academy, Vernadsky Crimean Federal University;

e-mail: ree0505891025@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ачилова Е. Л., Регушевская И. А. Гибридные глагольные образования в сленге русскоязычных геймеров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.

DOI:

FOR CITATION

Achilova E. L., Regushevskaya I. A. Hybrid verbal formations in the slang of Russian-speaking gamers. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 5. pp. .

DOI:

УДК 811.161.1

DOI

«НЕДАРОМ ПОМНИТ ВСЯ РОССИЯ ПРО ДЕНЬ ... БОРОДИНО», ИЛИ ПОЧЕМУ ПЕРЕСТАЮТ СКЛОНЯТЬСЯ ТОПОНИМЫ НА *-ИНО*, *-ОВО*

Федосюк М. Ю.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. С опорой на материалы Национального корпуса русского языка показано, что тенденция русского языка последних десятилетий к утрате склонения у топонимов среднего рода, оканчивающихся на *-ино*, *-ово*, является следствием усиления внутренней миграции населения России. В результате миграции участились ситуации общения людей, располагающих неодинаковыми фоновыми знаниями, что ведёт к развитию аналитизма, и в частности к утрате склонения существительными типа *Пушкино* или *Измайлово*. Дело в том, что только употребление несклоняемых форм этих топонимов даёт неосведомлённым адресатам возможность определить, что подобные топонимы являются существительными среднего, а не мужского рода, т. е. что речь, например, идёт о населённом пункте *Пушкино*, а не *Пушкин*.

Ключевые слова: топонимы на *-ино*, *-ово*, несклоняемые существительные, аналитизм, неоднородный языковой коллектив, омонимия падежных форм

«NEDAROM POMNIT VSYA ROSSIYA PRO DEN' ... BORODINO», OR WHY TOPONYMS ENDING ON *-INO*, *-OVO* STOP TO BE DECLINED

M. Fedosyuk

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russian Federation*

Abstract. On the basis of the National Corpus of the Russian language, it is shown that the current trend of modern Russian to loose of declension of toponyms of the neuter gender, ending on *-ino*, *-ovo*, is a consequence of the increased internal migration of the Russian population. As a result of migration, cases of communication among people with unequal background knowledge have become frequent, which leads to the development of analyticism, and in particular, to the loss of declension of nouns like *Pushkino* or *Izmailovo*. The fact is that only the use of indeclinable forms of these toponyms gives uninformed addressees the opportunity to determine that such toponyms are nouns of the neuter, and not of the masculine gender, for example, that it is mentioned a town called *Pushkino*, not *Pushkin*.

Keywords: toponyms on *-ino*, *-ovo*, indeclinable nouns, analyticism, heterogeneous language community, homonymy of case forms

Надо ли говорить, что в предваряющей этот текст цитате из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино» допущена намеренная ошибка? Назначение этой ошибки – проиллюстрировать одну из особенностей узуса русского языка наших дней, в котором «существительные, оканчивающиеся на морфемы *-ин(о)*, *-ов(о)* (географические названия *Тушино*, *Шереметьево* и под.), в прошедшие десятилетия интенсивно прошли путь развития в направлении несклоняемости, т. е. аналитизма» [6, с. 330–331]. Целью данной статьи является попытка определить причины и вероятный ход дальнейшего развития этого явления.

Наиболее часто объяснение тенденции к несклоняемости топонимов на *-ин(о), -ов(о)* формулируется так: «Неизменяемость данных слов представляет собой яркий пример вмешательства внешних факторов в эволюцию языка, даже такого его специфически структурного элемента, каким является система склонения. Сильным толчком к употреблению этих слов в качестве неизменяемых явились, несомненно, издававшиеся в военное время приказы, которые запрещали изменять в донесениях и других документах исходную форму названий населённых пунктов, чтобы не смешивались близкие по звуковому составу слова, ср.: *Разин – Разино, Ефремов – Ефремово, Пушкин – Пушкино, Киров – Кирово* и т. д.» [13, с. 56–57].

В ряде работ в качестве ещё одной причины данного явления называют влияние, которое оказывает на узус, профессиональная речь географов и топографов [3, с. 237; 4, с. 236; 5, с. 140; 8, с. 180]. Однако подобным объяснениям серьёзно противоречит тот факт, что употребление топонимов рассматриваемого типа как несклоняемых в значительной степени свойственно младшему поколению носителей русского языка [3, с. 237; 13, с. 59], т. е. людям, на речь которых едва ли могли повлиять официальные сводки времён Великой отечественной войны и которые вряд ли часто сталкивались с профессиональной речью географов и топографов.

Как отмечает М. Я. Гловинская, «русские по происхождению топонимы с финалями *-ово, -ево, -ино, -ыно* типа *Воронцово, Шереметьево, Тушино, Царицыно* стали переходить в разряд неизменяемых существительных в советскую эпоху. В 60-е годы XX в. люди старшего поколения их ещё склоняли, сознательно отталкивая новую норму, широко распространившуюся в печати и устной речи» [3, с. 237].

Ещё одно объяснение рассматриваемого явления носит максимально общий характер и сводится к тому, что одной из тенденций грамматического развития современного русского языка является его стремление к аналитизму. Различными

проявлениями этой тенденции являются смысловое согласование подлежащих и сказуемых в предложениях типа *Врач пришла; Экскурсовод рассказывала*, рост количества двувидовых глаголов, заметное увеличение числа несклоняемых заимствованных существительных (*бюро, депо, такси, бра*) и прилагательных (*цвет беж, стиль барокко, вес брутто, час пик*), утрата склонения фамилиями украинского происхождения на *-ко, -енко* (*Кривко, Родзянко, Шевченко, Маслаченко*) и т. д. [2, с. 158; 13, с. 9–18].

Однако такое объяснение вызывает вопрос о том, по каким причинам начиная с первых десятилетий минувшего века в русском языке стал развиваться аналитизм. В лингвистике XX века к этим причинам, как правило, подходили с позиций структурализма, объясняя их как стихийные и непредсказуемые внутренние перестройки в структуре языка. В коллективной монографии «Русский язык и советское общество» читаем:

«В чём же тогда причина колебаний грамматического строя (в разных языках) между полюсами “синтетизм – аналитизм”?»

Эти колебания отражают антиномию “код – текст”. При переходе от синтетических к аналитическим конструкциям уменьшается набор различных грамматических единиц и увеличивается объём того текста, на протяжении которого выражаются значения, ранее передаваемые внутри слова. Примеры общеизвестны; наиболее простые – это перевод русского слова типа *медведица* английскими *bear – she*, т. е. сочетанием слов (полнозначного с частицей)¹. Набор словесных знаков для передачи понятий *медведь – медведица, лис – лисица, заяц – зайчиха* и т. п. в английском языке меньше, чем в русском, но число единиц, нужных для обозначения этих единиц в тексте, – больше, чем в русском (два слова, а не одно). ... Итак, переход к большему аналитизму связан с разрешением антиномии “код – текст” для многих

¹ Имеется в виду английский эквивалент русского слова *медведица – she-bear*. – М. Ф.

участков грамматической системы в пользу текста» [13, с. 14].

И далее: «Как уже сказано, внутренние антиномии языка не имеют одного раз навсегда данного разрешения: нет никаких причин считать, что движение к аналитизму в русском языке будет продолжаться до тех пор, пока он не станет единственной для этого языка системой выражения грамматических значений. Напротив: можно предполагать, что в будущем, в известный период, грамматическое развитие повернёт в противоположную сторону. Это будет определяться, может быть, перенасыщенностью текстов аналитическими единицами или какими-либо другими причинами, о которых сейчас судить нельзя» [13, с. 14].

Гораздо более убедительной представляется высказанная ещё в начале XIX века точка зрения основоположников сравнительно-исторического метода, которые объясняли развитие аналитизма не структурными, а социальными причинами – функционированием языка в условиях смешанного языкового коллектива. Так, Расмус Раск писал: «Грамматические соответствия являются гораздо более надёжным признаком родства или общности происхождения, так как известно, что язык, который смешивается с другим, чрезвычайно редко или, вернее, никогда не перенимает форм склонения и спряжения у этого языка, но, наоборот, скорее теряет свои собственные. Так, например, английский язык не перенял форм склонения и спряжения у скандинавского или французского, но, напротив, потерял многие древние англосаксонские флексии» [12, с. 41–42].

Мысль Р. Раска и его современников о причинах возникновения аналитизма, получила своё подтверждение и развитие уже в наши дни в трудах Г. П. Мельникова по системной типологии языков и в работах его учеников.

«Рассмотрение языковой карты мира, – пишет один из последователей Г. П. Мельникова А. А. Поликарпов, – обнаруживает, что областям, замкнутым в

экономическом и этнолингвистическом отношении, соответствуют, как правило, языки довольно сложного, синтетического грамматического устройства (многие кавказские, сибирские, индейские языки). Наоборот, в областях, в которых давно интенсивно осуществляются процессы этнохозяйственной языковой интеграции народов, языки приобретают ярко выраженное аналитическое устройство (многие европейские языки, языки Юго-Восточной Азии и т. д.)» [11, с. 45].

Длительное функционирование смешанных языковых коллективов, по наблюдениям Г. П. Мельникова, в конечном итоге способно приводить к переходу от аналитизма к корнеизоляции. «Тенденции к корнеизоляции, – читаем мы у Г. П. Мельникова, – как было замечено ещё основоположниками компаративистики, наиболее сильны в периоды формирования новых наций и культуры в процессе *смешения* представителей многих языков и народов. В этих условиях резко сужается исходный объём социального, общеизвестного знания; сужается та традиционная сфера содержания, в границах которой представители разных культур имеют основания надеяться на взаимное понимание; сокращается объём общеизвестных языковых единиц и круг тех ситуаций, в которых один человек считает необходимым вступить в общение с другим. Всё это приводит к потребности предельно *полифункционально* использовать те знаки, на известность которых слушающему может рассчитывать говорящий. Полифункциональность знаков – это прежде всего их парадигматическая и синтагматическая *полисемичность*, для разрешения которой приходится увеличивать информационную нагрузку на контекст, на распределение функции выражения *смысловой* единицы между несколькими единицами с вещественным значением в речевом потоке, на использование этих же единиц для уточнения синтагматических, когноминативных отношений между называемыми смыслами, что, в частности, связано с выработкой определённых *пози-*

ционных ограничений на порядок следования называемых *смыслов* в высказывании (обычно это трактуется как требование фиксированного «порядка слов») и с тенденцией предельной неизменчивости звукового облика используемых знаков» [10, с. 123; ср. 9]¹.

Однако всегда ли толчком к развитию языка в направлении аналитизма является смешение разных языков и народов? Представляется, что к аналогичному результату могут приводить и некоторые другие причины. Среди них следует прежде всего упомянуть усиление внутренней миграции носителей одного и того же языка, способное повлечь за собой увеличение числа таких коммуникативных ситуаций, когда отправитель и адресат, выходящие из разных регионов страны, обладают недостаточным фондом общих знаний. В России подобная миграция началась на рубеже XIX и XX вв., когда многие крестьяне стали переезжать в города и становиться промышленными рабочими, и увеличилась после революции 1917 г. В этом отношении очень интересна та глава книги А. М. Селищева «Язык революционной эпохи», где автор описывает элементы разных диалектов русского языка, сохранившиеся в речи рабочих московских заводов и фабрик [14, с. 198–209].

Другая причина развития аналитизма, которая была характерна для России на протяжении всего XX и сохраняется в XXI веке, – это характер культурной ситуации в стране, обуславливающий широкое употребление в письменных и устных текстах, во-первых, лексических заимствований [7; 14], во-вторых, буквенных аббревиатур типа СССР [1; 17] и, наконец, в-третьих, слов, ранее имевших ограниченную сферу употребления. Значительное количество подобных слов и создаёт условия для того, чтобы некоторые из них становились несклоняемыми.

Учитывая сказанное, представляется, что гораздо естественнее связать появившуюся во второй половине XX в. тенденцию к развитию несклоняемости топонимов на *-ин(о)*, *-ов(о)* с двумя проходившими в XX в. процессами: вначале с увеличением вследствие интенсивной внутренней миграции населения числа разнородных по своему происхождению и фоновым знаниям участников речевого общения, а впоследствии с существенным повышением роли СМИ, употребляющих в частности и малоизвестные многим носителям русского языка слова².

В начале XX века круг общающихся был гораздо уже и однороднее по фонду общих знаний. Так, жители Москвы хорошо знали о существовании парков Останкино, Царицыно и Кусково. Поэтому, произнося фразы *Сегодня мы всей семьей гуляли по Останкину* или *Не могу не восхищаться осенним Кусковым*, они не опасались, что их собеседники воспримут только что упомянутые топонимы как существительные мужского рода *Останкин* и *Кусков*.

Однако впоследствии под влиянием двух упомянутых выше факторов в русской речи стали широко встречаться такие топонимы на *-ино*, *-ово*, которые были неизвестны большинству адресатов. Представьте себе, что, рассказывая о себе, ваш новый сотрудник скажет: *Я родом из Тамбовской области: родился в Кирсанове, а детство провёл в Рассказове*. Не многие поймут, что в этой фразе упомянуты топонимы двух разных грамматических родов: названия города Кирсанов (м. р.) и города Рассказово (ср. р.). Естественно, что во избежание недоразумений говорящий, скорее всего, либо добавит к каждому из упомянутых топонимов слово *город* (*Я родился в городе Кирсанов, а детство провёл в городе*

¹ Также см.: Федосюк М. Ю. Концепция Г. П. Мельникова и дискуссия о русской языковой картине мира // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 11–12.

² См.: Федосюк М. Ю. Развитие презумпции коммуникативного равенства адресанта и адресата как ведущая тенденция эволюции стилей русской речи XX века // Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка (Материалы научно-методической конференции, проходившей 27–28 мая 1998 г. в Варшаве). Вып. V. Варшава: Российский центр науки и культуры в Варшаве, 1998. С. 175–182.

де *Рассказово*), либо, опуская слово *город*, произнесёт существительное среднего рода *Рассказово* в форме именительного падежа (*Я родился в Кирсанове, а детство провёл в Рассказово*).

Как видим, неизменяемость по падежам слов типа *Рассказово* стала использоваться как средство обозначения среднего рода подобных топонимов, хотя, разумеется, в употреблении форм *в Рассказово* / *в Рассказове* в настоящее время наблюдаются колебания. Можно предположить, что, упоминая те топонимы на *-ино*, *-ово*, которые, с точки зрения отправителя сообщения, обозначают известные его адресатам объекты, этот отправитель скорее всего употребит данные топонимы в склоняемой форме, а при вероятной, с его точки зрения, неизвестности объектов использует их обозначения в именительном падеже. Во всяком случае такой вывод можно сделать из следующего наблюдения М. Я. Гловинской: «Похоже, что экспансия несклоняемости в этой группе слов на рубеже веков приостановилась. Например, сейчас в разговорной речи широко распространено произношение *в Строгине*. Именно так говорят жители самого этого района (ср. *У нас в Строгине*; – *Вы где живёте?* – *В Строгине*), хотя и не только они. Ср., например, *Жители Строгина дошли до реализации путинской идеи не от хорошей жизни* (МК, 20.04.2005). В то же время вполне типична и несклоняемая форма; ср. *Они получили квартиру в Строгино*» [3, с. 239]. Обратим внимание на то, что употребление формы *в Строгине*, по наблюдениям М. Я. Гловинской, характерно для хорошо осведомлённых жителей этого района, а сообщение *Они получили квартиру в Строгино*, по всей вероятности, могло быть адресовано человеку, который в этом районе не живёт.

Впрочем, в наши дни несклоняемость топонимов на *-ино*, *-ово* как показатель их принадлежности к среднему роду всё шире начинает употребляться и при обозначении широко известных топонимов, таких как *Бородино*; ср. следующие примеры из Национального корпуса русского языка:

В контексте Р. п.: *Пуля, пробившая голову Кутузову, может быть, и сделала его таким апатичным да спокойным. Не до боевитости ему было после этого. Он ведь и умер вскоре после Бородино – всего через полгода* [Валерий Лебедев. Умноленный полководец Кутузов (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.09.14].

В контексте Д. п.: *После рождения Александра Мария сделает всё, чтобы добиться развода с Анастасием Колонна-Валевским, и 24 августа 1812 года (в тот день Наполеон в России подойдёт к Бородино) их брак будет официально расторгнут* [Николай Троицкий. Польская жена Наполеона I, или Один из самых знаменитых романов в мировой истории // «Знание – сила», 2012].

В контексте Т. п.: *Буквально каждое действие Кутузова в 1812 году – будь то оставление Москвы, выбор позиции под Бородино, Тарутинская операция, сражение под Вязьмой – в литературе подвёргнуто критике* [Спаситель Отечества // «Родина», 1995].

В контексте П. п.: *Далее воспитанники проследовали поездом до Москвы и посетили священные для каждого воина места сражений при Бородино, Малоярославце и Вязьме* [А. Г. Колмогоров. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой (2012)].

Однако норма употребления топонимов типа *Бородино* ещё не установилась, поэтому наряду с несклоняемыми формами типа *после Бородино* широко встречаются и склоняемые формы типа *после Бородина*, например:

Р. п.: *Наполеона после Бородина все убеждали, что он победил. И сам он так считал* [Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010].

Д. п.: *И армия, которую повёл Кутузов к Бородину, была достойна своего вождя* [Е. В. Тарле. Бородино (1952)]. (К сожалению, более поздних по времени употреблений склоняемых форм дательного падежа Национальный корпус русского языка не выдаёт).

Т. п.: Тяжёлая рана, полученная под Бородином, выбила из седла любимца русской армии и, по мнению Наполеона, самого талантливого из российских военачальников – Петра Багратиона [Елена Сьянова. Пленники судьбы // «Знание – сила», 2008].

П. п.: Достаточно вспомнить Петра Ивановича Багратиона, смертельно раненного в битве при Бородине [Павел Сиркес. Труба исхода (1990–1999)].

На первый взгляд может показаться, что в современной речи несклоняемые формы топонимов на *-ин(о)*, *-ов(о)* способны широко употребляться лишь в сочетании в предложениях, т. е. в тех контекстах, где информация о падеже данного топонима оказывается переданной посредством предложения. Иными словами, кажется, что мы с большой долей вероятности можем ожидать от нашего собеседника сообщений типа *Я хотел бы побывать в Бородино*, тогда как высказывания типа *Меня восхищил пейзаж Бородино* маловероятны. Однако материалы Национального корпуса русского языка опровергают это предположение.

Как показывает корпус, несклоняемые топонимы среднего рода достаточно часто встречаются и в позиции зависимых компонентов субстантивных словосочетаний, например:

На этот раз избранником Марии стал двоюродный брат Наполеона (!), граф, дивизионный генерал и будущий (при Наполеоне III) маршал Франции, герой Аустерлица и Бородино Филипп Антуан Орнано (1784–1863) [Николай Троицкий. Польская жена Наполеона I, или Один из самых знаменитых романов в мировой истории // «Знание – сила», 2012]; *А ведь во время второй мировой в Европе проживало раза в 4–5 больше населения, чем в 1812 году (например, в огромной России в 1812 году имелось всего 25 миллионов), так что для соблюдения пропорции цифру потерь Бородино для нашего времени стоило бы увеличить до полумиллиона* [Валерий Лебедев. Умно-ленивый полководец Кутузов // Интернет-альманах «Лебедь»,

2003.09.14]; *Поданным Шереметьево, в 2009 году зафиксировано десять столкновений самолётов с птицами, однако с начала 2010 года их стало уже 21* [Сергей Колобков. В Шереметьево прикроют свалку (2010.08.18) // <http://www.rbcdaily.ru/2010/08/18/industry/503243.shtml>; 2010]; *Нужна глобальная энциклопедия конструктивизма Москвы и хотя бы Подмосковья. А не то все эти прямые углы, разлётные балконы и пирамидальные величие кубизма канет, как когда-то канули барачные застройки Измайлово и Останкино* [Александр Иличевский. Сдать Москву Родине // «Знание – сила», 2008]; *Что касается действительно благополучных районов, то, как считает Алексей Курбатов, генеральный директор НИиПИ экологии города, самый лучший в Москве, на порядок опережающий все остальные, – это Куркино. Он не только находится на западе, но и расположен за МКАД, вдобавок в нём используются щадящие природу технологии застройки. В этом уникальность Куркино, и именно поэтому он лучше других конкурентов, например, Новопеределкино* [Квартира по компасу (2004) // «Мир & Дом. City», 2004.04.15].

Впрочем, не менее часто в рассматриваемой позиции встречаются и склоняемые формы топонимов: *Рядом с повеселевшим хозяином сидели двое – лесник с лешачьей бородой и завязанным горлом (угостили из кустов утиной дробью) и бравый, весь в кудельках усач бригадир со строительства. Все они уже вытили и глядели орлами. «Так-таки-так» – чеканили дряхлые жестяные часики с огненным видом Бородина, «Так-таки-так» – и этот стрёкот успокаивал больше всего* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978)]; *Но президент Касьянова пощадил. Видимо, понимая, что даже мелкие подвиги премьера вроде планов бесконкурсной сдачи «Шереметьева» в аренду «Альфе» меркнут перед поистине наполеоновскими планами желающих послужить президенту* [Юлия Латынина. Мы увидели двойника президента // «Новая газета», 2003.01.30]; *«Можайское шоссе с обходом*

Одинцова» (так в рабочем варианте зовётся проектируемая дорога) пересечёт трассу Москва–Минск у развязки со старой Можайкой, обогнёт Одинцово с севера и, пройдя недалеко от элитных коттеджных посёлков у сёл Власиха и Лапино, соединится с Можайским шоссе у моста через речку Медвенку [Дмитрий Анохин. Почём выезд из Москвы? // «Вечерняя Москва», 2002.04.11]; Вася был запросто вхож на дачи Переделкина, а также в рублёвско-новорижские особняки Минобороны, Минюста и Газнефтепрома – и у вершителей судеб мира сего есть жёны, любовницы и дочери, коим время от времени требуется хороший акушер-гинеколог. Акушером-гинекологом Василий Илларионович Остерман был великолепным [Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009)].

Несмотря на то что автор этих строк, как представитель старшего поколения, не испытывает никаких симпатий к несклоняемым формам топонимов на *-ин(о)*, *-ов(о)*, он вынужден высказать предположение, что в будущем эти формы постепенно вытеснят склоняемые формы. Аргументом в пользу такого прогноза может служить, прежде всего, то обстоятельство, что именно несклоняемые формы характерны для речи представителей младшего поколения. Кроме того, как показывают материалы Национального корпуса русского языка, несклоняемые формы топонимов гораздо чаще встречаются в журнально-газетных текстах, тогда как для художественных текстов более характерны формы склоняемые. Однако известно, что именно журнально-газетные тексты, значительно раньше, чем тексты художественные, отражают новые тенденции в развитии языка. Наконец, самый главный аргумент состоит в том, что употребление несклоняемых форм важно для языка, поскольку снимает грамматическую неоднозначность: конструкция в *Рассказово* однозначно информирует о том, что начальная форма данного топонима – *Рассказово*, а не *Рассказов*, тогда как конструкция в *Рассказове* такой информации не несёт.

Процесс замены склоняемых форм топонимов среднего рода на *-ово*, *-ино* несклоняемыми формами имеет очевидное сходство с длительным процессом развития в русском языке грамматической категории одушевлённости. Поскольку исконные древнерусские конструкции типа *Отцьць любить сынъ* были неоднозначными (неясно, отец или сын является в данном случае субъектом состояния), то для обозначения одушевлённого объекта стали использоваться формы, омонимичные родительному падежу (*Отцьць любить сына*). При этом, как известно, вначале к категории одушевлённости стали относиться не все существительные, именовавшие людей и животных, а лишь обозначения свободных взрослых мужчин, позднее – наименования любых взрослых мужчин, затем также обозначения женщин и лишь после этого ещё и названия детей и животных [15, с. 125–127]. Однако на этом процесс не остановился. Ближе к нашему времени к категории одушевлённости постепенно стали относиться и наименования таких неживых предметов, которые обладают способностью проявлять активность, т. е. выступать не только как объекты, но и как субъекты действий. Постепенно в категорию одушевлённости вошли наименования карточных, шахматных и бильярдных фигур (*Джокер бьёт туза; Игрок жертвует ферзя*), такие слова, как *покойник, мертвец, куклы (Девочка любит своих кукол)*, а в наши дни ещё и названия различных марок автомобилей (*«Джип» подрезал «Форда»*) [16].

Таким образом, подводя общие итоги всему сказанному, можно утверждать следующее. Процесс утраты русским языком склонения у топонимов на *-ино*, *-ово* обусловлен не влиянием приказов времён Великой отечественной войны и не внутривидовыми факторами, а изменениями в условиях коммуникации в современном российском обществе, обусловленными увеличением его неоднородности. Поскольку этот процесс направлен на устранение омонимии падежных форм у существительных типа в *Рассказове* (П. п.

от *Рассказов* или от *Рассказово?*), можно считать, что он отвечает тенденциям развития русского языка и будет продолжать своё развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Д. И. Сокращённые слова в русском языке. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 346 с.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003. 304 с.
3. Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 185–267.
4. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М.: АЙРИС-пресс, 1997. 448 с.
5. Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М.: Наука, 1976. 456 с.
6. Ильина Н. Е. Рост аналитизма в морфологии // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 326–344.
7. Карцевский С. И. Язык, война и революция // Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 215–266.
8. Краткая русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М.: Русский язык, 1989. 639 с.
9. Мельников Г. П. В чём состоит своеобразие русского языка и какими факторами оно обусловлено // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 13–20.
10. Мельников Г. П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. 395 с.
11. Поликарпов А. А. Элементы теоретической социолингвистики. М.: Издательство Московского университета, 1979. 162 с.
12. Раск Р. Исследования в области древнесеверного языка, или Происхождение исландского языка // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. М.: Просвещение, 1964. С. 40–51.
13. Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование. Морфология и синтаксис современного русского языка / под ред. М. В. Панова. М.: Наука, 1968. 368 с.
14. Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926). М.: Editorial URSS, Либроком, 2017. 250 с.
15. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. 271 с.
16. Федосюк М. Ю. Джип подрезал «форда», или Существует ли в русском языке грамматическая категория одушевлённости / неодушевлённости? // Studia z Filologii Polskiej i Słowianskiej. Vol. 51. 2016. S. 73–88.
17. Федосюк М. Ю., Бакланова И. И. Наименования объектов в современной русской деловой речи с точки зрения их ориентации на восприятие адресатом // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 141–148.

REFERENCES

1. Alekseev D. I. *Sokrashchennyye slova v russkom yazyke* [The abbreviated words in the Russian language]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2010. 346 p.
2. Valgina N. S. *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke* [Active processes in modern Russian language]. Moscow, Logos Publ., 2003. 304 p.
3. Glovinskaya M. Ya. [Active processes in the grammar]. In: *Sovremennyyi russkii yazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* [Modern Russian language: Active processes at the turn of 20–21st centuries]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. pp. 185–267
4. Golub I. B. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow, AIRIS-press Publ., 1997. 448 p.
5. Graudina L. K., Itskovich V. A., Katlinskaya L. P. *Grammaticheskaya pravil'nost' russkoi rechi: Opyt chastotno-stilisticheskogo slovary variantov* [The grammatical correctness of the Russian speech: Experience frequency dictionary of stylistic variants]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 456 p.
6. Il'ina N. E. [The increase of analytism in morphology]. In: *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language of the late twentieth century (1985–1995)]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. pp. 326–344
7. Kartsevskii S. I. [Language, war and revolution]. In: *Kartsevskii S. I. Iz lingvisticheskogo naslediya* [From linguistic heritage]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. pp. 215–266.

8. Shvedova N. Yu., Lopatin V. V., eds. *Kratkaya russkaya grammatika* [A short Russian grammar]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1989. 639 p.
9. Mel'nikov G. P. [Peculiarities of the Russian language and factors which determine them]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2012, no. 2 (40), pp. 13–20.
10. Mel'nikov G. P. *Sistemnaya tipologiya yazykov: Printsipy, metody, modeli* [Systemic typology of languages: Principles, methods, models]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 395 p.
11. Polikarpov A. A. *Elementy teoreticheskoi sotsiolingvistiki* [Elements of theoretical sociolinguistics]. Moscow, Moscow University Publ., 1979. 162 p.
12. Rask R. [Studies in the Ancient North Language, or Origin of the Icelandic Language]. In: Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaniiya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. Chast' I* [History of linguistics of the XIX–XX centuries in essays and extracts. Part I]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1964. pp. 40–51.
13. Panov M. V., ed. *Russkii yazyk i sovetskoe obshchestvo: Sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie. Morfologiya i sintaksis sovremennoego russkogo yazyka* [Russian language and Soviet society: Sociological and linguistic study. The morphology and syntax of modern Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 368 p.
14. Selishchev A. M. *Yazyk revolyutsionnoi epokhi. Iz nablyudenii nad russkim yazykom (1917–1926)* [The language of the revolutionary era. From observations over the Russian language (1917–1926)]. Moscow, Editorial URSS, Librokom Publ., 2017. 250 p.
15. Stepanov Yu. S. *Osnovy obshchego yazykoznaniiya* [Foundations of General linguistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1975. 271 p.
16. Fedosyuk M. Yu. [Jeep cut in “ford”, or Does the grammatical category of animateness / inanimateness exist in Russian?]. In: *Studia z Filologii Polskiej i Słowianskiej*, vol. 51, 2016, pp. 73–88.
17. Fedosyuk M. Yu., Baklanova I. I. [Naming objects in contemporary Russian business speech in respect of their relation to the perception of the addressee]. In: *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2017, no. 2, pp. 141–148.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Федосюк Михаил Юрьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: m.fedosyuk@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail Yu. Fedosyuk – Doctor of Philology, Professor of the Department of Comparative Language Studies of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: m.fedosyuk@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Федосюк М. Ю. «Недаром помнит вся Россия про день ... Бородино», или почему перестают склоняться топонимы на *-ино, -ово* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.

FOR CITATION

Fedosyuk M. Yu. «Nedarom pomnit vsya Rossiya pro den' ... Borodino», or why toponyms ending on *-ino, -ovo* stop to be declined. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp.

УДК 81'25

DOI

АНАЛИЗ РУССКОГО ПЕРЕВОДА ЗАГОЛОВКОВ ГЛАВ РОМАНА «СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ» В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ АДАПТАЦИИ

Ху Сьюэ, Ху Гумин

Уханьский государственный университет

430000, Провинция Хубэй, г. Ухань, вучанский район, ул. Баи, д. 299, Китайская народная республика

Аннотация. Цель статьи – проанализировать заголовки глав романа «Сон в красном тереме» (с первой по восьмидесятую главу) в двух изданиях его русского перевода на уровне лексики и синтаксиса в аспекте теории адаптации и определить цель и методы перевода китайских классических произведений. Авторами произведено исследование связи теории адаптации и перевода в процессе разноуровневого анализа заголовков романа «Сон в красном тереме». Согласно теории адаптации, целью перевода китайских классических произведений и других художественных текстов является осуществление коммуникативной функции и эстетического воздействия. В статье используется теория адаптации Фершурена, сравнивается на уровне лексики и синтаксиса русский перевод заголовков глав романа «Сон в красном тереме» (главы 1–80) в двух изданиях, а также анализируются конкретные примеры перевода. Результаты исследования могут расширить знания в области теории перевода и методов перевода китайских классических произведений, а также могут быть использованы в практике перевода китайских классических произведений, имеют справочное и руководящее значение для перевода романа «Сон в красном тереме» или других произведений.

Ключевые слова: теория адаптации, русский перевод, заголовки глав, «Сон в красном тереме», китайские классические романы

ANALYSIS OF RUSSIAN TRANSLATION OF CHAPTER TITLES OF “A DREAM OF RED MANSIONS” FROM THE PERSPECTIVE OF ADAPTATION THEORY

Hu Siyue, Hu Guming

Wuhan University

Wuhan 430000, Hubei Province, People's Republic of China

Abstract. The Adaptation Theory is adopted in this paper as the theoretical framework and develops a systematic analysis of the Russian translations in chapter titles of A Dream of Red Mansions (from the first chapter to the eightieth). Two editions of Russian translations are compared from levels of vocabulary and sentence structure. Each translation method used by the translator during the process of translation must adapt to a specific purpose. The chapter titles of A Dream of Red Mansions can be considered part of the novel, whose translation purpose is to realize the communicative function and to transfer aesthetic influence.

Keywords: adaptation theory, Russian translation, chapter titles, *A Dream of Red Mansions*, Chinese classical novels

В 1999 г. Бельгийский учёный Джеф Фершурен выдвинул теорию адаптации, которая раскрывает новые перспективы в теории перевода и предлагает новые пути исследования текстов на практике. В настоящее время исследования, связанные с

теорией адаптации, ещё находятся в стадии становления в Китае, более того, большинство из выполненных представляет собой исследования англо-китайского перевода.

Заголовок главы является уникальной формой искусства создателей китайских классических романов. По сравнению с заголовками глав романа «Троецарствие», «Речные заводы» и «Путешествие на Запад», заголовки глав романа «Сон в красном тереме» имеют более высокую художественно-эстетическую и литературную ценность, обладая несомненной красотой. Многие специалисты в Китае провели исследования по переводу заголовков глав романа «Сон в красном тереме». Но надо подчеркнуть, что исследователи китайского перевода не затронули теорию адаптации при изучении переводов заголовков глав романа «Сон в красном тереме».

Чтобы проанализировать русский перевод заголовков глав романа «Сон в красном тереме» (с первой по восьмидесятую главу) в аспекте теории адаптации, в данной статье сравниваются два его переводных издания, а именно 1958 и 1995 гг. Перевод в обоих случаях был совершён одним и тем же переводчиком – В. А. Панасюком, но стихи романа были переведены Л. Н. Меньшиковым и И. В. Голубевым. Панасюк сделал перевод в соответствии с изданием Чэн И, поэтому китайская справочная литература данной работы тоже является изданием Чэн И.

1. Теория адаптации и перевод

Джеф Фершурен писал в книге «Понимание прагматики» (Understanding Pragmatics), что у языка три характеристики: изменчивость, обращаемость и адаптируемость. Изменчивость – это лингвистическая особенность, которая ограничивает сферу выбора. Обращаемость приведёт к такому результату, что выбор языка и его средств производится в соответствии с гибкими принципами и стратегиями. Адаптируемость языка гарантирует, что в процессе коммуникации его пользователи совершают компромиссное действие лингвистического выбора для их потребностей [7, 81]. Теория адаптации имеет важное значение для изучения перевода и служит руководством в его практике. Фершурен считает, что использование языка – это

процесс постоянного выбора языковых средств. Следует отметить, что «выбор» – ключевое слово в теории Фершурена. По его мнению, в процессе использования языка человек всегда сознательно или бессознательно делает лингвистический выбор. Также можно рассматривать переводческую деятельность как процесс непрерывного выбора между двумя языками, таким образом, адаптируемость языка удовлетворит коммуникативные потребности переводчика, чтобы сделать гибкий выбор в процессе перевода.

По мнению Фершурена, целью выбора языковых средств является успешное развитие коммуникации. Теория адаптации подчёркивает согласование выбора языка со средой, целью, объектом коммуникации. И в переводческой деятельности, конечно, следует руководствоваться этими правилами. Как межкультурная коммуникативная деятельность, перевод включает в себя более сложную переменную, чем одноязычная коммуникация. Каждому выбору, сделанному переводчиком в процессе перевода, нужно адаптироваться к многоярусным и многомерным целям перевода [9, 59]. С макроскопической точки зрения, перевод должен приспособливаться к разным культурам, а именно к различным политическим системам, историческим условиям, экономическим моделям, идеям, вероисповеданиям, национальным культурам и т. д. С микроскопической точки зрения, перевод должен соответствовать компонентному составу речи и структуре текста. В процессе перевода переводчик должен сначала определить свою цель, потом уточнить объект или уровень адаптации в соответствии с данной целью, чтобы избрать соответствующие методы перевода [4, 21]. Одним словом, переводчику следует определить цель перевода в связи с конкретной ситуацией. Каждому методу, выбранному переводчиком в процессе переводческой деятельности, нужно адаптироваться к определённой цели.

2. Анализ заголовков глав романа «Сон в красном тереме»

Заголовок главы является уникальной формой искусства создания китайских классических романов. Благодаря эмоциональной окраске и объёму информации заголовки глав романа «Сон в красном тереме» пользуются широкой известностью по сравнению с заголовками глав других классических романов («Троецарствие», «Речные заводи» и «Путешествие на Запад»). Они состоят из 8 китайских иероглифов, которые включают не только имена персонажей, названия местности, события, но и фразеологизмы, каламбуры, эвфемизмы [3, 273页]. Таким образом, этот экспрессивный способ выражения придаёт заголовкам глав романа «Сон в красном тереме» высокие литературно-эстетические достоинства.

Некоторые имена персонажей в романе являются «говорящими именами». Например, имена четырёх сестёр семьи Цзя («元春Юаньчунь», «迎春Инчунь», «探春Таньчунь» и «惜春Сичунь») показывают жалкую судьбу персонажей по каламбуру. В самом деле, автор Цао Сюэцинь также использовал говорящее имя и каламбур в заголовках глав романа. «葫芦案 (Дело бутылочной тыквы)» в заголовке 4-ой главы обозначает «糊涂案 (запутанное дело)» на китайском языке.

На уровне лексики использование аллюзий и фразеологизмов также является одной из специфических черт заголовков глав «Сон в красном тереме». Например, «河东吼» и «中山狼» (Гл. 79), «戏彩斑衣» (Гл. 54), «信口开河» и «寻根究底» (Гл. 39), «变生不测» и «喜出望外» (Гл. 44). На уровне синтаксиса структура заголовков глав компактная и гибкая [8, 13页]. С первой по восьмидесятую главу, по традиции разрыва предложений на китайском языке, структура большинства заголовков представляется формой «3 иероглифа – 2 иероглифа – 3 иероглифа»; структура других заголовков глав создаётся по форме «4 иероглифа – 2 иероглифа – 2 иероглифа» или «3 иероглифа – 1 иероглиф – 4 иероглифа». Например:

форма «4 иероглифа – 2 иероглифа – 2 иероглифа»:

变生不测凤姐泼醋, 喜出望外平儿理妆 (Гл. 44)

变生不测 – 凤姐 – 泼醋, 喜出望外 – 平儿 – 理妆

4 2 2 4 2 2;

форма «3 иероглифа – 1 иероглиф – 4 иероглифа»

村老老是信口开河, 情哥哥偏寻根究底 (Гл. 39)

村老老 – 是 – 信口开河, 情哥哥 – 偏 – 寻根究底.

3 1 4 3 1 4

Положение субъекта, предиката (сказуемого) и других компонентов не является фиксированным в форме «3 иероглифа – 2 иероглифа – 3 иероглифа». Сравните:

贾夫人仙逝扬州城, 冷子兴演说荣国府 (Гл. 2)

贾夫人 – 仙逝 – 扬州城, 冷子兴 – 演说 – 荣国府;

Субъект — предикат (сказуемое) субъект — предикат (сказуемое)

送宫花贾琏戏熙凤, 宴宁府宝玉会秦钟 (Гл. 7)

送宫花 – 贾琏 – 戏熙凤, 宴宁府 – 宝玉 – 会秦钟.

Субъект — предикат (сказуемое) субъект — предикат (сказуемое)

3. Анализ русского перевода заголовков глав романа «Сон в красном тереме»

Выше уже указывалось, что переводчик должен определить свою цель перевода в соответствии с реальной ситуацией перед переводческой деятельностью. По мнению И. С. Алексеевой, перевод – это процесс двуязычной коммуникации, основной задачей которой является сохранение коммуникативной функции исходного текста (далее – ИТ) в переводном тексте (далее – ПТ) [1, с. 73]. Литературные произведения относятся к таким текстам, в которых эстетическая информация занимает главное место, поэтому их перевод должен также оказывать на читателей ПТ эстетическое воздействие, тождественное с влиянием на читателей оригинала. Роман «Сон в красном тереме» относится к литературным произведениям, и его заголовки глав как часть романа должны осуществлять и коммуникативную функцию, и трансли-

ровать, возбуждать эстетическое чувство. Мы анализируем реализацию цели переводчика в русском переводе «Сон в красном тереме» на двух уровнях.

3.1 Адаптация на уровне лексики: осуществление коммуникативной функции текста

3.1.1 Эвфемизмы

Заголовки глав романа «Сон в красном тереме» содержат эвфемизмы. Хотя в русском языке много эвфемизмов, иногда невозможно добиться полной эквивалентности в переводе между русским и китайскими языками [2, 154]. Переводчик попытался достичь такого соответствия, например:

第二回 贾夫人仙逝扬州城 冷子兴演说荣国府

Глава вторая, в которой говорится о том, как жена Линь Жу-хая, урожденная Цзя, умерла в городе Янчжоу и как Лэн Цзысин рассказывал о дворце Жунго¹;

Госпожа Цзя уходит из жизни в городе Янчжоу; Лэн Цзысин ведет повествование о дворце Жунго².

Слово «*仙逝*» в китайском языке принадлежит к эвфемистическим обозначениям смерти. Автор оригинала Цао Сюэцин избегает использования слова «*死* (смерть)», чтобы показать уважение к госпоже Цзя [6, 68]. Слово «*умерла*» в русском переводе издания 1958 г. заменено на «*уходит из жизни*» в издании 1995 г. Такое изменение адаптирует эвфемистическое выражение.

第十六回 贾元春才选凤藻宫 秦鲸卿夭逝黄泉路

Глава шестнадцатая, повествующая о том, как Цзя Юань-чунь была избрана во Дворец Больших Стилистов и как в молодые годы Цинь Чжун ушел в иной мир³;

Цзя Юаньчунь становится первой управительницей дворца Больших Стилистов; юный Цинь Чжун уходит в мир иной⁴.

Китайская культура находится под сильным влиянием буддизма и даосизма. Термин «*黄泉路*» происходит от даосизма и также является эвфемистическим выражением смерти. При переводе терминов или ноуменов, касающихся религии, переводчику трудно добиться полного соответствия между ПТ и ИТ. «*Уходит в мир иной*» в двух изданиях перевода адаптирует эвфемистическое выражение смерти, хотя такой перевод не поможет читателям ПТ понять культурный смысл оригинального текста.

3.1.2 Аллюзия

Перевод аллюзий всегда был проблемой. Трудно перевести аллюзии с помощью аллюзий. Это требует адаптации к определённой цели перевода, то есть реализации коммуникативной функции текста. Например:

第二十三回 西厢记妙词通戏语 牡丹亭艳曲警芳心

Глава двадцать третья, повествующая о том, как строки из «Западного флигеля» запали в душу молодого человека и как арии из пьесы «Пионовая беседка» растрогали нежное сердце девушки;

Строки из драмы «Западный флигель» трогают душу молодого человека; слова из пьесы «Пионовая беседка» ранят сердце юной девы⁵.

«*Пионовая беседка (牡丹亭)*» и «*Западный флигель (西厢记)*» являются известными драмами в Китае. Из-за отсутствия глубоких фоновых знаний о китайской культуре читатели ПТ не понимают смысла этих двух аллюзий в заголовке главы [10, 176]. Поэтому переводчик добавил слово «*драма*» в издании 1995 г., чтобы читатели ПТ могли лучше понять перевод.

¹ Цао Сюэ-цин. Сон в красном тереме. Том I / перевод В. А. Панасюка. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 38.

² 曹雪芹著, 弗·帕纳秀克 伊·戈卢别夫译. 红楼梦 (汉俄对照) [M], 北京, 人民文学出版社, 2016. 43 页.

³ Цао Сюэ-цин. Сон в красном тереме. Том I / перевод В. А. Панасюка. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 209.

⁴ 曹雪芹著, 弗·帕纳秀克 伊·戈卢别夫译. 红楼梦 (汉俄对照) [M], 北京, 人民文学出版社, 2016. 447 页.

⁵ Цао Сюэ-цин. Сон в красном тереме. Том I / перевод В. А. Панасюка. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 314.

第四十五回 金兰契互剖金兰语 风雨夕闷制风雨词

Глава сорок пятая, в которой речь пойдёт о том, как дружескими речами скреплён был дружеский союз и как в ненастный вечер были сочинены стихи о ненастье¹;

Дружескими речами девушки скрепляют дружеский союз; ненастным вечером Дайюй сочиняет стихи о ненастье².

В исходном тексте слово «金兰» происходит из книги «И Цзин», означает 'крепкую дружбу'. А его перевод может привести к потере культурного смысла оригинального текста. Тем не менее, такой перевод удовлетворяет потребности читателей, помогает правильно понимать смысл и обеспечивает реализацию коммуникативной функции текста.

第七十九回 薛文起悔娶河东吼 贾迎春误嫁中山狼

Глава семьдесят девятая, из которой читатель узнает о том, как Сюэ Пань взяла в жены сварливую девушку и как Инчунь вышла замуж за жестокого молодого человека³;

Сюэ Пань берет в жены сварливую девицу; Инчунь выдают замуж за жестокого юношу⁴.

«河东吼» и «中山狼» в этом заголовке происходят из древних китайских книг. «河东吼», т. е. идиома «河东狮吼», используется для описания сварливых женщин. И «中山狼» – 'неблагодарный человек' [11, 1270]. Эти два аллюзивных образа незнакомы иностранным читателям, но для того, чтобы они поняли смысл данного заголовка главы, переводчик транслировал «河东吼» и «中山狼» с помощью буквального перевода. Хотя образы животных «лев» и «волк» в этих двух аллюзиях утеряны, та-

кой перевод соответствует цели переводчика.

3.1.3 Каламбур

Каламбур представляет собой трудность в переводе литературных текстов, даже является непередаваемой их частью. Из-за различий между русским и китайским языком скрытый смысл слов в китайских литературных текстах, который выражен через каламбур, редко восстанавливается в русском переводе. Например:

第一回 甄士隐梦幻识通灵 贾雨村风尘怀闺秀

Глава первая, повествующая о том, как Чжэнь Ши-инь в чудесном сне узнал об изумительной яшме и как Цзя Юй-цунь в мирской пыли мечтал о подруге жизни ;

Чжэнь Шиинь видит в чудесном сне одушевленную яшму; Цзя Юйцунь в суетном мире мечтает о прелестной девице⁵.

Китайские читатели, знакомые с романом «Сон в красном тереме», должны знать, что имена персонажей «甄士隐» и «贾雨村» являются смысловыми антропонимами. Имя «甄士隐» значит 'скрывать факты', а имя «贾雨村» значит, что этот персонаж 'всегда врёт'. Обычно для формирования корпуса собственных имён произведения переводчик использует транслитерацию как основной способ. Однако транслитерация только способствует реализации коммуникативной функции текста, и без какого-то компенсационного средства перевода читателю ПТ трудно понять скрытый смысл такого имени в оригинальном тексте. В самом деле, это тоже происходит в русских литературных произведениях. В произведениях Чехова часто встречаются такие имена, которые известны как «говорящие имена» [5, 229]. Например, в рассказе «Смерть чиновника» фамилия персонажа Червякова происходит от слова «червяк», намекает на пугливость этого персонажа и его незначительность. Без помощи компенсации переводчик может выполнить коммуникативную функцию перевода в переводе, но

¹ 曹雪芹著, 弗·帕纳秀克 伊·戈卢别夫译. 红楼梦 (汉俄对照) [M], 北京, 人民文学出版社, 2016. 693页.

² Цао Сюэ-цин. Сон в красном тереме. Том I / перевод В. А. Панасюка. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 620.

³ 曹雪芹著, 弗·帕纳秀克 伊·戈卢别夫译. 红楼梦 (汉俄对照) [M], 北京, 人民文学出版社, 2016. 1401页.

⁴ Цао Сюэ-цин. Сон в красном тереме. Том II / перевод В. А. Панасюка. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 288.

⁵ Цао Сюэ-цин. Сон в красном тереме. Том I / перевод В. А. Панасюка. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 21.

потеря внутреннего культурного смысла неизбежна. Переводчик может использовать транслитерацию вместе с примечанием при переводе этих имён в литературных произведениях. Несмотря на то, что Панасюк отпустил примечание имени «

» в переводе этого заголовка главы, в следующем тексте он добавил комментарий: а героя этой истории назвал Чжэнь Шиинь – *Скрывающий подлинные события*.

第四回 薄命女偏逢薄命郎 葫芦僧乱判葫芦案

Глава четвертая, которая повествует о том, как юноша с несчастной судьбой повстречался с несчастной девушкой и как послушник из храма Хулумяо помог разрешить запутанное дело¹;

Юноша с несчастной судьбой встречает девушку с несчастной судьбой; послушник из храма Хулумяо помогает решить трудное дело².

Первый «葫芦» в ИТ имеет в виду храм Хулумяо, а второй «葫芦» значит 'бестолковый'. Второй «葫芦» переведён как «запутанное дело» и «трудное дело». Перевод издания 1958 г. ближе к значению оригинального «葫芦», чем издание 1995 г. Из-за языковых различий между русским и китайским каламбур всегда не переводится, поэтому переводчик должен уделять приоритетное внимание передаче референтного значения смысла каламбура.

3.2 Адаптация на уровне синтаксиса: передача эстетического чувства литературного текста

Структура предложений является одним из важных факторов, обуславливающих эстетическое воздействие литературных текстов. В. А. Панасюк регулировал структуру предложений, составляющих заголовки глав, когда вновь перевёл роман «Сон в красном тереме» в 1995 г. В отличие от перевода издания 1958 г., структура предложений перевода издания 1995 г. ближе к структуре предложений ИТ. Из-за

разницы в синтаксисе между китайским и русским языками почти невозможно достичь цели перевода, чтобы добиться единства структуры предложений перевода и оригинала текста. Тем не менее, переводчик всё же пытался воспроизвести формальную красоту оригинального текста, передать эстетическую информацию и обеспечить эстетическое влияние заголовков глав романа «Сон в красном тереме» на целостный текст. Например:

第十九回 情切切良宵花解语 意绵绵静日玉生香

Чудесной ночью цветок раскрывает бурные чувства; тихим днем яшма источает волшебное благоухание³.

Структура ИТ является формой «3 иероглифа – 2 иероглифа – 3 иероглифа». Положения слов «良宵» и «静日» регулированы началом предложения в русском переводе. Структура предложения перевода становится формой «обстоятельство времени + субъект + предикат (сказуемое) + дополнение». Число слов первой половины перевода такое же, как и во второй половине, т.е. субъект представляется одним словом, за сказуемым следует дополнение, а форма дополнения – «прилагательное + существительное». Хотя парный звук в словосочетаниях «情切切» и «意绵绵» не вновь появляется в переводе, переводчик воспроизводит стройность и симметрию исходного предложения. Такая же регулировка структуры предложения появляется в переводе 23-ей главы.

第二十三回 西厢记妙词通戏语 牡丹亭艳曲警芳心

Строки из драмы «Западный флигель» трогают душу молодого человека; слова из пьесы «Пионовая беседа» ранят сердце юной девы⁴.

В оригинале конструктивно «西厢记» соответствует «牡丹亭», «妙词» соответствует «艳曲», «通戏语» соответствует «警芳心». Структура предложения оригинала

¹ 曹雪芹著, 弗·帕纳秀克 伊·戈卢别夫译. 红楼梦 (汉俄对照) [M], 北京, 人民文学出版社, 2016. 3页.

² Цао Сюэ-цин. Сон в красном тереме. Том I / перевод В. А. Панасюка. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 67

³ 曹雪芹著, 弗·帕纳秀克 伊·戈卢别夫译. 红楼梦 (汉俄对照) [M], 北京, 人民文学出版社, 2016. 109页.

⁴ 曹雪芹著, 弗·帕纳秀克 伊·戈卢别夫译. 红楼梦 (汉俄对照) [M], 北京, 人民文学出版社, 2016. 565页.

отражается формой «3 иероглифа – 2 иероглифа – 3 иероглифа». Панасюк также сохраняет стройность и симметрию ИТ при переводе, число слов первой половины перевода такое же, как и во второй половине. Кроме того, «西厢记妙词» и «牡丹亭艳曲» переведено в целом. Переводя значение ИТ, он изящно сохраняет формальную красоту в оригинале. Такой перевод руководствуется целью трансляции особенностей именно литературного текста: ПТ не только выполняет самые основные задачи коммуникации, но также оказывает на читателя ПТ эстетическое воздействие, тождественное с влиянием на читателей ИТ.

第三十四回 情中情因情感妹妹 错里错以错劝哥哥

Чувство, заключённое в чувстве, расстраивает младшую сестру; ошибка, заключённая в ошибке, убеждает старшего брата.

Структура этого заголовка главы тоже отвечает форме «3 иероглифа – 2 иероглифа – 3 иероглифа», т. е. в предложении две паузы. Таким образом, предложение стройное и задающее ритм. Нетрудно видеть и то, что переводчик полностью сохраняет ритм предложения оригинала. В то же время он использовал выражения «чувство, заключённое в чувстве» и «ошибка, заключённая в ошибке», чтобы соответствовать «情中情» и «错里错» в оригинале.

Анализируя и сравнивая, мы обнаруживаем, что В. А. Панасюк стремится к передаче эстетической информации в русском переводе издания 1995 г. Но переводчик не представляет симметрию структуры предложения в каждом переводе заголовков глав романа «Сон в красном тереме», ввиду того, что: 1) в заголовках глав романа «Сон

в красном тереме» отражает такую особенность мастерства автора оригинала, как передача богатых, разнообразных смыслов минимальными средствами языка; 2) учитывает грамматические различия между русским и китайским языками; 3) в ИТ существуют некоторые маленькие структурные изъяны. Однако это не отменяет того, что русский перевод заголовков глав романа «Сон в красном тереме» передаёт эстетическое чувство автора оригинала и оказывает художественно-эстетическое воздействие на читателя ПТ.

4 Заключение

Согласно теории адаптации, каждый метод перевода, используемый переводчиком, должен адаптироваться к конкретной цели перевода, выбранной перед началом работы. Иными словами, переводчик должен выбрать соответствующий метод перевода, с точки зрения адаптации. Заголовки глав романа «Сон в красном тереме», как актуальная часть романа, выполняют как коммуникативную функцию, так и эстетическую функцию художественного текста. В этой статье мы можем по итогам анализа сделать следующие выводы: 1) каждый метод, выбранный переводчиком, должен быть применён для реализации в их текстовой функции в ПТ эвфемизмов, аллюзий или каламбуров, имевшихся в ИТ; 2) передача структуры предложений ИТ обусловлена целью сохранения эстетического воздействия оригинального текста. Кроме того, анализ перевода заголовков глав романа «Сон в красном тереме» имеет справочное и методическое значение для анализа перевода романа «Сон в красном тереме» или других китайских классических романов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И. С. Текст и перевод (вопросы теории). М.: Международные отношения, 2008. 180 с.
2. 胡谷明主编. 苏俄翻译理论导读[M], 武汉, 武汉大学出版社, 2016.
3. 李英然. 红楼梦的回目叙事策略[J], 红楼梦学刊, 2014年第1期, 267-285页.
4. 宋志平. 翻译: 选择与顺应——语用顺应论视角下的翻译研究[J], 中国翻译, 2004年第3期, 19-23页.
5. 杨仕章. 文化翻译论略[M], 北京, 军事谊文出版社, 2003.
6. 杨文飞. 顺应视角下《红楼梦》霍译本章回标题翻译探析[J], 宿州学院学报, 2016年第31卷第5期, 67-69页.
7. 耶夫·维索尔伦著, 钱冠连 霍永寿译. 语用学诠释[M], 北京, 清华大学出版社, 2003.

8. 苑光红. 《红楼梦》俄译本回目的翻译美学比较研究——帕纳休克1958年和1995年两译本比较[D], 内蒙古大学, 2012.
9. 张宁. 语境顺应观下的修辞格翻译——《红楼梦》回目之个案分析[J], 长春理工大学学报(社会科学版), 2011年第24卷第11期, 59-62页.
10. 章小凤. 《红楼梦》俄译本中文化空缺[D], 北京外国语大学, 2015.
11. 朱丽丹, 毛嘉薇. 关联理论视角下的《红楼梦》回目中典故的翻译[J], 海外英语, 2016年第17期, 126-127页.

REFERENCES

1. Alekseeva I. S. *Tekst i perevod (voprosy teorii)* [Text and translation (theory questions)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2008. 180 p.
2. 胡谷明主编. 苏俄翻译理论导读[M], 武汉, 武汉大学出版社, 2016.
3. 李英然. 红楼梦的回目叙事策略[J], 红楼梦学刊, 2014年第1期, 267-285页.
4. 宋志平. 翻译: 选择与顺应——语用顺应论视角下的翻译研究[J], 中国翻译, 2004年第3期, 19-23页.
5. 杨仕章. 文化翻译论略[M], 北京, 军事谊文出版社, 2003.
6. 杨文飞. 顺应视角下《红楼梦》霍译本章回标题翻译探析[J], 宿州学院学报, 2016年第31卷第5期, 67-69页.
7. 耶夫·维索尔伦著, 钱冠连 霍永寿译. 语用学诠释[M], 北京, 清华大学出版社, 2003.
8. 苑光红. 《红楼梦》俄译本回目的翻译美学比较研究——帕纳休克1958年和1995年两译本比较[D], 内蒙古大学, 2012.
9. 张宁. 语境顺应观下的修辞格翻译——《红楼梦》回目之个案分析[J], 长春理工大学学报(社会科学版), 2011年第24卷第11期, 59-62页.
10. 章小凤. 《红楼梦》俄译本中文化空缺[D], 北京外国语大学, 2015.
11. 朱丽丹, 毛嘉薇. 关联理论视角下的《红楼梦》回目中典故的翻译[J], 海外英语, 2016年第17期, 126-127页.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ху Сьюэ – докторантка факультета русского языка и литературы Института иностранных языков Уханьского государственного университета;

e-mail: 248072742@qq.com

Ху Гумин – доктор филологических наук, профессор, замдиректора Института иностранных языков Уханьского государственного университета;

e-mail: mishahu324@aliyun.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Hu Siyue – degree-seeking candidate at the Russian department School of Foreign Languages and Literature, Wuhan University;

e-mail: 248072742@qq.com

Hu Guming – Doctor of Philological Sciences, Professor, Associate Dean of School of Foreign Languages and Literature, Wuhan University;

e-mail: mishahu324@aliyun.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ху Сьюэ, Ху Гумин. Анализ русского перевода заголовков глав романа «Сон в красном тереме» в аспекте теории адаптации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. ???-???.

FOR CITATION

Hu Siyue, Hu Guming. Analysis of Russian translation of chapter titles of “A dream of red mansions” from the perspective of adaptation theory. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp. ???-???.

РАЗДЕЛ VI. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

III МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ» (8-12 ИЮНЯ 2019 Г., ЯЛТА)

Титаренко Е. Я.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

295007, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, д. 4, Республика Крым, Российская федерация

III INTERNATIONAL SYMPOSIUM “RUSSIAN IN A MULTICULTURAL WORLD” (JUNE 8-12, 2019, YALTA)

E. Titarenko

V. I. Vernadsky Crimean Federal University

4 prospekt Akademika Vernadskogo, Simferopol 295007, Republic of Crimea, Russian Federation

Первый Международный фестиваль «Великое русское слово» состоялся в Крыму в 2007 г. в ознаменование Года русского языка. Время для проведения Фестиваля было выбрано не случайно: **6 июня** – день рождения А. С. Пушкина, **12 июня** – День России. С тех пор и до настоящего времени в программе Фестиваля множество разнообразных общественно-политических, научных и культурных мероприятий, которые проводятся в разных уголках Крымского полуострова.

Фестиваль проводит Государственный Совет и Совет министров Республики Крым. В числе основных событий Фестиваля с 2007 г. **была научно-практическая конференция «Русский язык в поликультурном мире»**, проводившаяся в г. Ялте, в Ливадийском дворце и в санатории «Россия» (сейчас – СОК «Россия»). В 2017 г. конференция была возведена в ранг симпозиума, организаторами которого являются Министерство образования, науки и молодёжи РК и Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. В международный научный комитет Симпозиума входят доктора филологиче-

ских наук, профессора **Г. Ю. Богданович** (Симферополь), **И. П. Зайцева** (Витебск, Беларусь), **О. С. Иссерс** (Омск), **Е. М. Маркова** (Москва), **Т. В. Миллиаресси** (Лилль, Франция), **Е. Я. Титаренко** (Симферополь) и другие.

В 2019 г. состоялся XIII Международный фестиваль «Великое русское слово» и III Международный симпозиум «Русский язык в поликультурном мире», собравший участников из 7 Федеральных округов РФ, а также из зарубежных стран: Беларуси, Казахстана, Польши, Китая, Сербии, Словении, США, Турции и др. С докладами выступили как маститые учёные – доктора и кандидаты наук, представители академических институтов РАН и ведущих университетов страны, так и молодые исследователи: аспиранты, магистранты, студенты.

Как обычно, весьма представительной была крымская делегация, в состав которой вошли более 50 учёных-филологов из Симферополя, Севастополя, Ялты, Алупки, Нижнегорска, представляющие Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Крымский ин-

дустриально-педагогический университет, Севастопольский филиал МГУ им. М. В. Ломоносова, а также директора и учителя общеобразовательных учебных заведений Республики Крым.

Материалы симпозиума опубликованы в двух томах сборника «Русский язык в поликультурном мире» (Симферополь: Издво «Ариал», 2019) и размещены в РИНЦ.

В программе симпозиума **пленарные заседания, заседания секций** «Русский язык в мировом контексте»; «Преподавание русской словесности в школе и вузе»; «Социолингвистика. Медиалингвистика. Юридическая и политическая лингвистика»; «Филологический анализ художественного дискурса: подходы, методики, аспекты»; три **Круглых стола**: «Русский язык в Республике Крым», «Русский язык в сфере городской коммерческой номинации» и «Ассоциативный эксперимент в изучении языкового сознания»; **мастер-класс** доцента Санкт-Петербургского университета **О. И. Глазуновой** «Русский язык и культура речи: трудные случаи современного словоупотребления» и **панельная дискуссия** «Территориальное членение современного русского языка: диалекты, региолекты, просторечие», которую организовал доктор филологических наук, профессор **В. И. Теркулов** (Донецк).

Открытие симпозиума и первое пленарное заседание под руководством декана факультета славянской филологии и журналистики КФУ имени В. И. Вернадского профессора **Г. Ю. Богданович** и главного научного сотрудника Уральского государственного педагогического университета профессора **А. П. Чудинова** (Екатеринбург) состоялось **9 июня 2019 г.** В пленарных докладах были представлены основные направления работы симпозиума: лингвистика, социолингвистика, литературоведение, методика преподавания русского языка как родного и как иностранного, диалектология, проблемы высшего образования и положение учёного в РФ.

С докладом «*Ключевые для современной эпохи словообразовательные модели в русском языке*» выступила профессор МГУ

имени М. В. Ломоносова **Е. В. Петрухина** (Москва). Заведующая сектором этнопсихоллингвистики Института языкознания РАН доктор филологических наук, профессор **Н. В. Уфимцева** (Москва) представила вниманию собравшихся доклад «*Власть и авторитет в языковом сознании и системе ценностей русских*». С искренним интересом были восприняты учёными доклады профессора-литературоведа из Симферополя **В. В. Орехова** («*Клеветникам России: к пониманию авторской позиции*»); декана факультета филологии и медиакоммуникаций Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского профессора **О. С. Иссерс** («*Представления о культуре русской речи через призму молодежного сознания*»); заведующего кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Университета Лобачевского профессора **Т. Б. Радбиля** (Нижний Новгород), представившего «*Анализ фантазийных наименований в лингвистической экспертизе товарных знаков*».

Кандидат филологических наук **Е. А. Давиденко** (Оаха, США) познакомила участников симпозиума с опытом работы GOOGLE классов в системе высших учебных заведений США. Традиционно большой интерес у коллег вызывают доклады диалектолога, старшего научного сотрудника Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН **О. Г. Ровновой** (Москва), которая в этот раз продемонстрировала возможности использования Русского диалектного гизауруса в исследованиях старообрядческих говоров Южной Америки.

Завершили пленарное заседание доклады профессоров **А. Л. Шарандина** (Тамбов) «*Классификация морфем и их отражение в разборе слова по составу*» и **А. П. Чудинова** (Екатеринбург) «*Современные российские лингвисты в зеркале РИНЦ: публикационная активность и индекс Хирша*».

В тот же день **9 июня** состоялись заседания круглых столов «*Русский язык в сфере городской коммерческой номинации*»

(руководители – **Е. Н. Ремчукова** (Москва) и **Т. Б. Радбиль** (Нижний Новгород) и «Русский язык в Республике Крым» (руководители – **Т. В. Аржанцева** и **Н. А. Сегал**, Симферополь). Работа круглого стола «Русский язык в сфере городской коммерческой номинации» продолжила научную дискуссию, начатую на предыдущем симпозиуме¹. С интересными и яркими докладами выступили профессора **Е. Н. Ремчукова** (Москва), **Е. Я. Титаренко** (Симферополь), **И. Н. Пономаренко** (Краснодар), **И. А. Герасименко** (Горловка), в дискуссию включились доценты **В. И. Ковалев** (Луганск), **В. А. Крыжановская** (Краснодар), **Е. Л. Ачилова** (Симферополь) и другие участники заседания.

10 июня в течение всего рабочего дня проходили заседания двух больших секций: «Русский язык в мировом контексте» (под руководством профессоров **Е. М. Марковой** (Москва) и **В. И. Теркулова** (Донецк) и «Преподавание русской словесности в школе и вузе» (сначала под руководством доцентов **Е. Ю. Николенко** (Москва) и **Е. М. Шаховой** (Симферополь), а во второй половине дня – профессоров **Е. В. Архиповой** (Рязань) и **С. С. Хромова** (Москва). Оргкомитет впервые предпринял такое укрупнение секций, что вызвало одобрение участников. Результатом такого объединения исследователей разных направлений в языкознании и в методике стала широкая аудитория коллег, принявших участие в работе обеих секций, активное обсуждение докладов, интерес участников к поднимаемым проблемам, и, как итог, всеобщее удовлетворение работой.

Утром **10 июня** состоялся мастер-класс доцента СПбГУ, кандидата филологических наук **О. И. Глазуновой** (Санкт-Петербург) «Русский язык и культура речи: трудные случаи современного словоупотребления», привлёкший внимание значительной части коллег-преподавателей высшей школы, которых волнуют проблемы дис-

циплины «Русский язык и культура речи» и её места в современном образовательном процессе. Важным результатом работы секции и мастер-класса стало предложение участников симпозиума **обратиться в Министерство науки и высшего образования РФ с просьбой включить дисциплину «Русский язык и культура речи» в базовую часть учебных планов для всех направлений и профилей.**

Методисты-преподаватели русского языка как иностранного, (подсекция ««Лингводидактика. Современные технологии в преподавании РКИ») были, как всегда, очень активны и продуктивны. С глубокими и интересными докладами выступили **Е. Ю. Николенко** (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова), **Г. М. Васильева**, **Ли Юецзяо** (Санкт-Петербург), **Т. А. Наймушина** (Астрахань), **И. Ю. Гранева** (Нижний Новгород), **Е. М. Шахова** (Симферополь), коллектив авторов из Минска (Беларусь) и Курска (РФ) **Н. Э. Петрова**, **Е. И. Гринкевич**, **И. А. Ковынева**, **Т. Н. Мельникова** и многие другие специалисты-преподаватели РКИ, которые регулярно встречаются на симпозиуме, устанавливают межвузовские и профессиональные связи, налаживают взаимодействие по проектам, научным проблемам, планируют совместные публикации и методические разработки.

В программу III Международного симпозиума традиционно входит Круглый стол «Ассоциативный эксперимент в изучении языкового сознания» под руководством профессора **Н. В. Уфимцевой** (Москва). На заседании этого круглого стола обсуждаются вопросы научного сотрудничества сектора этнопсихолингвистики ИЯ РАН и факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии КФУ имени В. И. Вернадского по теме исследования «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)» (работа поддержана грантом РФФИ № 19-012-00295).

¹ См. резолюцию круглого стола «Лингвистика креатива. «Гибридизация» русской графики» на сайте Симпозиума, URL: <http://www.ruslan2016.cfuv.ru/> (дата обращения: 10.09.2019).

11 июня работали секции «Филологический анализ художественного дискурса: подходы, методики, аспекты» под руководством заведующей кафедрой мировых языков Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, доктора филологических наук, профессора **И. П. Зайцевой** (г. Витебск, Беларусь), и «Социалингвистика. Медиалингвистика. Юридингвистика и политическая лингвистика», возглавляемая профессорами **О. Е. Павловской** (Краснодар) и **В. В. Смеюха** (Ростов-на-Дону).

Во второй половине дня состоялась панельная дискуссия и заключительное пленарное заседание, на котором участники симпозиума вновь обратились к волнующей всех учёных проблеме оценивания их труда в виде чисто количественных показателей публикационной активности, индексов цитирования (индекс Хирша), публикаций в англоязычных зарубежных журналах, входящих в различные наукометрические базы (**Scopus, WoS и др.**), рекламирующих и вынуждающих учёных цитировать свои же статьи, и другие проблемы, поднимаемые как в России, так и за рубежом.

В резолюции Симпозиума была высказана поддержка решений VI Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.) в части выявления серьёзных проблем в организации обучения русскому языку, неправомерном занижении статуса научных публикаций и изданий на русском языке, а также по сути обращения в Совет по русскому языку при Президенте РФ, Министерству просвещения и Министерству науки и высшего образования РФ (пункты 5 и 6)¹.

По итогам работы симпозиума были приняты решения:

Отметить высокий научно-теоретический уровень представленных на симпозиуме докладов, подтверждающий статус симпозиума как научного бренда Фестиваля «Великое русское слово».

Поддержать декларации, манифесты, выступления в средствах массовой информации и социальных сетях отечественных и зарубежных учёных, обеспокоенных принудительной «англизацией» науки и высшего образования; требованиями обязательной публикации результатов научных исследований, в том числе по русскому языку и русской литературе, в зарубежных журналах, индексируемых в Scopus, WoS, изменить принципы наукометрического подхода к оценке научных трудов и личного вклада учёного (перейти от количественных показателей к качественным).

Приветствовать участие в работе симпозиума молодого поколения исследователей – аспирантов, магистрантов и студентов.

Выразить благодарность руководителям секций и пленарных заседаний за продуктивную работу, чёткую организацию и ведение заседаний, тёплую дружескую атмосферу и высокий научный уровень дискуссий.

Признать работу III Международного симпозиума «Русский язык в поликультурном мире» плодотворной, прошедшей на высоком научно-методическом уровне, высказать благодарность Организационному комитету XIII Международного Фестиваля «Великое русское слово» и международному программному научному комитету симпозиума.

Следующий, IV Международный симпозиум «Русский язык в поликультурном мире» состоится 8–12 июня 2020 г. в Республике Крым, его проблематика будет расширена и дополнена, организационный комитет обновлён, и мы приглашаем всех коллег – заинтересованных, неравнодушных, творческих – принять в нём участие!

¹ См. Итоги работы и решения VI международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» [Электронный ресурс]. URL: http://rlc2019.philol.msu.ru/docs/Reshenie_RLC2019.pdf (дата обращения: 10.09.2019)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Титаренко Елена Яковлевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского;
e-mail: elenatit@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Ya. Titarenko – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of methods of teaching philological disciplines at the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Taurian Academy of Vernadsky Crimean Federal University;
e-mail: elenatit@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Титаренко Е. Я. III Международный симпозиум «Русский язык в поликультурном мире» (8–12 июня 2019 г., Ялта) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С.
DOI:

FOR CITATION

Titarenko E. Ya. III International symposium “Russian in a multicultural world” (june 8–12, 2019, Yalta). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 5. pp. .
DOI: